ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Ѳедоромъ Кони.

ТОМЪ II.

АПРѢЛЬ — КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ.

1852.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было узаконенное число экземпляровъ въ Цензурный Комитетъ. Апрѣля 22-го дня 1852 года.

Цензоръ *Н. Пейкеръ*.

ТИПОГРАФІЯ ЭДУАРДА ВЕЙМАРА.

Книжка четвертая, апрель.

I. Изящная словесность.

Свадьба Викторины. Комедия в трех действиях. Соч. Жорж Санд. Перевод Василько Петрова. (С. 3-56).

Переметная жизнь. Странствия, приключения и похождения Петра Иваныча Пустошкина. Соч. В. И. Савинова. (С. 1-52).

Приятный дом. Дагерротипный оттиск. П. Доленго. (С. 1-20).

II. История и теория искусства.

Томас Мур. Статья Г. Горковенко. (С. 1-8).

Алексей Егорович Егоров. П. П. Каменского. (С. 9-18).

III. Критика.

Бетховен и три его стиля. Книга г. Ленца. Серова. (С. 1-40).

IV. Смесь.

«Мавры в Испании и в Африке». Из современных записок доктора Триплина. Статья вторая. – Княжна из дома Боабдиль. – Городок Алмонте. Глухонемые сестры. – Тертулии. – Патервикарий. – Donna Maria Pastora de Dias Serenos y Torres Allamillas. – Богатая растительность. – Песнь о шаре Боабдиле. – Княжна из дома Зегридо. – Картина Клод-Лоррена. – «Очерки английских нравов», Чарльза Диккенса. – «Быт современного Востока», Е. С. Македонского. – Китайский город. – Внешнее и внутреннее устройство домов. – Земледелие. – Обряд землепашества. Рис. – Чай. – Сахарный тростник. – Виноделие и разные замечательные деревья. – Пища. – Табак и опиум. – Ароматы. – Семейный быт. Обряд бракосочетания. – Права супругов. – Воспитание детей. – Вежливость. – Письмо. – Званый обед. – Театр. – Развлечения. – Рыбная ловля. – Разведение уток. – Свиньи. – Шелковые черви. – Наружность китайца и замечания о разных отраслях мануфактурной промышленности. «Американские пуффы». Н. П. Каменского. – Волосы, по данным докотра Паризе. – Степь и ее эпизоды. – Тифлис. – Разные разности. – Остаток большой армии и нос. Дебют одного актера. – Коллекция нюхательных табаков графа Гаррингтона. – Автор «Манон Леско». – Неосторожная шутка. – Музыкальное известие. – Гора Загара. – Чудесное открытие. (С. 1-106).

V. Московский вестник.

Литература: статьи «Москвитянина», о которых не было сказано в первый раз: «Бедная невеста», г. Островского; «Ипохондрик», г. Писемского; «Русская литература в 1851 году», г. Григорьева. – Мартовские книжки «Москвитянина»: «О состоянии и значении эстетической критики», г. Е. Ciriosa. – «Пропилеи», сборник профессораЛеонтьева, выпуск II. – «Раут», сборник г. Смирнова. – «Изба», издание г. Горчакова. – Театр и концерты; о г. Контском: музыкальные мизерии. – Бедность городских новостей. –

Впечатление дебаркадера железной дороги. – Метеорологические наблюдения. (С. 1-18).

VI. Петербургский вестник.

Распространение и причина успеха журналов. – «Современник» и толки о нем. – Статьи первых трех книг. – «Смедовская долина». – Дарование и вычурность. – Картинность описаний г. Григоровича. – «Капитан Тольди». – Великосветские повести с страдальцами, полными самотвержения. – Г. Ростислав и его предисловие. – Превращение мелодии в риторику. – Отчего хорошие музыканты не бывают хорошими писателями? – Что собственно выражает музыка. – «Три встречи» г. Тургенева. – Картина южной и северной ночи. – Пропажа «Иностранной литературы» в «Современнике» и «Отечественных записках». – Г. Писемский, и писатели идущие вспять. – Пародия и стихи «Современника». – «Энеида», г. Шершевича. – Науки и Смесь. – Критика и разбор «Племянницы». – Заметки Нового Поэта. – «Сын Отечества». – Наружность журнала, и его повести. – Стихотворцы «Сына Отечества». – Русский Ньютон и его открытия. – Разбор «Денщика» г. Кукольника, в отношении к языку. – Концерты. – Моды. (1-40).

VII. Репертуар русской сцены. № 4.

Старина. Комедия в одном действии. Соч. М. Ф. Каменской. (С. 1-14).
Разлука, та же наука. Оригинальная комедия в одном действии, в стихах, П. И. Григорьева 1. (С. 1-36).

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

СВАДЬБА ВИКТОРИНЫ

КОМЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

СОЧИНЕНІЕ

ЖОРЖА ЗАНДА.

ПЕРЕВОДЪ

Василько-Петрова.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

ВАНДЕРКЪ, богатый негоціантъ.

ЖОРЖЪ ВАНДЕРКЪ. лейтенантъ морской службы, его сынъ.

АНТУАНЪ, повѣренный Вандерка.

ФЮЛЬЖАНСЪ, одинъ изъ прикащиковъ Вандерка.

ГОСПОЖА ВАНДЕРКЪ.

СОФИ, дочь Вандерка.

ВИКТОРИНА, дочь Антуана.

СЛУГА.

Дѣйствіе происходитъ въ одномъ изъ большихъ торговыхъ городовъ Франціи, въ 1765 году.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Рабочій кабинетъ богатаго негоціанта. Направо, столъ съ бумагами и конторскими книгами; налѣво, конторка. Двѣ двери справа и слѣва и третья въ глубинѣ.

I.

ВИКТОРИНА и АНТУАНЪ.

(*Викторина сидитъ нальво; она держитъ платокъ, на колѣнахъ у нея лежитъ работа. Антуанъ стоитъ посреди комнаты*).

АНТУАНЪ. Какъ? я застаю тебя съ покраснѣвшими глазами, съ смущеннымъ видомъ, а ты опять станешь увѣрять меня, что не плакала? Или скажешь, по обыкновенію, что дѣвушки плачутъ иногда такъ, отъ нечего дѣлать.

ВИКТОРИНА. Нѣтъ, папенька, я скажу вамъ на этотъ разъ, что плачу ... потому-что мнѣ скучно.

АНТУАНЪ. Скучно? А отчего? оттого-что ты лѣнивица! Еслибъ ты была принуждена работать пятнадцать часовъ въ сутки, какъ я, то время не показалось-бы тебѣ долгимъ.

ВИКТОРИНА. Но оно кажется мнѣ не долгимъ, а скучнымъ.

АНТУАНЪ. Скучнымъ? въ такую прекрасную погоду ... Мнѣ кажется, у тебя начинаетъ умъ за разумъ заходить.

ВИКТОРИНА. А вы, папенька, становитесь слишкомъ строги! ... вы говорите со мною не ласково (*встаетъ*). Ну, скажите, за что вы, съ нѣкотораго времени, на меня сердитесь, что̀ съ вами сдѣлалось?

АНТУАНЪ. Что? ... что? (*Строго*). А то, что мнѣ некогда заниматься головокруженіями ... вашими вздорами ... (*идетъ къ своему столу*). Куда какая бѣда выйти замужъ за хорошаго человѣка! (*возвращается къ Викторинѣ, и видя, что она продолжаетъ пла-*

кать, говорить сердитымъ голосомъ). Ну, о чемъ ты плачешь? говори: я хочу знать!

ВИКТОРИНА. Право, папенька, я сама не знаю, такъ что-то: иногда, Богъ знаетъ отчего, хочется плакать, особенно съ тѣхъ поръ, какъ рѣшена моя свадьба.

АНТУАНЪ. Вамъ не угодно выходить замужъ, вѣрно, потому-что я этого хочу. Не такъ-ли?

ВИКТОРИНА. Я не говорю этого...

АНТУАНЪ. Вы не любите Фюльжанса?

ВИКТОРИНА. Я люблю его...

АНТУАНЪ. Нѣтъ, нѣтъ, вы находите, что онъ нестоитъ васъ: онъ не свѣтскій человѣкъ, не красавецъ...

ВИКТОРИНА. О! для меня онъ хорошъ.

АНТУАНЪ. Ты не цѣнишь въ немъ главнаго достоинства: честности...

ВИКТОРИНА. О! что вы говорите!

АНТУАНЪ. Онъ недовольно занимается вами, не умѣетъ вамъ понравиться, а я ... я не умѣлъ выбрать зятя. Не такъ-ли?

ВИКТОРИНА. Ахъ, да нѣтъ, нѣтъ, Боже мой, нѣтъ!

АНТУАНЪ. Такъ чего-же тебѣ хочется? какого тебѣ еще нужно жениха? ты презираешь отцовское званіе! Прикащикъ, человѣкъ трудящійся, фи! какъ можно! Вамъ нужно маркиза, князя?

ВИКТОРИНА. Смѣйтесь надо мною, сколько угодно, папенька; а я боюсь, что буду любить своего мужа не такъ, какъ бы онъ желалъ... что ему не понравится мой характеръ ... что я для него слишкомъ легкомысленна ... Мнѣ кажется, наконецъ, что въ семнадцать лѣтъ рано еще выходить замужъ.

АНТУАНЪ (*садясь за свой письменный столъ*). Жаль, что ты давно уже не замужемъ.

ВИКТОРИНА. Отчего-же это?

АНТУАНЪ. Не твое дѣло. Оботри свои глупыя глазенки и займись шитьемъ, пока я буду работать.

ВИКТОРИНА. Развѣ вамъ, папенька, нужно, чтобъ я осталась здѣсь?

АНТУАНЪ. А тебѣ куда-бы хотѣлось? ты и такъ никогда со мною не бываешь.

ВИКТОРИНА. О! я останусь здѣсь, сколько вамъ угодно: я счастлива, когда бываю съ вами. Но вы даже ни разу не взглянете на меня, когда пишете ваши счеты; какъ будто-бы меня и нѣтъ въ комнатѣ.

АНТУАНЪ. Такъ смотри ты на меня; вѣдь тебѣ и безъ того дѣлать нечего.

ВИКТОРИНА. Смотрѣть на васъ?

АНТУАНЪ. Да, смотри на меня со вниманіемъ, пока я буду работать, а потомъ ты мнѣ скажешь, о чемъ думала.

ВИКТОРИНА (*беретъ стулъ и садится возлѣ отца*). Хорошо, папенька.

АНТУАНЪ (*сложивъ въ тетрадь нѣсколько исписанныхъ листовъ, кладетъ перо и обращается къ дочери*). Ну?

ВИКТОРИНА. Что прикажете, папенька?

АНТУАНЪ. О чемъ ты думаешь?

ВИКТОРИНА. Объ васъ.

АНТУАНЪ. Что-же ты обо мнѣ думаешь?

ВИКТОРИНА. Что у васъ много заботъ.

АНТУАНЪ. Хорошо. А еще что?

ВИКТОРИНА. Что вы очень любите вашего хозяина, добраго господина Вандерка; что вы готовы умереть для него, какъ до сихъ поръ для него жили, что вы ставите его выгоды выше своихъ собственныхъ, что въ жизни вы ничего не видите, кромѣ долга и жертвуете долгу своимъ ... моимъ счастіемъ, однимъ словомъ, всѣмъ.

АНТУАНЪ. Ты хорошо угадываешь, и думаешь лучше, чѣмъ кажется. Но что-же изъ этого слѣдуетъ?

ВИКТОРИНА. Что я во всемъ должна подражать вамъ: не имѣть ни мысли, ни желанія, которыхъ-бы вы не одобрили; вашъ примѣръ всегда долженъ быть у меня передъ глазами.

АНТУАНЪ. Не забывай-же этого, а теперь ступай, если у тебя есть какое-нибудь дѣло въ домѣ; я тебя больше не удерживаю.

ВИКТОРИНА. Пойду, узнаю, не нужна-ли я Софи?

АНТУАНЪ. Ты все еще не привыкла обходиться почтительнѣе съ барышней?

ВИКТОРИНА. А вы, папенька, никогда не отвыкнете называть ее барышней, хотя она давно уже замужемъ ... Пойду, посмотрю, не нужна-ли я молодой госпожѣ, (*всторону,*) моей доброй подругѣ. (*Вслухъ*). Поцѣлуйте-же меня, папенька (*идетъ къ Антуану*).

АНТУАНЪ. (*глядя на нее, съ намекомъ*). Еще стоишь-ли ты, чтобъ я поцѣловалъ тебя? Скажи правду, по совѣсти!

ВИКТОРИНА. Разумѣется, стою.

АНТУАНЪ (*пристально глядя на нее*). Точно?

ВИКТОРИНА. О, да! (*онъ цѣлуетъ ее; она выходитъ въ среднюю дверь, глядя на него съ нѣжностью*).

II.

АНТУАНЪ, одинъ.

Да! У нея душа добрая, не способная ко лжи ... Молода, неопытна, жива ... за то благородна, какъ покойная мать. Ахъ! какъ необходима дѣвушкѣ мать! Мы, мужчины, совсѣмъ не умѣемъ обходиться съ этими вертлявыми головками. (*Фюльжансу, который входитъ въ дверь, держа въ рукахъ бумаги*). А! это ты, Фюльжансъ?

III.

АНТУАНЪ, ФЮЛЬЖАНСЪ.

ФЮЛЬЖАНСЪ. Вотъ еще два счета; хозяинъ приказалъ отдать ихъ вамъ, чтобы занести въ книгу.

АНТУАНЪ (*продолжая писать*). Хорошо! положи ихъ тутъ.

ФЮЛЬЖАНСЪ (*кладетъ бумаги на Антуановъ столъ*). Вашей дочери нѣтъ здѣсь? Я еще не видалъ ея сегодня.

АНТУАНЪ. Хорошъ влюбленный!

ФЮЛЬЖАНСЪ. Что это? — упрекъ?

АНТУАНЪ. Нѣтъ, мой другъ; лишь бы дѣло оттого не страдало, только-бъ не было упущеній...

ФЮЛЬЖАНСЪ. Для меня долгъ службы такъ же, какъ и для васъ, всего важнѣе. (*Идетъ къ конторкѣ и принимается за работу*).

АНТУАНЪ. Я это знаю, и радуюсь, что выбралъ тебя въ зятья. Ты честный малый, Фюльжансъ, человѣкъ степенный, точный, разсудительный. У тебя, правда, ничего нѣтъ! но кто трудолюбивъ и умѣренъ, тотъ всегда доволенъ тѣмъ, что имѣетъ.

ФЮЛЬЖАНСЪ (*пишетъ*). Разумѣется. Однакожъ...

АНТУАНЪ. Однакожъ, что? Дочь моя тоже небогата. Я ужъ говорилъ тебѣ, что приберегъ ей очень мало. До сихъ поръ, я не хотѣлъ, чтобъ господинъ Вандеркъ увеличилъ мое жалованье... Но ты — дѣло другое! Ты занимаешь довольно важное мѣсто, ты образованнѣе, слѣдовательно и полезнѣе меня. Вотъ уже два года, какъ ты здѣсь: тебѣ будутъ мало-по-малу прибавлять жалованья, смотря по заслугамъ.

ФЮЛЬЖАНСЪ (*выходя на середину*). Я этого не требую. — Господинъ Вандеркъ истратился недавно на приданое дочери, притомъ же у него сынъ въ такихъ лѣтахъ, когда любятъ пожить широко ... надѣ-

лаетъ, можетъ-быть, долговъ... Господинъ Вандеркъ и безъ того хорошо платитъ своимъ прикащикамъ, а въ случаѣ лишней работы, даетъ еще подарки ... безсовѣстно требовать больше ... меня бы даже удивило, еслибъ онъ подумалъ объ этомъ. (*Снова садится за работу*).

АНТУАНЪ. Хорошо. Я доволенъ твоимъ образомъ мыслей, какъ ты самъ доволенъ своей судьбой (*встаетъ и подходитъ къ Фюльжансу, чтобы возвратить ему принесенные имъ два счета*). Вамъ дадутъ здѣсь квартиру и столъ.

ФЮЛЬЖАНСЪ (*оборачиваясь съ нѣкоторымъ смущеніемъ*). Слишкомъ много чести. Я человѣкъ ничтожный, бѣднякъ ... и мнѣ совѣстно...

АНТУАНЪ (*подходя къ авансцену*). Такъ не будемъ говорить объ этомъ. По моему, ты довольно богатъ, потому—что всегда бодръ и трудолюбивъ.

ФЮЛЬЖАНСЪ. Вы очень безкорыстны, господинъ Антуанъ.

АНТУАНЪ. Безкорыстенъ? я! Да какъ же мнѣ и не быть безкорыстнымъ? Какъ мнѣ любить деньги? Ужъ столько лѣтъ я ихъ считаю, получаю, выплачиваю ... и столько ихъ прошло чрезъ мои руки... Они льются здѣсь рѣкою и не могутъ уже ослѣпить меня: когда плывешь въ водѣ, такъ пить не хочется. Хозяинъ такъ добръ и великодушенъ, что еслибы я вздумалъ когда-нибудь сказать: Мнѣ хотѣлось-бы ... очень бы хотѣлось одну изъ тѣхъ полныхъ червонцами корзиночекъ, которыя высыпаютъ медленно въ вашу кассу... Онъ непремѣнно сказалъ бы: Возьми, любезный Антуанъ, возьми! Ты заслужилъ ее, и мнѣ пріятно исполнить твое желаніе.

ФЮЛЬЖАНСЪ (*внимательный и озабоченный*). А! такъ вотъ какъ отвѣтилъ бы вамъ господинъ Вандеркъ?

АНТУАНЪ. Разумѣется! Я былъ бы ужъ теперь богачъ, еслибы принималъ все, что онъ мнѣ предлагалъ. Но ему столько надо дѣлать добра, и онъ дѣлаетъ его съ такимъ удовольствіемъ, что когда я вижу, что онъ можетъ оказать кому-нибудь важную услугу или подарить что-нибудь хорошенькое своимъ дѣтямъ, то готовъ скорѣе приложить тайкомъ свое собственное, чтобы только онъ не отказывалъ себѣ въ этомъ удовольствіи.

ФЮЛЬЖАНСЪ (*встаетъ съ мѣста и подходитъ къ Антуану*). Вы еще никогда не говорили со мною такъ откровенно, господинъ Антуанъ. Знаете-ли, то, что вы говорите, облегчаетъ меня! Значитъ, въ васъ нѣтъ того глупаго честолюбія, которымъ нынче заражены почти всѣ отцы, вы никогда не бредили тѣмъ, чтобъ увидѣть дочь свою милліонеркою?

АНТУАНЪ. Никогда! Я слѣдую въ этомъ примѣру хозяина, который

желаетъ, чтобъ у дѣтей его были доброе сердце да честное имя. Онъ былъ бы очень несчастливъ, еслибы замѣтилъ въ нихъ жадность. *(Возвращаясь къ своему столу)* Ты знаешь его исторію?

ФЮЛЬЖАНСЪ *(возвращаясь къ своей конторкѣ)*. Исторію господина Вандерка? Да... знаю, покрайней мѣрѣ, что онъ французъ и дворянинъ, что настоящее имя его — баронъ де Клавьеръ, что сестра его маркиза, и что онъ принялъ теперешнюю фамилію для того, чтобы продолжать торговлю одного голландскаго купца, который взялъ его на корабль, а потомъ усыновилъ, когда онъ былъ еще молодъ, бѣденъ и бѣжалъ изъ отечества, въ слѣдствіе дуэли.

АНТУАНЪ. Такъ ты видишь: у него нѣтъ предразсудковъ. Онъ не почелъ унизительнымъ посвятить жизнь свою труду. На домахъ и на каретахъ его не видать гербовъ; иной разбогатѣвшій откупщикъ — платитъ за нихъ деньги, а у него есть гербы, да онъ не хвастается ими. И деньги–то не имѣютъ для него значенія. Онъ сдѣлался купцомъ изъ благодарности, остался купцомъ изъ любви къ порядку и дѣятельности. Г. Вандеркъ разбогатѣлъ, имѣя въ виду одну только цѣль: подавать примѣръ честности въ торговлѣ — и всегда былъ образцомъ честности. Онъ смѣется надъ упреками сестры своей — маркизы, надъ презрѣніемъ равныхъ ему по рожденію, и хочетъ, чтобы его дѣти гордились его правилами.

ФЮЛЬЖАНСЪ *(съ нѣкоторымъ презрѣніемъ)*. Но сынъ его, кажется, не раздѣляетъ ихъ?

АНТУАНЪ. Его мнѣнія, можетъ–быть, еще не установились. Его нѣсколько прельщаетъ свѣтъ, но онъ славный молодой человѣкъ. Я люблю его, какъ роднаго сына, и увѣренъ, что онъ пойдетъ по стопамъ отца. А, тсъ! вотъ и онъ.

(Въ теченіи всего этого явленія, Антуанъ сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ, а Фюльжансъ стоялъ за своей конторкой. Они отходятъ отъ своихъ мѣстъ, снова возвращаются къ нимъ, разговаривая, но не переставая заниматься).

IV.

ФЮЛЬЖАНСЪ, ЖОРЖЪ, АНТУАНЪ.

ЖОРЖЪ. Здравствуй, Антуанъ! *(жметъ ему руку и кланяется Фюльжансу)*. Здравствуйте, господинъ Фюльжансъ. *(Антуану)*. Я при-

шелъ попросить у тебя еще двадцать пять луидоровъ; мнѣ нужно сдѣлать сегодня утромъ кой-какія покупки.

АНТУАНЪ. Сейчасъ отсчитаю. Но только у меня ихъ здѣсь нѣтъ... Надо сходить въ кассу. *(Выходитъ въ правую дверь).*

ЖОРЖЪ. Когда же свадьба, господинъ Фюльжансъ?

ФЮЛЬЖАНСЪ *(холодно и не отходя отъ конторки).* Надѣюсь, что черезъ нѣсколько дней; насъ уже трижды огласили.

ЖОРЖЪ. Вы поторопитесь, потому-что я ѣду въ Парижъ, а хотѣлъ бы прежде потанцовать у васъ на свадьбѣ.

ФЮЛЬЖАНСЪ *(холодно).* Благодарю за честь.

ЖОРЖЪ. Поздравляю васъ. Ваша невѣста прекрасная дѣвушка, кроткая, добрая. Она мнѣ молочная сестра; ея мать была моей кормилицей; она, сестра моя и я, мы всѣ вмѣстѣ воспитаны, и ... хоть сестра моя очень добра, Викторина была всегда лучше насъ всѣхъ. Вы позволите мнѣ сдѣлать ей свадебный подарокъ. Я за нимъ-то и ѣду теперь со двора.

ФЮЛЬЖАНСЪ *(сухо).* Какъ! двадцать пять луидоровъ, которые...

ЖОРЖЪ *(улыбаясь).* Это до васъ не касается. Только мнѣ нужно, чтобы вы сами позволили мнѣ подарить что-нибудь вашей невѣстѣ ... и вы позволяете? Неправда ли?

ФЮЛЬЖАНСЪ *(прерывисто).* Если... если жена моя...

ЖОРЖЪ *(смѣясь съ нѣкоторымъ усиліемъ).* А! Вы уже называете ее женою?

ФЮЛЬЖАНСЪ *(совершенно растерявшись).* Да, рано, правда... Если мадмоазель Викторина...

ЖОРЖЪ *(съ откровенностію).* О! Викторина не откажетъ мнѣ. Счастливцы не бываютъ горды. Они принимаютъ все съ хорошей стороны. *(Пораженный выраженіемъ Фюльжансова лица).* Вы, кажется, чѣмъ-то недовольны?

ФЮЛЬЖАНСЪ. Я?

ЖОРЖЪ *(кротко).* Вы слишкомъ много трудитесь?

ФЮЛЬЖАНСЪ. О, нѣтъ, ничего.

ЖОРЖЪ. Но мнѣ кажется, что вы не совсѣмъ веселы, не радуетесь, какъ бы слѣдовало жениху. Вы не похожи на Викторину: она весела, какъ птичка, и сейчасъ, у сестры моей, смѣялась надъ каждой бездѣлицей.

ФЮЛЬЖАНСЪ. А! она у вашей сестрицы ... смѣется?.. Вы уже видѣли ее сегодня утромъ? *(всторону).* Прежде меня! Какъ и всегда!

ЖОРЖЪ. Конечно, видѣлъ, и похвалилъ за веселое расположеніе духа!

ФЮЛЬЖАНСЪ *(всторону).* О! я непремѣнно выѣду изъ этого дома, какъ только женюсь!

V.

ФЮЛЬЖАНСЪ, ЖОРЖЪ, АНТУАНЪ.

АНТУАНЪ (*входитъ въ правую дверь, кладетъ деньги на свой столъ, садится и открываетъ счетную книгу*). Вотъ двадцать пять луидоровъ.

ЖОРЖЪ. И ты ихъ запишешь?

АНТУАНЪ. Развѣ я когда-нибудь забывалъ что-нибудь записать? Посмотрите, вотъ ваши счеты. Тутъ записана каждая копейка.

ЖОРЖЪ. Не сомнѣваюсь (*заглядываетъ мелькомъ въ счетъ*). Не мало же ты отсчиталъ мнѣ денегъ въ послѣдніе два мѣсяца.

АНТУАНЪ. Итоги нынѣшніе еще неподведены: жду конца.

ЖОРЖЪ. А батюшка видѣлъ этотъ счетъ?

АНТУАНЪ. Видѣлъ. Я ему каждый мѣсяцъ представляю всѣ счеты.

ЖОРЖЪ. И онъ ничего не замѣтилъ?

АНТУАНЪ. Ничего.

ЖОРЖЪ. Но ты вѣдь скажешь мнѣ, Антуанъ, если батюшка найдетъ, что я слишкомъ много трачу...

АНТУАНЪ. Вашъ батюшка? Стало быть вы его не знаете?

ЖОРЖЪ. Ну, а ты? Скажи, если ты не доволенъ мною!

АНТУАНЪ. Вы шутите?

ЖОРЖЪ. Вижу, что и ты хочешь баловать меня?

АНТУАНЪ. Такъ чтожъ? Кого-же и баловать здѣсь, какъ не васъ?

ЖОРЖЪ (*кладя руку на плечо Антуана*). Вотъ, вѣдь есть же люди, которые въ тысячу разъ лучше насъ, а считаютъ обязанностью жить для нашего счастья! Ваши родители живы, господинъ Фюльжансъ?

ФЮЛЬЖАНСЪ. Нѣтъ; я едва ихъ помню.

ЖОРЖЪ. А! жаль васъ! Вы не знали, что такое значитъ быть любимымъ! — До свиданія, Антуанъ. (*Жметъ ему руку и хочетъ идти*).

VI.

ФЮЛЬЖАНСЪ, ЖОРЖЪ, ВИКТОРИНА, АНТУАНЪ.

ВИКТОРИНА (*входитъ въ среднюю дверь*). Папа, госпожа Вандеркъ проситъ васъ зайти къ ней, сейчасъ-же, если можете.

АНТУАНЪ. Ага! знаю, за чѣмъ. (*Выходитъ въ среднюю дверь*).

ЖОРЖЪ. А! Викторина, я сейчасъ дѣлалъ выговоръ твоему жениху. Онъ не веселъ. Любовь дѣлаетъ его грустнымъ: на тебя она дѣйствуетъ иначе, тебя она развеселяетъ: оставляю васъ, разсудите межъ собою, какая любовь лучше. (*Уходитъ въ заднюю дверь*).

VII.

ФЮЛЬЖАНСЪ, ВИКТОРИНА,

ВИКТОРИНА. Отчего вы грустны, Фюльжансъ? правду-ли онъ сказалъ?

ФЮЛЬЖАНСЪ. Мнѣ грустно, когда говорятъ, что вы веселы.

ВИКТОРИНА. Такъ вамъ хочется, чтобъ я была печальна?

ФЮЛЬЖАНСЪ. Нѣтъ, но вы никогда не бываете веселы со мною, Викторина! вы веселы только для другихъ.

ВИКТОРИНА. Развѣ моя вина, что вы наводите на меня тоску?

ФЮЛЬЖАНСЪ (*переходитъ черезъ сцену, и кладетъ счеты на Антуановъ столъ*). О! и не моя!

ВИКТОРИНА. Такъ чья-же?

ФЮЛЬЖАНСЪ (*всторону*). Не смѣю объясниться! Она, кажется, такъ искренна, такъ далека отъ того, что я думаю!

ВИКТОРИНА. Вы на меня сердитесь? нечего дѣлать, примусь за работу (*садится на лѣвой сторонѣ*).

ФЮЛЬЖАНСЪ. Сержусь? Какое не хорошее слово вы мнѣ сказали!

ВИКТОРИНА. Правда; я виновата. Не знаю, отчего я вамъ сказала это слово ... У меня его не было въ мысляхъ.

ФЮЛЬЖАНСЪ. (*подходя къ ней*). А хорошо-ли вы знаете свои мысли, Викторина?

ВИКТОРИНА. Думаю, что знаю. Впрочемъ ... не всегда, можетъ быть! Потому, видите-ли, я не хочу приписывать себѣ качествъ, которыхъ не имѣю, я не то, что ... какъ-бы это сказать? я не такая, какъ вы Фюльжансъ.

ФЮЛЬЖАНСЪ. Какъ я?

ВИКТОРИНА. Ну, да. Я не такъ благоразумна, не такъ умна, не такъ разсудительна, какъ вы. Мнѣ кажется, что вы отдаете себѣ отчетъ въ каждой вещи, а я нѣтъ. Можетъ быть, меня слишкомъ избаловали въ этомъ домѣ, гдѣ всѣ такъ добры ко мнѣ. Мнѣ позволяли дѣлать и говорить все, что ни приходило въ голову. Я всегда немного

увлекаюсь первыми побужденіями, которыя не могу вполнѣ объяснить себѣ. Я то весела, то грустна, то смѣюсь, то плачу; это всѣхъ забавляетъ, папенька смѣется надо мной, а я ... я также надъ собой смѣюсь. (*Встаетъ*). Ну, чтожъ, это не успокоиваетъ васъ? Подумаешь, что я васъ въ самомъ дѣлѣ огорчаю? Но я, право, не желаю огорчать васъ! Говорю вамъ это, Фюльжансъ, для того, чтобы вы были совершенно спокойны.

ФЮЛЬЖАНСЪ. Есть однакожъ одна вещь, которая должна меня безпокоить.

ВИКТОРИНА. Скажите, какая и, если я могу исправиться...

ФЮЛЬЖАНСЪ. О! виноваты не вы. Вы откровенны, добры, я это знаю. Но васъ такъ любятъ, такъ ласкаютъ въ этой семьѣ, что я не знаю, буду–ли въ силахъ дать вамъ то счастіе, какимъ вы наслаждались здѣсь ... боюсь, что я, какъ вы мнѣ говорите, слишкомъ благоразуменъ, слишкомъ разсудителенъ для васъ.

ВИКТОРИНА. Да, и мнѣ это иногда приходило въ голову. Только теперь я объ этомъ не думала. Зачѣмъ вы мнѣ напоминаете? словно вы хотите напугать меня на счетъ будущаго? Разумѣется, замужъ выходятъ не безъ страха, а вы, вмѣсто того, чтобы успокоить меня, отнимаете послѣднюю увѣренность!

ФЮЛЬЖАНСЪ. О! я не ловокъ! не умѣю говорить нѣжныхъ словъ, не привыкъ къ той сладкой, медовой семейной жизни, которою васъ окружали здѣсь! Я угрюмъ, непріятенъ ... Вы не можете любить меня. Скажите правду, Викторина: вы меня не любите?

ВИКТОРИНА. Я не люблю васъ? Вотъ, вы и совсѣмъ испугали меня, Фюльжансъ. Отчего–жъ вы мнѣ говорите, что я васъ не люблю?

ФЮЛЬЖАНСЪ. Оттого–что я еще никогда не осмѣливался говорить съ вами объ этомъ, и что вы сами никогда еще, можетъ быть, себя о томъ не спрашивали.

ВИКТОРИНА. Но вѣдь я выхожу за васъ, стало–быть я должна любить васъ. (*Антуанъ входитъ и слушаетъ*).

ФЮЛЬЖАНСЪ. О! это не отвѣтъ.

ВИКТОРИНА. А я думаю, что да! Папенька мой любитъ, уважаетъ васъ, и я васъ также уважаю, и стараюсь любить васъ, потому-что этого хочетъ и желаетъ папенька.

VIII.

ВИКТОРИНА, АНТУАНЪ, ФЮЛЬЖАНСЪ.

АНТУАНЪ (*вошедшій въ среднюю дверь съ бумагами въ рукѣ, и*

остановившійся послушать, подходитъ къ нимъ). Викторина говоритъ правду, и теперь она благоразумнѣе тебя.

ФЮЛЬЖАНСЪ. Какъ! вы насъ подслушивали?

АНТУАНЪ. Отчегожъ-бы и не такъ? Я еще имѣю на это право.

ВИКТОРИНА (*цѣлуя его*). О! вы будете всегда имѣть это право! Я хочу, чтобъ вы знали всѣ мои мысли и во всемъ-бы мнѣ совѣтовали. Скажите же Фюльжансу, что онъ не знаетъ самъ, что говоритъ.

АНТУАНЪ. Онъ влюбленъ, а любовь не разсуждаетъ. Ты сама, Викторина, говорила неразсудительно, помнишь? а теперь, напротивъ. Вступая въ бракъ, вовсе не нужно сходить съ ума отъ радости. Бракъ дѣло серьозное, и лишь-бы каждый изъ васъ имѣлъ твердую рѣшимость исполнить долгъ свой, — все пойдетъ хорошо ... Ну, я объявлю вамъ теперь о сюрпризѣ. Притворитесь только, будто ничего не знаете. Господинъ Вандеркъ съ женою и дочерью, идутъ поздравить васъ и несутъ подарки. Не цѣнность ихъ должна васъ трогать, а расположеніе и дружба, которой они служатъ доказательствомъ.

IX.

Г. **ВАНДЕРКЪ**, г-жа **ВАНДЕРКЪ**, дочь ихъ **СОФИ**, **ВИКТОРИНА**, **АНТУАНЪ**, **ФЮЛЬЖАНСЪ**, **ЛАКЕЙ** съ картонками.

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ (*входитъ въ среднюю дверь и цѣлуетъ Викторину*). Ты выходишь замужъ за добраго человѣка, милая Викторина. Я счастлива твоимъ счастіемъ, и прошу принять отъ меня подвѣнечное платье. (*Она беретъ изъ рукъ лакея картонъ и отдаетъ его Викторинѣ*).

ВИКТОРИНА. О! какъ вы добры, что подумали обо мнѣ!

ВАНДЕРКЪ. А я, милая дочь моя, — я вѣдь тебя считаю дочерью, — не предлагаю нарядовъ, потому-что не умѣлъ-бы выбрать, а прошу принять этотъ бумажникъ.

ВИКТОРИНА (*беретъ бумажникъ*). О! какой онъ хорошенькій! благодарствуйте. Какъ хорошо переплетенъ! Весь вызолоченъ! Посмотрите, папенька! И вензель мой напечатанъ. (*Подходитъ къ Антуану, ставитъ картонку на столъ, отдаетъ портфель отцу, и подходитъ благодарить Вандерка*).

АНТУАНЪ (*открывая портфель*). Какъ! (*обращаясь къ Вандерку*). Вексель на вашу кассу, г. Вандеркъ ... это слишкомъ! это невозможно! да вѣдь тутъ цѣлое состояніе! (*Онъ подходитъ къ Вандерку*).

ФЮЛЬЖАНСЪ (*встороиу*). Деньги! Я былъ въ этомъ увѣренъ.

ВАНДЕРКЪ. Ну, такъ чтожъ? Развѣ я не обязанъ упрочить судьбу твоей дочери?

АНТУАНЪ. Но вѣдь тутъ пятдесятъ тысячъ ливровъ!.. Нѣтъ, нѣтъ, это слишкомъ много! Ваши дѣти ...

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ (*держа за руку дочь свою*). Антуанъ, вы не имѣете права отказывать; воля мужа моего выражаетъ желаніе всего нашего семейства.

ВИКТОРИНА (*растроганная*). Ахъ! на что мнѣ столько денегъ? (*Обращаясь къ Вандерку, къ женѣ его и дочери*). Вы почти огорчаете меня такимъ большимъ подаркомъ. Развѣ я здѣсь нуждалась въ деньгахъ? Развѣ вы уже не хотите, чтобъ я жила съ вами?

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. Напротивъ, я надѣюсь, что ты останешься у насъ, пока мы живы.

ВИКТОРИНА. О! благодарю, благодарю, если такъ.

СОФИ ВАНДЕРКЪ. Но посмотри-же на свое подвѣнечное платье! Я приложила къ нему отъ себя немного кружевъ и небольшое ожерелье, потому-что и мнѣ также хочется принарядить тебя. Ты такъ радовалась моему наряду, три мѣсяца тому назадъ, въ день моей свадьбы! (*Онѣ идутъ къ столу*).

ВИКТОРИНА (*открывая картонъ и садясь его разсматривать*). Ахъ! Боже мой! платье-муаре, жемчугъ, англійскія кружева!.. да я не буду смѣть носить это!

СОФИ (*подавая ей другой картонъ*). А вотъ цвѣты, ленты и перчатки; это даритъ мужъ мой, который пріѣдетъ черезъ два дня, потому-что хочетъ быть на твоей свадьбѣ.

ВИКТОРИНА. Боже мой! сколько прекрасныхъ вещей! Я все буду теперь ходить въ бѣлыхъ перчаткахъ, до самой смерти!

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. Любуйся-же твоими богатствами; мы оставляемъ тебя; но приходи, вмѣстѣ съ отцомъ и женихомъ, завтракать съ нами: мы назначимъ день свадьбы ... Слышите, господинъ Фюльжансъ.

ФЮЛЬЖАНСЪ (*выходя изъ глубокой задумчивости*). Сударыня ... слишкомъ много чести! (*встороиу*) Пятьдесятъ тысячъ!

ВАНДЕРКЪ (*женѣ и дочери*). Ступайте, мои милыя, и ждите меня; я сейчасъ приду къ вамъ съ Антуаномъ и Фюльжансомъ, которыхъ увожу теперь въ магазинъ. Мнѣ надо отдать кой-какія приказанія. (*Уходитъ съ Антуаномъ и Фюльжансомъ направо*).

СОФИ. Ты придешь, Викторина? Ты знаешь, сегодня завтракаютъ на моей половинѣ.

ВИКТОРИНА (*вставая*). Да, да, сейчасъ, сейчасъ. Я только убе-

ру и спрячу мои сокровища и тотчасъ же приду. (*Г-жа Вандеркъ выходитъ подъ руку съ Софи въ среднюю дверь*).

X.

ВИКТОРИНА одна, стоитъ у стола.

Платье! жемчугъ! ахъ, какой тяжелый! Ужъ вѣрно настоящій ... англійскія кружева!.. и деньги, много денегъ! (*До всего дотрогивается и все роняетъ изъ рукъ*). И такъ, я буду очень богата, очень нарядна, очень счастлива!... а Фюльжансъ очень любитъ меня! (*Становится все болѣе и болѣе грустною*). Папенька будетъ очень радъ ... Странно, я задыхаюсь!.. (*Садится на Антуановъ стулъ*). Что это? отъ радости? Я чувствую ... (*Съ невольнымъ рыданіемъ*). Боже мой! какъ больно быть такъ счастливой!.. (*Заливается слезами*).

XI.

ЖОРЖЪ, ВИКТОРИНА.

ЖОРЖЪ. Она плачетъ! что-жъ это такое? Ужъ не замужство-ли огорчаетъ ее? (*подходя*). О! еслибъ я былъ увѣренъ въ этомъ! (*вслухъ*). Викторина! ты плачешь? (*Беретъ ее за руки*).

ВИКТОРИНА (*задыхаясь, встаетъ*). Ахъ! не говорите, ради Бога, не говорите!.. папенька такъ сердится, когда я плачу.

ЖОРЖЪ. Стало быть, ты часто плачешь?

ВИКТОРИНА. Нѣтъ, иногда ... (*отирая глаза*). Вотъ, и проходитъ! это ничего.

ЖОРЖЪ. Но какое-жъ у тебя горе?

ВИКТОРИНА. У меня нѣтъ горя.

ЖОРЖЪ. Такъ стало-быть безъ причины?

ВИКТОРИНА. Должно быть.

ЖОРЖЪ. Да вѣдь это безумiе?

ВИКТОРИНА (*улыбаясь*). Очень можетъ быть.

ЖОРЖЪ. Фюльжансъ ...

ВИКТОРИНА. Что Фюльжансъ?..

ЖОРЖЪ. Фюльжансъ кротокъ, честенъ, хорошо воспитанъ; онъ хорошъ собою, молодъ, онъ тебѣ нравится, не правда-ли?

ВИКТОРИНА. О! да, онъ мнѣ очень нравится.

ЖОРЖЪ. Вѣдь не замужство-же причиною твоего горя?

ВИКТОРИНА. О, нѣтъ! тутъ не о чемъ говорить; но вотъ при мысли о замужствѣ, мнѣ всегда хочется плакать. Еслибъ я выходила за другаго, было-бы то-же самое.

ЖОРЖЪ. Точно?

ВИКТОРИНА. Точно.

ЖОРЖЪ (*всторону, слегка вздыхая*). Нечего дѣлать!.. (*вслухъ*). Полно-же, Викториночка, милая сестра моя, не надо портить глазокъ; и притомъ-же, если ты будешь такъ грустна, у меня недостанетъ духа поздравить тебя и поднести подарокъ; вѣдь я тоже принесъ тебѣ подарокъ. (*Смотритъ на картоны и вынимаетъ изъ кармана небольшой ящикъ*). Я вижу, что пришелъ послѣ всѣхъ, но виноватъ мастеръ: онъ заставилъ меня ждать.

ВИКТОРИНА. Вы привезли мнѣ подарокъ? Вѣрно, такую вещь, которую мнѣ всегда будетъ можно носить. Тѣмъ лучше!

ЖОРЖЪ. Я буду счастливъ, если она тебѣ понравится. Посмотри.

ВИКТОРИНА (*открывая ящичекъ*). О! ваши часы! ваши прекрасные часы съ репетиціей! тѣ самые, которые провели со мною цѣлую ночь, наканунѣ вашей дуэли. Ахъ! какое грустное ... и вмѣстѣ пріятное воспоминаніе ... потому-что послѣ этой скверной ночи, въ которую я ни разу не сомкнула глазъ ... (я вѣдь знала, что вы будете драться) ... было такое радостное утро: вы возвратились живы и здоровы! Мы всѣ были такъ счастливы! Благодарю, что вамъ пришло на мысль подарить мнѣ эти часы!.. но что скажетъ ваша сестра, которая подарила ихъ вамъ въ день своей свадьбы?

ЖОРЖЪ. Я приказалъ сдѣлать себѣ точно такіе-же. Посмотри! это, чтобъ сестра не знала ...

ВИКТОРИНА. Однако же вѣдь не надобно-бы вамъ обманывать сестру.

ЖОРЖЪ (*съ легкимъ упрекомъ и дѣлая видъ, что хочетъ обмѣнять часы*). Если тебѣ все равно ...

ВИКТОРИНА (*грустно удерживая часы*). Нѣтъ!.. совсѣмъ не все равно! я бы лучше желала старые ... Поручая ихъ мнѣ передъ дуэлью, вы говорили: Неотдавай ихъ никому, кромѣ меня, слышишь-ли, никому! Вы хотѣли мнѣ ихъ оставить на память, въ случаѣ, еслибъ ... Но, слава Богу, я могла отдать ихъ вамъ, Жоржъ!.. Впрочемъ, дѣлать нечего, вы не должны съ ними разставаться: сестра для васъ больше, нежели я!

ЖОРЖЪ. А развѣ ты не сестра мнѣ? Софи не ревнуетъ тебя! Она навѣрное одобрила-бы обмѣнъ, еслибъ я могъ разсказать ей о...

ВИКТОРИНА. Ахъ да, о дуэли! она осталась тайной между вашимъ отцомъ и вами, между моимъ отцемъ и мною ... и Фюльжансомъ ...

Да! такъ я, слѣдовательно, могу сказать Фюльжансу, что это тѣ самые часы?

ЖОРЖЪ (*нѣсколько смущенный*). Фюльжансу ... но ... (*съ откровенностію*) впрочемъ .. да, да, конечно! отчего–жъ не сказать ему? Возьми–же, возьми эти, прошу тебя.

ВИКТОРИНА (*надѣвая часы*). Ахъ, какъ я рада! Посмотрите! Видя эти часы на себѣ, мнѣ кажется, что я вижу васъ самихъ (*прыгаетъ отъ радости*).

ЖОРЖЪ. Вотъ, ты и смѣешься! Я очень радъ, что возвратилъ тебѣ веселость.

XII.

АНТУАНЪ, ФЮЛЬЖАНСЪ, ЖОРЖЪ, ВИКТОРИНА.

АНТУАНЪ (*входитъ въ правую дверь съ Фюльжансомъ, который идетъ прямо къ своей конторкѣ. Антуанъ слышалъ послѣднія слова предыдущаго явленія. Онъ смотритъ на дочь*). Ты весела: вотъ это дѣло.

ВИКТОРИНА. Посмотрите, папенька, посмотрите, Фюльжансъ, какіе прекрасные часы подарилъ мнѣ г. Жоржъ. (*Фюльжансъ вздрагиваетъ*).

АНТУАНЪ. Тебя балуютъ и сдѣлаютъ тщеславною. Вы напрасно, г. Жоржъ ...

ЖОРЖЪ. Не брани меня. Мнѣ такъ пріятно видѣть ее смѣющеюся и прыгающей. Но насъ ждутъ всѣхъ къ завтраку: идете вы?

ВИКТОРИНА. О! какъ я насмѣшу моими часами г–жу Вандеркъ. Я буду заставлять ихъ звонить каждыя четверть часа, пока она не скажетъ мнѣ: да перестань–же звонить, Викторина: у меня голова трещитъ.

ЖОРЖЪ. Хочешь дать мнѣ руку?

ВИКТОРИНА. Да, да; но только пусть папенька идетъ впередъ.

АНТУАНЪ. Дамамъ всегда уступаютъ дорогу!

ВИКТОРИНА. Я не дама; я не хочу идти впереди моего отца.

АНТУАНЪ. А если я не хочу идти впереди г. Жоржа?

ЖОРЖЪ (*смѣясь*). Тутъ одно только средство устроить дѣло. Возьми меня за другую руку, мой добрый Антуанъ, и мы пройдемъ въ дверь всѣ трое ... какъ удастся. (*Они выходятъ въ среднюю дверь, смѣясь*).

XIII.

ФЮЛЬЖАНСЪ (*одинъ, идя вслѣдъ за ними*). Съ нимъ весела!.. со мною грустна!.. Подарки ... деньги!.. О! сердце рвется отъ злости и сомнѣнья!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Гостинная въ домѣ г. Вандерка, во вкусѣ временъ Людовика XV; на заднемъ планѣ, посерединѣ сцены, каминъ; по обѣимъ сторонамъ его, двери: лѣвая ведетъ въ переднюю; правая, стеклянная, въ садъ. Налѣво, окно, немного ближе къ зрителямъ небольшой столикъ и двое креселъ. На первомъ же планѣ, по обѣимъ сторонамъ сцены, консоли съ канделябрами. По обѣимъ сторонамъ сцены, но на второмъ планѣ, боковыя двери.

I.

ВАНДЕРКЪ, ЖОРЖЪ.

Г. ВАНДЕРКЪ (*входитъ въ дверь изъ передней, съ бумагами въ рукѣ*). Нѣтъ, другъ мой, я здоровъ, и какъ сестра твоя пригласила насъ провести сегоднишнее утро на ея половинѣ, то я останусь здѣсь.

ЖОРЖЪ. Если вамъ не нужно быть однимъ, и вы не озабочены какимъ-нибудь важнымъ дѣломъ...

Г. ВАНДЕРКЪ. О! у купца есть всегда какая-нибудь забота. Меня безпокоитъ долгъ Гарриса и Морриссона.

ЖОРЖЪ. Этихъ американцевъ, которымъ вы открыли такой значительный кредитъ?

Г. ВАНДЕРКЪ. Да! меня увѣдомили, чтобъ я остерегся, а междутѣмъ, непріятно совсѣмъ отказать въ кредитѣ честнымъ людямъ, потому-что моя недовѣрчивость можетъ ускоритъ ихъ раззореніе... Но зачѣмъ, впрочемъ, я говорю тебѣ объ этомъ; все это вещи вовсе не забавныя для молодаго человѣка, думающаго только объ удовольствіяхъ; притомъ же, въ настоящемъ случаѣ, предусмотрительность мало поможетъ. Заранѣе безпокоить себя мыслями объ опасности, которую не можешь отвратить — значитъ быть малодушнымъ, и вся человѣческая мудрость заключается,

можетъ – быть, въ умѣньѣ съ терпѣніемъ выжидать добро и зло... Ступай, другъ мой; докончи завтракъ...

ЖОРЖЪ. Позвольте мнѣ, батюшка, остаться съ вами; у васъ такъ рѣдко выдается свободное утро, и я такъ мало вижу васъ!.. Это, конечно, моя вина. Я долженъ бы помогать вамъ въ трудахъ, раздѣлять ваши заботы... и вы справедливо упрекаете меня за любовь мою къ удовольствіямъ.

Г. ВАНДЕРКЪ. Я не упрекаю тебя, другъ мой; у каждаго возраста свои удовольствія. Я ничего не вижу худаго въ твоемъ желаніи посмотрѣть на Парижъ, (*г–жъ Вандеркъ, которая входитъ въ дверь изъ передней*) и твоя мать, которая для тебя всегда готова отказаться отъ своихъ собственныхъ желаній, согласна съ моимъ мнѣніемъ.

II.

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ, ЖОРЖЪ, Г. ВАНДЕРКЪ.

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. А! вы говорите о поѣздкѣ въ Парижъ?.. Такъ онъ не отказался отъ своего намѣренія? (*Садится напьво*).

ЖОРЖЪ. Да, признаюсь, мнѣ хочется побывать въ Парижѣ; но еслибъ я вздумалъ хорошенько допросить себя, то можетъ быть мнѣ еще больше захотѣлось бы остаться.

Г. ВАНДЕРКЪ. Мы предоставляемъ тебѣ полную свободу. Тебѣ хочется, какъ говорятъ у насъ, понабраться немного свѣтскаго духу; ты, какъ и всѣ наши молодые люди, стыдишься, что до сихъ поръ еще провинціялъ.

ЖОРЖЪ. Нѣтъ, батюшка. Лейтенанта морской службы, которому уже двадцать–пять лѣтъ отъ роду и который успѣлъ побывать въ обѣихъ Индіяхъ, нельзя назвать провинціаломъ. Но говорятъ, что Парижъ выражаетъ и заключаетъ въ сокращеніи весь міръ, и мнѣ кажется, что взглянувъ на него, я ужъ не захочу ѣхать кругомъ свѣта.

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. Дѣлай, какъ знаешь, сынъ мой, и хотя мнѣ очень пріятно быть съ тобою, но какъ и отецъ твой, я не буду противиться путешествію, которое можетъ быть полезно для твоего образованія... Здоровье мое наконецъ поправилось, благодаря твоей заботливости.. Я буду очень рада, если Парижъ достаточно удовлетворитъ твою любознательность, и ты впередъ откажешься отъ далекихъ странствій!.. Ахъ! я не могу забыть, какъ страдала, когда вѣтеръ бушевалъ на нашихъ берегахъ, а на небѣ собиралась гроза...

ЖОРЖЪ. Бѣдная, добрая маменька!.. заставлять васъ страдать... Ба-

тюшка, мнѣ надо оставить морскую службу и посерьознѣе заняться нашей торговлей.

Г. ВАНДЕРКЪ. Такъ вы не обратились еще къ мнѣніямъ вашей тетушки маркизы, господинъ баронъ?

ЖОРЖЪ. Нѣтъ, и съ каждымъ днемъ все болѣе обращаюсь къ вашимъ. Я не могу стыдиться того, что составляетъ честь нашего имени, и хочу идти по одной съ вами дорогѣ. Я вамъ нуженъ, потому-что сестра моя вышла за человѣка служащаго, незнакомаго съ нашими занятіями. Знаете-ли что? — надо мнѣ жениться, чтобъ остепениться, сдѣлаться домосѣдомъ, и привязаться къ семейной жизни; всѣ здѣсь будутъ отъ того счастливы, а я счастливѣе всѣхъ, я въ томъ увѣренъ.

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. Ахъ! еслибъ ты говорилъ правду!

Г. ВАНДЕРКЪ. Пожалуй, мы позаботимся объ этомъ, когда тебѣ вздумается. Но искать тебѣ невѣсты съ приданымъ я не стану: ты самъ ищи себѣ жену. Я не люблю браковъ, которые похожи на сдѣлку, и въ которыхъ сердце и семейное счастье не принимаются въ расчетъ. Знаю, что браки по любви пользуются худою славой, но я (*протягивая руку женѣ*) самъ женился по любви и такъ счастливъ, что не понимаю, какъ можно жениться иначе.

ЖОРЖЪ. О! я совершенно съ вами согласенъ, батюшка, и богатство (у насъ его довольно!) никогда не увлечетъ меня. Какъ я ни прикидывайся, а все чувствую влеченіе къ простотѣ и скромности, вопреки свѣту и тону; я чувствую, что я вашъ сынъ, и столько гордъ, что у меня достанетъ силы перенести насмѣшки свѣтскихъ франтовъ. Мнѣ очень хочется узнать, зачѣмъ эти люди съ такимъ трудомъ и стараніемъ раззоряютъ свои семейства, губятъ здоровье, характеръ, репутацію, когда такъ легко быть честнымъ человѣкомъ и счастливымъ. Тогда-то мнѣ захочется возвратиться сюда, чтобы спокойно дожить здѣсь вѣкъ свой, съ женой, которую вы мнѣ выберете, прекрасной, какъ сестра моя, доброй, какъ матушка.

Г. ВАНДЕРКЪ (*переходя направо*). Раненько, другъ мой, задумалъ ты доживать вѣкъ. Посмотри прежде на свѣтъ. Тебѣ этого хочется: — значитъ, ты чувствуешь въ томъ потребность. И прекрасно, надо чтобы ты видѣлъ свѣтъ собственными, а не моими глазами, чтобы ты познакомился съ нимъ, прежде, нежели заключишь себя въ семейную жизнь. Ступай въ Парижъ, а о женитьбѣ поговоримъ, когда воротишься, если только ты къ тому времени не раздумаешь.

ЖОРЖЪ (*задумчиво и нерѣшительно*). Можетъ быть, вы и правы, батюшка! я еще очень молодъ, и буду, можетъ-быть, недостоинъ своего

счастья... Впрочемъ, вы были моложе меня, когда женились, однакожъ не раскаявались.

Г. ВАНДЕРКЪ. Правда, но я былъ бѣденъ, осужденъ на трудъ; я не былъ блистательнымъ юношей, не былъ баловнемъ...

III.

ВАНДЕРКЪ, ЖОРЖЪ, Г-ЖА ВАНДЕРКЪ, СОФИ, ВИКТОРИНА, ФЮЛЬЖАНСЪ, АНТУАНЪ.
Они дружелюбно входятъ въ дверь изъ передней, группами, и разговаривая.

СОФИ. Мы много толковали о свадьбѣ, нарядахъ, танцахъ: порядкомъ таки поболтали, а все ничего не рѣшили.

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. Правда, но мы не могли рѣшить безъ твоего отца.

Г. ВАНДЕРКЪ (*садясь на право*). Ну, Антуанъ, что-же замедляетъ свадьбу?

АНТУАНЪ. Да, ничто не замедляетъ. Все готово. Ждемъ только, чтобъ вы назначили день.

ВИКТОРИНА. Ахъ! вотъ ужъ и день назначатъ!

ЖОРЖЪ. Ей это какъ-будто непріятно? Развѣ ты не знаешь, что я непремѣнно хочу засыпать весь городъ ракетами и сама развѣ не желаешь поджечь послѣдній букетъ?

ВИКТОРИНА. О нѣтъ! это слишкомъ страшно.

Г. ВАНДЕРКЪ. Постойте-же! сегодня двадцать седьмое.

ВИКТОРИНА. Уже? я думала, еще только двадцать пятое.

Г. ВАНДЕРКЪ. Сегодня двадцать седьмое. Пусть свадьба будетъ тридцатаго.

АНТУАНЪ. Пожалуй! тридцатаго.

ВИКТОРИНА. Тридцатаго! въ пятницу! Пятница тяжелый день!

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. А субботный постный.

Г. ВАНДЕРКЪ. Ну, такъ отложимъ на пять дней, до воскресенья, то есть, до втораго числа будущаго мѣсяца.

ВИКТОРИНА. Черезъ пять дней! такъ скоро?

АНТУАНЪ. Но вѣдь надо однако рѣшиться.

ФЮЛЬЖАНСЪ (*наблюдавшій за Викториной*). Позвольте, господинъ Антуанъ. (*Вандерку*). Извините меня, г. Вандеркъ... но мадмоазель Викторинѣ не нравится, кажется, наша поспѣшность, и я не желалъ-бы, чтобъ ее принуждали.

Г. ВАНДЕРКЪ. Хорошо, Фюльжансъ: ваши слова показываютъ преданность, покорность. Это доказательство любви, которое съумѣютъ

оцѣнить. Да, не должно смущать застѣнчивость, а надо уважать ее и стараться убѣдить нѣжными средствами.

АНТУАНЪ. Но...

Г. ВАНДЕРКЪ. Тебѣ также не слѣдуетъ въ это вмѣшиваться. Но какъ, по случаю скораго отъѣзда моего сына, надо сегодня–же на что-нибудь рѣшиться, то оставимъ жениха съ невѣстой наединѣ: пусть они посовѣтуются, а мы пока пойдемъ прогуляться по саду. Мы сейчасъ–же возвратимся, мои дѣти, и вы намъ скажете, какъ вы рѣшили съ общаго согласія.

СОФИ. Вотъ это хорошо, папенька; вы всегда совѣтуете быть снисходительными къ нашему полу, и первые подаете въ томъ примѣръ.

Г. ВАНДЕРКЪ (*подавая руку женѣ своей*). Уважай то, что любишь! Я по себѣ знаю, какъ это хорошо.

(*Они выходятъ въ садъ. Вандеркъ пропускаетъ Антуана впередъ, и слѣдуетъ за нимъ съ женой; Софи, выходя, дѣлаетъ знакъ Жоржу, чтобъ и онъ шелъ съ ними. Жоржъ, взоръ котораго былъ устремленъ на Викторину, дѣлаетъ ей прощальный знакъ и выходитъ*).

VI.

ВИКТОРИНА, ФЮЛЬЖАНСЪ.

ФЮЛЬЖАНСЪ. Вамъ очень непріятно на что–нибудь рѣшиться, мадмоазель Викторина ... и я самъ...

ВИКТОРИНА (*съ порывомъ*). А! и вамъ также, не правда–ли?

ФЮЛЬЖАНСЪ. Я скрывалъ отъ васъ мои мысли, надѣялся заглушить ихъ, побѣдить себя. Но я слишкомъ страдаю, и дальнѣйшее молчаніе будетъ уже притворствомъ. Я не хочу, не долженъ притворяться. Я васъ люблю, Викторина, о! да, я васъ люблю! не принимайте–же въ худую сторону того, что я вамъ скажу.

ВИКТОРИНА. Говорите скорѣе!

ФЮЛЬЖАНСЪ. Я бы желалъ ... Я бы не хотѣлъ, нѣтъ, я бы не хотѣлъ отказаться отъ васъ ... а между тѣмъ ...

ВИКТОРИНА (*внимательно*). Что?

ФЮЛЬЖАНСЪ. А между тѣмъ ... я бы желалъ кое–что измѣнить въ вашихъ мечтахъ о будущемъ. Еслибъ я былъ человѣкъ безъ правилъ, я могъ бы обмануть васъ, прикинуться, что готовъ всему подчиниться, а на другой день свадьбы сказать вамъ: вотъ, чего я хочу. Но это было бы недобросовѣстно, вы возненавидѣли бы меня, и по

дѣломъ. Я скажу вамъ лучше заранѣе, и если вамъ покажется невозможнымъ ... я покорюсь, буду страдать ... откажусь отъ счастія, которымъ льстилъ себя.

ВИКТОРИНА. Чего-жъ бы вы хотѣли, еслибъ мы ужъ были обвѣнчаны?

ФЮЛЬЖАНСЪ *(съ усиліемъ)*. Оставить этотъ домъ, это семейство... эту страну, и переѣхать жить за границу, или на другой конецъ Франціи.

ВИКТОРИНА (*живо*). О! никогда ... ни за что!

ФЮЛЬЖАНСЪ. Вотъ, чего я боялся, въ чемъ былъ увѣренъ, что̀ тяжело мнѣ; но я предпочитаю знать правду заранѣе.

ВИКТОРИНА. О! и я также!

V.

АНТУАНЪ и **Г. ВАНДЕРКЪ** (выходятъ изъ сада), **ВИКТОРИНА** и **ФЮЛЬЖАНСЪ.**

АНТУАНЪ. Что это, ссора? (*Вандерку*). Вѣдь я вамъ говорилъ, что они не поладятъ.

ВАНДЕРКЪ. Неужели? Въ чемъ-же дѣло, дѣти? мы постараемся согласить васъ.

ВИКТОРИНА. О! мы совершенно между собой согласны, г. Вандеркъ; намъ нельзя жениться, вотъ и все.

АНТУАНЪ (*сердито*). Это что за новости!

ВИКТОРИНА. Мы не споримъ; мы изъ за этого вовсе и не ссорились. Ему упрекнуть меня не въ чемъ, я нисколько на него не въ претензіи. Онъ откровененъ, я также, вотъ и все.

АНТУАНЪ. Да что-жъ это такое, чортъ возьми? Объяснитесь-ли вы, Фюльжансъ?

ФЮЛЬЖАНСЪ. Мнѣ тяжело объясниться при господинѣ Вандеркѣ.

ВАНДЕРКЪ (*кротко*). Я уйду, если нужно.

ВИКТОРИНА (*удерживая его*). Нѣтъ, нѣтъ, вы здѣсь глава, судья, отецъ и господинъ. Я хочу, чтобъ онъ сказалъ при васъ, что̀ говорилъ мнѣ, а не то—я скажу вѣдь сама.

ФЮЛЬЖАНСЪ. Ваша правда, мадмоазель Викторина, и такъ какъ нѣтъ болѣе надежды ... (*Вандерку съ твердостію*). Если я женюсь на мадмоазель Викторинѣ, то отойду отъ васъ.

ВИКТОРИНА. Слышите? Онъ хочетъ отойти, ему хотѣлось-бы, чтобъ я бросила отечество, семью, вашъ домъ, въ которомъ родилась.

выросла и жила, какъ въ своемъ семействѣ, — въ которомъ я была счастлива. Онъ хочетъ увезти меня далеко, далеко отъ васъ, отъ папеньки ... отъ Софи!.. Ему хочется, наконецъ, уморить меня съ тоски, а объ этомъ съ папенькой не было уговора, я не на этомъ условіи дала согласіе ... Онъ въ этомъ сознается: стало-быть, свадьба наша разошлась.

АНТУАНЪ *(наблюдавшій за Фюльжансомъ и Викториной и сдѣлавшійся мрачнымъ).* Тише, тише, дочка, не торопись. Отъ этого свадьба еще не разойдется. Сказано, что жена покинетъ отца своего и мать и послѣдуетъ за мужемъ: ну, и ты послѣдуешь за своимъ, если онъ этого хочетъ.

ВИКТОРИНА. Чтобъ я бросила семью, домъ господина Вандерка!.. чтобъ я бросила васъ, батюшка! о! вы этого не захотите...

АНТУАНЪ. Ты со мной не разстанешься ... я поѣду съ тобою.

ВИКТОРИНА *(цѣпляясь за руку Вандерка).* Вы оставите господина Вандерка? О! послушайте, послушайте, папенька хочетъ оставить васъ! вамъ нельзя обойтись безъ папеньки!

ВАНДЕРКЪ *(который также сталъ внимательно наблюдать Антуана и Фюльжанса).* Господинъ Фюльжансъ ... можете-ли вы сказать мнѣ откровенно, отчего вы хотите оставить мой домъ и даже страну, въ которой я живу? Неужели вамъ противна моя дружба и услуги, которыя я могу вамъ оказать? Объяснитесь и не бойтесь, чтобы причины, заставляющія васъ поступить такъ, если только онѣ хороши, могли оскорбить меня.

ФЮЛЬЖАНСЪ. Если-бы я оставался холостякомъ, то нигдѣ не было бы мнѣ такъ хорошо, какъ у васъ. Я отдаю справедливость вашему характеру, но неужели я оскорблю васъ, если утаю причины, которыя вы желаете знать.

ВАНДЕРКЪ. Вы имѣете полное на то право! но я прошу вашей довѣренности ... Антуанъ, Викторина, оставьте насъ. Не уходите однакожъ слишкомъ далеко: мнѣ можетъ-быть тотчасъ будетъ нужно и съ вами поговорить.

АНТУАНЪ. Слушаю. И мнѣ также нужно поговорить съ этой барышней. *(Онъ нѣсколько сердито беретъ Викторину за руку и выходитъ съ нею въ садъ. Викторина бросаетъ отчаянный взглядъ на Вандерка).*

VI.

ВАНДЕРКЪ, ФЮЛЬЖАНСЪ (задумался).

ВАНДЕРКЪ. Ну, вотъ мы и одни, Фюльжансъ, и я думаю, что вамъ полезно-бы открыть мнѣ свое сердце и попросить совѣта у человѣка, который вдвое васъ старше и въ нѣкоторыхъ жизненныхъ вопросахъ, можетъ быть лучшимъ судьею, чѣмъ вы.

ФЮЛЬЖАНСЪ. Ахъ, господинъ Вандеркъ! ваша кротость меня трогаетъ ... я вѣрю въ ваше благоразуміе ... но не требуйте ... нѣтъ! я ничего вамъ не скажу.

ВАНДЕРКЪ. Такъ я постараюсь угадать. Можетъ быть, вы не довольны своимъ положеніемъ, и боитесь, что при вашемъ жалованьи, вамъ нельзя будетъ воспитать, какъ-бы слѣдовало, будущее семейство...

ФЮЛЬЖАНСЪ. Нѣтъ, нѣтъ! Вотъ то-то и убиваетъ меня, что вы предполагаете во мнѣ корыстолюбивые виды, когда совершенно напротивъ, когда я стыжусь ... и ... договаривать-ли, недоволенъ ... оскорбленъ деньгами, которыя вы сегодня подарили Викторинѣ.

ВАНДЕРКЪ (*внимательно наблюдая его*). Недоволенъ! оскорбленъ! чѣмъ-же? Развѣ вы не знаете, что Антуанъ мой прикащикъ, товарищъ и другъ, вотъ уже тридцать лѣтъ? что мы когда-то сражались рука объ руку, вмѣстѣ терпѣли горе, что онъ тысячу разъ доказывалъ мнѣ свою преданность и честность. Еще не такъ давно, сынъ мой дрался на дуэли: Антуанъ хотѣлъ вызвать его противника, чтобъ тотъ убилъ его и былъ-бы принужденъ бѣжать .. И вы находите страннымъ и щекотливымъ для вашей чести (*ударяетъ на эти слова*), что я даю скромное приданое дочери такого человѣка?

ФЮЛЬЖАНСЪ (*всторону*) Для моей чести!.. Онъ какъ будто читаетъ въ моихъ мысляхъ.

ВАНДЕРКЪ. Вы не отвѣчаете? Чтожъ находите вы въ этомъ удивительнаго?

ФЮЛЬЖАНСЪ (*колеблясь*). О! ничего, конечно, ничего! Но я слишкомъ гордъ ... (*съ горечью*) и благодѣянія оскорбляютъ меня.

ВАНДЕРКЪ. Тѣмъ хуже для васъ. Я не люблю, когда недовѣряютъ добрымъ намѣреніямъ, безъ всякой причины.

ФЮЛЬЖАНСЪ. Безъ всякой причины!..

ВАНДЕРКЪ. Такъ скажите-же причину вашей недовѣрчивости.

ФЮЛЬЖАНСЪ. Я ... у меня нѣтъ къ вамъ недовѣрчивости! она была-бы неблагодарностью, я это чувствую ... но что-же дѣлать, я не

могу себя перемѣнить. Я желаю, чтобы жена моя мнѣ одному была обязана своимъ достаткомъ, удовольствіями молодыхъ лѣтъ и спокойствіемъ старости. Я-бы желалъ быть ея единственной опорой, единственнымъ другомъ! Я родился ревнивцемъ!.. я ревную все, что люблю, ревную даже въ такихъ обстоятельствахъ, которыя покажутся вамъ, можетъ быть, ничтожными ... Я не знаю, осмѣлюсь-ли когда-нибудь говорить Викторинѣ *ты*, такъ я почитаю ее, а здѣсь всѣ ей говорятъ *ты*. Наконецъ, ее такъ ласкаютъ, такъ любятъ въ вашемъ домѣ, что привязанность ея не можетъ здѣсь сосредоточиться на мнѣ, и я буду тайно мучиться, что не могу быть единственнымъ виновникомъ ея счастія.

ВАНДЕРКЪ. Я понялъ васъ, какъ нельзя лучше.

ФЮЛЬЖАНСЪ. И осуждаете?

ВАНДЕРКЪ. Нисколько. Исключительная, неограниченная нѣжность — священнѣйшее право любви и супружества, и я не стану васъ отклонять отъ вашихъ намѣреній; но довольно-ли любитъ васъ Викторина, чтобы принять ихъ безъ сожалѣнія? Я совѣтую вамъ отложить свадьбу до тѣхъ поръ, пока вы не внушите ей столько довѣренности, что она съ радостью за вами послѣдуетъ.

ФЮЛЬЖАНСЪ. Вы мой спаситель!.. благодарю и благословляю васъ. Я воспользуюсь вашимъ совѣтомъ.

(Вандеркъ протягиваетъ ему руку; Фюльжансъ съ чувствомъ пожимаетъ ее, но не предаваясь увлеченію.)

VII.

АНТУАНЪ, ВАНДЕРКЪ, ФЮЛЬЖАНСЪ.

АНТУАНЪ (*входя въ садовую дверь*). Ну, что?

ВАНДЕРКЪ. Да я думаю, что придется отложить свадьбу.

АНТУАНЪ. Нѣтъ, ужъ извините, г. Вандеркъ: вы все дѣлаете къ лучшему, но не совсѣмъ хорошо понимаете дѣло ... Викторина, съ которой я сейчасъ поговорилъ серьозно, согласилась съ моимъ мнѣніемъ ... она любитъ Фюльжанса столько, что согласится на все; они обвѣнчаются въ будущее воскресенье, а на слѣдующей недѣлѣ уѣдутъ отсюда. Я обѣщалъ проводить ее и устроить тамъ, гдѣ захочетъ поселиться ея мужъ; потомъ я возвращусь сюда, устрою ваши дѣла и тогда ужъ поѣду жить къ дочери и зятю.

ФЮЛЬЖАНСЪ. Боже мой!.. Неужели это правда, г. Антуанъ?

ВАНДЕРКЪ. Ступайте теперь работать, Фюльжансъ. Надо быть спокойнымъ и не поддаваться впечатлѣніямъ. Мы еще увидимся.

VIII.

ВАНДЕРКЪ, АНТУАНЪ.

ВАНДЕРКЪ (*взволнованный*). И ты, Антуанъ, также покидаешь меня?

АНТУАНЪ. Покинуть васъ! никогда! если только вы сами меня не прогоните.

ВАНДЕРКЪ. Стало-быть, ты обманываешь свою дочь?

АНТУАНЪ. Что дѣлать: нужно! Еслибъ я не обѣщалъ ѣхать жить съ нею, она ни зачто не согласилась-бы слѣдовать за своимъ мужемъ.

ВАНДЕРКЪ. Стало-быть, болѣе всего огорчила-бы ее разлука съ отцемъ?

АНТУАНЪ. Разумѣется, потому-что она перестала сопротивляться, какъ скоро я далъ обѣщаніе ѣхать съ нею.

ВАНДЕРКЪ. Но хорошо-ли ты взвѣсилъ причины, заставляющія Фюльжанса удалиться отъ насъ? Знаешь-ли ты ихъ?

АНТУАНЪ (*озабоченный*). Нѣтъ!

ВАНДЕРКЪ. А между тѣмъ ты какъ будто-бы понималъ ихъ, потому-что согласился, не распросивъ.

АНТУАНЪ (*въ затрудненіи*). Что мнѣ за дѣло! Вѣдь онъ самъ этого хочетъ ... Вы опредѣлите его въ какой-нибудь торговый домъ, гдѣ онъ будетъ добывать себѣ средства къ жизни; онъ не будетъ такъ свободенъ и счастливъ, какъ здѣсь, но если самъ этого хочетъ ...

ВАНДЕРКЪ (*наблюдая его*). Ты что-то легко рѣшаешься на эту разлуку, на отъѣздъ твоей дочери.

АНТУАНЪ (*печально*). Э! да если Викторина хочетъ этого?

ВАНДЕРКЪ. Нѣтъ, не Викторина, а ты, Антуанъ, этого желаешь.

АНТУАНЪ (*съ нѣкоторой досадой*). Ну, такъ что-жъ, если и я желаю этого!

ВАНДЕРКЪ. Антуанъ! ты ничего не хочешь мнѣ сказать, но я все знаю!

АНТУАНЪ (*смущенный*). Знаете, знаете ... Да что вы знаете? Тутъ нечего знать, чортъ возьми!

ВАНДЕРКЪ. Я знаю, что Фюльжансъ ревнивъ! Развѣ это ничего?

АНТУАНЪ. Онъ сказалъ вамъ, что онъ ревнивъ? онъ самъ не

знаетъ, что говоритъ. Онъ не можетъ ревновать, да и не къ кому! Что онъ вамъ сказалъ?

ВАНДЕРКЪ. Ничего, но я понялъ; я бы долженъ былъ понять раньше, угадать, предвидѣть. Ты бы также долженъ былъ угадать и предвидѣть! Антуанъ, ты слишкомъ меня любишь.

АНТУАНЪ. Какъ такъ?

ВАНДЕРКЪ. Да, вмѣсто того, чтобъ открыть мнѣ глаза, ты готовъ допустить меня до неблагодарности къ тебѣ.

АНТУАНЪ (*печально*). Я васъ не понимаю, но вижу, что вы браните меня за то, что я люблю васъ больше всего на свѣтѣ, и это не хорошо.

ВАНДЕРКЪ. Ты не долженъ любить меня больше дочери, у тебя, въ отношеніи къ ней, болѣе священныя обязанности, ты долженъ отвѣчать Богу за ея добродѣтель и счастіе гораздо больше, нежели за мои выгоды и спокойствіе.

АНТУАНЪ. Но скажите-же мнѣ ...

ВАНДЕРКЪ. Такъ какъ у тебя есть отъ меня тайны, то и я ничего тебѣ не скажу, а поговорю ...

АНТУАНЪ. Съ моей дочерью? о! не говорите, прошу васъ! Не говорите Викторинѣ ниодного слова, которое могло-бы заставить ее думать, что вы или я можемъ этимъ заниматься.

ВАНДЕРКЪ (*удивленный*). Я не имѣлъ намѣренія говорить съ Викториной. Я сына моего хочу допросить

АНТУАНЪ. Вашего сына!.. какъ это можно? вы хотите, стало-быть, сказать ему ... заставить его думать ... дать ему понять ... Какъ это можно! надо, чтобъ онъ не имѣлъ и идеи объ этомъ ...

ВАНДЕРКЪ. О чемъ-же?

АНТУАНЪ (*въ замѣшательствѣ*). О ... о томъ, что вы полагаете!

ВАНДЕНКЪ. О ревности Фюльжанса?

АНТУАНЪ (*съ живостью*). Да, да, именно, о ревности Фюльжанса. Это сумасбродство, чистѣйшее сумасбродство, и если не оставить его безъ вниманія, то будетъ еще хуже.

ВАНДЕРКЪ. Стало-быть, сынъ мой еще не замѣтилъ?

АНТУАНЪ. Какъ ему было замѣтить? Развѣ онъ виноватъ, что Фюльжансъ ревнивъ?

ВАНДЕРКЪ. А Викторина?

АНТУАНЪ (*съ усиліемъ*). Викторина также ничего не подозрѣваетъ.

ВАНДЕРКЪ. Это доказываетъ, что сынъ мой ниоднимъ словомъ не поселилъ въ ней мысль, что онъ смотритъ на нее иначе, какъ на сестру. Однакожъ Викторина очень огорчена!

АНТУАНЪ (*перенося къ задней декораціи кресло, которое стояло на лѣвой сторонѣ*). Тѣмъ хуже! Но отъ этого не умираютъ! вы мнѣ ее избалуете, дай вамъ только волю!.. Нѣтъ, ей надо уѣхать отсюда, непремѣнно надо.

ВАНДЕРКЪ (*пораженный замѣшательствомъ Антуана*). Погоди! Отчего-же надо? Я это еще не совсѣмъ понимаю ... Позови-ка сюда Жоржа.

АНТУАНЪ. Что вы хотите дѣлать?

ВАНДЕРКЪ. Увидишь! ступай!

(*Антуанъ нерѣшительно выходитъ въ садовую дверь*).

IX.

ВАНДЕРКЪ, одинъ.

Нѣтъ! сынъ не виноватъ, но можетъ-быть ... чувства, въ которыхъ ни онъ, ни Викторина не даютъ себѣ отчета ... Можетъ-быть, Антуанъ ослѣпленъ ... этотъ превосходный человѣкъ преданъ мнѣ, какъ нельзя болѣе!.. Это возвышенно, прекрасно, но излишняя привязанность вводитъ въ заблужденіе, и я въ настоящемъ случаѣ долженъ полагаться на одного себя.

X.

ВАНДЕРКЪ, АНТУАНЪ, потомъ **ЖОРЖЪ.**

АНТУАНЪ (*входя первый изъ сада*). Вотъ вашъ сынъ ... Долженъ-ли я...

ВАНДЕРКЪ. Ты долженъ слышать все, что я скажу ему. (*Антуанъ становится въ глубинѣ сцены, облокотясь на каминъ и слѣдя, въ какомъ-то оцѣпенѣніи, за Вандеркомъ и Жоржемъ. — Жоржу, который входитъ*). Другъ мой, дѣло, о которомъ я хочу поговорить съ тобой, можетъ имѣть важныя послѣдствія, и я думаю, что ты поможешь мнѣ предупредить ихъ.

ЖОРЖЪ. Приказывайте, батюшка! я готовъ.

ВАНДЕРКЪ. Поѣзжай немедленно въ Парижъ.

ЖОРЖЪ (*содрогаясь*). Немедленно?

ВАНДЕРКЪ (*кротко, но съ нѣкоторою торжественностью*). Ты колеблешься? Тебѣ это непріятно?

ЖОРЖЪ. Могу ль я колебаться, когда дѣло идетъ о повиновеніи

вамъ? Но я не располагалъ разстаться съ вами сегодня!.. Я сей часъ соберусь.

ВАНДЕРКЪ (*съ намекомъ*). Возьми одинъ чемоданъ; тебѣ пришлютъ все, что тебѣ будетъ нужно на все время пребыванія твоего въ Парижѣ.

ЖОРЖЪ. На все время моего пребыванія? Развѣ вамъ угодно, батюшка, чтобъ я долго тамъ остался?

ВАНДЕРКЪ. Мои дѣла и твои удовольствія вѣрно займутъ два мѣсяца. Ты самъ, кажется, хотѣлъ пробыть тамъ не менѣе двухъ мѣсяцовъ?

ЖОРЖЪ. Я разсудилъ послѣ, что мнѣ будетъ трудно прожить такъ долго въ разлукѣ съ вами и съ матушкою!

Г. ВАНДЕРКЪ. Нѣтъ–ли особенныхъ причинъ, которыя заставляютъ тебя перемѣнить прежнее намѣреніе? (*съ намекомъ, и подходя къ нему*). Еслибъ онѣ были, ты вѣрно мнѣ первому сказалъ бы ихъ? ... потому-что я твой лучшій другъ и хочу имъ быть всегда! ...

ЖОРЖЪ. О! разумѣется, батюшка; вамъ однимъ я сказалъ бы все!...

ВАНДЕРКЪ. Подумай объ этомъ хорошенько. Я пойду приготовлю векселя, и если тебѣ нужно что–нибудь сказать мнѣ ... такъ приходи (*онъ тихо выходитъ въ переднюю и оборачивается въ дверяхъ, чтобы взглянуть на Жоржа и Антуана*).

XI.

АНТУАНЪ и ЖОРЖЪ.

АНТУАНЪ. А я пойду приготовлю вашъ чемоданъ.

ЖОРЖЪ (*удерживая его*). Антуанъ! что случилось съ Викториною?

АНТУАНЪ. Что такое?

ЖОРЖЪ. Я видѣлъ ее сейчасъ въ саду, съ моей сестрой; у нея заплаканы глаза, она не хотѣла отвѣчать на мои вопросы.

АНТУАНЪ. Это ничего! Викторина похожа на всѣхъ молоденькихъ дѣвушекъ Развѣ вы не знаете, что она плачетъ отъ каждой бездѣлицы? — оттого–что я прикрикну на нее немножко, оттого–что сестрица ваша позабудетъ поцѣловать ее, оттого–что улетитъ ея птичка или затеряется какая–нибудь ленточка; да мало–ли отчего? Она такой еще ребенокъ!

ЖОРЖЪ. Да, она плакала намедни объ лентѣ, которую я ей привезъ, а ты у нея отнялъ.

АНТУАНЪ (*съ неудовольствіемъ*). Ну да, вотъ видите! Лента съ бахромой, какъ-будто ей прилично носить бахрому! Она такая кокетка! (*онъ дѣлаетъ шагъ къ двери, ведущей къ передней; Жоржъ заграждаетъ дорогу и останавливаетъ его*).

ЖОРЖЪ. Нѣтъ, Антуанъ, Викторина совсѣмъ не кокетка.

АНТУАНЪ (*съ нетерпѣніемъ*). Она стала кокетничать, съ тѣхъ поръ какъ у нея завелся женихъ.

ЖОРЖЪ (*подходя къ Антуану*). Стало-быть, она очень его любитъ?

АНТУКНЪ. Что-же тутъ такого ... жениха любить не запрещается.

ЖОРЖЪ. Но если ты ошибаешься, ... если...

АНТУАНЪ. Это ужъ до меня касается, г. Жоржъ.

ЖОРЖЪ. Правда ... но участіе, которое я принимаю...

АНТУАНЪ. Да, да, разумѣется; благодарю васъ.

ЖОРЖЪ. Тебѣ не за что благодарить меня; это моя обязанность: ты такъ преданъ намъ! Вы для насъ тоже, что родные. Несчастіе Викторины сдѣлало-бы несчастнымъ тебя, и слѣдовательно всѣхъ насъ.

АНТУАНЪ. Но Викторина не будетъ несчастна, господинъ Жоржъ; я вамъ ручаюсь за это.

ЖОРЖЪ. Разумѣется, если она любитъ Фюльжанса ... Ты хорошо его знаешь? ...

АНТУАНЪ. Вы не хуже меня знаете, что онъ отличный, честный человѣкъ.

ЖОРЖЪ. Меня здѣсь не было, когда онъ опредѣлился къ намъ... А давно-ли ... какъ давно полюбила его Викторина?

АНТУАНЪ. Чувства молоденькой дѣвушки, господинъ Жоржъ, вещь такая деликатная .. что я, отецъ ея, никогда не осмѣлюсь задать ей вопросъ, который вы мнѣ дѣлаете. На мнѣ лежитъ обязанность угадать ея чувства ... и ободрять, если они похвальны. Викторина болѣе увѣрена въ себѣ, нежели я самъ; но я знаю, что она хочетъ выйдти за-мужъ только за того, кому я далъ слово.

ЖОРЖЪ. Это другое дѣло! Прости мнѣ, Антуанъ, за мою нескромность. Но я разстаюсь съ тобой, не буду на Викторининой свадьбѣ ... не приму участія ни въ семейныхъ радостяхъ, ни въ горѣ ... такъ, можетъ быть, я имѣлъ нѣкоторое право выразить тебѣ мое участіе! ...

АНТУАНЪ. Я благодаренъ, господинъ Жоржъ! очень благодаренъ. Я васъ очень люблю, вы это знаете! ... Мнѣ жаль, что вы такъ скоро ѣдете, но ... но вѣрно это необходимо, если вашъ батюшка

самъ говоритъ ... притомъ-же столичныя развлеченія скоро заставятъ васъ позабыть о насъ.

ЖОРЖЪ. Не такъ скоро, можетъ-быть, какъ ты думаешь!

АНТУАНЪ. Э, полноте! вы увидите столько прекрасныхъ вещей и людей высшаго полета! Будете въ театрахъ, на гуляньяхъ ... у васъ будутъ свои люди, свои лошади! ... О! вы обратите на себя вниманіе. И въ Парижѣ не много такихъ молодцовъ!

ЖОРЖЪ (*печально*). Добрый Антуанъ! ... Нечего дѣлать, пойду проститься съ батюшкой (*уходитъ*).

X.

АНТУАНЪ, одинъ.

А хозяинъ уговаривалъ его остаться! соглашался ... —О! что вы за человѣкъ, г. Вандеркъ! Это не увеличитъ моей любви къ вамъ, потому-что любить васъ больше я уже не могу, но это дастъ мнѣ еще болѣе силъ для исполненія моего долга! Можно-ли употребить во зло такую доброту! ... Нѣтъ, ... скорѣй умру съ печали!

XI.

АНТУАНЪ, СОФИ, ВИКТОРИНА.

СОФИ (*входя изъ сада*) А!—я тебя искала, Антуанъ! Не знаю, что сдѣлалось съ Викториной, ни какъ не могу ее утѣшить. Посмотри, какъ она грустна. Викторина, разскажи отцу, о чемъ ты плачешь.

АНТУАНЪ (*тихо Викторинѣ, уводя ее на первый планъ*). Ты сказала, что мы ѣдемъ? Вѣдь я тебѣ запретилъ.

ВИКТОРИНА. Нѣтъ, нѣтъ, я ничего не сказала!

АНТУАНЪ. И теперь не говори; — завтра!

СОФИ. Да ты бранишь ее, Антуанъ, вмѣсто того, чтобъ утѣшать?

АНТУАНЪ. Глупости, ребячество! Извините, сударыня, мнѣ некогда ... Я нуженъ хозяину. (*всторону уходя*). О! всѣ слабѣютъ, и я не знаю, кого мнѣ слушать. (*Уходитъ*).

XII.

СОФИ, ВИКТОРИНА.

СОФИ. Какъ! ты не настаиваешь? Я удивляюсь твоей покорности, или, лучше сказать, слабости, равнодушію.

ВИКТОРИНА. Ахъ, сударыня!

СОФИ. Во-первыхъ, я не хочу, чтобъ ты меня называла сударынéй; я для тебя Софи, прежняя Софи, которую ты вовсе не любишь, которую перестала любить, съ тѣхъ поръ, какъ полюбила этого Фюльжанса.

ВИКТОРИНА. Ахъ, Боже мой! я стараюсь любить его, и вы сами знаете, что ...

СОФИ. Что я знаю? Да отвѣчай-же! Если ты его не любишь, не выходи за него. Ахъ! еслибъ я не любила моего мужа, я бы не стала притворяться. Неужели ты думаешь, что отецъ твой будетъ радоваться, видя тебя несчастной, — можетъ-быть, преступною?

ВИКТОРИНА. Преступною? меня преступною?

СОФИ. Да, когда не любишь мужа, не трудно сдѣлаться преступною ... Можно безсознательно, невольно полюбить другого.

ВИКТОРИНА. Другого ... другого! Но я не полюблю другого .!. что вы мнѣ это говорите, Софи?

СОФИ. Я хочу, чтобъ ты не позволяла приносить себя въ жертву, а ты не защищаешься.

ВИКТОРИНА. Но вѣдь папенька говоритъ, что надо! ...

XIII.

ВАНДЕРКЪ, Г-ЖА ВАНДЕРКЪ, СОФИ, ЖОРЖЪ, АНТУАНЪ, ВИКТОРИНА.

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ (*входя изъ передней, говоритъ мужу*). Какъ, другъ мой, ты торопишь Жоржа уѣхать? Жоржъ не будетъ у нея на свадьбѣ? а онъ надѣялся повеселиться!

ВАНДЕРКЪ. Прости, что я тебя этимъ огорчаю, но есть дѣла, касающіяся чести ...

СОФИ (*пораженная*) Братецъ уѣзжаетъ? (*Викторина стоитъ, какъ окаменѣлая*).

ЖОРЖЪ. Да, милая сестра ... да, добрая маменька, я ѣду. Батюшка желаетъ этого, и я ни о чемъ не долженъ жалѣть, когда могу быть ему полезенъ.

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. Такъ поцѣлуй-же меня! Ты-добрый сынъ!

СОФИ. Но ты не долго будешь въ отлучкѣ?

ВАНДЕРКЪ. Два мѣсяца, можетъ быть.

ВИКТОРИНА. Два мѣсяца!

ЖОРЖЪ (*видя, что Антуанъ входитъ изъ передней, неся его чемоданъ, плащъ и шляпу*). Все готово, батюшка; нѣтъ-ли еще какихъ приказаній?

ВАНДЕРКЪ. Ты остановишься на день въ Бове, у Сюрмонта: онъ дастъ тебѣ свѣдѣнія касательно дѣла, о которомъ я тебѣ говорилъ, и, если будетъ можно, то пришли нарочнаго, но такого, на котораго было-бы можно положиться.

ЖОРЖЪ. Прощайте, батюшка (*онъ бросается въ его объятія, потомъ переходитъ къ другимъ*). Добрая маменька! ... милая Софи!

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. Мы проводимъ тебя до почтовой кареты.

ЖОРЖЪ. А ты, Викторина? Ты ничего мнѣ не говоришь? Ты на меня сердишься? Виноватъ не я, что не могу сдержать слово. Дай-же мнѣ руку. Ты уже будешь за мужемъ, когда я возвращусь.

ВИКТОРИНА. Ахъ, господинъ Жоржъ, тогда меня здѣсь не будетъ, я ужъ не увижу васъ.

ЖОРЖЪ. Что ты говоришь? Опомнись, Викторина!

АНТУАНЪ. Вѣдь вы знаете, что она у меня дурочка!

ЖОРЖЪ. Въ самомъ дѣлѣ, Богъ знаетъ, что съ тобой дѣлается, Викторина! Отвѣчай-же! Ну, какъ можно такъ смотрѣть на меня? Неужели-же ты думаешь, что мнѣ легко покидать моихъ добрыхъ родителей, нашъ домъ, въ которомъ такъ хорошо ... тебя, такую миленькую, когда ты не надуваешь губокъ!.. Еще разъ, прощайте, матушка... (*г. Вандеркъ дѣлаетъ ему знакъ*). Ѣду, ѣду, батюшка! Софи, ты будешь мнѣ писать? Антуанъ, ты меня извѣстишь о свадьбѣ?.. Прощайте, прощайте!.. (*быстро обращаясь къ Викторинѣ*). Да улыбнись-же! Ты видишь, что я выхожу изъ себя, чтобы какъ-нибудь оторваться отсюда! будь-же повеселѣе ... чтобъ я могъ утѣшать себя мыслью, что ты счастлива (*беретъ разсѣянно плащъ, который Антуанъ уже нѣсколько минутъ ему протягиваетъ*). Думай о своемъ великолѣпномъ платьѣ, объ ожерельѣ, о часахъ ... а въ день свадьбы, вспомни о тетушкѣ моей маркизѣ, и вели нести за собой шлейфъ маленькому негру, котораго я вывезъ ... Да смѣйся-же ... хоть немножко ... вотъ такъ .. ну, еще!

ВИКТОРИНА (*нервически смѣясь*). Да, да, я ужасно буду смѣяться ... наряжусь ... буду думать о васъ ... о вашей тетушкѣ ... буду важничать ... и негра возьму ... Софи все это опишетъ вамъ ... и вы будете тамъ смѣяться ... не правда-ли ... вы будете смѣяться?..

ЖОРЖЪ. А! вотъ она смѣется. Слава Богу! Благодарю, Викторина. Прощайте, прощайте!

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. Мы проводимъ тебя (*всѣ уходятъ, за исключеніемъ Викторины и Софи, которая тотчасъ-же возвращается*).

XVI.

ВИКТОРИНА продолжаетъ смѣяться безсознательнымъ смѣхомъ, потомъ начинаетъ рыдать, и падаетъ безъ чувствъ въ кресла, стоящія на лѣвой сторонѣ, у столика. **СОФИ** возвращается и бѣжитъ къ ней.

СОФИ. Боже мой! что это? Викторина! Ахъ! я не обманывалась! А Жоржъ уѣхалъ! (*поддерживаетъ Викторину*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната Софи; та-же декорація, что и во второмъ дѣйствіи. — Ночь. — Комната освѣщена стоящими на консоляхъ канделабрами.

Г. ВАНДЕРКЪ и СОФИ.

СОФИ (*сидитъ у столика и шьетъ по канвѣ*). Ахъ, папенька! еслибъ я была наканунѣ моей свадьбы такъ печальна и взволнована, какъ она всю эту недѣлю, то вы ни за что-бы не согласились...

ВАНДЕРКЪ (*сидитъ по другую сторону столика*). Тутъ обстоятельства не тѣ, да и характеры другіе. Ты соединяешь твердость съ кротостью, а Викторина слаба и нерѣшительна.

СОФИ. Но если братъ...

ВАНДЕРКЪ. Ну, что такое! — братъ?..

СОФИ. Ахъ! папенька, вы понимаете, что я хочу сказать; иначе вы не заставили-бы его уѣхать отсюда.

ВАНДЕРКЪ. Берегись, Софи! Надо думать и говорить осторожно!

СОФИ. Стало-быть, любовь брата къ Викторинѣ была-бы преступленіемъ, и я ошибаюсь, думая, что вы согласились-бы...

ВАНДЕРКЪ. Передъ Богомъ нѣтъ неравныхъ браковъ. Такой слуга, какъ Антуанъ, истинный другъ; притомъ-же я съ самого дѣтства старался внушить тебѣ мысль, что Викторина тебѣ подруга и равная.

СОФИ. Такъ что-же, папенька?

ВАНДЕРКЪ. А то, дочка, что свѣтъ, имѣющій много здравыхъ и почтенныхъ убѣжденій, общихъ всѣмъ слоямъ общества, имѣетъ также множество предразсудковъ, противъ которыхъ похвально бороться; а для того, чтобы бороться, надо быть сильнымъ. Братъ твой, я

надѣюсь, возмужаетъ со временемъ; но онъ еще очень молодъ, и едва знаетъ себя. Знаю, что сильная страсть, возвышенная любовь, порождаютъ самоотверженіе, но братъ твой не чувствуетъ сильной страсти.

СОФИ. Однакожъ онъ совсѣмъ перемѣнился, съ тѣхъ поръ какъ заговорили о замужствѣ Викторины. Прежде, онъ любилъ ее какъ друга, не болѣе... Съ того дня, какъ ее обѣщали Фюльжансу, онъ часто заговаривалъ о томъ, что желалъ-бы оставить морскую службу и жениться. То хотѣлось ему уѣхать отсюда, то остаться здѣсь; то онъ чувствовалъ вдругъ потребность побывать въ Парижѣ, разсѣяться ... то желалъ открыть вамъ сердце свое... Я все это видѣла.

ВАНДЕРКЪ. Но вмѣсто того, чтобъ открыть мнѣ свое сердце, онъ уѣхалъ... Положимъ, что Жоржъ и любилъ Викторину, такъ, слегка; но онъ заглушилъ свою любовь, и чувствуя, что влюбленъ не серьозно, послушался голоса чести, который приказывалъ ему удалиться (*встаетъ*).

СОФИ. Правда!.. Бѣдная Викторина!

II.

АНТУАНЪ (*входитъ изъ передней, со свѣчею въ рукѣ*). Извините, сударыня, что я осмѣлился войти къ вамъ и побезпокоить вашего батюшку; но мнѣ надо отдать ему письмо, какъ кажется, очень нужное, я нашелъ его сейчасъ на моемъ письменномъ столѣ.

СОФИ (*встаетъ и идетъ къ дверямъ своей комнаты*). Читайте, читайте, папенька. Останься, Антуанъ! Я пойду къ себѣ, ждать Викторину. (*Уходитъ*).

III.

ВАНДЕРКЪ и АНТУАНЪ.

ВАНДЕРКЪ (*озабоченный, держитъ письмо, не глядя на него*). Ну что, Антуанъ, кончилъ ты приготовленія къ свадьбѣ?

АНТУАНЪ. Кончилъ. Мы пойдемъ въ церковь завтра утромъ, ровно въ девять часовъ. Ахъ! я желалъ бы уже быть на возвратномъ пути!

ВАНДЕРКЪ. Какъ ты торопишься!

АНТУАНЪ. Да вѣдь Фюльжансъ безпокойнѣе, нежели вы думаете; сегодня вечеромъ онъ просто несносенъ.

ВАНДЕРКЪ. Но Викторина ѣдетъ съ нимъ, чегоже ему еще надо? Онъ ужъ, право, слишкомъ взыскателенъ.

АНТУАНЪ. Взыскателенъ или нѣтъ, а отступить теперь нельзя.

ВАНДЕРКЪ. Однакожъ, если это замужство составитъ несчастіе Викторины?

АНТУАНЪ. Нѣтъ, я надѣюсь на нее, на себя, въ особенности на Бога; притомъ-же собственный мой опытъ говоритъ въ пользу этого брака. Покойница мать ея также не очень меня любила, когда я на ней женился; неровности моего характера пугали ее; но я столько любилъ ее, что съумѣлъ сдѣлать счастливой, и вы сами знаете, какъ она благословляла меня, умирая.

ВАНДЕРКЪ. Да, она была образецъ женщины и матери. Но ты не былъ ревнивъ!

АНТУАНЪ. Я былъ ревнивъ.

ВАНДЕРКЪ. По-крайней-мѣрѣ, ты этого не показывалъ.

АНТУАНЪ. Случалось иногда... Повѣрьте, Викторина полюбитъ своего мужа точно также, какъ меня любила ея мать, со всѣми моими достоинствами и недостатками... Но прочтите письмо: оно, кажется, нужное.

ВАНДЕРКЪ (*глядя на письмо*). Да, написано, что нужное; но это еще ничего не значитъ.

АНТУАНЪ. Прочесть вѣдь не долго. Дѣла важнѣе всего!

ВАНДЕРКЪ (*подходитъ къ свѣчамъ и прочитавъ письмо*). Рука Жоржа... да! На адресѣ онъ поддѣлалъ ее (*перевертываетъ письмо*) но все-таки я узнаю его руку. Антуанъ! извѣстіе довольно важное. Посмотри.

АНТУАНЪ (*читая у канделабра, стоящаго на правой сторонѣ*). «Гаррисъ и Морриссонъ объявили себя несостоятельными; надѣюсь, что «извѣщаю васъ объ этомъ во-время, и что вы успѣете еще принять «нужныя мѣры.» Это, кажется, нисколько не смущаетъ васъ?

ВАНДЕРКЪ. Я ждалъ этого извѣстія.

АНТУАНЪ. Но вѣдь вамъ надо пріискать, въ теченіе двадцати четырехъ часовъ, шестьсотъ ... что я говорю, семь, восемь сотъ тысячъ ливровъ.

ВАНДЕРКЪ (*спокойно*). Деньги найдутся; я все предусмотрѣлъ.

АНТУАНЪ. И ничего мнѣ не сказали!

ВАНДЕРКЪ. Зачѣмъ было говорить? У тебя и своихъ заботъ довольно.

АНТУАНЪ. Что значатъ мои заботы, когда дѣло идетъ о вашихъ?

ВАНДЕРКЪ. Но ктоже привезъ это письмо?

АНТУАНЪ. Я никого не видалъ. Я нашелъ письмо на моемъ письменномъ столѣ, минутъ десять тому назадъ.

ВАНДЕРКЪ. Вѣрно прислано съ нарочнымъ.

АНТУАНЪ. Пойду, отыщу его и приведу къ вамъ.

ВАНДЕРКЪ. Проведи его въ кабинетъ. Я хочу, чтобъ семейство мое ничего не знало.

АНТУАНЪ. Будьте спокойны.

(*Вандеркъ уходитъ.*)

IV.

АНТУАНЪ, потомъ **ФЮЛЬЖАНСЪ,** входитъ изъ сада, какъ бы украдкой и очень взволнованный.

АНТУАНЪ. Куда къ чорту могъ дѣваться этотъ человѣкъ? Бьюсь объ закладъ, что онъ завалился гдѣ-нибудь на сѣнѣ, въ конюшнѣ. Скакалъ сюда, я думаю, сломя голову... А! Фюльжансъ!... не видалъ-ли ты его?

ФЮЛЬЖАНСЪ. А вы?

АНТУАНЪ (*беретъ свою свѣчу и готовится уйти*). Нѣтъ. Гдѣ онъ?

ФЮЛЬЖАНСЪ. Я его ищу.

АНТУАНЪ. Онъ долженъ быть въ конюшнѣ или въ кухнѣ.

ФЮЛЬЖАНСЪ. Господинъ Жоржъ Вандеркъ въ конюшнѣ? въ кухнѣ?

АНТУАНЪ. Э! кто тебѣ говоритъ о господинѣ Жоржѣ? Развѣ онъ самъ пріѣхалъ?

ФЮЛЬЖАНСЪ. Не знаю. Я васъ спрашиваю.

АНТУАНЪ. Вотъ это хорошо! Да что мы, въ загадки что-ли играемъ? Мнѣ некогда терять время на эти глупости. Пойдемъ искать посланнаго. (*Идетъ къ садовой двери.*)

ФЮЛЬЖАНСЪ (*иронически*). А! такъ стало-быть, это посланный?

АНТУАНЪ (*съ досадой*). Ну, да! посланный, который привезъ депешу; хозяинъ хочетъ съ нимъ говорить, а я еще не видалъ его. Ясно-ли?

ФЮЛЬЖАНСЪ. Господинъ Антуанъ! вы говорите со мной такимъ тономъ...

АНТУАНЪ. Э! чортъ возьми! да самъ-то ты какъ говоришь со мной?

ФЮЛЬЖАНСЪ. Я еще не зять вамъ, господинъ Антуанъ, и имѣю право безпокоиться... Я играю здѣсь въ большую игру: ставлю честь мою на карту!

АНТУАНЪ. О! какое надо терпѣніе! Ты съ ума сошелъ, Фюльжансъ; ну, что общаго между твоей честью и человѣкомъ, который привезъ письмо?... Пойду самъ...

ФЮЛЬЖАНСЪ. Вотъ видите-ли, вы сами чего-то опасаетесь...

АНТУАНЪ. Убирайся къ чорту! я теряю терпѣніе.

ФЮЛЬЖАНСЪ. Хорошо; но знайте, что гнѣвъ вашъ не заставитъ меня перемѣнить мыслей. Я говорю вамъ, что человѣкъ, который пришелъ сюда, съ ногъ до головы закутанъ въ плащъ и прячется, что его знаютъ собаки, потому-что не лаютъ, что онъ, наконецъ, прокрался въ домъ какъ тѣнь...

АНТУАНЪ (*Пожимаетъ плечами. Онъ уже у дверей въ переднюю*). Ужъ не воръ-ли?... Пойдемъ поскорѣе!

ФЮЛЬЖАНСЪ (*иронически*) Вы шутите, господинъ Антуанъ?... Шутите, шутите, но берегитесь, какъ бы вамъ не пришлось открыть что-нибудь такое, чего-бы вамъ не хотѣлось знать.

АНТУАНЪ (*всторону*). Этотъ сумасбродъ пугаетъ меня!... Неужели?... Нѣтъ, нѣтъ! (*Возвращаясь, вслухъ.*) Послушай, Фюльжансъ! скажешь-ли ты мнѣ, наконецъ, въ первый и послѣдній разъ, что ты подозрѣваешь, и что дѣлаетъ тебя такимъ сварливымъ и недовольнымъ наканунѣ свадьбы?

ФЮЛЬЖАНСЪ. Извольте, я скажу, хотя вы сами все знаете, и вопросъ вашъ неискренъ. Я скажу вамъ все, потому-что не привыкъ такъ ужасно страдать. Я былъ спокоенъ, трудолюбивъ и безстрастенъ. Я не зналъ, что такое любовь. Мнѣ кажется, что я не рожденъ для любви, потому-что для любви необходима довѣренность, а у меня ея нѣтъ... Зачѣмъ отдаете вы мнѣ вашу дочь? Зачѣмъ дочери вашей даютъ денегъ, когда она выходитъ за человѣка, у котораго ничего нѣтъ? Отчего вы такъ торопитесь обвѣнчать насъ? Отчего господинъ Жоржъ Вандеркъ уѣхалъ отсюда въ ту самую минуту, когда я начиналъ подозрѣвать его? И если это онъ пріѣхалъ сюда сегодня вечеромъ, то зачѣмъ?

АНТУАНЪ (*слушавшій его съ смущеніемъ и озабоченнымъ видомъ, идетъ къ столу, чтобы поставить свѣчу и ставитъ ее съ такимъ порывистымъ движеніемъ, что она гаснетъ*). О! какъ ты счастливъ, что я самъ былъ когда-то ревнивъ! Безъ этого, я не выслушалъ-бы такъ терпѣливо твоихъ подозрѣній. Но ревность—болѣзнь! (*Возвращается къ Фюльжансу и мало по малу разгорячается, не смотря на то, что въ началѣ объясненія старался быть спокойнымъ.*) Фюльжансъ! я даю тебѣ дочь мою, потому-что хочу выдать ее за честнаго человѣка. Я тороплю свадьбу, потому-что знаю, что ты оцѣнишь Викторину, когда узнаешь ее покороче. Господинъ Вандеркъ даетъ ей деньги, потому-что любитъ меня. Эти деньги огорчаютъ тебя? Тѣмъ лучше! мы возвратимъ ихъ, не говоря ни слова, въ его кассу. (*Всторону.*) Это будетъ теперь, можетъ-быть, вовсе не лишнимъ. (*Вслухъ.*) Господинъ Жоржъ Вандеркъ уѣхалъ.... да, я скажу тебѣ

всю правду: онъ уѣхалъ, потому-что отецъ его замѣтилъ твою ревность и удалилъ его, по добротѣ своей къ тебѣ ... ко мнѣ! А если онъ возвратился сюда сегодня вечеромъ, — чему я не вѣрю, — то вѣроятно потому-что хотѣлъ лично передать отцу важное извѣстіе, о которомъ ты скоро узнаешь. Прятался же онъ.... да это неправда, ты видѣлъ это во снѣ, слѣдовательно нечего и доискиваться причинъ.

(*Идетъ къ столу, чтобы взять свою свѣчу, пожимая плечами*)

ФЮЛЬЖАНСЪ (*съ горечью*). Ваше объясненіе закрываетъ мнѣ ротъ. Оно предписываетъ мнѣ незнать, ради приличія, что здѣсь дѣлается. Оно уполномочиваетъ васъ идти одному на развѣдку... Но и я пойду: почтительнѣйше увѣдомляю васъ о томъ.

АНТУАНЪ. Пожалуй; но могу сказать, что голова у тебя желѣзная.

V.

ФЮЛЬЖАНСЪ, одинъ,

Да, да, если только господинъ Антуанъ самъ не попался въ обманъ, то онъ очень хитеръ. Увидимъ!... Ахъ, Викторина! есть минуты, когда я жалѣю, что еще не властелинъ твой и не имѣю права заставить тебя страдать! Чувствую, что становлюсь злымъ и что принесу въ жертву и ее и себя! Не лучше-ли разорвать все?... Но скажутъ, что я оскорбляю ее, пятнаю ея честное имя... Надо осмотрѣть садъ, потому-что тамъ скрылась проклятая тѣнь....

(*Идетъ къ двери, ведущей въ садъ, но останавливается, увидя Софи, вышедшую изъ своей комнаты*).

VI.

СОФИ, ФЮЛЬЖАНСЪ.

СОФИ (*удивленная*). Господинъ Фюльжансъ!... что вамъ здѣсь угодно?

ФЮЛЬЖАНСЪ. Ничего, сударыня; я пришелъ за господиномъ Антуаномъ и ухожу. (*Дѣлаетъ движеніе къ садовой двери*).

СОФИ (*указывая ему на дверь передней*). Не угодно-ли сюда?

(*Фюльжансъ уходитъ.*)

VII.

СОФИ, одна.

Какой у него угрожающій и злобный видъ! Терпѣть не могу этого человѣка. Что онъ тамъ смотрѣлъ въ садъ? (*Подымаетъ занавѣсъ.*) Вѣчно и вездѣ подсматриваетъ! (*Отворяетъ стеклянную дверь и быстро затворяетъ ее.*) Мужчина въ плащѣ! Мнѣ страшно ... Впрочемъ, это вѣрно папенька... а, можетъ быть, мужъ, которому вздумалось сдѣлать мнѣ сюрпризъ... (*Возвращается къ двери.*) Ахъ! Боже мой, братъ! (*Обнимаетъ входящаго брата.*)

VIII.

СОФИ, **ЖОРЖЪ**, закутанный въ плащъ.

ЖОРЖЪ. Да, это я, сестра. Меня могутъ открыть въ саду, потому-что, кажется, ищутъ, и я пришелъ искать у тебя убѣжища. Я не хочу, чтобъ меня видѣли.

СОФИ. Не хочешь, чтобъ тебя видѣли?

ЖОРЖЪ. Да! Затвори, пожалуйста, двери. (*Онъ затворяетъ дверь въ садъ, а Софи дверь въ переднюю.*)

СОФИ. Скажи же мнѣ скорѣе....

ЖОРЖЪ (*идетъ къ лѣвой двери*). А здѣсь?... Отсюда никто насъ не услышитъ? Мужъ твой пріѣхалъ?

СОФИ. Нѣтъ; я жду его не раньше завтрашнего дня. Если ты боишься, чтобъ тебя не застали, такъ запрись въ его комнату. (*Показываетъ ему на правую дверь*). Но къ чему такая таинственность? Что случилось?

ЖОРЖЪ. Ничего... Дѣловое извѣстіе, которое я узналъ въ Бове, гдѣ батюшка приказывалъ мнѣ остановиться для справокъ... Я не хотѣлъ довѣрить этого извѣстія постороннему лицу. Не знаешь ли ты, получилъ онъ письмо, которое было на письменномъ столѣ Антуана?

СОФИ. Получилъ. Я видѣла, какъ Антуанъ отдалъ его ... Но зачѣмъ было писать? отчего ты не хочешь повидаться съ батюшкой?

ЖОРЖЪ. Хотѣлъ дождаться, чтобъ всѣ улеглись; мнѣ хотѣлось видѣть батюшку одного. До моей комнаты я не могъ добраться, потому-что Фюльжансъ слѣдилъ за мной, какъ тѣнь.

СОФИ. А!... Но можетъ-быть, ты нехорошо дѣлаешь, что такъ прячешься?

ЖОРЖЪ. Можетъ–быть, худо и то, что я воротился! Но я не останусь, Софи... Еще нѣсколько минутъ, обниму тебя, и тотчасъ же уѣду.

СОФИ. Благодарю за дружбу... Но не нужно-ли тебѣ сообщить мнѣ что–нибудь?

ЖОРЖЪ (*смущенный*). Ничего особеннаго... Да, кстати! была ужъ свадьба?

СОФИ. Свадьба Викторины?

ЖОРЖЪ. Да!

СОФИ. А если–бъ была?

ЖОРЖЪ. Это не перемѣнило бы моего намѣренія, я тотчасъ-же уѣду отсюда. Почтовый экипажъ ждетъ меня за городомъ, и я хочу пуститься въ Парижъ еще до разсвѣта... Такъ свадьба была?... Должно-быть, была...

СОФИ. А если нѣтъ?

ЖОРЖЪ. Нѣтъ еще?.. Какъ! Софи, они еще не обвѣнчаны?

СОФИ. Ихъ вѣнчаютъ завтра утромъ.

ЖОРЖЪ. Навѣрное?

СОФИ. О разрывѣ, по крайней мѣрѣ, небыло рѣчи.

ЖОРЖЪ (*съ разсѣяннымъ видомъ, потряхиваетъ своими перчатками и избѣгаетъ взоровъ сестры*). А что Викторина?.. весела или печальна?.. будетъ-ли она счастлива?..

СОФИ. За будущее отвѣчать никто не можетъ.

ЖОРЖЪ. Правда. И самъ-то я... что знаю о моемъ будущемъ? Я о немъ не думалъ даже, когда пустился отсюда... посмотрѣть на свѣтъ!.. а потомъ, въ послѣднюю минуту, мнѣ стало жаль, что не придумалъ чего-нибудь поумнѣе.

СОФИ. Отчего-же не сказалъ ты о своемъ сожалѣніи батюшкѣ?

ЖОРЖЪ. Поздно было!

СОФИ. Отчего-же?

ЖОРЖЪ. Ахъ! Софи, теперь признанье мое ни къ чему уже не послужитъ.

СОФИ (*обращаясь къ Жоржу, который ходитъ въ волненіи*). Ты думалъ, можетъ-быть, о женитьбѣ? Ты любишь, Жоржъ? На что бы ты ни рѣшился, батюшка вѣрно все одобритъ какъ скоро ты скажешь ему: я люблю нѣжно, глубоко и на всю жизнь.

ЖОРЖЪ. Развѣ я увѣренъ въ силѣ любви моей, чтобы рѣшиться на такую клятву? мое сердце сдѣлалось для меня загадкою. Я колеблюсь, стараюсь развлечься, страдаю ... а меня не только не ободряютъ, а, напротивъ, какъ будто стараются отнять у меня всякую надежду...

Тогда я силюсь все забыть, разсѣяться, а какъ меня не любятъ, то умнѣе этого мнѣ и поступать, кажется, нельзя.

СОФИ. А! такъ ты колеблешься, чувствуешь, что могъ-бы легко излечиться, не хочешь отдать своего сердца вполнѣ, не будучи напередъ увѣренъ во взаимности? Когда любишь истинно, то вопросъ о томъ, будешь ли счастливъ, не приходитъ въ голову. Любишь, потому-что любишь, вотъ и все! А ты не любишь, Жоржъ (*встаетъ*). Не думай-же объ этомъ, не играй чужою будущностью, когда оставляешь на произволъ случая свою собственную. Уѣзжай, когда всѣ лягутъ. Я никому не скажу, что тебя видѣла.

ЖОРЖЪ. Батюшка разсердился-бы, можетъ-быть, еслибъ узналъ, что я пріѣзжалъ!..

СОФИ. Можетъ-быть!.. но идутъ, спрячься.

ЖОРЖЪ (*идетъ къ правой двери*). Мы еще увидимся на минутку и поговоримъ.

СОФИ, Да, да! Запри за собою дверь! (*она притворяетъ за нимъ дверь и идетъ отворить дверь передней*).

IX.

АНТУАНЪ, Г-НЪ и Г-ЖА ВАНДЕРКЪ, СОФИ, ВИКТОРИНА. Софи, Викторина и г-жа Вандеркъ стоятъ обнявшись и образуютъ группу. Г Вандеркъ и Антуанъ подходятъ къ авансценѣ.

ВАНДЕРКЪ. Ты говоришь, что не нашелъ посланнаго?

АНТУАНЪ. Провалился, должно-быть. Никто не видалъ ни его, ни лошади, а письмо упало съ неба!

СОФИ. Это оттого – что въ домѣ не все въ порядкѣ, по случаю завтрашней свадьбы.

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. Что это такъ тревожитъ васъ? И что за письмо? ... нѣтъ–ли въ немъ чего нибудь? . .

ВАНДЕРКЪ. Ничего, ничего, мой другъ. Меня, благодаря Бога, ничто не тревожитъ. (*Тихо Антуану*). Вѣрно, Жоржъ приказалъ ему не оставаться здѣсь ни минуты и ни съ кѣмъ не говорить, чтобъ не надѣлать въ домѣ шума. Онъ поручилъ, вѣроятно, это важное дѣло своему каммердинеру.

АНТУАНЪ. Вѣроятно; потому-что посланный знаетъ, повидимому, всѣ проходы въ домѣ.

ВАНДЕРКЪ (*обращаясь къ Софи*). Мы привели тебѣ Викторину

и сами пришли пожелать тебѣ покойной ночи. Ты что-то сердилась на насъ сегодня вечеромъ и не хотѣла посидѣть съ нами.

СОФИ. Я сердилась? ... О! неправда!

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. Она только и думаетъ теперь о скоромъ пріѣздѣ мужа (*къ Софи ласково*). Но мы прощаемъ тебя ... Завтрашній день былъ-бы настоящимъ семейнымъ праздникомъ, еслибъ Жоржъ былъ дома, и еслибъ Викторина насъ непокидала

ВИКТОРИНА. Ахъ! я задыхаюсь, когда вспомню объ этомъ! Не напоминайте, пожалуйста.

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. Боже мой! да у тебя дрожь! А еще недавно, ты была такъ безпечна и весела, что я почти готова была обвинить тебя, что ты разстаешься съ нами безъ сожалѣнія?

АНТУАНЪ. Она сама не знаетъ, что думаетъ: такая капризная!

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ (*наблюдая Викторину*). Это правда, что она немного капризна ... съ нѣкотораго времени .. особенно сегодня ... Ужъ не опять-ли у нея лихорадка?

АНТУАНЪ. Нѣтъ, нѣтъ, сегодня она здорова.

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ (*мужу*). Другъ мой, вы нашъ домашній врачъ, единственный, какъ вы знаете, къ которому я имѣю довѣріе; посмотрите ...

ВАНДЕРКЪ (*беретъ, улыбаясь, Викторину за руку*). Пожалуйте-ка сюда, госпожа больная.

ВИКТОРИНА О! я не больна (*всторону*), къ несчастію!

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ (*мужу, который, щупая Викторинъ пульсъ, сдѣлался серьозенъ*). Ну, что?

ВАНДЕРКЪ. Она была сегодня очень взволнована; у нея лихорадка.

АНТУАНЪ. Въ ея лѣта у дѣвушекъ всегда лихорадка.

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. Но если она и завтра будетъ нездорова, то надо будетъ отложить свадьбу. Тѣлесное страданіе отзывается всегда и въ нравственномъ отношеніи, а въ день, который рѣшаетъ судьбу всей остальной жизни, надо, чтобъ не было ни одной грустной мысли.

АНТУАНЪ (*всторону*). Ну! и хозяйка вмѣшалась! (*г-ну Вандеркъ*) Пошлите Викторину спать. Ужъ поздно.

ВАНДЕРКЪ. Да, да, надо, чтобъ она поскорѣе легла и хорошенько уснула.

АНТУАНЪ (*дочери*). Слышишь? Господинъ Вандеркъ хочетъ, чтобъ ты спала.

ВИКТОРИНА. Развѣ можно спать по заказу?

АНТУАНЪ. Вѣчно упрямство .. даже въ бездѣлицахъ! И все только, чтобъ сдѣлать на перекоръ.

ВИКТОРИНА. Я буду спать, папенька, буду!

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. Поцѣлуй же отца, который вѣчно бранитъ тебя ... потому-что обожаетъ (*понижая голосъ*). И не забудь, что я совѣтовала тебѣ сказать ему.

ВИКТОРИНА. О! нѣтъ, не забуду. Папенька, мнѣ нужно поговорить съ вами наединѣ.

АНТУАНЪ. Наединѣ?

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. Да, Антуанъ. Мы оставляемъ васъ. Прощай, Викторина! (*цѣлуетъ Викторину*). Прощай, дочь моя (*цѣлуетъ дочь, Вандеркъ также цѣлуетъ Софи, затѣмъ оба уходятъ черезъ переднюю, а Софи въ свою комнату*).

X.

АНТУАНЪ, ВИКТОРИНА.

АНТУАНЪ. Говори! что такое?

ВИКТОРИНА (*становясь на колѣна*). Папенька, господинъ и госпожа Вандеркъ благословили меня сегодня вечеромъ; не угодно-ли и вамъ благословить меня?

АНТУАНЪ. Ты хочешь меня разжалобить? Встань, встань! Всѣ эти церемоніи только разстроиваютъ.

ВИКТОРИНА. И поцѣловать-то вы меня не хотите?

АНТУАНЪ. Поцѣловать я не отказываюсь.

ВИКТОРИНА (*прильнувъ къ отцу*). Папенька! милый папенька!

АНТУАНЪ. Опять слезы? Это наконецъ несносно!

ВИКТОРИНА. Я не плачу. Вотъ уже восемь долгихъ дней, что я не плакала. Стоило-же мнѣ исправляться, когда вы даже не замѣчаете! Посмотрите, глаза мои сухи.

АНТУАНЪ (*смущенный*). Они что-то очень блестятъ!.. Ты вѣдь не серьозно больна?

ВИКТОРИНА. Ѳ разумѣется нѣтъ!

АНТУАНЪ. Голова у тебя не болитъ?

ВИКТОРИНА. Немного ... но это пройдетъ.

АНТУАНЪ. Да, да, разумѣется пройдетъ. (*Ходитъ взадъ и впередъ*). Неужели у тебя въ самомъ дѣлѣ лихорадка?

ВИКТОРИНА. Не думаю. Посмотрите, руки у меня холодныя.

АНТУАНЪ. Напротивъ, онѣ очень горячи. Тебѣ нездоровится?

ВИКТОРИНА. Я ничего не чувствую.

АНТУАНЪ. Если ты ночью почувствуешь себя худо. — позови.

ВИКТОРИНА. О! мнѣ не хотѣлось-бы будить Софи.

АНТУАНЪ. Зачѣмъ-же будить. Ты позвони ... вотъ здѣсь, этотъ колокольчикъ проведенъ въ мой кабинетъ. Я до утра проработаю тамъ съ хозяиномъ.

ВИКТОРИНА. Не безпокойтесь, паненька, я буду здорова.

АНТУАНЪ. И завтра?

ВИКТОРИНА. И завтра.

АНТУАНЪ. Будешь свѣженькой, хорошенькой?.. не будетъ печальна? — это огорчило-бы меня. Неприлично быть и слишкомъ веселой, а надо имѣть скромный видъ ... въ церкви стоять благочестиво, обходиться со всѣми ласково ... быть, однимъ словомъ, такою, какая ты всегда.

ВИКТОРИНА. Вы будете мною довольны. О! я не желала-бы огорчить васъ въ такой день.

АНТУАНЪ. Хорошо, дитя мое, благодарю тебя.

ВИКТОРИНА. А теперь вы меня благословите? Другой награды я не требую за мою покорность.

АНТУАНЪ (*прижимая ее къ груди*). Я доволенъ тобою ... (*невольно растрогивается*). Благословляю тебя! Я люблю тебя ... да, отъ всей души люблю (*съ горячностію цѣлуетъ ее нѣсколько разъ — всторону, поднимая глаза къ небу и продолжая держать ее въ своихъ объятіяхъ*). Ахъ! господинъ Вандеркъ, вы не знаете, какъ я страдаю! (*Викторинѣ, которую онъ тихо отъ себя отталкиваетъ*). Пора, хозяинъ ждетъ меня, а тебѣ время отдохнуть ... помолись Богу, вспомни о твоей бѣдной матери, которая была честная женщина .. да больше ужъ ни о чемъ и не думай. Слышишь-ли?

ВИКТОРИНА. Слушаю, паненька

АНТУАНЪ (*уходя и останавливаясь, чтобъ посмотрѣть на Викторину, которая стоитъ неподвижно; всторону*). Мнѣ было легче, когда она плакала! Ахъ! внутреннеи-то рѣшимости въ ней нѣтъ. (*вслухъ*) Викторина!

ВИКТОРИНА (*вздрогнувъ*). Что прикажете, паненька?

АНТУАНЪ. Послушай! (*всторону*). Да, надо подкрѣпить ея волю. (*вслухъ*) Слушай внимательно. Чувствуешь-ли ты въ себѣ рѣшимость, настоящую рѣшимость? (*садится и сажаетъ ее къ себѣ на колѣна*).

ВИКТОРИНА. Мнѣ кажется, что у меня ея много.

АНТУАНЪ. Она-то, видишь-ли, и нужна для исполненія долга... Есть-

ли въ тебѣ гордость ... уваженіе къ самой себѣ ... есть-ли въ тебѣ, какъ говорится, сердце?

ВИКТОРИНА. Я надѣюсь.

АНТУАНЪ. Такъ надо выдти за Фюльжанса.

ВИКТОРИНА. Развѣ я противлюсь вашему желанію?

АНТУАНЪ. О! не я этого желаю, а совѣсть и честь предписываютъ.

ВИКТОРИНА. Какъ-же это? Почему?

АНТУАНЪ. А вотъ видишь-ли... Не дрожи-же такъ, мнѣ тяжело говорить тебѣ объ этомъ, а надо. Фюльжансъ воображаетъ, что ты кого-то любишь... кого бы не должна любить.

ВИКТОРИНА (*съ живостію*). Неправда.

АНТУАНЪ. Я-то знаю, что неправда, а онъ думаетъ, что правда; слѣдовательно, и другіе могутъ подумать. Тогда вотъ что про тебя скажутъ: какова Викторина, дочь Антуана, который, все-таки, не болѣе, какъ первый слуга г. Вандерка? мѣтитъ выше себя и вообразила, что выйдетъ за мужъ....

ВИКТОРИНА. За кого?

АНТУАНЪ. За кого? за хозяйскаго сына! какова! за молодаго человѣка богатаго, знатнаго, который видитъ въ ней подругу дѣтства и больше ничего. Что-жъ бы вы думали? оттого-что съ ней хорошо обращаются, что ее ласкаютъ, она имѣла глупость вообразить, что можетъ сдѣлать знатную партію и пренебрегаетъ равнымъ себѣ.

ВИКТОРИНА. О! что вы говорите, папенька? неужели господинъ Фюльжансъ это думаетъ? неужели про меня будутъ такъ говорить?

АНТУАНЪ. Будутъ говорить и думать, если ты не выйдешь замужъ съ рѣшимостью и охотой. А если господинъ и госпожа Вандеркъ подумаютъ то-же, если они станутъ обвинять тебя въ честолюбіи, въ кокетствѣ ... въ низости ... потому — что ложное честолюбіе бываетъ иногда низостью.

ВИКТОРИНА. Довольно! довольно!

АНТУАНЪ. А если господинъ Жоржъ... Онъ не повѣритъ ... но предположи, что повѣритъ. Ты покажешься ему тщеславною и пустою! Какъ будетъ онъ въ глубинѣ души смѣяться надъ тобой!

ВИКТОРИНА (*скрывая лицо свое на груди отца*). Довольно! Боже мой, довольно!

АНТУАНЪ. Видишь-ли...

ВИКТОРИНА (*вставая*). Вижу, что надо имѣть твердое сознаніе собственнаго достоинства ... и я буду имѣть его, папенька!

АНТУАНЪ (*вставая и цѣлуя ее*). Я огорчилъ тебя моими словами ... но что̀ дѣлать.

ВИКТОРИНА. Вы хорошо сдѣлали, папенька!

XI.

СОФИ, АНТУАНЪ, ВИКТОРИНА.

СОФИ (*выходя изъ своей комнаты*). Антуанъ! такъ-то ты заботишься, чтобъ она пораньше легла?

АНТУАНЪ (*позади Викторины, которая стала мрачна и сѣла направо, погруженная въ мысли*). Викторина спокойна теперь и очень благоразумна. Не жалѣйте о ней слишкомъ, не балуйте ея, пожалуйста... Не разрушайте моихъ трудовъ.

СОФИ. Если трудъ твой клонится къ тому, чтобы убить ее, то кажется, что ты успѣешь.

АНТУАНЪ (*уходя черезъ переднюю*). Боже мой! Боже мой!

XII.

СОФИ (*подходитъ къ Викторинѣ, которая сидитъ, какъ окаменѣлая*). Что съ ней? о чемъ она думаетъ?

(*Жоржъ выходитъ изъ комнаты, въ которой былъ спрятанъ и становится вмѣстѣ съ Софи, за кресломъ Викторины*).

СОФИ (*тихо*). Что ты дѣлаешь, братъ! Не показывайся, не говори съ ней, если не можешь спасти.

ЖОРЖЪ. Поговори ты съ ней, сестра: она пугаетъ меня.

СОФИ (*Викторинѣ*). Викторина! Викторина! Глуха ты, или умерла? Отвѣчай-же!

ВИКТОРИНА (*какъ-бы очнувшись отъ сна*) А! что такое?

СОФИ. Ты забыла, стало-быть, что я жду тебя, развѣ ты не хочешь спать?

ВИКТОРИНА. Ахъ! да, правда, я было и забыла.

СОФИ. Что ты тутъ дѣлаешь? О чемъ думаешь?

ВИКТОРИНА. Ни о чемъ: я сидѣла и смотрѣла на паркетъ.

СОФИ. Что-же въ немъ особеннаго?

ВИКТОРИНА. Не знаю.

СОФИ. Ты думала о Фюльжансѣ?

ВИКТОРИНА. О Фюльжансѣ? да ... нѣтъ .., незнаю.

СОФИ. Вѣдь ты такъ его любишь!

ВИКТОРИНА. Такъ люблю!.. Я не ненавижу Фюльжанса ... мнѣ только неловко съ нимъ: вотъ и все.

СОФИ. Ты боишься его! Признайся, что ты его боишься!

ВИКТОРИНА. Боюсь? отчего-же? (*жмется дрожа къ Софи*).

ЖОРЖЪ (*показываясь*). Ты его боишься, Викторина? О! значитъ, ты его не любишь.

ВИКТОРИНА (*вставая*). А! господинъ Жоржъ!.. вотъ, вы ужъ и воротились? (*холодно и съ усиліемъ*). Вы будете на моей свадьбѣ! (*Еще холодный*). Очень вамъ благодарна.

ЖОРЖЪ. Твоя свадьба — не состоится. Я воспротивлюсь ей! Вѣдь ты мнѣ противорѣчить не будешь?

ВИКТОРИНА. Вы воспротивитесь? Отчего-же?

ЖОРЖЪ. Оттого-что должно любить своего мужа, а ты не любишь того, котораго тебѣ даютъ.

ВИКТОРИНА. А почему вы знаете, господинъ Жоржъ? Съ чего вы взяли, что я не люблю Фюльжанса? Кто вамъ сказалъ?

СОФИ. Зачѣмъ такъ притворяться, Викторина? зачѣмъ лгать, когда судьба твоя можетъ быть рѣшена одной минутой откровенности!

ЖОРЖЪ. Викторина, ты, какъ будто въ забытьи: что съ тобой? Открой намъ свое сердце. Развѣ мы не лучшіе друзья твои? развѣ я ужъ не братъ твой, а сестра моя не сестра тебѣ? Неужели ты думаешь, что мы не любимъ тебя всей душею, что мы не рѣшимся спасти тебя, если ты намъ скажешь хоть одно слово?

ВИКТОРИНА. Оставьте меня ... У меня болитъ голова, лихорадка, а вы меня пугаете, вамъ пріятно терзать меня ... Но ваши насмѣшки ни къ чему вамъ не послужатъ; я люблю Фюльжанса, да, я люблю его, и хочу любить, на зло вамъ, на зло всѣмъ! (*Она вырывается изъ рукъ Софи и бѣжитъ нальво къ двери*).

СОФИ. Викторина! послушай ...

ВИКТОРИНА. Нѣтъ, нѣтъ, я сказала все, что хотѣла сказать! (*быстро уходитъ*).

ЖОРЖЪ. Не оставляй ея, сестра! Я боюсь за нее!

СОФИ. Я ея не узнаю, перестала понимать ее! Забудь, что я тебѣ сказала, братъ, и уѣзжай.

ЖОРЖЪ. Чтобъ я теперь ее покинулъ? нѣтъ, ни за что!

СОФИ. Боже мой! идутъ! стучатъ! не отворяй! спрячься! (*быстро уходитъ въ свою комнату*).

XIII.

ЖОРЖЪ, потомъ **ФЮЛЬЖАНСЪ**.

ЖОРЖЪ. (*подходя къ двери, ведущей въ переднюю и отворяя ее*). Нѣтъ, я не забуду словъ твоихъ, сестра, и не спрячусь (*отворяетъ дверь*). Господинъ Фюльжансъ!

ФЮЛЬЖАНСЪ. Господинъ Вандеркъ! я былъ увѣренъ. (*бѣжитъ къ колокольчику и дергаетъ за шнурокъ, такъ чтобъ звонъ былъ слышанъ въ отдаленіи*).

ЖОРЖЪ. Что вы дѣлаете?

ФЮЛЬЖАНСЪ. Вы видите. Я знаю, что этотъ колокольчикъ проходитъ въ кабинетъ господина Антуана, и зову его сюда, чтобъ онъ узналъ, почему я не хочу быть его зятемъ.

ЖОРЖЪ. Вы хотите шума, милостивый государь? Вы ревнивы, я это знаю; но знайте сами ...

ФЮЛЬЖАНСЪ. Я знаю, что хотѣлъ знать ... и прошу васъ вѣрить, что съ этой минуты, я ужъ не ревную.

ЖОРЖЪ Вы хотите погубить Викторину и оскорбить мое семейство вашими подозрѣніями. Я этого не позволю. По какому праву, вы сами здѣсь, милостивый государь?

ФЮЛЬЖАНСЪ. По праву жениха, очень смѣшнаго, можетъ быть, но который не желаетъ быть мужемъ достойнымъ презрѣнія. Я чувствовалъ, что вы здѣсь, слѣдилъ за вами ... и хотѣлъ удостовѣриться. Я исполнилъ долгъ свой въ отношеніи къ самому себѣ; если вамъ это не нравится, такъ это значитъ, что вы не сознаете вашъ собственный долгъ.

ЖОРЖЪ. Я научу васъ, милостивый государь, вы отдадите мнѣ отчетъ ... нѣтъ! я буду имѣть надъ вами слишкомъ много преимуществъ, а видимыя обстоятельства всѣ противъ меня: я принимаю всѣ послѣдствія невольной вины. Исполняйте вашу обязанность, милостивый государь, и постарайтесь, чтобы вина ваша предо мной не казалась больше моей вины передъ вами. Пойдемте со мной къ отцу моему.

ФЮЛЬЖАНСЪ. Нѣтъ, извините, я не хуже васъ знаю свои обязанности, но знаю также и права свои. Я требую, чтобъ вы остались здѣсь, пока не придутъ засвидѣтельствовать ваше присутствіе. (*Вспыльчиво*). Не думаете-ли вы выставить меня за клеветника?

ЖОРЖЪ. Нѣтъ, милостивый государь .. Я рѣшился! Вы слабо звонили, у васъ дрожали руки. Я помогу вамъ. (*Хватаетъ шнурокъ и звонитъ съ рѣшимостью*)

XIV.

ФЮЛЬЖАНСЪ, ЖОРЖЪ, Г. и Г-ЖА ВАНДЕРКЪ, АНТУАНЪ.

АНТУАНЪ (*вбѣгаетъ первый*). Бѣгу, бѣгу, Викторина! гдѣ ты?.. (*останавливается въ остолбенѣніи*). Фюльжансъ! господинъ Жоржъ!..

ВАНДЕРКЪ. Мой сынъ!

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ (*бѣжитъ къ сыну*). Жоржъ!

АНТУАНЪ. Что здѣсь происходитъ?

ФЮЛЬЖАНСЪ. Господинъ Антуанъ! Одинъ только отецъ можетъ слышать то, что я долженъ сказать.

АНТУАНЪ. Отецъ? дѣло идетъ о Викторинѣ? Такъ говорите-же, потому—что вы ничего не можете сказать о ней такого, чего—бы не могли слышать всѣ. Говорите, говорите, безъ обиняковъ: у меня нѣтъ тайнъ отъ господина и госпожи Вандеркъ.

ВАНДЕРКЪ. Жоржъ, отчего ты здѣсь, когда долженъ быть въ Парижѣ?

ФЮЛЬЖАНСЪ. Молчаніе господина Жоржа краснорѣчивѣе всего, что я могъ—бы сказать. О чемъ тутъ впрочемъ говорить! дѣло устроится семейнымъ образомъ. Вы очень добры, господинъ Вандеркъ, что дали приданое мадмоазель Викторинѣ. Но вамъ придется поискать гдѣ—нибудь въ другомъ мѣстѣ того человѣка, который—бы согласился принять это приданое ... я не приму его!

ВАНДЕРКЪ. Фюльжансъ, страсть ослѣпляетъ васъ: вы начинаете оскорблять меня!.. Послушайте, сынъ мой привезъ мнѣ извѣстіе. Я полагаюсь на вашу честь, и если хотите, я скажу вамъ его.

ФЮЛЬЖАНСЪ. Нѣтъ, господинъ Вандеркъ, нѣтъ! не полагайтесь ни на кого и ни на что. Тутъ все ложь и измѣна.

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ Господинъ Фюльжансъ, вы подозрѣваете, стало-быть, моего сына ... но онъ былъ здѣсь у сестры своей, и вѣроятно, не зналъ — что Викторина была съ нею. Скажи, Жоржъ, зналъ—ли ты?

ЖОРЖЪ. Маменька, я бы могъ сказать, что узналъ объ этомъ отъ господина Фюльжанса, но не умѣю лгать; я видѣлъ Викторину и говорилъ съ нею.

ВАНДЕРКЪ. Вѣроятно, въ присутствіи Софи?

АНТУАНЪ. Отвѣчайте—же, господинъ Жоржъ!

ЖОРЖЪ. Я не хочу отвѣчать, Антуанъ, потому—что мнѣ стыдно оправдываться.

АНТУАНЪ. Вы не хотите отвѣчать? не хотите . . господинъ Жоржъ? Я васъ уважалъ, любилъ ... выростилъ васъ на колѣнахъ своихъ, носилъ васъ на рукахъ ... я бы отдалъ за васъ жизнь ... а вы молчите, когда обвиняютъ дочь мою, и говорятъ, что вы ее обезчестили!.. О! я-то знаю, что это неправда ... Но вы должны отвѣчать, должны оправдать ее передъ женихомъ ... Надменность здѣсь ни къ чему не служитъ: она убиваетъ насъ ... Вы молчите?.. Такъ я приведу Викторину ...

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. Нѣтъ, нѣтъ, не тревожьте ея, пожалуйста, она больна!

АНТУАНЪ. Больна или нѣтъ, живая или мертвая, а она скажетъ намъ правду! Лучше умереть, чѣмъ жить обезчещенной! (*идетъ къ комнатѣ Софи. Софи выходитъ и останавливаетъ его*)

XV.

СОФИ, Г. и Г-ЖА ВАНДЕРКЪ, ЖОРЖЪ, ФЮЛЬЖАНСЪ, АНТУАНЪ.

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ (*Фюльжансу*). Вы видите, я была увѣрена, что Софи съ ней.

ФЮЛЬЖАНСЪ. О! я не сомнѣваюсь, что ваша дочь поступила добросовѣстно. Я и не вмѣняю этого свиданія въ преступленіе. Она покровительствовала прощанію передъ разлукой, конечно очень трогательному, но я не вѣрю прощаніямъ на вѣки. Впрочемъ, если-бъ жена моя была невѣрна мнѣ однимъ только сердцемъ, то и этого было бы для меня слишкомъ много. (*Жоржъ начинаетъ слушать Фюльжанса со вниманіемъ и участіемъ, забывая о враждѣ съ нимъ*). Никому здѣсь, слѣдовательно, не должно казаться страннымъ, что я отказываюсь быть виновникомъ несчастія Викторины и моей собственной погибели. Не жалѣйте, господинъ Антуанъ: я чувствую, что убилъ-бы ее. Прощайте. (*Хочетъ уйти*).

ВАНДЕРКЪ. Да, Фюльжансъ, намъ надо разстаться; (*подходитъ къ нему*) но вы примете мѣсто, которое я назначилъ для васъ въ Марсели. Мнѣ нужны такіе честные люди, какъ вы.

ФЮЛЬЖАНСЪ. Нѣтъ, господинъ Вандеркъ, я ничего не хочу, ни услугъ, ни покровительства, въ особенности-же не хочу я состраданія! Я съумѣю, и безъ посторонней помощи, поддержать себя, какъ въ холостой, такъ и въ женатой жизни; въ этомъ все мое честолюбіе. Прощайте. (*Уходитъ*).

ВАНДЕРКЪ (*вслѣдъ уходящему Фюльжансу*). Гордъ, честенъ и недовѣрчивъ! Онъ правъ! Ему никого ненужно (*подходя къ сыну*). А вы, государь мой, вы дурно поступили. Вы не должны были видѣться съ Викториной, ни даже съ сестрой. Вотъ первое огорченіе, которое вы мнѣ дѣлаете; но оно глубоко.

АНТУАНЪ. Послѣ того, что произошло, я уже не могу здѣсь оставаться, потому—что меня стали—бы называть безчестнымъ ... Дочь моя умретъ въ монастырѣ, а я, гдѣ придется ... вдали отъ васъ, господинъ Вандеркъ. Благословляю васъ .. и стараюсь простить этому молодому человѣку, который имѣетъ счастіе быть вашимъ сыномъ ... безъ того...

(*Г. и г–жа Вандеркъ дѣлаютъ движеніе, какъ-бы желая взять Антуана за руку, чтобъ удержать его. Взоры г–жи Вандеркъ устремлены на сына, съ выраженіемъ грусти и довѣрія*).

ЖОРЖЪ (*сильно беретъ Антуана за руку*). Я не хочу твоего прощенія, Антуанъ ... мнѣ мало прощенія; я хочу, чтобъ ты назвалъ меня своимъ сыномъ и отдалъ–бы мнѣ дочь свою.

АНТУАНЪ (*радостно*). Вамъ! вамъ!.. (*съ удивленіемъ*). Возможно ли! (*недовѣрчиво*) Вы съ ума сошли!.. (*гордо*). Я не хочу этого! Что она вамъ за невѣста ... (*повелительно*). Я несогласенъ!

XVI.

ТѢЖЕ и **ВИКТОРИНА**, блѣдная и чрезвычайно слабая.

ВИКТОРИНА. И я несогласна, папенька! Я не люблю и никогда не любила Жоржа Вандерка.

ЖОРЖЪ. Ты лжешь, Викторина!

АНТУАНЪ (*принимая въ объятія совершенно обезсилѣвшую Викторину*). Она не лжетъ.

ЖОРЖЪ. Ты самъ лжешь ... Вѣдь я былъ тутъ (*показывая на дверь*), добрый мой Антуанъ; я слышалъ, какъ ты говорилъ ей, что я ее ненавижу и буду надъ ней смѣяться, если угадаю ея любовь. Твой отецъ ошибался, Викторина, а я клянусь тебѣ, клянусь Антуану, (*преклоняетъ колѣно предъ отцомъ и матерью*) клянусь отцу моему и матери, что люблю Викторину нѣжно, глубоко и на всю жизнь!

ВАНДЕРКЪ (*сыну*). Хорошо, Жоржъ; ты понялъ, что тебѣ не надо моего позволенія, когда дѣло идетъ о чести!

ЖОРЖЪ. Батюшка! Лучшій другъ мой!

СОФИ. Благодарю васъ, папенька! Благодарствуй, Жоржъ!

АНТУАНЪ (*Вандерку*). Но этотъ бракъ ... Вашъ сынъ!.. Невозможно!

ВАНДЕРКЪ. Антуанъ! Это долгъ моего сына, мой и твой долгъ.

АНТУАНЪ. Почему-же?

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. Потому-что они любятъ другъ друга.

ВАНДЕРКЪ. И потому-что, если мы этого не хотѣли, то должны были предупредить ихъ любовь.

II.

ПЕРЕМЕТНАЯ ЖИЗНЬ.

СТРАНСТВОВАНІЯ, ПРИКЛЮЧЕНІЯ И ПОХОЖДЕНІЯ ПЕТРА ИВАНОВИЧА ПУСТОШКИНА.

I.

Еврейская фура.—Странствующая труппа комедіянтовъ.—Рожденіе Петра Ивановича. — Восторгъ отца и великолѣпный ужинъ.—Длинная афиша.—Жареный пѣтухъ и неожиданное признаніе въ любви синьора Пегато.

Въ 1792 году, въ одинъ изъ ненастныхъ сентябрскихъ дней, огромная жидовская фура, запряженная парою тощихъ лошадей, медленно тянулась по грязной проселочной дорогѣ бѣднаго литовскаго мѣстечка. Наружный видъ фуры ничѣмъ не отличался отъ тѣхъ громадныхъ анбаровъ, крытыхъ по обыкновенію рогожею и взваленныхъ на четыре скрипучія колеса, отъ тѣхъ неуклюжихъ и исполинскихъ повозокъ, въ которыхъ евреи — за одинъ пріемъ, перевозятъ съ одного мѣста на другое свое потомство, цыплятъ, теленка, лохматый скарбъ и жену. Фура эта, какъ судно, брошенное на двѣ волны, качалась, скрипѣла и, зарываясь въ морѣ грязи, хлопала влажными рогожами, повисшими на ея ребрахъ. Малорослый еврей возсѣдалъ на козлахъ и браня осеннюю изморозь, усердно работалъ бичемъ, понукая жалкихъ клячъ, на которыхъ, сказать мимоходомъ, кромѣ шкуры и двухъ или трехъ веревокъ, не было никакихъ другихъ украшеній. День вечерѣлъ. Тяжелыя, темныя тучи повисли надъ безлюдною равниною, роняя мелкій, но спорый дождь... Кругомъ раскинутые луга и и пашни изчезали въ вечернемъ туманѣ, еще болѣе сгущенномъ из-

морозью, и только далекіе огоньки, сверкавшіе въ домахъ мѣстечка, расположеннаго на возвышенности, могли нѣсколько утѣшить хозяина фуры, мечтавшаго въ эту минуту о тепломъ углѣ. Завидѣвъ огни, еврей снова закрутилъ бичемъ надъ головами своихъ лошадей и на вопросъ: «Скоро-ли?» раздавшійся изъ глубины повозки,—весело отвѣчалъ: *Балтъ! балтъ!* (скоро!) Фура дрогнула, закачалась изъ стороны въ сторону и потянулась въ гору. Скоро громкій лай косматыхъ дворняшекъ встрѣтилъ еврейскій экипажъ, въѣхавшій въ мѣстечко и остановившійся у крайней лачуги, на воротахъ которой торчали съ одной стороны метла, объѣденная временемъ, съ другой клокъ сѣдаго сѣна; что̀ ясно служило вывѣскою постоялаго двора. Ворота, по обыкновенію, были растворены настежъ, открывая грязный дворъ, запорошенный сѣномъ. Десятокъ куръ, гордый пѣтухъ и двѣ или три свиньи важно расхаживали въ этой грязи, не обращая никакого вниманія на скрипъ огромныхъ колесъ фуры и звонъ бубенчиковъ, привѣшанныхъ къ лошадинымъ мордамъ. Въ то время, какъ еврей принялся отпрягать усталыхъ пегасовъ, громкій говоръ поднялся въ утробѣ фуры, сказывая тѣмъ, что грузъ ея заключался въ порядочномъ числѣ пассажировъ. Дѣйствительно, не прошло и минуты, изъ повозки вылѣзъ усатый господинъ, завернутый въ длиннополый бекешъ, цвѣта полинявшаго жолудя. Тщательно и съ вниманіемъ хозяина осмотрѣлъ онъ колесы фуры, благосклонно потрепалъ косматую шею лошадокъ и, приказавъ имъ задать сѣна, учтиво помогъ пожилой дамѣ выбраться изъ шаткаго экипажа. Едва эти двѣ особы скрылись въ сѣняхъ хижины, какъ изъ той же повозки выпрыгнулъ высокій, худощавый юноша, тонкій какъ верба и желтый какъ перепеченый каштанъ. За нимъ слѣдовала молодая дѣвушка, сдѣлавшая, при первомъ шагѣ на крыльцо, очень замысловатое антрша. Между-тѣмъ, юноша снова спряталъ свою костлявую голову въ повозку, и пошаривъ въ ней длинными руками, почти выбросилъ оттуда одного за другимъ двухъ красивыхъ малютокъ.

— Вотъ мы и пріѣхали! вскричалъ одинъ изъ нихъ.

— Теперь намъ дадутъ молока и хлѣба: вѣдь это постоялый дворъ! подхватилъ другой.

— Непремѣнно... непремѣнно! отвѣчала дѣвушка, лаская курчавую головку дѣтей ... Синьоръ Пегато, продолжала она, обращаясь къ желтому юношѣ; вы, какъ *силачъ* и кавалеръ, имѣете право услужить мнѣ и перенести на своихъ плечахъ весь багажъ нашъ — вотъ сюда,— направо, въ комнату: я хорошо знаю расположеніе этого трактира ... Слѣдуйте за мною...

— О, съ особеннымъ удовольствіемъ, мамзель Луиза ... но, только

сдѣлайте одолженіе, помогите мнѣ собрать нашъ гардеробъ ... Эти дрянные мальчишки всѣ наши куртки и трико замотали въ сѣно ... Вотъ мои гири ... моя куртка ... ваше трико и голубая юбочка ... вотъ нашъ канатъ ... А костюмовъ мадамъ Пустошкиной — не найду! говорилъ молодой человѣкъ, поочередно вынимая называемыя имъ вещи.

— Ахъ, синьоръ Пегато ... какая у васъ память! откликнулась дѣвушка ... Развѣ вы забыли, что всѣ костюмы мадамъ Пустошкиной мы оставили вчера на ночлегѣ за нашъ ужинъ?

— Въ самомъ дѣлѣ, у меня весьма плохая память ... Скажите ... какъ это я могъ забыть такой вкусный ужинъ?... Помните, мамзель Луиза : гусь ... пара цыплятъ!..

— Щука, фаршированная по-еврейски!..

— Ахъ, объѣденье, мамзель Луиза!..

— Наслажденіе, синьоръ Пегато!.. Чѣмъ-то насъ поподчуетъ сегодня мосьё Пустошкинъ ...

— Самымъ тощимъ блюдомъ — душечка Луиза ... мечтами о завтрашнемъ сборѣ ...

— Фи! Если это повторится завтра утромъ и за фриштикомъ, то я умру съ голода...

— Я тоже, мамзель Луиза, не отстану отъ васъ ... Тогда ужъ онъ извини ... я не подыму не только этихъ гирь, но даже и пустаго стакана... Пойдемте!..

При послѣднемъ словѣ Пегато, мальчики, подпрыгивая, бросились впередъ по темнымъ сѣнямъ ... За ними отправилась Луиза, указывая дорогу своему спутнику, нагруженному пестрымъ гардеробомъ. Слабо освѣщенная, небольшая комната, въ которую вошли наши странствующіе комедіянты, должна была на этотъ разъ служить имъ ночлегомъ. Грязныя, закопченыя стѣны, полуразрушенныя скамьи и окна залѣпленныя бумагой — все это съ перваго взгляда не понравилось силачу, бросившему въ уголъ свою ношу и презрительный взглядъ на окружавшіе его предметы.

— Никакъ не могу свыкнуться съ этими грязными ночлегами, въ которыхъ вѣтеръ свищетъ въ каждую щель, а сквозь крышу и потолокъ хоть считай звѣзды! — сказалъ онъ, болѣе обращаясь къ самому себѣ, чѣмъ къ своей спутницѣ.

— И вообще я замѣтила, синьоръ Пегато, подхватила Луиза, что въ этихъ жалкихъ трактирахъ нельзя достать ни обѣда, ни ужина...

— Особенно безъ денегъ! подумалъ синьоръ Пегато. Правда, правда, сказалъ онъ: здѣсь не то, что въ нашей счастливой Италіи...

— Или въ нашемъ Тиролѣ!

— Тутъ хоть умри съ голоду и замерзни, ничѣмъ не прикрытый...

— Рѣшительно, синьоръ Пегато... И народъ-то какой...

— Спрашиваешь вина, — даютъ кваса ... У нихъ, кажется, только и есть одно сѣно...

— Ну, нѣтъ, панъ, слово гонору — сыщется все, что спросить изволите! отозвался кто-то на слова силача — и вслѣдъ за тѣмъ рябое лицо поляка, украшенное длинными усами и парою заспаныхъ глазъ, выказалось съ полатей.

— А!.. панъ хозяинъ!.. вскричалъ синьоръ Пегато, измѣняя свою нахмуренную физіономію и тонъ, съ которымъ началъ разговоръ. Такъ это вы владѣлецъ этого рѣшета?..

— Сквозь которое сейчасъ-же просѣю васъ, если вы не перестанете бранить мои хоромы...

— А!... я вижу, вы человѣкъ смѣлый и храбрый, отозвался силачъ ... вы человѣкъ моихъ правилъ ... и мы, вѣрно, сойдемся съ вами... Скажите прежде всего, продолжалъ Пегато, желая избѣжать ссоры и привести разговоръ къ болѣе миролюбивому началу ... Вы ... синьоръ, то есть, панъ ... какъ васъ?..

— Панъ Звиргайло ... отозвался усатый хозяинъ.

— Скажите, панъ Звиргайло, вы не изволили замѣтить нашего товарища ... невысокаго, полнаго мужчину, въ коричневомъ бекешѣ?..

— Съ нимъ еще была пожилая дама! подсказала Луиза, дѣлая особенное удареніе на словѣ пожилая.

— Куда они дѣлись? продолжалъ силачъ.

— Незнаю.

— Такъ вы ихъ и не видали?.. Это очень странно.

— Я не говорю, чтобы не видалъ ихъ... Этотъ коричневый господинъ вбѣжалъ сюда, какъ сумасшедшій, рванулъ меня за ногу, и прежде, чѣмъ я успѣлъ разсердиться — онъ потребовалъ у меня особенной комнаты.

— Какъ, особенную комнату? вскричалъ Пегато, бросивъ вопросительный взглядъ на Луизу. Да зачѣмъ-же имъ особенная комната?

— Незнаю, отвѣчалъ хозяинъ .. Только я объяснилъ вашему другу, что особенной комнаты, кромѣ этой, которая такъ вамъ не нравится — у меня нѣтъ.

— Ну ... и онъ?

— Просилъ дать ему хоть уголъ, въ которомъ-бы могъ остаться наединѣ съ моей и своей женою...

— Что же вы?

— Я указалъ ему чердакъ, и послалъ за нимъ панью Барбару...

— Странно! что-бы это значило? спросилъ Пегато.

— Ничего не понимаю! отвѣчала Луиза.

Но въ ту минуту, какъ она и силачъ, поставленные въ недоумѣніе загадочнымъ поведеніемъ своего антрпренера, готовы были обратиться къ тысячѣ вопросамъ и догадкамъ, онъ, какъ-бы удовлетворяя ихъ нетерпѣливому любопытству, явился самъ на порогѣ комнаты. Лицо его выражало особенную торжественность, улыбалось такъ таинственно и весело, что синьоръ Пегато невольно наклонился къ уху своей спутницы и шепнулъ:

— Пустошкинъ сдѣлалъ какую-нибудь находку ... мы ужинаемъ сегодня, душечка Луиза ... успокойтесь!

— Тс! Господа, сохраните приличіе и молчаніе! почти шопотомъ сказалъ Пустошкинъ, медленно подходя къ столу и бросая на него свою фуражку.

— Что такое случилось, Иванъ Лукичъ? спросилъ Пегато.

Пустошкинъ наивно улыбнулся, дернулъ себя за усы и, приподнимаясь на носкахъ, отрывисто сказалъ:

— То, мой сударикъ, что, по моимъ основательнымъ расчетамъ, не могло случиться сегодня. При этомъ, торжественная осанка его лица приняла еще болѣе рельефную форму. Случилось... торжественное и необычайное обстоятельство! продолжалъ онъ... Впрочемъ ... спѣшу васъ, сударики мои, увѣдомить, что все кончилось благополучно...

— Да, что-же это такое, Иванъ Лукичъ?

— Обстоятельство, въ высшей степени пріятное.

— Однако...

— Ничего больше, сударики мои-съ, какъ супруга моя, вами уважаемая Марья Кондратьевна, разрѣшилась отъ бремени ... Но, вообразите, друзья мои,—продолжалъ Иванъ Лукичъ съ похвальнымъ умиленіемъ,—какъ это пріятно для меня... Какое высокое наслажденіе имѣть маленькаго сына, который будетъ расти, расти, мужать и наконецъ успокоитъ старость своего отца!

Антрпренеръ заключилъ эту фразу выразительнымъ движеніемъ глазъ и въ избыткѣ благополучія протянулъ обѣ руки худощавому геркулесу.

Послѣдній быстро оставилъ свое мѣсто и подбѣжалъ къ Пустошкину.

— Радуюсь вашей радости, Иванъ Лукичъ, сказалъ онъ; вѣрю вамъ, какъ пріятно имѣть дѣтей — ...

— Да, синьоръ Пегато, это очень высокое наслажденіе... Будемъ, сударики мои, надѣяться, продолжалъ Пустошкинъ, что изъ моего ма-

лютки со-временемъ выростетъ великій штукмейстеръ... Я назначаю ему славное поприще фокусника..

— Фи! отозвалась Луиза ... Что такое проворство рукъ?.. Не лучше–ли, Иванъ Лукичъ, если онъ будетъ хорошимъ танцоромъ?

— Опасное ремесло, мамзель Луиза ... вывихи, неудачные скачки и ломка ногъ ... Нѣтъ, нѣтъ!

— Справедливо! замѣтилъ Пегато. Всего будетъ лучше, если образованіемъ вашего сына вы предоставите заняться мнѣ ... Обѣщаю вамъ сдѣлать изъ него удивительнаго силача ... Я такъ расправлю его мускулы, подарю ему столько силы, что онъ будетъ работать, какъ паровая машина. Вы это увидите!

— Нѣтъ, сударики мои ... Проворство, мягкость пальцевъ, вмѣстимость рукъ — даръ и искусство драгоцѣнныя ... Проворныя и гибкія руки больше могутъ спрятать въ карманъ, чѣмъ сила ... И ничто не измѣнитъ моего намѣренія ... сынъ мой будетъ изъ одного зайца дѣлать двухъ, варить яичницы въ карманахъ, толочь въ ступѣ часы и удивлять свѣтъ сражающимися мухами и танцующими вилками! Но, позвольте, сударики мои, — продолжалъ твердый въ своихъ намѣреніяхъ Иванъ Лукичъ, — пока мой маленькій Петя ... я назову его Петромъ, въ память моего добраго друга Гудошкина, погибшаго въ цвѣтѣ лѣтъ отъ неосторожнаго скачка на канатѣ ... Пока мой Петя будетъ великимъ преемникомъ славы Боско, онъ успѣетъ замерзнуть на чердакѣ этого замѣчательнаго зданія ... да-съ! И потому, не угодно ли вамъ уступить эту комнату моей больной супругѣ, а самимъ занять ея мѣсто ... Мы тамъ превосходно поужинаемъ.

При словѣ ужинъ, Луиза и синьоръ Пегато обмѣнялись взглядомъ особеннаго сочувствія. Съ ловкостію бульварнаго франта, итальянецъ подалъ свою длинную руку дѣвушкѣ и отправился съ нею по слѣдамъ Ивана Лукича.

Спустя нѣсколько минутъ, больная была перенесена внизъ. Теперь, необитаемый чердакъ постоялаго двора представлялъ довольно интересное зрѣлище, напоминая одну изъ тѣхъ картинъ фламандской школы, въ которыхъ такъ часто, по прихоти художника, собаки, пѣтухи и индѣйки — пируютъ въ подвальныхъ тавернахъ, за однимъ столомъ съ добрыми ремесленниками. Закопченыя и древнія балки крыши, — сквозныя стѣны и сорный полъ этой импровизированной гостиной слабо освѣщались единственной свѣчкой, поставленной на ветхую бочку ... Вѣтеръ, врываясь въ отверстія стѣнъ — вылъ, какъ недокормленный песъ, сбрасывая съ потолка паутину и крупныя капли просочившагося дождя. Не смотря на это маленькое неудобство, веселыя

лица трехъ собесѣдниковъ, то есть, Ивана Лукича, тощаго геркулеса и канатной плясуньи, какъ нельзя болѣе, выражали довольство настоящимъ. При входѣ на чердакъ, у дверей, помѣщался хозяинъ, изъ подлобья поглядывавшій на своихъ гостей.

— Ну-съ, сударики мои, началъ Иванъ Лукичъ: должно объявить вамъ, что ожидая такого счастливаго событія, я приберегъ небольшую сумму денегъ, и потому мы сегодня имѣемъ полное право попраздновать. Начнемъ-те же ужиномъ. Я предлагаю вамъ поросенка! сказалъ онъ, устремивъ на собесѣдниковъ торжествующій взглядъ.

— Отличное блюдо, Иванъ Лукичъ — если къ этому прибавить немного хрѣна, сказалъ итальянецъ.

— И ложку-другую сметаны! подхватила Луиза.

— Такъ, такъ . . Все это очень хорошо, и слѣдовательно, панъ Звиргайло — покорнѣйше васъ прошу пожаловать къ намъ съ поросенкомъ.

— И съ хрѣномъ! замѣтилъ Пегато.

— Да къ этому двѣ ложечки сметаны — панъ Звиргайло, шепнула Луиза вкрадчивымъ голосомъ.

— Нѣтъ у меня ни поросенка, ни хрѣна! проворчалъ хозяинъ, не двигаясь съ мѣста.

— Какъ! нѣтъ? вскричало общество комедіянтовъ, повскакавъ съ своихъ мѣстъ, какъ обожженное молніею.

— Такъ что же у васъ есть?

— Все есть.

— А поросенокъ?

— Кромѣ поросенка — все ... Пѣтухи, куры, ну, словомъ — все!

— Такъ пѣтуха развѣ — синьоръ Пегато? сказалъ нѣсколько успокоенный Пустошкинъ. А? какого вы мнѣнія о пѣтухѣ, душечка Луиза? продолжалъ онъ.

— Совершенно одинаковаго съ вами, отвѣчала дѣвушка.

— Прекрасно, прекрасно, мамзель Луиза: вы далеко пойдете съ вашими правилами и съ вашею уступчивостію — замѣтилъ Пегато.

— И такъ, сударики мои, мы останавливаемся на жареномъ пѣтухѣ. Потрудитесь-же, панъ Звиргайло, распорядиться на счетъ этой птицы и полкварты вишневки; да не забудьте дать по кружкѣ молока и по ломтю хлѣба нашимъ маленькимъ акробатамъ, которые остались внизу.

Неразговорчивый хозяинъ кивнулъ головой и исчезъ за порогомъ чердака. Между тѣмъ, собесѣдники, въ ожиданіи вкуснаго ужина, занялись приведеніемъ въ порядокъ своей новой квартиры. Пегато прита-

щилъ въ уголъ чердака бочку, какъ онъ говорилъ, для того, чтобы избѣжать сквознаго вѣтра. Луиза перенесла въ тотъ-же уголъ табуреты, а Иванъ Лукичъ, развязавъ дорожный чемоданъ, вытащилъ изъ него пару тарелокъ, нѣсколько ножей и вилокъ. Когда верхнее основаніе бочки приняло видъ стола — общество комедіянтовъ чинно усѣлось вкругъ нея, вопросительно поглядывая на растворенную дверь. Томительное ожиданіе трехъ голодныхъ странниковъ продолжалось недолго: гордый и сановитый панъ Звиргайло скоро явился съ вишневкой, объявивъ, что пѣтухъ уже ощипанъ и на сковородѣ. Послѣдняя вѣсть была принята съ восторгомъ и какъ вообще люди, въ минуту удовольствія и веселости, бываютъ добрѣе и щедрѣе, то Иванъ Лукичъ, не преминулъ пригласить за свою трапезу и хозяина. Скоро, изчезнувшая кварта воодушевила бесѣду и разговоръ завязался.

— Завтра въ этомъ мѣстечкѣ мы дадимъ, господа, блистательнѣйшее представленіе, — сказалъ Иванъ Лукичъ.

— Великолѣпнѣйшее!.. Непремѣнно! прибавилъ синьоръ Пегато. Только одно обстоятельство требуетъ нашего обсужденія, продолжалъ онъ, — хочу замѣтить, гдѣ мы устроимъ нашъ походный балаганъ?

— Да, да! Нѣтъ-ли у васъ, панъ Звиргайло, какого-нибудь сарая? уступите его въ наше распоряженіе не надолго.

— Сарая нѣтъ, — отвѣчалъ хозяинъ, — а если угодно, есть къ вашимъ услугамъ небольшая конюшня ... вы люди добрые, и я охотно уступаю вамъ помѣщеніе моихъ лошадей безплатно.

— Это дѣлаетъ честь вашему великодушію, панъ хозяинъ, но не забудьте, что мы вѣдь не волтижеры! съ маленькимъ сарказмомъ замѣтила Луиза.

— Къ тому-же, — подхватилъ Пустошкинъ, — вы изволите говорить, сударикъ мой, что конюшня не велика, а намъ нужна зала пообширнѣе...

— А ... въ такомъ случаѣ, я могу указать вамъ другое мѣсто... и ... очень удобное.

— Сдѣлайте милость, сударикъ мой!

— Охотно. Есть у насъ на озерѣ развалины древняго замка... Надо вамъ замѣтить, что потолки и полы верхнихъ этажей его провалились ... даже и теперь случается часто слышать, какъ обрываются тамъ кирпичи и балки ... Но это ничего! глубокомысленно замѣтилъ хозяинъ, — зато, — продолжалъ онъ, — нижній этажъ весь цѣлъ..

— Ахъ, какъ это мило! вскричала Луиза ... я еще никогда не танцовала въ замкахъ.

— Превосходно! великолѣпно! подхватили Пустошкинъ и Пегато.

— И такъ, господа, — продолжалъ первый, — завтра мы даемъ представленіе въ древнемъ замкѣ ... Я надѣюсь, что этотъ замокъ знаменитъ... Ну-съ, панъ Звиргайло, несите намъ пѣтуха и вишневки, а между-тѣмъ, мы займемся сочиненіемъ афиши.

На этотъ разъ, хозяинъ трактира былъ внимательнѣе къ своимъ гостямъ и тотчасъ-же отправился исполнить ихъ требованіе. Съ его уходомъ, улыбающееся лицо Ивана Лукича приняло серьозное, даже глубокомысленное выраженіе; онъ медленно вытащилъ изъ глубокаго кармана своего бекеша листъ бумаги и карандашъ, молча положивъ ихъ на тарелку Пегата. Затѣмъ послѣдовало долгое молчаніе, нарушаемое только тяжелыми шагами Пустошкина; наконецъ, онъ остановился, покрутилъ свои усы и нерѣшительно сказалъ: пишите.

Пегато схватилъ карандашъ.

— Честь имѣемъ извѣстить почтеннѣйшую, великодушную публику города Т — началъ диктовать Пустошкинъ, — что .. да, позвольте! сказалъ онъ: вѣдь, кажется, здѣшнюю публику составляютъ жиды?..

— И никто больше, отозвался Пегато.

— Ну, такъ, послѣ слова *великодушную*, прибавьте *просвѣщенную*... Пишите, сударикъ мой... что прибывшею труппою иностранныхъ артистовъ, состоящею подъ управленіемъ Ивана Лукича Пустошкина, будетъ дано, сего 23 сентября, въ древнемъ замкѣ на озерѣ, великолѣпное, удивительное, нигдѣ небывалое, волшебное, акробатическое, гимнастическое и физико-фокусо-магическое представленіе ... Написали?

— Написалъ, Иванъ Лукичъ.

— Вотъ какъ! знай нашихъ. Недурно, блистательно вышло ... Ну-съ, сударикъ мой, продолжайте...

— Позвольте, Иванъ Лукичъ, надо-бы къ вашему имени прибавить какую-нибудь степень...

— Послѣ, послѣ, сударикъ мой ... все будетъ. Пишите.

Пекато снова принялся за дѣло, Пустошкинъ диктовалъ:

— Представленіе ... состоящее изъ четырехъ отдѣленій. Отдѣленіе первое: акробатическая пляска на рукахъ и ногахъ; танцующія пирамиды и юмористическое кувырканье черезъ голову; исполнено будетъ маленькими акробатами: Захаромъ и Вавилой Гудошкиными. Отдѣленіе второе: вновь изобрѣтенное искусство танцовать на канатѣ безъ баланса, — исполнено будетъ дѣвицею Луизою Меншенфрессеръ, первою танцовщицею при дворѣ гренландскаго конунга, которая неоднажды съ успѣхомъ танцовала въ обществѣ индѣйскихъ фокусниковъ, съ великими баядерками Востока...

— Ахъ, помилуйте, Иванъ Лукичъ, замѣтила Луиза, можно-ли писать такую ложь?

— Ничего, душечка Луиза, это вѣдь афиша ... Продолжайте, синьоръ Пегато! Отдѣленіе третіе. Профессоромъ физики и докторомъ бѣлой магіи, Пустошкинымъ, будетъ показано дватцать-пять необыкновенныхъ фокусовъ, заимствованныхъ имъ у индійскихъ и арабскихъ волшебниковъ, доселѣ неслыханныхъ и невиданныхъ, не только въ славномъ здѣшнемъ мѣстечкѣ, но даже и за-границею.

— Позвольте, Иванъ Лукичъ, снова перебилъ Пегато; къ кому-же относятся слова: *невиданныхъ и неслыханныхъ*, къ волшебникамъ или фокусамъ...

— Эхъ, все равно, синьоръ Пегато — чѣмъ непонятнѣе, тѣмъ для насъ выгоднѣе... Пишите, наконецъ: Отдѣленіе четвертое. Синьоръ Пегато, изъ Болоньи, артистъ необычайнаго роста и силы, покажетъ публикѣ себя, какъ великана, какъ чудо растительности природы, и затѣмъ представитъ нѣсколько дивныхъ геркулесовскихъ упражненій съ гирями, равняющимися вѣсомъ, каждая — до сорока пудъ...

— Помилуйте, Иванъ Лукичъ, да вѣдь ихъ двѣ!..

— Ну, такъ что-же, сударикъ мой?

— Такъ вѣдь это мнѣ придется поднять восемьдесять пудовъ?

— Ну, да, то есть, по афишѣ, а на самомъ дѣлѣ упражняйтесь своими деревянными...

— Но нельзя-ли, Иванъ Лукичъ, немного убавить...

— И, ни-ни! Да, что вамъ ... тяжело, что-ли? Вы знаете-ли, что эти восемьдесятъ пудовъ дадутъ намъ по-крайней-мѣрѣ фунтъ серебра сбора; не забывайте, что у меня малютка сынъ и больная жена. Теперь, сударикъ мой, я долженъ жить на счетъ своего искусства, на счетъ великолѣпныхъ афишъ и великодушія публики! — Кончайте, какъ обыкновенно дѣлается ... скажите ... что мы надѣемся на благосклонность и вниманіе просвѣщенныхъ здѣшнихъ жителей ... Что мы здѣсь пробудемъ недолго ... Ну, и наконецъ, цѣна мѣстамъ одинъ злотъ, а дѣти моложе десяти лѣтъ платятъ половину.

Какъ-бы окончивъ трудъ тяжелый и важный, Иванъ Лукичъ тяжело вздохнулъ, отеръ крупныя капли поту, выступившія у него на лбу и опустился на табуретъ. Пегато, свернувъ бумагу, повторилъ тотъ-же маневръ и уставилъ жадный взглядъ на пѣтуха, принесеннаго въ эту минуту панномъ Звиргайлою. Голодному итальянцу казалось, что во время раздумья его антрепренера, жареная птица, поджавшая такъ хитро крылья и лапки, готова упорхнуть въ слуховое окно. Онъ бросилъ сму-

щенный взглядъ на Пустошкина и быстро ткнулъ вилкою въ соблазнительное жаркое.

— Иванъ Лукичъ! вскричалъ онъ,—о чемъ вы задумались?

— О будущемъ моего сынишки, о его назначеніи, добрый другъ мой.

— Вотъ вздоръ! стоитъ объ этомъ думать. Въ нашей семьѣ, онъ выростетъ въ добрыхъ правилахъ, а у такого отца, какъ вы, сынъ не можетъ быть дурнымъ и ни къ чему неспособнымъ человѣкомъ ... Полноте, Иванъ Лукичъ, подумайте лучше въ эту минуту о себѣ — вы голодны, устали, измучены переѣздомъ ... вотъ вишневка и жареный пѣтухъ...

Не измѣняя своему раздумью и не отвѣчая на утѣшенія итальянца, Пустошкинъ разпласталъ жареную птицу и занялся ею. Въ свою очередь, силачъ, выхвативъ нѣсколько долей жаркаго, бросилъ ихъ на тарелку и, обращаясь къ Луизѣ, сказалъ:

— Мы, съ вами, душечка Луиза, всегда жили дружно ... будемъ-же кушать съ одной тарелки, и вотъ вамъ вилка, а я займусь крылошкомъ; вмѣстѣ съ этимъ покорнѣйше васъ прошу, позвольте мнѣ изъ вашихъ прекрасныхъ рукъ выпить рюмку вишневки...

— Изволъте ... только вы сегодня, синьоръ Пегато, съ плутовскою улыбкою замѣтила дѣвушка, что-то очень любезны и внимательны...

— Въ моихъ отношеніяхъ къ вамъ, я всегда былъ таковъ...

— Не помню...

— У васъ дурная память, душечка...

— Можетъ-быть...

— И за мое расположеніе къ вамъ, какъ я замѣтилъ — вы платите мнѣ постоянно равнодушіемъ...

— А! скажите пожалуйста .. что значатъ эти придирки? ужъ нехотите-ли вы со мной поссориться?..

— Больше!

— Что же такое... объяснитесь!

— Извольте. Оставьте вилку, прожуйте вашъ кусочекъ жаркаго и слушайте меня внимательно.

Луиза вопросительно взглянула на своего сосѣда, положила вилку, подняла свою хорошенькую головку и остановила на итальянцѣ взглядъ любопытства, худо скрываемаго подъ маскою равнодушія. Даже Иванъ Лукичъ, глубокомысленно объѣдавшій лапку пѣтуха, бросилъ свою жертву, очевидно готовый сочувствовать словамъ синьора Пегато. Послѣдній медленно вытянулъ рюмку вишневки, также медленно опустилъ эту рюмку на бочку.

— Ну-съ, сказала Луиза: мы ждемъ.

— Да, сударикъ мой, — это интересно! подхватилъ Иванъ Лукичъ.

Синьоръ Пегато улыбнулся. Можно было замѣтить, что итальянецъ находится въ затруднительномъ положеніи. Онъ то щипалъ свой подбородокъ, то барабанилъ по тарелкѣ, то, наконецъ, двусмысленно улыбаясь, обращался къ вишневкѣ.

— Что же вы, синьоръ, ... хотѣли что-то сказать и утѣшаете наше любопытство молчаніемъ, замѣтила Луиза.

Пегато вздрогнулъ.

— Да... вотъ видите ли,—отвѣчалъ онъ, съ маленькимъ замѣшательствомъ, я хотѣлъ вамъ, душечка Луиза, сказать длинную рѣчь... но вижу, что на это у меня не хватитъ ни силъ, ни словъ, ни терпѣнія.

— Такъ объяснитесь короче.

— Извольте ... Въ эту минуту, глаза итальянца забѣгали изъ стороны въ сторону, какъ ртуть. Луиза, сказалъ онъ, ... я васъ люблю...

— А! только?

— Люблю страстно, такъ люблю, какъ Сафо не любила своего Ф аона !... Луиза, душечка Луиза, что вы мнѣ на это скажете?

— Что я вамъ очень благодарна, отвѣчала дѣвушка, играя смущеніемъ силача.

— Какъ! небольше? Но, скажите, любимъ-ли я вами?

— Да... немножко, синьоръ Пегато.

— Ну, стало быть, все-таки любимъ! глубокомысленно замѣтилъ Пустошкинъ.

— О! вскричалъ Пегато ... Когда, Луиза, я буду вашимъ мужемъ, вы полюбите меня больше...

— Какъ? вы хотите...

— Хочу ... непремѣнно хочу быть вашимъ мужемъ ... Семейное благополучіе Ивана Лукича увлекло меня и я, Луиза, — у вашихъ ногъ ...

— Не трудитесь, синьоръ Пегато, съ тѣмъ же невозмутимымъ спокойствіемъ отвѣчала дѣвушка: Я такъ уважаю васъ, такъ хорошо знаю вашъ добрый нравъ, что не прошу двухъ или трехъ дней на раздумье... У васъ ничего нѣтъ, у меня тоже... вы скиталецъ-комедіянтъ, я—странствующая канатная плясунья — бракъ ровный и вотъ вамъ моя рука.

— Чудесно! вскричалъ восторженный Пустошкинъ, въ то время, какъ итальянецъ сжалъ въ своей костлявой рукѣ полненькую ручку

Луизы ... Вотъ хорошо!—продолжалъ актрепренеръ — завтра у насъ отличный сборъ, завтра у насъ крестины — и свадьба!

— Завтра ... непремѣнно завтра! повторили Луиза и синьоръ Пегато.

— Бѣгу и разскажу Марьѣ Кондратьевнѣ это счастливое и неожиданное событіе! сказалъ Иванъ Лукичъ, не трогаясь съ мѣста и принимаясь за жаркое.

На другой день, во второмъ отдѣленіи афиши, вмѣсто словъ «*дѣвицею Луизою Меншенфрессеръ*» — было написано: синьориною Луизою Пегато Ожиданія и надежды Ивана Лукича сбылись совершенно ... Невзыскательная публика мѣстечка повѣрила на-слово пресловутой афишѣ, приняла тощаго итальянца за великана и геркулеса, и сряду пять дней посѣщала развалины древняго замка, давая порядочный сборъ бѣднымъ странникамъ.

Не имѣя привычки къ осѣдлой жизни и вѣрные своимъ разсчетамъ, комедіянты, чрезъ недѣлю, снова нагрузили фуру мишурными принадлежностями своего ремесла и снова, со скрыпомъ и стономъ, медленно потянулась эта фура по грязнымъ закоулкамъ мѣстечка. Только въ ней былъ уже лишній членъ труппы, маленькій Пустошкинъ, который, судя по неугомонности и рѣзкому дисканту, обѣщалъ не только провэрнаго штукмейстера, но и порядочнаго цѣвца.

II.

Удачи Ивана Лукича. — Его чадолюбіе. — Умилительная бесѣда двухъ друзей. — Трактиръ Трехъ-чудесъ. — Воспитаніе Петра Ивановича. — Первые его подвиги — Цыганъ — Новая подруга. — Заманчивая жизнь. — Петръ Ивановичь начинаетъ свое скитальчество.

Не будемъ слѣдовать за громадною и неуклюжею фурою Ивана Лукича, не станемъ кочевать вмѣстѣ съ нимъ по грязнымъ дорогамъ Литвы, — но остановимся, по желанію Пустошкина, въ одномъ изъ городковъ этой стороны, въ которой Наполеонъ нашелъ пятую стихію. Однако, прежде, нежели увидимъ Петра Ивановича рѣзвымъ и бойкимъ семилѣтнимъ мальчикомъ, — оглянемся нѣсколько назадъ.

Семья комедіантовъ, оставивъ мѣстечко, перебралась въ сосѣднее мѣстечко, потомъ въ слѣдующія — и такъ далѣе. Казалось, съ рожденіемъ сына для Ивана Лукича настала новая эпоха удачъ и счастія. Вездѣ, гдѣ онъ появлялся, гдѣ только мадамъ Пегато танцовала на канатѣ, гдѣ супругъ ея — тощій, какъ кощей, и сухой, какъ лѣтній русскій журналъ — являлся передъ публикою со своими деревянными

гирями, постоянно вѣсившими на афишѣ восемьдесятъ пудъ — жиды были въ восторгѣ отъ молодыхъ супруговъ — старыхъ годами, — и отъ индѣйскихъ фокусовъ — самого Пустошкина. Злотые, какъ-будто не найдя болѣе удобнаго помѣщенія — сыпались въ карманъ Ивана Лукича. Онъ опочивалъ на лаврахъ; самъ пеленалъ свое потомство, улыбался ему, *гулюкалъ* — на всѣ возможные тоны — и смѣло говорилъ: — Мой *Петюнька*, сударики мои, родился подъ счастливыми предзнаменованіями. Онъ далеко пойдетъ... Обойдетъ цѣлый міръ и слава цѣлаго міра пойдетъ по пятамъ его.

Сбылось-ли пророчество чадолюбиваго Ивана Лукича, это мы увидимъ впослѣдствіи; но теперь должны сказать, что будущій герой ярмарочныхъ потѣхъ, великій Боско, жалкій товарищъ танцующихъ барбосовъ и пуделей, — микроскопическій Петръ Ивановичъ, выглядывалъ изъ своихъ пеленокъ очень неразумно и глупо, съ наслажденіемъ бралъ ся за соску — и рѣшительно не умѣлъ любоваться природою, когда во время переѣздовъ — еврей-возничій пряталъ его за пазуху. Бѣжали дни, исчезали недѣли, за ними мѣсяцы и, наконецъ, — годы. Петръ Ивановичъ мужалъ и росъ. Онъ уже начиналъ лепетать, чисто выговаривалъ: папа и мама, и еще чище и искуснѣе таскалъ сахаръ у мадамъ Пустошкиной. Малютка скучать не могъ: частые переѣзды, новыя лица и новыя ласки; къ тому-же у него была подруга... Спустя годъ отъ дня брака, мадамъ Пегато произвела на свѣтъ хорошенькую дѣвочку — изъ которой отецъ поклялся сдѣлать силача, а мать отличную плясунью... Первое оправдывалось тѣмъ, что маленькая Амалія частенько отнимала у юнаго Пустошкина пряники; второе тѣмъ, что она на третьемъ году своего возраста — весьма удачно повторяла всѣ замысловатыя па своей маменьки.

Разъ какъ-то подъ веселую руку и, послѣ трудовъ артистическихъ, Иванъ Лукичъ, за квартою вишневки, бесѣдуя съ своимъ неизмѣннымъ сотрудникомъ Пегато, рѣшился поговорить съ нимъ откровенно.

— Я хочу съ вами говорить, сударикъ мой, — сказалъ онъ.

— Я васъ слушаю, — отвѣчалъ собесѣдникъ.

— Для того только и буду говорить, чтобъ вы меня слушали... Извольте видѣть... Дѣло это, такого рода, — синьоръ Пегато, гдѣ нужна откровенность... Будемте, сударикъ мой, откровенны!

— Готовъ, Иванъ Лукичъ... Спрашивайте! все скажу.

— Такъ слушайте лучше меня, мой задушевный другъ. Дѣйствительно, я васъ спрошу; но вы никакъ ни угадаете, о комъ и о чемъ?

— Говорите, говорите, Иванъ Лукичъ... Чѣмъ-бы ни услужить вамъ: молчаніемъ или отвѣтомъ, но все-таки услужу...

— Хорошо-съ, сударикъ мой... Извольте, я васъ спрошу: что вы думаете на счетъ нашихъ дѣтей?

Синьоръ Пегато вытаращилъ глаза, помялъ свои усы и галстухъ. Ему никогда не приходило въ голову, что можно и должно думать объ дѣтяхъ. Самъ онъ выросъ, не зная отца и матери; женился по маленькой прихоти, можно сказать, вслѣдствіе минутной болѣзни сердца, но никакъ не разсуждая о томъ, что дѣти потребуютъ вниманія и заботъ отца. Вопросъ Ивана Лукича поставилъ его въ рѣшительный тупикъ. Онъ окончательно не зналъ, что отвѣчать своему собесѣднику.

— Ну-съ, извольте! повторилъ Пустошкинъ.

— Я? сказалъ Пегато... Да ужъ если говорить откровенно, ничего объ нихъ дурнаго не думаю.

— Вы, сударикъ мой, не поняли моего вопроса.

— Я хочу васъ спросить, что вы думаете — о ихъ будущемъ, о ихъ воспитаніи?

— Какъ это такъ? Да вѣдь, будущее ихъ — наше настоящее.

— Однако, синьоръ Пегато, хоть вы человѣкъ и большаго ума, но, не взыщите, рѣшаетесь на маленькія глупости... Извольте, я вамъ поясню. Чтобы научить нашихъ дѣтей тому искусству, которое, въ настоящее время, даетъ мнѣ и вамъ хлѣбъ — для этого нужна для нихъ маленькая практика, наука ... наконецъ, воспитаніе въ духѣ — нашего назначенія; а кочуя изъ стороны въ другую, мы съ вами не успѣемъ дѣтей нашихъ приготовить къ тѣмъ занятіямъ, которыя теперь насъ кормятъ... Мы должны ими заняться серьозно.

— Что-же мы сдѣлаемъ, Иванъ Лукичъ?

— Просто, сударикъ мой, сдѣлаемъ весьма умное распоряженіе... Бросимъ наше ремесло лѣтъ на пять... Проведемъ это время въ осѣдлой жизни, — въ которомъ-нибудь изъ многолюдныхъ городовъ Литвы...

— Какъ! бросить наше ремесло? Позвольте, Иванъ Лукичъ; — помните-ли вы то, что говорите...

— Совершенно помню, сударикъ мой...

— Но помилуйте: я думаю, что при этой осѣдлой жизни, нужда осѣдлаетъ насъ такъ, что на зубъ положить нечего будетъ...

— Извините, синьоръ Пегато: я уже сказалъ вамъ, что дѣло пошло на откровенность и что сынъ мой родился подъ самыми счастливыми предзнаменованіями... Въ эти семь лѣтъ, считая отъ благополучнаго дня его рожденія, — вы знаете всѣ наши удачи... Я скопилъ порядочный капиталецъ, и теперь — рѣшаюсь завести трактиръ, или что-нибудь въ этомъ прекрасномъ родѣ.

— Все это прекрасно, Иванъ Лукичъ; но позвольте васъ спро-

сить: что буду тогда я дѣлать съ моею Луизою и маленькою Амаліею?

— Все, что дѣлаете теперь: вы будете у меня въ трактирѣ показывать вашу силу, жена ваша и дочь будутъ танцовать и пѣть, — и наконецъ — самъ я не перестану фокусничать: прекрасный примѣръ нашей жизни будетъ постоянно на глазахъ у нашего потомства! Да-съ, давайте руку, сударикъ мой, и приступимъ къ дѣлу.

Синьоръ Пегато давно жаждалъ опочить на лаврахъ, давно мечталъ завестись домкомъ, хозяйствомъ, даже теплымъ халатомъ, и въ послѣднее время особенно разлюбилъ скрипучую фуру и скитальчество, а потому, предложеніе Ивана Лукича не могло быть имъ отвергнуто. Съ чувствомъ особенной признательности, стараясь прослезиться — онъ пожалъ руку своего антрпренера, назвалъ его отцемъ и благодѣтелемъ и сказалъ:

— Иванъ Лукичъ, вы человѣкъ высокой добродѣтели и ваша любовь къ дѣтямъ и справедливость къ сотрудникамъ — есть примѣръ благородный и ... и...

— Вы меня разчувствовали, сударикъ мой, — пискливо отозвался Иванъ Лукичъ... Въ васъ я вижу человѣка, исполненнаго чувствъ благородства. Обниземтесь, синьоръ Пегато!.. При этомъ фокусникъ и силачъ упали другъ другу въ объятія.

Спустя два мѣсяца, на правомъ берегу Вислы, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Праги — проѣзжіе обращали невольное вниманіе на небольшой, но удобно выстроенный домъ, надъ наружнымъ входомъ котораго красовалась вывѣска съ надписью: «*Трактиръ Трехъ-чудесъ.*» Подъ этими тремя чудесами разумѣлись: фокусы г. Пустошкина, сила синьора Пегато и замысловатая пляска его супруги.

Дѣла Ивана Лукича пошли отлично. Посѣтителей было всегда много, и всѣ они постоянно были довольны фокусами хозяина. Вѣрный своему слову, послѣдній началъ здѣсь образованіе своего сына. Для начала, чадолюбивый отецъ перебралъ всѣ кости Петра Ивановича, научилъ его свиваться въ узелъ, ползать черепахой, прыгать лягушкой и ходить на головѣ. Когда физическое образованіе юнаго Пустошкина достигло своихъ предѣловъ, отецъ занялся моральнымъ его воспитаніемъ.

— Надо быть ловкимъ и смѣтливымъ, сударикъ мой, говорилъ онъ сыну... И когда ты приспособишь свои пальцы къ проворству, продолжалъ онъ, тогда я передамъ тебѣ всѣ тайны моихъ фокусовъ... А теперь, вотъ тебѣ колода картъ, — вотъ, я покажу тебѣ два незамысловатыхъ фокуса, умѣнье передернуть при случаѣ карточку — съ этимъ запасомъ знаній, валетовъ и шестерокъ, изволь отправляться на рынокъ и начать твои подвиги въ играхъ съ мальчишками.

— Юный Петръ Ивановичъ внимательно выслушалъ назиданія отца и подпрыгивая отправился на мѣсто своей новой школы. День былъ праздничный; базаръ пестрѣлъ народомъ. Цыгане, жиды, бабы и мелкая шляхта, всѣ смѣшались вмѣстѣ. Мелкая промышленность сновала изъ конца въ конецъ рынка, подчивала пряниками и фаршированной щукой, называла лапти сапогами, побрякивала краденой уздечкой, отдыхала на кучахъ хлама, торговала переплетами и отдавала на вѣсъ книги; шумѣла, какъ рой трудолюбивыхъ пчелъ, — толкалась, перевертывала лотки съ макомъ, заглядывала въ чужіе карманы и оберегала свои... Словомъ умъ, руки, сноровка, языкъ и ноги работали тутъ усердно, дружно, стройно, какъ главные двигатели—одной заведенной машины. Петръ Ивановичъ, занятый мыслію о первыхъ урокахъ отца, которые неизбѣжно слѣдовало привести въ исполненіе, уже шмыгнулъ въ эту волну бородъ, костлявыхъ и гибкихъ рукъ, въ это общество прозорливыхъ факторовъ; быстро пробѣжалъ до длинныхъ рядовъ сквозныхъ лачугъ, загроможденныхъ орѣхами и сушеными сѣменами изъ тыквы, оглянулся вправо, влѣво ... свистнулъ, сдѣлалъ на воздухѣ два замысловатыхъ пируэта и пошелъ на рукахъ прямо въ толпу босоногихъ, оборванныхъ ребятъ.

— Петя Пустошкинъ! Петя Пустошкинъ! раздалось въ толпѣ маленькихъ евреевъ, и юный представитель акробатическаго искусства въ одну минуту былъ окруженъ ими.

— Ну-ко... еще, еще! кричали мальчики.

Петръ Ивановичъ плутовски подмигнулъ, заложилъ руки въ карманы и, сложивъ по-турецки ноги, опустился на землю.

— Вишь вы, отозвался онъ; даромъ-то!.. Нѣтъ, голубчики — больно лакомы...

— На, орѣховъ! возьми горсть пряниковъ!.. хочешь *мацы*! крикнули въ голосъ зрители.

— *Маца* прѣсна, — отъ орѣховъ перхнетъ въ горлѣ, а на пряникахъ не хочу зубы портить! сказалъ онъ.. Давайте по грошу ... много покажу разныхъ штукъ; на картахъ фокусы знаю... Ну, что-ли, по грошу! Кто хочетъ фокусовъ, подходи, посмотри!

При словѣ грошъ — толпа переглянулась, ощупала свои карманы и начала рѣдѣть. Замѣчая охлажденіе любопытныхъ, маленькій фокусникъ быстро вспрыгнулъ, съ визгомъ упалъ на руки и колесомъ пошелъ впередъ. Толпа съ оглушительнымъ ревомъ бросилась за нимъ...

— Стой, Петя! Стой! кричала сотня голосовъ... Вотъ грошъ! показывай фокусы!

Первый успѣхъ ободрилъ молодаго Пустошкина и пользуясь увлече-

ніемъ толпы, онъ остановился на небольшой площадкѣ, обставленной лачугами торгашей.

— Ну, подходите сюда! крикнулъ онъ. Моисей, продолжалъ мальчикъ обращаясь къ одному изъ оборванныхъ зрителей, къ которомъ по длиннополому сюртуку и масленой ермолкѣ, выглядывавшей изъ подъ шапки, сбитой на затылокъ — нетрудно было угадать еврея... Становись у прохода, безъ денегъ — никого! обирай гроши; да смотри, не прятать ихъ по карманамъ!

Послушный словамъ фокусника и осчастливленный его довѣріемъ, еврей быстро сдернулъ съ головы шапку, загородилъ своимъ тѣломъ сцену — и выдвинувъ впередъ лохматую кассу, принялся сбирать гроши. Мѣдь, брянча, посыпалась въ еврейскій картузъ; локти и толчки, неизбѣжный прологъ въ толпѣ зрителей–мальчишекъ, пошли въ дѣло. — Но громкій голосъ Пустошкина: начинаю! остановилъ ратоборство враждующихъ за выгодоое мѣстечко. Шумъ смолкъ, передніе разинули рты, задніе поднялись на носкахъ — и представленіе началось.

Каждая ловкая штука акробата вызывала восторгъ любопытныхъ и поощряла его на новые подвиги; тѣмъ болѣе, что въ минуту первыхъ упражненій — самолюбіе Пустошкина было подозжено присутствіемъ большаго зрителя. Рослый и закопченый солнцемъ цыганъ, держа за руку красивую дѣвочку, внимательно слѣдилъ за всѣми прыжками и движеніями рыночнаго артиста. Послѣдній кончилъ акробатическіе упражненія и принялся за карточные фокусы.

— Видите: тузъ? говорилъ онъ, обращаясь къ зрителямъ.

— Тузъ! тузъ! откликнулась толпа.

— А, ну-ко, Моисей — дуй! И вслѣдъ за первымъ движеніемъ рта кассира — быстро передернутая карта замѣнила туза.

— Славно! Славно!.. Еще Петя!.. Еще!

— Постойте, это не конецъ; вотъ вамъ другой фокусъ... Видите: карты всѣ въ моихъ рукахъ... осмотрите ваши карманы: въ нихъ вѣдь нѣтъ ни одной — они пусты?..

— Нѣтъ! Нѣтъ... Правда! Карты всѣ у тебя...

— Хорошо, отозвался Пустошкинъ, плутовски подмигнувъ... Теперь, кто хочетъ видѣть особенное чудо, тотъ брось еще по грошу въ шапку Моисея... И кто броситъ, у того въ карманѣ явится карта, какую онъ пожелаетъ.

— Хорошо! Хорошо!.. Давай восьмерку! Пусть у меня въ карманѣ будутъ четыре дамы; вотъ четыре гроша! Мнѣ валета! визжали мальчики, наполняя шапку Моисея новыми жертвами.

— Ну, теперь на одну минуту отвернитесь — отъ меня! сказалъ фокусникъ... небойтесь, я не сойду съ мѣста.

Любопытные, нетерпѣливо ожидавшіе послѣдняго чуда, послушно исполнили желаніе Пустошкиня; какъ стадо овецъ, они стукнулись лбами и наклонивъ головы стояли въ нѣмомъ молчаніи. Не теряя ни минуты, Пустошкинъ спряталъ карты въ карманъ, тудаже пересыпалъ деньги изъ шапки маленькаго еврея и значительно мигнувъ ему, сказалъ:

— Іозефъ — у тебя валета!.. Лейба у тебя четыре дамы! Ицка, Хавка у васъ по осмеркѣ!.. Давайте ихъ назадъ! Изумленные мальчики обшарили свои карманы, — но ни у кого не оказалось сказанной карты.

— Что, — нѣтъ? съ невозмутимымъ спокойствіемъ спросилъ Пустошкинъ.

— Нѣтъ ... въ карманахъ нѣтъ!

— Ну, и у меня тоже... фокусъ товарищи не удался... покажу въ другой разъ... завтра!

— Такъ отдай деньги! крикнуло нѣсколько голосовъ...

— Нѣтъ, ужъ на деньгахъ извините... Хотите? пожалуй, въ заключеніе прокачусь колесомъ!

— Ненадо! Ненадо! Подай деньги! повторили обиженные насмѣшкою Петра Ивановича — и вслѣдъ за тѣмъ, тѣ, которые были смѣлѣе и болѣе надѣялись на свою силу, бросились на фокусника; другіе послѣдовали ихъ примѣру. Положеніе Петра Ивановича было очень незавидно. Уже нѣсколько рукъ схватили его за плечи и голову, другіе достигали кармановъ, — какъ грозное:

— Прочь, жиденята! и потомъ нѣсколько толчковъ, разданныхъ направо и налѣво, остановили храбрыхъ. Мальчики раздвинулись и встрѣтивъ въ защитникѣ Пустошкина грозный взглядъ и поднятые кулаки рослаго цыгана, забыли свои гроши, обиду и мщеніе — и разбѣжались въ разныя стороны.

— Ай да, дядя... Спасибо тебѣ! сказалъ Пустошкинъ, съ любопытствомъ разглядывая своего защитника... Сейчасъ видно добраго человѣка! продолжалъ онъ. Зналъ, за кого заступиться...

— Еще бы, такого молодца, какъ ты, дать въ обиду... Чей-ты, пріятель?

— Здѣшняго трактирщика сынъ... Знаешь, не далеко отъ города есть домъ и на немъ еще написано: Трактиръ Трехъ чудесъ...

— Ага!.. Хаживалъ мимо, какъ же! Такъ вотъ ты откуда... Ну, какъ же ты теперь домой-то пойдешь; вѣдь ужъ поздно; пожалуй, жиды подкараулятъ!

— Правда, правда! въ раздумьѣ отозвался мальчикъ... А развѣ, добрый человѣкъ, ты... меня не проводишь? Ужъ тебѣ вѣрно негдѣ ночевать; я думаю, ты здѣсь случайно ... вѣрно на базаръ пріѣхалъ... Эта телѣга, кажется, твоя?

— Да.

— Такъ довези меня ... я заплачу, да и отецъ еще скажетъ спасибо... Ужиномъ накормимъ, лошадь выкормимъ...

— Изволь... Ты мнѣ по нраву пришелъ ... мальчикъ хоть куда! Вотъ бы золотой парень былъ у насъ въ таборѣ...

— А, гдѣ вашъ таборъ?...

— Далеко дружище...

— Гм ... а эта хорошенькая дѣвочка — дочь твоя ?..

— Нѣтъ, племянница... А, что, развѣ тебѣ нравится моя Маша?

— Какъ же... Посмотри, какіе у нея черные глазки... Видишь, какъ она смѣется... Право, хорошенькая... Точно моя Амалія...

— Какая Амалія?..

— Дочь нашего силача, съ которой я съ утра до вечера дерусь... а вѣдь другъ друга любимъ...

— Вотъ–что... Право, золотой ты мальчикъ. Ну, полѣзай въ телѣгу...

— Хорошо! Пустошкинъ быстро прыгнулъ въ телѣгу. Эй, Машенька, сказалъ онъ, обращаясь къ дѣвушкѣ, съ тою наивною ласкою и свободою, какъ будто бы она ему въ эту минуту замѣнила подругу Амалію... Давай–ко твою ручку ... вотъ такъ... Пріѣдемъ къ отцу, я тебѣ натаскаю пропасть сушеныхъ грушъ и яблоковъ.

Дѣвушка кивнула своею черною курчавою головкою, протянула руку новому знакомцу и при его помощи — сѣла въ телѣгу. За нею и цыганъ. Лицо послѣдняго выражало какое–то особенное удовольствіе. Онъ съ улыбкою посматривалъ то на племянницу, то на словоохотливаго Петра Иваныча, подобралъ возжи, свистнулъ, подражая звону колокольчика — и лошадка тронулась мелкою рысью.

Между–тѣмъ день замѣтно темнѣлъ, а къ тому–же черныя и густыя тучи, медленно сходясь на небѣ, предвѣщали близкую непогоду. И дѣйствительно, не успѣли путники проѣхать и полверсты, какъ совершенный мракъ окружилъ ихъ — и крупный дождь зашумѣлъ кругомъ падающей дробью. Цыганъ остановилъ лошадь, изъ запасныхъ рогожъ и дранокъ сдѣлалъ шаткую покрышку на телѣгѣ и помѣстился самъ между двумя своими товарищами.

— Ну ... ночь темна, хоть глазъ коли, сказалъ онъ.

— Какъ-то мы доберемся, замѣтилъ Пустошкинъ ... Еще версты четыре осталось.

— Не близко ... въ этакую непогоду недолго и съ дороги сбиться, или, что еще хуже — въ оврагъ свалимся ...

— Что-жъ намъ дѣлать?

— Надо своротить въ поле и ужъ тамъ выждать разсвѣта. Не хочу ломать телѣги ... дорога не совсѣмъ мнѣ знакома.

Путники повернули съ дороги и, худо защищаемые отъ дождя и вѣтра, рѣшились провести ненастную ночь въ полѣ. Не смотря на холодъ и сырость, которые заставляли дрожать маленькаго фокусника, — онъ забывалъ свое непріятное положеніе и только заботился о своей спутницѣ.

— Холодно тебѣ, Маша? спрашивалъ онъ.

— Холодно ... А тебѣ?

— Мнѣ ... ничего ... Я небоюсь холода ... я и родился - то на морозѣ ...

— Да, вѣдь и я тоже . .

— Славный народъ сошелся! замѣтилъ цыганъ ... Эхъ, кабы теперь въ таборѣ, продолжалъ онъ; разложили-бы огонь у нашихъ шалашей, ударили-бы въ балалайки ... и тепло и весело-бы стало!

— Да, подхватила дѣвушка ... Поставили-бы на огонь котлы съ говядиной или картофелемъ.

— Забыли-бы и дождь и вѣтеръ!

— А развѣ весело, Маша, въ вашихъ таборахъ? спросилъ Пустошкинъ.

— Ухъ, какъ весело!.. Поемъ, пляшемъ ... Живемъ то въ лѣсу, то въ полѣ ... Господа пріѣзжаютъ къ намъ ... Деньги, ужъ небойсь, не грошами даютъ намъ.

— Да за что-же это?

— А за что ты обобралъ евреевъ?...

— Я показывалъ фокусы, гнулся какъ ужъ, прыгалъ лягушкой и танцовалъ на рукахъ, какъ другому и на ногахъ не удастся ...

— Ну, вотъ видишь-ли ... А мы поемъ и пляшемъ ... гадаемъ ...

— Гадаете?.. То есть ворожите?

— Да.

— И ты умѣешь?

— Нѣтъ, а буду ворожить; мать научитъ.

— Ахъ, хотѣлъ-бы я ворожить! сказалъ Пустошкинъ, увлеченный откровенностію дѣвушки и какъ-бы обращаясь къ самому себѣ.

— Такъ, что-жъ! быстро подхватилъ цыганъ — поѣдемъ къ намъ

въ таборъ — всему научимъ, да и съ тѣмъ у насъ не пропадешь, что̀ знаешь ... Житье будетъ привольное, всего наглядишься ... И темныхъ ночей, и охоты на медвѣдей, и разудалой пляски; только люби стариковъ, да улыбайся молоденькимъ ... Путь изъ тебя будетъ!..

— Поѣхалъ-бы, право, поѣхалъ ...

— Ну, поѣдемъ! отозвалась дѣвочка; я тебя буду любить, какъ брата, куска не съѣмъ безъ тебя, все пополамъ, а ужъ ворожить непремѣнно научимъ ... Все будешь знать!

— Вотъ, все-то я и хочу знать, Маша ... всего хочу поглядѣть... Давно хочу!

— Дѣло не трудное ... Мальчикъ ты разумный, семья у меня небольшая, продолжалъ цыганъ — и пожалуй, хоть сейчасъ беру тебя къ себѣ на выучку.

— Сейчасъ ... Да сейчасъ нельзя.

— Что же такъ?

— А отецъ?

— Не на вѣкъ растанешься съ нимъ ... Увидишься! А если у него будешь проситься къ намъ, вѣстимо не отпуститъ.

— Правда ... Правда! съ какою-то непонятною грустью отозвался мальчикъ. А хотѣлъ-бы я съ тобою, Маша, въ таборъ! тихо добавилъ онъ.

— Хочешь и нейдешь!

— То-то ... Отецъ! Вѣдь и у отца, все равно тебѣ, ломаться надо; да ужъ за то дальше базара ни шагу ... Эка невидаль — гроши сбирать ... У насъ-бы тебя заѣзжіе господа на рукахъ просто носили... Посмотри, какимъ-бы угаромъ выровнялся ... Пришелъ-бы послѣ къ отцу и съ деньгами и бывалый, какъ говорится.

Пылкій отъ природы, скорый и къ тому-же малодушный Пустошкинъ жадно прислушивался къ посуламъ цыгана, не понимая того, что новый его благодѣтель самъ видѣлъ въ немъ средство наживать деньгу. Мальчикъ задумался. Воображеніе его, рано развитое, въ эту минуту развертывало передъ нимъ баснословную и заманчивую картину скитальческой жизни въ лѣсахъ, среди толпы фокусниковъ, фигляровъ, ворожей; картину, полную жизни раздольной, безпечной, гдѣ при зажженныхъ кострахъ, подъ звуки веселой пѣсни, вьется въ бойкой пляскѣ молодость и старость ... Искушеніе было велико, тѣмъ болѣе, что первыя впечатлѣнія его молодости были невольно направлены къ этому искушенію.

Мысль объ отцѣ и матери не имѣла въ эту минуту мѣста ни въ памяти, ни въ душѣ его. Послѣднее обстоятельство, во всякомъ слу-

чаѣ, нельзя было приписывать отсутствію добрыхъ качествъ въ этомъ мальчикѣ, такъ рано возмужавшемъ для мысли, мечты и дѣйствительности. Рожденный на дорогѣ, скоротавшій младенчество то за пазухой еврея – возничаго, то въ холодномъ сараѣ, рѣдко пригрѣтый ласкою матери, всегда занятой своимъ жалкимъ ремесломъ, еще менѣе видѣвшій ласку отца, который съ первыхъ дней вытащилъ своего ребенка на показъ праздной толпѣ, заставляя его, какъ векшу, прыгать черезъ палочку; потомъ вывихи, ломка рукъ и ногъ, истязанія во славу искусства и фиглярства ... все это не дало ему средствъ понимать, что есть ласка родная, которая насъ такъ привязываетъ къ близкимъ существамъ, которая выше и отраднѣе ласки друзей. Онъ видѣлъ въ отцѣ небольше, какъ только учителя, думая, что подъ старость обязанъ заплатить ему за хлопоты мѣркою хлѣба ... Любви, теплой сыновней привязанности онъ не зналъ, а душа его, вскормленная подъ грустными впечатлѣніями — создать ихъ не могла и не умѣла.

— Да, сказалъ Петръ Иванычъ, послѣ долгаго раздумья, и побѣжденный своими мечтами ... Я вѣдь поѣду въ вашъ таборъ, право? заключилъ онъ, какъ-бы не отвѣчая, а спрашивая. Въ немъ было уже столько самолюбія, что онъ испугался своей наивности.

— Вотъ и хорошо! отозвался цыганъ ... Хорошіе люди вездѣ нужны, и у насъ ты не соскучишься ... всѣ полюбятъ тебя.

— Да! да! замѣтила дѣвушка, я всѣмъ разскажу, какой ты добрый ... А ... постой-ка, скажи-ка, какъ тебя звать?

— Петей; только дома и въ городѣ меня зовутъ Петромъ Иванычемъ.

— Ухъ, да это длинно и долго ... я буду звать тебя просто Петромъ ...

— Пожалуй.

Разговоръ еще долго длился между новыми знакомцами — о таборѣ, о кочевой жизни, о томъ, какъ пляшутъ медвѣди ... И наконецъ близкій разсвѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и холодъ ночи навѣялъ дремоту на нашихъ странниковъ и они заснули.

Въ полдень проснулся Пустошкинъ, среди незнакомой, пустынной проселочной дороги. Городъ и домъ отца далеко уже были за нимъ.

— Гдѣ мы теперь? спросилъ онъ цыгана, встрѣтившаго его ласковой улыбкой и кускомъ черстваго хлѣба.

— Недалеко отъ Прусской границы и нашего табора, отвѣчалъ цыганъ.

III.

Контрабандисты. — Проводникъ. — Близкая бѣда. — Раненый. — Цыганка. — Петръ Ивановичъ безъ вины виноватъ. — Труппа актеровъ. — Золотой человѣкъ.—

1814 года, въ бурную осеннюю полночь, — на закраинѣ болота, въ полуверстѣ отъ границы Прусской, — нѣсколько человѣкъ контрабандистовъ, въ нѣмомъ молчаніи проходили опушкою лѣса. Одѣтые легко и удобно — на случай быстраго ухода въ чащѣ лѣса отъ стражи, они были вооружены винтовками и каждый изъ нихъ имѣлъ за плечами котомку. Еслибы нечаянная молнія могла освѣтить эти мрачныя и молчаливыя физіогноміи, то достаточно было бы одного мгновенія, чтобы разглядѣть, изъ какого сброда состояло это общество людей, рисковавшихъ за смѣлый барышъ настоящимъ и будущимъ и даже жизнію. Тутъ были и цыгане, и хитрые евреи, и дезертиры,—остатки *великой французской арміи*. Слѣдуя за своимъ проводникомъ, статнымъ и красивымъ молодымъ человѣкомъ, они легко прыгали чрезъ влажные пни ... То останавливались на мгновеніе, — тревожно прислушиваясь къ завыванью вѣтра, въ визгахъ котораго чуткимъ ухомъ всегда умѣли отличить шелестъ шаговъ и даже легкій трескъ хвороста подъ ногою сторожа — то снова, по знаку проводника, пускались въ путь.

Прошло болѣе часа ихъ опаснаго и труднаго перехода; они уже почти миновали границу и сторожевую линію, какъ легкій свистъ одного изъ нихъ, замыкавшаго вытянутую шеренгу, остановилъ прочихъ. Контрабандисты переглянулись и сошлись при опушкѣ мелкаго кустарника.

— Гдѣ *вороны*, Ягайло? спросилъ передовой.

— Не знаю.

— Зачѣмъ же *высвистываешь на вѣтеръ?*

— *Капканъ близокъ* ... Одного между нами нѣтъ .., и нѣтъ, какъ видите, Евеля.

Выправляя винтовки, контрабандисты тревожно и вопросительно посмотрѣли другъ на друга.

— Подлый жидъ, измѣнилъ намъ, сказалъ одинъ изъ толпы.

— Нѣтъ никакого сомнѣнія: онъ продалъ наши головы.

— И души! подхватилъ третій.

— Мы въ капканѣ ... Насъ перестрѣляютъ, какъ рябчиковъ, или поберутъ руками, какъ отравленныхъ мухъ!

— Да, зашли далеко, нельзя идти впередъ и назадъ двинуться ... По всѣмъ моимъ примѣтамъ — мы въ срединѣ линіи ... Вонъ эта рогатая сосна и направо отъ нея два камня...

— Что же намъ дѣлать, Пьеръ? спросилъ контрабандистъ, въ выговорѣ котораго слышался французскій акцентъ.

— Уходить въ лѣсъ; сложить доброе въ одно мѣсто, послѣ его возьмемъ — пусть пропадаетъ, да за то сбережемъ головы ...

— О, ignominie!.. Чего мы испугались? Своей тѣни ... Столько верстъ голодные и измученные тащили добро на плечахъ своихъ и бросить его ни за что!.. Нѣтъ, я несогласенъ!.. Оставайтесь тутъ, а я иду!

— Но развѣ ты не боишься быть открытымъ? спросили нѣсколько голосовъ.

— Да кто вамъ сказалъ, что въ такую темную ночь, при этомъ дождѣ и вѣтрѣ можно быть открытымъ?.. Чье чутье теперь заслышитъ насъ ... Притомъ, по первой тревогѣ, мы въ лѣсу — и развѣ только борзые или гончіе обнюхаютъ насъ подъ кустомъ!

— А если мы окружены?

— Ну! ужъ и окружены ... Смотрите, почти съ громкимъ смѣхомъ замѣтилъ веселый французъ, ваши и головы-то кажется на прицѣлѣ!

— Тс! Шаги!.. прошепталъ проводникъ контрабандистовъ.

— Да! да! Топотъ коня! также шопотомъ повторили нѣкоторые.

Напрягая вниманіе и настороживъ ухо, контрабандисты стали прислушиваться къ встревожившему ихъ топоту, который мало по малу исчезалъ въ отдаленіи.

— Ничего! сказалъ проводникъ ... Бѣда проѣхала мимо ... Это объѣздчикъ ... онъ, кажется, повернулъ за болото ... Пойдемте: они думаютъ найти насъ не тамъ, гдѣ надо.

И снова контрабандисты, держась опушки лѣса, пустились въ путь. Но каждый шагъ ихъ впередъ, доказывалъ имъ, что они окружены. Конскій топотъ то слышался безпрестанно впереди ихъ, то за ними, то въ лѣсу, то съ противоположной закраины болота... А между тѣмъ, день уже былъ близокъ. Вѣтеръ начиналъ стихать, дождь тоже, и скоро разорванныя черныя тучи разбѣжались по небу ... Красноватый свѣтъ зари блеснулъ на востокѣ ... вотъ онъ ярче, ярче, свѣтлѣе — и склонъ восточнаго горизонта одѣлся розовою полосою утра. Влажныя сосны и березы, желтоватая зелень болота и черныя бойницы старинаго замка, раскинутаго на холмахъ за рощею — ясно обрисовались теперь въ глазахъ путниковъ ... Чернѣющая и подвижная толпа ихъ также въ это время не могла быть не замѣченною наблюдателемъ. Привычные къ удачамъ и неудачамъ, они поняли свою опасность, и какъ бы по знаку остановились у одного изъ овраговъ, отдѣлявшихъ ихъ отъ кустарника.

— Мы въ ловушкѣ, сказалъ одинъ изъ нихъ; нѣтъ никакого сомнѣнія, что мы будемъ подъ пулей или на веревкѣ...

— Неутѣшительно, а справедливо, панъ Борзевичъ ... отозвался другой ... Ужъ если выслѣдили насъ ночью, такъ днемъ не уйти отъ мышеловки.

— Клянусь всѣмъ милліономъ иголокъ, спрятанныхъ въ моей котомкѣ, подхватилъ третій, что здѣсь каждый кустъ съ ушами, и каждый оврагъ — наша могила !..

— Правда! Правда! отозвалась толпа. Но тревожный шопотъ ея еще не замеръ на устахъ, какъ справа — кустъ черемухи одѣлся легкою струею дыма, сверкнулъ огонь, и выстрѣлъ зарокоталъ въ рощѣ, откликаясь дробнымъ и звонкимъ эхомъ.

— Ага! Вотъ и сигналъ! вскричалъ проводникъ.

— Сейчасъ стегнутъ въ насъ и пулями! замѣтилъ контрабандистъ, котораго величали паномъ Борзевичемъ ... Смотрите, смотрите — какая ватага друзей! продолжалъ онъ, указывая на нѣсколько десятковъ головъ, поднявшихся изъ овраговъ, кустовъ и изъ-за болота.

Цѣлые десятки ружей стальною оградою окружали контрабавдистовъ.

— Сдайся! раздался грозный и повелительный голосъ впереди ихъ.

— Слышите, хотятъ, чтобъ мы подарили имъ наше богатство, замѣтилъ французъ ... примемте друзей прикладомъ и свинцомъ!..

— На прицѣлъ! на прицѣлъ! зашумѣли контрабандисты, выправляя оружіе.

— Остановитесь! сказалъ проводникъ; надо быть или бѣшенымъ или сумашедшимъ, чтобы спорить съ ними ... Насъ семеро, ихъ до тридцати ... сила солому ломитъ...

— Вздоръ! вздоръ ... На проломъ!

— Безумцы ... мы неуйдемъ отъ нихъ!

— Живые или мертвые, но не безъ бою...

— Товарищи! если насъ возьмутъ, мы будемъ отвѣчать, какъ плуты; будемъ драться, отвѣтимъ, какъ убійцы! — Какъ хотите ... а я на уходъ! кто за мною въ лѣсъ? Я знаю вѣрныя тропинки и переходы по топямъ. — Однако совѣтъ его не достигъ своей цѣли; на новый окликъ: сдайся! контрабандисты отвѣчали залпомъ изъ винтовокъ...

Между тѣмъ, говорившій успѣлъ подтянуть свою котомку, уперся прикладомъ винтовки въ закраину оврага и съ легкостію и ловкостію лани прыгнулъ на противоположную сторону. Лѣсъ былъ близокъ, спасеніе молодаго проводника казалось несомнѣннымъ. Прыгая по пнямъ и кочкамъ, онъ уже миновалъ кустарникъ, какъ справа изъ за дерева мелькнулъ стволъ карабина и, въ то же мгновеніе, пуля ударилась въ плечо

бѣглеца. Ошеломленный ударомъ, молодой человѣкъ, шатаясь и готовый упасть, успѣлъ схватиться за сучья сухой сосны. Снова заряженный стволъ карабина былъ уже теперь въ упоръ у груди раненнаго. Какъ бы оживленный послѣднею и страшною опасностію, взоръ его сверкнулъ огнемъ отваги. Быстрымъ движеніемъ руки — бѣглецъ схватилъ стволъ карабина и не выпуская его изъ рукъ, съ ловкостію и силою метнулъ противника въ сторону. Стражъ также былъ силенъ и противники съ проклятіемъ, держась за карабинъ, закрутились по землѣ.

— Сдайся, задыхаясь — говорилъ первый... Наши близко: тебѣ неуйти!

— Увидимъ! отвѣчалъ бѣглецъ — и съ этими словами — онъ, какъ легкую соломину, перекинулъ черезъ голову оплошнаго стража.

Выстрѣлы и громкій крикъ: Держи его! — раздались за бѣглецомъ ... Но онъ уже былъ на тоняхъ и съ инстинктомъ лисицы скоро перебѣжалъ едва замѣтныя извилистыя тропинки, — на которыхъ легкій слѣдъ крови указывалъ его дорогу. Тяжело вздохнулъ молодой человѣкъ, со страхомъ осмотрѣлся кругомъ, когда достигъ густой чащи лѣса. Мертвое молчаніе чащи, возмущаемое только отдаленнымъ гуломъ выстрѣловъ, да чириканьемъ пернатыхъ — вотъ все, что могло теперь встревожить чуткое ухо бѣглеца. Дрожа всѣмъ тѣломъ и стараясь остановить теченіе крови изъ раны, — онъ тревожно наклонился къ землѣ, какъ бы желая заслышать шаги своихъ преслѣдователей ...

— Нѣтъ ихъ, кажется — отстали! сказалъ онъ... Ну, мѣшкать нечего... Рана не опасна; успѣю перебинтовать ее дома. И снова, раздвигая стволомъ отнятаго карабина густые сучья сосны и ели, раненый пустился впередъ. Лѣсъ начаналъ рѣдѣть, вправо открылась широкая дорога, за нею крутой берегъ рѣки и развалины какой–то закопченой мазанки. При видѣ послѣдняго предмета — радость и удовольствіе сверкнули въ глазахъ усталаго путника... Однако несмотря на свое утомленіе, онъ прибавилъ шагу. Въ эту минуту, изъ оврага раздался громкій лай, и мохнатая огромной величины собака съ радостнымъ визгомъ — кинулась на встрѣчу путника.

— А! Брылонъ! вскричалъ онъ, лаская своего знакомца ... Ну — товарищъ, какъ ты испугалъ меня; бѣги, бѣги... Пойдемъ домой. Собака, то прыгая съ радостнымъ визгомъ, то описывая крутые круги около путника, бѣжала къ закопченой мазанкѣ, въ которой съ перваго взгляда нетрудно было узнать кузницу цыгана.

Измученный до крайняго истомленія, бѣглецъ, почти шатаясь, до-

стигъ кузницы — слабою рукою постучался въ ея крошечныя двери, служившія входомъ въ жилое отдѣленіе хозяина. Громкій лай и визгъ Брылона вторилъ этому стуку, на который открылось небольшое окно и красивая головка дѣвушки тотчасъ же показалась въ немъ...

— А! Петръ ... вскричала она ... Цѣлую ночь пропадалъ ты... насилу дождались! Иди скорѣй.

Запоръ щелкнулъ и блѣдный, истомленный теченіемъ крови изъ раны и душевною тревогою молодой человѣкъ медленно переступилъ порогъ бѣднаго и грязнаго жилья. Бросивъ шляпу и не говоря ни слова — онъ опустился на лавку.

При взглядѣ на страдальческое лицо юноши, смуглое и изумительной красоты лицо дѣвушки выразило испугъ и живое участіе.

— Петръ! ... Что съ тобою! ... Смотри ... ты въ крови! ... ты раненъ ...

— Да ... Маша, слабо отвѣчалъ молодой человѣкъ, почти безъ вины попалъ въ бѣду ...

— Какъ! въ бѣду ... Что ты сдѣлалъ! И дѣвушка, не скрывая своего испуга и волненія, дрожа, схватила руку молодаго человѣка ... Говори! Говори! повторяла она прерывистымъ шопотомъ ... Ахъ, сколько крови, продолжала она — недожидаясь его отвѣта ... Тебѣ больно ... Тебя можетъ быть хотѣли убить ... Ты умрешь! ...

Юноша вопросительно взглянулъ на свою собесѣдницу; глаза его въ эту минуту выражали какое то особенное удовольствіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ и удивленіе.

— Небойся, сказалъ онъ съ легкою улыбкою, пожимая руку Маши. Рана не опасна ... Дай какую-нибудь тряпку — мы ее перевяжемъ, а придетъ твой братъ, придумаетъ цѣлительную примочку, и я здоровъ...

Дѣвушка, послушная словамъ пришлеца, схватила висѣвшее на гвоздѣ полотенцо и съ необыкновенною осторожностію, едва скрывая свои слезы, перевязала рану молодаго человѣка ...

— Ну-же, говори Петръ ... кто хотѣлъ убить тебя — за что? сказала она, заботливо осматривая перевязку ...

— Садись — и успокойся, мой другъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, я тебѣ разскажу все ... Видишь-ли, началъ онъ, когда дѣвушка, не спуская съ молодаго человѣка взгляда, полнаго особеннаго сочуствія и участія, опустилась подлѣ него ... Вчера, почти уже ночью, я вышелъ изъ фолварка пана Бонзевскаго, которому относилъ сдѣланную нами желѣзную ось къ его бричкѣ ... Ночь была темна и непогодлива ...

— Да, да! перебила дѣвушка ... такой страшный дождь и вѣтеръ. Мы много горевали о тебѣ ...

— Спасибо ... ну, вотъ, чтобы сократить дорогу — я и рѣшился пуститься болотомъ, а потомъ наперерѣзъ лѣсомъ ... дѣло бывалое, сама знаешь, прежде въ таборѣ намъ неразъ случалось съ тобою, въ темныя ночи, плутать въ этихъ непроходимыхъ лѣсахъ ...

— Правда, правда ... Это-то не страшно ... ну, ну, чтоже потомъ?

— Вышелъ я на болото ... Ночь темна, хоть глазъ коли, вѣтеръ такъ и посвистываетъ, стегая дождемъ прямо въ глаза ... ну, да мнѣ это ни почемъ ... иду себѣ да потѣю ... Вдругъ, кто-то меня за воротъ цапъ ... я не сробѣлъ, и по старой привычкѣ ловко перевернулся на воздухѣ, бросилъ отъ себя недруга, чуть не за три сажени и остановился, стараясь высмотрѣть, съ кѣмъ я долженъ буду подраться, а тутъ, глядь — еще четыре руки ухватили меня за горло ...

— Ай, ай ... кто же это?

— Погоди ... я вправо, я влѣво, свился въ кольцо, шырнулъ одного, другаго ... нѣтъ, вижу держатъ меня, какъ въ клещахъ, лапы здоровыя! ... Не прошло и минуты, какъ къ нимъ прибыло еще рукъ десять ... Держите его, сказалъ кто-то ... сейчасъ петлю на шею и дѣло кончено — это сыщикъ ... Веревку, веревку, зашумѣла толпа ... Давно замѣтно, что онъ насъ преслѣдуетъ ... онъ даже насвистывалъ... это его сигналъ. — Стойте, товарищи, за кого вы меня принимаете? сказалъ я, стараясь разглядѣть враговъ, съ которыми имѣлъ дѣло — и въ которыхъ тотчасъ же узналъ контрабандистовъ, а между ними и стараго знакомца Ѳомку плясуна ...

— Какъ! ... нашего цыгана, который потѣшалъ заѣзжихъ въ таборъ ученымъ медвѣдемъ!

— Да ... Эта встрѣча только и спасла меня ... За то навязала новую бѣду на шею. Контрабандисты заплутались и имъ, стало-быть, нуженъ былъ проводникъ. Ѳомка разсказалъ своимъ товарищамъ, что я здѣшній, что знаю всѣ обходы и выходы, и что на меня можно положиться ... Новые друзья мои, не говоря ни слова, взвалили мнѣ на плечи котомку съ иголками и толкнули впередъ ... Сила солому ломитъ: надо было повиноваться. Я пустился опушкою лѣса. Съ разсвѣтомъ насъ окружила стража ... Контрабандисты завязали перестрѣлку, а я, не желая въ чужомъ пиру терпѣть похмѣлья — бросился на уходъ. Одинъ изъ солдатъ принялъ меня за контрабандиста, встрѣтилъ пулею и ранилъ; однако я ушелъ отъ него..

Въ продолженіи разсказа молодаго человѣка, лицо дѣвушки то покрывалось смертною блѣдностію, то вспыхивало минутной радостію и, когда онъ кончилъ свое повѣствованіе, свободный вздохъ облегчилъ грудь Маши, полную тоскливыхъ ожиданій....

— Такъ, такъ, Петръ, сказала она быстро и какъ бы не разсуждая о томъ, что говорила ... Не даромъ у меня вчера щемило сердце. И такъ скучно было мнѣ вчера, такъ хотѣлось заплакать.... Вотъ, правду вѣрно говорятъ, что сердце вѣщунъ. Случилось же нежданное горе ...

Молодой человѣкъ вздрогнулъ.

— Что это значитъ, Маша, спросилъ онъ; ты никогда со мною не говорила такъ откровеннно ... Развѣ бѣда моя близка тебѣ, развѣ мое горе и тебѣ приноситъ слезы?. .

Дѣвушка съ упрекомъ взглянула на своего собесѣдника...

— Да, какъ же, Петръ, сказала она; развѣ ты незнаешь, что я люблю тебя, какъ брата ... нѣтъ .. право, кажется, люблю еще больше... и давно, — еще въ таборѣ, бывало уйдешь съ отцемъ на медвѣдя, — такъ я всю ночь проплачу, словно у меня что отняли ... А, теперь... я бы не наглядѣлась на тебя, не отошла бы отъ тебя ... ты такой добрый ... ты бѣдный–Петръ!... Мы увезли тебя отъ отца, отъ матери... Вѣдь ужъ некому приласкать тебя ... Петръ, добрый мой ... не хмурь такъ сердито брови ... Позволь мнѣ любить тебя!

Петръ, въ которомъ изъ словъ Маши читатель долженъ узнать Петра Ивановича Пустошкина ... крѣпко сжалъ руку дѣвушки, — ея наивность и участіе вызвали на глазахъ его невольныя слезы. Не скрывая своего восторга, онъ молча обнялъ подругу своего грустнаго дѣтства и поцѣловавъ ея, прерывисто прошепталъ.

— Маша ... вѣдь и я люблю тебя . . люблю много ...

Но въ эту минуту, такъ счастливую для молодыхъ людей, громкій и нетерпѣливый стукъ раздался у дверей кузнецы и, вслѣдъ за тѣмъ чей-то повелительный голосъ сказалъ: Отворяй! Живѣе!

— Кто это? вскричала Маша ... тревожно прислушиваясь къ звукамъ незнакомыхъ голосовъ, раздававшихся за дверью ... Это, не братъ, нѣтъ.

— Это должны быть сыщики! отозвался смущенный молодой человѣкъ ... Маша, я погибъ: они вѣрно нашли слѣдъ мой — по крови.

— Сыщики! блѣднѣя и дрожа всѣмъ тѣломъ; повторила дѣвушка... О, я не пущу ихъ ... Я не отдамъ имъ тебя.

— Нѣтъ Маша, напрасное сопротивленіе ... Успокойся ... Я вѣдь не виноватъ

— Да ну–же, цыганское отродье! отворяй, что-ли!.. Нѣтъ, такъ весь твой курятникъ растащимъ по кирпичу! повторила нетерпѣливая стража.

— Отопри, Маша ... спокойно сказалъ Петръ Иванычъ.

Ошеломленная неожиданностію и страхомъ, цыганка, лишенная мысли

и памяти, какъ бы не зная, что дѣлаетъ — отдернула запоръ двери, и бросилась въ уголъ, стараясь закрыть своимъ тѣломъ раненаго.

Четыре вооруженные солдата, предводимые своимъ товарищемъ, который ранилъ Петра Иваныча — вошли въ комнату.

— Здорово, красотка! сказалъ старый солдатъ ... У тебя долженъ быть здѣсь бѣглецъ, контрабандистъ, котораго мы преслѣдуемъ ... Гдѣ онъ? Ну!..

— Его нѣтъ, здѣсь! добрые люди! заикаясь, проговорила Маша... Какой бѣглецъ ... я не знаю ...

Гм ... не знаешь ... цыганское отродье ... А это чей карабинъ?... а эта котомка!.. Эге!.. вѣрно, звѣрокъ-то роденька тебѣ ... Смотри— ка, словно волчица посматриваетъ на насъ, вишь, какъ ощетинилась! продолжалъ онъ, оттолкнувъ ее въ сторону — и схвативъ Пустошкина... Товарищи! берите его! Петръ Иванычъ не защищался и не оправдывался. Мысль, быть можетъ, о вѣчномъ заключеніи и разлукѣ съ Машею лишила его языка и силы. Онъ молча всталъ и самъ пошелъ на встрѣчу сыщикамъ, въ то время какъ дѣвушка, съ громкимъ воплемъ, упала къ ногамъ стараго солдата.

— Оставте, оставте его! кричала она ... Клянусь Богомъ онъ — не виноватъ! Онъ не контрабандистъ ...

— Пошла прочь!.. Чего ползаешь, какъ ящерица ... Не виноватъ... Тамъ ужо разберутъ ... Не одинъ онъ въ ловушкѣ!..

— Оставьте его! повторяла Маша, рыдая и удерживая Петра Иваныча.

Стража отстранила дѣвушку и окруживъ плѣнника, вывела его изъ кузницы. Страдая не менѣе цыганки, Петръ Иванычъ обернулся и съ тяжелымъ стономъ кинулъ прощальный взглядъ на мазанку. Въ растворенныхъ дверяхъ ея, съ нѣмымъ отчаяніемъ, опустивъ на грудь голову, стояла Маша, провожая милаго глазами, въ которыхъ сверкали, то злоба, то отчаяніе, то выраженіе безумія.

Прежде чѣмъ будемъ говорить о послѣдующихъ удачахъ и неудачахъ Петра Иваныча — оглянемся назадъ и скажемъ нѣсколько словъ о его прошедшей жизни.

Позднею и темною ночью, привезъ цыганъ молодаго Пустошкина въ свой таборъ. Громкій лай собакъ и толпа оборванныхъ ребятъ встрѣтила телѣгу цыгана при въѣздѣ въ лѣсъ, гдѣ расположено было кочевье. Костры огней ярко пылали между деревьями, шалашами и телѣгами съ поднятыми вверхъ оглоблями. Таборъ пировалъ. Заѣзжіе гости подняли его на ноги. Вино, красныя лица гостей, звукъ балалайки и рѣзвая, нескромная плясь лѣсныхъ баядерокъ, да громкая пѣ-

сня мужчинъ — все это, какъ нельзя лучше, рисовало картину разгульной жизни незнакомой со вчера и завтра, жизни, которая довольна настоящимъ, каково-бы они ни было. Петръ Иванычъ попалъ въ свою сферу. Онъ бросилъ цыгана и сестру его, вмѣшался въ танцующую толпу и принялся кувыркаться ... Первый дебютъ мальчика вполнѣ удался ему. Горсть злотыхъ и ласковая улыбка цыганъ были его наградою. Въ нѣсколько дней, онъ успѣлъ освоиться съ новыми знакомцами, легко свыкся съ ихъ жизнію и нуждами. Были минуты, когда сердце просыпалось въ немъ, когда дума объ отцѣ, матери и молодой подругѣ, Амаліи, начинали тревожить его молодую душу; но рѣзвая и наивная ласка Маши, или новый пиръ въ таборѣ, или шумное кочевье съ мѣста на другое — скоро излѣчивали эту непрошенную тоску. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, въ которыя Петръ Иванычъ совершенно полюбилъ семью цыганъ, забылъ родныхъ и свое дѣтство въ отцовскомъ домѣ. Онъ ужъ былъ взрослымъ, дюжимъ парнемъ, ловкимъ, смѣлымъ и изворотливымъ. Маша, также росла и хорошѣла. Можно было сказать, что въ цѣломъ таборѣ не было дѣвушки красивѣе. Петръ Иванычъ, былъ уже въ томъ счастливомъ возрастѣ, когда, сердце жадное первыхъ впечатлѣній страсти, легко подчиняется ей и потому, неудивительно, если хорошенькое личико Маши, ея ласка, простота и особенная дѣтская привязанность къ нему, заставили юношу полюбить цыганку всѣмъ пыломъ первой любви. Петръ Иванычъ, боясь разочаровать свои надежды, боясь отъ Маши услышать только слово дружбы — не намекалъ ей о своихъ чувствахъ ни словомъ ни дѣломъ. Онъ засыпалъ съ нею подъ одной кровлею, голодалъ вмѣстѣ, радовался тоже — но всегда, особенно въ глазахъ постороннихъ, старался казаться совершенно равнодушнымъ къ прелестямъ своей подруги. Это-то самое и обмануло Машу, которая вполнѣ отвѣчала на чувства Петра Иваныча. Она также молчала, изыскивая только случаи доказывать ему свою дружбу и вниманіе. Въ это самое время, когда дружба молодыхъ людей перешла въ искреннюю и чистую любовь, братъ Маши, разбогатѣвшій нѣсколько, при помощи гибкихъ костей и тѣла Петра Иваныча, рѣшился оставить таборъ. Ночью, тихонько, съ Машею и Пустошкинымъ, онъ оставилъ своихъ, добрался до границы Прусской Польши и тамъ, на берегу рѣчки, купилъ мазанку, въ которой завелъ кузницу. Петръ Иванычъ, жаждавшій скитальчества и разнообразія, а иногда и вспоминая о родныхъ, никакъ не рѣшался оставить цыгана и его кузницу ... Любовь къ Машѣ связывала его волю и мысли ... Такъ проводилъ дни нашъ герой, въ семьѣ стараго цыгана, далеко отъ людей, и въ постоянной работѣ, по-

могая въ трудахъ своему товарищу — до того несчастнаго случая, который мы разсказали, и который сдѣлалъ Петра Иваныча безъ вины виноватымъ.

Однако, благодаря откровенности контрабандистовъ, спустя не много времени, невинный Пустошкинъ былъ оправданъ и освобожденъ. Получивъ свободу, первою мыслію Петра Иваныча было броситься на границу, въ объятія Маши, къ трудовой наковальнѣ. Но безденежье, отдаленность мѣста, въ которое онъ былъ завезенъ, все это ставило несчастливца въ крайнее положеніе. Онъ рѣшился искать труда и занятій по своимъ способностямъ и силамъ, надѣясь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ осуществить желаніе своего сердца.

Голодный, измученный тоскою и неудачами, Петръ Иванычъ, однажды проходя незнакомою улицею города, былъ заинтересованъ нѣсколькими повозками, остановившимися у гостинницы. Толпа мужчинъ и женщинъ, съ громкимъ говоромъ и смѣхомъ, вынимали изъ этихъ повозокъ разноцвѣтное тряпье, въ которомъ по мишурнымъ позументамъ, блесткамъ, рыжимъ кистямъ и шляпамъ увѣнчаннымъ перьями, —нетрудно было узнать гардеробъ странствующихъ артистовъ. Чего-же лучше, подумалъ Петръ Иванычъ, я голоденъ ... страдаю ... а между-тѣмъ ловокъ, недуренъ собою, могу читать и говорить по-польски и по-русски. Право, изъ меня могъ–бы быть порядочный актеръ. Попытаю счастья. Петръ Иванычъ выждалъ время, когда странствующая труппа, навьюченная своимъ хозяйствомъ, удалилась въ гостинницу, даже выждалъ той минуты, когда это общество усѣлось за общій столъ, и уже подслушавъ веселый смѣхъ и говоръ его, неизбѣжное слѣдствіе сытнаго и вкуснаго обѣда съ приложеніями, рѣшился войти въ залу.

Петръ Ивановичъ переступилъ порогъ этой залы въ самую счастливую для себя минуту. Отъ антрпренера до послѣдняго статиста, и отъ первой любовницы до послѣдней горничной, всѣ артисты были въ очень веселомъ расположеніи духа. Видъ оконченной трапезы совершенно поразилъ Пустошкина; онъ давно отвыкъ видѣть такое множество бутылокъ, столько скомканныхъ салфетокъ, такую бездну костей; выпитыхъ, початыхъ и полныхъ стакановъ съ разнородными напитками всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и вкусовъ. Голодный Петръ Ивановичъ даже прослезился, смотря на такое изобиліе — стекла и мяса. Онъ забылъ настоящую причину своего прихода и жаднымъ взглядомъ — остановился на грудѣ не совсѣмъ обглоданныхъ костей.

— Ахъ, какъ они ѣдятъ, пьютъ — и живутъ хорошо! подумалъ онъ, обоняя запахъ жареной телятины и струю табачнаго дыма. И мо-

лодой человѣкъ невольно, какъ заяцъ, втянутый въ пасть удава, подошелъ къ столу. Кругомъ его, слышался смѣхъ, говоръ; напѣвъ куплетовъ и громкая декламація представителя драмы. Но бѣднякъ не обращалъ вниманія на остроты и немного сиповатыя рулады пирующихъ;— бутылки и тарелки заняли его глаза и мысли; онъ оставался безъ всякаго движенія, посма́тривая то на столъ, то на румяныя лица собесѣдниковъ.

— Откуда этотъ молодецъ? сказалъ одинъ изъ актеровъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ... Смотрите-ка, господа; онъ блѣдѣнъ, какъ тѣнь отца Гамлета...

— И голоденъ, мнѣ кажется, какъ французскій мародеръ! подхватилъ другой.

— Ужъ не новый–ли персонажъ для нашей труппы? насмѣшливо промычалъ трагикъ...

— Но онъ очень не дуренъ! замѣтили нѣкоторыя изъ актрисъ.

— Что вамъ угодно, дружочикъ мой? спросилъ какой–то низенькій, толстенькій господинъ, подпрыгнувъ, какъ резинка — на своемъ стулѣ и обращаясь къ Пустошкину.

Этотъ вопросъ разбудилъ Петра Ивановича, онъ вздрогнулъ и быстро отступилъ назадъ съ низкимъ поклономъ.

Всѣ смолкли, всѣ ждали отвѣта; но Петръ Ивановичъ не находилъ его, и только въ замѣшательствѣ ощипывалъ полинявшую ленту на своемъ картузѣ.

— Смѣю спросить: что вамъ угодно? повторилъ тотъ-же господинъ.

— Антрпренера! едва внятно прошепталъ молодой человѣкъ.

— Онъ къ вашимъ услугамъ, дружочикъ мой! отозвался толстякъ, ласковый тонъ котораго никакъ не согласовался въ эту минуту съ его гордою осанкою и нахмуренными бровями.

Пустошкинъ поклонился еще ниже.

— Какой учтивый! А судя по его костюму, нельзя догадаться, чтобы онъ былъ когда-нибудь въ порядочномъ обществѣ! подумалъ антрпренеръ. Ну–съ, я жду, сказалъ онъ громко... Пожалуйста безъ церемоній ... мы, артисты, народъ откровенный, имѣемъ привычку кончать дѣла на чистоту, безъ предисловій и вступленій ... извольте, другъ мой!

— Должно–быть, этотъ господинъ порядочный плутъ и выжига: ничего невидя, называетъ меня и другомъ и дружкомъ, замѣтилъ про себя Пустошкинъ, совершенно ободрившись.

— Извольте, сказалъ онъ, я объявлю вамъ прямо и безъ преди-

словій причину моего прихода. Я, милостивый государь, желалъ-бы поступить въ число сочленовъ вашей труппы.

— Ну, такъ и есть, снова промычалъ трагикъ ... ужъ не на драму-ли, голубчикъ?

Антрпренеръ надулся еще болѣе, щетинистая голова его утонула по самое темя въ глубинѣ широкаго галстуха — и когда вынырнула снова на свѣтъ, то въ маленькихъ глазахъ тучной особы нельзя было не замѣтить того высокомѣрія, выраженіемъ котораго такъ любятъ пользоваться мелочные людишки. Онъ медленно покачнулся на стулѣ и окинувъ Пустошкина испытующимъ взглядомъ съ головы до ногъ, сказалъ:

— А смѣю васъ спросить, чѣмъ вы изволили заниматься до сихъ поръ ... ваше ремесло, другъ мой?

— Всѣмъ, очень наивно отвѣчалъ Петръ Ивановичъ.

— Какъ, всѣмъ? вскричалъ маленькій человѣкъ, почти съ уваженіемъ приподнявшись предъ особою Пустошкина.

— Какъ это, всѣмъ? Разскажите, объясните! Очень любопытно! крикнули нѣсколько голосовъ.

— Точно такъ, почтенные господа, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ — отозвался Пустошкинъ. Я былъ и акробатомъ, и танцовалъ на канатѣ, и ходилъ на головѣ ... каталъ шары, плясалъ въ таборѣ съ цыганами, знаю двадцать-два фокуса и кромѣ того кузнечное ремесло.

— Вообразите! прошепталъ удивленный антрепренеръ... Да вы, другъ мой, золотой человѣкъ, если это все правда... Вы тертый калачъ— и что еще важнѣе — фокусникъ!.. Вы сокровище, если прибавить къ этому вашъ славный ростъ и выразительную наружность.

— Именно! именно! повторили собесѣдники. Въ другое время, не такъ веселое и сытное, Петръ Ивановичъ не нашелъ – бы здѣсь отголоска въ свою пользу; актеры вообще — не любятъ новичковъ, выходцевъ, а тѣмъ болѣе такихъ, на которыхъ останавливается изумленіе антрпренера.

— Вы золотой человѣкъ, повторилъ послѣдній... Съ вами можно составить тысячу разнохарактерныхъ дивертисмановъ ... и на головѣ, и съ шарами. Притомъ-же, зная кузнечное дѣло и умѣя обращаться съ молотомъ, вы можете быть у насъ даже и машинистомъ!.. Ну-ка, позвольте васъ пощупать, то есть, поиспытать ... не угодноли пустить намъ въ глаза пыли... Сфокусничайте, другъ мой — какъ-нибудь!

— Извольте, но прежде чѣмъ приступлю къ фокусамъ, я долженъ замѣтить вамъ, что забылъ упомянуть объ одномъ моемъ искусствѣ, которымъ обладаю въ совершенствѣ...

— Что-же это... Неужели еще что-нибудь? Пустошкинъ важно

кивнулъ. Да, сказалъ онъ... Это мой неистовый аппетитъ, развитый въ настоящую минуту до алчности: я не ѣлъ два дня...

Откровенность Петра Иваныча очень понравилась новымъ друзьямъ его. Они разразились громкимъ смѣхомъ — и усадили его за столъ пиршества. Хорошее вино, солидный кусокъ телятины и ласка собесѣдниковъ мужчинъ — такъ расположили Петра Ивановича въ пользу всего его окружавшаго, что за третьимъ стаканомъ мадеры, — онъ уже кончилъ откровенную повѣсть своей жизни... Разсказъ его, живой и наивный, достигъ совершеннаго эфекта; тѣмъ болѣе, что Петръ Ивановичъ, обращаясь къ своему дѣтству и вспоминая рыночныя продѣлки — тотчасъ же на самомъ дѣлѣ повторялъ сказанное; переходя къ кочевой жизни, пѣлъ цыганскія пѣсни и плясалъ; словомъ, умѣлъ удачно и ловко выказать зрителямъ и слушателямъ весь свой разнородный талантъ.

— Да вы сокровище!.. вы алмазъ, другъ мой! — повторялъ антрпренеръ съ особеннымъ увлеченіемъ ... Вы, пожалуй, этакъ можете и въ водевильчикѣ выйдти?..

— Въ чемъ угодно...

— И въ драмѣ, при случаѣ?

— Съ тѣмъ возьмите ... Дѣлайте изъ меня, что̀ вамъ угодно ... Буду пѣть, плясать, говорить; прикажете: солгу при случаѣ; сварю яичницу въ шляпѣ, проглочу ножикъ, потяну изо рта семдесятъ семь аршинъ лентъ... Все это мнѣ ни почемъ!... Выйду на сцену, когда вамъ угодно, безъ репетицій и приготовленій...

— Э! такъ вы, того, и подъ суфлера можете...

— Какъ это ... подъ суфлера?.. Что такое суфлеръ? спросилъ простодушный Петръ Ивановичъ...

— Э ... батинька... это штука-съ! Суфлеръ есть незамѣтный, но очень важный сочленъ всякой труппы актеровъ ... Онъ постоянно заключенъ въ тѣсныхъ предѣлахъ своей будки; онъ только видитъ свѣтъ отъ свѣчи или лампы, между тѣмъ какъ, *свѣтъ*, то есть, люди, его не знаютъ и не видятъ, а онъ, частенько одинъ за всѣхъ, разыгрываетъ громадныя пьесы въ пять и десять актовъ...

— Помилуйте ... Карлъ Христофоровичъ, замѣтилъ трагикъ; ну, гдѣ вы нашли пьесу въ десять актовъ?...

— Тс! Не возражайте, если тупоуміе и невѣжество смиряетъ васъ ... Знаете-ли вы, что есть пьесы во сто актовъ; такъ, напримѣръ ... китайская драма: *Сирота изъ поколѣнія Чао*, играется со временъ Чингисъ-Хана и до сихъ поръ еще не кончена ... Такъ-то, другъ мой!

— Чортъ знаетъ, промычалъ трагикъ... никогда не случалось играть въ этой безконечной Сиротѣ!

— Ну, и такъ, другъ мой, сказалъ антрепренеръ, обращаясь къ Пустошкину; — я васъ принимаю въ сочлены нашей труппы; объ условіяхъ переговоримъ завтра,.. Ваше имя и отчество?

— Петръ Ивановичъ...

— А фамилія?

— Пустошкинъ.

— Господа, съ особенною торжественностію провозгласилъ Карлъ Христофоровичъ... Прошу любить и жаловать нашего новаго друга, Петра Ивановича Пустошкина... Онъ, какъ видите, человѣкъ весьма даровитый и полезный, у него знанія совершенно отличныя отъ нашихъ... онъ никому не помѣшаетъ, пойдетъ своею дорогою — и что очень важно, не будетъ *первымъ отъ воды*, то есть ни безсловеснымъ воиномъ, ни молчаливымъ лакеемъ, словомъ—статистомъ.

Петръ Ивановичъ весело провелъ остатокъ дня и спокойно проспалъ слѣдующую за тѣмъ ночь. Труппа, въ которую поступилъ онъ, перекочевывала теперь въ южныя губерніи Россіи. Для Петра Ивановича, это было рѣшительно все равно. Куда бы судьба ни швырнула его — онъ думалъ только объ одномъ сберечь нѣсколько десятковъ злотыхъ и съ ними явиться къ своей Машѣ и ея брату.

VI.

Петръ Иванычъ на сценѣ и подъ сценой. — Глухой трагикъ. — Сюрпризъ зрителямъ не означенный въ афишѣ. — Переселеніе. — Уборная и г. Кравченко. — Встрѣча. — Грустная вѣсть. — Новая любовь. — Ярмарочный денди. — Брилліантовый перстенекъ.

Извѣстно, какъ перекочевываютъ провинціальныя труппы. Въ маленькихъ переѣздахъ на ярмарки, или въ города, въ которыхъ предполагается стеченіе войскъ, — артисты отправляются налегкѣ, иногда въ половинномъ составѣ труппы, оставляя другую половину — въ томъ городѣ, гдѣ испортили чей-нибудь домъ, передѣлавъ его въ тѣсный храмъ Мельпомены; въ большихъ кочевьяхъ, при совершенномъ намѣреніи перемѣнить мѣсто своихъ подвиговъ — они берутъ двѣ, три, четыре, но никогда больше пяти подводъ, взваливаютъ на нихъ весь коленкоръ, часто замѣняющій имъ бархатъ, всю мишуру, лохматыя декораціи, помѣщаются сами на узлахъ своего богатства и весело и беззаботно отправляются въ путь.

Точно такъ и порядочно сформированная труппа Карла Христофо-

в-ча, равнодушно встрѣчая ненастья, отрадно и дружно обѣдъ или завтракъ — перебралась скоро въ одинъ изъ городковъ Херсонской губерніи. Поистратившійся антрепренеръ спѣшилъ вознаградить свои убытки и на третій же день посѣщенія города, разослалъ длинную афишу, въ которой объявлялось — о страшной драмѣ, — очень забавномъ водевилѣ, — польскихъ танцовщицахъ и акробатическомъ и волшебномъ представленіи Пустошкина.

На несчастіе Петра Ивановича, какой-то предшествовавшій ему волшебникъ физико-профессоръ, успѣлъ разочаровать публику своими замысловатыми штуками и потому Петръ Ивановичъ былъ принятъ болѣе чѣмъ холодно. Молодой человѣкъ изощрялъ всѣ свои способности, всю свою ловкость — сгибался какъ змѣя, ѣлъ пеньку цѣлыми фунтами и таскалъ изо рта ленты, прикидывался нѣмцемъ, шепелявилъ, объясняя фокусы — ничто не помогало.

— Ну, другъ мой, ласково сказалъ антрепренеръ, когда Петръ Ивановичъ, уничтоженный своею неудачею, вошелъ въ уборную ... Васъ здѣсь не понимаютъ ... и потому, пока мы будемъ оставаться въ этомъ городѣ, не угодно ли вамъ принять на себя званіе суфлера и машиниста.

Петръ Ивановичъ утвердительнымъ кивкомъ головы отвѣчалъ на предложеніе Карла Христофоровича и усердно занялся отправленіемъ своихъ новыхъ обязанностей.

Утромъ онъ подмазывалъ и штопалъ декораціи — таская ихъ съ одного мѣста на другое, вечеромъ садился въ свою будку и надрывалъ грудь, помогая заикающимся артистамъ разыгрывать немилосердно длинные спектакли. Пустошкинъ былъ бы совершенно доволенъ своей долею, если бы иногда мысль о родныхъ и Машѣ не возмущала его. Онъ даже, по обязанности суфлера, какъ извѣстно чрезвычайно щекотливой, спокойно и съ героическимъ терпѣніемъ переносилъ частые капризы первыхъ корифеевъ, которые — не заучивая ролей, объявляли Карлу Христофоровичу, что Пустошкинъ злой человѣкъ, что онъ ихъ или сбиваетъ съ толку, или кажетъ изъ будки языкъ, вмѣсто того что бы *подавать фразу* (техническое выраженіе) и что наконецъ — никакъ не хочетъ понимать ни ихъ выразительныхъ жестовъ, ни судороги ногъ, ни косыхъ взглядовъ, такъ часто и такъ краснорѣчиво говорящихъ суфлеру: *Гибну!.. Ни въ зубъ ... возьми на буксиръ!* Всѣ эти напраслины Петръ Ивановичъ умѣлъ забывать скоро. Одно только особенно лишало его всякаго терпѣнія и снисходительности. Это встрѣчи съ трагикомъ. Послѣдній никогда незналъ своей роли и къ тому еще былъ глухъ, какъ камень, а между тѣмъ каждый разъ послѣ паденія какой-нибудь драмы — трагикъ разсказывалъ всѣмъ и каждому, что онъ палъ черезъ

суфлера, который незнаетъ своего дѣла — и кромѣ того, какъ злой человѣкъ — мѣшаетъ ему показать свой талантъ во всемъ его величіи.

Однажды, предъ началомъ спектакля, трагикъ съ особенно-ласковымъ и выразительнымъ видомъ подошелъ къ Петру Иванычу.

— Вы на меня сердиты, господинъ Пустошкинъ? сказалъ онъ, протянувъ суфлеру свою руку.

— Нисколько....

— Нѣтъ, я это знаю... я чувствую, что своими несправедливостями и капризами могъ вызвать вашу ненависть...

— Помилуйте, да я люблю всѣхъ... и васъ въ томъ числѣ, почтеннѣйшій Лука Ананьичъ.

— Вы добрѣйшей души человѣкъ, вы примѣръ снисходительности и терпѣнія.

— Благодарю васъ, Лука Ананьичъ... я васъ уважаю за ваше благородство и громадный талантъ!

— Такъ мы съ вами друзья?

— Непремѣнно... По мнѣ, хоть сейчасъ обняться...

— Обнимемтесь, другъ мой!

Лицемѣры обнялись.

— Да, Петръ Иванычъ, продолжалъ трагикъ — мы съ вами рука объ руку далеко пойдемъ. И начнемте сегодня... Сегодня я васъ убѣдительнѣйше прошу суфлировать мнѣ получше...

— Очень, очень радъ, Лука Ананьичъ... Все, что вамъ угодно... буду, если прикажете, высвистывать васъ даже на выходы...

— Чудесно! чудесно! Видите ли, сегодня у насъ въ театрѣ будетъ одна важная особа... и мнѣ хочется рявкнуть на славу!

— Прекрасно-съ...

Друзья разстались...

Петръ Иванычъ помогъ ламповщику освѣтить сцену, указалъ ему, какія слѣдуетъ ставить декораціи для втораго и третьяго актовъ драмы, взялъ свою тетрадь и юркнулъ въ будку... Сцена наполнилась замаскированными артистами, антрепренеръ сбѣгалъ въ кассу; потомъ, заглянулъ въ прорѣху кулисъ и, довольный сборомъ, взялся за колокольчикъ.

Занавѣсъ взвился. Лука Ананьичъ, въ рыцарскомъ шлемѣ, съ обнаженнымъ мечемъ, остался на сценѣ. По ходу пьесы, герой начиналъ ее какою-то клятвой. Лука Ананьичъ началъ:

«Клянусь мечемъ симъ обоюдоострымъ...

«Клянусь... что...

— Шибче, Петръ Иванычъ! промычалъ онъ.

— Придвиньтесь... ближе! ближе! шепнулъ Пустошкинъ.

«Клянусь, что въ первой битвѣ, въ первой свалкѣ... крикнулъ онъ такъ, что всѣ зрители могли слышать его слова.

«Что въ первой битвѣ... первой палкой!... заговорилъ трагикъ... но Пустошкинъ не выдержалъ и разразился громкимъ смѣхомъ. Публика также... Пораженный такою встрѣчею, Лука Ананьичъ забылъ свою драматическую позу, свои нахмуренныя брови, и съ гримасою, которою желалъ выразить улыбку, обратился къ публикѣ.

— Господа, сказалъ онъ: я не виноватъ въ этой нелѣпости... это подсказалъ мнѣ врагъ мой, суфлеръ Пустошкинъ!

— Неправда, неправда! вскричалъ обиженный Петръ Иванычъ, высовываясь изъ будки: извините, господа, мы забыли выставить на афишѣ, что трагикъ нашъ крѣпокъ на ухо! — сказалъ онъ.

— Лжетъ, господа... я все слышу, очень хорошо слышу...

— Рѣшительно ничего! У него только развито сильно чувство обонянія и вкуса...

— Замолчишь ли ты, аспидъ?...

— Нѣтъ... я суфлеръ... Продолжайте... буду говорить!

Публика помирала со смѣха, аплодируя импровизаціи трагика и суфлера. Занавѣсъ упалъ. Подоспѣвшій антрепренеръ развелъ враговъ и на другой день отказалъ отъ мѣста Пустошкину.

Петръ Иванычъ, такъ много испытавшій въ жизни, не сокрушался. Съ запасомъ небольшаго количества бѣлья и денегъ, онъ отправился пѣшкомъ въ сосѣднюю губернію, зная по слухамъ, что тамъ также есть труппа актеровъ какого-то доки Кравченко. — Авось, достану мѣстечко, думалъ онъ; я вѣдь на всѣ руки мастеръ: на что-нибудь пригожусь, поживу мѣсяцъ, другой — и къ Машѣ. Мысль о послѣдней, особенно занимала теперь мечты и голову Петра Иваныча. . Онъ даже иногда, проходя пустынною степью или ночуя подъ чумацкою телѣгою, начиналъ скучать и грустить по минувшимъ днямъ своей жизни, когда, далекій отъ интригъ, ламповаго освѣщенія и ремесла суфлера, онъ, безпечный и довольный настоящимъ, короталъ дни въ жалкой мазанкѣ, на берегу рѣчки.

Спустя нѣсколько дней, вечеромъ, измученный и истомленный дальнимъ переходомъ, Петръ Иванычъ вошелъ въ городъ. Первый попавшійся ему прохожій указалъ небольшое деревянное строеніе, въ которомъ помѣщался театръ. Пустошкинъ стряхнулъ съ себя дорожную пыль и съ бьющимся отъ ожиданія сердцемъ, вступилъ въ храмъ Мельпомены, когда-то служившій городу мучнымъ амбаромъ. Музыка уже пищала въ оркестрѣ, небольшое число собравшихся зрителей ожидали начала спектакля, когда Петръ Иванычъ, отыскивая антрепренера и предводимый статистомъ, вошелъ въ общую уборную. Это была небольшая

комната, грязная какъ немощеная улица, сквозная какъ курятникъ. Въ ней помѣщалось до десяти человѣкъ артистовъ, съ пурпуровыми лицами, съ наклеенными бородками и усами. Шумъ, говоръ и споръ раздавались во всѣхъ четырехъ углахъ ея. Кто требовалъ портнаго, пристегнуть пуговицу или нашить позументъ на куртку — и на этотъ зовъ бѣжалъ старый инвалидъ, вооруженный моткомъ бѣлыхъ нитокъ и иглою; кто расчесывалъ парикъ и насвистывалъ водевиль, другіе пили чай и курили. Словомъ, всѣ были заняты своимъ дѣломъ.

— Кого вамъ? спросилъ молодой человѣкъ, прищуривая глаза и обращаясь къ Петру Иванычу.

А, это вѣрно первый любовникъ, подумалъ Пустошкинъ.

— Господина антрепренера, отвѣчалъ онъ.

— А! вотъ онъ! почти зѣвая сказалъ подслѣповатый юноша, указывая на горбатаго старика, который, сидя на табуретѣ, сженою и напитанною саломъ бумагою проводилъ на лицѣ своемъ морщины, поглядывая въ черепокъ зеркала, въ которомъ отражался только одинъ носъ артиста. Тутъ же, передъ нимъ, въ коробочкѣ, лежали: сурикъ, мѣлъ, сженая пробка и два клочка волосъ.

— Се не на что не походить, ворчалъ старикъ, не замѣчая Петра Иваныча и его низкихъ поклоновъ... Сего больше у менэ не зробите, говорилъ онъ... Ни, не хочу!... Пхе!... Всегда, якъ тилько ему доведется грать, а винъ и лыку не везе... Ни, братику... пійдешь ты вонъ, плюгавецъ! Отъ-якъ!

При послѣднемъ словѣ, старикъ замѣтилъ низкій поклонъ Пустошкина.

— Вы що? спросилъ онъ: до менэ, кажись?

— Къ вамъ-съ...

— А що кажете?

— Я пришелъ къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою... желаю поступить въ вашу труппу!...

— Эге-ге!... Ни, голубчику... Много у менэ есть вашего брата...

— Но сдѣлайте милость....

— Да вы були развѣ актеромъ?

— Былъ, въ труппѣ Карла Христофоровича Суси!

— А якъ вы прозываетесь?

— Петръ Иванычъ Пустошкинъ.

— Пустошкинъ! вскричалъ старикъ... Да якъ же я васъ не спозналь заразъ?... Вси говорятъ, що вы такой гарный молодецъ... на вси руки маете!...

— Точно-съ... такъ ужъ воспитанъ...

— Такъ, такъ!... Ну, братику, хиба вы Пустошкинъ, то милости просимъ... Сѣдайте... очень радъ... Да и въ пору же пришли вы... У менэ загулялъ одинъ хлопецъ... вотъ, самъ думалъ за него грать... Ну да теперь, для першаго раза, пошлю васъ... Вы ходите подъ суфлера?

— Могу, рѣшительно отвѣчалъ Петръ Иванычъ.

— Ну, и гарно! Вы не робійте тилько... Актриса, що зъ вами буде сцену вести — молодецъ-дивчина, вона васъ пиддержить... Тилько гдѣ прорветесь, вона тотчасъ поправитъ... Пійдемте до нее...

Антрпренеръ и новобранецъ вышли на сцену. Первый подвелъ Петра Иваныча къ толпѣ женщинъ, и обращаясь къ одной изъ нихъ — стройной, молоденькой и красивой брюнеткѣ, сказалъ:

— Амалія Михайловна, прошу, безъ витхилясь и викрутасъ... любить да жаловать Петра Иваныча Пустошкина.. винъ зъ вами сегодня грае... Пиддержите его....

— Пустошкинъ! Петръ Иванычъ? съ какимъ-то удивленіемъ прошептала дѣвушка...,

— Амалія Михайловна! также повторилъ Пустошкинъ... Амалія Пегато! вскричалъ онъ, не удерживая своего восторга и протянувъ руку дѣвушкѣ.

— Такъ вы меня не забыли, Петръ Иванычъ?

— И, вѣрно, вы меня тоже?

— Отъ-якъ! сказалъ антрпренеръ... Еще и знакомы, а може быть и родня?

Молодые люди, такъ давно разставшіеся, готовы были начать отрадную бесѣду первой встрѣчи, какъ необходимость начать пьесу заставила ихъ отложить объясненіе до вечера. Петръ Иванычъ, обрадованный такою неожиданностью, находился въ самомъ счастливомъ состояніи духа и, не зная роли, исполнилъ ее очень удачно. Мамзель Пегато и Пустошкинъ были осыпаны рукоплесканіями невзыскательной публики.

— Пойдемте къ намъ въ комнату, Петръ Ивановичь, сказала дѣвушка. Намъ много надо переговорить — и къ томуже, теперь мы можемъ говорить откровенно, наединѣ, насъ никто неуслышитъ; товарищи наши всѣ заняты. Она взяла Петра Ивановича за руку и, пройдя черезъ дворъ, ввела своего гостя въ небольшую бѣдно-меблированную комнатку ...

— Ну-съ! вотъ мы и встрѣтились ... Боже мой! какъ вы возмужали, Петръ Ивановичь ...

— А вы, какъ много похорошѣли, Амалія ...

— Будто-бы! Это очень хорошо, если вы говорите правду ... Стало быть, я вамъ нравлюсь ... Да? Вѣдь вы находите, что я недурна ...

— Больше! Больше, Амалія ... Вы хороши, какъ амуръ ...

— А! ... Такъ вы, какъ я вижу, не прочь и польстить? ... Но забудьте о моей красотѣ .. намъ нужно много пересказать другъ другу ...

— Да, съ какимъ–то трепетомъ отозвался Пустошкинъ . . О многомъ, о многомъ — Амалія ... и первый вопросъ, который я долженъ вамъ сдѣлать, заставляетъ трепетать меня ... Скажите, продолжалъ Петръ Ивановичь, дрожа какъ въ лихорадкѣ ... Гдѣ мой батюшка и мать?

Дѣвушка въ замѣшательствѣ посмотрѣла на своего собесѣдника.

— Что же? спросилъ онъ, догадываясь, въ чемъ долженъ былъ заключаться отвѣтъ ея ... говорите, не мучьте меня!

Амалія съ чувствомъ сожалѣнія и дружбы пожала руку молодаго человѣка.

— Другъ мой, сказала она, — не буду скрывать отъ васъ правды и нехочу васъ обманывать ... ихъ — ужъ нѣтъ ...

— Какъ! ... Умерли?

— Да.

Крупныя слезы повисли на рѣсницахъ Петра Ивановича. Тоска, грусть и раскаяніе сдавили его душу, такъ давно не знавшую чувствъ высокихъ и истинныхъ ... Мысль, что самъ онъ обрекъ себя на преждевременную и вѣчную разлуку съ родными, которые, быть можетъ, доживая дни свои, также грустили объ немъ, какъ и онъ въ эту минуту о нихъ; мысль остаться теперь сиротою, жалкимъ скитальцемъ, безъ пріюта и ласки, безъ надежды встрѣтить когда–нибудь и чьи–нибудь теплыя объятія — вызвала на глаза его эти горькія и крупныя слезы.

— Царство имъ небесное! прошепталъ Петръ Иванычь, набожно перекрестившись ... Кто знаетъ . . простили–ли они меня?

— Ну, а ваши отецъ и мать? послѣ долгаго раздумья спросилъ онъ.

— Живы ... Они, кажется, въ Германіи ... и скоро будутъ здѣсь .. Полноте, Петръ Ивановичь, не грустите .- добавила дѣвушка ... Тоска не воскреситъ отжившихъ ... Станемъ лучше радоваться нашей неожиданной встрѣчѣ; развѣ батюшка мой, маменька и я — не родные вамъ.. Мы также къ вамъ привязаны, какъ къ кровному ... Право, Петръ Иванычь ...

— Благодарю васъ, Амалія ... Но еслибъ вы знали все мое горе, все мое безуміе и малодушіе, которое, быть можетъ, отняло не одну

счастливую минуту въ жизни моихъ близкихъ — вы согласились бы со мною, какъ тяжело раскаяніе ...

— Но что же вы сдѣлали?

— Пустяки ... съ горькою усмѣшкою отозвался Пустошкинъ ... я бѣжалъ отъ родныхъ въ цыганскій таборъ, промѣнялъ счастіе безпечной жизни въ родномъ домѣ на вѣчное кочевье въ лѣсахъ Литвы ... При этомъ Петръ Иванычь разсказалъ Амаліи исторію всей своей жизни, умолчавъ, впрочемъ, о любви своей къ цыганкѣ ...

— Бѣдный, бѣдный! Петръ Иванычь, сказала дѣвушка ... какъ много испытали вы ... Мнѣ жаль, очень жаль васъ! ... Но не грустите... Вотъ пріѣдетъ, батюшка ... и мы всѣ будемъ счастливы, опять, постарому ... какъ тамъ, помните— надъ Вислой! Да? вѣдь вы не оставите насъ, не уйдете отъ насъ?

— Ну ... не знаю, Амалія!

— Какъ незнаете? ... Да мы васъ не пустимъ ... Право!... Видите ли ... я буду откровенна; надо вамъ объяснить, что матушка ваша умерла прежде, — отецъ послѣ. Семья наша все еще жила съ нимъ въ «*трактирѣ Трехъ Чудесъ*». Наконецъ, за нѣсколько мѣсяцовъ до смерти, Иванъ Лукичь продалъ все свое имѣніе и, умирая, деньги передалъ отцу моему ... Вотъ, что онъ сказалъ ему при этомъ: синьоръ Пегато, если вы когда-нибудь встрѣтите моего бѣднаго Петю... не оставьте его ... Подѣлитесь съ нимъ ... приголубьте его сироту ...

— Добрый батюшка! прошепталъ Пустошкинъ.

— Потомъ, я, какъ теперь, помню: онъ замолчалъ на минуту, медленно подозвалъ меня къ своей постели, обнялъ — и заплакавъ, едва внятно сказалъ: другъ мой, если ты не забудешь памяти старика Пустошкина, то не забудь его просьбы и желанія ... Петръ мой росъ съ тобою ... онъ, помнится, любилъ тебя, какъ сестру ... если ты встрѣтишься съ нимъ, передай ему мой загробный поцѣлуй ... и если ... ты не откажешь въ родной ласкѣ бѣдному сиротѣ ... будь его женою ...

Петръ Иванычь вздрогнулъ.

— Какъ! онъ сказалъ это?

— Да, Петръ Иванычь ... и теперь отъ васъ зависитъ исполнить волю отца ... отвѣчала дѣвушка, стыдливо поглядывая на Пустошкина.

Петръ Иванычь не зналъ, что отвѣчать на слова Амаліи ... Къ счастію его, вбѣжавшая толпа актеровъ и актрисъ избавила его, на этотъ разъ, отъ затруднительнаго объясненія.

Въ слѣдующую за тѣмъ ночь, Петръ Ивановичь не могъ сомкнуть глазъ ни на одну минуту. Лихорадочная дрожь бѣгала по всему его

тѣлу; голова и грудь горѣли огнемъ горячки... Ему представлялся то нѣжный, ласковый взглядъ умирающаго отца, то слышались его слова: бѣдный Петя! слова, полныя задушевной грусти... То ласковый и наивный взглядъ Амаліи, ея добрая улыбка и хорошенькое личико; то таборъ, звонъ бубенъ и веселая пѣсня; кругомъ костры ... и вотъ Маша, рѣзвая, огненная, крутится и вьется въ бѣшеной пляскѣ, бросая на своего Петра взоръ пылкой страсти... Передъ разсвѣтомъ, дума Петра Ивановича остановилась почему-то на Амаліи, онъ задремалъ и уснулъ.

Каждый день встрѣчаясь съ своей первою подругою дѣтства, Петръ Ивановичъ невольно забывалъ таборъ — и всѣми воспоминаніями обращался теперь къ дѣтскимъ играмъ, въ которыхъ онъ проводилъ свои первые годы съ Амаліею. Дружба, повидимому очень не далекая отъ любви — выказывалась теперь во всѣхъ отношеніяхъ дѣвушки къ Петру Ивановичу... Образъ Маши, ея послѣдній взглядъ ... начинали рѣже приходить на память Пустошкина; все это въ дѣйствительности и въ его воображеніи измѣнилось въ личность Амаліи. Петръ Ивановичъ былъ уже близокъ къ признанію, онъ уже готовъ былъ отвѣчать дѣвушкѣ на давно сдѣланное ею замѣчаніе, что отъ него зависитъ исполнить волю отца, какъ нежданное обстоятельство разочаровало нашего героя и снова бросило его на прежнюю дорогу сиротства и одиночества.

Труппа Кравченко перебралась на ярмарку въ Ромны. Сборы были отличные, посѣтителей много... Хорошенькое личико и талантъ дѣвицы Пегато привлекали многихъ. Въ числѣ удивлявшихся ея таланту, а быть можетъ и красотѣ, Петръ Ивановичъ, ревнивымъ глазомъ, не могъ не-замѣтить одного постояннаго посѣтителя, молодца, усатаго джентльмена, который преслѣдовалъ неутомимо его подругу букетами, стихами, а на сценѣ до начала спектакля любезностями и комплиментами. Актриса и дилетантъ часто заговаривались по цѣлымъ часамъ ... о чемъ они шептались, Петръ Ивановичъ не зналъ; но ревность, какъ змѣя, уже начинала сосать его сердце... Пустошкинъ страдалъ и молчалъ, думая, что Амалія сама перескажетъ ему всѣ любезности незнакомца. Но надежды его несбывались, какъ между тѣмъ дружба джентльмена и Амаліи видимо росла, принимая постепенно видъ особенной нѣжности. Къ довершенію своего тихаго горя, Петръ Ивановичъ съ каждымъ днемъ сталъ замѣчать холодность и невнимательность дѣвушки.

— Опомнится... Это такъ, маленькій припадокъ вѣтрености... Небуду мѣшать ей! говорилъ однажды Петръ Ивановичъ, утѣшая самъ себя — и подмалевывая раскинутую въ уборной декорацію...

— Петръ Ивановичъ!.. Видѣли — какъ наши покатили! вскричала немолодая актриса, занимавшая роли гризетокъ, — вбѣжавъ въ уборную.

— Кто такой? спросилъ онъ.

— Ну... Мамзель Пегато, съ усатымъ господиномъ, который еще вчера бросилъ ей на сцену — брилліантовый перстенекъ въ букетѣ...

У Петра Ивановича, какъ то свело неловко руку и онъ махнулъ охрой тамъ, гдѣ предполагалось рисовать облако.

— Нѣтъ, не видалъ! сказалъ онъ, стараясь скрыть свое волненіе и блѣдноть лица. Куда же это они отправились!

— Ну, разумѣется... За городъ... Прогуляться... Ахъ, Петръ Ивановичъ, какой экипажъ! Какія лошади... Прелесть! прелесть!

— Гм... вотъ какъ!

— Счастливица эта Пегато!...

— Правда... Вотъ, что бы вамъ, Марья Карповна...

— Куда намъ гоняться за Итальянскими плясуньями...

— И это правда, Марья Карповна!.. Ну, а перстенекъ–то вы видѣли?...

— Какъ же... Она намъ вчера его показывала... Прелесть! прелесть! Драгоцѣнная вещь...

— Гм! Какой добрый этотъ господинъ...

— Ужъ неговорите! съ громкимъ смѣхомъ отозвалась молодая старушка. Вы, что это дѣлаете, Петръ Ивановичъ?..

— Такъ–съ... Мажу...

— Ай! да посмотрите... Что это, вы деревья нарисовали красныя...

— Чортъ возьми... это у меня только въ глазахъ позеленѣло отъ ея новостей! подумалъ Петръ Ивановичъ... Ошибся, Марья Карповна; васъ заслушался...

— Ужъ вы... любезникъ — Петръ Ивановичъ...

— Нѣтъ, Марья Карповна... Что на душѣ, то и на языкѣ...

— Полноте, полноте, Петръ Ивановичъ. Пойдемъ пока лучше обѣдать... Ужъ всѣ собрались...

— Сейчасъ — прійду...

Актриса ушла, Петръ Иванычъ грустно покачалъ головою, отеръ крупную слезу, выступившую изъ глазъ его и швырнулъ кисть на землю.

— Не тебѣ, Петръ Ивановичъ, — искать здѣсь счастія, сказалъ онъ... Ступай своей дорогой... Ступай къ цыганамъ... тамъ не продадутъ тебя за перстень... Бѣдная Маша, чистая душа... и я могъ забыть тебя, промѣнять на искусную рѣчь и красоту другой... Пойду къ цыганамъ! повторилъ онъ.

Съ этими словами, Пустошкинъ взялъ свой картузъ и отправился къ Кравченкѣ.

— Я пришелъ къ вамъ проститься, Степанъ Степановичъ, расчитайте меня, сказалъ онъ.

Кравченко изумленными глазами посмотрѣлъ на Пустошкина.

— Що я вамъ дурнаго зробилъ ... Якъ же то?

— Есть одно важное обстоятельство, Степанъ Степановичъ, которое требуетъ немедленнаго моего отъѣзда ... Быть можетъ, мѣсяца чрезъ два вернусь къ вамъ, а теперь извините — уйду.

Кравченко тяжело вздохнулъ, отсчиталъ нѣсколько рублей Пустошкину, обнялъ, поцѣловалъ его, и прося не забывать его — разстался.

Петръ Иванычъ былъ уже совсѣмъ готовъ пуститься въ дорогу, какъ проходя сѣнями — услышалъ громкій стукъ экипажа, остановившагося у крыльца. За тѣмъ послышалось два раза повторенное: Прощайте! прощайте!.. и Амалія загородила путь Пустошкину.

— Что это значитъ? спросила она, видимо измѣняясь въ лицѣ, когда замѣтила дорожный нарядъ Петра Иваныча.

— Ничего особеннаго, Амалія Михайловна, отвѣчалъ равнодушно Пустошкинъ; иду туда, откуда пришелъ...

— Куда же это?..

— Далеко ... Прощайте!

— Какъ ... навсегда!.. Петръ Иванычъ ... Что вы дѣлаете? Вы хотите меня оставить ... Забыть!

— Большая для васъ потеря!..

— Жестокій человѣкъ ... кто же вамъ далъ право играть моею довѣренностію ... моимъ сердцемъ и любовью!

— Эхъ .. душечка, Амалія ... Перестаньте говорить о любви. Вы ее понимаете по своему, я по своему ...

— Но послушайте, это быть можетъ упрекъ?..

— Я неимѣю права ... упрекать васъ ... Прощайте ... кланяйтесь вашему батюшкѣ, когда встрѣтите его ...

— Петръ Иванычъ! почти сквозь слезы проговорила дѣвушка ... Останьтесь!.. Ради Бога, не уходите ..

— Покорно васъ благодарю, Амалія Михайловна ...

— Послушайте ... вы рѣшительно уходите?..

— Развѣ не видите?

— Вы отказываетесь исполнить завѣтъ вашего отца ..

— Мамзель Пегато! сказалъ Петръ Иванычъ, гордо приподнявъ голову ... вы могли играть моею довѣренностію, моими чувствами — все

это я прощаю вамъ ... но не обижайте хоть памяти моего отца .... Вы хотите, чтобъ я былъ вашимъ мужемъ, — продолжалъ онъ, смягчая нѣсколько суровый тонъ рѣчи ... Нѣтъ, Амалія ... Этого нельзя ... Вы не будете хорошею женою ... Бѣдность, скитальчество, а потомъ перстни, любители талантовъ, всѣ такія встрѣчи ... Но зачѣмъ вамъ говорить о томъ, что вы лучше моего знаете ... Прощайте!

Петръ Иванычъ тихо оттолкнулъ отъ себя Амалію и скрылся за дверью ...

Слезы отчаянія и, быть можетъ, раскаянія брызнули изъ глазъ дѣвушки.

— Перстень ... Проклятый перстень! прошептала она рыдая ... ты отнялъ у меня добраго друга и нѣжное сердце!

V.

Великолѣпное зрѣлище. — Встрѣча за облаками. — Способъ получить свое наслѣдство.

Спустя два мѣсяца послѣ разлуки Петра Иваныча съ Амаліею, въ какой-то праздничный день, на одной изъ площадей пограничнаго города, названіе котораго мы забыли — собралась толпа любопытныхъ горожанъ. Толпа шумѣла, спорила за мѣста — стѣсняя все болѣе и болѣе кружокъ, въ срединѣ котораго какой-то заѣзжій итальянецъ хлопоталъ около воздушнаго шара, уже наполненнаго газомъ. Зрѣлище было въ самомъ дѣлѣ любопытное и новое для обитателей этого городка, а потому они щедрою рукою сыпали серебро на тарелку, съ которою обходила ихъ пожилая дама, вѣроятно, жена итальянца ...

— Сейчасъ! сейчасъ! все готово! раздалось въ толпѣ.

— Господа, сказалъ итальянецъ, обращаясь къ зрителямъ ... Путешествіе мое такъ опасно, что я, быть можетъ, погибну — въ пространствахъ эфира, или разбитый гдѣ-нибудь въ лѣсу ... И потому буду надѣяться, что вы не оставите безъ помощи бѣдную жену мою...

— Хорошо! хорошо ... будь спокоенъ, мусье! откликнулись нѣсколько голосовъ.

— Господа, продолжалъ итальянецъ ... Нѣтъ-ли между вами охотника летѣть со мною?...

— Хорошъ гусь, отозвался кто-то ... самъ же говоритъ, что легко можетъ сломать шею ... а пригашаетъ еще товарища!...

— Что-же ... Никого?

— Есть! откликнулся молодой, рослый мужчина, закутанный, въ

ветхую шинель и съ нахлобученнымъ на глаза картузомъ. Онъ раздвинулъ толпу любопытныхъ и вышелъ на средину круга.

— Вы, синьоръ? учтиво спросилъ итальянецъ.

— Я, милостивый государь; позвольте раздѣлить съ вами пріятную опасность.

— Очень радъ ... Такъ мѣшкать нечего ... Прошу садиться.

Незнакомецъ поклонился, молча бросилъ въ корзину небольшой узелокъ и самъ сѣлъ въ нее, не обращая вниманія на хлопоты, происходившія вокругъ его и таинственный шопотъ зрителей...

Между тѣмъ, хозяинъ воздушнаго экипажа раскланялся учтиво съ публикой; потомъ подозвалъ жену, обобралъ съ тарелки деньги и, обнявъ супругу, прыгнулъ въ корзину .. Веревки дрогнули ... и шаръ взвился...

Въ первое мгновеніе, быстрота полета была такъ сильна, что у путешественниковъ даже захватывало дыханіе, дрожь острыми иглами пробѣгала по ихъ тѣлу и все завертѣлось и закружилось въ глазахъ ихъ... Городъ постепенно сталъ превращаться въ какой-то рябой оврагъ, толпа людей въ муравейникъ ... долины, рѣчки, въ пестрыя полосы ... но вотъ, эти оттѣнки красокъ начали сливаться въ одно синеватое цѣлое, и, наконецъ, густой туманъ скрылъ отъ нихъ все живое.

— Теперь-мы очень высоко! сказалъ итальянецъ.

— Чѣмъ выше, тѣмъ лучше; замѣтилъ товарищъ!...

— Да ... оно такъ!.. Почему не испытать ... да только боюсь вѣтра, а кажется, что дунетъ скоро!

— Ну, такъ что-жъ ... Прогоните страхъ ... вотъ, кажется, у васъ запасена бутылка рому...

— Э — это для того, когда намъ будетъ холодно...

— Я ужъ озябъ. .

— Да и я ... нѣсколько чувствую ... Откупоривайте бутылку, а я пока выброшу мѣшка два песку...

— Кидайте больше!

— Ого ... синьоръ — да вы славный товарищъ ..

— Благодарю ... Прикажете стаканчикъ ... Ромъ очень недуренъ...

— Позвольте..,

— Держите ... Угодно закусить, развяжите мой узелокъ ... въ немъ кусокъ калбасы и булка...

— Въ жизнь свою не встрѣчалъ такого любезнаго человѣка, какъ вы, синьоръ! замѣтилъ итальянецъ, развязывая предложенный запасъ.

— Благодарю. А, что — куда мы летимъ, милостивый государь?

— Не знаю... Но только-бы хотѣлось подальше...

— То есть какъ? вверхъ или въ длину?

— Въ длину, синьоръ!

— Какоежъ въ этомъ вы находите удовольствіе?

— Невидаться болѣе съ женою...

— Ага! Нехороша, вѣрно?

— Капризна ... и, знаете, иногда — на руку бойка...

— Какъ это?

— Дерется.

— Нехорошо... Но у васъ еще вѣдь и дочь есть?..

— Есть ... А вы, синьоръ, почему знаете мое семейство?

— Потому-что я Петръ Иванычъ Пустошкинъ! отозвался молодой человѣкъ, приподнявъ свой картузъ.

— Батюшки! вскричалъ итальянецъ ... вѣдь такъ и есть ... я ... я узнаю васъ!.. вы живой портретъ покойницы матушки... А! скажите, Петръ Иванычъ, кто могъ думать ... разстались на землѣ и встрѣчаемся подъ облаками... Ну, гдѣжъ вы теперь обрѣтаетесь?

— Между небомъ и землей, синьоръ Пекато!

— Шутникъ! Это-то я вижу ... нѣтъ, а если-бы я предложилъ вамъ этотъ вопросъ на землѣ...

— Я отвѣчалъ-бы вамъ тоже самое.

— А! понимаю...

— Ну, однако, чтожъ вы думаете теперь дѣлать?

— Думаю, синьоръ Пегато, — взять у васъ тѣ деньги, которыя вамъ оставилъ мой отецъ и которыя принадлежатъ мнѣ...

— Шутникъ, Петръ Иванычъ...

— Безъ шутокъ, синьоръ Пегато, и если не отдадите ... я вышвырну васъ изъ этой корзинки вмѣсто мѣшка ..

— Попробуйте: развѣ вы забыли, что я силачъ...

— Помню... И теперь приступаю къ другому средству... Видите этотъ ножъ, которымъ вы рѣзали калбасу?

— Вижу ... это вашъ ... дрянной ножишка!

— Я имъ перерѣжу сѣть и веревки, скрѣпляющія корзину, и мы оба вернемся, обнявшись, на землю, если вы неотдадите мнѣ денегъ!

— Чудакъ, Петръ Иванычъ, у меня нѣтъ денегъ ... право, нѣтъ!

— Ну, а на нѣтъ и суда нѣтъ! Безъ денегъ-же мнѣ жить нечего .. пойдемте на землю... Съ этими словами, неизмѣняя своему хладнокровію, Пустошкинъ принялся пороть сѣтку.

— Тс! остановитесь! что вы дѣлаете? вскричалъ испуганный Пекато.

— Рву сѣть, потомъ буду рѣзать веревки.

— Да вы сумасшедшій, Петръ Иванычъ!

— А вы плутъ, синьоръ Пекато ... обобрали сироту, бросили дочь, жену ... да еще жить хотите ... и Пустошкинъ продолжалъ свою страшную работу.

— Петръ Иванычъ, остановитесь!

— Отдайте деньги!..

— Нѣтъ у меня...

— Ну, такъ умирайте.

— Да что-жъ вы это дѣлаете ... Остановитесь, я вамъ говорю!..

— Отдайте деньги ... не то мигнуть не успѣете, какъ я раздѣлю веревки съ вашего конца.

— Стойте! задыхаясь, прошепталъ Пекато ... Сколько вы требуете денегъ?..

— Да ... давайте больше ...

— *Больше* нѣтъ! возмите немного.

— А сколько?

— Двѣсти злотыхъ.

— Мало ... вы даете меньше половины того, что̀ отецъ мнѣ оставилъ.

— У меня только и есть.

— Лжете ... Пойдемте на землю.

— Варваръ! вскричалъ Пекато ... Триста!

— Мало ... и Петръ Иванычъ протянулъ руку къ веревкѣ.

— Четыреста!.. Четыреста пятьдесятъ!.. Да сжальтесь-же ... больше нѣтъ.

— Пожалуй ... давайте ...

Синьоръ Пекато дрожащими руками пересыпалъ изъ мѣшка деньги въ картузъ Петра Иваныча. Когда сумма была повѣрена и деньги пересыпаны снова въ мѣшокъ, Петръ Иванычъ учтиво кивнулъ головою своему спутнику.

— Благодарю васъ, синьоръ Пегато ... Но скажите правду, спросилъ онъ; сколько у васъ осталось денегъ?..

— Вы меня совершенно ограбили! Только тридцать злотыхъ.

— А! Я не хочу быть грабителемъ ... вотъ вамъ пятдесятъ назадъ.

Этотъ поступокъ Петра Иваныча примирилъ враговъ, — они снова начали ромомъ и учтивостями, окончивъ чрезъ нѣсколько минутъ счастливо свое путешествіе. Шаръ опустился въ лѣсу.

— Ну, сказалъ Пустошкинъ, прощайте, синьоръ Пегато; врядъ-ли мы когда-нибудь теперь встрѣтимся.

— Куда-же вы, Петръ Иванычъ?

— Очень недалеко отсюда ... верстъ шесть.

— Куда-же это?

— Къ старымъ знакомымъ ... Хочу жениться, синьоръ Пегато, и завестись домкомъ ... Прощайте.

Старые друзья молча пожали другъ другу руки, молча приподняли свои картузы и разошлись въ разныя стороны. Оставимъ синьора Пекато хлопотать о подводѣ для своего шара, и послѣдуемъ за Петромъ Иванычемъ.

День вечерѣлъ. Солнце уже скрылось за лѣсомъ и прохладный вѣтерокъ порхнулъ надъ его вершиною, когда Петръ Иванычъ вступилъ на знакомую тропинку топей. Пустошкинъ не шолъ, а бѣжалъ. Сердце его изнывало отъ нетерпѣнія и ожиданій; онь боялся найти кузницу опустѣлою, и потерять слѣдъ милой ... Но вотъ, какъ будто-бы, въ сумракѣ вечера, изъ-за деревьевъ мелькнули искры ... Петръ Иванычъ вздрогнулъ отъ радости.

— Такъ и есть: въ кузницѣ работаютъ! вскричалъ онъ, выбѣгая на дорогу.

Таже собака, какъ и годъ назадъ, съ тою-же ласкою встрѣтила Петра Иваныча у порога ветхой мазанки.

— А ... старый товарищъ! Узналъ меня! сказалъ Пустошкинъ.

— Кто тамъ? послышался хриплый голосъ изъ кузницы.

— Я ... вашъ Петръ! Выходите сюда! задыхаясь, отвѣчалъ Пустошкинъ.

— Петръ! Петръ! крикнули два голоса, и старый цыганъ и Маша — бросились на встрѣчу того, котораго навсегда считали погибшимъ.

Петръ Иванычъ не обманулся; сердце Маши все также любило его, какъ и прежде ... Радость цыганки походила теперь на безуміе — и сирота усердно помолился въ этотъ вечеръ, заснувъ съ мечтою о счастіи хоть бѣдной, но иногда полной утѣшеній семейной жизни.

Пустошкинъ кончилъ свою переметную жизнь тѣмъ, чѣмъ кончаютъ ее многіе. Онъ женился на Машѣ, — поправилъ мазанку на полученныя отъ Пекато деньги и занялся ремесломъ кузнеца. Послѣдняго-бы никакъ не сдѣлалъ Петръ Иванычъ, если-бы жилъ въ наше практическое время. Онъ-бы, вѣрно, изобрѣлъ какія-нибудь папиросы съ девизами, бросилъ-бы болото и мазанку, увѣковѣчивъ имя свое на атласныхъ бумажкахъ всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ.

В. Савиновъ.

III.

ПРІЯТНЫЙ ДОМЪ.

ДАГЕРРОТИПНЫЙ ОТТИСКЪ.

I.

Лериньку выпустили изъ школы. Но, хотя Лериньку и выпустили изъ школы, а онъ у всѣхъ, по прежнему, остался Леринькой. Есть люди, будто не рожденные вовсе для именъ степенныхъ ... И такъ, Лериньку выпустили изъ школы. Надѣвши въ первый разъ мундиръ, петлицы котораго ярко озарили счастливое лицо новаго члена общества, членъ остался доволенъ своею наружностью. Узкій перехватъ сдѣлалъ станъ его стройнымъ, а каблуки и каска прибавили ему даже роста. Случалось-ли ему проходить мимо оконъ магазина, и его взору представлялись: играющій съ вѣтромъ пучекъ волосъ на каскѣ, блестящія отъ эполетъ плечи; перчатка бѣлѣе снѣга на рукѣ, прикладывающейся къ козырьку. — И Леринька проходилъ, косясь на зеркальныя окна и ожидая съ нетерпѣніемъ встрѣчи съ новыми отраженіями своей особы.

Затянувшись въ первый разъ въ мундиръ, — туго, какъ только въ первый разъ въ мундиръ затягиваются молодые люди, — Леринька пошелъ показаться маменькѣ, а затѣмъ, какъ подобаетъ, и папенькѣ, — чтобъ убѣдились родительскія сердца ихъ въ осуществленіи давнишнихъ надеждъ своихъ. Маменька прослезилась ...

— «Вчера еще былъ такой маленькій» — говорила она, стараясь привести себя въ отчаяніе, — «слабенькій; а вотъ теперь уже будто и совершенный мущина ... да еще красавецъ-то какой! И нападутъ на

него соблазны, да пріятели, да непріятности всякія ... чтóбъ имъ оканнымъ, право! ... Служба пойдетъ! а онъ такой еще слабенькій!»—

Леринька, готовый брызнуть каждую минуту избыткомъ силъ и здоровья, помышлялъ совершенно съ иными чувствами объ ожидающихъ его пріятеляхъ и соблазнахъ. Самый процессъ будущей службы раскрашивался передъ нимъ всѣми цвѣтами радуги. Такъ недавно еще онъ былъ простой школьникъ, а теперь онъ самъ себѣ наставникъ и господинъ своихъ дѣйствій: онъ мущина! Много пріятныхъ мыслей проходило въ головѣ прапорщика, пока его оплакивала маменька. Маленькіе братцы и сестрицы поглядывали съ подобострастіемъ на Леринькy. Одинъ только изъ ребятишекъ, переполненый, вѣроятно, слишкомъ живыми воспоминаніями о недавней наклонности старшаго братца къ упражненію лошадками, — отважился было ухватить Леринькy за фалды и подергать ими вмѣсто возжей; но былъ тутъ же отведенъ за ухо и поставленъ въ уголъ маменькою. Ребенокъ залился слезами и, кусая платокъ, смотрѣлъ прежалко на остальную свободную братію, пуще прежняго перепуганную новымъ значеніемъ Леринькы.

Но совершенно другое ожидало Леринькy у родителя. Непреклонный Никита Иванычь, разрушилъ мигомъ все обаяніе счастія у своего сынка.

— «Экъ тебя перетянули! батюшки! даже глаза налились кровью! Смотри, братъ, переломишься!» Этимъ привѣтомъ былъ встрѣченъ Леринька, безъ малѣйшаго удивленія его быстрой метаморфозѣ и похвалы мундиру и усамъ! Какъ-будто просто прежній Леринька пришелъ изъ классовъ въ субботу, да и то еще послѣ несовсѣмъ удачной недѣли! Сказавши свою фразу, Никита Иванычь отвернулся спиною къ Леринькѣ, какъ-будто не нашелъ сдѣлать никакого другаго замѣчанія.

За обѣдомъ, Леринькy ожидали новыя пораженія.

— «Ваше благородіе»! говолилъ Никита Иванычь, приставая къ нему: «что́ вы мало какъ-то кушаете нынче? Да, правда, я чай, и куда тутъ, до ѣды-ли тебѣ, въ такой перетяжкѣ ... Скажи, братъ, портной тебѣ на смѣхъ что̀-ли скроилъ платье?»

— У меня платье просто мѣшокъ, папенька! увѣряю васъ, — говорилъ обиженный Леринька; и даже предложилъ засунуть кому-угодно палецъ за бортъ мундира. Всѣ, разумѣется, отказались; не отказался однакожъ Никита Иванычь. И мундиръ оказался настоящимъ корсетомъ! Никита Иванычь долго увѣрялъ послѣ, что прищемилъ себѣ палецъ. Потомъ, онъ говорилъ о необходимости положить конецъ мошеничеству портныхъ, безсовѣстно ворующихъ сукно съ мундировъ. Маменька вдвойнѣ страдала за сына: и сказать ему, чтобъ онъ платье носилъ

попросторнѣе, и поучить хочется, и обидѣть не хотѣлось-бы: ну, что тутъ станешь дѣлать! А ужъ этотъ Никита Иванычь! такъ и ломитъ, словно дерево воротитъ! — «Бога не боится этотъ Никита Иванычь обижать ребенка!» думала про себя Марья Семеновна; и, можетъ быть, даже выразила-бы свое мнѣніе, да не обладала способностью Никиты Иваныча — ничего не бояться!

II.

Слѣдовало-бы сказать кое-что въ похвалу добродѣтельной природѣ, которая неотступно блюдетъ за равновѣсіемъ въ экономіи нашихъ житейскихъ волненій. Неожиданное пораженіе, понесенное Леринькой наканунѣ, изглажено было на другой же день совершенно; и такимъ образомъ, равновѣсіе между несчастьемъ и благополучіемъ было тотчасъ возстановлено. Рано утромъ, принесли Леринькѣ билетъ на свадьбу и при билетѣ записку, въ которой женихъ (одинъ изъ тысячи дядей, падающихъ племянникамъ какъ снѣгъ на голову) просилъ его быть шафером. Имя и фамилія невѣсты, извѣщались тутъ-же: дѣвица Клеопатра Салопова. Подобный праздникъ, какъ рукою, снялъ послѣдній отпечатокъ будня съ расцвѣтшаго лица Лериньки. Вчерашняя сцена вычеркнута была изъ памяти одной строчкою записки добродѣтельнаго дядюшки: «*Прошу тебя быть моимъ шафером и украсить собою свадьбу. Вѣдь ты у насъ такой цвѣточекъ!*»

Въ назначенный вечеръ, цвѣточекъ, весь махровый и въ новомъ мундирѣ, который убилъ бы всякого другого своею тѣснотою, уже помогалъ жениху доканчивать подвѣнечный нарядъ. Женихъ былъ то, что свахи называютъ человѣкъ солидный; лѣтъ пятьдесятъ съ виду, въ довольно свѣжемъ парикѣ, съ кой-какими доходишками и со страстью къ женитьбѣ и цвѣтнымъ фракамъ. Предпочтенный на этотъ разъ цвѣтъ фрака былъ синій, а избранныя пуговицы серебреныя.

Въ осьмомъ часу вечера, Леринькy посадили въ коляску и дали ему, какъ водится, букетъ цвѣтовъ въ руки, для поднесенія невѣстѣ. Коляска, надѣлавши вдоволь поворотовъ и наскакавшись по булыжникамъ, облѣпленнымъ мягкимъ снѣгомъ, остановилась наконецъ у подъѣзда незнакомаго ему дома, подлѣ Сафронова моста. Леринька выскочилъ на тротуаръ и пустился вверхъ по лѣстницѣ, толкаясь во всѣ двери, изъ опасенія попасть выше, чѣмъ, по его понятію, слѣдовало. Онъ уди-

вился однакожъ немало, когда въ переднихъ первыхъ трехъ этажей ему предложили, съ рѣдкимъ въ подобныхъ случаяхъ единодушіемъ, подняться выше: «Это на верхъ-съ!» говорили отрывисто потревоженные въ своей сонной лѣни лакеи бель-этажа; «въ четвертомъ этажѣ-съ, вторыя будутъ двери съ калидора» — прибавляли болѣе близкіе интересамъ жителей верхняго яруса нечесанные слуги третьяго этажа. Леринька достигъ искомаго «калидора», и очутился передъ дверями, которыя были вторыми. Изъ передней, находившейся, какъ показалось нашему герою, черезъ-чуръ въ близкомъ сосѣдствѣ съ кухней, онъ попалъ въ залу, усиленно освѣщенную шестью свѣчами въ люстрѣ. Множество гостей наполняли комнату. Все это оглянуло Леринькy, робко вступавшаго въ ихъ полкъ, устоявшійся надежно, какъ по всему было видно, на своемъ полѣ. Около десятка дѣвицъ, всѣ до одной незнакомыя Леринькѣ, съ обнаженными по плеча руками, — показались изъ сосѣдней комнаты, въ сопровожденіи жужжавшихъ мундировъ и единственнаго чернаго фрака, который выступалъ галкою, поодаль отъ другихъ. Улыбаясь любезностямъ свѣтилъ этого блестящаго общества, онъ, казалось, заимствовался только падавшими отъ другихъ лучами свѣта, что, какъ извѣстно, встрѣчается и между планетами. Растерявшійся Леринька расшаркался; поднесъ букетъ наудачу — и именно не той, кому слѣдовало поднести. Не та, кому слѣдовало поднести букетъ, улыбнулась и покачала отрицательно головою.

— «Женихъ въ церкви ... ожидаетъ ... васъ ...» проговорилъ нашъ герой, вопросительно глядя по-очереди на всѣхъ барышенъ.

Одна изъ голыхъ рукъ протянулась и взяла букетъ. Леринька не задумался повѣрить, что протянувшаяся рука была дѣйствительно обѣщанная его дядѣ; расшаркался еще разъ и вышелъ.

На обратномъ пути, онъ не могъ не сознаться, при всей рѣшимости видѣть одно хорошее въ своемъ настоящемъ положеніи, что очарованіе поспало съ его души замѣтно. Четвертый этажъ и непростительно близкое сосѣдство кухни съ гостиной; вездѣ зазженныя свѣчи, при совершенномъ отсутствіи лампъ, и вдобавокъ какая-то удушливая атмосфера на лѣстницѣ; все это тѣнью ложилось на свѣтлую картину, нарисованную ему воображеніемъ, въ тотъ услужливый промежутокъ времени, когда лошади бѣжали по направленію, противоположному его обратной дорогѣ. Пришлось утѣшиться; во первыхъ, тѣмъ убѣжденіемъ, не лишеннымъ практическаго основанія, что и на чердакѣ могутъ жить люди порядочные; а во вторыхъ, и преимущественно во-вторыхъ, позабытымъ на-минуту воспоминаніемъ о покачиваньи презанимательной

темноволосой головки, которое покачиванье и которая головка показались ему теперь заслуживающими исключительнаго вниманія.

Безсильный въ описаніи великихъ событій, авторъ не будетъ разсказывать, какъ цвѣтной женихъ и прекрасная, какъ маковъ цвѣтъ, дѣвица Клеопатра Салопова, — стояли подъ вѣнцомъ, наперерывъ услуживаемые своими любезными шаферами. Авторъ слышитъ только то, что̀ слышалъ Леринька въ это время.

— «Экой, право, молодецъ жениховъ шаферъ-то! чьихъ онъ? не слыхали?... — произносилъ старушачій голосъ, позади Лериньки.

— Попехиныхъ. Никиты Иваныча Попехина сынокъ, матушка!

— «Богатый женишокъ, у кого есть дочки, матушка Анисья Гавриловна!» подхватилъ потрясенный глубокимъ чувствомъ голосъ старухи.

— *Предушка*! прозвучалъ тоже женскій, — но какой! соловьиный, горличій, голубиный голосокъ! Леринька не могъ долѣе терпѣть — и повернулся въ ту сторону, откуда раждались звуки, подкашивающіе ноги, и онъ увидѣлъ у себя почти-что подъ бокомъ — кого бы вы думали? Ту самую лукавую головку, которая такъ трогательно поступила съ нимъ часъ назадъ, и которая теперь назвала его *предушка!*

Приведя себя кое-какъ въ нормаальное состояніе, Леринька рѣшился обратиться съ вопросомъ къ шаферу невѣсты.

— «Кто такая эта дѣвица — съ темными глазами, вонъ тамъ, поправѣе, которая стоитъ сзади»?... проговорилъ онъ, задыхаясь.

— Это моя сестра, *Люкресъ*. Сказавъ это, шаферъ невѣсты покраснѣлъ такъ сильно, какъ-будто его спросили о чемъ-нибудь неприличномъ. Должно полагать, деликатное воспитаніе получилъ въ родительскомъ домѣ шаферъ невѣсты.

По окончаніи обряда, когда, по общему порядку вещей, и обвѣнчанный дядюшка Попехина сдѣлался *молодымъ*, присутствующіе повалили въ женихову квартиру, до которой доѣхать было тоже непустою штукой. И здѣсь то Леринька пошелъ отличаться! Оперенный своими быстрыми успѣхами, онъ уже не робѣлъ, а чуть не первенствовалъ въ новомъ для него обществѣ. Притомъ, званіе женихова шафера одно уже ставило его на значительную высоту въ этой праздничной залѣ. Даже опрокинутый имъ подносъ съ бокалами шампанскаго, полетѣвшими дружно на полъ и еще дружнѣе превратившимися въ мелкіе обломки и лужи, — даже этотъ пасажъ, во всякомъ другомъ случаѣ признаваемый за неловкость, былъ принятъ, какъ самая предупредительная и любезная мѣра къ упроченію счастья молодыхъ супруговъ. Короче сказать, вѣтеръ дулъ прямо въ паруса леринькина

благополучія и толкалъ его бойко впередъ, по синимъ волнамъ жизненнаго моря. Въ награду за первыя свои неудачи, Леринька взялъ проценты просто жидовскіе; и въ заключеніи вечера, получилъ неоднократно повторенное старухою Салоповой (женщиной въ мантильѣ похоже, какъ и ея прозваніе, на салопъ) и подтвержденное розовыми губками самой mademoiselle Lucrécе радушное приглашеніе: «бывать у нихъ запросто — по-родственному, когда вздумается». Да пожалуйте по воскресеньямъ! скрѣпила старуха: дѣти завсегда дома. Куда имъ дѣваться? и у себя, благодареніе Богу, не худо!...

Леринька слышалъ все это, и голова его мутилась. Ночью, ему то и дѣло чудилось: «дѣти завсегда дома... по-родственному... за просто... да пожалуйте по воскресеньямъ...» А темные глазки барышни такъ и глядятъ, такъ и улыбаются! Утромъ, Леринька проснулся и увидѣлъ, что голова его лежитъ на томъ самомъ мѣстѣ, куда онъ имѣлъ обыкновеніе укладывать свои ноги.

Семейство Салоповыхъ состояло изъ матери — женщины преземистой, которая изъ двадцати четырехъ часовъ въ сутки сплетничала только пятнадцать, по невозможности посвящать на это пріятное занятіе остальныхъ девяти часовъ, проводимыхъ въ перинѣ. Кромѣ ея, семейство состояло еще изъ трехъ дочерей барышенъ, да изъ сына, постоянно краснѣвшаго и деликатно воспитаннаго молодаго человѣка, который ходилъ каждое утро, съ замѣчательной исправностью, въ какую-то контору. Домъ Салоповыхъ слылъ за *пріятный* между постоянными его посѣтителями; образъ жизни семейства — за веселый, и состоялъ изъ самыхъ яркихъ противорѣчій. Каждое воскресенье собирались гости, а квартира дома находилась въ четвертомъ этажѣ и проходить слѣдовало деревянную галлерею (которую туземцы называли *галдареей*), чтобы добраться до прихожей, постоянно темной и съ растворенными въ кухню дверями. Послѣднее обстоятельство давало возможность жирному запаху масла или опредѣлительнѣе другихъ обозначающимся испареніямъ лука — заноситься въ самую залу и прогуливаться по ней съ совершеннымъ спокойствіемъ. Также на счетъ освѣщенія, престранный существовалъ у Салоповыхъ обычай свѣчи подавать большею частію сальныя, да еще и въ мѣдныхъ подсвѣчникахъ; мѣдь была не античная, а съ лоскомъ вычищенная, помощью толченаго кирпича и суконки. Между тѣмъ, тамъ было всегда весело и танцовали, правда, подъ разстроенное, но все-таки подъ фортепьяно. Кромѣ чаю, ничего не подавалось; а гости разъѣзжались въ первомъ часу, совершенно сытые, — не столько чаемъ, сколько пріятностью дома и любезностью барышенъ. Барышни были дѣйствительно пренаилюбезнѣй-

шія! Двѣ изъ нихъ, въ томъ числѣ Леринькина *Люкресъ* — состояли компаньонками при значительномъ домѣ, помѣщаясь въ самомъ верхнемъ ярусѣ затѣйливаго строенія съ карьятидами и балконами. Такое сосѣдство съ хмурымъ петербургскимъ небомъ не отнимало у нихъ однако ниодного вершка важности — въ четвертомъ этажѣ дома у Сафронова моста. И могло-ли быть иначе, когда сокровеннѣйшія закулисныя тайны недоступнаго міра предлагались ко всеобщему доступу именно здѣсь—въ четвертомъ этажѣ дома у Сафронова моста, кроткими въ самой важности дѣвицами Салоповыми. Притомъже, кроткія дѣвицы и воспитаніемъ не уступали самымъ кровнымъ графинямъ, что̀ очень твердо знала ихъ матушка и всѣ имѣвшіе неосторожность поговорить съ нею полчаса гости.

— «Моя Лушенька съ Варюшей ни передъ кѣмъ не закраснѣются» — свидѣтельствовала эта достойная родительница: передъ кѣмъ хочешь, себя покажутъ. Молоды онѣ только у меня ... Зато, и въ пансіонъ отдавала, и точно выучены онѣ, ужъ что̀ называется, самымъ лучшимъ манеромъ. Нѣмки гувернантки за ними присматривали ... И то сказать: для знатнаго дома воспитаны!

А эти милыя дѣвочки, изъ которыхъ младшей только что подступало подъ тридцать, и не подозрѣвали всей обширности дарованныхъ имъ воспитаніемъ талантовъ. Онѣ были наивны, какъ вчерашнія пансіонерки. *Люкресъ* или, выражаясь словами madame Салоповой, *Лушенька*, иной разъ не въ состояніи была выговорить съ надлежащей твердостью буквы р и даже буквы ш, что̀ приводило въ крайнее восхищеніе всѣхъ посѣтителей пріятнаго дома.

Варюша была степеннѣе, уже по самымъ лѣтамъ, и обворожала искателей не такими отвлеченными грамматическими тонкостями; она упирала болѣе на выраженіе глазъ и пожатіе руки ... У обѣихъ однакожъ, отличительныя пансіонскія слова и поговорки были строго соблюдаемы въ разговорѣ.

— «Ахъ, какой–же вы *противный — это ужасти»!* говорили обыкновенно эти амуры черезъ–чуръ разлюбезничавшемуся офицеру, котораго на Востокѣ непремѣнно назвали–бы *отцомъ любезности.*

— «Я *ненавижу* хлѣбъ съ масломъ ...»

— «Ахъ, а я такъ, напротивъ, *обожаю* ...» И такъ далѣе, все въ этомъ же родѣ.

Никакой книги (даже французской!), ни газеты, ниже театральныхъ голубыхъ афишъ, нельзя было найти въ цѣломъ домѣ. Листы печатной бумаги не существовали для этого вѣчно–танцующаго общества, — какъ будто Гуттенбергу никогда и во снѣ не видѣлось изобрѣтать книгопеча-

таніе. Даже въ театры почти не ѣздили, и отзывались о нихъ не совсѣмъ съ хорошей стороны. Еще объ *Александрынскомъ* говорили такъ-себѣ — ничего: и Мартыновъ *ужасно смѣшной*, только очень кривляется, — благородства нѣтъ (за благородство сильно стояли у Салоповыхъ); и Максимовъ — *душечка!* ахъ, какой *душка!* и репрезентабельный такой! И Надежда Самойлова такая *шармантъ*, такъ все и прыгаетъ по сценѣ ...» Прыганье вообще очень цѣнилось и почиталось *бонжаномъ* у Варинекъ и Лушенекъ.

— «А я, такъ люблю Каратыгина: въ Иголкинѣ Каратыгинъ, по-моему, лучше всего »—замѣчалъ отставной штабсъ-капитанъ, большой энтузіастъ и знатокъ исторіи своего отечества.

— Только ужъ не игралъ-бы онъ того старика-то сумасшедшаго... какъ бишь его, Варя? что по лѣсу-то шляется — прошедшею зимой еще видѣли ... говорила старуха Салопова, не расположенная къ королю Лиру:—соломы себѣ на голову нацѣпилъ, да такъ и ходитъ. Такой-то срамъ, право; и не Каратыгину-бы ... молодецъ изъ себя такой, — а представляетъ вонъ какого старика!

— «Что вы это говорите, maman, такое? Вы бы лучше не говорили« — предлагала Варя, къ которой относился вопросъ. И мать принимала предложеніе охотно — и больше не говорила ниодного слова о театрѣ и о Каратыгинѣ.

О французскомъ театрѣ не было никакихъ отзывовъ ни дурныхъ, ни хорошихъ, — словомъ сказать, отзывовъ о французскомъ театрѣ вовсе не было. Зато, итальянская опера составляла предметъ неистощимыхъ насмѣшекъ и очень мѣткихъ остротъ, какъ со стороны хозяевъ, такъ и со стороны гостей. Особенно доставалось тутъ меломанамъ! И по-дѣламъ! «Не понимаютъ вѣдь сами, о чемъ поютъ актеры» — говорили зоилы, любившіе все понимать, даже и слова, которыя поются въ операхъ. «Не понимаютъ, а туда-же хлопаютъ ...

— «Знатоки хлопаютъ, ну и они за ними» — замѣчалъ глубокомысленно одинъ.

— Такъ то знатоки, имъ и слѣдъ хлопать! отзывалась опять старуха, позабывшая о предложеніи дочери.

— »Maman!» замѣчала послѣдняя: и maman тотчасъ соглашалась, и не прекословила болѣе.

Ну, кажется, много-ли было тутъ и всей-то умственной пищи, чтобы разговоръ не умеръ въ первые полчаса свиданія еженедѣльныхъ гостей съ хозяевами? А между тѣмъ, хохота и шутокъ доставало чуть не до оскомины! Обычные гости наперерывъ изобрѣтали штуки самой отборной любезности; и особенно смѣшилъ одинъ бонмотистъ, превос-

ходившій даже всѣхъ другихъ: такъ-напримѣръ, когда словесныя рѣчи начинали притуплять веселость, онъ принимался передразнивать какую-нибудь птицу или звѣря ... И въ это время, даже кухарка, обыкновенно равнодушная ко всему, что̀ не касалось плиты, — съ засученными по-локоть рукавами, высовывалась въ дверь, посмотрѣть, какъ шутятъ между собою господа. Отчужденный, единственный фракъ уравнивалъ себя охотно нулю, рядомъ съ этимъ свѣтиломъ пріятнаго дома. Но вы думаете, что фраку легко досталась и эта возможность уравнивать себя нулю? Вы ошибаетесь! Чаша, которую пилъ фракъ, была невкусная чаша — хуже самого чаю, которымъ подчивали гостей у Салоповыхъ. Отъ него не скрывали даже, — отъ фрака то-есть! — что скромная фигура его допускалась въ блестящій кругъ гостей изъ одной предосторожности: держать готоваго жениха, на случай могущаго выйти позднято дѣвичества дочерей невѣстъ. И впрямъ, катастрофа такая уже чуть-было не разразилась надъ старшею Салоповой, дѣвицею Клеопатрой, которая — будь синій дядя Попехина неуловимъ, — могла-бы сказать окончательное *прости* веселому гименею. Но запаснымъ былъ фракъ еще и въ другихъ отношеніяхъ. Часто бывало, Лукерья Платоновна (покойникъ отецъ былъ Платонъ, что̀ не мѣшало ему быть въ то же время титулярнымъ совѣтникомъ) сломаетъ какъ-нибудь нечаянно сережку, или выпадетъ у нея камешекъ изъ кольца: она и ну жалѣть, что вотъ любимая ея сережка, которая была для нея такая *милка, душка*, что сережка сломалась — и что она несчастная. Да такъ все это мило, такъ непритворно дѣтски, что очарованный до страсти фракъ тутъ-же предложитъ отдать испорченную вещицу мастеру; и потомъ принесетъ новую — гораздо лучшую. А Лукерья Платоновна присядетъ только, и то такъ — шутя: такой ребенокъ! А захотѣлось барышнямъ покататься у качель или по Невскому — ужъ *Люкресъ* тотчасъ и намекаетъ, не зная вовсе, что тутъ-же сидитъ готовый на все фракъ, и что у подъѣзда стоитъ пара чудесныхъ караковыхъ лошадей, на которыхъ онъ каждый день подкатываетъ къ ихъ крылечку. Черезъ полчаса, смотришь, уже караковая пара, подкатывающая къ крылечку, вся въ мылѣ, щеголяетъ гдѣ-нибудь въ рядахъ экипажей; и Лукерья Платоновна (плутовка Лукерья Платоновна!) цвѣтетъ на морозѣ и улыбается десяткамъ султановъ, склоняющихъ передъ нею свои зыблющіяся верхушки ..—Такъ вотъ почему, неуклюжій на взглядъ длинный фракъ терпѣлся въ отборномъ обществѣ дома Салоповыхъ...

III.

Третій вечеръ сряду, извощикъ бойко подвозилъ Леринькy къ Сафронову мосту; и, третій разъ, Леринька получалъ самый строжайшій выговоръ за то, что поздно пріѣзжаетъ, — хоть раньше пріѣхать былобы невозможно. Такимъ образомъ, политика была, какъ видите, соблюдаема съ обѣихъ сторонъ: и гость *не манкируетъ* и хозяева просятъ ... словомъ, политика была соблюдаема. Третій разъ, Леринька заставалъ все общество въ комплектѣ; и неизбѣжный фракъ, какъ нуль въ ариѳметикѣ, составлялъ въ немъ страдательную цыфру. Посереди дивана, и какъ-разъ противъ двери, помѣщалась матушка; съ двухъ сторонъ, перемежаемыя мундирами, сидѣли дочери — невѣсты: Варя (по старшинству годочковъ), Люкресъ и еще третья, не сказавшая во всю жизнь ниодного слова; наконецъ, Салоповъ сынъ, абонировавшій себѣ на всѣ вечера уголъ при входѣ въ гостиную, и отличавшійся совершенно братскимъ сочувствіемъ къ молчанію сестры. Трогательною четою сидѣли синій дядя съ молодой женою своей, Клеопатрой,— съ которой онъ еще не разлучался послѣ свадьбы.

—«Я говорю вотъ, Валеріанъ Никитичъ!» обращалась каждый разъ ко входящему Леринькѣ хозяйка: «Я говорю, какъ иные-то родители, говорю, счастливы... Подумаешь, право: за что̀ Господь Богъ награждаетъ иныхъ родителей! Вотъ я, благодареніе Всевышнему: дочери у меня, можно сказать, на возрастѣ ... одну пособилъ Создатель степенному человѣку сдать, — на то была Его святая воля ... А только Ростиславъ-то мой ... вотъ онъ и теперь сидитъ вонъ какимъ — въ уголъ-то забился ... Я все ему говорю, Ростиславу-то: отчего, говорю, на всѣхъ мундиры, да аналеты — а ты у меня — на что похожъ? глядѣть не на что, и мундира не носишь ...

— Перестаньте, маменька! перебивала тоже каждый разъ старшая дочь — ареопагъ въ домѣ. Для кого это занимательно!

Затѣмъ, отправлялись танцовать. Угомоненная матушка, усиліями своихъ десяти пальцевъ, замѣняла оркестръ; и фортепьяно, давно охрипшее и можетъ быть обладавшее голосомъ еще во времена милиціи, рѣзво подкидывало свои клавиши, — какъ пѣвецъ безъ голоса, который выдѣлываетъ руками то, для чего у него были прежде такіе убѣдительные звуки!..

Леринька, въ парѣ съ Лукерьей Платоновной, натягивалъ съ рѣшительностью петиметра свои бѣлыя перчатки.

—«Вы меня извините, monsieur Valerien? говорила она, подавая

ему свою голую бѣленькую ручку: «у насъ танцуютъ безъ перчатокъ— запросто...»

Леринька оглянулся, и увидѣлъ, что дѣйствительно всѣ танцуютъ безъ перчатокъ. А извѣстный бонмотистъ принимавшій на себя каждый разъ, съ безпримѣрнымъ самоотверженіемъ, роль дамы, за неимѣніемъ четвертой, — велъ себя уже совершенно запросто, и даже приподнималъ пальцами полы сюртука, передавая такимъ образомъ довольно-натурально манеры изображаемаго имъ пола.

—«Вы, кажется, скучаете, М-г Valerien? спрашивала неожиданно Лукерья Платоновна, въ то время когда кавалеръ ея и не думалъ скучать; зато, Леринька разомъ уничтожался вопросомъ.

— *Я*... скучаю!? могъ только бормотать онъ, въ подобныхъ случаяхъ, собираясь что-то еще сказать или сдѣлать; но такъ какъ ему обыкновенно приходилось въ это время дѣлать соло, то онъ сбивалъ съ ногъ никому немѣшавшій стулъ; и, не сдѣлавши ничего болѣе, этимъ ограничивался. Лукерья Платоновна замѣчала ему, что онъ разсѣянъ и удвоивала свое вниманіе.

Кадрили шли за кадрилями вальсы за галопами, какъ за любезностями — любезности; и влюбленные порхали все вмѣстѣ, не помышляя даже о томъ, что они порхаютъ уже цѣлый вечеръ неразлучно. Этого еще было-бы мало: порхай они себѣ, сколько угодно, — такого рода явленія допускаются отчасти и самымъ обществомъ; а вотъ еслибы подслушать, напримѣръ, чѣмъ все это сопровождается; сколько успѣетъ въ душу пролиться яду, въ тѣ маленькіе на-взглядъ промежутки, которые предназначаются для одного необходимаго отдохновенія ногъ ... о, Никита Иванычъ, еслибъ ты могъ все это видѣть!

—«М-г. Valérien!» ворковала соблазнительница: «сядьте здѣсь ... отдохнемте!» И платье кокетливо подбиралось, чтобы очистить на диванѣ мѣстечко для нуждающагося въ отдохновеніи счастливца.

Нуждавшійся несравненно болѣе, хоть въ одной крохѣ милостей Лукерьи Платоновны, черный фракъ подошелъ въ это время, какъ преступникъ, и не рѣшился даже попросить Лукерью Платоновну на происходившій въ то время вальсъ.

— Вы очень устали ... смѣлъ онъ проговорить только, и наступилъ на ногу креслу, передъ которымъ не преминулъ извиниться.

—«Да, я очень устала. Хотите, М-г Valérien?» И она положила свою подвижную руку на лѣвый эполетъ счастливца. Счастливецъ обхватилъ ея талію — и пара понеслась. Грудь дамы волновалась и дышала трудно отъ усталости, сколько было можно догадаться; сердце ея кавалера рвалось на части отъ иного ощущенія.

— Я думалъ, вы слишкомъ устали, Лукерья Платоновна? началъ было фракъ, когда круженье кончилось: оттого я и не смѣлъ ... а я хотѣлъ ... только я думалъ ... И фракъ оборвался.

— «А! въ самомъ дѣлѣ? вы думали? А я такъ этого вовсе не знала ... Извините, право! Encore un tour?» спросила она вдругъ, оборотясь къ Леринькѣ, такъ, какъ-будто тотъ и вправду предложилъ ей encore un tour! И мгновеніемъ сформированная группа понеслась снова ... Кружится, несется, устаетъ, наслаждается ... Въ вальсѣ не наслаждаться трудно, особенно влюбленному!

Доведенный до отчаянья фракъ пригласилъ ни разу не обмолвившуюся словомъ дѣвицу Салопову; и танцовалъ уже съ нею до самого конца вечера.

Въ полночь, — разошлось и разъѣхалось общество.

— «До воскресенья? проговорила Лукерья Платоновна, уѣзжая тоже— въ извѣстное читателю верхнее помѣщенье богатаго дома, и сжала незамѣтно руку Леринькѣ, который приловчился подсадить свою даму въ присланную за нею карету.

IV.

Утромъ слѣдующаго дня, неспавшій ночь Леринька направилъ нетвердые (слѣдовало бы сказать: чрезвычайно слабые) шаги къ кабинету Никиты Иваныча; а достигнувъ кабинета Никиты Иваныча, почувствовалъ такую слабость, что позволялъ себѣ только переступать съ ноги на ногу, примѣряясь: какъ бы почтительнѣе взяться за ручку двери? Два раза, онъ готовъ былъ даже воротиться, а разъ, уже и воротился совсѣмъ: какъ вдругъ изъ кабинета раздался густой кашель, слишкомъ знакомый его сыновнему уху. Подобно путешественнику, привлекаемому на гибель змѣей, предался Леринька чарамъ этого гремучаго кашля, и предсталъ передъ украшенные очками взоры Никиты Иваныча. Неизвѣстно, какъ вступилъ онъ въ свою роль — трепетный юноша; только слышно было въ самую переднюю громовое «что! что! что-о!» Никиты Иваныча, на которое уничтоженный Леринька чуть ли не отвѣтилъ просто фальшивою нотой!.. Раздался звонокъ: потребовали барыню. Въ экстренныхъ случаяхъ, гнѣвъ Никиты Иваныча не умѣлъ обходиться безъ присутствія вѣчно, и большею частью безъ вины, виноватой барыни: и соло Никиты Иваныча, какъ проклятіе Эдгара, раздалось одно на оледененной ужасомъ сценѣ.

— Вонъ отъ меня! сію-же минуту, вонъ! провозглашалъ безъ всякихъ обиняковъ Эдгаръ. «Слышишь, пошолъ! Затѣялъ что! а? Сынокъ-то вашъ сударыня, а? Признаться, хорошъ сынокъ, есть чѣмъ похвалиться! — Вонъ изъ моей комнаты! чтобъ нога твоя не была у меня въ комнатѣ!... Куда-жъ ты, куда, батюшка! куда-ты! Умѣлъ лѣзть, такъ умѣй и слушать, когда говоритъ тебѣ отецъ... А все вы, все вы! вы всему причиной — вы одни (послѣднія, *вы* уже относились не къ Леринькѣ).— И какъ ты смѣлъ, молокососъ ты этакой, лѣзть ко мнѣ! кто тебѣ лѣзть-то еще ко мнѣ позволилъ? а? Жениться! вишь птица какая! ему пришла пора жениться! прошу покорно! Да ты... самъ-то давно ли, — вылѣзъ изъ куртки?.. а?.. Они воображаютъ: я такъ вотъ и дамъ тебѣ горы золотыя; и ускаютъ тебя, — благо видятъ — мальчишка! только женился-бы на ихъ дочкѣ-танцуньѣ... А вотъ женись, попробуй: такъ и увидишь — да и они-то съ своею востроногой дочкою увидятъ. — А все вы! все вы, сударыня, я это теперь ясно вижу ... вы одни всему виноваты!... Рѣчь заключилась рѣшительнымъ и доказаннымъ увлеченіемъ Марьи Семеновны, и можно было подумать, что не сынъ, а она сама, Марья Семеновна, посваталась и хочетъ жениться на Лукерьѣ Платоновнѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, Леринька,—столько разъ выгоняемый изъ комнаты, хотя ни разу недопущенный до исполненія приговора, — вышелъ, вмѣстѣ съ маменькой, которой глаза, вѣроятно, были гораздо менѣе красны отъ природы...

— И зачѣмъ было не сказать мнѣ, Леря? — проговорила только Марья Семеновна задрожавшимъ отъ слезъ голосомъ...

Въ воскресенье, Леринька не поѣхалъ къ Салоповымъ; въ другое, въ третье — та же покорность року, тоже послушаніе папенькѣ. Прошелъ цѣлый мѣсяцъ—жестокихъ, какъ одна — четыре недѣли послушанія! Уже и молодой Салоповъ, Ростиславъ, былъ нѣсколько разъ подсылаемъ невидимою рукою провѣдать о здоровьѣ «родственника»; и со свойственною ему одному деликатностью, провѣдывалъ еще кое-о-чемъ. Лукерья Платоновна всякій разъ какъ-то нечаянно присовокупляла тутъ какую-нибудь словесную посылочку или поклонъ. Случайность! Душа менѣе чистая, можетъ быть, съумѣлабы и въ этомъ отыскать что-нибудь другое; но совершенно чистая душа Лериньки, непривыкшая нигдѣ ничего отыскивать, видѣла и здѣсь только то, что ей давали: словесныя посылки отъ Лукерьи Платоновны. Казалось, сломить мужество Лериньки въ этотъ вѣкъ, когда Наполеоны стали почти невозможны, было невозможнѣе самихъ Наполеоновъ; и Леринька этому вѣрилъ, со всѣмъ задоромъ человѣка, надѣленнаго мужествомъ; — пока, въ одинъ прехолодный вечеръ, не надѣлъ мундира, шинели и каски, и не пустился, — правда,

для соблюденія только приличія, — прямо къ Сафронову мосту, на приключившійся у Салоповыхъ какой-то чрезвычайный вечеръ. — Сердце у Лериньки, какъ у бѣглеца, стучало во всю дорогу, и онъ то-и-дѣло понукалъ извощика. Ему казалось, что за нимъ гонятся; что Никита Иванычъ изъ каждаго переулка, изъ подъ воротъ каждаго дома кричитъ ему: «а, голубчикъ! жениться затѣялъ!.. И какъ ты смѣлъ лѣзть-то еще! молокососъ ты этакой! вонъ отъ меня! а всему вы причиной!..» слова, получившія право на безсмертіе въ памяти Лериньки. И Леринькѣ становилось совѣстно. — Но вотъ, и мостъ повисъ вдалекѣ на своихъ надежныхъ желѣзныхъ цѣпяхъ; вотъ онъ подбѣгаетъ съ каждымъ шагомъ ближе и тянется черезъ канаву отчетистѣе... А! вотъ наконецъ и домъ! — На душѣ стало преотрадно, какъ-будто въ темную залу, гдѣ причудилось страшилище, вдругъ вошолъ человѣкъ со свѣчой и озарилъ совершенно пустую комнату...

Танцы были въ полномъ разгарѣ, когда герой, ощупавъ кое-какъ давно знакомую дверь передней, отворилъ ее дрожащею рукою, и очутился между музыкантами, утонувшими въ салопахъ, шинеляхъ и шубахъ гостей. Прямо въ глаза только-что начавшему было оправляться Леринькѣ, кинулась Лукерья Платоновна, сіяющая съ обнаженными плечами, и въ парѣ съ какими-то золотыми эполетами. Эполеты говорили нѣчто уморительное: по крайней мѣрѣ, Лукерья Платоновна помирала со смѣха. Герой все это видѣлъ, и только натягивалъ еще дома натянутыя, но увы! совсѣмъ съ иными ожиданіями натянутыя, перчатки. Гдѣ это милое прошлое? гдѣ эти кадрили запросто и вальсы до гробовой доски! «Гдѣ прелесть эта встрѣчь!»... Вонъ отъ меня! вонъ, молокососъ!.. Все это мигомъ пробѣжало въ головѣ Лериньки; и онъ вступилъ въ залу, какъ человѣкъ, пережившій въ одну минуту все то, что̀ дается человѣку на долгое жизненное испытаніе. Леринька вступилъ отрезвленнымъ,— онъ думалъ, что это было видно даже и на его лицѣ, когда онъ раскланялся холодно (въ этомъ онъ тоже не сомнѣвался) съ Лукерьей Платоновной. Раскланявшись холодно, онъ забился въ уголъ; не скинулъ шпаги, не положилъ каски, и поклялся не танцовать! хоть проси его сама Лукерья Платоновна, не пойдетъ танцовать сегодня! Во всемъ — въ каждомъ его шагѣ, такъ и сіяло отрезвленіе.

— Вы не только къ намъ не ѣздите, — вы и не танцуете!.. когда— ошибкой — заѣдете...» раздалось надъ головою отрезвившагося; и отхлынувшая послѣ танца толпа такъ близко соединила стоявшихъ, что улыбка сильфиды чуть не встрѣтила надутыхъ губъ петербургскаго жителя. Житель уронилъ каску и поднимая ее, стукнулся головою кому-то въ спину...

— Я ... я не танцую потому... Вы, я думаю, уже ангажированы?..

— Я вамъ отъищу даму. Да, впрочемъ, и я могу ... если только вамъ не скучно... Я откажу, если вы хотите?..

Леринька вновь уничтожился. Фракъ, получившій за двѣ недѣли вымоленное обѣщаніе, дождался, ровно черезъ двѣ недѣли, отказа: и вошедшій было въ залу совершенно трезвый Леринька — уже тянулъ изъ заповѣдной чаши, выдѣлывая фигуры кадрили съ Лукерьей Платоновной.

— Я нахожу, вы похудѣли, m-r Valérien! Отчего это? правда, вы были больны! — Только вы очень похудѣли... Это очень вамъ идетъ,—лепетала порхающая пери.

Леринька дѣйствительно похудѣлъ. Люди, подобные ему, сохранили еще обыкновеніе худѣть, когда съ ними пококетничаетъ барышня.

Передать все, какъ снова былъ покоряемъ дезертеръ, такъ трудно, что онъ самъ, я полагаю, отказался–бы отъ этого подвига. Гораздо легче вообразить себѣ побагровѣвшую отъ полекъ и наслажденія наружность Лериньки, не удержавшую и тѣни своей холодной трезвости. Слившись съ общимъ потокомъ веселья, онъ даже кипѣлъ чуть–ли не пуще всѣхъ. И Никита Иванычъ, утро въ кабинетѣ, недѣли повиновенія и страха — все испарилось въ кипяткѣ настоящей минуты. . И точно, не было въ этотъ вечеръ другого подобнаго вечера во всемъ Петербургѣ. Любезности гостей достигли своего конечнаго проявленія: бонмонтистъ опоздавшій пріѣхать на балъ, предсталъ во время мазурки, сгибая ноги, какъ–бы становился на колѣна, и сложивъ руки съ умоляющимъ видомъ, и изъ передней прошелъ въ такомъ положеніи черезъ всю залу. Его наградили смѣхомъ, самымъ рѣзкимъ и единодушнымъ; многіе даже захлопали въ ладоши. Барышенъ было, какъ мотыльковъ лѣтомъ, и всѣ онѣ летали, тоже какъ мотыльки. Фигуры ... такихъ фигуръ ни въ одной мазуркѣ на свѣтѣ не бывало, какія явились въ этотъ вечеръ у Сафронова моста. За ужиномъ, кавалеры отнимали у барышенъ разные вредные въ разгоряченномъ положеніи напитки и яства... Словомъ, *тутъ* было счастье, — и напрасно любители стали–бы искать его въ этотъ вечеръ по–свѣту: набѣгались–бы даромъ и ничего-бъ не отъискали!

Въ два часа ночи, гости разъѣхались, разошлись и продолжали расходиться. Не двигался съ мѣста одинъ — расходившійся не–нашутку Леринька.

— Я васъ подвезу въ нашей каретѣ сказала ему Лукерья Платоновна, наступивъ ему нечаянно на ногу. Леринька сидѣлъ и дожидался...чего? онъ и самъ не зналъ! Наконецъ, когда не осталось болѣе никого, Лукерья Платоновна, накинувъ на свои жаркія плечи платокъ, которымъ окута-

ла и голову, — въ салонѣ, порхнула въ гостинную, позвала Леринькy и спустилась по лѣстницѣ. Леринька отворилъ дверцы; подсадилъ красавицу, и готовился привести затворы къ первоначальному положенію.

— Что-же вы, Valérien! раздалось изъ кареты: «садитесь, я васъ довезу. Холодно сегодня!..»

— Намъ не по дорогѣ — могъ только произнести Леринька, и влѣзъ въ карету. Лукерья Платоновна отдала приказаніе кучеру, на которое тотъ замѣтилъ: «кружно больно будетъ!» — и карета двинулась. Погода на улицѣ была, по-обыкновенію, страшная: рѣзкій снѣгъ въ косвенномъ направленіи сѣкъ стекло кареты, зарисованное морозомъ. Колеса скрипѣли и закатывались. Обмерзлые фонари едва мелькали по сторонамъ тусклыми точками .. Леринька жался къ углу кареты отъ сидѣвшаго рядомъ соблазна. Лукерья Платоновна тоже не была покойна; по-крайней-мѣрѣ, казалось, что она не была покойна. Тревожное молчаніе тянулось утомительно...

— Какой холодъ! замѣтила наконецъ Лукерья Платоновна.

— Да-съ, ужасный! — пролепеталъ Леринька, которому было жарко, какъ въ банѣ.

— Вы очень похудѣли, Valérien... Вы меня извините, что я такъ васъ называю ... иногда. Это по привычкѣ: я васъ такъ всегда называю за-глаза...

— Ахъ! — стоналъ Леринька: — называйте меня въ глаза... называйте меня всегда!.. Еслибъ вы знали только!.. И робкій Леринька остановился. Такой избытокъ смѣлости привелъ его самого въ отчаяніе; онъ ждалъ только: какъ отворится дверь кареты, какъ его вытолкаютъ и оставятъ середи улицы. Ничего не произошло однакожъ подобнаго.

— *Что* еслибъ я знала? спросила Лукерья Платоновна, съ разсѣянностью человѣка, который давно знаетъ отвѣтъ и спрашиваетъ только для приличія. «*Что* еслибъ я знала?..»

— Да вы знаете, mademoiselle Lucrèce, сами... Право, я не смѣю самъ сказать вамъ — вы сами, m-lle Lucrèce, скажите...

— Ахъ, какъ вы милы! Почему-же мнѣ знать? Скажите, такъ и я скажу тогда, Mr. Valérien, знаю или не знаю?..

— Зачѣмъ вы меня называете monsieur Valérien, Лукерья Платоновна? — говорилъ Леринька.

— Да какъ-же мнѣ васъ называть? Это ваше имя... Валеріанъ Никитичъ!

— Валеріанъ Никитичъ! Будто я — Валеріанъ Никитичъ?

— А кто-же? Конечно, Валеріанъ Никитичъ! Вѣдь вы-же меня не называете Люкресъ!

— Я васъ не смѣю называть ... А если хотите, я ... я, если хотите, готовъ называть васъ ... говорилъ восторженный Леринька. Я васъ люблю, Люкресъ! да, я тебя люблю! я тебя вѣчно буду любить, Люкресъ! — И, говоря такія рѣчи, герой уже стоялъ на колѣняхъ; неизвѣстно, какимъ способомъ онъ изворотился, только уже стоялъ на колѣняхъ...

— Вы это такъ говорите теперь... Мужчины всегда такъ умѣютъ изъясняться — говорила Лукерья Платоновна томно, какъ-бы совершенно отчаяваясь за нравственность мужчинъ.

— Нѣтъ, я не теперь: я всегда! я давно! я не могу жить безъ васъ! Я не могу безъ тебя жить!.. кричалъ вошедшій въ паѳосъ Леринька.

— Въ такомъ случаѣ, поговорите съ маменькой... Я безъ нея не въ правѣ располагать собою. Поговорите съ маменькой, Валерьянъ, завтра! Послѣднія слова были уже произнесены голосомъ человѣка, который видитъ съ своей стороны нѣкоторую возможность спасти отъ неизбѣжной гибели ближняго. Неизвѣстно, какъ-бы подѣйствовалъ бальзамъ на раны изливавшагося сердца, еслибы въ эту «лучшую минуту жизни» карета не остановилась и кучеръ не слѣзъ съ козелъ, съ видимымъ намѣреніемъ отворить двери храма леринькина благополучія. Взволнованный, перепуганный, оторопѣвшій Леринька умѣлъ только вскочить на ноги и вывалиться на подножку, зацѣпившись за нее шинелью.

— Adieu, mon ami!.. проворковала изъ кареты оставленная голубка.

— Adieu, monsieur ... совралъ отупѣвшій голубь; и очутился одинъ на тротуарѣ, подлѣ своего дома. Очутившись одинъ на тротуарѣ, Леринька позабылъ совершенно: что было ему на этотъ разъ всего приличнѣе изъ себя сдѣлать? И стоялъ на тротуарѣ, не дѣлая изъ себя ничего приличнаго. Ужъ вѣтеръ намекалъ ему довольно ясно, — что не мѣсто стоять въ такую пору на улицѣ; толкалъ его къ воротамъ и во всѣ стороны; и, наконецъ, рѣшился формально счистить съ тротуара, какъ предметъ лишній на улицѣ. Но Леринька не догадывался и продолжалъ выводить изъ терпѣнія этого исправнаго петербургскаго дворника. Дворникъ однако-же нашелся, сунувши ему въ самое лицо такую кучу метели, что тотъ благимъ матомъ кинулся къ ручкѣ колокольчика — и ну угощать своего собственнаго дворника мѣдною музыкою...

Когда ворота отворились, и дворникъ, узнавшій мододаго барина, сдержалъ на губахъ готовую на эти случаи поговорку, — сознаніе своего положенія громко шевельнулось внутри Леринъки. Онъ вступаетъ подъ ворота родительскаго дома, съ преступленіемъ за плечами, съ предложеніемъ вѣчнаго союза дѣвушкѣ, вопреки всѣмъ запрещеніямъ Никиты Иваныча. И какъ это случилось, что онъ такъ прямо наскочилъ на предложеніе? Сколько могъ припомнить Леринька свои намѣренія, при выходѣ изъ этого самого дома въ началѣ вечера, — они имѣли совершенно обратное направленіе. Взглянуть еще разъ на ту, для которой умереть — самая простительная штука; сказать ей *послѣднее прости* ... и никогда болѣе не позволять извощику, выучившему черезъчуръ твердо дорогу къ Сафронову мосту, спрашивать у себя: «къ Сафронову мосту, ваше сіятельство?» вотъ, каковы были скромныя намѣренія Леринъки, отправлявшагося на балъ. И вдругъ, этотъ самый скромникъ возвращается съ бала, почти пристроенный на всю свою жизнь! и еще — безъ позволенія папеньки! Мало-по-малу, голоса, сопровождавшія его путешествіе къ Салоповымъ, стали просыпаться: «молокососъ!» гремѣли ключи дворника, голосомъ Никиты Иваныча, когда дворникъ запиралъ калитку. «Вонъ! вонъ отъ меня сейчасъ! Они тебя уськаютъ... танцунья — дочка... Давно-ли ты вылѣзъ самъ...» — «Поговорите съ маменькой... Я не могу располагать собою. Поговорите завтра... Я не могу располагать ... завтра, завтра, говорите завтра...» вторили сладкимъ голосомъ Лукерьи Платоновны стѣны дома и ступени лѣстницы, по которой Леринька поднимался, и звукъ собственныхъ шаговъ его — вторилъ невозвратимыя слова Лукерьи Платоновны. И Леринькѣ становилось страшно. Увѣщанія родителя едвали занимали уже не вторую степень въ ужасахъ леринькина сердца... Остатокъ ночи, или, правильнѣе сказать, начинаніе дня, были, безъ всякаго сомнѣнія, тяжелѣйшимъ изъ всѣхъ остатковъ и начинаній дней послѣдующей леринькиной жизни...

... Черезъ недѣлю только, дошли до Никиты Иваныча слухи и поздравленія. Никита Иванычъ пасмурно смѣялся, внимая «кудактинью» (такъ угодно было ему выразиться); и какъ непріятель вдвое сильнѣйшій, онъ пускалъ выше головы противниковъ свои снаряды: пускай ихъ оробѣютъ и спохватятся во время! Положено было только — выдавать Леринькѣ половину прежняго жалованья, — и этимъ ограничились всѣ исправительныя мѣры. Люди, преимущественно склонные къ недовѣрчивости, стояли на томъ, что старуха Салопова не упуститъ «женишка»,

какъ тамъ ни ершись *старый увалень* (Никитѣ Иванычу вышла, по всеобщему приговору, роль увальня въ происходившей драмѣ); что Анисья Гавриловна — баба яга, и въ такихъ дѣлахъ собаку съѣла, и прочее ...

Все порѣшило однакожъ и всѣхъ успокоило, если не всѣхъ обрадовало, — письмо Никиты Иваныча, за гербовой печатью, посланное въ отвѣтъ на розовую четвертушку пахучей бумаги, испещренную пансіонскимъ французскимъ почеркомъ и скрѣпленную именемъ Anicie Salopoff, то есть Анисьи Гавриловны Салоповой.

Письмо Никиты Иваныча къ Анисьѣ Гавриловнѣ.

«Милостивая государыня, Анисья Гавриловна,

«На письмо ваше, отъ 19 текущаго мѣсяца, писанное по-французски, имѣю честь вамъ отвѣтствовать: что оное крайне меня изумило. Прожекты ваши на законное сочетаніе бракомъ дочери вашей Лукерьи Платоновны съ моимъ несовершеннолѣтнимъ сыномъ Валлеріяномъ, крайне мнѣ неприличествующими вашей старости показались. Какъ матери, вамъ не могутъ быть безъизвѣстны лѣта вашей дочери; и ей простительно помышлять о замужествѣ; а сынъ мой еще мальчишка, и ему сперва слѣдуетъ научиться правильно ходить на ученьи; и до женитьбы ему износить не одну пару подметокъ.

«Какъ русскій дворянинъ, не могу утаить отъ васъ, милостивая государя, что и состояніе мое, честными моими трудами пріобрѣтенное, равно какъ и принесенное частію въ замужество супругою моею Марьею Семеновною, напрасно значительнымъ вамъ кажется: людская молва — морская волна, — несетъ, что̀ взяла. А слухи и разговоры чаще бываютъ ложны, государыня моя! Притомъ-же, у меня не одинъ сынъ въ родѣ — Валлеріянъ Никитичъ; и я растрачивать дѣтей моихъ состояніе на его шалости не почитаю совмѣстнымъ съ моею совѣстью. Сумма въ 1,000 рублей ассигнаціями, получаемая имъ до нынѣ, едвали въ состояніи удовлетворить ваши требованія. Притомъ же, пока я живъ, дѣти мои не заблудятся на поприщѣ нравственности и повиновенія. Умру — тогда уже воля Божія, а не наша.

Почему, имѣю честь пребыть и прочее

Никита Попехинъ.»

Дѣло происходило на масляной. Добрыя знакомыя Анисьи Гавриловны утверждали, что этотъ блинъ ей пришелся комомъ ...

Въ первую недѣлю великаго поста, знакомый читателю черный фракъ получилъ отъ оправившейся мигомъ Анисьи Гавриловны позволеніе: возить на своей парѣ караковыхъ, закупать подарки, починять и новыя заказывать серьги; наконецъ повергать все это, и уже безъ малѣйшихъ обиняковъ, къ ногамъ своей невѣсты — Лукерьи Платоновны ... Разумѣется, *пріятный домъ* сдѣлался по этому случаю еще пріятнѣе ...

ИСТОРІЯ И ТЕОРІЯ ИСКУССТВА.

ТОМАСЪ МУРЪ.

Анакреонъ и Катуллъ XIX вѣка, пѣвецъ любви и счастья, Томасъ Муръ тихо угасъ въ помѣстьѣ лорда Лансдоуна на Слопертонской мызѣ, въ Вильтшейрѣ. Можно сказать, что въ послѣдніе годы своей жизни онъ уже не жилъ мыслью; какъ у Вальтеръ-Скотта и Соути, духъ въ немъ угасъ прежде тѣла. Онъ не узнавалъ уже ни мѣста, гдѣ находился, ни людей, которые его окружали. Въ спокойномъ полузабвеніи, потухла его жизненная искра.

Съ Муромъ изчезло послѣднее звѣно той цѣпи, которая связывала настоящее поколѣніе съ тѣмъ блестящимъ литературнымъ періодомъ начала нынѣшняго столѣтія, въ которомъ геній развился во всѣхъ отрасляхъ изящной литературы, философіи и критики. Съ каждымъ годомъ, угасало какое-нибудь свѣтило; вслѣдъ за Вордсвортомъ, не стало Томаса Мура.

Вся его поэзія дышетъ вдохновеннымъ восторгомъ. Въ избранной имъ сферѣ, онъ неподражаемъ. У него нѣтъ ничего общаго съ бурными страстями Байрона; возвышенная философія Кольриджа ему незнакома. Въ его стихотвореніяхъ также мало мечтательнаго и мистическаго блеска Шелли, какъ и утомительной растянутости Соути. Его простыя, гармоническія пѣсни выливаются прямо изъ души; въ нихъ столько чувства, красоты и гармоніи, что въ рѣдкомъ сердцѣ не найдутъ онѣ отголоска.

Можно сказать, что воображеніе Мура постоянно находилось въ восторженномъ состояніи. Писалъ ли онъ пѣсни или сатиры, избиралъ ли сюжеты на небѣ или на землѣ, пѣлъ ли любовь ангеловъ или смиреніе заблуждавшихся смертныхъ, вездѣ видно было тоже увлеченіе, тоже чувство. Его геніемъ были музыка, любовь и счастіе. Послѣ этого, нетрудно указать мѣсто, которое занималъ Томасъ Муръ между замѣчательнѣйшими мыслителями своего времени. Въ его поэзіи болѣе свѣтлой фантазіи, чѣмъ глубокаго созерцанія; поэтъ то занимаетъ васъ выдумками, полными ума, то удивляетъ смѣлыми картинами, то увлекаетъ сердце непритворною, чувствительною и дивною мелодіею своихъ пѣсенъ. Его поэзія болѣе обворожаетъ, чѣмъ трогаетъ: въ ней болѣе чувственной прелести, чѣмъ возвышеннаго достоинства. Муръ нашелъ новую, оригинальную жизнь въ неистощимомъ Востокѣ и въ своей родной Ирландіи. На первомъ поприщѣ, можно сказать, что ему предшествовалъ Соути, который во многихъ поэмахъ переноситъ насъ на Востокъ; но какъ національный ирландскій лирикъ, онъ по-истинѣ неподражаемъ.

Томасъ Муръ родился въ Дублинѣ, 28 мая, 1780 года. Вотъ, что онъ говоритъ самъ о своей юности:

«Большую часть мелкихъ сочиненій написалъ я отъ шестнадцати до двадцати-трехъ лѣтъ; но печатать свои стихи я началъ еще ранѣе. Сонетъ, написанный мною на четырнадцатомъ году и посвященный моему школьному учителю, Самуэлю Уайту, появился въ то время въ дублинскомъ журналѣ, называвшемся Антологія. Еще ранѣе (въ 1793 году), я послалъ въ тотъ же журналъ два стихотворенія, съ письмомъ къ издателю, въ которомъ просилъ о напечатаніи «этихъ опытовъ молодой музы», и страхъ, овладѣвшій мною при такой самонадѣянности, былъ пріятно разсѣянъ не только помѣщеніемъ моихъ статей, но и лестнымъ отзывомъ обо мнѣ, какъ о «нашемъ почтенномъ сотрудникѣ, Т. М.».

«Въ свободные лѣтніе дни, на дачахъ, въ окрестностяхъ Дублина, я разыгрывалъ съ товарищами маленькія театральныя пьески, и тутъ вполнѣ развилась во мнѣ страсть къ поэзіи. Веселая общественная жизнь въ Дублинѣ часто давала мнѣ случай показать свой талантъ, между тѣмъ какъ дома образованный отецъ и мать, которая душою и сердцемъ едвали имѣла себѣ подобную, возбуждали во мнѣ дѣятельность и желаніе угодить тѣмъ, которыхъ я болѣе всѣхъ привыкъ любить и уважать. Черезъ два года послѣ поступленія моего въ школу, я написалъ небольшую театральную пьеску, разыгранную у насъ въ домѣ моею старшею сестрою, мною самимъ и двумя моими товарищами.

Маленькую гостиную мы обратили въ сцену, а молодой N., теперь извѣстный профессоръ музыки въ Дублинѣ, сидя за фортепьяно, замѣнялъ намъ оркестръ.

«Между тѣмъ какъ мои первые опыты были такъ благосклонно приняты въ нашемъ маленькомъ кругу, болѣе глубокое чувство зажглось въ душѣ моей при перемѣнахъ, происшедшихъ въ политическомъ быту Европы, и при томъ вліяніи, которое они имѣли на надежды и ожиданія ирландцевъ. Напрасно нѣжная заботливость матери думала избрать для меня юридическое поприще, какъ каррьеру, которая могла открыть ея сыну дорогу къ отличіямъ и почестямъ. Для молодаго католика, въ Англіи всѣ пути къ отличію были заграждены; даже университетъ, народный источникъ обученія, былъ для меня недоступенъ.

«Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, явился достопамятный актъ 1793 года, уничтожившій одно изъ чудовищныхъ постановленій Англіи, и открывшій ирландцамъ двери въ университетъ; правда, что всѣ поощренія и всѣ надежды на отличія, возбуждающія честолюбіе въ дѣтяхъ, были у насъ отняты. Здѣсь, я написалъ свою первую политическую сатиру. На экзаменѣ, я въ первый разъ удостоился вниманія, написавъ на заданную тему сочиненіе англійскими стихами, тогда какъ обыкновенно ихъ писали по-латыни. Въ награду я получилъ «Странствованія Анахарсиса», съ надписью, что онѣ даны мнѣ, propter laudabilem inversibus componendis progressum.»

Оды Анакреона были изданы Муромъ въ 1799 году. Не ищите въ нихъ вѣрной передачи подлинника: въ нихъ видѣнъ болѣе поэтическій талантъ Мура, чѣмъ стихъ Анакреона; болѣе видна Ирландія, чѣмъ Греція. Говорятъ, что Канова выставлялъ свою Веперу въ узкой нишѣ, прикрытой пунцовою драпировкою и освѣщенной одною лампадою; говорятъ, что онъ даже далъ мармору блѣдно-розовый оттѣнокъ. Тоже самое Муръ сдѣлалъ съ Анакреономъ. Въ его стихахъ, полныхъ страстной и восхитительной прелести, нѣтъ гармоніи съ безыскуственною простотою греческаго оригинала; онъ мечтателенъ тамъ, гдѣ Анакреонъ чувственъ. Посвятивъ эти оды принцу Валлійскому, вступившему въ послѣдствіи на англійскій престолъ подъ именемъ Георга IV, онъ удостоился его покровительства и получилъ доступъ въ блестящій кругъ англійской аристократіи.

Въ 1803 году, Муръ получилъ мѣсто на Бермудскихъ островахъ, но вскорѣ потерялъ его чрезъ злоупотребленія одного изъ своихъ подчиненныхъ, котораго безчестные поступки навлекли на Мура неудовольствіе правительства и ввели его въ большія затрудненія. Во время своего отсутствія изъ Англіи, онъ продолжалъ заниматься поэзіей.

Мы укажемъ на его оды и посланія, написанныя легкимъ, пріятнымъ стихомъ, но не отличающіяся тщательною отдѣлкою: онъ самъ называетъ ихъ прозою, написанною рифмами. Въ тоже время, онъ издалъ собраніе поэмъ большею частію эротическаго содержанія, заимствованныхъ у Катулла и другихъ греческихъ и латинскихъ писателей, подъ псевдонимомъ Томаса Литля. Сильная критика, помѣщенная въ Эдинбургскомъ Обозрѣніи на его «Пѣсни юности», была причиною дуэли между имъ и Джофреемъ, въ Гамстетѣ. Эта дуэль, сатирически воспѣтая Байрономъ, чрезъ содѣйствіе Роджерса кончилась мировою. Въ домѣ его, Муръ познакомился съ двадцати-пяти-лѣтнимъ авторомъ Чайльдъ – Гарольда и тѣсная дружба ихъ продолжалась до самой смерти послѣдняго.

Длинный рядъ сатиръ Мура, имѣвшихъ, правда, только временный интересъ, блеститъ остроуміемъ и насмѣшкою, и можетъ быть переданъ потомству за произведенія, образцовыя въ своемъ родѣ. Впрочемъ, серьозная сатира никогда не выливалась у Мура: въ его свободномъ и нѣжномъ перѣ, не было строгости Драйдена и Попе. Эпиграммы Мура разнообразны, игривы и мѣтки; но поражая, онѣ оставляютъ послѣ себя слѣды добродушія, изящнаго вкуса и классической граціи. Въ числѣ лучшихъ комическихъ произведеній Мура, ставятъ его юмористическую поэму: «Семейство Фиджъ въ Парижѣ». Это семейство состоитъ изъ отца, писателя, преданнаго Бурбонамъ и лорду Кестльри; его сына, молодаго денди перваго разбора, и дочери, сентиментальной дѣвицы, помѣшанной на романахъ и влюбленной въ парижскаго прикащика, котораго она считаетъ за переодѣтаго Бурбона. Въ тѣни этой семейной картины, является О'Конноръ, пылкій бонапартистъ и ирландскій патріотъ. Все сочиненіе дышетъ непритворнымъ юморомъ и полно комизма.

Другая занимательная коллекція перехваченныхъ писемъ издана подъ заглавіемъ «Почтовая сумка», и имѣла огромный успѣхъ. Говоря о сатирическихъ произведеніяхъ Мура, упомянемъ о его Rhymes on cash, corn and catholics, сюжетъ которыхъ легко понять изъ заглавія, и о Fables for the Holy Alliance.

Расмотримъ теперь тѣ созданія Мура, на которыхъ наиболѣе основана его слава. Мы говоримъ объ *Ирландскихъ мелодіяхъ*. Всѣ онѣ написаны на голосъ дивныхъ національныхъ мелодій, составляющихъ гордость, отраду и утѣшеніе ирландцевъ. «Предложеніе, которое вы мнѣ дѣлаете, говоритъ поэтъ въ письмѣ къ сэру Джону Стевенсону, составителю музыки — прибрать слова на эти мелодіи, не легко выполнить. Для передачи тѣхъ чувствъ, которыя онѣ выражаютъ, нужно понять

характеръ моихъ соотечественниковъ, вполнѣ отражающійся въ ихъ національной музыкѣ. Часто, въ ихъ веселыхъ пѣсняхъ, встрѣчается меланхолическая нота, которая бросаетъ отъ себя тѣнь и возбуждаетъ въ душѣ невольную симпатію». Какъ ни хороши шотландскіе національные напѣвы, но ирландскія мелодіи не уступаютъ имъ ни въ живости, ни въ разнообразіи. Въ Ирландіи, національная музыка акомпанируетъ грубымъ и простымъ словамъ, часто площаднымъ и непристойнымъ въ высшей степени, и отъ этого, мало-по-малу, много прекрасныхъ мелодій, полныхъ высокаго поэтическаго чувства, лишились своего значенія и своей прелести. Одинъ только Муръ въ состояніи былъ возвратить имъ все утраченное и снова оживить музыку и поэзію своего отечества.

Ирландскія мелодіи, какъ пѣсни, не имѣютъ ничего подобнаго въ своемъ родѣ. Читая ихъ звучную, гармоническую рифму, вы невольно составляете себѣ понятіе о музыкѣ, хотя никогда ея не слышали. Въ поэтическомъ отношеніи, онѣ составляютъ одно изъ превосходнѣйшихъ созданій. Въ нихъ, видно не столько труда и усилія, сколько щегольства и отдѣлки. Истинное, высокое чувство выражается дивными стихами. При сочиненіи пѣсенъ, главное искусство состоитъ въ оригинальности; и сообразивъ, какъ трудно избѣжать однѣхъ и тѣхъ-же идей, говоря о тѣхъ-же предметахъ, то есть, о любви или патріотизмѣ, можно извинить Мура, если иногда онъ предавался фантазіи или эпиграммѣ. Мы представимъ здѣсь нѣкоторыя изъ его мелодій въ русскомъ переводѣ.

I.

Когда твой вѣрный другъ, когда поклонникъ твой,
Въ міръ лучшій улетитъ, измученный страданьемъ,
Скажи, заплачешь ты, когда холмъ гробовой
Жестокимъ заклеймитъ молва воспоминаньемъ?

О, плачь! Какъ ни суровъ людской здѣсь приговоръ,
Слезою смоешь ты желчь ѣдкаго упрека,
Быть-можетъ, я не правъ и заслужилъ укоръ,
Но я тебя любилъ безумно и глубоко ...

Въ тебѣ мечты мои, чувствъ первыхъ вѣяніямъ,
Къ тебѣ всѣ помыслы души моей несутся.
И въ передсмертный часъ, въ молитвѣ къ небесамъ,
Два наши имени, какъ два луча, сольются.

Счастливъ, кто для тебя здѣсь на землѣ живетъ,
Кто дышетъ только лишьтобою;
Еще счастливѣе, еще блаженнѣй тотъ,
Кто за тебя на смерть приговоренъ судьбою.

II.

Я видѣлъ, поутру, въ стремленьи игривомъ,
Блестящія волны челнокъ мой несли;
Но солнце погасло, съ вечернемъ отливомъ
Отхлынули волны — и челнъ на мели.

Такъ въ жизни надежда насъ ложно ласкаетъ,
Такъ радости быстрой бѣгутъ чередой:
Поутру насъ влага привѣтно качаетъ,
А къ вечеру броситъ на берегъ пустой.

Что въ славѣ, закрывшей подъ ризой мишурной
Покой нашей ночи, закатъ нашихъ дней?
Отдайте мнѣ утро въ коронѣ лазурной:
Съ нимъ даже и слезы намъ будутъ милѣй ..

О, какъ бы ни сладостны были мгновенья,
Когда страсть, впервые, вскипаетъ въ крови,
Для чувства настанетъ пора пробужденья,
И сердце забьется опять для любви. (*

III.

Отдохни у меня на груди, пораженная лань,
Ты брошена стадомъ, но здѣсь ты со мною, ты дома;
Здѣсь снова найдешь ты привѣтъ, и прежнюю встрѣтишь улыбку,
И сердце, которое вѣчно останется вѣрнымъ тебѣ.

Нѣтъ, нѣтъ, ни въ несчастьи, ни въ горѣ любовь измѣниться не можетъ,
И чтоже въ любви, когда въ ней не найдти постоянства;
Зачѣмъ узнавать мнѣ, таится ль вина въ твоемъ сердцѣ;
Я знаю, кто бъ ни была ты, я люблю тебя всею душой.

Ты ангеломъ друга звала въ минуты восторга и счастья,
И въ страшную жизни минуту, онъ ангелъ хранитель твой будетъ,
Тернистымъ путемъ онъ тебя проведетъ невредимо,
Спасетъ, защититъ, или вмѣстѣ погибнетъ съ тобой.

Сравнивая Мура, какъ лирическаго поэта, съ Борнсомъ, мы находимъ у шотландскаго поэта —простолюдина простой деревенскій языкъ, и трудно критику, незнакомому практически съ этимъ діалектомъ, судить, до какой степени онъ придаетъ поэзіи Борнса ея наивную прелесть. Лиризмъ Мура есть, напротивъ, образецъ самаго утонченнаго и классическаго англійскаго языка. Оба поэта превосходны вездѣ, гдѣ является любовь и чувство; но у Борнса, страсть слишкомъ пылка и откровенна, между тѣмъ, какъ у ирландскаго поэта она высказывается въ блестящихъ, цвѣтистыхъ стихахъ и такимъ образомъ теряетъ въ чувствѣ и нѣжности то, что выигрываетъ въ остроуміи и изяществѣ.

* Переводомъ этихъ двухъ мелодій Мура редакція обязана И. П. Крешеву, такъ прекрасно владѣющему русскимъ стихомъ. *Ред.*

Въ 1817 году, Муръ издалъ свой восточный романъ «Лалла-Рукъ,» (листокъ тюльпана), названный такъ по имени героини. Это небольшая романическая исторія, въ которой прекрасная дочь Аиренгзеба, на пути въ Бухару, для свиданія съ назначеннымъ ей женихомъ, принцемъ этой страны, влюбляется въ молодаго пѣвца. Пѣвецъ этотъ, какъ оказывается въ послѣдствіи, никто иной, какъ самъ принцъ. Снискавъ любовь принцессы, подъ скромною одеждою менестреля, онъ спѣшитъ предложить ей свою руку, какъ король. Все это разсказано тою увлекательною, остроумною прозою, которою такъ мастерски владѣетъ Муръ, и ничто не можетъ сравниться съ живостью тѣхъ сценъ, гдѣ онъ описываетъ восточную жизнь во всѣхъ ея подробностяхъ. Лалла-Рукъ, подобно прологамъ Чаусера, составляетъ родъ рамы для другихъ поэмъ. Ихъ четыре: Завѣшанный пророкъ Хорассана (The veiled Prophet of Khorassan), Огнепоклонники (The Fireworshippers), Рай и Пери (Paradise and Peri), и Свѣтило гарема (The light of the Harem). Это тѣ четыре исторіи, которыя разсказываетъ принцессѣ переодѣтый принцъ. Здѣсь, слогъ выше всякой похвалы: въ немъ вся нѣга и прелесть востока; онъ даже утомителенъ своимъ блескомъ и величіемъ; онъ «восточнѣе, чѣмъ самъ Востокъ». Достоинства поэмъ различны. Завѣшанный пророкъ, длиннѣйшая изъ нихъ, не самая удачная; Огнепоклонники, написанные октавою, много теряютъ, напоминая читателю восточныя поэмы Байрона, какъ, напримѣръ, Абидосскую невѣсту. Болѣе другихъ, намъ нравится Свѣтило Гарема. Пѣсни и вообще лирическіе пассажи въ этихъ поэмахъ прелестны и могутъ сравниться только съ его же Ирландскими мелодіями.

Поэму Мура, «Любовь ангеловъ», вообще находятъ ниже другихъ его сочиненій. Ангелы Мура столько же походятъ на библейскихъ ангеловъ, сколько ангелы Рафаэля и даже Альберта Дюрера на тѣхъ, которыхъ видимъ въ библейскихъ драмахъ французовъ. Есть много прекраснаго въ его »Національныхъ пѣсняхъ«. «Вечера въ Греціи», также написаны съ большимъ талантомъ и чувствомъ. Намъ остается сказать нѣсколько словъ о Мурѣ, какъ о прозаикѣ; онъ представляется намъ то романистомъ, то біографомъ. Какъ романистъ, онъ извѣстенъ по своей прекрасной повѣсти «Эпикуреецъ»; какъ біографъ, онъ напи салъ «Жизнь лорда Байрона», своего лучшаго друга и собрата по поэзіи, — и біографію знаменитаго соотечественника своего Шеридана, англійскаго Бомарше.

Содержаніе «Эпикурейца», взято изъ временъ гоненія на христіанъ въ Египтѣ; повѣсть оканчивается мученіемъ молодой новообращенной жрицы, которой характеръ, какъ и героя, молодаго аѳинянина, обрисо-

ванъ превосходно. Нѣсколько поэтическихъ эпизодовъ, какъ, напримѣръ, сцена при спускѣ въ подземные храмы египетскихъ боговъ и ночное путешествіе по Нилу, придаютъ много разнообразія сочиненію.

Двѣ біографіи написаны по тому плану, который наиболѣе имъ приличенъ. Это не біографіи, но мемуары. Авторъ заставляетъ человѣка разсказывать свою исторію, и представляетъ читателю извлеченія изъ его журналовъ и переписки. Муръ писалъ это съ отчетливостью критика, и съ увлеченіемъ и энтузіазмомъ друга; чуждый эгоизма и зависти, онъ отдалъ полную справедливость геніальному пѣвцу Чайльдъ-Гарольда.

Въ 1819 году, Томасъ Муръ отправился съ лордомъ Джономъ Россельмъ черезъ Симплонъ въ Италію; лордъ Россель поѣхалъ въ Геную, а Муръ въ Венецію, къ Байрону. Во время этого путешествія, онъ написалъ въ стихахъ свои путевыя впечатлѣнія, изъ которыхъ видно, что онъ болѣе восхищался природою Италіи, чѣмъ процвѣтавшими въ ней искусствами. Чудная картина солнечнаго заката на Симплонѣ болѣе приводила его въ восторгъ, чѣмъ всѣ сокровища искусствъ, видѣнныя имъ въ Римѣ, Флоренціи, Туринѣ и Миланѣ. По возвращеніи изъ Италіи, онъ до 1822 года прожилъ въ Парижѣ.

Въ 1825 году, Томасъ Муръ посѣтилъ Вальтера Скотта въ его помѣстьѣ, Абботсфортѣ. Вечеромъ, оба они отправились въ эдинбургскій театръ. Какъ только присутствіе ихъ сдѣлалось извѣстнымъ публикѣ, весь театръ огласился радостными криками и оркестръ заигралъ національныя пѣсни Ирландіи и Шотландіи. Другъ поэта, маркизъ Лансдоунъ, отдалъ въ его распоряженіе свое помѣстье, Слопертонскую мызу, гдѣ Муръ и прожилъ до конца своей жизни.

По рожденію и воспитанію, Муръ принадлежалъ къ католической партіи тори; онъ былъ современникомъ и товарищемъ дѣтства многихъ восторженныхъ писателей о независимости ихъ общаго отечества. Смягченный уступками, сдѣланными англійскимъ правительствомъ для его отечества и вѣры, онъ сталъ придерживаться партіи виговъ. Въ послѣдствіи, онъ не былъ ни вигомъ, ни тори, и въ двухъ политическихъ сатирахъ отзывался о тѣхъ и другихъ, какъ о партіяхъ, одинаково враждебныхъ его отечеству и не искренно желавшихъ блага Англіи.

Томасъ Муръ жилъ и умеръ, какъ счастливѣйшій изъ смертныхъ. Онъ сошелъ въ могилу, сопровождаемый любовью и уваженіемъ своихъ соотечественниковъ: въ продолженіи своей долгой жизни, онъ носилъ безъ страданій лавровый вѣнокъ поэта, и на долю его досталось одно только горе — пережить горячо любимыхъ имъ дѣтей.

А. Горковенко.

ГАЛЛЕРЕЯ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

АЛЕКСѢЙ ЕГОРОВИЧЪ ЕГОРОВЪ.

Кто не помнитъ въ Академіи, да и во всемъ околоткѣ академическомъ, небольшаго ростомъ, но широкоплечаго, толстенькаго и еще очень бодраго старичка, который ежедневно прогуливался изъ Академіи къ Исакіевскому мосту и изъ той же Академіи къ Тучкову, попеременно, какая-бы погода ни была? Таже неизмѣнная синяя шинель, или *гаррикъ*, какъ онъ самъ называлъ ее по-старинному, съ милліономъ маленькихъ воротничковъ, таже бѣлая пуховая шляпа, если было лѣто, или черная, если зима, но никогда не картузъ, и таже тихая, мѣрная походка, какъ бы маятника, который сошелъ съ часовъ прогуляться по набережной Невы. Что касается до погоды, то для внимательнаго наблюдателя, этотъ старичокъ могъ съ точностію замѣнить барометръ. Если онъ выходилъ безъ зонтика, то иди смѣло, дождя не будетъ; но если съ зонтикомъ, да еще съ синимъ, — сиди дома, или одѣнься по-осеннему; хоть-бы ни тучки на небѣ, дождь все-таки будетъ и, того гляди, проливной.

Такимъ-образомъ, старичокъ доходилъ, положимъ, хоть до угла Исакіевскаго моста, гдѣ стоялъ квасникъ, торговавшій тутъ съ незапамятныхъ временъ, и съ нимъ-то старичокъ заводилъ рѣчь слѣдующаго содержанія:

— Что, любезный другъ, будетъ дождь, какъ ты думаешь?

— Будетъ, Алексѣй Егоровичъ.

— Ну, и я говорю, что будетъ, и видишь, вышелъ съ зонтикомъ.

Квасникъ былъ дѣйствительно *другъ* Алексѣя Егоровича, а Алексѣй Егоровичъ былъ — извѣстный намъ художникъ *Егоровъ*.

Есть люди, о которыхъ судьба всего менѣе заботится въ первую минуту ихъ появленія на бѣлый свѣтъ. Ни день, ни годъ, ни мѣсто ихъ рожденія никѣмъ не записаны, — гдѣ ужъ тутъ думать о томъ, шумно ли, съ громомъ ли встрѣчали будущаго героя или генія, такъ ли же дарили ризками, веселились и бражничали, какъ дѣлается это обыкновенно на крестинахъ, и кто были ихъ воспріемниками?

Въ этомъ отношеніи, Егоровъ принадлежитъ именно къ числу тѣхъ, по колыбельной жизни которыхъ, всего менѣе можно было бы сдѣлать заключеніе, какъ о ихъ призваніи, такъ и о полномъ геніальномъ развитіи этого призванія.

Единственнымъ воспоминаніемъ его дѣтства былъ богатый шелковый халатъ, красные, шитые золотомъ сапоги и кибитка, въ которой везли его, даже неизвѣстно откуда — въ Петербургъ. *Шелковый халатъ, шитые сапоги и татарскій обликъ красиваго мальчика*, — казалось бы, что тутъ общаго съ будущимъ замѣчательнымъ художникомъ русскимъ?

Вѣроятно, это событіе совершалось въ то время, когда Академія Художествъ только-что основывалась, когда люди необразованные, думая — такъ говорятъ, по крайней мѣрѣ, люди памятливые, — что тамъ будутъ учить *художеству*, боялись отдавать туда дѣтей своихъ. Въ слѣдствіе чего, таковыхъ воспитанниковъ для Академіи принуждены были отыскивать въ провинціяхъ, въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ Россіи, и въ числѣ ихъ, неизвѣстно откуда, былъ привезенъ и Егоровъ. А Воспитательный Домъ, изъ котораго онъ поступилъ въ Академію, въ 1782 году августа 14, какъ значится въ его формулярѣ,—былъ для него только станціею къ храму Аполлона.

Въ Академіи, Егоровъ росъ богатыремъ и искусства и силы матеріальной. Послѣдняя дѣйствительно не уступала художественной. Въ послѣдствіи, уже въ Италіи, сила физическая не разъ спасала Егорова и не одинъ задира-итальянецъ, вмѣстѣ съ своимъ кинжаломъ, вылеталъ въ его окно. Сила физическая свела и подружила наконецъ силача Лукина съ Егоровымъ — лучшая, кажется, рекомендація....

Не думаю, чтобъ кого-нибудь могли возмутить эти отступленія, говоря о художникѣ, отъ силы духовной къ матеріальной. По моему, тѣмъ лучше, что въ крупномъ — все крупно.... Константинъ Великій въ юности сломилъ не одного вождя сарматскаго, ходилъ одинъ на льва въ

циркѣ и ни Аміанъ Марцелинъ, ни даже Евсевій, не скрываютъ этихъ физическихъ подвиговъ перваго христіанскаго императора.

Егоровъ, какъ истинный талантъ всего меньше любилъ говорить о своемъ талантѣ: мало того, даже о томъ станкѣ, на которомъ работало его *долотцо-самодѣльцо*. Такова была его повадка. Нелюбилъ покойный ни знатоковъ, ни цѣнителей, не любилъ и толковать объ искусствахъ, или любилъ, да какъ-то изъ подтишка, въ одномъ словѣ, въ притчѣ и то не про всякаго.

Сверхъ того, Егоровъ-человѣкъ и Егоровъ-художникъ — два существа, совершенно разныя. Егоровъ, какъ человѣкъ, отъ волоса до мозга и отъ ногтей до сердца — русскій. Въ молодости, его характеризовали физическая сила, молодечество, удаль, красная рубаха, *черная, съ бѣлой полоской* балалайка, сулейка водки, вмѣсто вина *сухарная вода* на запивку, пѣсня заунывная или разгульная, смотря по расположенію духа; въ старости — разумная опытность, молчанка себѣ-на-умѣ, твердость желѣзная противъ всѣхъ гоненій и несчастій, и безукорное самодовольствіе стараго ямщика, который смотритъ въ окно на молодаго, приговаривая: «ѣзжали и мы когда-то».

Какъ художникъ, Егоровъ былъ человѣкъ глубоко проникнутый вѣрою и духовно библейскимъ міромъ. Онъ не отъ другихъ зналъ, а самъ ощущалъ свое высокое призваніе и видѣлъ въ немъ не просто призваніе художественное, а назначеніе свыше быть проповѣдникомъ слова божьяго средствами, ему дарованными, и въ каждомъ ударѣ своей кисти и карандаша, чаялъ хвалу Всевышнему. Набожный въ высочайшей степени, онъ не начиналъ ни одной картины иначе, какъ послѣ молитвы. Проникнутый своими сюжетами, онъ даже воснѣ видѣлъ святыя изображенія Саваоѳа, Іисуса Христа, Божіей Матери и Апостоловъ. На многихъ эскизахъ онъ самъ показывалъ намъ, за тайну, внизу, подписи слѣдующаго содержанія: «Такого-то числа, сію картину видѣлъ я во снѣ»... А что значатъ эти видѣнія, сны, какъ не свыше ниспосылаемыя вдохновенія въ душу, готовую принять ихъ?

Въ дубраву ль мрачную вступаю,
Все дышетъ тамъ дыханіемъ Твоимъ:
Гудитъ ли гулъ, журчитъ ли зыбь, внимаю,
Тебѣ поетъ на арфѣ Серафимъ.
Но мигъ одинъ и улетѣлъ воздушный,
За синевой далекой онъ изчезъ.
И все безжизненно, бездушно —
И вкругъ меня и въ глубинѣ небесъ.

А кто этотъ серафимъ, этотъ невѣдомый гость неба, какъ не вдохновеніе, преслѣдовавшее повсюду великаго художника и, по словамъ

поэта, внушившее ему и мысль и обликъ его божественной мадоны. Егоровъ писалъ и рисовалъ большею частью утромъ на-тощахъ и самый процесъ его художественной дѣятельности, самая его работа — была лишь продолженіемъ набожнаго ощущенія, высокой молитвы, или духовнаго восторга, въ могучихъ чертахъ карандаша или размахахъ кисти. Мѣшать ему посѣщеніемъ мастерской такъ же было совѣстно, какъ бы мѣшать молиться. Я никогда не забуду его отзыва послѣ одного изъ такихъ посѣщеній г. В. «И молода и хороша, и знатна и богата, а теплоты нѣтъ, ходила-бы смотрѣть восковыя куклы»...

Или, какъ бывало онъ гонялъ охотниковъ и охотницъ писаться: «Убирайтесь отъ меня, какой я портретистъ, я пишу портреты да не съ васъ... Ступайте къ В**»... И дверь захлопывалась за посѣтителемъ.

Или иногда на вопросъ: «дома ли Егоровъ?» Онъ самъ высовывалъ голову и отвѣчалъ: «Егорова дома нѣтъ»...

Какъ художникъ-учитель, Егоровъ тоже имѣлъ свою особенность, по крайней мѣрѣ сравнительно съ современными ему. Онъ походилъ въ этомъ случаѣ болѣе на учителей — школъ древнихъ: это былъ истинный учитель вѣка возрожденья, или первыхъ вѣковъ христіанства, какъ Пусенъ, или Либаніусъ. Братство и дружба связывали его съ учениками, а вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то патріархальное старѣйшинство окружало его. Ученикъ для Егорова былъ и сынъ, и другъ, и домочадецъ, которымъ онъ безобидно распоряжался иногда, какъ своимъ служителемъ. И не разъ раздавалось: «Миша поставь свѣчи въ подсвѣчники, вымой кисти, приготовь палитру!»... А за обѣдомъ, Миша въ семьѣ, Миша съ нимъ: съ Мишей и дружеская бесѣда и умный толкъ о томъ, о другомъ, словомъ, о чемъ только могъ разговориться, въ добрый часъ, Алексѣй Егоровичъ Егоровъ.

Способъ его ученія былъ, по большой части, указывать дѣломъ, но ежели ему случалось словомъ, то такимъ ужъ краткимъ, сжатымъ, синтетическимъ, что надъ значеніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ о сію пору ломаютъ голову а у Егорова они вѣрно что-нибудь да значили.

Какъ ни кратко говорилъ онъ, а поправлялъ еще короче, и прежде чѣмъ какая-нибудь фраза, присловье, поговорка, шуточка, высказывались, академическая фигура была уже поправлена, а иногда заново вся обведена, да такъ, что и не ученики одни изумлялись.

Егоровъ училъ всякого, въ комъ видѣлъ дарованье; пользуясь высокимъ счастіемъ быть учителемъ рисованья въ бозѣ почивающей императрицы Елисаветы Алексѣевны, онъ въ то-же время не отказывалъ

въ совѣтахъ, въ урокахъ, людямъ самымъ бѣднымъ и невзыскаппымъ. За то именно такъ и знали, любили и помнятъ Егорова.

Удивительна была популярность Егорова, какъ въ Россіи такъ и за границею. Въ бытность въ Италіи, онъ былъ извѣстенъ всѣмъ, отъ Кановы до послѣдняго трастевериица. Нынче онъ бьетъ карандашемъ Камучини, завтра кулакомъ десятокъ лазарони. Одинъ называетъ его *великимъ русскимъ рисовальщикомъ*, другой *русскимъ медвѣдемъ*. Всѣ кварталы Рима полны его геркулесовскихъ подвиговъ, всѣ европейскіе альбомы его рисунковъ, изъ которыхъ за иные онъ получалъ по сту червонныхъ, да за то—ужъ и сорилъ онъ въ свое время пригоршнею. Не одна сила знакомила и привязывала къ нему итальянскихъ ободрышей, а щедрость, которая у него была въ крови, и даже въ возрастѣ зрѣломъ, здѣсь, въ Россіи, не всегда сдерживалась благоразуміемъ и расчетливостью.

Нанимаетъ онъ бывало извощика — торгуется, сѣлъ, поѣхалъ за двугривенный; пріѣхалъ — отдаетъ двугривенный, а цѣлковый, или два на-водку ... Вотъ, тутъ его и расчитывай.

Онъ терпѣть не могъ курить сигаръ, а курилъ, потому только, что и табачному фабриканту ѣсть надобно ... Таково было его убѣжденіе.

Удивительный былъ человѣкъ Егоровъ! Вѣкъ бы съ нимъ не разстался, какъ съ человѣкомъ ... А все-таки, какъ ни отвертывайся, надобно говорить о немъ, какъ и о художникѣ, о его рисункахъ, картинахъ, фрескахъ ... Боже мой! Неужели и Егорова будутъ мѣрять аршиномъ, какъ мѣряли у насъ нѣкогда Караважа? Впрочемъ, онъ и въ этой землемѣрской оцѣнкѣ изящнаго не потеряетъ. Неужели есть еще люди, которымъ надо говорить, что онъ былъ отличнымъ рисовальщикомъ и опровергать тѣхъ, которые думаютъ, что онъ не былъ въ тоже время и хорошимъ колористомъ въ своемъ родѣ? Неужели съизнова перечитывать азбуку теоріи искусства, толковать о рисункѣ, сочиненіи, выраженіи, колоритѣ, гармоніи, тонахъ, модуляціяхъ, объ оттѣнкахъ и свѣто-тѣни? На здоровье, кому угодно, мы съ нашей стороны охотно предполагаемъ, что всѣ лучше насъ это знаютъ и предоставляемъ судить и цѣнить произведенія Егорова и всѣхъ художниковъ каждому по своему. У всякаго есть свой носъ, почему жъ не быть и своему взгляду. Независимость артистическаго мнѣнія все-таки лучше насилія иногда на счетъ самаго искусства. И пусть лучше ошибется человѣкъ въ своемъ простомъ толкѣ, чѣмъ станетъ натягивать правила искусства, и безъ того, по ихъ сущности, довольно натянутыя, и ставить въ ранжиръ требованья и элементы искусства. Иногда эта повадка къ натяжкѣ и ранжировкѣ элементовъ искусства вводитъ въ самыя темныя

заблужденья. Назвавъ, напримѣръ, рисунокъ главнымъ элементомъ живописнаго искусства — они сейчасъ говорятъ, что гравюра есть повѣрка достоинствъ живописи и что Корреджіо, Тиціанъ, Мурильо ниже Аннбала Каррача и проч., а доказываютъ это тѣмъ, что Тиціанъ въ старости хотѣлъ переписывать свои картины ... Что же, онъ въ семдесять лѣтъ выучился рисовать?.. для чего? для того только, чтобъ доказать, что Егоровъ былъ отличнымъ рисовальщикомъ ... Да, право, въ этомъ никто не сомнѣвается. Три поколѣнія русскихъ художниковъ головы свои за это положатъ. Впрочемъ, они одни только въ этомъ и судьи. Мы, аматеры, даже пишущіе объ искусствахъ—плохіе цѣнители рисунка. Я, первый, описывать картинъ Егорова не берусь. Описывать картины—на это есть тоже смѣлость и возрастъ. Есть годы, когда кажется, что слова — краски, что твои мысли—именно мысли художника, твой бредъ — его фантазія, твой каждый вопросительный крючекъ, запятая, точка — шампольоновскій ключь къ іероглифической мудрости сочиненія картины и волшебная палочка феи къ красотамъ собственно живописи, колорита, экспрессіи, освѣщенія и проч... Я тоже нѣкогда описывалъ картины, рисунки, природу — я все описывалъ ... Напримѣръ, вотъ какъ я описывалъ рисунки Егорова, который имѣлъ до сихъ поръ непонятную для меня снисходительность — показывать ихъ мальчишкѣ, доморощенному аристарху изящнаго:

«Десятки, сотни, тысячи этихъ очерковъ мелькали передъ нами; мы терялись въ ихъ безчисленномъ множествѣ, изчезали, можно было бы сказать, въ творческой дѣятельности художника; но вдругъ, наше вниманіе, какъ бы сосредоточилось, какъ-бы что-то невидимое толкнуло насъ, шепнуло намъ: «смотри, здѣсь разгадана тысячелѣтняя тайна, свыше вдохновенное проявленіе неисповѣдимой истины». — Передъ нами открылись семь дней творенія, въ очеркахъ. И первое, представившееся намъ изображеніе Саваоѳа надъ зыбью, поразило насъ вѣрнымъ, сильнымъ выраженіемъ библейскаго текста: «И духъ Божій ношашеся верху воды». Непостижимо, свѣтло и ясно мелкалъ передъ нами моментъ, предшествовавшій творенью; въ нѣсколькихъ чертахъ карандаша, мы сознавали первобытную жизнь (Urleben) — этого міра. Высокая дума творчества видна на челѣ Всемогущаго. Спокойствіе въ исполненіи задуманнаго подвига, сила, совершенство, гармонія проглядываютъ въ положеніи, *въ каждой складкѣ покрова ...* »

«Показывая очеркъ третьяго дня, художникъ сказалъ намъ: «Теперь ужъ я не нарисую такъ; годовъ двадцать назадъ, я былъ смѣлѣе».

А я продолжаю описывать: «И точно, много энергіи, много свѣжести и

пыла ума и воображенья требовалъ характеръ подобнаго положенія фигуры... въ размахѣ рукъ видна творческая колоссальная сила — сила, раздвигающая стихіи и управляющая ими, а въ положеніи всей фигуры — мгновенность самого факта отдѣленія воды отъ суши. Весь очеркъ вмѣстѣ убѣждаетъ въ восторженномъ состояніи души, подъ вліяніемъ котораго онъ начертывался, и вмѣстѣ въ истинѣ словъ самого художника, что смѣлость результатъ молодости, а творческое произведеніе — иногда результатъ того и другаго ... »

Довольно! довольно! я скажу такъ же, какъ художникъ: «нынче ужъ я ненапишу такъ; годовъ тринадцать назадъ, я былъ гораздо смѣлѣе..

Ахъ если бы на иныхъ *описывателей* картинъ всякого рода, всегда нападала–бы такая трусость, какъ на меня теперь! Во сколько бы понизился процентъ на пустословіе и педантизмъ — при настоящемъ увеличеніи фондовъ самоучекъ, паразитовъ, панурговъ и кукушекъ нашего міра наукъ и искусствъ. Я увѣренъ, что самые отчаянные нерѣшились бы на него спекулировать; капиталисты придуманныхъ теорій и аршинныхъ созерцаній прекраснаго, сытые теперь чужою славой, — обанкрутились бы, и науки и искусства, право, пошли бы въ милліонъ разъ лучше сами собою.

Обязанность наша, если съумѣемъ, опредѣлить характеръ художника, назвать его родъ, его произведенья. Высчитать ихъ и указать, гдѣ они находятся, и этого довольно; а критиковать, сравнивать, отъискивать неестественныя достоинства и небывалые недостатки, дѣло заносчивости, молодости, неблагонамѣренности, спекуляціи или нелѣпаго усердія.

Время коситъ все, и потому надо, чтобы знали, что̀ человѣкъ сдѣлалъ, еслибъ даже это *что* и изчезло, затерялось для любителей изящнаго. И потому, воспоминанье наше объ Егоровѣ, собственно какъ о художникѣ, мы окончимъ по возможности полнымъ перечнемъ его работъ. Перечень этотъ былъ продиктованъ намъ нѣкогда самимъ Егоровымъ, и если вы гдѣ встрѣтите слова«не помню, гдѣ» — такъ это значитъ, что не помнилъ самъ художникъ; что̀ весьма естественно послѣ семидесятилѣтней дѣятельности и тысячи произведеній, которыя были плодомъ ея.

Вотъ этотъ перечень: «Сошествіе Св. Духа, и Рождество Божіей Матери», въ Казанскомъ Соборѣ; «Воскресенье Христово», «Саваоѳъ», въ Преображенской церкви; «Спаситель», «Божія Матерь», «Александръ Невскій», «Праведная Елисавета», «Св. Мученица Екатерина», «Воздвиженье честнаго креста», «Царскія двери», «Архангелъ Гавріилъ», «Архангелъ Михаилъ», въцеркви Таврическаго дворца; «Спаситель», «Божія Матерь», «Александръ Невскій», «Праведная Елисавета», «Царскія двери»,

«Благовѣщенье и Четыре Евангелиста», въ церкви Главной Конюшенной; «Святая Троица», въ церкви 2-го Кадетскаго Корпуса; «Спаситель», «Божія Матерь и запрестольный образъ» «Покровъ Божіей Матери», въ Академіи Художествъ; «Св. Троица», «Божія Матерь», «Архангелъ Гавріилъ», въ Троицкомъ Соборѣ; «Св. Татьяна», въ церкви Св. Великомученицы Екатерины; «Скорбящая Божія Матерь», въ Вознесенской церкви; «Спаситель», «Божія Матерь», въ Сенатской церкви; «Воскресеніе Христа», «Царскія двери, то есть, Благовѣщенье и Четыре Евангелиста», «Архангелъ Гавріилъ и Архангелъ Михаилъ», въ Петергофской церкви; «Положеніе во Гробъ», въ церкви Патріотическаго Общества; «Александръ Невскій», «Константинъ Великій», въ церкви Александровской мануфактуры; «Александръ Невскій», въ Красноярскѣ, гдѣ именно, непомню... «Спаситель», «Божія Матерь», «Двѣнадцать Пророковъ», «Двѣнадцать Апостоловъ», «Саваоѳъ», «Распятіе», въ Царскомъ Селѣ въ дворцовой церкви; «Спаситель», «Божія Матерь», запрестольный образъ «Св. Троицы», въ церкви Царскосельскаго Лицея; «четыре барельефа, изображающіе Благоденствіе міра», въ Императорской комнатѣ Царскосельскаго дворца; «Спаситель», «Божія Матерь», «Св. Екатерина», «Преображенье», «Царскія двери» «(Благовѣщенье» и «Четыре Евангелиста)», «Тайная вечеря», запрестольный образъ «Знаменье Божіей Матери», «Александръ Невскій», «Св. Спиридонъ», въ церкви имѣнія графа Аракчеева; «Четыре Евангелиста», въ Тифлисѣ, гдѣ—не помню; «Св. Петръ», «Св. Павелъ», «Св. Дороѳей», «Св. Фролъ», «Св. Лавръ», въ Новгородѣ, гдѣ—не помню... «Спаситель», «Божія Матерь», «Царскія двери», въ церкви Полторацкой въ Москвѣ; «Амуры играющіе съ Сатиромъ», у графа Бенкендорфа; «Воскресеніе Христа», у г. Масалова въ Москвѣ; «Избіеніе младенцевъ», у г. Величко; «Царскія двери», у князя Голицына; картина съ сюжетомъ, для котораго взятъ текстъ изъ Св. Писанія»: Смиряйся яко отроча, таковыхъ бо есть царствіе Божіе», у графа Каподистрія; «Купающаяся Вирсавія», у графа Милорадовича; «Св. Андрей Апостолъ», у графа Аракчеева; «Истязаніе Спасителя», «Симіонъ Богопріимецъ», «Св. Іеронимъ», «Анна Пророчица», «Іоаннъ Креститель въ пустынѣ», въ Академіи Художествъ; «Св. Семейство» и еще «Св. Семейство», въ Эрмитажѣ; картина на текстъ: «Таковыхъ бо есть царствіе Божіе», «Св. Павелъ и «Св. Петръ въ темницѣ», у Кусова; «Образъ Михаила и Гавріила», «Воскресеніе Христа», «Моленіе о чашѣ», «Адамъ и Ева», «Обрученіе Іосифа», «Пророкъ Даніилъ ворвѣ львиномъ», «Три граціи», «Аллегорія искусства», «Купающіяся Нимфы» и «Нимфа Аретуза», были въ мастерской покойнаго художника, но гдѣ теперь находятся, мнѣ неизвѣстно. Къ этому надо прибавить нѣсколько портретовъ и тысячи рисунковъ, хранившихся въ его портфеляхъ.

Вотъ что сдѣлалъ Егоровъ своимъ карандашемъ и кистью, а что сдѣлалъ вліяніемъ, совѣтами и наставительствомъ — слѣды видимы, но окончательные результаты еще впереди, потому-что второй періодъ исторической живописи, начатый Егоровомъ въ Россіи, еще продолжается, а подъ такимъ лучезарнымъ, блистательнымъ созвѣздіемъ, какое составляютъ Брюловъ, Басинъ, Завьяловъ, Марковъ, Шамшинъ, Молдавскій и многіе другіе, изъ которыхъ, вѣроятно, ни одинъ не отречется отъ своего учителя, помня, чѣмъ каждый изъ нихъ былъ обязанъ ему — надо ожидать....

— «Фу, батинька!» перебилъ бы покойный. «перестань чушь городить»... и разсказалъ бы разъ, какъ онъ затащилъ къ себѣ, въ мастерскую, рыжаго чухонца съ улицы съ ужасно глупой рожей и сталъ толковать ему объ изящномъ, и прибавилъ бы: «Ну, тутъ былъ Егоровъ съ чухной, а ты что? — съ чухной чухна... И, полно, батинька!»...

Любилъ покойный выкидывать подобныя шутки. Въ послѣднее время, онъ измѣнилъ квасникуи свелъ дружбу съ будочникомъ — тутъ же, у моста, и не проходило дня, чтобы изъ этой дружбы не выходило самой оригинальной шуточки. Довольно ужъ одного: представить себѣ Егорова, руки назадъ, растабарывающаго съ будочникомъ.

У всякого другаго, эта оригинальность была бы, можетъ быть, претензіею, у Егорова — потребностью. Онъ любилъ тереться въ черни, понималъ ее и умѣлъ толковать съ нею.

Не чуждъ онъ былъ и другихъ круговъ общества: бывалъ и въ высшемъ, но смотрѣлъ на нихъ тоже по-своему и сохранялъ при этомъ всегда свою самобытность, самыя малѣйшія свои привычки.

Зовутъ его обѣдать — онъ не прочь; но ужъ извините: все-таки пообѣдаетъ прежде дома, а потомъ, пожалуй, пріодѣнется, расчешется à la Marie Stuart, — коляску! и отправится къ графу Ш**, къ княгинѣ Г** — куда-угодно.

— Да чтожъ вы ничего не кушаете, Алексѣй Егоровичъ? — «Я обѣдаю въ три, а теперь пять, такъ ужъ до завтра»... И просидитъ за обѣдомъ, ни до чего не дотрогиваясь.

Среди самой неутомимой дѣятельности художественной, его хватало на все, на самыя малѣйшія даже мелочи по домашнему хозяйству. Интересенъ дневникъ, который онъ велъ съ незапамятныхъ временъ и куда записывалъ мельчайшія подробности своей жизни. Богатый матеріалъ для будущей, полной его біографіи, кладъ для того, кто ее пишетъ. Впрочемъ, кто какъ на что смотритъ.

Послѣднія минуты жизни Егорова были страдальческія. Крѣпкое тѣло не могло разстаться съ сильной душою. Впрочемъ, и въ послѣдніе дни, онъ все еще бодрствовалъ: какъ бы считая время, самъ заводилъ въ домѣ всѣ часы....

Послѣднее слово Егорова было: «догорѣла свѣча моя»....

Да, догорѣла!

Егоровъ умеръ 10 сентября, 1851 года.

П. Каменскій.

МЕМУАРЫ.

ЗАПИСКИ АВГУСТА ВИЛЬГЕЛЬМА ИФЛАНДА.

Поступая на театръ, я не размѣрилъ своихъ силъ и предстоявшихъ мнѣ трудностей, и вѣроятно изнемогъ бы подъ тяжестью трудностей, въ которыя вовлекала меня живость характера, необдуманность, неопытность и уныніе, еслибъ не нашелся благородный и великодушный человѣкъ, который съ истинно отеческою любовью поддержалъ артиста, оступавшагося во всей силѣ юности, и не направилъ меня на настоящій путь. Этотъ человѣкъ былъ Готлеръ Вѣчная благодарность его памяти! Слезы признательности, чувство благоговѣнія и искренней сыновней любви, вотъ священная дань, которую я присоединилъ бы къ вѣнку, которымъ желалъ бы украсить его надгробную урну! Ему обязанъ я всѣмъ, что̀ нравится во мнѣ какъ артистѣ, всѣмъ, что̀ составляетъ мое счастіе, какъ человѣка. Онъ направилъ мои стопы, остерегая меня съ неутомимымъ терпѣніемъ отъ ложныхъ путей и принимая меня съ безпримѣрнымъ снисхожденіемъ каждый разъ какъ я возвращался къ истинѣ. Великодушный человѣкъ! не знаю, былъ ли ты вполнѣ оцѣненъ при жизни, но знаю, что никогда вражда и недоброжелательство не входили въ твою душу, не смотря на преслѣдовавшую тебя несправедливость. Бренные останки твои покоятся въ могилѣ, и вмѣстѣ съ ними улеглись всѣ непріязненныя чувства. Отечество твое цѣнитъ и почитаетъ твой геній; онъ живъ еще въ твоихъ ученикахъ и будетъ жить вѣчно въ произведеніяхъ твоего творческаго ума. Часто, съ искреннею грустью вспоминаю я тебя, и слеза умиленія тѣснится на глаза при мысли о послѣднемъ пожатіи твоей руки, о твоемъ послѣднемъ, кроткомъ и любящемъ взорѣ.

Равенство лѣтъ, сходство характеровъ, одинаково веселыхъ и безпечныхъ; равная любовь къ искусству, сблизили меня съ Бейлемъ и Бекомъ. Мы были неразлучны, строго судили другъ друга, нерѣдко

между собою посмѣивались другъ надъ другомъ, откровенно осуждали взаимно свои промахи въ дикціи или въ жестахъ; когда-же одному изъ насъ случалось замѣтить у другаго движеніе или слово, особенно поражавшее истиною, мы съ восторгомъ обнимали счастливца. Никогда не забуду этого прекраснаго, этого блаженнаго времени!

Мы мало знали свѣтъ. Его законы и условія не причиняли намъ ни горя, ни досады. Наше искусство и его служители были всегдашнимъ предметомъ нашихъ бесѣдъ и споровъ. Тутъ каждый изъ насъ излагалъ свои сомнѣнія, свои мысли, и всѣ трое общими силами старались разрѣшить спорный вопросъ. Среди этихъ тихихъ радостей, среди наслажденій, почерпаемыхъ въ поэзіи, въ искусствѣ, въ созерцаніи природы и произведеній человѣческаго творчества, въ дружбѣ и беззаботной веселости, проводили мы очаровательные дни. Нерѣдко случалось намъ вставать среди ночи, чтобы возобновить любимую бесѣду; иногда, разгорячившись въ преніи, мы доходили до спора, даже до ссоры. Сосѣди считали насъ непримиримыми врагами; а черезъ полчаса слышали радостныя ура, которыми мы привѣтствовали удачное разрѣшеніе спорнаго пункта. Нерѣдко также, въ пылу разсужденія, мы отправлялись на зарѣ, безъ всякой цѣли и почти безсознательно, за городъ. Дорогою мы не смотрѣли на прохожихъ, которыхъ встрѣчали или обгоняли; не заботились о названіи деревень, черезъ которыя проходили; палило ли насъ солнце или дождь проникалъ до костей, намъ было все равно: мы шли себѣ спокойно на какую-нибудь гору или куда-нибудь въ лѣсъ. Тутъ мы отдыхали подъ деревомъ, купались въ ближайшемъ пруду; потомъ, отправлялись за своею скромною трапезою въ ближайшую хижину, или просто выкапывали себѣ обѣдъ въ сосѣднемъ огородѣ и готовили его въ золѣ. Когда наступала ночь, мы пускались опять въ путь, при лунномъ свѣтѣ, и возвращались домой такіе же веселые и довольные, какъ вышли. Люди насъ не понимали, но мы были счастливы, — можетъ быть, счастливѣйшія существа во всемъ герцогствѣ. Угрожающее, а иной разъ уже и настоящее истощеніе средствъ, какъ денегъ, такъ и вещей, могущихъ размѣняться на деньги, никогда не смущало и не огорчало насъ; это отличительная черта скитальческой нашей жизни; нерѣдко безденежье служило даже поводомъ къ празднику, на которомъ мы предавались самой шумной, самой безумной веселости. День, въ который наши соединенныя кассы пустѣли окончательно, былъ днемъ радости и пированія. Мы складывали послѣдніе остатки своего имущества, приглашали какого-нибудь пріятеля, не болѣе насъ богатаго, который также вносилъ посильную лепту на общую пользу. Кто-нибудь изъ насъ отправлялся впередъ, неся въ корзинкѣ наши скудныя надежды на обѣдъ

а вслѣдъ за нимъ и все общество съ ранняго утра пускалось въ путь къ Зибелебскому лѣсу, гдѣ мы располагались лагеремъ.

Никогда не забуду счастливыхъ дней, проведенныхъ въ этомъ лѣсу. Кромѣ насъ, никто почти не посѣщалъ этихъ мѣстъ. Мы обѣдали обыкновенно на берегу ручья, у самой опушки лѣса. Подъ нами разстилались плодородныя равнины, которыми такъ обильна эта богатая, прекрасная и благоденствующая страна. Вправо отъ насъ, былъ Зебергъ съ родовыми помѣстьями фамиліи Глейхенъ; влѣво, прелестный городъ Гота; а гора Брокенъ, сливая свою синеву съ сѣроголубыми облаками, составляла послѣдній планъ романтической картины.

Однажды мы спустились по полямъ и лощинамъ на другую сторону горы, и провели ночь въ Веймарѣ. Спать намъ не хотѣлось; мы отправились скитаться при лунномъ свѣтѣ и пришли къ колокольнѣ одной изъ ближайшихъ деревень. Унылый бой маятника башенныхъ часовъ погрузилъ насъ въ безмолвную думу. Впродолженіе нѣкотораго времени, никто изъ насъ не произнесъ ниодного слова. Наконецъ кто-то вздумалъ сравнить наше положеніе съ минутою, когда Гамлетъ ждетъ тѣни отца. Это замѣчаніе мгновенно настроило всѣ воображенія на Гамлетовскій ладъ; всѣ молчали; мы могли слышать свое дыханіе; всѣхъ насъ будто обдало какимъ-то могильнымъ холодомъ. Между-тѣмъ, часы на старинной колокольнѣ зашипѣли и начали бить Мы удалились одинъ за другимъ отъ башни и собрались въ нѣкоторомъ разстояніи отъ деревни. Жизнь, ея радости и цѣна, средства, которыми можно запечатлѣть въ памяти каждый ея мигъ, стали предметомъ нашей бесѣды, въ которой, среди большаго количества сантиментальности, мелькало немало мыслей очень справедливыхъ и дѣльныхъ.

На слѣдующій день, погода была превосходная, и мы опять провели весь день въ Зибелебскомъ лѣсу. Мы были тутъ совершенно у себя дома; читали, шутили, отдыхали; потомъ расходились въ разныя стороны, чтобы заучивать по-одиначкѣ свои роли и снова соединялись, чтобы выслушать ихъ взаимно.

Подъ вечеръ, нѣсколько человѣкъ пришли къ опушкѣ Зибелебскаго лѣса, поставили длинную скамью и удалились, не замѣтивъ насъ. Между тѣмъ какъ мы терялись въ догадкахъ о томъ, что могла значить эта скамья, увидѣли одного изъ сосѣднихъ пасторовъ. Онъ остановился въ изумленіи, безмолвенъ и неподвиженъ. Разбросанное тамъ и сямъ платье, шляпы, развѣшанныя по деревьямъ, нѣсколько человѣкъ въ небрежныхъ и безпорядочныхъ нарядахъ, съ жаромъ декламирующіе какія-то трагическія заклинанія, мудреная утварь, разставленная вокругъ большаго огня, все въ насъ показалось ему необычайнымъ. Мы выстроились

въ рядъ и смотрѣли на него съ такимъ-же удивленіемъ и недоумѣніемъ, какъ онъ на насъ. Обѣ стороны стояли безмолвно одна противъ другой. Между тѣмъ, жена и дочери пастора начали взбираться на гору. Онъ тотчасъ поворотилъ назадъ и еще издали далъ имъ знакъ, чтобъ онѣ отступали, а самъ съ безпокойствомъ нагналъ ихъ и пошелъ за ними арріергардомъ, чтобы въ случаѣ нужды прикрыть ихъ отступленіе. Черезъ нѣсколько минутъ, тѣ же мужики, которые поставили скамью, пришли убрать ее, со страхомъ и съ недовѣріемъ поглядывая въ нашу сторону. Очевидно было, что почтенный пасторъ съ своимъ семействомъ намѣревался насладиться красотами природы, но что мы напугали его своею наружностью и своими движеніями; чего добраго, онъ можетъ быть принялъ насъ за лиходѣевъ, собравшихся на совѣщаніе. Мы очень смѣялись этому эпизоду и продолжали свое дѣло. Съ трудомъ взобрались мы на деревья, нарѣзали сухихъ сучьевъ, чтобъ поддержать огонь, долженствовавшій защитить насъ отъ свѣжести вечерняго воздуха; съ радостными криками и пѣснями притащили свою добычу на назначенное мѣсто, сложили ее въ костеръ, и скоро яркое пламя закрутилось въ воздухѣ.

Никто изъ насъ не подозрѣвалъ, что мы были въ этомъ мѣстѣ въ послѣдній разъ. День заключился очень торжественно. Порядкомъ уставъ отъ цѣлаго дня кочеванья и отъ прогулки на Зебергъ, мы расположились для отдыха около огня. Долго сидѣли мы, любуясь прекраснымъ мѣстоположеніемъ и наслаждаясь чуднымъ вечеромъ. Одинъ припоминалъ какой-нибудь эпизодъ изъ своей прошедшей жизни; другой разсказывалъ анекдотъ объ Эрнстѣ-Благочестивомъ, третій — какую-нибудь сказку о Грименштейнѣ. Потомъ, мы прочитали тираду изъ Виланда; наконецъ, послѣ разнообразной бесѣды, прерываемой по временамъ безмолвнымъ созерцаніемъ и размышленіемъ, перешли мы къ разсужденіямъ о своей будущности, о будущемъ вообще, о безсмертіи души, и все заключилось взаимными клятвами въ дружбѣ, долженствующей соединить наши души и за гробомъ.

Къ ночи, мы отправились назадъ въ Готу, и во всю дорогу разсуждали о такихъ важныхъ предметахъ. Этотъ день былъ, такъ сказать, прощальнымъ праздникомъ, который мы, сами того не подозрѣвая, давали этимъ мѣстамъ; никому изъ насъ не было суждено увидѣть ихъ послѣ того.

Тутъ долженъ я разсказать забавное приключеніе, случившееся съ нами около этого времени. Ночная сцена передъ колокольнею близъ Веймара произвела на насъ сильное впечатлѣніе. Намъ показалось, что бой часоваго маятника могъ бы произвести большой эфектъ на театрѣ, въ

той сценѣ, когда Гамлетъ, на кладбищѣ, ждетъ тѣни отца. Мы сообщили нашу мысль машинисту. Онъ ли насъ плохо понялъ, хотя былъ человѣкъ смышленый и зналъ свое дѣло, или скорѣе примѣшался нелегкій, чтобъ подшутить надъ нами, ужъ не могу сказать положительно.

Вскорѣ послѣ того давали «*Гамлета*». Гамлетъ останавливается, объятый ужасомъ, передъ приближающеюся тѣнью. Экгофъ, тѣнь, выходитъ на сцену; Гамлетъ содрогается передъ таинствами замогильнаго міра. Тѣнь начинаетъ говорить.... вдругъ за кулисами раздается непріятный, однообразный стукъ, а публика принимается хохотать. Гамлетъ гнѣвно оборачивается назадъ. Тѣнь также смотритъ за другую кулису и ругается про-себя изо всей мочи. Машинистъ, ничего не зная и не подозрѣвая, продолжаетъ мѣрно и однообразно бить желѣзной колотушкой по двумъ деревяннымъ дощечкамъ, желая изобразить бой часоваго маятника на кладбищѣ. Хохотъ и шумъ между зрителями усиливаются, и вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ бѣшенство Гамлета и тѣни. Актеры, статисты, служители грозно приступаютъ къ машинисту съ вопросомъ, что значитъ эта адская стукотня. Машинистъ съ самодовольствомъ отвѣчаетъ, что это новое изобрѣтеніе, бой часоваго маятника, что оно должно произвести отличный эфектъ.

Однако, узнавъ о враждебномъ чувствѣ, которое его новое изобрѣтеніе возбудило въ Гамлетѣ и въ тѣни, и о хохотѣ публики, онъ догадался, какая гроза готовилась ему послѣ перваго дѣйствія и сталъ защищаться; но, въ жару пренія, не покинулъ своей колотушки и продолжалъ бить ею по доскамъ все сильнѣе и чаще. Суматоха дошла до послѣднихъ предѣловъ. Сами даже тѣ, которые пришли усовѣщивать машиниста, не могли удержаться отъ хохота и несчастный изобрѣтатель, растерявшись, выдалъ насъ, какъ подавшихъ ему эту предательскую мысль; и по мѣрѣ того, какъ онъ разгорячался, колотушка все сильнѣе и сильнѣе и чаще выбивала дробь на деревяшкахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ усиливался и общій хохотъ. Тѣнь сошла со сцены и излила свой гнѣвъ въ такихъ земныхъ выраженіяхъ, что машинистъ, схвативъ подъ мышку свой снарядъ, а съ нимъ и несчастные податели такой блистательной мысли, пустились бѣжать со всѣхъ ногъ.

По окончаніи перваго дѣйствія, Гамлетъ и тѣнь въ одинъ голосъ произнесли грозный приговоръ надъ бѣглецами; но вскорѣ затѣмъ, они сами перессорились: Гамлетъ ужасно вознегодовалъ на тѣнь, зато-что она имѣла несчастіе кашлянуть на сценѣ, что, по его мнѣнію, было едва ли не хуже еще дивнаго изобрѣтенія машиниста. Экгофъ, игравшій тѣнь, отвѣчалъ на это, что если тѣнь можетъ говорить, то почему-же не позволяется ей кашлять?

Готскій театръ, въ тогдашнемъ своемъ устройствѣ, имѣлъ весьма ограниченный составъ; мало-по-малу изъ него выбыло нѣсколько даровитыхъ или любимыхъ публикою артистовъ; наконецъ, со смертью Экгофа, въ іюнѣ 1778 года, онъ утратилъ не только все свое существенное достоинство, но и всю свою славу и весь свой блескъ. Дирекція не старалась слѣдить за движеніемъ вѣка, и репертуаръ скоро устарѣлъ, сталъ однообразенъ и скученъ. Я полагаю, что это было главною причиною, побудившею владѣтельнаго герцога, осенью 1779 года, неожиданно распустить труппу. Театръ обходился ему очень недорого, не причинялъ никакихъ хлопотъ, и пользовался добрымъ расположеніемъ публики; такъ что нельзя предполагать въ этомъ рѣшеніи никакой другой причины. Впрочемъ, мнѣ очень понятно, что герцогъ, отлично понимавшій драматическое искусство, не находилъ удовольствія въ театрѣ, падавшемъ со дня на день, и что ему не хватило терпѣнія ожидать его улучшенія, для котораго, разумѣется, потребовалось-бы много времени и значительныхъ издержекъ.

И такъ, въ сентябрѣ 1779 года, готскій придворный театръ былъ закрытъ и труппа распущена. Публика съ прискорбіемъ простилась со зрѣлищемъ, доставлявшимъ ей столько удовольствія; а актеры разстались съ этою благосклонною публикою съ чувствомъ благодарности и сожалѣнія.

Покидая готскій театръ и собираясь вступить на мангеймскій, въ другой періодъ моего артистическаго поприща, я попрошу позволенія сказать нѣсколько словъ о нѣмецкихъ актерахъ, старыхъ и новыхъ.

Встарину актеры, безспорно, прилагали болѣе старанія, чѣмъ нынче, къ точному выполненію ролей; отъ этого и роли у нихъ, по большей части, выходили гораздо интереснѣе. Въ пьесахъ, которыя они играли, было менѣе движенія, менѣе дѣйствія; характеры были, такъ сказать, разведены во всемъ разговорѣ, а не сосредоточивались въ нѣсколькихъ яркихъ чертахъ. Это принуждало актеровъ, если они желали занимать публику, не довольствоваться однимъ чтеніемъ своихъ длинныхъ рѣчей, а стремиться къ представленію истиннаго, живаго человѣческаго образа, стараясь разлить жизнь по всей роли. Однако партеръ захотѣлъ наконецъ, чтобы его увлекали занимательнымъ дѣйствіемъ, за которымъ онъ былъ-бы принужденъ слѣдить во всѣхъ его излучинахъ. Мало по малу поэты и актеры принуждены были сообразоваться со вкусомъ публики, и стараться завлекать любопытство искуснымъ веденіемъ дѣйствія. Для этого необходимо было сохранять, по-крайней-мѣрѣ въ двухъ первыхъ дѣйствіяхъ, нѣкоторое спокойствіе; съ тѣмъ однако, чтобы это спокойствіе не переходило въ вялость и скуку, чтобы оно оживля-

лось тѣми изящными пустячками, которыми характеризуются дѣйствительная жизнь и свѣтскій тонъ. Задача была не изъ самыхъ легкихъ.

Уже Экгофъ опасался послѣдствій представленія шекспировыхъ пьесъ на нѣмецкомъ театрѣ. «Не то, чтобы онѣ не производили на меня сильнаго впечатлѣнія, говорилъ онъ мнѣ однажды, или чтобы я не находилъ удовольствія въ воспроизведеніи этихъ энергическихъ характеровъ, которые онъ очерчиваетъ съ такою силою; но я боюсь, что онѣ пріучатъ публику къ слишкомъ сочной пищѣ, и совершенно погубятъ нашихъ актеровъ. Когда актеру предстоитъ произносить могучія и глубокомысленныя изреченія Шекспира, ему почти нечего дѣлать, какъ только читать ихъ съ толкомъ. Подъ эгидою энтузіазма, возбуждаемаго Шекспиромъ, все актеру становится нипочемъ: скоро онъ привыкнетъ все себѣ позволять и пренебрегать всѣмъ.» Таково было мнѣніе Экгофа, и, къ сожалѣнію, оно отчасти основательно. Сколько разъ видали мы, что выраженіе замѣнялось криками, сила угловатостью, естественность грубостью, оригинальность презрѣніемъ всѣхъ приличій.

Нынѣшніе наши театры не могутъ ужъ играть пьесъ Мариво и Детуша, которыя игрались лѣтъ за двадцать пять на театрахъ Акермана и Зейлера. Какъ пріятны были почтительное вниманіе, тонкая вѣжливость, которыя прежде соблюдались на театрѣ передъ женщинами! Нынче поэты, а еще болѣе актеры, обращаются съ ними неучтиво, даже грубо: едва смотрятъ на нихъ со стороны, и даже не посторонятся передъ ними, когда онѣ переходятъ на другое мѣсто. Нынче актеръ одѣвается, выходитъ на сцену, читаетъ свою роль, какъ затверженный урокъ; входятъ его родные или постороннія лица, онъ и не смотритъ; ждетъ своей эфектной сцены, и все сходитъ подъ видомъ силы, энергіи.

Надѣюсь, что никто не припишетъ мнѣ безразсудной мысли, будто не слѣдуетъ играть ниодного произведенія Шекспира. Но отъ того, что долго играли исключительно драмы шекспировы и въ шекспировскомъ родѣ, и рыцарскія пьесы, произошло то, что и публика и актеры совершенно разучились видѣть и исполнять вѣрныя, истинныя изображенія человѣческой природы, пьесы, представляющія уму и сердцу истинный интересъ, не смотря на отсутствіе сильныхъ порывовъ страсти и душевныхъ бурь. Одна только отрасль драматическаго искусства выиграла отъ этой новой системы: высокая комедія. Эти роли исполняются различными актерами уже не на одинъ, общепринятый покрой, какъ бывало прежде, а съ замѣчательною самостоятельностію и истиною.

Этимъ также уничтожился какой-то духъ цѣховой зависти, преобладавшій прежде между актерами, даже въ ихъ частной жизни, и особенно въ сношеніяхъ стариковъ съ новичками. Въ началѣ нашего поприща,

явилось намъ это страшилище, странная смѣсь гордости и необузданной склонности къ интригамъ. Оно донынѣ еще не совсѣмъ перевелось, и причиняло не одному молодому артисту много страха и горя. Мы были исполнены глубокаго уваженія къ таланту, и если эта слабость, эта неумѣстная трагическая надутость, это самолюбіе и тщеславіе въ личныхъ сношеніяхъ проявлялись въ человѣкѣ даровитомъ, мы готовы были смотрѣть на нихъ сквозь пальцы; но въ актерѣ бездарномъ, онѣ тотчасъ дѣлались предметомъ нашихъ насмѣшекъ и жестокихъ преслѣдованій. Съ теченіемъ времени, однако, разсудокъ взялъ верхъ: общій тонъ въ обращеніи измѣнился и многіе уже сами не понимали, какъ могли они прежде обижаться тѣмъ, что должно-бы казаться имъ только смѣшнымъ.

Старательнымъ, хотя не всегда вѣрнымъ подражаніемъ Экгофу, какъ въ томъ, что было дѣйствительно достойно подражанія въ его талантѣ, такъ и въ недостаткахъ, которые публика привыкла столько времени видѣть въ сочетаніи съ его достоинствами, я поддерживалъ, по смерти этого великаго артиста, воспоминаніе о немъ, еще живо сохранявшееся въ памяти видѣвшихъ его, и тѣмъ самъ стяжалъ ихъ благосклонность. Это было мнѣ тѣмъ легче, что я долженъ былъ посвятить себя старинной высокой комедіи.

Какъ скоро заговорили о закрытіи готскаго театра, я тотчасъ отказался отъ своего ложнаго направленія, стараясь по возможности создать себѣ самостоятельную манеру, которую я могъ бы сохранить и на другомъ театрѣ.

Недѣли черезъ двѣ по закрытіи театра, баронъ фонъ-Дальбергъ писалъ изъ Мангейма къ супругѣ готскаго министра фонъ-Лихтенштейна, предлагая, отъ имени пфальцскаго курфирста, ангажировать большую часть изъ насъ, въ томъ числѣ и меня. Мнѣ не слишкомъ хотѣлось принять это предложеніе. Гамбургъ, Шрёдеръ, театръ того артиста, котораго дивный талантъ столько разъ обворожалъ меня, вотъ цѣль, къ которой стремились всѣ мои желанія. Я отказался наотрѣзъ. Баронъ фонъ-Дальбергъ прислалъ въ Мангеймъ повѣреннаго для заключенія формальныхъ контрактовъ. Бейль и Бекъ подписали. Я одинъ уклонялся отъ предложеній, которы были возобновленыя съ настояніемъ. Мнѣ казалось неблагодарностью не посвятить своихъ способностей гамбургскому театру, на который я могъ смотрѣть какъ на первую свою школу. Непредвидѣнное обстоятельство побудило меня перемѣнить свое рѣшеніе.

Мы отправились однажды втроемъ прогуляться въ Эйзенахъ, и завернули въ Вартбургъ, старинный замокъ на горѣ, славящійся своимъ великолѣпнымъ мѣстоположеніемъ. Былъ чудесный весенній день. На-

пившись кофе, мы пошли осматривать замокъ, и долго бродили среди его старинныхъ стѣнъ, предаваясь ощущеніямъ, которыя должно было возбудить такое новое для насъ зрѣлище. Наконецъ мы сѣли отдохнуть на балконѣ; солнце бросало кроткіе, косвенные лучи на рощу, бывшую у нашихъ ногъ, и на франкфуртскую почтовую дорогу. Картина дивная, невольно клонившая къ раздумью. Я молчалъ; но тѣмъ живѣе, казалось, разговаривали мои спутники; они разсуждали о предстоявшей имъ поѣздкѣ въ Мангеймъ. — «Скоро, говорили они, и мы поѣдемъ по этой дорогѣ, что̀ извивается тамъ змѣйкою; скоро и намъ придется привѣтствовать Рейнъ.»

И такъ, думалъ я, я одинъ поѣду черезъ Гейльгенштадтъ, Дингельштадтъ, Люнебургскія равнины, къ Эльбѣ, на берегахъ которой не увижу уже роскошныхъ виноградниковъ. Тутъ мыслямъ моимъ представились скалы, такъ прекрасно вдохновившія Виланда. Я вспомнилъ клятвы въ вѣчной дружбѣ, которыми мы помѣнялись въ Зибелебскомъ лѣсу ... посмотрѣлъ на франкфуртскую до рогу, ... мы обнялись, и о моемъ отъѣздѣ въ Гамбургъ не было уже помина. Я рѣшился ѣхать въ Мангеймъ и на слѣдующій же день подписалъ контрактъ. Съ этой минуты, мы ужъ только и думали, что объ отъѣздѣ. Мы уже мысленно носились по волнамъ широкаго и величественнаго Рейна, отдыхали на его берегехъ подъ тѣнью роскошныхъ виноградниковъ, взбирались къ его древнимъ, рыцарскимъ замкамъ. Въ этихъ сладостныхъ мечтахъ, въ этихъ гаданіяхъ будущихъ удовольствій, прошла бо̀льшая часть года.

До наступленія срока отъѣзда, я рѣшился навѣстить отца; это было первое наше свиданіе съ тѣхъ поръ, какъ я самовольно избралъ драматическое поприще. Этотъ тяжелый и вмѣстѣ торжественный и радостный день до настоящаго времени живъ въ моей памяти! Отцовское благословеніе напутствовало мнѣ въ Мангеймъ.

По мѣрѣ приближенія сентября, намъ становилось страшнѣе при мысли о будущности, готовившейся намъ въ Мангеймѣ. Мы радовались заранѣе, что будемъ жить въ городѣ, издавна славящемся своею любовью къ изящнымъ искусствамъ; но какъ курфирстъ долгое время держалъ отличный французскій театръ, кромѣ превосходной итальянской оперы, и какъ Мангеймъ находится почти на границѣ Франціи, мы боялись, чтобы отъ насъ не стали требовать болѣе щегольства и ловкости въ игрѣ, чѣмъ истины. Правда, мы были на столько увѣрены въ себѣ, чтобы не бояться довести истину до излишней рѣзкости; но чувствовали, что въ насъ не доставало краснорѣчія жестовъ и тѣ-

лодвиженій, и что мы должны были много терять въ глазахъ публики, которая стала бы судить насъ преимущественно съ этой точки зрѣнія.

Помню, что мы съ Бейлемъ часто забавлялись въ своей комнатѣ, разыгрывая разныя роли въ напыщенномъ французскомъ стилѣ. Однажды, гуляя ночью по готскому рынку, мы разыграли такимъ образомъ всю сцену ссоры Гребинга съ Биллербекомъ, въ »Geschwind, eh'es jemand erfährt». Но мы оба оказались чрезвычайно неловкими, и насмѣявшись вдоволь другъ надъ другомъ, рѣшились остаться при своей манерѣ и показать себя въ Мангеймѣ тѣмъ, чѣмъ всегда были.

Такъ какъ намъ слѣдовало играть передъ курфирстомъ и отъ него должны были зависѣть наша слава и наша судьба, то мы хотѣли добыть его портретъ, чтобы по физіономіи его судить о впечатлѣніи, которое долженствовала произвести на него наша игра. Мы наконецъ отыскали портретъ у одного продавца эстамповъ на базарѣ: физіономія его обнадежила насъ; мы разсматривали портретъ съ такимъ же вниманіемъ, съ какимъ женихъ долженъ разсматривать портретъ невѣсты, которой онъ не видалъ и не знаетъ.

Проѣздъ изъ Готы въ Мангеймъ былъ веселъ и шуменъ. Переправа черезъ Рейнъ, у Опенгейма, привела насъ въ восторгъ. Когда паромъ сталъ удаляться отъ берега, мы привѣтствовали славную рѣку радостными пѣснями. Но едва мы вышли на другой берегъ, мнѣ стало грустно и тяжело; мнѣ казалось, будто переступивъ за Рейнъ, я вышелъ изъ родной Германіи; я сильнѣе почувствовалъ разлуку съ родными и со всѣми милыми моему сердцу; словомъ, я будто прощался съ отчизною. А могъ ли кто подозрѣвать въ эту минуту, что въ скоромъ времени мы дѣйствительно должны были очутиться на чужой землѣ? Во всю остальную дорогу, грусть не покидала меня почти ни на минуту; даже шутки моихъ спутниковъ не могли развеселить меня, когда мы остановились въ Вормсѣ, послѣдней станціи передъ Мангеймомъ.

Мы въѣхали въ Мангеймъ въ воскресенье утромъ, въ проливной дождь; погода была холодная и мрачная; на улицахъ не видать почти ни души, потому-что большая часть жителей были въ церкви. Городъ показался мнѣ пустъ, унылъ, некрасивъ, и я взялъ первую квартиру, которая мнѣ попалась. Я былъ одинъ, безъ проводника, безъ знакомыхъ. Мысли, одна другой мрачнѣе и печальнѣе, томили мою душу; я не видѣлъ ниодного мѣстечка, гдѣ, казалось, можно бы пожелать поставить свою избушку.

Слѣдующій день былъ день базарный. Шумъ, бѣготня и говоръ по всѣмъ улицамъ, большое собраніе въ воксалѣ, гдѣ вся публика нови

димому веселилась отъ души, музыка и пѣсни, повсюду раздававшіяся вокругъ меня, въ городѣ и за городомъ, все это произвело на меня радостное впечатлѣніе и разогнало мою тоску.

Открытіе театра было назначено въ скоромъ времени, въ присутствіи курфирста. Баронъ фонъ-Дальбергъ, интендантъ придворныхъ театровъ, созвалъ къ себѣ всѣхъ, съ кѣмъ онъ желалъ посовѣтоваться: тутъ были, между прочими, баронъ Отто фонъ-Гемингенъ, финанцъратъ Шванъ, который впродолженіе своей службы въ Пфальцѣ оказалъ большія услуги нѣмецкой литературѣ, и директоръ театра, Зейлеръ. Каждый долженъ былъ, въ этомъ собраніи, представить свои желанія и надежды, которая дирекція поставила себѣ долгомъ не только удовлетворить, но даже по возможности предупредить.

Рѣшено было, чтобы первыми явились тѣ изъ насъ, которыхъ талантъ, еще не вполнѣ развившійся, нужно было поощрить первыми изъявленіями благосклонности. Поэтому, положено было открыть курфирстскій національный театръ комедіею Бека «Geschwind, eh' es Jemand erfährt», заимствованною изъ Гольдони.

Въ ожиданіи этого представленія, мы посѣтили многочисленныя и великолѣпныя учрежденія, которыя щедрая рука курфирста Карла-Ѳеодора посвятила наукамъ и искусствамъ. Хотя при восшествіи своемъ на престолъ, онъ нашелъ многія учрежденія въ самомъ бѣдственномъ состояніи и хотя подъ конецъ его долголѣтняго царствованія многія изъ нихъ опять пришли въ разрушеніе, однако еще сохранилось достаточное число учрежденій этого государя, о которомъ я не могу вспоминать безъ благодарности и умиленія. Любитель искусствъ повсюду видитъ его слѣды, и можетъ по его дѣйствіямъ судить о его прекрасныхъ стремленіяхъ. Потомство никогда не забудетъ его имени: освободясь отъ преходящаго вліянія времени, узнаетъ, что принадлежитъ его царствованію и что нѣтъ, поймете, чего онъ хотѣлъ, и какія преграды во многихъ случаяхъ встрѣчала его воля. Тогда имя курфирста Карла-Ѳеодора займетъ заслуженное имъ мѣсто. Изъ всѣхъ сколько-нибудь замѣчательныхъ германскихъ государей, онъ первый, еще за долго до этого времени, сталъ поощрять нѣмецкую литературу, и оказывать ей должное уваженіе. Онъ, по собственному побужденію, искалъ сближенія съ нѣмецкими поэтами; нѣкоторые изъ нихъ встрѣтили его попытки такою холодностью, что нельзя не дивиться настойчивому характеру этого умнаго и благомыслящаго государя. Онъ же первый изъ нѣмецкихъ владѣтелей отказался отъ французскаго театра и замѣнилъ его нѣмецкимъ. При немъ же была впервые играна въ Мангеймѣ большая нѣмецкая опера, въ 1775 году; и потомъ въ праздниства 1776 и

1777 годовъ. Нельзя не признать благотворности цѣли, которую онъ имѣлъ въ виду при основаніи въ Мангеймѣ нѣмецкаго общества.

Заботясь о столько же матеріяльномъ благостояніи подданныхъ, какъ и объ успѣхахъ искусства, онъ оказалъ огромную услугу торговлѣ устройствомъ отъ Рейна къ Франкенталю сооруженія, достойнаго временъ римскаго зодчества.

Но я забываю, что обѣщалъ читателямъ не исторію этого великаго государя, а только краткій очеркъ моего драматическаго поприща. Бывъ великодушнымъ покровителемъ всѣхъ артистовъ, онъ въ нѣкоторыхъ встрѣтилъ одну холодность и неблагодарность; но гораздо большее число тѣхъ, которые съ признательностью сознавали все, чѣмъ ему одолжены.

Курфирстъ учредилъ и щедро содержалъ въ Мангеймѣ нѣмецкій театръ, не желая лишить этотъ городъ удовольствія, безъ котораго ему трудно было обойдтись, послѣ того какъ придворный театръ и капелла были переведены въ Мюнхенъ. При учрежденіи его, имѣлъ онъ также въ виду пріѣзжихъ, желая этимъ средствомъ содѣйствовать благосостоянію и промышленности города.

Первое представленіе было назначено. Мы къ нему почти не готовились: будучи заранѣе увѣрены, что не понравимся и что нашъ дебютъ будетъ самымъ жалкимъ; мы явились передъ публикою безъ страха, даже весело; и это именно, можетъ быть, придало намъ нѣчто оригинальное. Однако простота и естественность нашей игры понравились и курфирсту и публикѣ, которые доказали намъ свое расположеніе живыми и все возраставшими изъявленіями удовольствія. Этотъ пріемъ ободрилъ насъ и въ короткое время, почти мгновенно, развилъ въ насъ способности и средства, которыхъ мы не подозрѣвали въ себѣ. Наша ревность къ искусству и любовь къ нашему званію усиливались съ каждымъ днемъ. До того времени, интендантъ курфирстскихъ театровъ пользовался огромнымъ жалованьемъ. Баронъ фонъ-Дальбергъ отказался отъ него, внесъ даже деньги за свою ложу и принялъ эту тягостную и хлопотливую должность изъ одной безкорыстной любви къ искусству. Онъ принималъ живое участіе во всемъ, что касалось драматическаго искусства и артистовъ, и неутомимая, просвѣщенная заботливость его распространялась даже на самыя мелкія подробности. При такомъ начальникѣ, театръ необходимо долженъ былъ быстро идти къ совершенству.

Зейлеръ былъ назначенъ директоромъ. Его опытность и знаніе дѣла, съ помощью которыхъ онъ исправилъ недостатки и развилъ таланты многихъ замѣчательныхъ артистовъ, его пламенная любовь къ искусству,

для котораго никакая жертва не была ему слишкомъ тяжела, все это дѣлало его вполнѣ достойнымъ такого выбора. Вскорѣ по назначеніи его, всѣ мы были уже многимъ обязаны его совѣтамъ и критическимъ замѣчаніямъ, въ которыхъ онъ отличался столько же глубиною мыслей и чистотою вкуса, какъ и умѣньемъ предлагать ихъ, не обижая ничьего самолюбія. Мѣсто его было всегда между авансценою и первою кулисою; пока онъ оставался тутъ, присутствіе его было для насъ одобреніемъ, поощреніемъ и наградою; если же онъ клалъ лорнетъ въ карманъ, это было уже знакомъ неудовольствія; строже наказать онъ не могъ, какъ покинувъ свое обыкновенное мѣсто. Часы, которые мы проводили въ его обществѣ, были изъ числа самыхъ пріятныхъ въ нашей жизни; тутъ онъ становился веселъ, беззаботенъ и радушенъ какъ юноша.

Драматическій талантъ г–жи Зейлеръ былъ въ то время во всей силѣ своего развитія и производилъ всегда сильное впечатлѣніе на публику. Г–жа Брандесъ *, съ своей стороны, увлекала зрителей своимъ глубокимъ, прямо изъ души изливавшимся чувствомъ: роль Аріадны была ея торжествомъ, какъ для Зейлеръ — роль Медеи. Соперничество и несогласія этихъ двухъ артистокъ, которыя однако отдавали взаимно полную справедливость своимъ талантамъ, раздѣляли публику на двѣ партіи. Впрочемъ, это различіе мнѣній никогда не порождало непріятныхъ сценъ въ театрѣ. Публика признавала и уважала дарованія обѣихъ соперницъ; но такое равенство въ глазахъ публики подавало, можетъ быть, новую причину къ раздорамъ и непріязни между семействами той и другой.

Госпожа Зейлеръ принуждена была исполнять иногда невыгодныя для нея роли, между тѣмъ какъ г–жа Брандесъ, занимая амплуа первыхъ любовницъ, была избавлена отъ этого; сверхъ того, многіе ревностные почитатели таланта послѣдней думали, что не могли лучше изъявить свое почтеніе къ ней и къ ея дочери, прелестной Минѣ, какъ объявивъ себя противниками достойной ея соперницы. Вслѣдствіе этого, партія г–жи Брандесъ, безъ всякихъ происковъ или интригъ съ ея стороны или со стороны ея мужа, умножалась и усиливалась съ каждымъ днемъ, къ крайней невыгодѣ г–жи Зейлеръ, которая имѣла полное право обижаться такою несправедливостью. Эти раздоры причиняли много непріятностей дирекціи, и кончились тѣмъ, что Брандесы, получивъ выгодныя предложенія отъ другаго театра, приняли ихъ и покинули Мангеймъ. Между тѣмъ значительная часть публики, не зная настоящаго положенія дѣла, приписала ихъ отъѣздъ неуживчивости и происками

* Жена Христіана Брандеса, котораго записки были помѣщены въ «Пантеонѣ» 1849.

Зейлеровъ. Это еще усилило общее нерасположеніе къ нимъ, особенно же къ самому Зейлеру; дѣло было тѣмъ естественнѣе, что онъ не имѣлъ съ мангеймскимъ обществомъ тѣхъ частыхъ и дружескихъ сношеній ,которыя могли бы познакомить публику съ его характеромъ и съ обстоятельствами дѣла.

Вскорѣ все вниманіе публики обратилось на нѣкую г–жу Тоскани. Зейлеръ дозволилъ себѣ однажды, на репетиціи, сдѣлать ей какое–то замѣчаніе, очень кроткое и вѣжливое; артистка, хотя ученица г–жи Зейлеръ и почти ей одной обязанная своимъ небольшимъ талантомъ, до того забыла долгъ благодарности къ своимъ благодѣтелямъ, и въ противность театральному уставу, отвѣчала такъ дерзко, такимъ ироническимъ и презрительнымъ тономъ, что Зейлеръ, отъ природы горячій и вспыльчивый, забылся въ свою очередь и отвѣчалъ на дерзость пощечиною. Это происшествіе очень огорчило барона фонъ Дальберга, который искренно уважалъ и любилъ Зейлера.

По повелѣнію курфирста, былъ созванъ комитетъ, составленный изъ совѣтниковъ курфиршества. Комитетъ выслушалъ свидѣтелей, произвелъ слѣдствіе и постановилъ рѣшеніе: въ силу театральнаго устава, Зейлеры были отставлены отъ театра за буйное поведеніе, а Тоскани, за нарушеніе должнаго повиновенія директору, приговорена къ вычету одной недѣли жалованья, въ видѣ штрафа. Рѣшеніе было утверждено министромъ, фонъ Оберндорфомъ; оно было совершенно согласно съ буквою закона.

За четыре года передъ тѣмъ, Зейлеръ былъ вызванъ изъ Дрездена въ Мангеймъ съ своею труппою; для этого онъ принужденъ былъ уничтожить свой контрактъ съ Дрезденомъ. Но въ ту минуту, какъ онъ собирался уже въ путь съ труппою, получилъ онъ письмо изъ Мангейма, въ которомъ ему писали, что контрактъ его уже недѣйствителенъ, потому–что составъ труппы былъ не тотъ, что во время переговоровъ. Въ контрактѣ, случай этотъ не былъ предусмотрѣнъ; не смотря на то однако, контрактъ его былъ уничтоженъ, и вмѣсто него приглашенъ Маршанъ съ своею труппою. Эта неожиданная перемѣна принудила его искать занятія и счастія въ Франкфуртѣ и причинила ему значительные убытки. Эти обстоятельства, конечно, давали ему право на нѣкоторое снисхожденіе, особенно когда его противница, которой неповиновеніе и дерзость были очевидны и доказаны показаніями свидѣтелей, была приговорена только къ денежному штрафу. Впрочемъ, не мое дѣло судить о справедливости приговора; представляю это совѣсти господъ членовъ комитета, которые сочли долгомъ, въ наказаніи Зейлера, соблюсти уставъ во всей строгости.

Не смотря на нерасположеніе публики къ Зейлеру, она судила дѣло иначе; и съ этого времени, встрѣчала г–жу Тоскани со всѣмъ равнодушіемъ и неуваженіемъ, которыхъ она заслуживала. Всѣми презираемая и ненавидимая, она черезъ годъ была отпущена, и избавила товарищей отъ своего общества, а публику отъ своего присутствія.

Когда мы прибыли въ Мангеймъ, многіе жители переѣхали уже съ семействами въ Мюнхенъ, куда курфирстъ перенесъ свою столицу; они не составляли однако и половины тѣхъ семействъ, которыя обязаны были слѣдовать за своимъ государемъ. Слѣдовательно, Мангеймъ былъ еще очень многолюденъ и оживленъ; а какъ съ давнихъ временъ множество иностранцевъ посѣщали этотъ великолѣпный городъ, и многіе изъ ближайшихъ владѣтельныхъ особъ имѣли въ немъ еще дома, и жили въ нихъ по временамъ, то случались дни, особенно въ бытность курфирста, когда Мангеймъ былъ веселъ, шуменъ и вполнѣ достоинъ своей прежней славы.

Но мало по малу, многія семейства переѣхали въ Мюнхенъ, и весь этотъ блескъ, все это движеніе исчезли. Къ началу 1781 года, городъ совершенно опустѣлъ; до четырехъ тысячъ человѣкъ переселились въ Мюнхенъ. Надежда на возвращеніе и постоянное пребываніе курфирстскаго двора, которою жители льстились до этого времени, совершенно рушилась. Уныніе налегло на весь городъ; многіе ремесленники, существовавшіе роскошью богатыхъ, прекратили работы или выселились; франкентальскія фабрики закрылись одна за другою. Многіе чиновники, служившіе при дворѣ, оставшись безъ мѣста, оттого–что не желали или средства не позволяли имъ слѣдовать за государемъ, принуждены были сократить свои издержки; всѣ должны были болѣе или менѣе ограничивать свои прихоти. Какъ курфирстская финансовая камера предписала различныя мѣры для уменьшенія расходовъ, а члены ея, въ частныхъ разговорахъ, намекали еще на другія мѣры, то скоро всѣ заговорили объ экономіи: одни потому-что дѣйствительно были въ нуждѣ, другіе для того, чтобы поддѣлаться подъ духъ времени, третьи наконецъ, потому-что экономія стала, такъ сказать, моднымъ словомъ. Уныніе и страхъ лишняго расхода овладѣли всѣми умами и стали противиться всѣмъ городскимъ удовольствіямъ.

Общее настроеніе умовъ нигдѣ не было такъ ощутительно, какъ въ театрѣ, который рѣшительно гибъ отъ него. Въ это время, столь непохожее на время нашихъ дебютовъ, положеніе наше было самое затруднительное; мы были въ ужасномъ безпокойствѣ. Однако мы не прекращали представленій; но давали ихъ безъ всякаго поощренія, безъ охоты, съ

унынiемъ въ душѣ, исполняя свое дѣло только какъ ежедневную, тяжкую и неблагодарную обязанность.

Не задолго до этого времени, въ 1780 году, одно неожиданное событiе произвело сильное ощущенiе; это было явленiе Шредера, завернувшаго въ Мангеймъ на обратномъ пути изъ Мюнхена и Вѣны. Весь городъ ждалъ его съ нетерпѣнiемъ и восторгомъ; но ничто не могло сравниться съ нашимъ и особенно съ моимъ желанiемъ видѣть его. Я былъ въ то время боленъ, и мнѣ запрещено было выходить изъ дому. Я завидовалъ счастью того, кто долженъ былъ увидѣть его первый. Онъ пришелъ самъ навѣстить меня. Я дрожалъ, почти не могъ говорить отъ восторга; не могу описать ощущенiя, которое проникло всю мою душу и пробѣжало по всѣмъ моимъ жиламъ при пожатiи его руки. Это былъ онъ, онъ самъ: тотъ, кому я столько разъ удивлялся, въ чьемъ театрѣ впервые зародилась и развилась во мнѣ любовь къ драматическому искусству; тотъ, по чьимъ слѣдамъ я хотѣлъ идти, и передъ кѣмъ я благоговѣлъ, какъ влюбленный передъ своею возлюбленною! Я могъ сказать: Шредеръ знаетъ меня, и самъ пришелъ навѣстить меня, пожать мнѣ руку! Я не помнилъ себя отъ радости, не могъ уснуть, не могъ думать ни о болѣзни, ни о докторскомъ запрещенiи; пошелъ къ нему, и почти не разставался съ нимъ, не спускалъ съ него глазъ!

Онъ явился во всей силѣ, во всей оригинальности, во всемъ совершенствѣ своего таланта. Никто никогда не видалъ подобнаго зрѣлища, не испытывалъ подобныхъ ощущенiй! я самъ не помню, чтобы видалъ его лучше, чѣмъ въ это время; чтобы онъ когда-нибудь производилъ на меня сильнѣйшее впечатлѣнiе! Не знаю, было-ли это слѣдствiемъ моего благоговѣнiя къ его таланту, но когда я игралъ съ нимъ, я могъ только читать свою роль, махать руками, выходить на сцену и сходить съ нея. Очень понятно, что онъ предпочиталъ мнѣ Бейля, который, не будучи удерживаемъ такими чувствами, могъ лучше меня пользоваться своими способностями и играть съ бо́льшимъ жаромъ и съ бо́льшею естественностiю. Явное предпочтенiе къ нему Шредера было всѣми одобрено; это огорчило меня, но нисколько не измѣнило моихъ чувствъ къ великому артисту. Кромѣ огорченiя показаться лишеннымъ всякого таланта передъ человѣкомъ, котораго одобренiе имѣло для меня такую цѣну, это обстоятельство отняло у меня на нѣкоторое время сознанiе своего достоинства, безъ котораго невозможно успѣвать въ искусствѣ.

Еще болѣе усилилось мое унынiе равнодушiемъ, которое публика оказывала намъ въ продолженiе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, по отъѣздѣ Шредера; дивный талантъ его слишкомъ поразилъ всѣ умы и оставилъ въ

нихъ слишкомъ неизгладимую память. Къ этому присоединились другія причины, показанныя мною выше, и наконецъ нерасположеніе къ нѣмецкому театру покойной курфирстины, которая оставалась съ своимъ дворомъ въ Мангеймѣ. По ея примѣру, и многіе другіе пренебрегали нѣмецкимъ театромъ, кто изъ угожденія, кто по убѣжденію. Во всю жизнь свою не припомню другого времени, когда мною овладѣвали-бы такое уныніе и такая тоска. Я даже рѣшился покинуть Мангеймъ, но не хотѣлъ приступать къ этой мѣрѣ безъ приготовленія. Я жилъ почти въ совершенномъ одиночествѣ, много читалъ, наблюдалъ слабости и достоинства людей, часто прогуливался въ самыхъ уединенныхъ мѣстахъ и наслаждался красотами природы, которыми такъ богатъ этотъ край.

Около этого времени, явилась, въ періодическомъ изданіи «Baiegische Beiträge», «Жизнь Энгельгофа», написанная Вестенридеромъ. Я прочелъ часть этого сочиненія; этотъ языкъ, эти понятія и чувства, эти характеры сильно поразили меня. Какою-то волшебною силою вырвало меня мгновенно изъ тяжкаго оцѣпенѣнія, овладѣвшаго мною. Я пригласилъ къ себѣ Бейля и Бека; мы заперлись въ комнатѣ, чтобы вмѣстѣ читать «Жизнь Энгельгофа», вмѣстѣ радовались и плакали. Это чтеніе пробудило въ насъ новыя, болѣе чистыя чувства, и мы просидѣли далеко за полночь, бесѣдуя объ испытанномъ нами удовольствіи. Съ этого дня рѣшились мы снова разучить всѣ свои старыя роли, и исполнять ихъ съ большимъ, противъ прежняго, рвеніемъ и стараніемъ; дали другъ другу слово не—позволять равнодушію и холодности публики охлаждать наше усердіе, не унывать отъ неудачъ, и, не огорчаясь осужденіями критиковъ, требующихъ какого-то совершенства, котораго сами они никогда не видали, и которое не согласовалось съ нашими понятіями объ истинномъ совершенствѣ, смотрѣть однако на публику, какъ на судью, заслуживающаго уваженія, и не жалѣть ни труда, ни усилій, чтобы угождать ей.

И мы сдержали слово: строго наблюдали за собою и другъ за другомъ, одобряли или осуждали другъ друга, взаимно помогали себѣ совѣтами; и наши усилія увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Всѣ наши товарищи послѣдовали нашему примѣру: театръ началъ быстро улучшаться, наша любовь къ искусству нашла сочувствіе въ публикѣ, и скоро для Мангеймскаго театра наступила самая блистательная его эпоха. Трудъ сталъ для меня удовольствіемъ, наслажденіемъ, я началъ находить счастіе только въ старательномъ изученіи и обдумываніи своихъ ролей. Въ это время, написалъ я нѣсколько статей о драматическомъ искусствѣ, которыя были напечатаны въ Rheinische Beiträge. Это предпріятіе было свыше моихъ силъ, и сознаніе этого оставило тягостное

впечатлѣніе въ моей душѣ. Я болѣе чувствовалъ, чѣмъ понималъ, не могъ приводить своихъ мыслей въ надлежащій порядокъ; мнѣ было больно не находить въ себѣ способности высказывать свои мысли, а между тѣмъ, я не могъ отдать себѣ полнаго отчета въ этомъ ощущеніи.

Въ 1781 году, была дана Виландова опера «*Альцеста*», съ музыкою Швейцера. Увертюра пробудила во мнѣ многія воспоминанія и дремавшія въ моей душѣ чувства. Я не могъ сидѣть спокойно въ своихъ креслахъ, и, не дождавшись конца представленія, поспѣшно вышелъ изъ театра и пустился ходить взадъ и впередъ по обширной площади, въ чудесный зимній вечеръ. Пріятное волненіе, овладѣвшее мною, усиливалось съ каждой минутой; оно давило мнѣ грудь, а между тѣмъ я ни за что въ мірѣ не отказался бы отъ этого ощущенія. Возвратившись домой, я написалъ нѣсколько писемъ къ роднымъ и къ друзьямъ, и эти письма были проникнуты чувствомъ, наполнявшимъ меня въ эту минуту. Этого, однако, было недостаточно, чтобы успокоить волненіе, такъ незапно и такъ странно овладѣвшее мною. Я тутъ же набросалъ на бумагу планъ драмы, и потомъ написалъ своего «*Альберта фонъ Турнейзена*». Первое представленіе этой пьесы было принято очень снисходительно и благосклонно. Видъ многочисленнаго собранія, съ шумомъ и восторгомъ выражавшаго сочувствіе и состраданіе, которыя внушали ему страданія человѣчества, доставилъ мнѣ невыразимое наслажденіе. Тутъ задумалъ я мало по малу представить на сценѣ нѣсколько трогательныхъ и интересныхъ положеній изъ простой, ежедневной жизни.

Около этого же времени, и Шредеръ, видя недостатокъ хорошихъ пьесъ на нѣмецкомъ театрѣ, принялся самъ сочинять пьесы или передѣлывать замѣчательныя произведенія иностранныя или устарѣлыя. «*Осада Боксберга*», драма Мейера, возбудило всеобщій восторгъ, какъ изображеніе подвиговъ курфирста Фридриха—Побѣдоноснаго. Другая пьеса того же автора, «*Фаустъ фонъ Штромбергъ*», представляла оригинальную и занимательную картину правосудія, нравовъ и обычаевъ былаго времени. При постановкѣ и выполненіи этой драмы, дирекція особенно старалась о сохраненіи временнаго и мѣстнаго колорита, которымъ пьеса проникнута.

Вскорѣ послѣ того, начали появляться геніяльныя произведенія Шиллера. Его «*Разбойники*» были играны въ первый разъ въ 1782 году. Баронъ фонъ Дальбергъ употребилъ все зависѣвшее отъ него стараніе, чтобы достойно почтить талантъ великаго поэта. Декораціи и костюмы отличались необыкновеннымъ великолѣпіемъ. Хотя Бекъ не постигъ совершенно всей высоты роли Карла Мора, однако нѣкоторыя сцены, особенно сцена съ Амаліею въ четвертомъ дѣйствіи и сцена подъ стѣ-

нами башни, были его торжествомъ. Какой-то пожирающій огонь обхватилъ всѣхъ, публику, актеровъ и даже фигурантовъ. Самъ поэтъ не могъ живѣе постигать выраженныя имъ чувства, чѣмъ они были переданы исполнителями. Для меня роль Франца Мора была предметомъ особеннаго изученія, и мнѣ кажется, что мнѣ удалось создать въ ней нѣсколько новыхъ и энергическихъ эфектовъ.

Дирекція превосходно умѣла поощрять всѣ начинающіе таланты. Баронъ фонъ-Дальбергъ съ силою возставалъ противъ всякаго духа монополіи въ искусствѣ. Артисту со способностями и трудолюбивому всегда было открыто обширное поле для состязанія. Въ то же время, баронъ умѣлъ уберечься и уберегать другихъ отъ безразсуднаго пристрастія къ новизнѣ, и оказывать должное уваженіе ветеранамъ сцены, развившимъ свои таланты многолѣтними трудами.

По удаленіи директора Зейлера, былъ учрежденъ комитетъ, составленный изъ актеровъ, подъ предсѣдательствомъ интенданта; послѣ, къ нему присоединенъ еще второй комитетъ, подчиненный первому, и возобновлявшійся въ своемъ составѣ черезъ каждые три мѣсяца. Актеръ Мейеръ былъ членомъ перваго, и сохранилъ эту должность до самой смерти, въ 1783 году. Это былъ трудолюбивый и ревностный артистъ, обладавшій довольно замѣчательнымъ талантомъ, и особенно свѣдущій въ управленіи театромъ и театральныхъ уставахъ; за то онъ и занимался этимъ черезъ-чуръ усердно, безъ всякой нужды обременялъ свою должность обязанностями совершенно лишними и безполезными.

Комитетъ, собиравшійся каждыя двѣ недѣли у интенданта театровъ, имѣлъ назначеніе болѣе высокое, чѣмъ завѣдываніе подробностями театральнаго управленія. Въ этихъ собраніяхъ, обсуживались улучшенія, которыя можно было сдѣлать въ устройствѣ театра, предлагались новыя пьесы, читались отчеты о пьесахъ, поступившихъ уже на разсмотрѣніе; интендантъ изъявлялъ свое удовольствіе или дѣлалъ замѣчанія актерамъ на-счетъ сколько-нибудь важныхъ представленій. Тутъ же опредѣлялась редакція предполагаемыхъ выговоровъ, жалобъ или проектовъ; каждый, не будучи даже членомъ комитета, могъ являться лично для защиты своихъ интересовъ. Потомъ, читались отвѣты на предложенные вопросы относительно драматическаго искусства, и предлагались новые вопросы. Наконецъ, собраніе расходилось, прочитавъ журналъ предыдущаго засѣданія. Интендантъ посылалъ каждому актеру, за своею подписью, разборъ и оцѣнку назначенной ему роли; впрочемъ, актеръ могъ предложить свои возраженія, которыя всегда были принимаемы съ благосклонностью и уважаемы, если признавались основательными.

Учрежденіе этого комитета принадлежитъ исключительно барону

фонъ Дальбергу, и нельзя не сознаться съ благодарностью, что онъ принесъ огромную пользу, давъ театру, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ, болѣе прочности и болѣе единообразное и сознательное направленіе. Всѣ сужденія его были подтверждаемы фактами и выводами, и въ нихъ никогда не было замѣтно ни пристрастія, ни предубѣжденія. Они ограждали насъ отъ пагубнаго вѣрованія въ одобреніе публики, какъ непогрѣшительную оцѣнку художественнаго достоинства. Баронъ фонъ Дальбергъ всегда лично присутствовалъ при репетиціяхъ новыхъ пьесъ, и почтеніе наше къ нему побуждало насъ соблюдать на репетиціяхъ строгое приличіе, которое предохраняло насъ и въ представленіяхъ отъ грубоватости въ пріемахъ и обращеніи; такимъ образомъ, пріобрѣтали мы тонъ хорошаго общества и изящество манеръ, которыя съ такимъ трудомъ даются актеру.

Засѣданія комитета продолжались безъ перерыва съ весны 1782 до сентября 1785 года, и четыре рукописныхъ фоліанта, хранящіеся въ архивѣ мангеймскаго театра, чрезвычайно занимательные по своему содержанію, свидѣтельствуютъ его трудолюбіе и неутомимую дѣятельность его предсѣдателя во всемъ, что могло имѣть благотворное вліяніе на успѣхи драматическаго искусства. Къ сожалѣнію, умножившіяся занятія барона фонъ-Дальберга не позволили ему долѣе предсѣдательствовать въ засѣданіяхъ комитета, который, лишившись такого просвѣщеннаго руководителя, утратилъ свою важность и пользу и былъ вскорѣ закрытъ.

Около этого времени, явились и были благосклонно приняты публикою двѣ неудачныя мои попытки въ драматической литературѣ. Крайняя ихъ слабость побудила меня въ послѣдствіи уничтожить ихъ.

9 марта 1784 года, была представлена въ первый разъ въ Мангеймѣ пьеса «*Преступленіе изъ честолюбія*» и принята публикою съ восторгомъ. Послѣ я узналъ, что она была такъ же хорошо принята во многихъ другихъ городахъ, и самъ былъ свидѣтелемъ ея успѣха во Франкфуртѣ на Майнѣ. Какъ возвышаетъ душу чувство, ощущаемое при видѣ нѣсколькихъ тысячъ зрителей, собравшихся съ одною цѣлью, проливающихъ слезы умиленія и возвѣщающихъ невольными порывами восторга, что зрѣлище пробудило въ ихъ сердцахъ самыя высокія и благія чувства! Выходя изъ театра, они одушевлены чистѣйшею любовью къ добродѣтели и къ ближнему; съ этимъ чувствомъ возвращаются въ кругъ семейства и вліяніе его распространяется на всѣ ихъ дѣйствія въ отношеніи къ окружающимъ. Голосъ добродѣтели, раздавшійся передъ собравшеюся толпою, долго еще звучитъ во всѣхъ сердцахъ; и когда, въ послѣдствіи, подобныя чувства касаются той же струны, — приготовленная и настроенная, она издаетъ болѣе сильный отголосокъ. Такія размы-

шленія внушилъ мнѣ, 9 марта 1784 года, видъ умиленія и восторга мангеймской публики. Я тутъ же далъ себѣ слово не иначе пользоваться властью, которую искусство даетъ надъ толпою, какъ съ твердымъ намѣреніемъ содѣйствовать, по мѣрѣ своихъ силъ, ея нравственному совершенствованію. И, кажется, я могу сказать, что никогда не измѣнялъ этой клятвѣ.

Изъ артистокъ, бывшихъ тогда на мангеймскомъ театрѣ, особенно отличалась г-жа Биттеръ, урожденная Бауманъ. Маріанна, Амалія въ «*Разбойникахъ*», Юлія фонъ-Линдоракъ, Шарлотта въ «*Отцъ семейства*», Имоинда въ «*Ореноко*» — ея главныя роли; во всѣхъ, игра ея полна чувства, благородства и той неуловимой прелести, которая принадлежитъ только ея полу. Всеобщее уваженіе, внушаемое ея личнымъ характеромъ, придаетъ особенную силу всѣмъ ея словамъ, которыя всегда истекаютъ прямо изъ сердца.

Каролина Бекъ, урожденная Циглеръ, умерла въ 1784 году, въ то самое время, какъ публика начала вполнѣ постигать, какимъ рѣдкимъ геніемъ театръ нашъ обладалъ въ лицѣ этой артистки. Глубокое чувство, увлеченіе и энергія соединялись въ ней съ идеальною красотою: я никогда не видалъ другой актрисы, которая съ такою истиною воспроизводила бы минуту поэтическаго вдохновенія; никогда не слыхивалъ на другихъ устахъ этихъ нѣжныхъ звуковъ, этой обворожительной мелодіи, которую она придавала любви въ роли жены Фіески. Смерть ея приписываютъ ушибу въ голову, полученному при неловкомъ паденіи изъ рукъ Одоарда, во время представленія «*Эмиліи Галотти*», и напряженію, которое она должна была сдѣлать, чтобы выучить послѣ этого новую роль, въ угожденіе одному знакомому, проѣзжавшему черезъ Мангеймъ. Какъ бы то ни было, но на десятый день послѣ этого происшествія, съ нею сдѣлался сильный ударъ, который убилъ ее мгновенно.

Дѣвица Будѐ, нынѣ г–жа Мюллеръ, изъ Мангейма, соединяетъ съ прекрасною наружностью очень пріятный голосъ, которымъ она превосходно пользуется въ операхъ, особенно во французской операхъ; она очаровательно граціозна также въ наивныхъ роляхъ въ комедіи.

Дѣвица Шеферъ, нынѣ г–жа Бекъ, также изъ Мангейма, — ученица знаменитой Доротеи Вендлингъ. Она дебютировала въ 1782 году, въ ролѣ Земиры. Ея выразительное и трогательное пѣніе никогда не искажалось безвкусными фіоритурами и не обременялось безсмысленными украшеніями, на которыхъ выѣзжаетъ шарлатанизмъ; зато, она всегда равно увлекала толпу и восхищала знатоковъ. Она страстно любитъ искусство и занимается имъ съ неутомимою ревностью. Если она не испещряетъ своего пѣнія вычурными украшеніями, въ которыхъ пѣвица

можетъ показать всю выработку своего голоса, то это вовсе не потому-что они ей не по силамъ, а потому-что они не согласны съ ея понятіями объ искусствѣ.

Въ это же время, выступилъ на сцену Гернъ старшій. Выраженіе, можно сказать краснорѣчіе его пѣнія и необыкновенная обширность его прекраснаго баса столь же замѣчательны, какъ его игра, полная одушевленія, истины и комическаго юмора. Почти въ одно съ нимъ время началъ свое драматическое поприще Эпсъ, также родомъ изъ Мангейма. Ничто такъ не говоритъ въ пользу этого замѣчательнаго тенора, какъ отзывъ Рейхардта, что подобные голоса принадлежатъ къ самымъ рѣдкимъ явленіямъ. Съ этимъ онъ соединялъ похвальное трудолюбіе и рвеніе къ усовершенствованію богатыхъ даровъ, которыми надѣлила его природа.

По смерти Мейера, актеръ Реншубъ былъ избранъ въ должность режиссера, и утвержденъ въ ней. Чтобы оградить его отъ несправедливыхъ обвиненій, я долженъ замѣтить, что бѣдственное состояніе, постигшее нашъ театръ, было слѣдствіемъ эпидемій, ходившихъ по всей Европѣ, особенно въ 1782 году, которымъ подверглись многіе изъ нашихъ актеровъ. Правда, что больные продолжали играть до послѣдней возможности, иногда даже въ сильныхъ припадкахъ лихорадки; но не разъ также приходилось отказывать представленіе и закрывать театръ на нѣкоторое время, за болѣзнью большей части труппы.

По смерти Каролины Бекъ, нашъ театръ сдѣлалъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе въ дѣвицѣ Витгефтъ, изъ Берлина. Рѣдкое знаніе свѣта и свѣтскихъ приличій, изящныя и граціозныя манеры, обворожительный характеръ, въ которомъ живость не исключала скромности и достоинства, были отличительными свойствами этой прелестной артистки. Никогда не забуду, какой талантъ она являла въ «*Гедвигѣ*», въ «*Рутландѣ*», въ «*Гурли*», и наконецъ въ лучшей ея роли, Сусаннѣ въ «*Свадьбѣ Фигаро*».

Въ 1784 и 1785 годахъ, были даны «*Воспитанница*» и «*Охотники*». Послѣдняя пьеса была играна сначала на домашнемъ театрѣ у князя фонъ-Лейнингена, въ Дуркгеймѣ. Уже нѣсколько лѣтъ, каждую зиму давались представленія на этомъ театрѣ; но только въ это время познакомился я съ этимъ почтеннымъ семействомъ. Увы! когда я пишу эти строки, прошедшее живо представляется моему воображенію. Тяжелая грусть овладѣваетъ моимъ сердцемъ, и я не знаю, какъ начертать столько трогательныхъ воспоминаній, какъ разсказать все, что относится къ этому времени. Откровенность, прямодушіе и гостепріимство, составляютъ драгоцѣнный завѣтъ, свято хранимый въ этомъ се-

мействѣ. Много счастливыхъ дней провелъ я среди его! Тамъ встрѣчалъ я въ соединеніи изящество и утонченность манеръ высшаго общества съ простотою и радушіемъ средняго класса; тамъ желалъ бы я окончить жизнь! Это чудное время давно прошло, но воспоминаніе о немъ глубоко врѣзалось въ моемъ сердцѣ, и благодарность моя будетъ такъ же искренна и пламенна до конца моей жизни. Тамъ получилъ я много полезныхъ уроковъ, тамъ я часто пользовался совѣтами опытности и утѣшеніями дружбы; но я долженъ молчать объ этомъ, чтобы не оскорбить скромности своихъ высокихъ друзей. Если эта книга проникнетъ когда-нибудь въ тѣ мѣста и попадетъ на глаза благороднымъ людямъ, живущимъ тамъ, — ихъ тамъ много, — пусть она послужитъ имъ свидѣтельствомъ моей искренней благодарности и дружбы; особенно же, пусть она выскажетъ всю мою признательность моему незабвенному другу Грейму! Его опытность и истинно братская любовь много разъ поддерживали и подкрѣпляли меня и еще чаще возвышали мою душу.

Представленія, дававшіяся въ Дуркгеймѣ, были большею частью очень хороши, иногда даже превосходны; таково, напримѣръ, было представленіе «*Охотниковъ*». 1785 годъ памятенъ еще другими замѣчательными представленіями. Между прочимъ, въ апрѣлѣ этого года, былъ данъ «*Юлій-Цезарь*», трагедія барона фонъ-Дальберга, написанная въ подражаніе Шекспиру. Постановка была необыкновенно великолѣпна и стоила огромныхъ денегъ. Въ сценѣ смерти Цезаря среди собравшихся сенаторовъ, декорація изображала Капитолій и была сдѣлана по очень вѣрному плану римскаго Капитолія; на театрѣ были поставлены два ряда креселъ, занимавшихъ полукругомъ три четверти сцены. Второй рядъ нѣсколько возвышался надъ первымъ, и каждое кресло было вѣрною копіею съ курульныхъ стульевъ древняго Рима. За этими двумя рядами креселъ, въ колоннадахъ кулисъ, были устроены галереи, въ которыхъ стояли множество фигурантовъ, представлявшихъ народъ въ трибунахъ. Сцена, въ которой Цезарь падаетъ мертвый къ подножію помпеевой статуи, сенаторы, съ ужасомъ вскакиваютъ съ своихъ мѣстъ, народъ съ крикомъ бросается изъ трибунъ: одни съ нѣмымъ ужасомъ смотрятъ на трупъ, другіе бѣгутъ съ изступленными воплями, — эта сцена была воспроизведена съ удивительною истиною и энергіею. Такой же успѣхъ имѣла сцена, въ которой тѣло Цезаря выносится на площадь передъ Капитоліемъ. Сцена между Брутомъ и Кассіемъ, въ четвертомъ дѣйствіи, была также превосходна; но всего болѣе потрясала ночная сцена, въ которой тѣнь Цезаря является Бруту, въ его шатрѣ, освѣщенномъ только сине-

ватымъ и колеблющимся пламенемъ ночника. Едва замерли звуки лютни въ рукахъ невольника, едва Брутъ, растянувшись на походной постелѣ начиналъ засыпать, какъ въ углу палатки восходило облако дыму, и среди его возставала тѣнь Цезаря. Торжественное, гробовое безмолвіе, среди котораго можно было слышать ускоренное дыханіе зрителей, всегда свидѣтельствовало въ эту минуту вниманіе публики и произведенное на нее дѣйствіе. Декорація пятаго дѣйствія представляла поле сраженія: это была пространная долина, по мѣстамъ усѣянная скалами и наводившая ужасъ своею дикою мрачностью. Сцена, освѣщенная смолеными факелами, терялась въ отдаленіи. Чтобы отдалить перспективу, къ сценѣ была присоединена еще кладовая, находившаяся за театромъ. Нестройныя когорты сходились съ разныхъ сторонъ, Кассій умиралъ, Брутъ бѣжалъ, и наконецъ являлись римскіе легіоны съ кликами побѣды. «*Юлій-Цезарь*» былъ любимою пьесою курфирста, который, находясь въ это время въ Мангеймѣ, три раза присутствовалъ при ея представленіи.

Послѣ того была дана «*Свадьба Фигаро*», поставленная такъ же тщательно, съ такимъ же знаніемъ дѣла и съ такимъ же успѣхомъ, какъ предыдущая пьеса. Жервé, бывшій танцоръ курфирстскаго театра, только-что возвратившійся въ это время изъ Парижа, принялъ на себя ея постановку. Бекъ исполнилъ роль Фигаро отчетливо, съ умомъ и одушевленіемъ. Дѣвица Витгёфтъ явила въ роли Сусанны всю прелесть своего умнаго и граціознаго таланта. Въ Мангеймѣ самъ курфирстъ видѣлъ комедію нѣсколько разъ и, по своему обыкновенію, первый аплодировалъ лучшимъ ея мѣстамъ. Во время его пребыванія, была еще дана комедія барона фонъ-Дальберга, «*Вспыльчивый*», заимствованная изъ англійскаго театра. Она имѣла большой успѣхъ.

Въ томъ же году, было дано нѣсколько представленій на придворномъ театрѣ въ Швецингенѣ. Прекраеный садъ, наполненный толпою любопытныхъ, собравшихся изъ Мангейма, изъ Шпейера и изъ Гейдельберга, представлялъ волшебную картину. Пріѣзжіе, не нашедшіе помѣщенія въ швецингенскихъ гостинницахъ, гуляли по аллеямъ, нося съ собою обѣды: толпы народа групировались въ кіоскахъ, храмахъ, бесѣдкахъ сада. Вечеромъ, послѣ представленія, выходя изъ театра, помѣщающагося въ самомъ саду, народъ разливался, какъ выступившая изъ береговъ рѣка, по цвѣтникамъ, и мало-по-малу терялся въ разныхъ концахъ. Затѣмъ, повсюду начинали мелькать огни сквозь чащу зелени; вездѣ образовались кружки и общества; шумная веселость, звонъ стакановъ и пѣсни раздавались

почти безъ-перерыва впродолженіе нѣсколькихъ знойныхъ ночей. Между-тѣмъ, въ Швецингенѣ, въ каждой гостинницѣ слышались музыка и танцы, а горожане, съ своими гостями, сидѣли кружками передъ каждымъ домомъ и предавались самой непринужденной веселости.

Изъ театра разходились около полуночи. Дорога на протяженіи трехъ миль походила на длинную залу, полную гостей. Экипажи тѣснились, стараясь обогнать другъ друга. Обгонявшіе перекликали отсталыхъ и переговаривали съ ними. Пѣшеходы сокращали путь пѣснями, а ѣхавшіе верхомъ удлиняли его, гарцуя взадъ и впередъ. Всю ночь, смѣхъ, шумная веселость и винные пары возбуждали какое-то общее упоеніе, которому не могли противиться даже самые холодные и равнодушные зрители.

Курфирстъ три года не видалъ мангеймскаго театра. Онъ остался такъ доволенъ его успѣхами, что, желая упрочить его существованіе, прибавилъ еще нѣсколько тысячъ гульденовъ къ его и безъ того достаточному содержанію. Онъ пожелалъ видѣть «*Короля Лира*», и пригласилъ барона фонъ-Дальберга прибавить къ первому дѣйствію выпускавшуюся до того времени сцену, въ которой Лиръ раздѣляетъ свои владѣнія между дочерьми; онъ былъ убѣжденъ, что эта сцена, хорошо сыгранная, должна еще усилить сочувствіе зрителей къ несчастному.— «Каждый разъ, какъ я видалъ эту пьесу, прибавилъ онъ, я сожалѣлъ о томъ, что эта сцена выпускается». Баронъ фонъ-Дальбергъ согласился съ мнѣніемъ курфирста, который прислалъ ему изъ собственной библіотеки англійскій экземпляръ Шекспира, для перевода этой сцены.

Въ томъ же году, я совершилъ поѣздку въ Любекъ и Гамбургъ, по приглашенію Шрёдера. Я игралъ въ его присутствіи въ Любекѣ, но безъ большаго успѣха; тѣ же причины, которыя оковывали мои способности въ его пріѣздъ въ Мангеймѣ, не позволили мнѣ и въ этомъ случаѣ выказать ихъ вполнѣ. Одно изъ самыхъ существенныхъ условій успѣха въ драматическомъ искусствѣ заключается въ увѣренности актера въ томъ, что то, что онъ предполагаетъ сдѣлать, будетъ хорошо сдѣлано. За недостаткомъ этой увѣренности, можетъ доставить успѣхъ холодная, щепетильная точность; но въ такомъ случаѣ, въ игрѣ будетъ всегда замѣтно отсутствіе чего-то, дающаго цѣну самымъ мелкимъ ея подробностямъ; въ ней не будетъ той округленности, той отдѣлки, того лоска, безъ которыхъ нѣтъ ничего истинно художественнаго. Я не могъ, ни тогда, ни впослѣдствіи, можетъ-быть не могъ бы и теперь сохранить это самообладаніе передъ геніальнымъ артистомъ. Изъ того, что я

говорилъ выше, можно видѣть, что эта неспособность вовсе не происходила во мнѣ отъ недостатка сознанія собственнаго достоинства или отъ ложной скромности.

Шрёдеръ совѣтовалъ мнѣ не оставлять сочиненія драматическихъ пьесъ, и предложилъ мнѣ за нѣкоторыя мои рукописи очень щедрое вознагражденіе. Я былъ принятъ чрезвычайно благосклонно въ Гамбургѣ; не смотря однако на мою благодарность за этотъ пріемъ, меня такъ влекло къ спокойному и скромному мѣсту, гдѣ я могъ бы заниматься изученіемъ своего искусства, и имѣть нѣсколько свободныхъ часовъ, не предаваясь впрочемъ праздности, что я съ радостью поспѣшилъ возвратиться въ Мангеймъ. Въ Гамбургѣ, узналъ я о неожиданномъ бракосочетаніи пфальцграфа Максимиліана съ принцессою Августою Дармштадтскою. Эта вѣсть чрезвычайно всѣхъ обрадовала, потому-что со смерти наслѣднаго принца Цвейбрикенскаго, всѣ, кто только искренно любилъ отечество и былъ преданъ пфальцскому дому, сильно безпокоились о будущей судьбѣ этой фамиліи, не имѣвшей прямаго наслѣдника; во всей фамиліи, въ то время, считалось только пять принцевъ, со включеніемъ самого курфирста, и нельзя было ожидать другихъ наслѣдниковъ, кромѣ будущаго потомства принца Максимиліана. Я получилъ письма изъ Мангейма, въ которыхъ меня извѣщали о скоромъ прыбытіи высокой четы, и о всеобщей радости, которую это событіе возбуждало въ народѣ. Жители Пфальца всегда были искренно преданы этому доброму, храброму и заботливому принцу. Я живо представлялъ себѣ въ воображеніи восторгъ народа и умилительныя сцены, которыя онъ долженъ былъ породить; и хотя я притомъ былъ совершенно лишній, однако поспѣшилъ отъѣздомъ, какъ будто въ Мангеймѣ не могло быть ниодной минуты счастія безъ меня..

Подъѣхавъ къ Рейну, я привѣтствовалъ его съ бо́льшею радостью противъ обыкновеннаго. Мнѣ казалось, будто онъ быстрѣе струился, будто покрытые гроздами виноградники изящнѣе склонялись надъ его волнами, будто жители веселѣе разговаривали между собою; въ пріятномъ волненіи, овладѣвшемъ моею душою, мнѣ казалось, будто и люди и предметы, представлявшіеся моимъ взорамъ, раздѣляли мою радость и мое счастіе. И это былъ не обманъ воображенія: все мѣстное населеніе принимало самое живое участіе въ бракосочетаніи принца. Съ 1782 года, и кажется еще за много лѣтъ до того, въ Пфальцскомъ домѣ не рождалось ни одного принца, кромѣ наслѣднаго принца, жив-

шаго только нѣсколько часовъ. Поэтому, всѣ желали этого бракосочетанія и возлагали на него всѣ свои надежды.

Прекрасная пфальцграфиня провела одинъ день въ Мангеймѣ. Слухъ о ея красотѣ, кротости, благочестіи и милосердіи предшествовалъ ей, а ея наружность и обращеніе вполнѣ подтвердили его и привязали къ ней всѣ сердца. Старъ и молодъ, всѣ говорили о ней и ея супругѣ. Повсюду было видно какое-то движеніе, повсюду слышался радостный говоръ, повсюду собирались веселыя, счастливыя толпы народа; и это изъявленіе всеобщаго удовольствія и счастія увлекали даже жителей смежныхъ областей. Они же были предметомъ очень одушевленнаго разговора между мною и моимъ спутникомъ, и этотъ разговоръ продолжался безъ-прерыва до самаго пріѣзда нашего въ Франкенталь. Тутъ, вниманіе мое было въ особенности привлечено купою молодыхъ деревъ, посаженною передъ воротами. Еслибъ у меня было имѣніе, сказалъ я, я посадилъ бы, въ самомъ живописномъ мѣстѣ, два деревца въ память этого благословеннаго союза, и сажалъ бы еще по дереву каждый разъ, какъ будутъ осуществляться надежды народа.

Въ Мангеймѣ, только и было рѣчи, что̀ объ этомъ событіи. Всѣми жителями овладѣлъ энтузіазмъ, всѣ готовились торжествовать этотъ праздникъ самыми восторженными изъявленіями радости. Какъ принцъ Максимиліанъ, бывшій тогда вторымъ принцемъ Цвейбрикенской линіи, и владѣтельный Цвейбрикенскій герцогъ считались наслѣдниками курфирста только въ случаѣ его безпотомственности, то опасались, чтобы это публичное празднество не оскорбило царствовавшаго дома. Однако въѣздъ высокой четы былъ назначенъ на двадцатое ноября, день рожденія супруги курфирста.

Курфирстскій національный театръ долженъ былъ дать первое представленіе *«Севильскаго Цырюльника»*, съ музыкою Паизіелло, въ тотъ день, какъ дворъ долженъ былъ въ первый разъ посѣтить театръ. Я зналъ общее расположеніе умовъ, и думалъ угодить публикѣ, доставивъ ей случай выразить свои чувства. Куша молодыхъ деревьевъ, посаженная у Франкентальскихъ воротъ, по Вормской дорогѣ, не выходила у меня изъ ума. Я испросилъ у барона фонъ-Дальберга позволеніе воспользоваться этою мыслью и сочинить простенькій прологъ, который могъ прилагаться къ настоящимъ обстоятельствамъ. Онъ безъ труда, и даже съ удовольствіемъ, согласился на мое предложеніе, пожалъ мнѣ руку въ знакъ сочувствія моей мысли, и просилъ меня по-

спѣшить. Я тотчасъ же принялся за работу, и на слѣдующій день читалъ ему прологъ, подъ названіемъ «*Любовь за любовь*». Онъ остался имъ очень доволенъ. На пятый день, прологъ былъ представленъ. Если я пускаюсь въ подробности объ этомъ представленіи, и распространяюсь объ обстоятельствѣ, котораго память мнѣ такъ пріятна и драгоцѣнна, то это вовсе не изъ тщеславнаго желанія разсказать, какой успѣхъ имѣло мое произведеніе. Этотъ день далъ направленіе значительной части моей жизни: онъ долженъ былъ имѣть вліяніе на всю мою жизнь, и рѣшилъ мою судьбу на нѣсколько лѣтъ. Публика, одушевленная самыми пламенными чувствами, возбуждаемая всѣмъ, что представлялось ея взорамъ, ничего такъ не желала, какъ случая единодушно изъявивъ свою любовь и преданность. Я исполнилъ очень пріятный долгъ, доставивъ ей этотъ случай. Если исполненіе моего плана было посредственно, я могъ оправдываться обстоятельствами. Но я долженъ, въ своихъ воспоминаніяхъ принести посильную дань прекраснымъ чувствамъ жителей Пфальца и ихъ любви къ своимъ государямъ.

Съ двѣнадцати часовъ, безчисленная толпа окружала уже всѣ входы театра, а въ три часа, зала была такъ полна, что, кажется, нельзя было бы помѣстить ниодного лишняго человѣка. Народъ толпился между кулисами, на лѣстницахъ, въ коридорахъ, почти подъ театромъ. Около пяти часовъ, общій говоръ и шумъ вдругъ замолкъ; когда прошла вѣсть о пріѣздѣ принцевъ, все собраніе съ радостью встало и обратило неподвижные взоры къ парадной ложѣ. Нималѣйшій шорохъ не нарушалъ безмолвія залы. Наконецъ, явилась супруга курфирста, удрученная лѣтами и глубоко тронутая изъявленіями любви и радости, которыми народъ провожалъ ее на лѣстницѣ и въ коридорахъ. Она отвѣчала на привѣтствіе публики взоромъ, исполненнымъ истинно материнской признательности. Эти привѣтствія повторились при входѣ герцогини Амаліи Цвейбрикенской, которая пользовалась всеобщимъ уваженіемъ. Потомъ, на минуту опять водворилась тишина. Наконецъ, вошелъ пфальцграфъ съ своею супругою. Вся масса публики заволновалась; единодушное восклицаніе радости, восторга, любви и преданности встрѣтило молодую чету. На всѣхъ лицахъ въ курфирстской ложѣ, было видно искреннее умиленіе и благодарность; всѣ члены курфирстской фамиліи старались знаками и взорами выразить свою признательность, свою чувствительность къ довѣрію и любви подданныхъ.

Едва первый залпъ привѣтствій утихъ, какъ начался второй, еще

болѣе шумный и продолжительный, отвѣчая на привѣтствія высокой фамиліи, и потрясая зданія театра, какъ ударъ грома. Наконецъ, высокая фамилія усѣлась; герцогъ и его братъ, пфальцграфъ, заняли ложу на авансценѣ. Начинается музыка; но никто ея не слушаетъ: всѣ говорятъ, кричатъ, перекликаются, взорами и пожатіями рукъ передаютъ другъ другу свою радость и свое умиленіе. Занавѣсъ поднимается, и собраніе, умолкнувъ и притихнувъ въ одно мгновеніе, устремляетъ внимательные, неподвижные взоры на сцену. Начинается представленіе; въ залѣ царствуетъ такая тишина, что актеры могли бы говорить вполголоса, и ниодно слово не было бы проронено. У нихъ самихъ дрожитъ голосъ и подгибаются колѣна, потому-что волненіе публики овладѣло и ими.

Изложеніе было прослушано спокойно. Первые намеки возбудили мгновенный порывъ восторга, но онъ тотчасъ же и затихъ; прогремѣло одно единодушное восклицаніе, но было тотчасъ удержано и замерло въ тихомъ радостномъ говорѣ, за которымъ опять послѣдовала тишина.

Но въ той сценѣ, гдѣ престарѣлый поселянинъ говоритъ, что онъ посадилъ деревья передъ своей избой, въ ознаменованіе рожденія принцевъ, и намѣренъ еще сажать по деревцу при рожденіи каждаго державнаго младенца, и будетъ молить Бога, чтобы мѣсто обратилось въ густой, обширный и могучій лѣсъ, котораго никакая буря не была бы въ состояніи свалить, — въ эту минуту, весь партеръ вскочилъ въ одно мгновеніе, и весь театръ огласился единодушными восклицаніями, которыя слились въ одинъ общій гулъ восторга. Поднятыя руки и шляпы свидѣтельствовали общее одобреніе и радость. — «Да благословитъ васъ Богъ и пошлетъ вамъ долгія лѣта!» кричитъ публика, одушевленная чувствомъ любви и преданности къ державной фамиліи. Юныя принцессы цѣлуютъ руки теткѣ, которой лицо орошено слезами умиленія; принцы обнимаются, также со слезами на глазахъ.

Послѣ долгаго перерыва, причиненнаго шумомъ и волненіемъ публики, представленіе наконецъ стало продолжаться, впрочемъ не безъ новыхъ перерывовъ; сами актеры былы такъ растроганы, что едва могли говорить. Когда было посажено дерево въ честь новой пфальцграфини, многіе зрители зарыдали. Всѣ взоры обратились къ ней: на ея глазахъ блистали слезы; народъ благословлялъ ее вслухъ. Тетка подала ей руку, будто хотѣла сказать: «Будь счастлива! когда-нибудь ты займешь мое мѣсто, ты его достойна!» Деревья были обвиты лентою пфальцскаго національнаго цвѣта, символомъ любви и вѣрности. Пьеса окончилась

среди радостныхъ криковъ народа въ театрѣ, въ коридорахъ, на лѣстницахъ и даже на сценѣ. Принцы и принцессы съ умиленіемъ обнимались въ присутствіи публики, и цѣловали руки теткѣ, которая замѣняла имъ мать. Тетка подвела юную пфальцграфиню къ борту ложи; молодая привѣтливо и съ благодарностью поклонилась публикѣ, которая отвѣчала ей рукоплесканіями и радостными кликами. Принцъ Максимиліанъ, стоявшій подлѣ своей супруги, протягивая руки въ партеръ, какъ-будто желая сжать всѣ руки, привѣтствовавшія драгоцѣнную народу чету. Молодые супруги были окружены всѣми родными, и всѣ лица дышали радостью и умиленіемъ.

Какъ скоро занавѣсъ опустился, я поспѣшилъ домой, переодѣться и подѣлиться, съ друзьями и со всѣми домашними, пріятными чувствами, которыя возбуждалъ во мнѣ этотъ прекрасный вечеръ. Моя квартира словно обратилась въ публичное мѣсто. Люди всѣхъ возрастовъ и званій, въ томъ числѣ множество такихъ, которыхъ я никогда не видалъ ни прежде, ни послѣ, приходили поздравлять меня, пожимали мнѣ руку и обнимали меня съ восторгомъ. Я не могъ сомкнуть глазъ во всю ночь. Какое-то невыразимо пріятное спокойствіе овладѣло моею душою. Впродолженіе нѣсколькихъ дней, я ни о чемъ не думалъ, кромѣ этого торжества, да и теперь оно такъ живо въ моей памяти, какъ-будто случилось вчера.

На слѣдующій день, супруга курфирста пригласила меня явиться къ ней, въ собственныя ея покои въ мангеймскомъ дворцѣ. Она приняла меня наединѣ: это было часовъ въ пять по полудни; послѣдніе лучи заходящаго солнца бросали полусвѣтъ на темныя дубовыя стѣны, и придавали особенную торжественность аудіенціи. Она нѣсколько минутъ привѣтливо смотрѣла на меня, и потомъ сказала: — «Какъ прекрасенъ былъ вчерашній вечеръ!» — Затѣмъ, она сдѣлала нѣсколько шаговъ въ молчаніи. Мнѣ показалось, будто она хотѣла скрыть слезы или силилась не высказать того, что было у нея на душѣ. Походивъ немного, она продолжала съ живостью: «— Нельзя достаточно нахвалиться молодою маркграфинею!» Я отъ души подтвердилъ ея отзывъ. — «Принцъ Максимиліанъ также прекрасный человѣкъ!» прибавила она, съ чѣмъ я опять искренно согласился. — «Превосходнѣйшая душа!» продолжала она съ нѣжно материнскимъ чувствомъ. — «Что касается до меня...» тутъ она остановилась, и потомъ продолжала: — «Что касается до меня, то эти добрые Мангеймцы сдѣлали мнѣ вчера пріемъ не по заслугамъ». Съ этими словами, она, повидимому, нѣсколько смутилась, обратила

отуманенный слезами взоръ къ окну и прбавила печаальнымъ голосомъ: «Я не могла быть для этой страны тѣмъ, чѣмъ желала быть для нея. Судьба не позволила!» — Потомъ, помолчавъ нѣсколько, она быстро обернулась ко мнѣ и сказала, что со вчерашняго вечера она смотрѣла на меня, какъ на природнаго жителя Пфальца, и что я не долженъ покидать этой страны. Я поклонился и отвѣчалъ нѣсколько несвязныхъ словъ, внушенныхъ мнѣ благодарностью. Она дала мнѣ богатый подарокъ и потребовала, чтобы я подалъ ей руку въ знакъ обѣщанія не выѣзжать навсегда изъ ея государства; я поцѣловалъ ея руку и повторилъ обѣщаніе. Послѣ того, она отпустила меня, и когда я былъ уже въ дверяхъ, повторила мнѣ вслѣдъ, что я не долженъ выѣзжать изъ Пфальца, по крайней мѣрѣ пока она жива.

Видъ принцессы, привыкшей сохранять свое достоинство и строгій этикетъ, и которая между тѣмъ была такъ тронута изъявленіями любви народа, что говорила: «Судьба не позволила мнѣ быть для этой страны тѣмъ, чѣмъ я желала быть для нея!» и сверхъ того, благосклонное и настоятельное требованіе ея, чтобъ я не покидалъ Пфальца, сильно подѣйствовали на меня, и я думаю, что сама курфирстина замѣтила мое волненіе. Одинъ изъ ея старыхъ камергеровъ, родомъ французъ, не умѣлъ приписать моего волненія ничему другому, кромѣ полученнаго подарка. Онъ пожелалъ видѣть его и просилъ меня показать. Я сказалъ ему, что никогда не забуду этого свиданія. Онъ отвѣчалъ, обнимая меня, что подарокъ прекрасный, и очень цѣненъ; но что я вполнѣ его заслужилъ. Странная логика!

Послѣ торжества, совершившагося въ театрѣ, публика нѣкоторое время почти не принимала участія въ нашихъ представленіяхъ. Это было очень понятно. Праздникъ, соединившій такъ сказать весь народъ въ одну семью, былъ дѣйствительностью, въ которой каждый участвовалъ всѣмъ сердцемъ. Послѣдующія представленія, при всѣхъ усиліяхъ исполнителей, оставались, въ сравненіи съ нимъ, все таки вымыслами; тутъ, зрители были только страдательные очевидцы, тогда какъ тамъ они принимали дѣятельное участіе въ происходившемъ на ихъ глазахъ.

Что касается до меня, это торжество, конечно, сильно привязало меня къ Мангейму; любовь и преданность публики, способной къ такимъ порывамъ, произвели на меня неизгладимое впечатлѣніе. Я всегда старался, по мѣрѣ силъ и возможности, сдержать обѣщаніе, данное мною курфирстинѣ въ этотъ торжественный часъ; оно никогда ни на минуту не выходило изъ моей памяти, потому-что было потребовано съ такою трогательною благосклонностью и дано отъ чистаго сердца. Я всегда

предпочиталъ въ своихъ дѣйствіяхъ первое влеченіе чувства расчетамъ разсудка; это правило всегда вело меня къ лучшему для себя же, хотя иногда я слѣдовалъ ему изъ одного безсознательнаго упрямства, наперекоръ самымъ очевиднымъ причинамъ, долженствовавшимъ заставить меня измѣнить ему. Этимъ же правиломъ руководствовался я во всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ мангеймскимъ театромъ; а послѣдующее покажетъ, что я не разъ приносилъ ему большія жертвы.

КРИТИКА.

БЕТХОВЕНЪ И ТРИ ЕГО СТИЛЯ.

КНИГА В. Ф. ЛЕНЦА.

Ровно за десять лѣтъ отъ нынѣшняго года, напечатано въ Петербургѣ весьма замѣчательное сочиненіе по части музыкальной критики и музыкальной литературы вообще — именно: «Новая біографія Моцарта, съ разборомъ главныхъ его твореній и съ очеркомъ исторіи музыки». (Nouvelle biographie de Mozart,suivie de l'analyse de ses principaux ouvrages et d'un précis de l'histoire de la musique), сочиненіе г. Улыбышева, на французскомъ языкѣ, въ трехъ большихъ томахъ. Теперь появилось въ Петербургѣ-же, и тоже на французскомъ языкѣ, сочиненіе о другомъ героѣ царства звуковъ. Вотъ полное заглавіе книги г Ленца: «*Бетховенъ и три его стиля.* Разборъ его сонатъ для фортепьяно, съ приложеніемъ опыта полнаго каталога критическаго, хронологическаго и анекдотическаго всѣхъ произведеній Бетховена». (Beethoven et ses trois styles. Analyses des sonates de piano, suivies de l'essai d'un catalogue critique, chronologique et anecdotique de l'oeuvre de Beethoven, par W. de Lenz. S. Pétersbourg, chez Bernard. 1852) 2 тома. Уже одно то обстоятельство, что оба эти сочиненія принадлежатъ нашимъ соотечественникамъ (г. Улыбышевъ коренной русскій; г. Ленцъ, уроженецъ Лифляндіи) и оба изданы, хотя на французскомъ языкѣ, но въ Россіи, должно ихъ сблизить для каждаго, сколько-нибудь интересующагося музыкою и ея литературою. Отрадно подумать, что въ нашемъ отечествѣ по части музыкальной критики появляются сочиненія съ направленіемъ серьознымъ, отчасти пополняющіе пробѣлы, о которыхъ еще не подумала ни Франція, ни Германія. Сочиненіе г. Улыбышева давно полу-

чило вполнѣ заслуженную европейскую извѣстность. Французскіе и нѣмецкіе музыкальные критики не разъ подробно и съ величайшею похвалою говорили объ этомъ дѣльномъ трудѣ, далеко за собою оставившемъ все, что до-сихъ-поръ было писано о Моцартѣ. Имѣя въ виду занимательность такого рода сочиненій не для однихъ русскихъ, а именно для всего образованнаго свѣта, для всѣхъ, кому дорога музыка и дороги имена Моцарта и Бетховена, — съ другой стороны, не упуская изъ вида и весьма ограниченный кружокъ читателей по части музыкальной критики, у насъ въ Россіи, которымъ былъ-бы незнакомъ французскій языкъ, нельзя упрекать ни г. Улыбышева, ни г. Ленца за то, что они издали свои книги не на отечественномъ языкѣ. Нельзя также никого упрекнуть и въ томъ, что до-сихъ-поръ у насъ не было полнаго перевода сочиненія г. Улыбышева. Такой переводъ былъ-бы трудомъ немаловажнымъ (при неустановившемся еще у насъ техническомъ музыкальномъ языкѣ и по многому, другому), но не нашелъ бы большаго круга читателей. Теперь такой переводъ былъ-бы почти безполезенъ, потому-что тѣ, кому книга г. Улыбышева интересна, давно прочитали ее въ оригиналѣ, а немногіе изъ читателей собственно русскихъ познакомились съ этою книгою по безчисленнымъ отрывкамъ изъ нея, которые помѣщались и до-сихъ-поръ помѣщаются въ нашихъ журналахъ, какъ только рѣчь зайдетъ объ операхъ Моцарта, особенно о Донъ-Жуанѣ. Иногда господа «заимствователи» обходятся съ г. Улыбышевымъ довольно нецеремонно, то есть, не считаютъ нужнымъ даже упоминать объ источникѣ, откуда черпаютъ «свои» панегирики Моцарту. По случаю книги г. Ленца, невозможно не говорить о сочиненіи г. Улыбышева и не по одному невольному внѣшнему сближенію, которое промелькнетъ въ головѣ каждаго при одномъ прочтеніи заглавія книги. Между этими двумя сочиненіями есть другая болѣе глубокая связь — связь, трогающая самую основу, идею сочиненія. Дѣло въ томъ, что г. Улыбышевъ, въ своемъ восторгѣ передъ Моцартомъ и *всей* его дѣятельностію (кромѣ чисто-фортепьянной музыки его, которой г. Улыбышевъ не касается, считая ее просто устарѣвшею и вообще неважною для судебъ искусства) нѣсколько разъ въ своей книгѣ задѣваетъ и *Бетховена*, въ томъ смыслѣ, что будто-бы Бетховенъ, *капризами* (!) своего генія влекъ отискусство *въ сторону* (!) *отъ настоящаго* его пути. Со стороны г. Улыбышева, это довольно логично, потому-что онъ считаетъ музыку своего героя *апогеею* искусства звуковъ вообще, какъ въ отношеніи оперы и ораторіи (Реквіемъ Моцарта), такъ и въ отношеніи симфоніи и камерной музыки (квартеты, квинтеты и проч.) По мнѣнію г. Улыбышева — *дальше* Моцарта идти въ искусствѣ нѣкуда — слѣдовательно, чтобъ быть новымъ, оригинальнымъ, осталось одно средство: отклонить искусство отъ его прямаго пути, что и сдѣлалъ Бетховенъ. Мнѣніе это, высказанное г. Улыбышевымъ и по случаю квартетовъ, и по случаю симфоній Бетховена, въ наше время, для всѣхъ занимающихся музыкою, болѣе чѣмъ странно, потому-что въ музыкальномъ мірѣ—теперь—Бетховенъ давно занялъ свое настоящее мѣсто — пер-

вѣйшаго генія въ дѣлѣ чисто-инструментальной музыки. Симфоній Моцарта никто и не думаетъ въ наше время сравнивать съ симфоніями Бетховена (начиная съ III до IX включительно); квартеты и квинтеты Моцарта, при всѣхъ своихъ вѣчно-сіяющихъ, но спокойныхъ, холодныхъ красотахъ давно уступили пальму первенства въ этомъ родѣ музыки огненнымъ квартетамъ Бетховена, ор. 59; послѣдніе квартеты Бетховена еще на столько-же, то есть, цѣлою головою выше современнаго намъ музыкальнаго пониманія, на сколько гайдновскіе квартеты опередили какого-нибудь Плейеля, на сколько бетховенскіе квартеты, посвященные Разумовскому (ор. 59), опередили Гайдна и Моцарта. Тѣмъ не менѣе сужденія г. Улыбышева о Бетховенѣ, высказанныя именно съ тѣмъ, чтобъ унизить (!) его славу въ сравненіи со славою Моцарта не могли не вызвать возраженій. И ясно, что г. Ленцъ, употребившій значительную часть своей жизни на изученіе твореній Бетховена, и, по этому самому, а также и вообще по симпатіи къ музыкѣ и ея судьбамъ, сдѣлавшійся въ отношеніи къ Бетховену такимъ-же (но не столько исключительнымъ) фанатикомъ, какъ г. Улыбышевъ въ отношеніи Моцарта, не могъ не явиться *антагонистомъ* г. Улыбышева. Даже отчасти именно этому антагонизму одолжены мы появленіемъ книги г. Ленца. Объ этомъ говоритъ самъ авторъ въ предисловіи

Такъ какъ ничто не можетъ лучше знакомить публику съ направленіемъ, цѣлью книги, какъ дѣльное *предисловіе* ея автора, то рецензентъ считаетъ нужнымъ прежде отчета о замѣчательномъ сочиненіи г. Ленца, привести собственныя его слова, помѣщенныя прежде текста Вотъ какъ онъ выражается о своей книгѣ: «Эта книга не техническое сочиненіе и назначается для всѣхъ, кто музыку любитъ наравнѣ съ литературой. Наука въ музыкѣ имѣетъ свои достоинства, но музыкальный «ученый» (savant en musique а не musicien savant, что̀ было-бы совсѣмъ другое) не всегда умѣетъ смотрѣть выше школьныхъ правилъ. Часто ему случается отдавать предпочтеніе «буквѣ», на счетъ начала интеллектуальнаго, духа *жизни* въ искусствѣ, которому *азбука* искусства, то есть, плодъ всѣхъ трудовъ ученаго, — служитъ только матеріальнымъ выраженіемъ. Въ искусствѣ, *идея* составляетъ все; техника, служащая для выраженій идеи, должна быть на второмъ планѣ. Прежде, чѣмъ изъ мало-по-малу собранныхъ и неполныхъ «данныхъ» составилось то, что̀ человѣкъ назвалъ «наукой» — было самое дѣло, самъ *человѣкъ*, слѣдовательно его-то и надо искать прежде всего прочаго въ искусствѣ. Пусть гармонисты ex-professo выискиваютъ ошибки противъ науки въ сочиненіяхъ Бетховена. Великихъ авторовъ читаютъ для того, чтобъ наслаждаться торжествомъ мысли человѣческой, а не для того, чтобъ занести въ протоколъ, что эти великіе авторы прошли школьный курсъ прежде, чѣмъ сдѣлались предметомъ удивленія народовъ. Авторъ полагаетъ, что долгъ каждаго человѣка содѣйствовать, согласно своимъ силамъ и средствамъ, водворенію въ людяхъ истины и красоты (au triomphe de la cause du vrai et du beau). Цѣль—автора, служить путеводителемъ для

любителя музыки, желающаго изучить все, что̀ сдѣлалъ Бетховенъ; художника поближе познакомить съ дѣятельностію этого генія; и тому и другому дать возможность изъ истинно изящнаго сдѣлать себѣ щитъ противъ всего неизящнаго и неотраднаго, что̀ они встрѣтятъ на пути жизни. Такъ какъ главный предметъ книги—сонаты Бетховена для фортепьяно, то авторъ остановитъ на нѣсколько времени вниманіе читателей на нынѣшней фортепьянной музыкѣ, чтобы яснѣе обозначить всю разницу между этою музыкою и фортепьянною-же музыкою Бетховена. Выбирая своимъ предметомъ — великое, заранѣе надо осудить себя на то, что останешься ниже своего предмета. Авторъ это очень хорошо помнилъ, прежде чѣмъ приступилъ къ своей книгѣ: теперь это сдѣлалось для него еще яснѣе; но онъ надѣется, что книга его можетъ быть *пособіемъ* для будущей критики (conduire la critique à de plus grands rèsultats), такъ какъ въ этой книгѣ показанъ характеръ каждаго изъ трехъ стилей Бетховена и помѣщенъ въ первый еще разъ — полный критическій и хронологическій списокъ всѣмъ произведеніямъ Бетховена. Характеристика трехъ стилей Бетховена, въ отношеніи къ фортепьяннымъ сонатамъ, также еще никѣмъ досихъ-поръ не была означена».

Читатели видятъ уже, что сочиненіе г. Ленца, хотя дѣйствительно не техническое, гораздо спеціальнѣе по своему главному предмету, чѣмъ сочиненіе г. Улыбышева. Задача г. Улыбышева была — жизнь Моцарта, вся его дѣятельность въ полномъ объемѣ, мѣсто, занимаемое геніемъ Моцарта въ исторіи музыки; г. Ленцъ поставилъ себѣ цѣлью разобрать сонаты Бетховена для одного фортепьяно (какъ-будто нарочно тотъ родъ музыки, о которомъ г. Улыбышевъ не считалъ нужнымъ говорить) и прослѣдить въ этихъ сонатахъ три разные стиля Бетховена, и тутъ столько-же ясно обозначенные, какъ и во всѣхъ другихъ его произведеніяхъ, которыхъ г. Ленцъ желалъ касаться только мимоходомъ. Мы говоримъ, *желалъ* касаться не иначе, какъ мимоходомъ, потому-что на дѣлѣ вышло иначе. Г. Улыбышевъ рѣшился пройти молчаніемъ всю фортепьянную музыку Моцарта хотя Моцартъ писалъ очень много для одного фортепьяно, или клавесина, по тогдашнему — умолчать объ этомъ всемъ было несравненно легче, чѣмъ по случаю бетховенскихъ сонатъ для одного фортепьяно, не забѣгать безпрестанно въ другія области его музыки, тѣмъ болѣе, что г. Ленцъ долженъ былъ показать характеръ трехъ стилей Бетховена — а *типами* каждаго изъ этихъ стилей служатъ, конечно, болѣе всѣмъ извѣстныя, главныя произведенія Бетховена, то есть, его симфоніи и квартеты. Такимъ образомъ, книга г. Ленца трактуетъ вовсе не объ однѣхъ тридцати-двухъ сонатахъ для фортепьяно, но и о многомъ другомъ (кромѣ того, что цѣлая отдѣльная глава перваго тома посвящена біографическому очерку, — а больше половины втораго тома занято каталогомъ всѣхъ сочиненій Бетховена, и приложеніями къ этому каталогу). Слѣдовательно, вообще говоря, предметомъ книги г. Ленца *весь* Бетховенъ—по случаю его фортепьянныхъ сонатъ, точно такъ какъ, предметъ книги г. Улыбышева *весь* Моцартъ,

за исключеніемъ его фортепьянныхъ сонатъ. Сравненіе этихъ двухъ книгъ, какъ видите — неизбѣжно. Сдѣлаемъ же это сравненіе. Г. Улыбышевъ, строго держась задуманнаго плана, весь первый томъ своего сочиненія посвящаетъ біографіи Моцарта, но не помѣщаетъ чрезвычайно-важныхъ для біографа документовъ — писемъ самаго художника, (тогда какъ они есть даже въ біографіи составленной Ниссеномъ), Г. Ленцъ, придерживаясь системы только въ *оглавленіи* своей книги, (гдѣ біографическому очерку отведенъ очень скромный уголокъ), каждую ея главу кстати и некстати пересыпаетъ анекдотами изъ «частной жизни» Бетховена; почти цѣлую отдѣльную главу посвящаетъ доказательствамъ, что Бетховенъ былъ аристократъ (?!) въ душѣ, и, кромѣ сотни извлеченій изъ писемъ и записокъ Бетховена (иногда столько-же важныхъ, какъ извѣстная рукопись Байрона, autographe posthume, въ двухъ словахъ: «дураки наборщики!»*) приводитъ въ концѣ книги два нигдѣ еще ненапечатанныя письма Бетховена къ одному курляндцу (Amenda). Г. Улыбышевъ, со всею серьозностью нѣмецкаго профессора, во-второмъ томѣ излагаетъ всю исторію музыки отъ ея зарожденія до моцартовыхъ временъ и только изрѣдка позволяетъ себѣ невинно пошутить надъ усиліями какихъ-нибудь мадригалистовъ XV вѣка, или надъ париками контрапунктистовъ, или надъ самимъ собою, по случаю непониманія фуги. *За то*, г. Ленцъ отъ начала до конца книги не перестаетъ казнить сарказмомъ все, что попадется ему подъ перо, и старыхъ компонистовъ, и новыхъ пьянистовъ, и Дюссека и Черни, и нѣмецкій журналъ 1802 года, и французскій журналъ 1852 года. И, сколько желчи разлито на страницахъ этихъ тощихъ двухъ томиковъ! И кому, кому тутъ не досталось! (Впрочемъ, почти всегда за дѣло, если не всегда умѣста). Г. Улыбышевъ очень хвалитъ г. Фетиса (директора Бельгійской консерваторіи и извѣстнаго музыкальнаго теоретика), по случаю придуманной Фетисомъ *поправки* (?!) одного диссонанса въ моцартовскомъ квартетѣ; г Ленцъ бранитъ г. Фетиса и г. Улыбышева вмѣстѣ съ нимъ, именно за это-же самое. Г. Улыбышевъ не очень уважаетъ пасторальную симъ фонію; *за то* г. Ленцъ благоговѣетъ передъ *Донъ-Жуаномъ столько-же* какъ передъ пасторальной симфоніей и As-дурной сонатой (op. 26). Et c'est beaucoup dire! Вообще г. Ленцъ, какъ сказано, не смотря на весь свой фанатизмъ къ Бетховену (преимущественно въ произведеніяхъ втораго его стиля), выказываетъ гораздо болѣе терпимости (tolérance), чѣмъ г. Улыбышевъ, который, издавая свою книгу въ 1842 году, старался доказать, что въ Моцартѣ высшее развитіе всѣхъ сторонъ музыки, какъ-будто Бетховена и не было на свѣтѣ! Г. Ленцъ, благоговѣя передъ Бетховеномъ, не отнимаетъ нисколько достоинствъ у моцартовыхъ произвсденій — «отдаетъ Моцарту Моцартово», видитъ все огромное его вліяніе на геній Бетховена (въ первомъ его стилѣ), и никогда не пропускаетъ случая указать слабыя стороны нѣко-

---

* Напр. стр 115 II тома внизу.

торыхъ произведеній своего героя. Замѣчательно, что оба сочиненія не лишены нѣкоторой близорукости взгляда, относительно самого героя книги. Г. Улыбышевъ вѣнцомъ творенія моцартова считаетъ Донъ-Жуана и къ этому произведенію клонитъ всю свою книгу; такъ-что въ лучшей, безукоризненной оперѣ Моцарта— «Волшебной флейтѣ», исключая безсмертной увертюры, г. Улыбышевъ видитъ только *мѣстами* замѣчательныя красоты! Точно также г. Ленцъ, хотя и говоритъ, что въ третьемъ стилѣ Бетховена геніальность его расширилась, но частенько называетъ истинно великимъ стилемъ вторую манеру (la grande manière, la 2-de), и въ этомъ стилѣ оказываетъ особенное предпочтеніе Пасторальной Симфоніи и As-дурной сонатѣ (op. 26) ?! Какъ-будто эти вещи выше всего у того генія, который создалъ VII, VIII, и IX симфонію, сонаты для фортепьяно, op. 101, op. 106, 109, 110, 111, вторую мессу и послѣдніе квартеты, начиная съ одиннадцатаго (op. 95)?! Г. Ленцъ отзывается о произведеніяхъ послѣдняго стиля, конечно, съ необыкновеннымъ уваженіемъ, даже благоговѣніемъ, какъ-будто едва осмѣливается говорить о нихъ, какъ-будто ихъ боится; но тѣмъ самымъ показываетъ, что симпатія его на сторонѣ сравнительно простѣйшихъ произведеній втораго стиля бетховенскаго, особенно Пасторальной Симфоніи, о которой упоминаетъ въ теченіе своей книги по крайней мѣрѣ столько же разъ, какъ г. Улыбышевъ о Донъ-Жуанѣ. Индивидуальному вкусу есть мѣсто и въ искусствѣ, какъ во всемъ другомъ, но при строгой критической оцѣнкѣ геніальныхъ произведеній такого художника, какъ Бетховенъ, который три раза въ жизни измѣнялъ свой стиль, все направленіе своей поэзіи, и измѣненія эти, конечно, были *неразлучны* съ развитіемъ, съ расширеніемъ его геніальности — по мнѣнію рецензента, не слѣдуетъ выказывать свое предпочтеніе къ произведеніямъ не высшаго изъ трехъ стилей. Странно было-бы, еслибъ кто-нибудь, разбирая Пушкина и развитіе его генія, только *упомянулъ* съ честію о Борисѣ Годуновѣ или Каменномъ гостѣ— а полную свою симпатію выказалъ бы къ «Бахчисарайскому фонтану» или «Руслану и Людмилѣ». Такой выборъ «фаворитовъ» между произведеніями великаго художника, показалъ бы только, что критикъ еще далеко не на настоящемъ *уровнѣ* (niveau), въ отношеніи разбираемыхъ произведеній. Въ самомъ дѣлѣ, — *новизна* формъ, употребленныхъ Моцартомъ въ его «Волшебной флейтѣ», гдѣ онъ совершенно отрѣшился отъ вліянія современной ему итальянщины (вліянія — въ Донъ-Жуанѣ еще *очень* замѣтнаго), гдѣ онъ сталъ вполнѣ самимъ собою и дошелъ до высочайшей степени сценическаго драматизма при самыхъ простыхъ формахъ музыки, создалъ оперу — всю сотканную изъ музыкальныхъ чудесъ; — новизна этихъ формъ ускользнула отъ г. Улыбышева и онъ, за милліонами другихъ цѣнителей искусства, повторилъ только общепринятое мнѣніе, что первая опера на свѣтѣ — Донъ-Жуанъ. Г. Ленцъ (касательно Донъ-Жуана вполнѣ согласный съ г. Улыбышевымъ) въ видимомъ предпочтеніи, оказываемомъ Пасторальной Симфоніи – между симфоніями, сонатѣ As-dur (op. 26) между фортепьянными сонатами Бетховена, обнаружилъ только, что и онъ не поднялся, въ отношеніи бетхо-

вековыхъ твореній, выше общаго вкуса публики, еще вовсе не симпатизирующей произведеніямъ третьяго стиля бетховенскаго, которыя (какъ это и должно быть) остаются «книгою за семью печатями» для всѣхъ, кто вмѣстѣ съ дамами таетъ отъ восторга больше всего по случаю сонаты As-dur или Пасторальной Симфоніи. Предоставляя себѣ вернуться къ этому предмету (то есть, третьему стилю Бетховена), когда будемъ дѣлать болѣе подробную оцѣнку книги г. Ленца, продолжаемъ параллель ея съ сочиненіемъ г. Улыбышева.

Книга г. Улыбышева, хотя вполнѣ систематическая и дидактическая, по своему направленію, гораздо меньше современна, чѣмъ книга г. Ленца, котораго главная цѣль выказать, какъ можно рѣзче и яснѣе, контрастъ между нынѣшними нелѣпыми, безтолковыми, безсмысленными morceaux de salon, фантазіями, концертами для фортепіано — и глубоко поэтическою фортепьянною музыкою Бетховена, столько же проникнутою *идеею* — какъ и вся остальная его музыка. г. Улыбышевъ спокойно, догматически излагаетъ жизнь Моцарта, дѣлаетъ очеркъ исторіи музыки, чтобъ вывести изъ нея значеніе дѣятельности Моцарта — и наконецъ, разбираетъ главнѣйшія его произведенія, отдавая пальму первенства — Донъ-Жуану. Г. Ленцъ, саркастическимъ стилемъ фельетониста, представляетъ картину жалкихъ и смѣшныхъ заблужденій нынѣшняго, какъ онъ называетъ, піанизма — и во всё продолженіе своей книги, безпрестанно возвращается къ своему (справедливому весьма) негодованію противъ виртуозовъ, которые музыку превратили въ какое-то грубое волтижированіе, наѣздничество (Aujourd'hui on ne joue plus le piano, on le monte). Это его point de départ, чтобы тѣмъ рельефнѣе выставить красоту созданій Бетховена и его способъ употреблять фортепьяно для выраженія музыкальныхъ мыслей. Но тогда какъ лучшія мѣста въ сочиненіи г. Улыбышева, безъ сомнѣнія — разборы *оперъ* Моцарта (особенно Idomeneo и Entführung), въ книгѣ г. Ленца самый разборъ сонатъ — едва ли не слабѣйшая часть. Тутъ всего болѣе замѣтенъ въ авторѣ недостатокъ глубины воззрѣнія на такой предметъ, какъ музыка Бетховена, недостатокъ серьозности направленія, необходимой для каждаго критика въ области искусства. Весьма часто, вмѣсто ожидаемаго читателемъ разбора сонаты, авторъ увлекается въ длиннѣйшія отступленія, очень мало идущія къ дѣлу, точь, въ точь какъ въ фельетонахъ пресловутаго Жюль-Жанена. Порядка, послѣдовательности, вообще методы — и слѣдовъ нѣтъ въ книгѣ г. Ленца, что и дѣлаетъ ее въ общемъ впечатлѣніи весьма похожею на двухтомный фельетонъ по случаю музыки Бетховена — une causerie plus ou moins divertissante. Что касается до формы сочиненія, до языка — то, если говоря о г. Улыбышевѣ, французскій критикъ г. Скудо (critique et littérature musicale — Mozart et son Don-Juan) весьма дѣльно замѣтилъ о нѣкоторой вычурности стиля въ его книгѣ, вычурности, не спасающей нѣкоторыхъ неправильностей языка — то этотъ же самый упрекъ и, вѣроятно, въ сильнѣйшей дозѣ, будетъ сдѣланъ и г. Ленцу. По мнѣнію рецензента, вычурность языка и поминутная претензія на колкость очень вредятъ вѣрности многихъ мыслей, разсыпанныхъ нескупо въ

каждой главѣ. Въ книгѣ г. Улыбышева, попадаются нотные примѣры; въ книгѣ г. Ленца нѣтъ ни одной строчки нотъ, за то второй томъ почти на половину — наполненъ текстомъ нѣмецкимъ (иногда безъ перевода). Многіе русскіе читатели и почти всѣ французскіе за это не поблагодарятъ автора, уже избравшаго французскій языкъ, какъ общій артистическій. А на нотные примѣры напрасно г. Ленцъ поскупился. Это не придало бы его книгѣ черезъ чуръ технической видъ — между-тѣмъ, теперь многія мѣста (въ разборѣ сонатъ) безъ нотъ рѣшительно непонятны. Уже изъ этой параллели съ сочиненіемъ г. Улыбышева, тотъ, кто не читалъ еще книги г. Ленца, можетъ получить нѣкоторое о ней понятіе; но рецензентъ считаетъ долгомъ говорить подробнѣе объ этой книгѣ, во всякомъ случаѣ очень занимательной и замѣчательной, — имѣя въ виду, что разборъ всякой книги пишется не только для тѣхъ, кто желаетъ предварительно получить объ ней какое-нибудь понятіе, но и для тѣхъ, которые прочитали книгу и хотятъ повѣрить свое мнѣніе съ мнѣніемъ, высказаннымъ гдѣ-нибудь публично; наконецъ, и для самого *автора*, если онъ, какъ г. Ленцъ, самъ изъявляетъ желаніе, чтобъ ему замѣтили погрѣшности его труда (je regarderai comme une récompense de mes peines qu'on voulût me montrer les erreurs que j'ai pu commettre. (Préface p. VII). Для второй категоріи читателей и для автора, подробности отчета будутъ не лишни и не утомительны.

Бетховенъ — одно изъ тѣхъ именъ, которыми гордится человѣчество. Только четверть вѣка отдѣляетъ насъ отъ жизни Бетховена, но, по громадности генія, онъ кажется существомъ миѳическимъ. Его симфоніи, даже не какъ музыка, а просто какъ созданія мысли, ставятъ его наряду съ величайшими умами изъ всей исторіи человѣчества. (Г. Ленцъ т. I, стр. 64). О каждомъ изъ великихъ дѣятелей въ области искусства писали, пишутъ и будутъ писать много, — потому что къ нимъ, къ этимъ зиждителямъ искусства безпрестанно возвращаются всѣ, для кого ясны и прискорбны современныя уклоненія отъ пути истины. И предметъ — неисчерпаемъ, потому что геніальность необъятна, какъ сама природа. Приведемъ еще слова г. Ленца (т. I, стр. 126). «Изученіе произведеній Бетховена есть изученіе *идеи* ... Въ немъ нѣтъ мертвой буквы; вездѣ торжество духа надъ матеріею; главныя его творенія не уступаютъ чудесамъ поэзіи, живописи, ваянія. Изученіе такого генія непремѣнно должно быть богаче результатами для ума и сердца, нежели инымъ можетъ показаться». Сколько писано о Шекспирѣ, напримѣръ, а исчерпанъ ли предметъ? Такъ и съ Бетховеномъ. Но писать можно о каждомъ великомъ художникѣ съ безчисленно разныхъ сторонъ: могутъ быть простыя — біографіи и библіографіи (подробный перечень всѣхъ произведеній художника); могутъ быть техническіе разборы произведеній (весьма важные для художниковъ); могутъ быть наконецъ *критическія монографіи*, не совершенно исключающія техническую сторону, но имѣющія въ виду преимущественно эстетическую оцѣнку тѣхъ или другихъ произведеній въ связи съ прочими. По мнѣнію рецензента, такого рода музыкальная критика, гдѣ бы уравновѣ-

шены были техническая и эстетическая сторона искусства, гдѣ въ духѣ и въ формѣ сочиненія безъ непріятнаго педантизма нигдѣ не была бы нарушена серьозность направленія, такая критика остается еще въ *идеалѣ*. Особенно въ приложеніи къ Бетховену, такая критика въ наше время даже едва ли возможна. Мы еще слишкомъ близки къ нему — а онъ слишкомъ громаденъ. Необходимая для исторіи и критики — перспектива, въ отношеніи къ нему, еще не существуетъ.

Бетховенъ, въ тридцать семь лѣтъ своей артистической дѣятельности (считая съ двадцатилѣтняго возраста) написалъ много музыки въ разныхъ родахъ (хотя несравненно меньше чѣмъ Моцартъ и Гайднъ). Въ цѣлой массѣ его произведеній (немного болѣе двухъ сотъ, круглымъ числомъ), — ясно обозначаются *три* видоизмѣненія его стиля. Три эти разные стиля, три весьма различныя другъ отъ друга манеры сочиненія — можно прослѣдить на каждомъ родѣ его произведеній. Сонатъ для фортепіано онъ написалъ гораздо больше, чѣмъ симфоній, квартетовъ и камерной музыки; значитъ, на фортепіанныхъ сонатахъ еще съ бо́льшимъ успѣхомъ можно сдѣлать это изученіе трехъ стилей великаго художника. Мысль избрать для такой монографіи однѣ фортепіанныя сонаты и тѣмъ еще оправдывается, что Бетховенъ самъ смотрѣлъ на свои фортепіанныя сочиненія, какъ на дѣло весьма серьозное. «Онъ самъ говорилъ объ нѣкоторыхъ своихъ сочиненіяхъ для фортепіано съ большею симпатіею, чѣмъ объ иной своей симфоніи.» Шиндлеръ, Біографія Бетховена, (стр. 171, 2-ter Nachtrag.) Весь полный *идеею симфоніи* — задачею своей жизни, Бетховенъ импровизировалъ на фортепіано: этому инструменту — суррогату оркестра — онъ повѣрялъ вдохновенныя мысли, которыя его переполняли и изъ этихъ импровизацій выходили отдѣльныя поэмы, въ формѣ фортепіанныхъ сонатъ. Вотъ чѣмъ объясняется большое количество его фортепіанныхъ сочиненій вообще, и весьма небольшое число такихъ изъ нихъ, которые не были бы *картонами* музыки оркестрной, симфонической. Значитъ, — изученіе бетховеновой фортепіанной музыки есть уже знакомство съ цѣлымъ его творчествомъ, въ трехъ его видоизмѣненіяхъ. Съ этой стороны, предметъ монографіи избранъ г. Ленцомъ какъ нельзя лучше, тѣмъ болѣе, что о *всѣхъ* сонатахъ Бетховена для одного фортепіано *вмѣстѣ*, еще нигдѣ не было писано и слѣдовательно, еще не были между ними проведены границы трехъ стилей, такъ какъ и вообще о трехъ стиляхъ Бетховена еще очень мало говорено. Но — съ другой точки, взятой г. Ленцомъ за исходный пунктъ, то есть, со стороны *контраста* между фортепіанною музыкою Бетховена и фортепіанною музыкою новѣйшею, въ монографію должно было войти все, что Бетховенъ писалъ для фортепіано, то есть, не только тридцать двѣ сонаты — но и десять сонатъ для фортепіано со скрипкою, пять сонатъ для фортепіано съ віолончелемъ, шесть тріо для фортепіано со скрипкою и віолончелемъ, еще три тріо для фортепіано и нѣсколько варіированныхъ темъ въ видѣ тріо или дуэтовъ, квинтетъ для фортепіано съ духовыми инструментами (op. 16), множество мелкихъ пьесъ для одного фор-

тепіано, и для фортепіано въ четыре руки, — фантазія для фортепіано съ оркестромъ и хоромъ, и наконецъ пять концертовъ для фортепіано съ оркестромъ и концертъ-концертантъ для фортепіано, скрипки и віолончеля, также съ оркестромъ. Только изъ такой, полной по возможности, монографіи «о бетховенской фортепіанной музыкѣ» можно было бы вывести полезные результаты о его способѣ употреблять фортепіано (sa manière de traiter l'instrument), въ противоположность нынѣшнему «волтижированью». Разумѣется, что такая монографія потребовала бы довольно подробнаго историческаго очерка фортепіанной или клавесинной музыки, отъ ея зарожденія до того времени, какъ ее засталъ Бетховенъ, чтобы показать, что онъ получилъ въ наслѣдство въ искусствѣ и что собственно его генію принадлежитъ. Надо было бы разобрать клавесинныя пьесы Доменико Скарлатти, Генделя, Себастіана и Эммануила Баха, потомъ уже перейти къ Гайдну и Моцарту въ ихъ фортепіанныхъ вещахъ, и разобрать всѣ эти сочиненія со стороны идеи, формы и фактуры: это, конечно, была бы полная исторія фортепіано, потому-что въ бетховенской фортепіанной музыкѣ заключаются уже вся новѣйшая школа съ ея мнимыми нововведеніями.

Здѣсь, не мѣсто входить въ дальнѣйшія подробности по этому случаю, но можно было бы фактически доказать, что даже Листъ — это олицетвореніе современнаго фортепіано — въ своихъ нововведеніяхъ касательно расположенія аккорда на клавишахъ и въ другихъ тонкостяхъ своихъ геніальныхъ арранжировокъ, идетъ прямо по стопамъ — Бетховена. Тоже самое расположеніе аккорда на самыхъ крайнихъ октавахъ и «in der weitesten Lage» для богатства звука, въ противоположность прежнему бѣдному клавесинному аккорду Гайдна и Моцарта (и даже въ первой манерѣ Бетховена), тѣ же самые остроумные пріемы, чтобы придать полноту звука той имъ другой нотѣ, чтобы отличить важный, поющій голосъ отъ сопровождающей его гармоніи, — все это въ очень ясныхъ намекахъ найдется въ фортепіанной музыкѣ Бетховена втораго и особенно третьяго стиля. Самъ же г-нъ Ленцъ весьма справедливо нашелъ зародышъ формы роскошнаго акомпанимента à la Thalberg еще въ первомъ концертѣ Бетховена (18-й тактъ въ Largo). Къ чему-жъ было сдѣлать это только мимоходомъ, а не заняться пріисканіемъ зародыша многихъ другихъ формъ нынѣшней фортепьянной музыки во всемъ, что Бетховенъ написалъ для фортепьяно. Это было-бы и поближе къ предмету книги и несравненно дѣльнѣе, назидательнѣе, чѣмъ фельетонныя отступленія въ родѣ исторіи какого-то женевскаго фортепьяннаго учителя и письма къ нему одного изъ его учениковъ (по всей вѣроятности самого автора, отъ 208—216 стр. I тома); это было-бы даже нѣсколько полезнѣе и статистическаго расчета на 10 страницахъ (82 — 93 I тома), сколько пьесъ Бетховенъ написалъ въ такомъ-то тонѣ, и сколько въ другомъ (!). Но, какъ уже было замѣчено, послѣдовательностію плана и изложенія — книга г. Ленца не отличается. Конечно, ничѣмъ нельзя такъ скоро надоѣсть читателю, какъ строгимъ, сухимъ, педанти-

ческимъ изложеніемъ предмета, въ родѣ нѣмецкихъ трактатовъ. Притомъ-же, г. Ленцъ не хотѣлъ придать своему сочиненію видъ ученый, техническій — но всему есть мѣра: слишкомъ частое перебѣганье отъ предмета къ предмету также неизящно въ литературѣ, какъ слишкомъ частыя и ненатуральныя модуляціи въ музыкѣ, а давать въ своемъ сочиненіи перевѣсъ постороннимъ предметамъ передъ главными, значитъ добровольно отказаться отъ намѣренія произвести какое-нибудь цѣлое впечатлѣніе въ читателяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, по прочтеніи книги г Ленца, въ читателѣ остается впечатлѣніе чего-то разрозненнаго, пестраго, мозаичнаго, какъ послѣ бесѣды съ начитаннымъ и словоохотнымъ человѣкомъ «de omni re scibili et quibusdam aliis». Такая манера сочиненія какъ нельзя лучше идетъ къ «анекдотическому каталогу Бетховена» но, по крайней мѣрѣ такъ думаетъ рецензентъ, для такого предмета, какъ харастеристика *трехъ стилей Бетховена въ его сонатахъ*, не мѣшало-бы побольше серьозности и послѣдовательности въ изложеніи. Неумѣстная несвязность, разрывчатость изложенія въ соединеніи съ вычурностью языка и постоянною претензіею на сарказмъ тѣмъ досаднѣе дѣйствуютъ въ книгѣ г. Ленца, что взглядъ автора на дѣятельность Бетховена, на *космическое* значеніе бетховенской мысли, довольно вѣренъ и серьозенъ. Только подражаніе порхающему стилю парижскихъ фельетонистовъ испортило все дѣло. Чтобы фактами подкрѣпить мнѣніе рецензента и поближе познакомить читателей этой статьи съ манерою г. Ленца, разсмотримъ нѣсколько подробно первыя главы его книги, то, что авторъ назвалъ *вступленіемъ* (introduction).

Послѣ десяти страничекъ предисловія (изъ котораго была сдѣлана выписка), начинается прямо глава подъ вычурнымъ названіемъ: «о трансцендентальномъ волтижированіи на фортепьяно» (de la voltige transcendante du piano). Здѣсь, до крайности вычурнымъ языкомъ, но не безъ колкости начертана забавная картинка современныхъ намъ злоупотребленій фортепіано піанистами - волтижерами. Особенно крѣпко досталось тутъ одному піанисту (Вильмерсу) за его «pompa di festa» (названіе въ самомъ дѣлѣ каррикатурное для весьма неважной этюды, которую самъ компонистъ (!) величаетъ притомъ un grand exercice de concert). Стараясь выразить всю надоѣдательность этой неэстетической вещи (а сколько такихъ въ наше время печатается — благо бумага все терпитъ и музыкальные торгаши гоняются только за новымъ)—г. Ленцъ прибралъ для звукоподражанія, конечно, — французскія слова съ весьма не-красиво звучащими рифмами и аллитераціями (tintant sur tous les temps, retinté—tympan—strident—portant). Негодованіе автора противъ виртузовъ, выѣзжающихъ на однѣхъ трудностяхъ, очень дѣльно, только противъ формы, въ которой выразилось это негодованіе много можно бы сказать. Затѣмъ, авторъ переходитъ въ названію, такъ часто въ наше время встрѣчаемому на нотныхъ оберткахъ: фантазія — Fantaisie. По этому случаю, опять обильные потоки сарказмовъ: сравненіе съ «фантазіями» прежнихъ компонистовъ; потому-что «фантазіи» встрѣчаются между произведеніями и Моцарта и Бетховена, конечно,

очень непохожія на нынѣшнія. Далѣе новую пищу для сарказмовъ автора представляетъ модная между нынѣшними піанистами манера писать вмѣсто двухъ обыкновенныхъ строчекъ — на трехъ, чтобъ яснѣе выставить мелодическую фразу. «Видно хороша мелодія»,говоритъ авторъ «когда ее надобно пересадить въ особую клѣтку, чтобъ ее замѣтили!» Такъ какъ манеру эту пустилъ въ ходъ Тальбергъ, то г. Ленцъ останавливается на Тальбергѣ, находя его вліяніе во всей нынѣшней фортепіанной музыкѣ. Сравненіе холодной манерности Тальберга со вдохновеннымъ исполненіемъ Листа весьма вѣрно. «Безстрастно-разсчитанный стиль Тальберга исключаетъ мгновенную впечатлительность (spontanéité) листовой манеры. Высокій умъ Листа замѣтенъ даже въ странныхъ преувеличеніяхъ: Листу доступны всѣ стили музыки; его образованность, начитанность позволяетъ ему сходиться со всѣми идеями, — оттого онъ всего выше, когда исполняетъ произведенія великихъ мастеровъ. — Своими сочиненіями онъ вліянія не произвелъ, потому-что сочиненія его — дагерротипъ его необыкновенный виртуозности. Тальбергъ — фортепьянный учитель въ апогеѣ, Листъ — вдохновенный поэтъ.» О такъ называемыхъ «сочиненіяхъ» Тальберга г. Ленцъ отзывается на 10-й страницѣ очень зло, но очень справедливо — и кончаетъ рѣчь объ немъ тѣмъ, что никто еще отъ Тальберга не слышалъ ниодной ноты путной музыки. Начало ложной дороги въ искусствѣ авторъ относитъ къ 1830 году,—потому-что все модное въ свѣтѣ, конечно, начинается съ Парижа. По этому случаю, очень много дѣльныхъ мыслей о прозаизмѣ французовъ вообще, о ихъ анти — музыкальности. Потомъ, авторъ останавливается на композиторѣ «Пустыни» (Félicien David) котораго въ 1845 году, по милости шарлатанскихъ происковъ, успѣли провозгласить чуть-ли не выше Бетховена. (Г. Ленцъ забылъ тутъ упомянуть, что *Берліозъ* былъ въ числѣ первыхъ провозвѣстниковъ появленія новаго Бетховена). Далѣе, авторъ переходитъ въ парижской музыкальной критикѣ. Задѣваетъ Скудо (critique et littérature musicales), за его легкомысленные приговоры гдѣ Реберъ и другія туманныя звѣзды музыкальнаго горизонта поставлены рядомъ съ Мендельсономъ, гдѣ осмѣяны Берліозъ, и Листъ и такъ далѣе. Легкомысленность парижской музыкальной критики вообще чрезвычайно озлобила г. Ленца противъ Парижа (и весьма справедливо). И во-второмъ томѣ, въ концѣ, во-второмъ прибавленіи (2 Supplément), онъ подробно выписываетъ сужденія французскихъ журналовъ (въ февралѣ текущаго года), по случаю представленіи «Фиделіо» Бетховена на сценѣ парижской итальянской оперы. Грубыя ошибки французскихъ критиковъ, приведенныя и осмѣянныя г. Ленцомъ, дѣйствительно, и не такого фанатическаго бетховеніанца — могли бы вывести изъ нормальнаго спокойствія. Особенно непостижимо упрямое невѣжество парижанъ въ отношеніи всего нѣмецкаго — превосходитъ въ самомъ дѣлѣ всякую мѣру.—Разборъ французскихъ критикъ и подробности о Фиделіо — на страницахъ 243—255 II тома—вообще весьма занимательны *. Посмѣяв-

* Чтобы еще лучше выставить невѣжество французскихъ критиковъ, которыя увѣряютъ,

шись еще надъ манерою піанистовъ-фокусниковъ отмѣчать самыя трудныя мѣста своихъ «сочиненій» варіантами «osfia»—или урѣзками (coupures), назначаемыми самимъ композиторомъ (!) — какъ будто въ доказательство, что тутъ дѣло вовсе не въ музыкѣ, а просто въ бо́льшей или меньшей физической силѣ, въ акробатическихъ подвигахъ—авторъ заключаетъ свою первую главу словами Жюль-Жанена о фокусъ-покусахъ въ искусствѣ (изъ фельетона Débats 3 марта 1851), избранными и для эпиграфа этой главы. Какъ «введеніе,—medias in res», эта глава и не требовала большой послѣдовательности — а сарказмы тутъ у мѣста;—значитъ, здѣсь г. Ленцъ—если принять его исходный пунктъ за правильный—подлежитъ упрекамъ только въ отношеніи чрезмѣрной вычурности языка. Но рецензенту казалось бы, что Листа затрогивать въ этомъ случаѣ вовсе не слѣдовало—то есть не должно было говорить о немъ въ этой книгѣ вскользь, по случаю нынѣшняго «піанизма» и контраста съ Тальбергомъ: — Тальбергъ въ отношеніи судьбы музыки послѣ-бетховенской имѣетъ значеніе только какъ бездарный злоупотребитель одной формы фортепіанной музыки — широкаго аккомпанимента, указаннаго Бетховеномъ въ Largo 1-го концерта и Веберомъ въ нѣкоторыхъ пріемахъ его сонатъ. Тогда какъ Листъ — всѣмъ существомъ своимъ тѣсно, неразрывно связанъ съ *бетховенскою музыкою*. Онъ одинъ своимъ геніальнымъ взглядомъ окинулъ все, что́ Бетховенъ сдѣлалъ для фортепіано и изъ фортепіано; онъ одинъ съ пользою пустилъ въ ходъ (въ своихъ геніальныхъ арранжировкахъ) указанные Бетховеномъ способы превращать фортепіано въ оркестръ — онъ одинъ изъ всѣхъ современныхъ музыкантовъ близко подошелъ къ настоящему духу Бетховена, вѣющему въ его произведеніяхъ (подошелъ, конечно, въ исполненіи тодько и въ арранжировкахъ, а не въ сочиненіяхъ, къ которымъ у него—просто нѣтъ таланта). Г. Ленцу слѣдовало бы несравненно дольше остановиться на Листѣ и его значеніи въ современномъ искусствѣ, посвятить этому по крайней мѣрѣ цѣлую отдѣльную главу своей книги (если не двѣ, отдѣливъ транскрипціи Листа отъ исполненія); но это «слѣдовало бы» связано съ перестройкою всей книги по иному плану, значитъ «теперь» нечего объ этомъ и распространяться. 2-я глава «вступленія» называется «Гайднъ, Моцартъ Бетховенъ, Веберъ, Мендельсонъ». Ясно, что здѣсь идетъ рѣчь о той музыкѣ, которая составляетъ контрастъ «трансцендентальному волтижированію»; послѣ нѣсколькихъ строчекъ объ этомъ контрастѣ (тогда какъ тутъ именно можно было и должно было говорить объ этомъ побольше), г. Ленцъ, оставляя Гайдна за штатомъ и только въ заглавіи отведя ему почетное мѣсто, прямо начинаетъ говорить о моцартовой фортепіанно́й музыкѣ.

что исключенные Бетховеномъ изъ е го оперы дуэтъ для 2 сопрано и терцетъ (сопр., теноръ-басъ)—затерялись (!), надобно было сказать, что въ самомъ 1 изданіи оперы Фиделіо для фортепіано еще подъ именемъ «Леоноры» (безъ увертюры и безъ финаловъ) есть эти пропущенные NN—да еще съ добавленіемъ превосходнаго речитатива передъ дуэтомъ Леоноры и Флорестана въ 2 актѣ. (Gdur—C).

Здѣсь онъ очень справедливо отдаетъ «Моцарту моцартово» (отъ 20—25, I тома). Характеръ моцартовой фортепіанной музыки очерченъ очень вѣрно. Въ своемъ безпристрастіи, г. Ленцъ находитъ, что въ Сонатахъ со скрипкой, Моцартъ, лучше Бетховена умѣлъ уравновѣсить оба инструмента, и лучше понималъ скрипку, (страница 23—внизу). Съ этимъ довольно трудно согласиться, не отнимая нисколько достоинства отъ моцартовыхъ произведеній. Квартеты Бетховена—и вся оркестрная его музыка показываютъ, кажется, достаточно, что онъ *умѣлъ* употреблять скрипку. Почему-жъ этотъ герой инструментальной музыки долженъ уступить Моцарту насчетъ употребленія скрипки въ дуэтахъ съ фортепіано? Въ сравненіи фактуры моцартовыхъ сочиненій съ фактурою бетховенскою, г. Ленцъ очень справедливо замѣчаетъ (страница 25), что «вторыя части моцартовыхъ Allegro почти всѣ сдѣланы одинаково; то есть можно всегда предвидѣть, какъ сдѣлано будетъ развитіе, тогда какъ у Бетховена, при богатствѣ его мыслей, развитіе всегда и вездѣ непредвидѣнное. Вторая часть моцартовскаго аллегро не говоритъ ничего новаго противъ первой. Для него это только тезисъ — изъ котораго онъ, какъ опытный діалектикъ, всегда выходитъ побѣдителемъ; Бетховенъ же, какъ будто еще ничего не сказалъ» (въ сравненіи съ тѣмъ, что будетъ послѣ), «когда кончилъ первую половину allegro» (въ формѣ большаго половиннаго дѣленія — de la grande coupe binaire.) «*Неожиданность эпизодовъ*, замѣчаетъ г. Фетисъ, составляетъ отличительный признакъ бетховенова генія. Одинъ онъ владѣетъ этимъ искусствомъ».—Рецензентъ считаетъ нужнымъ добавить здѣсь, что «*Гайднъ*» въ развитіи своихъ allegro (особенно въ симфоніяхъ), гораздо богаче неожиданными эпизодами, чѣмъ Моцартъ, въ этомъ отношеніи всегда очень размѣренный, разсчитанный. Притомъ, если уже авторъ завелъ рѣчь о фактурѣ музыкальныхъ сочиненій вообще (на 25 и 26 стр.), то надо было непремѣнно коснуться Гайдна и Керубини. Вліяніе этихъ композиторовъ, въ отношеніи «фактуры», было на Бетховена навѣрное еще сильнѣе моцартова вліянія, потому-что не могъ же Бетховенъ, при колоссальной геніальности, не видѣть ясно нѣкоторыхъ недостатковъ, слабыхъ сторонъ моцартовой фактуры (въ симфоніяхъ и квартетахъ)—а Гайднъ и Керубини съ этой стороны безъукоризненны. (Вліяніе Керубини—какъ драматическаго композитора—очень ясно замѣтно въ Фиделіо Бетховена, — какъ церковнаго — въ первой мессѣ; вліяніе Гайдна—замѣтно во всѣхъ произведеніяхъ перваго стиля бетховенскаго—особенно въ первыхъ шести квартетахъ (ор. 18) и первой симфоніи). Предметъ второй главы, какъ сказано, фортепіанная музыка великихъ мастеровъ въ сравненіи съ нынѣшнею дребеденью,—но г. Ленцъ, поговоривъ о Моцартѣ, о сонатахъ со скрипкою Моцарта и Бетховена, какъ будто забываетъ о своемъ предметѣ и принимается (стр. 26—27) опровергать неудачныя нападенія г. Улыбышева на Бетховена, по случаю его симфоній (?) Всѣ согласятся съ рецензентомъ, что въ этомъ мѣстѣ книги эта полемика не совсѣмъ кстати. Но, — независимо отъ мѣста, — полемика ведена очень дѣльно и что̀, большая рѣдкость у г. Ленца,—методически. Вотъ отрывокъ изъ этихъ довольно—

замѣчательныхъ страницъ: «Разсужденія г. Улыбышева (Vol. 3, p. 233) о характерѣ музыкальной поэзіи вообще и о параллели между симфоніею и одою (!) заключаетъ въ себѣ «petitionem principii»—а именно: что хорошая симфонія (моцартовская) — ода; дурная (бетховенская) — драма. Почему именно ода? почему не эпосъ, не идиллія, не эклога, не гимнъ? Г. Улыбышеву довольно того–что въ симфоніяхъ Моцарта—характеръ оды. Напротивъ, одинъ изъ отличительныхъ признаковъ Моцартова генія — именно драматизмъ. Это качество — служитъ залогомъ безсмертія его произведеній: трудно о ыскать что-нибудь болѣе драматическое, какъ разныя адажіо Моцарта (напримѣръ въ квартетѣ D-moll, въ квинтетѣ G-moll, фортепіанномъ квартетѣ G-moll). Начавъ съ ложнаго основанія, г. Улыбышевъ приходитъ къ такому результату, что назначеніе симфоніи — открывать публичный концертъ (почему-же не оканчивать его?)—и что поэтому размѣры симфоніи должны быть такъ соображены, чтобъ дать время въ концертѣ на участіе солистовъ (!).» Г. Ленцъ посмѣивается надъ этимъ выводомъ и потомъ продолжаетъ: «Мы понимаемъ симфонію теперь нѣсколько иначе—мы находимъ, что она по свободнѣе даже оды: что она не должна постороняться ни для чего и ни для кого, ни даже солистовъ.—Симфонія—высшее, полнѣйшее выраженіе инструментальной музыки, ея торжество; и на такомъ основаніи, ей не нужно заботиться, должна-ли она начать или кончить концертъ, не нужно сообразоваться съ временемъ концертистовъ и публики». По случаю опроверженія невѣрности мнѣній г. Улыбышева о Бетховенѣ какъ симфонистѣ, рецензентъ находитъ, что объ этомъ предметѣ г. Ленцъ уже слишкомъ распространился. Въ книгѣ посвященной характеристикѣ трехъ стилей такого генія, какъ Бетховенъ, въ книгѣ, писанной теперь, когда имя Бетховена какъ симфониста сіяетъ въ апогеѣ искусства—развѣ въ какомъ-нибудь примѣчаніи, мимоходомъ, въ родѣ выписанныхъ г. Ленцомъ приговоровъ лейпцигской музыкальной газеты, можно было коснуться личнаго мнѣнія одного музыкальнаго критика, который, сдѣлавъ себѣ изъ Моцарта идола или какого-то далай-ламу (по выраженію г. Ленца), старается видѣть въ симфоніяхъ Бетховена только «преувеличенія и несообразности гармоническія». Ему-же—этому критику—хуже, если по случаю хоровъ IX симфоніи онъ восклицаетъ только: «pitié, misère!» Такія сужденія могутъ имѣть одинъ историческій интересъ *въ наше время*. (Это незначитъ, впрочемъ, чтобъ въ наше время и IX Симфонія подошла подъ горизонтъ «общаго пониманія; по крайней мѣрѣ теперь непонимающіе молчатъ изъ осторожности, или, восхищаясь частностями отдѣлываются фразами о глубокомъ, мистическомъ значеніи музыкальныхъ формъ третьяго бетховенскаго стиля). Вотъ, на счетъ умолчанія г. Улыбышевымъ о фортепьянныхъ сочиненіяхъ Моцарта, дѣло другое: здѣсь слѣдовало распространиться объ этомъ и доказать г. Улыбышеву всю его вину передъ историческо-музыкальной критикой. Такой пробѣлъ въ сочиненіи г. Улыбышева ничѣмъ не можетъ быть извиненъ, потому-что онъ предметомъ своей книги избралъ всю дѣятельность Моцарта—а дѣятельность его и въ отношеніи фортепіанной

музыки чрезвычайно важна. Важность эта отчасти показана въ книгѣ г. Ленца, но была бы гораздо яснѣе видна, еслибъ авторъ сдѣлалъ серьозный историко-критическій очеркъ всей клавецинной музыки до Бетховена. Г. Ленцъ, какъ уже столько разъ замѣчено было, о методическомъ изложеніи не заботится; потому, поговоривъ о пробѣлѣ книги г. Улыбышева, задѣваетъ его съ другихъ сторонъ, очень мало идущихъ въ дѣлу (на 32 и 33 стр.), потомъ уклоняется въ анекдотическія подробности о героической симфоніи Бетховена, и о промахѣ г. Фетиса въ отношеніи этой симфоніи. Возвращаясь еще разъ къ г. Улыбышеву, г. Ленцъ (на стр. 37) довольно вѣрно характеризуетъ Моцарта: «Моцартъ — самый полный музыкальный геній — по своему превосходству во всѣхъ родахъ музыки; и по прирожденной въ немъ наукѣ, съ которою онъ какъ-будто слился. Но ни одинъ геніальный художникъ не написалъ столько пошлаго (banal)» за тѣмъ (на 38 страницѣ) слѣдуетъ исчисленіе произведеній сравнительно слабыхъ у Бетховена (и въ томъ числѣ осмѣяна одна чудесная варіація, дуэтъ флейты съ фаготомъ изъ фантазіи для фортепіано съ оркестромъ и хоромъ!); а затѣмъ, очень дѣльное замѣчаніе, что во всемъ ряду бетховеновыхъ произведеній, нѣтъ ни одной посредственной симфоніи, ни одного посредственнаго квартета. «На симфоніи Бетховена должно смотрѣть, какъ на событія всемірной исторіи, а не какъ на произведенія музыкальныя бо́льшаго или меньшаго достоинства». — Это мнѣніе, конечно, не безъ фанатическаго преувеличенія—но тутъ есть правда; напротивъ, съ тѣмъ, что г. Ленцъ считаетъ Бетховена вообще не очень сильнымъ по части *строгаго стиля* въ музыкѣ, рецензентъ никакъ не можетъ согласиться. Бетховенъ, какъ и всѣ великіе музыканты, насквозь былъ пропитанъ контрапунктическими формами, безъ которыхъ нельзя быть мастеромъ, невозможно написать ни путнаго квартета, ни симфоніи — а онъ и въ томъ и въ другомъ родѣ музыки создалъ безсмертные образцы и опередилъ Гайдна и Моцарта! Если даже г. Ленцъ разумѣетъ подъ строгимъ стилемъ собственно–фуги, то и этой формой Бетховенъ владѣлъ также свободно, какъ всѣми другими формами (только взглядъ его на фугу былъ совсѣмъ иной, чѣмъ взглядъ Гайдна или Моцарта). Онъ во второмъ стилѣ очень рѣдко употреблялъ форму чистой фуги—фугато весьма часто во всѣхъ трехъ стиляхъ; въ послѣдній же свой періодъ, онъ оказывалъ видимое пристрастіе (Vorliebe) къ контрапунктическимъ формамъ вообще, и къ фугамъ, болѣе или менѣе строгимъ. Доказательствомъ могутъ служить рѣшительно *всѣ* произведенія третьяго стиля. Во второй мессѣ, кромѣ безпрерывныхъ имитацій и фугато болѣе или менѣе продолжительныхъ, есть двѣ фуги, которымъ нѣтъ ничего подобнаго во всей области музыки по громадности, строгости и новизнѣ формъ, (фуга въ Gloria»—in gloriam Dei patris—Ddur C. Allo ma non troppo e ben marcato съ 82 стр. оригинальнаго изданія партитуры и финалъ «Credo» et vitam venturi saeculi. Bdur $^3/_2$ Allegretto ma non troppo стр. 163. Въ обѣихъ фугахъ (какъ и во всей второй мессѣ), весьма замѣтно вліяніе Генделевой музыки на Бетховена. Тутъ вѣетъ геній Генделя, идеализированный геніемъ Бетховена·

мудрено также упрекнуть въ неспособности къ строгимъ контрапунктическимъ формамъ того художника, который создалъ «фугато», въ развитіи похороннаго марша (въ III симфоніи), въ развитіи Allegretto Amoll— въ VII симфоніи, и въ развитіи темы послѣ Alla Marcia (Bdur) въ финалѣ IX симфоніи. Да и вся IX симфонія (за исключеніемъ Adagio, гдѣ перевѣсъ на сторонѣ мелодическихъ формъ) — кромѣ чудесъ *музыки* самой — вся соткана изъ контрапункта. А еще г. Ленцъ упрекаетъ г. Улыбышева въ опрометчивости, и въ недостаточномъ вниканіи въ предметъ! Возвратимся къ второй главѣ книги г. Ленца. Онъ говоритъ весьма дѣльно о заслугахъ Карла-Маріи Вебера, въ области фортепьянной музыки. «Фортепьяно Моцарта было—усовершенствованный клавесинъ Гайдна; фортепьяно Бетховена сдѣлалось новымъ и страшнымъ инструментомъ. Фортепьяно—влюбленное, фортепьяно Вебера, пройдя сквозь виртуозныя преувеличенія сдѣлалось *нашимъ* форпеньяно, фортепьяномъ олимпическаго цирка.» (Стр. 40). Для дальнѣйшихъ подробностей и замѣчаній о Веберѣ отсылаемъ читателей къ самому тексту книги г. Ленца (40 — 46). Рецензентъ удивляется, почему авторъ, упомянувъ о важности хорошихъ арранжировокъ (Clavierauszüge) (по случаю арранжировки «Фрейшюца» самимъ Веберомъ), — не сдѣлалъ въ этомъ мѣстѣ своей книги необходимаго и весьма согласнаго съ ея духомъ — отступленія о вредѣ для искусства отъ плохихъ арранжировокъ нотной музыки! Очень не мѣшало-бы г. Ленцу съ добрымъ запасомъ сарказмовъ поохотиться за легіономъ «деранжеровъ» (dérangeurs) — во главѣ которыхъ Черни, чего-чего не переанжировавшій въ свою жизнь и почти все — одинаково плохо! Переложенія оркестрныхъ вещей для фортепіано въ двѣ и въ четыре руки, дѣло вовсе не постороннее и не безразличное для искусства. Кромѣ самого существа вещи, можно опереться въ этомъ случаѣ и на авторитетъ самихъ композиторовъ, которые (въ томъ числѣ и Бетховенъ) весьма часто занимались переложеніемъ своихъ оркестровыхъ произведеній для фортепьяно. (Бетховенъ, также какъ Веберъ составилъ самъ Clavierauszug своей оперы; самъ переложилъ на фортепьяно въ четыре руки VII симфонію, три квартета (op. 59) и (нѣк. оо вещи). Въ наше-же время, особенно ясно можно видѣть всю несообразность, всю пошлость плохихъ, дюжинныхъ арранжировокъ à la Черни и компанія, когда передъ нами есть образцы высокаго искусства въ этомъ дѣлѣ. Транскрипціи *Листа* имѣютъ точно такое-же значеніе въ искусствѣ, какъ отличныя гравюры — съ оригинальныхъ картинъ. Г. Ленцъ, повидимому, не оцѣнилъ этой заслуги Листа; иначе онъ непремѣнно распространился-бы объ этомъ предметѣ, который весьма тѣсно связанъ съ развитіемъ и успѣхами послѣ-бетховенской фортепьянной музыки и съ судьбою музыки вообще; потому-что не всѣмъ доступны партитуры. и съ судьбою музыки вообще; потому что не всѣмъ доступны партитуры.

Феликсъ Мендельсонъ-Бартольди, идолъ современныхъ музыкантовъ – нѣмцевъ — очерченъ г. Ленцомъ очень удачно (46 — 58). Отсылаемъ читателя къ этимъ страницамъ — однѣмъ изъ самыхъ счастливыхъ въ книгѣ г. Ленца. Заслуги его, въ отношеніи оцѣнки Мендель-

эона, тѣмъ болѣе важны по мнѣнію цензента, что при нынѣшней «модѣ на Мендельсона» (особенно у насъ, въ Петербургѣ) довольно трудно было поставить себя на настоящую точку критики въ отношеніи этого великолѣпнаго, блестящаго таланта. Замѣчанія г. Ленца о контрапунктическомъ стилѣ (въ томъ духѣ, какъ его понималъ Мендельсонъ) очень дѣльны, и результатный выводъ о мѣстѣ Мендельсона въ искусствѣ послѣ – бетховенскомъ — весьма близокъ къ истинѣ. «Псалмодіи синагогъ весьма часто слышатся въ музыкѣ Мендельсона, такъ какъ все направленіе его интеллекта было отмѣчено печатью *новѣйшаго гебраизма*. Когда-же мысль Мендельсона отрѣшается отъ еврейскаго элемента, она переходитъ въ мелкую сферу домашней нѣмецкой, лейпцигской жизни. Это существованіе, исключительное, замкнутое въ себѣ и въ предѣлахъ своего городка, довольное собою, не лишено, пожалуй, оттѣнковъ теплой, нѣжной чувствительности (Empfindsamkeit) — но не позволяетъ художнику подняться надъ кругомъ идей даннаго города, данной публики. Мендельсонъ — первый музыкантъ данной страны въ данную эпоху. Доля таланта въ немъ несравненно сильнѣе доли генія.» Такого рода мѣткое сужденіе о Мендельсонѣ, кажется, еще нигдѣ не было высказано публично — и это одна изъ серьозныхъ заслугъ г. Ленца. Параллель Мендельсона съ Вебером (на 53 стр.) также очень замѣчательна по своей вѣрности. Только въ похвалахъ музыкѣ къ шекспировой пьесѣ «Сонъ въ лѣтнюю ночь» — г. Ленцъ впадаетъ въ нѣкоторыя преувеличенія, ставя эту музыку наровнѣ съ лучшими произведеніями первѣйшихъ компонистовъ. Не надо забывать, что и въ этомъ произведеніи — доза еврейскаго элемента слишкомъ сильна, чтобъ сдѣлать эту музыку полнымъ отраженіемъ шекспировой поэзіи. Во всякомъ случаѣ, оркестрная и камерная музыка Мендельсона дѣйствительно замѣчательнѣе всего, что̀ явилось въ искусствѣ послѣ Бетховена, — и, на этомъ основаніи, на Мендельсонѣ позволительно было подольше остановиться въ книгѣ, трактующей о Бетховенѣ. Впрочемъ, о квартетахъ Мендельсона г. Ленцъ могъ-бы сказать и покороче (во вступительной главѣ къ фортепьянной музыкѣ Бетховена!). Упомянувъ еще о Гуммелѣ, о Шопенѣ, со стороны ихъ сочиненій для фортепьяно, г. Ленцъ заключаетъ эту главу золотыми словами Шиллера: «Художникъ, конечно — сынъ *своего времени*, но худо для него, если онъ сдѣлается любимцемъ современниковъ. Какъ-же ему спастись отъ этой пагубы? Онъ долженъ дарить современникамъ то, въ чемъ они нуждаются, а не то, что они хвалятъ.»

Но вотъ передъ нами третья глава книги — съ лаконическою и многозначительною надписью: «Три стиля въ Бетховенѣ.» — Если въ двухъ вступительныхъ главахъ — до-сихъ-поръ г. Ленцъ не придерживался никакой методы, кромѣ общаго, весьма неяснаго плана, то читатель могъ это еще какъ-нибудь извинить въ авторѣ, потому-что дѣло шло еще не о главномъ предметѣ книги. Чтожъ, если и далѣе г Ленцъ все будетъ порхать мотылькомъ съ цвѣтка на цвѣтокъ — не будетъ-ли это похоже, наконецъ, на какую-то мистификацію? Если гдѣ нужна послѣдовательность, строгая логическая послѣдовательность,

то именно въ критическихъ изысканіяхъ; — если гдѣ критика должна принять всю возможную серьозность направленія — это именно когда дѣло идетъ объ оцѣнкѣ произведеній великаго художника, разсматриваемыхъ со стороны вообще едва затронутой, со стороны новой, обильной результатами. Но авторъ и здѣсь остался вѣренъ своему тону фельетониста. Вы прочитаете пять страницъ небольшой главы (60 — 80) и не будете еще знать хорошенько, о чемъ дѣло идетъ, хотя на этихъ пяти страничкахъ встрѣчаются очень дѣльныя замѣчанія объ особенностяхъ бетховенской фактуры (причемъ выраженіе Фетиса объ эпизодахъ бетховенскихъ предлагается читателю вторично. (Стр. 25 и стр. 63). Безпрерывныя сравненія съ Моцартомъ — если вы слыхали прежде, что Бетховенъ въ первой своей манерѣ подражалъ Моцарту — наводятъ васъ на мысль: да ужъ не о *первомъ-ли стилѣ* Бетховена идетъ рѣчь? Оно такъ и въ-самомъ-дѣлѣ, потому-что послѣ небольшаго отступленія (!) — на 66 страницѣ, о трехъ стиляхъ, замѣчаемыхъ въ Рафаэлѣ, въ Рубенсѣ — авторъ переходитъ уже ко второму стилю, а потомъ къ третьему! — Когда заглавіе всего сочиненія г. Ленца: «Бетховенъ и три его стиля», читатель въ полномъ правѣ ждать отъ вступительной главы «именно объ этихъ трехъ стиляхъ» — сколько-нибудь методическихъ общихъ замѣчаній, которыя ознакомилибы читателя съ предметомъ, какъ слѣдуетъ. Г. Ленцъ не долженъ былъ забывать, что вѣдь не всѣмъ-же на свѣтѣ знакомы также хорошо какъ ему — всѣ произведенія Бетховена съ ихъ библіографической стороны. Конечно, кто не любитъ, то есть, не знаетъ и не можетъ знать Бетховена — тотъ и не примется за чтеніе книги г. Ленца, но и изъ тѣхъ, которые очень любятъ музыку Бетховена, не всѣ знаютъ о существованіи въ его твореніяхъ *трехъ разныхъ стилей*. Значитъ, надо было-бы объ этомъ говорить по серьознѣе и въ порядкѣ. Что касается до самой характеристики трехъ стилей, то въ этой главѣ она сдѣлана весьма неполно, отрывочно и не безъ микроскопическихъ анекдотовъ (стр. 77), хотя тутъ, кажется, было-бы совсѣмъ не до нихъ.

Почти въ каждомъ великомъ художникѣ можно прослѣдить развитіе его генія, и сообразныя съ этимъ развитіемъ видоизмѣненія его стиля. Такъ и съ Бетховеномъ. Г. Ленцъ нѣсколько разъ высказываетъ мысль, что въ Бетховенѣ это совсѣмъ иначе, потому-что онъ уже въ первомъ своемъ стилѣ — какъ продолжатель Моцарта, сталъ въ апогеѣ искусства, то есть, что ему усовершаться, развиваться было нечего. Тогда значитъ, измѣненія стиля въ Бетховенѣ, эти довольно крутые повороты всего его направленія — дѣло чистаго каприза — а неорганической необходимости развитія! Странная мысль! Но очень ясно, что подобныя мысли могли придти въ голову «критику» трехъ стилей бетховенскихъ, который добровольно отказывается отъ уразумѣнія твореній послѣдняго изъ этихъ стилей и откровенно, наивно признается, что *больше* всего въ Бетховенѣ любитъ — пасторальную симфонію и сонату As-dur!

Овладѣвъ, почти съ первыхъ шаговъ своихъ въ искусствѣ, всѣми формами музыки, доведенными до совершенства Гайдномъ и Моцар-

томъ, Бетховенъ не могъ остановиться на этомъ любованьи красивыми формами (se complaire dans la beauté des formes Haydno — Mozariennes). Его мысль — какъ fatum — побуждала его идти дальше и дальше. Рамки употребительной въ его время музыки стѣсняли его вдохновеніе, и онъ ихъ разрушилъ, вовсе не потому–что онъ непремѣнно хотѣлъ идти наперекоръ прецептамъ школы — ребяческій капризъ недостойный великаго художника — а потому–что новыя его поэтическія мысли для воплощенія своего искали новыхъ формъ, болѣе свободныхъ, чѣмъ формы Гайдна и Моцарта. Иногда же, онъ довольствовался и этими формами — когда онѣ отвѣчали задуманной имъ «поэмѣ.» Вотъ въ короткихъ словахъ исторія преобразованій его стиля. Конечно, первый квартетъ изъ трехъ посвященныхъ Разумовскому (op. 59) весьма не похожъ въ формѣ и въ цѣломъ направленіи на самый первый квартетъ (изъ op. 18) — а квартетъ Esdur op. 127 опять на столько-же шире и новѣе въ формахъ противъ квартетовъ op. 59; — соната для фортепіано Fmoll op. 2., соната Fmoll–же op. 57, и соната Cmoll op. III — тоже очень разнятся между собою въ стилѣ — наконецъ: напримѣръ первая симфонія, — пятая—и осьмая — новая безконечная разница не только въ собственно–музыкальныхъ формахъ, но во всемъ «поворотѣ» во всей концепціи и фактурѣ! — И такъ, въ цѣломъ ряду бетховенскихъ произведеній замѣтны три главныя видоизмѣненія его стиля. Но прослѣдить эти видоизмѣненія, анатомируя, такъ сказать, все написанное Бетховеномъ, дѣло весьма нелегкое, задача самой глубокой критики — а провести *рѣзкую границу* между тремя стилями едвали даже возможно. Да и для чего такія границы? Ихъ и въ природѣ— нигдѣ нѣтъ. Утро, полдень, весна, лѣто только въ календаряхъ рѣзко разграничиваются. Уловите мгновеніе, когда цвѣтокъ изъ распуколки станетъ розою!

Сравненіе дѣятельности истинныхъ художниковъ съ дѣятельностью, силами и законами природы всегда должно приводить къ вѣрнымъ результатамъ — потому-что *геній искусства,* какъ сила духа въ человѣкѣ, есть также — *сила природы* — непосредственная ея эманація. Еще между первымъ и вторымъ стилемъ Бетховена скорѣе можно провести черту границы; — достигнувъ тридцатилѣтняго возраста, онъ какъ-будто разомъ отдѣлился отъ прежнихъ формъ — и задумалъ совсѣмъ новыя. Героическая симфонія (III по порядку, op. 55) — и одновременныя ей сочиненія носятъ на себѣ печать сильнаго броженія новыхъ формъ, толпившихся тогда въ Бетховенѣ. Г. Ленцъ (на стр 34) довольно хорошо говоритъ о причинахъ, почему героическая симфонія не могла получить той оконченности въ подробностяхъ, того единства и соразмѣрности, которыми сіяютъ дальнѣйшія симфоніи Бетховена, то есть, начиная съ четвертой до девятой включительно. Бетховенъ смотрѣлъ иногда на свои фортепіанныя сочиненія, какъ на опыты въ маломъ видѣ того, что онъ послѣ писалъ на оркестръ. (Такимъ образомъ, есть варіаціи Бетховена для фортепіанъ Esdur — Variations avec une fugue, op. 35), на туже тему, что въ финалѣ героической симфоніи, и форма нѣкоторыхъ изъ этихъ варіацій напоминаетъ варіаціонное

развитіе темы въ симфоніи — это, безъ сомнѣнія, была предварительная этюда композиста). Въ видѣ опытовъ, онъ могъ весьма часто давать мѣсто совершенно новымъ формамъ, которыя для большихъ произведеній еще не были, по его мнѣнію, довольно зрѣлы. Такимъ образомъ, по фортепьяннымъ произведеніямъ еще труднѣе опредѣлить съ точностью границы каждаго изъ трехъ стилей. Какъ самъ-же г. Ленцъ замѣчаетъ, слѣды новаго, вовсе не моцартовскаго стиля отчасти уже замѣтны въ патетической сонатѣ — op. 13 съ ея интродукціей «Grave — повторенной потомъ среди перваго, чисто бетховенскаго Allegro. Между-тѣмъ сентетъ (op. 20), принимаемый г. Ленцомъ за границу перваго стиля,—выкроенъ весьма чинно по прежней мѣркѣ, и дышетъ мирною, немножко мѣщанскою поэзіею гайдно-моцартовской музыки. Кромѣ поэтической сонаты, и во многихъ другихъ вещахъ Бетховена можно замѣтить слѣды новыхъ формъ, какъ переходъ ко второму стилю. Второй и третій стиль болѣе слиты между собою. Даже въ симфоніяхъ, трудно сдѣлать разграниченіе этихъ стилей. Г. Ленцъ всѣ симфоніи отъ четвертой до девятой (исключительно) относитъ ко второму стилю. Третьему, по его мнѣнію, принадлежитъ изъ симфоній — одна послѣдняя, девятая (op. 125). Рецензентъ полагаетъ, что вѣрнѣе будетъ, вмѣстѣ съ г. Фетисомъ (Biographie universelle des musiciens. Article: Beethoven) отнести къ третьему стилю и осьмую и седьмую симфоніи (op. 92 и op. 93). Тогда, если держаться порядка цифръ, которыя такъ любитъ г. Ленцъ — и op. 97, то есть, большое тріо для фортепіано, скрипки и віолончеля (Bdur), будетъ относиться уже къ третьему стилю; и это вѣрнѣе, потому-что, какъ въ седьмой и осьмой симфоніи встрѣчаются совершенно новые гармоническіе и мелодическіе пріемы, новая совершенно концепція, такъ и въ этомъ тріо, котораго Adagio въ чрезвычайно — близкомъ родствѣ съ длинными, безграничными Adagio въ послѣднихъ квартетахъ и въ фортепьянной сонатѣ op. 106. Г. Фетисъ очень дѣльно находитъ первые признаки формъ третьяго стиля въ седьмой симфоніи и въ этомъ тріо (op. 97). Сюда-же будетъ уже прямо относиться и квартетъ Fmoll (op. 95), который, по г. Ленцу, составляетъ *мостъ* отъ втораго стиля къ третьему: любимѣйшее выраженіе г. Ленца. Мимоходомъ замѣтимъ, что — по мнѣнію автора, отличительный признакъ третьяго стиля — отсутствіе реприза въ первомъ Allegro сочиненья,— тогда какъ и въ сонатѣ Cmoll op. 30 нѣтъ реприза въ первомъ Allegro,— и въ первомъ Allegro седьмаго квартета (op. 59. № 1) — признакъ, какъ видите, чисто-случайный. Если г. Ленцъ — въ седьмой симфоніи не видитъ новыхъ, небывалыхъ формъ — и не видитъ родства этихъ формъ съ формами осьмой симфоніи, девятой и многихъ другихъ произведеній третьяго стиля — ему-же хуже. Подробно все это доказывать — здѣсь не мѣсто, изъ опасенія написать книгу противъ книги, да и нѣтъ надобности. Не все-ли равно — считать седьмую и осьмую симфоніи за переходъ къ формамъ третьяго стиля или прямо отнести ихъ къ этому стилю? Дѣло въ томъ только, чтобъ видѣть новыя формы, — а кто ихъ самъ не видитъ въ твореніи Бетховена, не увидитъ ихъ и послѣ указанія критики — и только повѣритъ или не повѣритъ

на слово. Г. Ленцъ, послучаю характеристики втораго стиля бетховенскаго и далѣе, по случаю многихъ сонатъ, много толкуетъ о формѣ менуэта съ его тріо, придуманной Гайдномъ, очень въ ходу у Моцарта и въ первой манерѣ Бетховена, а потомъ замѣненной имъ болѣе — свободной формой — скерцо. Скерцо, конечно, свободнѣе менуэта — но происходитъ отъ него — по прямой линіи. Это менуэтъ эманципированный. Въ послѣднемъ стилѣ бетховенскомъ (особенно въ послѣднихъ квартетахъ), вообще всѣ составныя части одной цѣльной пьесы утратили свое принятое названье вмѣстѣ съ болѣе и болѣе свободными формами. Одному только закону всегда оставался вѣренъ Бетховенъ — закону единства въ разнообразіи, и разнообразія въ единствѣ — закону — сходства и контрастовъ — потому-что это законы — красоты, основаніе, краеугольный камень искусства. Г. Ленцъ, по случаю менуэтовъ нѣкоторыхъ сонатъ (ор. 10 № 3 — ор. 7), — признается, что невидитъ *отношенія, связи мыслей* (!) между менуэтами и ихъ тріо — и несмотря на невѣдѣніе свое — рѣшается однако истолковать это вліяніемъ на Бетховена *школьныхъ правилъ* (!) гласящихъ, что если менуэтъ въ одномъ тонѣ (majeur) то тріо его непремѣнно должно быть или въ минорѣ того-же тона — или въ тонѣ параллельномъ! (стр. 174) Отношеніе мажора къ минору (какъ и вообще взаимное отношеніе тоновъ), одинъ изъ лучшихъ контрастовъ дарованныхъ искусству самою природою. Это контрастъ въ родѣ тѣхъ, изъ которыхъ составлена вся музыка — отъ которыхъ зависитъ вся ея прелесть, вся ея чарующая сила: контрастъ forte—и piano, контрастъ мужскихъ и женскихъ голосовъ и регистровъ— оркестръ духовыхъ инструментовъ и оркестръ смычковыхъ, — ритмическое дѣленье на два и ритмическое дѣленье на три и такъ далѣе, до безконечности. Menuetto, или Scherzo, или та часть квартета, сонаты, симфоніи — которая замѣняетъ менуэтъ, подъ перомъ Бетховена, служила именно болѣе всего для «игры контрастовъ» — (послѣ первой вступительной части, гдѣ помѣщается у него болѣе строгая экспозиція сюжета — или послѣ Adagio или Largo съ глубокимъ драматическимъ развитіемъ мысли). Вотъ гдѣ тайна капризовъ, которыми такъ богаты Scherzi Бетховена. Вотъ отчего такъ часто тамъ чередуются majeur и mineur (Scherzo пятой симфоніи, бездна менуэтовъ и Scherzo въ сонатахъ и квартетахъ) чередуются tonalités relatives съ нѣкоторымъ измѣненіемъ движенія (Scherzo седьмой симфоніи — F и D, meno Allegro) чередуются ритмы — ($^2/_4$ послѣ $^3/_4$ въ Scherzo посторальной) — наконецъ, для усилія контраста, чередуются и тонъ и другое ритмическое движеніе (въ Scherzo девятой Dmoll $^3/_4$, и dur $^4/_4$); Вездѣ *органическій законъ, въ согласіи съ внутреннею мыслію сочиненія* — ктожъ тутъ будетъ вспоминать о какихъ-то рецептахъ или прецептахъ школьныхъ музыкальныхъ учителей! (стр. 174). Что сказать также о подобных фразахъ: «Бетховенъ, принявъ въ своихъ сочиненіяхъ вторую свою манеру рѣшилъ, что эта дружба (между менуэтомъ и его тріо!) должна кончиться. Но не забросилъ совершенно стараго пріятеля: нѣсколько еще разъ бросалъ менуэту свою визитную карточку.» Ужъ не говоря о тонѣ, о способѣ выраженья — (весьма неумѣстномъ),

сама идея — невѣрна — и — по всеглашней точкѣ зрѣнія г. Ленца (и многаго множества другихъ цѣнителей) ставитъ Бетховена въ какоеотболѣе или менѣе враждебное отношеніе къ школѣ и ея прецептамъ! (здѣсь Allegro — а здѣсь Adagio; — здѣсь Menuetto (maggiore) — здѣсь Trio (minore) — а вотъ пусть-же будетъ иначе! — Бетховену, конечно, приходилось иногда вспоминать и школьныя правила и существовавшія до него выкройки, мѣрки и формулы, — но никакъ не чаще и небольше, какъ Шиллеру или Байрону приходилось вспоминать о правилахъ грамматики и просодіи. Они владѣли своимъ языкомъ — Бетховенъ владѣлъ своимъ: тутъ вся грамматика и просодія, вся школа съ ея прецептами. Отчего никто не сочинитъ такой диковинки, что Гёте, или Байронъ, или нашъ Пушкинъ вздумалъ написать такую-то поэму — въ такомъ-то размѣрѣ *не по внутреннему требованію поэзіи своей* — а наперекоръ какимъ-то грамотѣямъ? Отчего-же не всѣмъ съ перваго раза видна нелѣпость идеи ставить Бетховена на арену съ грамотеями музыкальными, навязывать ему такъ много мелочныхъ мыслей, которыя ему и въ голову не приходили! Рецензенту очень жаль, что во всѣхъ этихъ матеріяхъ (при младенчествѣ эстетической музыкальной критики вообще), чтобы сдѣлаться вполнѣ понятнымъ, надобно начинать съ «азовъ» — а начинать съ азовъ — значитъ писать цѣлый курсъ въ опроверженіе трехъ строчекъ. Изъ опасенія, однако, быть перетолкованну вкривь и вкось, рецензентъ прибавляетъ еще нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ. Всѣ великіе художники уважали «школу» въ своемъ искусствѣ, то есть, труды великихъ своихъ предшественниковъ; — на нихъ они не переставали учиться до конца дней своихъ (такъ Моцартъ учился на Бахѣ и Генделѣ, Бетховенъ на Бахѣ, Генделѣ, Гайднѣ, Моцартѣ, Керубини); прецептовъ-же школы — этого jus scriptum въ искусствѣ, имъ было не нужно — потому-что, служа своему генію, слѣдуя своей натурѣ, они сами творили образцы искусства и творили не для учебныхъ цѣлей — съ тѣмъ, чтобы «доказать» возможность такой-то или другой формы,—а по высшимъ внушеніямъ своего поэтическаго духа, который покорялъ себѣ всѣ до нихъ существовавшія формы искусства — выгибалъ ихъ согласно своимъ требованіямъ, и въ случаѣ надобности, создавалъ новыя.

Вотъ единственная точка зрѣнія, съ которой должно смотрѣть на безпрерывныя новизны въ формахъ, введенныя Бетховеномъ въ его музыку, начиная съ произведеній втораго его стиля. Какъ первый стиль Бетховена, съ формами, скроенными по музыкѣ гайдно-моцартовской, сдѣлался мелокъ, бѣденъ передъ широкими формами втораго стиля, гдѣ Бетховенъ уже сталъ вполнѣ самимъ собою; точно такъ, формы втораго стиля, величественныя новыя формы изумительной красоты и стройности—въ послѣднее развитіе бетховеновой геніальности уже не отвѣчали его идеалу—для него уже и C-moll-ная Симфонія казалось не довольно широка и могуча, потому-что въ головѣ зараждалась—симфонія девятая и всѣ «безбрежныя» формы послѣдняго, высшаго стиля. Г. Ленцъ очень часто говоритъ о «духѣ» сочиненій Бетховена, но, по бо́льшей части, остается при одной «буквѣ». Это больше всего видно при хара-

ктеристикѣ третьяго бетховенскаго стиля который, конечно, потруднѣе для общаго пониманья, чѣмъ первый и второй; оттого-то теперь «общая симпатія» на сторонѣ произведеній бетховенскаго втораго стиля,—точно также, какъ лѣтъ двадцать тому назадъ, въ Бетховенѣ знали и цѣнили только первыя сонаты, первыя тріо, первые квартеты и септуоръ (op. 20). Многія изъ формъ третьяго стиля—напримѣръ, множество нотъ, иногда употребляемыхъ Бетховеномъ въ безконечныхъ украшеніяхъ, развѣтвленіяхъ мысли — г. Ленцъ относитъ къ вліянію глухоты (?!) Бетховена; то есть, будто-бы Бетховенъ сталъ щедрѣе на ноты, потому-что уже иподнаго звука больше не слышалъ (n'aime t–on pas immodérément un bien perdu à jamais—?!!) Самъ же г. Ленцъ приводитъ письмо Бетховена къ г. Аменда,—гдѣ прямо самимъ Бетховеномъ высказано (стр. 270 II–го тома), что глухота его (когда ему было около сорока лѣтъ) въ дѣлѣ композиторства ему почти не мѣшала, а мѣшала въ сношеніяхъ съ людьми. Такъ было и въ послѣдствіи — и не могло быть иначе, потому-что «внѣшнее» ухо, при такой «колоссальной» геніальности, почти ничего не значило. Девятая Симфонія и вторая месса въ своихъ тончайшихъ инструментальныхъ и вокальныхъ сочетаніяхъ, кажется, не обнаруживаютъ глухоты композитора. Тоже можно сказать и о послѣднихъ квартетахъ (начиная съ op. 95), въ которыхъ «тонкость» акустическаго разсчета при «переплетеніи» голосовъ — изумительна. Г. Ленцъ остановился только на внѣшности — на «фигурѣ» произведеній третьяго стиля. Онъ критикуетъ слова Скудо (Revue des Deux-Mondes, 1-r oct. 1850) который, смѣшавъ видоизмѣненія стиля Бетховена съ тремя періодами его жизни, означенными Шиндлеромъ (въ біографіи, стр. 9)—сравниваетъ эти три періода и три стиля съ юношествамъ, зрѣлостью и убываніемъ силъ дряхлѣніемъ (décadence)—какъ бываетъ съ бо̀льшей частью ходужниковъ. «Singulière décadence que la Symphonie avec choeurs, la Messe en ré, les derniers Quatuors, les dernières Sonates!» Такъ восклицаетъ г. Ленцъ въ порывѣ негодованія. Но съ его стороны, это только «слова», потому-что вотъ какъ онъ самъ выражается о третьемъ стилѣ на 11 и 12 страницѣ II-го тома: «есть музыканты, которые увѣрили себя (qui ont réussi à se persuader), что они предпочитаютъ третій стиль Бетховена всему прежде имъ написанному. Преувеличеніе безполезное (l'est une éxagération inutile). Третій стиль Бетховена представляетъ несравненныя красоты рядомъ съ странностями, темными, непонятными (для кого?) намѣреніями, преодолѣніе которыхъ составляетъ тяжелы трудъ для исполнителя». (А! вотъ въ чемъ дѣло—видно, г. Ленцъ, какъ піанистъ, пробовалъ свои силы на послѣднихъ Сонатахъ Бетховена—и не одолѣлъ ихъ). «Гёте ставилъ вторую часть своего Фауста выше первой—Бетховенъ съ презрѣніемъ отзывался о своемъ Сентетѣ, о первыхъ квартетахъ. Даже C-moll-ною симфоніею подъ конецъ жизни былъ недоволенъ; хотѣлъ перемѣнить въ ней первое Allegro. (Шиндлеръ, стр. 240)—только послѣднія произведенія казались Бетховену настоящимъ, полнымъ выраженіемъ его мысли.—Такое предпочтеніе не удивительно; поэтъ никогда не помирится съ мыслію, что геній его ослабѣлъ (combattra toujours

l'idée d'avoir pu faiblir—?!!): это вѣчный законъ самолюбія (?!) Произведеніе, которое Бетховенъ самъ ставилъ выше всѣхъ своихъ, которое онъ называетъ въ письмѣ къ Лудовику XVIII —«mein grösstes und gelungenstes Werk»—Mecca iu D. Et adhuc sub judice lis est (то есть «дѣло еще нерѣшено»).— Кромѣ страннаго прямаго противорѣчія съ опроверженіемъ мнѣнія Скудо—не показываютъ ли всѣ эти строчки слишкомъ ясно, что при такомъ взглядѣ на дѣятельность Бетховена въ послѣднее время его жизни, отъ г. Ленца невозможно ожидать справедливой критики вообще, ни, — тѣмъ менѣе, — правильныхъ замѣчаній о произведеніяхъ третьяго бетховенскаго стиля? И въ самомъ дѣлѣ, — если и вообще разборъ сонатъ, какъ уже было замѣчено, не отличается ни глубиною, ни мѣткостью взгляда, вообще самая слабая часть сочиненія г. Ленца—то анализъ послѣднихъ пяти сонатъ (съ начала II тома до 46 страницы), представляетъ рядъ приговоровъ очень близко напоминающихъ «la grande aveugle»—какъ г. Ленцъ остроумно прозвалъ лейпцигскую музыкальную газету. Разбирая эти послѣднія пять сонатъ Бетховена (изумительныя произведенія—въ которыхъ, какъ во всемъ третьемъ стилѣ,—новизна, необычайность формъ равносильна ихъ красотѣ поражающей, побѣдоносной) г. Ленцъ—хотя и изучалъ ихъ въ продолженіе двадцати лѣтъ (стр. 12) — очень радъ когда можетъ спастись длиннымъ отступленіемъ въ какія-нибудь анекдотическія подробности (переписка Бетховена съ кн. Н. Б. Голицынымъ, стр. 3 II тома; увертюры Леоноры, стр. 35—38 и тому подобное) потому-что часто незнаетъ что̀ сказать объ этихъ неслыханныхъ еще формахъ музыки, къ которымъ не можетъ чувствовать никакой симпатіи. Вотъ маленькіе образчики приговоровъ г. Ленца о произведеніяхъ третьяго стиля:

О квартетѣ Es dur. Op. 127. (стр. 21 II томъ) «Moderato» (²/₄) въ шесть тактовъ предшествуетъ первому Аллегро (³/₄) какъ будто вылетающему изъ триллера. Это Moderato въ широкомъ стилѣ; значитъ родъ прелюдіи (préambule) но это Moderato возвращается и не одинъ разъ—(прежде въ Gdur потомъ въ Cdur). И такъ это Moderato—ядро,—основная идея пьесы? Мы (?!) не можемъ проникнуть этого намѣренія, (такъ чтожъ?), мы любимъ (точь въ точь слогъ одной газеты) Аллегро; но въ этомъ тройномъ Moderato изъ шести тактовъ—ровно ничего не понимаемъ (чтожъ за бѣда?)—хотя нѣсколько лѣтъ сряду, съ партитурой въ рукахъ, слушали этотъ квартетъ въ очень удовлетворительномъ исполненіи. (Можно слушать и съ партитурой въ рукахъ—и не слыхать смысла!)

О сонатѣ op. 101, (стр. 10 II томъ). «Второй morceau этой сонаты—«Vivace alla Marcia». Тутъ слишкомъ много схоластической изысканности (!!!) чтобъ осталось мѣста идеямъ; ихъ и не оказалось на этотъ разъ (aussi font elles défaut !!)—Мы не жалуемъ этого марша (какъ жалко для Бетховена!) и никакого не встрѣчали кому бы этомъ маршъ понравился (!). Лейпцигская музыкальная газета (1817, p. 688) находитъ въ тріо марша красивыя имитаціи; можетъ-ли это служить

извиненіемъ странной несвязности (décousu) остальнаго! (искалъ-ли Бетховенъ «извиненія» передъ гг критиками—?!!).

О сонатѣ ор. 111, (стр. 40 II тома). «Ясность перваго Аллегро—нѣкоторая экономія (sobriété) въ выборѣ средствъ, все заставляетъ относить это произведеніе не къ третьему стилю, но ко второму, къ великому стилю бетховенскому (?!) Здѣсь нѣтъ ничего туманнаго (diffus) лишняго (prolixe)—здѣсь мы находимъ вновь тотъ энергическій, сверкающій (étincelant) стиль, который подарилъ намъ симфонію героическую, пасторальную (вотъ оно!)—C-moll-ную» —Какъ будто первое Аллегро пятой симфоніи болѣе энергично, болѣе молніеносно чѣмъ первое Аллегро девятой симфоніи?! Если съ чѣмъ разбираемая г. Ленцомъ величественная Соната (ор. 111) имѣетъ родственную связь идей—такъ именно съ первымъ Аллегро девятой симфоніи—а ужъ никакъ не съ пятой. (Общаго между ними одно—C-moll). Но г. Ленцу такъ понравилось придуманное имъ сходства между этой сонатой и пятой симфоніей, что онъ — однимъ махомъ пера (on rapporte) отнесъ къ этой *сонатѣ* очень извѣстное всему свѣту толкованіе *самимъ Бетховеномъ* первыхъ унисоновъ съ ферматами, которыми начинается пятая симфонія «So klopft das Schicksal an der Pforte (такъ судьба стучится въ дверь). Никто (достойный авторитета) никогда не относилъ этихъ словъ къ сонатѣ ор. 111.—гдѣ «das klopfen» совсѣмъ и не выражено. Желательно бы знать, откуда почерпнулъ г. Ленцъ свое «on rapporte».—Рецензенту удивительно, какъ г. Ленцъ — такой мастеръ на микроскопическія замѣтки—пропустилъ безъ вниманія, что мотивъ перваго Аллгеро этой Сонаты (тотчасъ послѣ вступительныхъ тактовъ) послужилъ тэмою для очень извѣстнаго произведенія Мендельсона (Capriccio-H-moll, для фортепьянъ, съ оркестромъ).

— Васъ пугаютъ необычайно-свободныя формы третьяго стиля—вамъ съ ними неловко, вы незнаете, какъ съ ними справиться? Припомните, что точно также героическая симфонія и вторые квартеты (ор. 59) казались въ свое время дремучимъ лѣсомъ диссонансовъ и капризовъ ритмическихъ, и добрые нѣмцы не шутя жалѣли, что бѣдный Бетховенъ помѣшался!—Забавнѣе всего, что самъ г. Ленцъ, претвердо зная судьбу каждой ноты бетховенской—въ отношеніи третьяго стиля повторяетъ на себѣ «en chair et en os» близорукость критикъ лейпцигской музыкальной газеты (откуда самъ онъ выписалъ такую бездну жалко-смѣшнымъ приговоровъ)! Дѣло все въ томъ, что хотятъ Бетховена мѣрять на свой аршинъ!—Безпрерывно открывая передъ собой новые невѣдомые горизонты въ искусствѣ, безпрерывно болѣе и болѣе отрѣшаясь отъ принятыхъ формъ, покоряя ихъ—мысли, Бетховенъ въ каждомъ своемъ произведеніи втораго и третьяго стиля прокладываетъ себѣ новые пути имѣя въ виду одну цѣль—воплощеніе своей поэтической мысли; высказываетъ свою «идею» такими огненными словами, что невозможно, кажется, не понять этого языка — а тутъ, кругомъ него, копошатся пигмеи, которыхъ поражаетъ только: зачѣмъ въ первомъ Аллегро этого квартета—нѣтъ реприза? зачѣмъ въ этой симфоніи не менуетъ, а скерцо а въ другой — скерцо, а не менуетъ? зачѣмъ

скерцо, этой симфоніи слито съ финаломъ, а финалъ прерывается для того, чтобъ дать мѣсто отрывку изъ скерцо?! Титанъ мысли въ царствѣ звуковъ вооружается всѣмъ могуществомъ своего генія, арсеналомъ всѣхъ доступныхъ музыкѣ внѣшнихъ и внутреннихъ силъ, чтобъ на скрижаляхъ одной изъ своихъ послѣднихъ партитуръ начертать картину высшихъ стремленій, всей судьбы человѣчества и, чтобъ не дать возможности «непонять» своихъ намѣреній, беретъ въ пособіе вдохновенное слово Шиллера—а ему кричатъ: «это что еще за новости? Хоръ въ симфоніи?! съ Adagio двѣ совсѣмъ разныя тэмы?! въ финалѣ перебираются отрывочки изъ остальныхъ частей?! Нѣтъ, братъ, шутишь! лучше пасторальной симфоніи ничего ни напишешь?»

Остановившись такъ долго на третьей главѣ книги г. Ленца, рецензентъ считаетъ себя въ правѣ, — чтобъ не утомить читателей этой статьи — объ остальныхъ главахъ разбираемаго сочиненія сказать нѣсколько короче. Слѣдующая — четвертая глава (вступленія) называется: «фортепіанныя сонаты» (подразумѣвается: Бетховена). Здѣсь послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ строкъ авторъ занимается (стр. 82 — 95 I т.) статистическимъ разсчетомъ: сколько бетховенскихъ произведеній написано въ такомъ-то тонѣ, сколько въ другомъ—перебирая всѣ двѣнадцать интерваллов хроматической гаммы съ ихъ минорами. Кромѣ того, что этотъ разсчетъ фактически не-со-всѣмъ вѣренъ * — въ такой подробности, какъ онъ сдѣланъ г. Ленцомъ, онъ врядъ ли къ чему можетъ служить. Со стороны же результатной—выводы г. Ленца тоже врядъ ли могутъ быть полезны, потому-что онъ на эстетическое значеніе тоновъ (Tonarten) смотритъ какъ-то чрезвычайно странно и на каждомъ шагу впадаетъ въ противорѣчія. Такъ напримѣръ г. Ленцъ говоритъ на 86 стр. «Въ тонѣ As-dur написаны двѣ Сонаты—ор. 26 и ор. 110.—Этотъ неопредѣленный тонъ (cette tonalité vague) — не приходился по Бетховену nalla'pas à B.)» и въ слѣдъ за этимъ высчитываетъ бездну Adagio и Andante въ этомъ тонѣ—и все въ весьма капитальныхъ произведеніяхъ Бетховена (напр. пятая симфонія) квартеты ор. 74 и ор. 127 первой концертъ, патетическая Соната, Соната со скрипкою ор. 30 № 2—и такъ далѣе) — неправда ли — странно? Далѣе «Бетховенъ не очень уважалъ (?!) тонъ A-dur» А въ этомъ тонѣ—цѣлая симфонія (седьмая) — Larghetto—второй симфоніи — три въ Фиделіо, пять Сонятъ и такъ далѣе — чтожъ значитъ Бетховенъ не уважалъ этого тона—??—«Тонъ Edur мало улыбался Бетховену. (?!—стр. 89)—Бетховенъ любилъ выражать въ этомъ

---

* Въ тонѣ Es-dur забыта увертюра «König Stephen»; въ тонѣ G-dur забыты бездѣлица! —канонъ въ Фиделіо въ первомъ актѣ и дуэтъ—передъ послѣднимъ финаломъ; въ тонѣ G-moll забыты увертюра и дуэтъ изъ Аѳинскихъ развалинъ (Грекъ и Гречанка)—въ тонѣ F.—пропущенъ 11-й квартетъ F-moll—въ тонѣ A-dur — пропущено Larghetto 2-й симфоніи — Въ тонѣ B — пропущенъ турецкій маршъ изъ Аѳинскихъ развалинъ, 1-й финалъ Фиделіо, маршъ оттуда же изъ 1-го акта. Ужъ если высчитывать — такъ все и поаккуратнѣе; тѣмъ болѣе что всѣ эти пропуски относятся, какъ нарочно, къ произведеніямъ весьма характерныхъ со стороны тональности (tonart.)

тонѣ сюжеты противуположные его блестящему, но нѣсколько пошлому характеру (brillant mais vulgaire)!! Можно-ли до такей степени навыворотъ все видѣть? Тонъ Edur и у Баха, и у Генделя, и у Гайдна употреблялся для выраженія самыхъ религіозныхъ сюжетовъ — для самыхъ таинственно-священныхъ Lagro и Adagio. Таково въ нихъ его назначеніе и у Бетховена. Тонъ теплоты, умиленія религіознаго, надежды, будущности загробной. (Adagio изъ восьмаго кварт. Op. 99, № 2. Elegischee Gesang и Opferlied, главныя модуляціи въ As-дурныхъ Adagio, патетической и сонаты, квартета op. 127. Арія Леоноры «Komm, Hoffnung, Adagio C-дурной сонаты op. 2, № 3, модуляціи въ Kyrie первой Мессы и такъ долѣе). Гдѣ же тутъ le caractére vuigaire?? или какая-то *ирониа* со стороны Бетховена въ употребленіи этого тона?! Еслибъ г. Ленцъ вникнулъ поглубже въ законы отношенія тоновъ онъ увидѣлъ бы почему такъ много Adagio у Бетховена въ тонѣ As dur и отчего эти Adagio встрѣчаются или въ пьесахъ in Es-d. или in C-moll; увидѣлъ бы, что Бетховенъ не эманципируетъ себя «нарочно» отъ употребленія близко родственныхъ тоновъ (le ton relatif le plus proche, p. 107), но что и въ выборѣ другихъ, менѣе ожидаемыхъ тоновъ, для среднихъ частей большаго сочиненія, руководствуется постоянно присущимъ ему закономъ внутренняго родства тоновъ (отношенія доминанты и субдоминанты къ тоникѣ; отношенія тоническихъ и параллельныхъ мажоровъ и миноровъ—и еще не всѣми замѣченное отношеніе мажорнаго или минорнаго тона верхней или нижней терціи, большой или малой — напримѣръ Hdur, послѣ Gdur; Gdur послѣ Bdur; fismoll-noe Adagio въ пьесѣ in B, соната op. 106. Largo in Cdur въ пьесѣ in Es, op. 7. Adagio in E въ пьесѣ in C, op. 2, № 3. Scherzo F dur съ эпизодомъ in D—въ симфоніи in A и такъ далѣе). Довольно впрочемъ объ этомъ предметѣ, чтобъ показать, что г. Ленцъ не вникъ въ эти законы, которыхъ ясное пониманіе, по мнѣнію рецензента, очень не мѣшало бы тому, кто берется критиковать Бетховена. Однихъ внѣшнихъ, библіографическихъ свѣдѣній еще весьма недостаточно, чтобъ сдѣлаться музыкальнымъ критикомъ. Самый вѣрный выводъ изъ всего, что сказалъ г. Ленцъ по случаю тоновъ, что Бетховенъ больше всѣхъ тоновъ любилъ *C*, съ его минором — и вообще (какъ всѣ великіе музыканты) писалъ преимущественно въ тонахъ первоначальныхъ, болѣе простыхъ (C, D, F, B), тогда какъ нынѣшніе композиторы щеголяютъ «множествомъ діэзовъ и бемолей въ ключѣ и энгармоническими переходами — но кто же этого не знаетъ? И странно, что въ этой же главѣ (4) при замѣчаніяхъ о Бетховенѣ какъ гармонистѣ и прочее (отъ 96 стр. до 105). Г. Ленцъ разсыпаетъ много очень дѣльныхъ мыслей и взглядовъ. «Бетховенъ былъ столько же великъ въ употребленіи средствъ, какъ и въ выборѣ цѣлей. «Въ *технической* сторонѣ своего искусства онъ видѣлъ азбуку, которою можно выразить все что человѣку дано постичь изъ жизни, изъ природы, изъ всего космоса, его окружающаго» (стр. 96). «Книга, которую можно написать о Бетховенѣ со стороны *науки* — должна отличить въ немъ гармониста, контрапунктиста, оркестратора — и ново-

вводителя въ отношеніи ритма» (тамъ же, далѣе). «Для Бетховена мысль — все, техническая работа (le travail), только служитъ идеѣ, служитъ для ея торжества. Все въ Бетховенѣ исходитъ изъ главной идеи — все къ этой идеѣ возвращается: ему надобно прежде всего — чтобы избранная имъ мысль—восторжествовала. Мотивъ Бетховена заключаетъ въ себѣ въ зародышѣ всѣ сочетанія ритмическія, гармоническія и мелодическія, которыя послѣ выходятъ изъ этого мотива» (примѣромъ взяты первые 4 такта пасторальной симфоніи и выводъ очень вѣренъ, стр. 97). «Невозможно исчерпать предмета, еслибъ начать высчитывать всѣ богатства науки которыя подъ перомъ Бетховена превращаются въ сокровища поэзіи. Наука ему прирождена (Cette scence est tont infuse) и Бетховенъ создалъ столько чудесъ «потому что онъ былъ — *геній*, а не потому что былъ *ученый музыкантъ*. Геній отгадываетъ грамматику и, если надобно — то и перемѣняетъ ее; учился ли онъ ей, геній даже и не вспоминаетъ» (стр. 98). Какъ трудно согласить эти превосходныя и прекрасно высказанныя мысли съ тѣмъ взглядомъ автора, о которомъ только-что говорено было (по случаю формы менуэта, по случаю третьяго стиля и по случаю тоновъ). Съ трудомъ вѣрится что это писано однимъ и тѣмъ же человѣкомъ. Говоря о Бетховенѣ, какъ гармонистѣ, г. Ленцъ, — по мнѣнію рецензента, весьма дѣльно въ существѣ,—нападаетъ на г. Фетиса, который въ своемъ Traité d'harmonie находитъ *неправильности* (!) въ двухъ чрезвычайно замѣчательныхъ гармоническихъ сочетаніяхъ — (*одно:* вступленіе Corno in C на педали F — восьмой тактъ финала пасторальной симфоніи — стр. 124 книги г. Фетиса; *другое:* фраза флейты, гобоя и кларнетовъ — въ Andante пятой симфоніи стр. 49 той же книги). Рецензентъ находитъ только, что надо было бы для опроверженія г. Фетиса взять тонъ нѣсколько посерьознѣе — изъ уваженія къ заслугамъ г. Фетиса, какъ теоретика, и изъ уваженія къ *самому дѣлу* *. По мнѣнію рецензента — если затрогивать педагоговъ, то слѣдуетъ неиначе, какъ также серьозно, какъ они сами серьозно, изъ любви къ наукѣ, отыскиваютъ ошибки въ Моцартѣ и Бетховенѣ. Если же говорить объ этомъ «порхающимъ» и сверкающимъ» стилемъ фельетониста — то лучше вовсе не говорить. Такъ, во всей книгѣ г. Ленца— на ряду съ дѣльными и очень дѣльными мыслями попадаются пустыя, замѣтки о какихъ-нибудь микроскопическихъ подробностяхъ трудовъ или жизни Бетховена — подробностяхъ ни для кого не нужныхъ, занимательныхъ тоже очень для немногихъ; наряду съ вѣрнымъ, серьознымъ взглядомъ встрѣчается самое забавное непониманіе самыхъ простыхъ законовъ искусства, самыхъ ясныхъ намѣреній Бетховена; на одной и той же страницѣ что-то очень похожее

---

* Рецензентъ, касательно самаго *опроверженія* замѣчаній г. Фетиса могъ бы многое добавить отъ себя, потому-что гораздо раньше книги г. Ленца, приготовилъ объ этомъ предметѣ для печати отдѣльную брошюрку на французскомъ: Observations critiques sur deux passages du livre de Mr. Fétis: Traité de la théorie et de la pratique de l'Harmonie.

на настоящую критику и тутъ же рядомъ — забавныя выходки фельетониста. Въ четвертой главѣ, на которой мы теперь остановились — авторъ по случаю *поправокъ*, сдѣланныхъ г. Фетисомъ въ Бетховенѣ — задѣваетъ г. Фетиса и съ другихъ сторонъ, со стороны невѣрностей біографическихъ о Бетховенѣ, повторенныхъ г. Фетисомъ въ его статьѣ изъ «Biographie universelle des musiciens». Такимъ образомъ эта глава, въ которой весьма много дѣльнаго оканчивается полемической выходкой о предметѣ постороннемъ въ отношеніи «фортепіанныхъ сонатъ Бетховена».

Слѣдующая глава (5) называется «Le Coin du pianiste, съ эпиграфомъ Was die Liebe den Menschen, das–ist die Musik den Künsten». C. Maria Weber. Не правда ли что невозможно догадаться объ чемъ будетъ идти рѣчь? это въ родѣ заглавій à surprise въ Гофмановыхъ повѣстяхъ. Первыя строчки главы для рецензента и до сихъ поръ остались тоже загадкой «Nous-entendons ouvrir ici une-parenthése pour le petit nombre de persounes qui liront cet essai en faisant la part de l'art (?) et des sentiment artistiques dans la vie (?). Къ кому же именно относится эта глава «въ скобкахъ» (?). Въ другомъ мѣстѣ перваго тома, окончивъ разборъ сонатъ перваго и втораго стиля, авторъ подъ эпиграфомъ «Nunc et semper dilectaea» дресуясь къ какой–то дамѣ, говоритъ объ «Варіаціяхъ» Бетховена. «J'en causerai avec vous daus cette niche de mon livre qui vous appartient». Глава «Le coin du feu d'un pianiste», могла бы вмѣстѣ со всею книгою г. Ленца быть названа (и тогда вѣрнѣе вышло бы и общее заглавія книги): «Le coin du feu d'un Beethovenianiste», то есть, болѣе или менѣе занимательная *бесѣда о разныхъ разностяхъ* «по случаю» Бетховеновой музыки. (Вообще — а не вовсе фортепіанной, потому что безпрестанно идетъ рѣчь вездѣ въ книгѣ г. Ленца, и о квартеткѣ, и о тріо, и о симфоніяхъ). Между «разными разностями» въ этой главѣ (5) попадаются мысли очень невѣрныя. Напримѣръ: «ничто такъ мало не похоже на бетховенскую сонату какъ другая, бетховенская соната». Исходный пунктъ, *разнообразіе* Бетховенскихъ произведеній, вѣренъ; дѣйствительно ни въ одномъ художникѣ нѣтъ такого разнообразія (кромѣ, быть можетъ, въ Шекспирѣ). Каждая изъ симфоній Бетховена какъ будто создана другимъ человѣкомъ: мысль, фактура, цѣлое и подробности, гармоническія и ритмическія сочетанія — оркестровка, все иначе въ каждой, все по инымъ законамъ, условленнымъ *идеею* сочиненья. Почти тоже относится и къ сонатамъ его, отдѣльнымъ музыкальнымъ поэмамъ, симфоніямъ — въ маломъ видѣ. Но не надобно — вмѣстѣ съ г. Ленцомъ, провести эту мысль до такого преувеличеннаго результата, что «въ противоположность Моцарту — Бетховенъ никогда, ни въ одной фразѣ себя не повторяетъ»! Это не точно; кромѣ мелкихъ повтореньицъ, пріисканныхъ г. Ленцомъ (стр. 170, 201, 202 и во многихъ другихъ мѣстахъ), и объ которыхъ онъ всегда такъ сбивчиво выражается, что не даетъ вѣрнаго понятія о предметѣ — у Бетховена, какъ у всѣхъ безъ исключенія художниковъ, были свои любимые обороты (Wendungen), любимыя модуляціи, любимые гармоническіе и ор-

кестрные пріемы — все то, что̀ для опытнаго слуха заставитъ съ разу отличить его музыку отъ всякой другой. Дѣло серьознаго цѣнителя искусства — dans un livre de haute critique, было бы разобрать все написанное Бетховеномъ — и съ этой стороны, на которую здѣсь рецензентъ можетъ только намекнуть. Точно также никакъ не соглашаясь съ авторомъ, что Донъ-Жуанъ будто-бы выше рѣшительно всего, что написалъ Моцартъ, что эта опера будто-бы капитолій драматической музыки, для котораго вся жизнь Моцарта была приготовленіемъ (стр. 117 и 118), никакъ не соглашаясь съ этимъ, и ставя «Волшебную флейту» несравненно выше Донъ-Жуана рецензентъ считаетъ неумѣстнымъ входить по этому случаю въ подробныя доказательства своего мнѣнія, рѣзко отдѣляющагося отъ обще-принятаго. Мимоходомъ о такихъ предметахъ говорить почти невозможно, а не мимоходомъ будетъ здѣсь некстати. Вотъ, что К. М. Веберъ какъ-будто для того и жилъ, чтобъ создать «Фрейшюца» въ которомъ весь вылился, это хотя и обще-принятое мнѣніе, но рецензентъ вполнѣ его раздѣляетъ (очень часто, во многихъ предметахъ музыкальной критики расходясь съ общимъ или моднымъ вкусомъ и убѣжденіемъ). На Веберѣ г. Ленцъ и въ этой главѣ очень долго остановился (видно, онъ долго сидѣлъ за фортепьянной музыкой Вебера, en tant que pianiste). Наконецъ авторъ возвращается опять къ Бетховену. Говоритъ о невозможности избрать у него одно произведеніе, какъ главное, потому-что призваніе Бетховена было не одно созданіе, а цѣлая *идея* — идея симфоніи, идея неисчерпаемая, потому-что объемлетъ все». До-сихъ-поръ много правды, но чтожъ потомъ? Потомъ г. Ленцъ, отыскивая чтобы такое было у Бетховена въ параллель Фрейшюца у Вебера, Донъ-Жуана, у Моцарта, признается въ своей слабости — къ *пасторальной симфоніи*. «Nous dirons que la Symphonie pastorale nous parait être l'ouvrage le plushors ligne стр. 121 I тома. И это говоритъ авторъ *книги:* »Бетховенъ и три его стиля» un livre de haute critique musicale (préface p. V)!! Въ продолженіе этой статьи рецензентъ нѣсколько разъ уже упоминалъ о пристрастіи индивидуальнаго вкуса, рѣшительно безразличномъ» въ отношеніи критики. Остановимся теперь на минутку только на словахъ «l'ouvrage le plus hors ligne». И такъ, по мнѣнію г. критика, Бетховенъ всю свою геніальность, полнѣе всего, ярче всего выказалъ — въ пасторальной симфоніи?! Картина сельской природы, начертанная безъ сомнѣнія, геніальной кистью и въ высшей степени очаровательно, но все-таки *картина*, эпизодъ между широко-человѣчественными космическими идеями Бетховена, эта картина для г. Ленца кажется высшимъ пунктомъ бетховенскихъ созданій? Странно! Оставимъ въ сторонѣ девятую симфонію, (г. Ленцъ пугается ея, какъ какого-то грознаго и мрачнаго (!) Левіаѳана стр. 166 II тома) какъ ее разбирать, тому кто находитъ третій стиль Бетховена вообще уступающимъ во многомъ — второму стилю, тому, кто немногія и весьма неважныя слова о ней Берліоза (Voyage musical) *образцовой* критикой (стр. 13 II тома), для кого вообще высшій, — третій стиль Бетховена языкъ чужой, непонятный — «книга за семью печатями». Оставимъ въ

сторонѣ и двѣ другія симфоніи, которыя по новизнѣ формъ непремѣнно относятся къ третьему стилю, то есть, эти двѣ симфоніи (7 и 8 ор. 92 и ор. 93) почти разомъ появившіяся на свѣтъ (въ 1813 и 1814) и дышащія какимъ-то весело-воинственнымъ духомъ, свѣжестью только-что одержанной побѣды — оставимъ въ сторонѣ Allegretto 7 симфоніи, грустное, унылое какъ разлука, неподражаемое созданіе по простотѣ и прелести мысли и ея воплощенія, вѣроятно неочень-то уступающимъ сельскимъ красотамъ «пасторальной», не укажемъ и на финалы обѣихъ этихъ симфоній, жаркія, огненныя историческія страницы, которыя васъ магически переносятъ въ пылъ военной жизни, и заставляютъ васъ на каждомъ шагу уничтожаться предъ громадностью генія бетховенова. Финалъ 8 симфоніи, одно изъ величайшихъ его чудесъ. Но и въ болѣе доступныхъ всѣмъ, произведеніяхъ втораго стиля найдутся созданія ни въ чемъ не уступающія пасторальной симфоніи, а со многихъ сторонъ (съ ширины размаха, съ глубины мысли и задачи поэтической, со стороны даже фактуры и оркестра) ее превышающія. Возмите четвертую симфонію напримѣръ: цѣлость этого созданія, непостижимое искусство въ развитіи *одной идеи*, неповторившееся нигдѣ у Бетховена *равновѣсіе всѣхъ четырехъ частей этой симфоніи*, дѣлаютъ изъ нея чудо искусства— безъ сомнѣнія ни на волосъ не уступающее, пасторальной симфоніи. Припомните также Andante и Скерцо пятой симфоніи! Какъ-же послѣ этого говорить «*Ничто* (?!) ни въ какомъ художникѣ, по нашему мнѣнію, не приближается (?!) къ плану (ordonnance) этой симфонической поэмы, къ ея единству, совершенству ея подробностей, вкусу (goût — ?!), къ этой ея очаровательной силѣ, которая изъ затаенныхъ въ душѣ чувствованій дѣлаетъ понятные, ощутимые образы хотя-бы программа была неизвѣстна.»

О *программѣ* лучше-бы авторъ не упоминалъ (!!). Бетховенъ злодѣйски-бы подшутилъ надъ большинствомъ своихъ цѣнителей и панегиристовъ еслибъ вздумалъ не выставлять на пасторальной симфоніи, ея программы. Пусть было-бы на ея заглавномъ листѣ просто «симфонія» in F. А далѣе просто: Allegro ma non troppo, Andante con moto etcet и какіе разнорѣчивые толки тутъбы поднялись! Чего, чего тутъ не было-бы! Въ *бурѣ*, увидѣли-бы какую-нибудь борьбу зевеса съ гигантами (этому былъ даже примѣръ, съ одной великой писательницей); въ финалѣ, отъискали-бы какія-нибудь пляски эльфовъ и сильфовъ при мерцаніи луны...Въ Adagio, нашли-бы какую-нибудь мистическую легенду среднихъ вѣковъ... А еслибъ кто-нибудь тайкомъ и догадался объ настоящемъ смыслѣ и въ подтвержденіе своего скромнаго толкованія указалъ-бы на музыкальныя данности: хоть на вступленіе кларнетовъ и роговъ, въ началѣ финала, то его-бы никто не сталъ слушать! Точно такъ какъ теперь пусть кто-нибудь вздумаетъ пояснять что *въ финалѣ седьмой симфоніи* видѣнъ быстрый, но мѣрный маршъ (pas redoublé, pas de charge), потомъ свалка и главные эпизоды *сраженія*, напримѣръ въ 22 и 23 тактѣ съ конца финала (и нѣсколько прежде) яростный крикъ всего войска (un formidable cri de guerre, сентима всѣхъ духовыхъ unisono противъ «la» оркестра).

Пусть кто–нибудь вздумаетъ въ этомъ увѣрять, даже истолковавъ всю симфонію въ этомъ же духѣ и съ приличными доказательствами (piéces justificatives изъ другихъ сочиненій Бетховена, à programme), никто и слушать не захочетъ этого голоса вопіющаго въ пустынѣ; потому-что всѣ цѣнители и судьи вмѣстѣ съ парижскою консерваторіею давно убѣждены, что въ седьмой симфоніи нѣтъ ничего военнаго (да и что за военное безъ барабановъ и безъ тромбоновъ!); всѣ давно убѣждены, что финалъ этой симфоніи — «*оргія* (?!), гдѣ ядъ закрался въ чаши (что – то изъ Лукреціи Борджіа!) и пирующіе, въ когтяхъ смерти, вѣнчаютъ себя въ послѣдній разъ цвѣтами »!!! (г. Ленцъ т. I, стр. 72) какъ эта мелодраматическая оргія съ ядомъ и цвѣтами, во вкусѣ Бетховена!! — «Странная участь языка музыкальнаго, оставаться непонятнымъ», повторимъ мы за г. Ленцомъ (стр. 112 I т.). Напрасно–же авторъ говоритъ объ ясности смысла пасторальной симфоніи. Теперь легко говорить объ ея смыслѣ, когда самъ Бетховенъ его надписалъ «en toutes lettres». Остальныя его симфоніи, навѣрное, съ *положительнымъ опредѣленнымъ* сюжетомъ (на столько–же опредѣленнымъ какъ программа пасторальной — конечно не болѣе), однако никто безъ многихъ оговорокъ нерѣшится сказать «это вотъ что значитъ». Языкъ музыкальный и у Бетховена остается языкомъ довольно неопредѣленнымъ (vague), и въ этой неопредѣленности—одна изъ прелестей музыки— поэтическаго языка *души, сердца* — языка *чувствованій* (Empfindungen), а не разсудочныхъ понятій (Begriffe). По случаю пасторальной симфоніи, авторъ задѣваетъ Гайдна съ его Tonmalerei. «Изобразительная» музыка которую, дѣйствительно въ XVIII вѣкѣ любили немножко больше, чѣмъ слѣдуетъ, встрѣчается и должна встрѣчаться въ самыхъ высоко-поэтическихъ созданіяхъ, но конечно мимоходомъ. Такъ въ «Орфеѣ» Глука выраженъ «лай» Цербера, въ «Альцестѣ» его–же, въ сцѣнѣ тартара, стоны ночныхъ птицъ. «Деревня для Гайдна», говоритъ г. Ленцъ, «вся въ пѣніи пѣтуха», стр. 121. Немножко рѣзко въ отношеніи великаго композитора, который въ своей ораторіи «Четыре времени года» (ораторіи, а не кантатѣ, какъ ее называетъ г. Ленцъ), очаровательно наивными красками передаетъ разныя поэтическія картины сельской природы. Кромѣ того, въ очень многихъ его симфоніяхъ и квартетахъ на слушателя вѣетъ ароматомъ сельской жизни. Гайднъ — одинъ изъ величайшихъ въ мірѣ поэтовъ, а не просто добрый старичокъ музыкантъ, «papa Haydn», надъ которымъ будто–бы Бетховенъ хотѣлъ подтрунить, помѣстивъ «соловья, кукушку и перепелку» въ концѣ адажіо пасторальной симфоніи. Быть можетъ, это намѣреніе и дѣйствительно не безъ иронiи со стороны Бетховена, но удивительнне адажіо, по мнѣнію рецензента, не выиграло (хотя конечно, и не проиграло) отъ этой музыкальной шутки. На счетъ исполненія пасторальной симфоніи въ парижской консерваторіи, рецензентъ не можетъ ничего говорить, потому–что въ Парижѣ не былъ; но есть мнѣніе (мнѣніе одного знаменитаго артиста объѣздившаго Европу, артиста съ полнымъ авторитетомъ въ

области музыки), что симфоніи Бетховена исполняются въ консерваторіи парижской вовсе не такъ безукоризненно превосходно, какъ описываетъ г. Ленцъ; что это исполненіе несвободно отъ нѣкоторой *манерности*, *кокетливости*, первыхъ враговъ настоящаго исполненія бетховенской музыки.

Послѣ нѣсколькихъ, довольно вѣрныхъ мыслей о ложности нынѣшняго направленія въ искусствѣ и въ литературѣ (модной, французской) г. Ленцъ касается «воспитанія», «образованности» художниковъ вообще — а не съ одной технической стороны — и на стр. 124 отдаетъ въ этомъ отношеніи справедливость Листу, какъ вообще замѣчательному человѣку по-многосторонней образованности. Замѣчанія эти вообще очень дѣльны и принадлежатъ къ *лучшимъ* страницамъ во всей книгѣ. Потомъ, идетъ другой предметъ. Рецензентъ никакъ не соглашается съ г. Ленцомъ насчетъ чрезвычайной важности «дедикацій» такихъ произведеній, какъ бетховеновы. Для полноты изданія, для справокъ, для историческаго такъ сказать характера вещи дедикаціи не должны быть никогда исключаемы съ заглавныхъ листковъ — но трудно изъ дедикацій вывести такого рода результатъ, какой выведенъ г. Ленцомъ на стр. 129. Затѣмъ, г. Ленцъ переходитъ къ очерку жизни Бетховена. (шестая глава вступленія — Esquisse biographique).

Случалось-ли вамъ, читатель, такъ крѣпко о чемъ-нибудь задуматься, что все внѣшнее для васъ какъ-будто не существуетъ? Конечно, случалось; и вы помните — что въ эти минуты для васъ какъ-будто не было ни времени ни пространства со всѣмъ что во времени и пространствѣ. Окружающіе обыкновенно говорятъ тогда «нетроньте его; il est préoccupé» — такая глубокая дума, (préoccupation continuelle) такого рода вся жизнь того, кому суждено «думать думу» и за себя и за милліоны людей живущихъ безъ мысли. Ясно, что такова была и жизнь Бетховена, художника — философа по преимуществу. Въ этой жизни не могло быть никакихъ внѣшнихъ фактовъ: родился, учился, думалъ, писалъ. Факты — сами произведенія художника, его дѣятельность — слѣды развитія его геніальности.

Для тѣхъ, кто не читалъ ни Шиндлера, ни Вегелера, ни Риса (ученика Бетховенова) ни Зейфрида — очеркъ, сдѣланный г. Ленцомъ, не безъ занимательности. Онъ приводитъ нѣсколько «словъ» Бетховена, которыхъ рецензенту не случалось встрѣтить въ другихъ біографіяхъ

Затѣмъ до конца перваго тома и на первыхъ 47 страницахъ втораго тома, идетъ подробный разборъ фортепьянныхъ сонатъ, всѣхъ трехъ стилей. Рецензентъ уже высказалъ свое мнѣніе объ этомъ разборѣ. Въ дальнѣйшія подробности пускаться нѣтъ возможности, если не сдѣлать изъ статьи книгу. При отсутствіи въ г. Ленцѣ настоящаго критическаго взгляда (что было замѣчено при характеристикѣ сдѣланной имъ для втораго и третьяго стилей) — невозможно требовать, чтобы анализъ сонатъ — былъ удаченъ. Это самая слабая и самая незанимательная часть книги г. Ленца. Онъ тутъ о многомъ очень важномъ не говоритъ ни слова (потому-что, какъ было замѣчено, это «важное» въ соединеніи

съ исторіей фортепьянной музыки — а исторіи этой въ книгѣ — нѣтъ) пускается въ микроскопическія подробности о doigté, выставленномъ или невыставленномъ самимъ Бетховеномъ (многое изъ этого понять очень трудно безъ нотныхъ примѣровъ), по большей части отдѣлывается анекдотами и разными отступленіями о предметахъ въ чрезвычайно - далекой связи — съ фортепьянными сонатами. Отъ 282 до конца перваго тома, идетъ нѣчто въ родѣ особой главы (une niche du livre) о бетховенскихъ варіаціяхъ для фортепьяно и пьесахъ его въ четыре рукя,—мимолетныя замѣтки, которымъ нельзя дать названіе «критики». На стр. 283 г. Ленцъ увѣряетъ что «Бетховену никогда и въ голову не приходило писать варіаціи для оркестра» — Да! съ заголовкомъ «варіація», Бетховенъ точно никогда ничего для оркестра не писалъ. Но что-же такое все длинное развитіе темы въ финалѣ героической симфоніи — какъ не *варіаціи*? что такое многіе изъ развитій въ финалѣ пасторальной симфоніи (тему вездѣ можно математически «наложить» на эти развитія)? Какая форма придана развитію темы въ фантазіи съ хорами — если не форма варіацій? — Даже въ Adagio и въ финалѣ девятой симфоніи встрѣчается форма варіацій для оркестра (конечно — съ эпизодами). Это была одна изъ любимыхъ Бетховеномъ формъ; — которая очень часто встрѣчается и въ его квартетахъ и фортепьянныхъ сонатахъ — все безъ заглавія «варіація», что и ввело г. Ленца въ заблужденіе. (Sonata op. 57 Andante; Quartetto op, 74 Adagio и мн. др.) Но и въ этихъ главахъ послучаю сонатъ встрѣчаются странички занимательныя — и замѣчательныя. Напримѣръ, объ участи патэтической сонаты (op. 13) въ женскихъ пансіонахъ. (Стр. 184 — 189 I т.) — отступленія объ Гуммелѣ и его музыкѣ (стр. 226 и 227 I т.) — біографическія подробности о Бетховенѣ — (очень некстати) — на стр. 232 — 235. Общія замѣчанія о Вѣнѣ, городѣ Моцарта и Бетховена, но отнюдь *не музыкальномъ* городѣ. Стр. 232 — 236. Вѣнскія, и вообще нѣмецкія, прозвища для нѣкоторыхъ изъ произведеній Бетховена — Lauben-sonate, Mondsche sonate, Harfenquartett, Geiser-trio — на стр. 221, 222 и 225 — и мн. др.

Г. Ленцъ иногда беретъ на себя истолковывать смыслъ сонатъ. По мнѣнію рецензента, толкованіе музыки великихъ геніевъ должно дѣлаться очень осторожно: по неопредѣлительности музыкальна го языка, толкованія могутъ быть чрезвычайно различны. Самъ г-Ленцъ приводитъ на 180 стр. слова Бетховена по этому случаю: «Die Music soll und darf nicht überall dem Gefühl eine bestimmte Richtung geben.» Глубокое изреченіе, на которомъ зиждется вся философія музыки. Истолкованіе смысла большихъ музыкальныхъ пьесъ симфоническихъ или камерныхъ, по мнѣнію рецензента, должно быть основано на постоянномъ сравненіи ихъ съ такими пьесами, гдѣ тотъ-же авторъ самъ выставилъ программу (Напр. у Бетховена, — пасторальная симфонія; отчасти — героическая; побѣда Веллингтона op. 91; Прометей; Коріоланъ; антракты Эгмонта; — наконецъ вся опера «Фиделіо.») Такого рода постоянное сравненіе употребленныхъ художникомъ формъ —

для того или другого поэтическаго предмета (сельскія картины — военныя картины — смерть — видѣніе — сонъ и т. д.), — можетъ привести къ весьма интереснымъ результатамъ. Объ этомъ еще очень *мало* думали: напротивъ, толкованіе музыки дѣлается обыкновенно совершенно произвольно, не сообразно ни съ чѣмъ предъидущимъ ни послѣдующимъ. Недавно рецензенту случилось читать разборъ увертюры Оберона (заимствованный, кажется, изъ Скудо): — увертюра представлена картиною солнечнаго «восхода и пробужденья природы». Между тѣмъ, какъ Веберъ въ этой увертюрѣ (какъ и во Фрейшюцѣ) сдѣлалъ очень остроумное résumé цѣлаго сюжета оперы, — весьма не похожаго на восхожденіе солнца! Всѣ мелодіи и темы увертюры *нота въ ноту* заимствованы изъ самой оперы — и, конечно, напримѣръ, мелодія Adur (соло кларнета), относится къ *Гюону* (потому-что изъ *его* аріи) — а не къ Титаніи, которой и нѣтъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ музыкальной драмы. Прочитавъ такой разборъ, рецензентъ сдѣлался еще бо̀льшимъ шимъ врагомъ произвольныхъ толкованій. Кого же послушаютъ — когда не видятъ указаній самихъ композиторовъ?! —

Объ эстетической оцѣнкѣ сонатъ, сдѣланной г. Ленцомъ — нельзя говорить безъ опроверженія его мнѣній — а для опроверженій «съ доказательствами» надо много мѣста и много времени. Г. Ленцъ разбирая нѣкоторыя сонаты, видитъ въ нихъ весьма вѣрно — оркестрныя намѣренія, и поэтому случаю говоритъ, что такія сонаты ждутъ своего превращенія въ симфоніи.—(Напр. les Adieux, Op. 81, — quasi fantasia Cismoll. Op. 27 — Бо̀льшая in Cdur Op. 53 и другія). Кромѣ того, что нельзя согласиться съ г. Ленцомъ, чтобы во всѣхъ имъ указанныхъ сонатахъ ясно замѣтны были оркестрныя намѣ-ренія (напр. въ Op. 27 Cismoll — нисколько) превращать бетховенскія созданія фортепіанныя — въ оркестровыя, можетъ удасться только въ отношеніи частицъ сонатъ (Adagiò, Andante, — финалъ), а никогда цѣлая соната не можетъ быть превращена въ цѣлую симфонію. На ряду съ оркестрными намѣреніями вдругъ встрѣчаются — чисто-фортепіанныя, которыя или должны быть совершенно измѣнены для оркестра или вовсе исключены. А ктожъ рѣшится такъ дерзко налагать руку на бетховенскую поэму? —

Всего больше ошибочныхъ взглядовъ, конечно, — такъ, какъ и было замѣчено, — въ разборѣ сонатъ третьяго стиля. О чрезвычайно высокомъ мѣстѣ, которое весьма несправедливо г. Ленцъ отводитъ сонатѣ As-dur (Op. 26) также уже было говорено. Это опять — дѣло индивидуальнаго вкуса, какъ пристрастіе къ пасторальной симфоніи. — Критикъ долженъ себя поставить выше индивидуальнаго и выше моднаго вкуса. Но дѣло въ томъ что призваніе «критика» въ отношеніи бетховенскихъ произведеній — дѣло чрезвычайно серьозное и не можетъ достаться на долю всякаго, кто собравъ нѣкоторыя фактическія и библіографическія замѣтки, вздумаетъ издать «книгу» о Бетховенѣ. Чѣмъ выше предметъ, тѣмъ выше и его критика. Рецензентъ не повторитъ французскаго парадокса «comprendre c'est égaler», — но не можетъ не повторить извѣстной аксіомы, что чѣмъ глубже мысль, тѣмъ глубже

должно быть и ея пониманье — и еще одного очень извѣстнаго правила: «не принимайся за дѣло не по силамъ»

Окончивъ разборъ сонатъ и дѣлая мимолетныя замѣтки о другихъ произведеніяхъ Бетховена, г. Ленцъ, на стр. 67 II тома, послѣ похвалъ оперѣ «Фиделіо» — говоритъ; нельзя сказать того же (то есть похвалить) о прочей вокальной музыкѣ Бетховена, его ораторіи, двухъ мессахъ, симфоніи съ хорами, фантазіи съ хорами, и проч. Такое мнѣніе очень *замѣчательно* въ критикѣ Бетховена, который написалъ два тома объ его трехъ стиляхъ! Г. Ленцъ и въ этомъ отношеніи — слѣпо идетъ за мнѣніемъ большинства «знатоковъ» — которые однажды навсегда порѣшили, что Бетховенъ слабъ въ вокальной музыкѣ (также какъ въ фугахъ)! и не хотятъ слышать, что въ хорахъ Бетховенъ не уступитъ ни какому компонисту въ свѣтѣ — ни даже самому Генделю. И въ самомъ «Фиделіо» оба, финала несравненно лучше всего остальнаго въ этой изумительной оперѣ. Употребленіе хора въ фантазіи, во второй мессѣ и девятой симфоніи — также неподражаемо — какъ напримѣръ — оркестровка Бетховенская въ лучшихъ его созданіяхъ.

Остальную часть книги г. Ленца занимаетъ полный каталогъ произведеній Бетховена. Трудъ очень полезный, потому-что г. Ленцъ въ первый разъ—(и раньше недавно изданнаго Брейткопфомъ въ Лейпцигѣ тематическаго каталога) привелъ въ порядокъ запутанную хронологію (Opus) произведеній Бетховена. Анекдотическія подробности, приложенныя почти въ каждому oeuvre — умѣютъ свою занимательность. Но приговоровъ изъ лейпцигской музыкальной газеты за всѣ года — отъ 1798 до 1851 — уже черезъ чуръ много. Что за охота была г. Ленцу съ такою любовью рыться въ этомъ, какъ онъ самъ называетъ, кладбищѣ музыкальномъ! — Терпѣнію г. Ленца въ такомъ обширномъ трудѣ какъ этотъ каталогъ — вообще можно удивляться. Съ этой стороны, то есть библіографической — книга г. Ленца явленіе чрезвычайно-замѣчательное и принесетъ большую пользу *.

---

* Съ библіографической же стороны рецензентъ успѣлъ замѣтить въ книгѣ г. Ленца нѣкоторые промахи, которые считаемъ долгомъ здѣсь указать.

1) Въ каталогѣ нигдѣ почти не выставлены изданія партитуръ оркестрныхъ пьесъ. По-крайней-мѣрѣ первое, *оригинальное* изданіе непремѣнно надобно было указать со всею библіографическою точностью.

2) Говоря объ изданіяхъ фортепіанныхъ сонатъ Бетховена (стр. 69—62, II т.), г. Ленцъ пропустилъ весьма замѣчательное изданіе «André à Offenbach». Изданіе это полнѣе красивѣе и опрятнѣе многихъ другихъ.

Показавъ, что̀ есть и чего нѣтъ въ книгѣ г. Ленца, рецензентъ предоставляетъ читателямъ этой статьи самимъ вывести окончательный результатъ о достоинствѣ книги.

Такого рода сочиненіе, хотя не техническое, но все же спеціальное, не можетъ быть разсчитано на обширный кругъ читателей, — но именно по этому — изданіе такой книги въ наше утилитарное время — явленіе очень отрадное. Цѣль сочиненія — высказанная въ предисловіи — превосходна, и, если смотрѣть на этотъ трудъ глазами его автора, какъ на опытъ, то цѣль отчасти и достигнута, потому-что такого рода сочиненіе

---

3) Въ каталогѣ при Op. 82 не отмѣчено, что «Op. 82» приписывает я въ нѣкоторыхъ изданіяхъ *Квинтету* для 2 скр. 2 альт. и віолонч. какъ будто *третьему* оригинальному квинтету Бетховена для смычковыхъ (такъ въ нѣмецкихъ изданіяхъ Andre d'Offenbach и Simrock. Bonn). Этотъ квинтетъ, конечно, арранжировка (быть можетъ и не самимъ Бетховеномъ) съ Секстета для 2 вальдгорновъ, 2 скрипокъ, альта и віолончеля Op. 81.

4) Въ каталогѣ же при Op. 52 не показана весьма замѣчательная арранжировка всѣхъ 3 квартетовъ *въ 4 руки.* Переложеніе это такъ превосходно и до того *въ духѣ* бетховеновой манеры употреблять 4 руки на ф. п., что можно, почти навѣрное, приписать эту арранжировку *самому* Бетховену. Во всякомъ случаѣ, должно было объ ней сказать.

5) На стр. 65 II тома г. Ленцъ говоритъ «La marche turque des Ruines Athènes — sanschapeau chinois, sans grosse caisse est cepu'il y a de plus turc na monde». Въ партитурѣ (не давно изданной въ Вѣнѣ у Артаріа) въ маршѣ турецкомъ назначенъ: Tamburo grande также какъ cinelli, tringoloe fl. piccolo. При умышленномъ отсутствіи литавръ (Timpani) турецкій барабанъ (grosse caisse) играетъ здѣсь даже весьма важную роль.

6) Письмо Бетховена къ г. Аменда въ Курляндіи (4 Supplément) — г. Ленцъ относитъ къ *1801* году. (Стр. 297 II т.). Съ этимъ нельзя согласиться, потому-что въ этомъ письмѣ Бетховенъ упоминаетъ о своей операѣ (данной въ 1805 году) и о церковной музыкѣ (1 месса Op. 86 написана въ 1810 году). «Bis auf Opern u Kirchen Sachen» — слова Бетховена. Кромѣ «Фиделіо» онъ не писалъ оперъ, значитъ слова эти не могли относиться ни къ чему другому; — церковной музыки, прежде первой Мессы онъ также не писалъ; Ораторія Christus am Oelberge — Op 85. относится къ одному времени съ Мессой.

непремѣнно вызоветъ дальнѣйшую обработку указанныхъ авторомъ предметовъ. Непремѣнно явятся монографіи о сочиненіяхъ Бетховена и мало-по-малу пополнятся важные пробѣлы музыкальной критики. По мнѣнію рецензента всего нужнѣе было бы, оставивъ въ сторонѣ произведенія 1го стиля Бетховена, гайдно-моцартовскаго, заняться монографіями симфоній, начиная съ 4-й (3-я, героическая — какъ переходъ къ новымъ формамъ, незрѣлое созданіе) до 7-й; оперой «Фиделіо», чтобъ указать всю важность ея въ театрально-драматической музыкѣ, все вліяніе ея на позднѣйшихъ оперныхъ компонистовъ, — и особенно: — монографіями важнѣйшихъ произведеній бетховенскихъ, произведеній 3 стиля, то есть: трехъ послѣднихъ симфоній, тріо (Op. 97) Сонатъ начиная съ Op. 101 и квартетовъ начиная съ Op. 95. Это все еще — неразработанная руда. — Но за разработку ея надо принятся серьозно, хорошенько взвѣсивъ, вымѣрявъ свои силы. Оцѣнять «геній» *Бетховена*, анатомировать *его* произведенія — на это долженъ отважиться не всякій, кто только чувствуетъ себя въ состояніи «довольно здраво судить и толковать о музыкѣ». Одинъ горячій энтузіазмъ къ Моцарту или къ Бетховену еще никакъ не долженъ уполномочивать кого-нибудь взяться за перо серьознаго музыкальнаго критика. Нетолько чтобъ «оцѣнить» дѣятельность такихъ геніевъ, но чтобъ сдѣлаться сколько-нибудь достойнымъ ихъ панегиристомъ — надо знать и понимать музыку *очень глубоко*.

Нѣсколько словъ въ заключенье:

---

7) Въ каталогѣ, въ послѣднихъ его отдѣлахъ (Sections 3 et 4) встрѣчаются совершенно-лишнія повторенія — и многое въ этихъ отдѣлахъ не приведено въ надлежащую ясность. Кромѣ того, тутъ же, наряду съ произведеніями Бетховена помѣщены «арранжировки» иногда даже вовсе неизвѣстныхъ дѣятелей, которые заблагоразсудили подъ нѣкоторыя чисто-инструментальныя мелодіи поддѣлать текстъ: Бетховенъ очень непоблагодарилъ бы того, напримѣръ, кто вздумалъ превратить одну изъ его мелодій изъ Adagio квартета Op. 127 въ вокальную кантилену (!) да еще съ переложеніемъ изъ As dur въ Es dur (!) — Catalogue. 4 Section, lettre a. — Lettre d — тамъ же переложеніе г. Дамке одной изъ Геллертовыхъ пѣсенъ на 4-голосный хоръ и оркестръ. Тамъ же, lettre q — также арранжировка, — 3 Section, Musique Vocale lettre d, такж е Все это, конечно, мелочи, но г. Ленцъ самъ никому не прощаетъ промаховъ, хотя бы самыхъ ничтожныхъ; притомъ же въ библіографическомъ трудѣ — первое достоинство: точность — до самыхъ послѣднихъ мелочей.

Если въ книгѣ высказана хоть одна дѣльная мысль, то и тогда авторъ имѣетъ право на благодарность отъ всѣхъ, кому дорога истина,— а въ книгѣ г. Ленца, какъ рецензентъ старался показать, — дѣльныя мысли почти на каждой страницѣ. Общее впечатлѣніе — правда — пестро, мозаично — но авторъ, кажется, и претензіи не имѣетъ на профессорскій тонъ. Не какъ серьозное критическое изложеніе дѣятельности Бетховена въ его трехъ стиляхъ, а какъ занимательная бесѣда образованнаго, современнаго человѣка,—бесѣда « по случаю Бетховена »— книга г. Ленца читается не безъ удовольствія.

А. Сѣровъ.

СМѢСЬ.

МАВРЫ ВЪ ИСПАНІИ И ВЪ АФРИКѢ.

ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ ДОКТОРА ТРИППЛИНА.

Статья вторая.

КНЯЖНА ИЗЪ ДОМА БОАБДИЛЬ.

Городокъ Алмонте. — Глухо-нѣмыя сестры. — Тертулія. — Патеръ-викарій. — Donna Maria Pastora de Dias Serenos y Torres Allamillas. — Богатая растительность. — Пѣснь о царѣ Боабдилѣ. — Княжна изъ дома Зегридо. — Картина Клодъ-Лоррена.

—

Вотъ уже недѣля, какъ я живу въ *Алмонте*, въ этомъ незначительномъ городкѣ, лежащемъ почти при самомъ впаденіи Гвадіаны въ Атлантическій океанъ, на покатости горъ — городкѣ чистенькомъ, бѣленькомъ. Городъ этотъ былъ нѣкогда столицею мавританскаго эмирата; въ его замкѣ, нѣкогда столь грозномъ, а нынѣ почти разрушенномъ, производились столь славные турниры, что рыцари съ береговъ Роны,— что я говорю! — даже съ береговъ Рейна, стекались туда, чтобы показывать свою ловкость, искусство, пріобрѣтать вѣнки храбрости и заслужить очаровательную улыбку прелестныхъ дѣвицъ.

Нынѣ Алмонте потерялъ уже совершенно свою значительность: великолѣпные дворцы мавританскихъ князей обращены въ военные магазины, въ казармы, въ тюрьмы; обширное мѣсто ристалища рыцарей заросло травою, — ядовитыя змѣи населяютъ подвалы замковъ и ночной филинъ жалобно стонетъ на высокой башнѣ мечети и своимъ зловѣщимъ голосомъ пугаетъ суевѣрныхъ андалузокъ.

Даже тѣ монастыри, которые построены были по изгнаніи мавровъ изъ Испаніи, и которые служили убѣжищемъ всѣмъ нуждавшимся, уже нѣсколько лѣтъ стоятъ пустые. Совы перебили въ нихъ окна и открыли тѣмъ путь духу разрушенія, — а тунеядныя растенія заглушаютъ собою прекрасныя акаціи, гранатовыя и апельсинныя деревья.

Одинъ еще только монастырь устоялъ отъ всеобщаго разрушенія. Это монастырь *Урсулинокъ*. Благочестивыя его монахини пользуются всеобщимъ уваженіемъ, и даже грозные эдикты Мендизабала не могли повредить имъ. По изгнаніи мавровъ — городъ пріобрѣлъ зданія упраздненнаго монастыря и вновь отдалъ ихъ изгнаннымъ монахинямъ. Нынѣ монастырь этотъ содержится не на счетъ правительства, и не собственными доходами, но щедростью городскихъ жителей. Правда, что монастырь не имѣетъ права принимать новыхъ монахинь, но и тѣ, которыя теперь въ немъ находятся, не такъ-то скоро перемрутъ, — а до того времени много можетъ случиться здѣсь перемѣнъ, и урсулинкамъ остается надежда — это неисчерпаемое благо въ жизни!

Я живу въ лучшей гостинницѣ города, называемой: Fonda de las hermanas mudas, содержимой глухо-нѣмыми сестрами.

И дѣйствительно, хозяйки этаго дома были глухо-нѣмыя и ужъ очень немолодыя дѣвы, худыя и сухія, но добрыя и веселыя, хотя и не могли говорить, или, быть можетъ, именно потому-что не могли говорить. Домъ ихъ былъ образцомъ порядка и чистоты; малѣйшія потребности каждаго путешественника были въ точности исполняемы и даже предупреждаемы: кто любилъ веселье, жизнь и шумъ — тому давалась комната, которой окна выходили на дворъ; кто желалъ уединенія и спокойствія — тотъ получалъ отдаленную комнату, съ окнами на улицу: ибо таковъ характеръ въ южной Испаніи, что наиболѣе жизни и движенія бываетъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ больше тѣни, прохлады и гдѣ безпрерывно бьетъ вода изъ фонтана; на улицахъ, напротивъ того, гдѣ палящее солнце докучаетъ своимъ жаромъ и гдѣ раскаленная мостовая сжетъ ноги — вовсе не видно жизни. Теплый климатъ принудилъ испанцевъ принять отъ мавровъ обычаи Востока.

Каждый вечеръ на обширномъ дворѣ дома глухо-нѣмыхъ сестеръ бываютъ веселыя *тертуліи*, то есть, общественныя забавы непрошенныя. Хозяйки этого дома страстно любятъ веселость, смѣхъ, пѣсни и танцы, хотя сами ничего не слышатъ, не танцуютъ и вообще не принимаютъ участія въ забавахъ. Львомъ нашихъ *тертулій*, самымъ лучшимъ танцоромъ, самымъ забавнымъ разскащикомъ, пѣвцомъ и музыкантомъ на гитарѣ — былъ молодой клеркъ изъ Алмонте.

Этотъ молодой, красивый мужчина, хорошо воспитанный, очень часто навѣщалъ насъ; разсказывалъ намъ всѣ городскія новости, потомъ игралъ на гитарѣ, иногда пѣлъ намъ грустную балладу мавританскую, богатырскій гимнъ о Сидѣ и о генералѣ Ріего, — или веселую пѣсню о черноокой андалузкѣ; потомъ, не заставляя себя долго просить, снималъ съ себя официальную одежду и оставаясь въ черномъ, короткомъ исподнемъ платьѣ, въ такихъ-же шелковыхъ чулкахъ и въ башмакахъ съ пряжками, танцовалъ сперва важное *фанданго*, потомъ,

переходя постепенно отъ веселаго *боллеро* къ *аррагонезу*, оканчивалъ романическою и страстною *качучею*.

Львицею нашихъ тертулій была молоденькая замужняя женщина, двѣнадцатилѣтняя мать, существо, которое могло родиться только подъ роскошнымъ и животворнымъ небомъ Андалузіи.

Имя ея было: Donna Maria Pastora de Dias Serenos y Torres Alamillas. Она соединяла въ себѣ всю прелесть дѣтства со всею привлекательностью взрослой женщины. Невинная и веселая какъ дитя, заботящаяся о своемъ дитяти, съ которымъ она никогда не разлучалась, иногда, минутно-грустная и задумчивая, она въ состояніи была тронуть самое ледяное сердце. Мужъ ея потребованъ былъ подъ знамена чрезъ нѣсколько недѣль послѣ ихъ свадьбы и долженъ былъ оставить ее прежде, нежели прошелъ для нихъ медовый мѣсяцъ. Дитя ея родилось нѣсколько мѣсяцевъ спустя: молоденькая мать сама кормила его. Но душевное горе и материнскія обязанности не препятствуютъ испанкамъ забавляться, когда только представится къ тому возможность. Молодость здѣсь быстро пролетаетъ и долго надо жить однѣми воспоминаніями. Въ этой андалузской веселости есть что-то увлекательное, очаровывающее. Смотря на веселость, на танцы этихъ дѣтей свѣтлаго неба слыша ихъ благозвучное пѣнье, каждый невольно дѣлается веселымъ получаетъ охоту къ танцамъ и пѣнію. Увлеченный этою живою, хотя нѣсколько однообразною, музыкою, каждый чувствуетъ во всѣхъ членахъ своихъ желаніе движенія; руки ваши безъ вашего вѣдома вытягиваются для этихъ грустныхъ и страстныхъ движеній, ноги ваши невольно увлекаютъ васъ; — а взоръ вашъ? — взоръ слѣдитъ за взорами вашей танцорки и черпаетъ въ нихъ отголосокъ тѣхъ невыразимыхъ чувствъ, которыя проникаютъ всю душу, какъ сонъ юности. Андалузскій танецъ — не есть собственно танецъ, въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ, — это разговоръ и тѣмъ краснорѣчивѣйшій, что словъ его ни одинъ филологъ не въ состояніи занести въ словарь; скажу болѣе: танецъ этотъ есть нравственное соединеніе двухъ душъ, тревожимыхъ чувственностію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, это танецъ очень опасный — и я не желалъ-бы, чтобы наши милыя дамы узнали его.

Окрестности этого западнаго предѣла Андалузіи не отличаются живописностью мѣстъ, но зато славятся роскошною растительностью, и что̀ еще лучше, старательною обработкою земли. Опустошенія уже давно не касались непосредственно этихъ отдаленныхъ нивъ, политическія бури никогда здѣсь *не гремѣли*. Впрочемъ, междоусобная война, столь долго раздиравшая Испанію, отняла и у этихъ мѣстъ много рабочихъ рукъ, но женщины старались замѣнить мужчинъ, вытребованныхъ въ военную службу. Какъ часто смотрѣлъ я съ сожалѣніемъ на этихъ юныхъ, едва вышедшихъ изъ дѣтства, дѣвицъ, которыхъ стройный станъ сгибался, какъ легкій тростникъ, подъ тяжестью огромныхъ сноповъ кукурузы. Въ ихъ прекрасныхъ, но грустныхъ лицахъ, выражавшихъ печаль и терпѣніе, было что-то торжественное, внушавшее уваженіе. Онѣ проходили мимо меня, какъ Цереры, и хотя я былъ для нихъ чужой, привѣтствовали меня сладкими словами: buenas dias a

Sennor Caballero! (добрый день, господинъ кавалеръ!) или: Vaya Usted siempre con Dios, Sennor! (Да благословитъ васъ Богъ!) — Учтивость составляетъ потребность для этихъ добрыхъ людей, которые гнушаются всякимъ униженіемъ.

Это было во второй половинѣ мая: здѣсь уже началась жатва, снимали съ полей ячмень, пшеницу, разнаго рода горохъ и даже кукурузу. Здѣсь особымъ образомъ молотятъ хлѣбъ: на большомъ, выложенномъ мраморными досками, гумнѣ, раскладываютъ снопы и пускаютъ на нихъ отъ шести до восьми лошадей, которыя такъ пріучены, что остаются постоянно въ одномъ ряду, и подвигаясь медленно впередъ мелкой рысью — топчутъ зерна.

Виноградъ разведенъ здѣсь только на полуденной сторонѣ горы: весь склонъ горы обращенъ въ обширныя террасы, посредствомъ каменныхъ стѣнъ, подпирающихъ землю; болѣе сотни такихъ стѣнъ воздвигаются ярусами, одна надъ другою, отъ подошвы до самой оконечности горы, и будучи совершенно закрыты виноградными листьями, представляютъ видъ лѣстницы титановъ, ведущей къ небу.

Самая лучшая земля назначается здѣсь подъ огородныя растенія и овощи, которыя превосходны. Здѣсь мало разводятъ *пататовъ*, то есть, картофеля, мало капусты, но зато въ огромномъ количествѣ производятъ отличныя дыни, арбузы, турецкій перецъ и разнаго рода сельдерей, цвѣтную капусту, спаржи, артишоки, и особый родъ огурцовъ, называемый oberginas — фіолетоваго цвѣта, которые составляютъ любимую здѣшную пищу, приготовляемую слѣдующимъ образомъ: разрѣзываютъ огурецъ пополамъ, поливаютъ его прованскимъ масломъ и пекутъ въ горячемъ пеплѣ. Есть также много ананасовъ и *гарбанзовъ*, то есть, особый родъ превкуснаго гороха, величиною съ лѣсной орѣхъ,— который, кромѣ южной Испаніи, нигдѣ не можетъ быть разводимъ.

Для орошенія земли воду берутъ или изъ ключей, вытекающихъ съ горъ, или изъ колодцевъ, посредствомъ очень простаго механизма, состоящаго изъ большаго колеса, постоянно приводимаго въ движеніе волами или ослами, и трубъ, проведенныхъ въ поля.

На юго-восточной сторонѣ полей находится еще одинъ изъ тѣхъ монументальныхъ колодцевъ, которыми нѣкогда мавры, заботившіеся объ общественномъ благѣ, наполнили цѣлую страну. Этотъ колодезь имѣетъ болѣе ста тридцати футовъ глубины и двадцати-пяти футовъ въ поперечникѣ, выложенъ гранитнымъ камнемъ, такъ плотно сплоченнымъ гидравлическимъ цементомъ, что кажется, будто онъ составленъ изъ одного огромнаго куска. Гранитная лѣстница, около трехъ футъ шириною, проведена внутри стѣнъ до самаго дна колодца. Этою лѣстницею легко можно сойти до самой поверхности воды, которая никогда не изсякаетъ, — но я никому не совѣтую пускаться въ это опасное путешествіе безъ лампы, или оставаться тамъ, когда погаснетъ лампа: ибо здѣсь скопляется угольная кислота, весьма опасная для каждаго.

Настоятель церкви въ Алмонте вмѣстѣ съ здѣшнимъ книгопродавцемъ, даже самъ духовникъ сестеръ урсулинокъ, — однимъ словомъ, всѣ ученыя знаменитости города утверждаютъ, что между мавритан-

скимъ замкомъ, охраняющимъ городъ и внутренностію этого колодца существуетъ подземный ходъ. Они увѣряютъ даже, что мавры, которые отлично знали гидравлику, умѣли осушать колодезь и проводить воду изъ него въ замокъ, и что проходя этимъ подземнымъ ходомъ изъ замка, во время осады его, поражали въ тылъ непріятеля.

При всѣхъ моихъ розысканіяхъ, я не могъ удостовѣриться въ справедливости этихъ расказовъ. Впрочемъ, извѣстно, что мавры дольше всего держались въ Алмонте, — извѣстно также, что знаменитый эмиръ *Наширъ-аль-Карунъ* успѣлъ уйти изъ своего замка съ значительнымъ отрядомъ гарнизона и добрался даже до устья Гвадіаны, гдѣ его ожидали корабли *Берберовъ*: но не знаю, можно-ли приписать этотъ успѣхъ искусству гидравлики.

Нужно-ли описывать роскошную растительность этого благословленнагокрая? — Я видѣлъ ее въ самомъ богатомъ развитіи, совершенно свѣжую, не покрытую еще пылью, не сожженную палящимъ солнцемъ. Я видѣлъ гранаты, красовавшіяся какъ рубины, — апельсины, превосходящіе цвѣтомъ своимъ вызолоченныя яблоки; пальмовыя деревья, превышающія наши тополи, и тонкія какъ тростникъ, акаціи, покрытыя милионами самыхъ живописныхъ бабочекъ; — сабуровыя деревья (Aloes), носящія свои дрожащія чашечки на длинныхъ и тоненькихъ сучьяхъ. Видѣлъ богатые кипарисы, лиственницы, роскошные яворы, лавровыя деревья, — словомъ, я видѣлъ все, чѣмъ щедрая природа надѣлила эту счастливую землю и со слезами благодарилъ Бога, что мнѣ дозволено было насладиться ею, хоть разъ въ жизни.

Пользуясь моимъ переходнымъ положеніемъ и исполняя принятую на себя добровольно обязанность гарнизоннаго лекаря, я прожилъ нѣсколько недѣль въ Алмонте. Свободное отъ занятій время я проводилъ въ рощахъ и на поляхъ, въ близкихъ сношеніяхъ съ матерью-природою, всегда такъ краснорѣчиво говорящею моему сердцу.

Отголосокъ шумящаго океана, звонъ церковныхъ колоколовъ, благовоніе атмосферы, потрясаемой дуновеніемъ вѣтровъ со стороны моря, меланхолическіе напѣвы землепашцевъ, возвращавшихся въ свои жилища, заросшія въ цвѣтахъ: все это доставляло мнѣ счастіе, услаждало жизнь. Я радовался въ душѣ что для меня такъ мало нужно чтобы чувствовать себя счастливымъ и что я могъ быть полезенъ этимъ добрымъ и благороднымъ людямъ, такъ щедро надѣленнымъ дарами Божьими. Я въ это время былъ чуждъ всякой зависти: душа моя наполнялась чувствами, которыхъ ни горькія воспоминанія прошедшаго, ни опасенія о будущемъ не въ состояніи были возмутить. Наслаждаясь однимъ только настоящимъ — я упивался минутными впечатлѣніями, чувствуя вполнѣ вліяніе неба: я копилъ въ своей памяти эти сладкія, ничѣмъ неомрачаемыя наслажденія, — подобно предусмотрительнымъ муравьямъ, заготовляющимъ запасы на продолжительную зиму.

Однажды, возвращаясь вечеромъ съ прогулки, я заблудился въ лабиринтѣ извилистыхъ дорожекъ, вьющихся у подножія горы. Множество небольшихъ домиковъ, окруженныхъ садами, разбросано было

тамъ и сямъ, на разныхъ покатостяхъ горы. Живые плетни, составленные изъ алоесовъ, кактусовъ, плюща, гранатъ, цвѣтущаго жасмина и каприфоліи, отдѣляли одно поле отъ другаго и такъ высоко росли, что совершенно закрывали отъ меня городъ. Я не зналъ, гдѣ нахожусь и какимъ образомъ попасть домой. Я постучалъ въ одинъ изъ домиковъ, но никто не отозвался — видно, хозяева еще не возвратились съ поля; стучусь въ другой — здѣсь остались одни только дѣти, и тѣ отъ меня скрылись. Наконецъ долетаетъ до меня отголосокъ заунывнаго пѣнія, выходящій изъ-за одной ограды, за которой видна кровля, покрытая пальмовыми листами.

Голосъ этотъ показался мнѣ что-то знакомъ, — но нѣтъ, быть не можетъ! — кого-бы я могъ знать въ такомъ отдаленномъ отъ города мѣстѣ?

Приближаюсь къ плетню, раздвигаю листья и цвѣты, заслонявшіе видъ, заглядываю въ садикъ и вижу какую-то молоденькую дѣвушку, сидящую ко мнѣ задомъ, на травѣ. Она была въ самой легкой одеждѣ, съ босыми ногами, на нихъ были только крошечныя сандаліи; коротенькая юбка, изъ грубой шелковой матеріи, обшитая широкою краснаго цвѣта каймою, доходила только до колѣнъ; рубашка ея такъ спустилась съ плечь, что онѣ были почти совсѣмъ обнажены. Распущенные, черные, какъ смоль, волосы, ниспадали въ тысячѣ кудряхъ на плеча и на землю. Дѣвушка эта, или скорѣе дитя, качала на колѣнахъ груднаго ребенка, величиною съ куклу, и своимъ звучнымъ, чистымъ голосомъ напѣвала ему плачевную пѣснь о Гренадѣ, о паденіи мавровъ и объ отчаяніи царя Боабдиля. Голосъ этой заунывной пѣсни доселѣ у меня раздается въ ушахъ и слова ея врѣзались въ моей памяти:

Passcabase el rey Moro,
Por la ciudad de Granada,
Desde las puertas de Elvira,
Hasta las de Vivarambla.
Ay de mi, Alhama!

Царь Боабдиль ѣхалъ верхомъ
Черезъ городъ Гренаду,
Отъ воротъ Элвиры
До замка Вивараибля.
Горе мнѣ, Альгамбра!

Cartas le fueron venidas,
Que Alhama era ganada;
Las cartas echó en el fuego,
Y al mesagero matava;
Ay de mi, Alhama!

И подали ему рапортъ,
Что Альгамбра сдалась;
Рапортъ сожженъ въ огнѣ,
А посланецъ убитъ на мѣстѣ.
Горе мнѣ, Альгамбра!

Hombres, ninnos y mageres,
Lloran tan grande perdida
Lloraban todas las damas
Cuantas en Granada avia
Ay de mi, Alhama!

Мужья, жены, и дѣти,
Плачьте объ этой потерѣ.
Дамы плачутъ во всѣхъ окнахъ,
Сколько ихъ было въ Гренадѣ.
Горе мнѣ, Альгамбра!

Извѣстно, что Боабдиль былъ послѣдній государь испанскихъ мавровъ. Испанскій король Фердинандъ V, одержалъ надъ нимъ побѣду въ 1492 году, и принудилъ его бѣжать изъ Гренады.

Por las calles y ventanas	На улицахъ и въ храмахъ,
Mucho luto parecia,	Вездѣ раздаются стоны;
Llora el rey como fembra	Царь плачетъ, какъ женщина,
Que es mucho lo que perdia	Нынѣ пала съ головы его корона.
Ay de mi, Alhama!	Горе мнѣ, Альгамбра!

Какимъ-образомъ эта старинная пѣснь мавровъ залетѣла сюда, и какъ она могла сдѣлаться народною здѣсь, гдѣ населеніе такъ ненавидитъ прежнихъ властителей Испаніи? — спрашивалъ я самъ себя. Посмотримъ, — заговоримъ съ этою дѣвочкою, которая еще такъ молода и ужъ такъ грустно распѣваетъ.

— Mi ninna, quieres decirme per gracia, para donde esta el camino de la ciudad? — (Милая моя! сдѣлай одолженіе, скажи мнѣ, какъ я попаду отсюда въ городъ?)

Голосъ мой поразилъ, какъ громомъ, молодую дѣвушку: живой румянецъ показался на обнаженныхъ плечахъ ея; она поспѣшно покрыла свою наготу богатыми кудрями черныхъ волосъ.

— Ахъ Боже мой! сеньоръ докторъ — какъ вамъ не стыдно такъ подкрадываться! Мы всѣ почитали васъ человѣкомъ солиднымъ, — а теперь я вижу, что вы только искусно притворялись. Я непремѣнно это разскажу глухонѣмымъ сестрамъ — вы увидите!

Та, которую я принималъ за дѣвушку, была прелестная донна Марія де Діасъ Сереносъ, молоденькая мать этого груднаго ребенка.

— Клянусь тебѣ, милая донна Марія, что я вовсе не намѣренъ былъ подкрадываться, и совершенно случайно сюда зашелъ. Около часа я брожу въ этомъ лабиринтѣ, и не знаю, какъ изъ него выбраться; вдругъ слышу издали твой голосъ и прямо сюда пошелъ. Но скажи пожалуйста: что ты дѣлаешь здѣсь, въ такой глуши? У кого ты здѣсь?

— Ха, ха! Я здѣсь въ моемъ собственномъ палаццо, въ моемъ королествѣ! Но развѣ вы меня видите черезъ плетень?

— Я едва вижу что-то чернѣющееся и движущееся въ травѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы больше ничего не видите?

— Совершенно ничего; кажется мнѣ только, что-то бѣлое, круглое выглядываетъ изъ подъ чернаго; — это вѣрно ...

— Нѣтъ, нѣтъ ... отвернитесь, пожалуйста, г. докторъ, и зажмурьте глаза; я сейчасъ къ вамъ явлюсь, только отнесу домой моего Паблита.

— Ну, я уже зажмурился!

Донна Марія, живая какъ дикая серна, вскочила на свои босыя ножки и побѣжала въ хижину, прижимая къ устамъ своимъ дитя. Вскорѣ она возвратилась съ мантильей на головѣ, въ бѣлыхъ чулкахъ и крошечныхъ башмачкахъ, и отворила калитку, ведущую въ садъ.

Она хохотала отъ всей души своимъ звучнымъ, серебристымъ голоскомъ невинности.

— И такъ, вы въ самомъ дѣлѣ не знали, что бѣдная Пастора, которая прядетъ съ ранняго утра до поздняго вечера у глухонѣмыхъ сестеръ, владѣтельница этого палаццо?

— Ктожъ-бы мнѣ сказалъ это? Ты знаешь, что наши глухонѣмыя

не могли мнѣ это разсказать; ты сама тоже ничего мнѣ не говорила, а я не имѣю привычки никому дѣлать нескромныхъ вопросовъ.

— Да, это правда. Usted es un verdadeiro Caballero! Вы благородный человѣкъ! Посмотрите! Все, что вы здѣсь видите: этотъ палаццо, этотъ садъ, поле, оливковая рощица и этотъ скотный дворъ: все это принадлежитъ мнѣ!

Я посмотрѣлъ кругомъ: садъ былъ небольше танцовальной залы, поле величиною съ дворъ, палаццо — была скромная, небольшая хижина, роща состояла изъ нѣсколькихъ деревъ, а на скотномъ дворѣ, вѣроятно, помѣщались: оселъ, коза и нѣсколько овецъ.

— Ха, ха, ха! захохотала опять донна Марія, ха, ха, ха! небогатое понятіе вы получите о моемъ имуществѣ; и не смотря на это, оно составляетъ мой рай и мое счастье, и очень достаточно для нашего существованія, только-бы далъ Богъ, чтобы мой милый донъ Валеріо поскорѣе ко мнѣ возвратился. Видите-ли, это поле доставляетъ намъ хлѣбъ, козы даютъ молоко, эти апельсины составляютъ нашъ дессертъ, оливки снабжаютъ насъ масломъ для лампадки передъ образомъ нашей патронки; дрова мы привозимъ съ горъ на нашемъ ослѣ, шерсти и шелку у насъ вдоволь, а когда нужно купить башмаки, я продаю часть нашихъ овощей; рыбу ловитъ самъ Валеріо, а къ воскресенью, онъ обыкновенно убиваетъ кролика въ томъ лѣсу на горахъ; подати платитъ онъ, переписывая бумаги въ городскомъ совѣтѣ; вѣдь мой мужъ ученый: онъ знаетъ даже по-латынѣ.

— Но ктожъ теперь обработываетъ ваши поля?

— Добрые сосѣди и сосѣдки. Я сама не могу работать въ полѣ, у меня для этого мало силы, да притомъ-же я должна кормить свое дитя. Зато я занимаюсь для нихъ шитьемъ и пряденьемъ; и такъ мы себѣ понемножку поживаемъ, въ ожиданіи лучшихъ дней. Дай Боже! чтобы они скорѣе настали! Но что-же мы здѣсь стоимъ! Войдите ко мнѣ въ домъ и помолитесь образу моей патронки.

Домъ ея состоялъ изъ небольшой избы; но вездѣ замѣтна необыкновенная чистота и порядокъ: въ одномъ углу каминъ, въ другомъ кровать, бѣлая какъ снѣгъ; надъ ней висѣлъ образъ Богоматери, передъ нимъ горѣла лампадка.

Войдя, я перекрестился, поцѣловалъ спавшее дитя, потомъ поклонился хозяйкѣ, привѣтствуя ее въ собственномъ домѣ. Таковъ обычай въ Испаніи,—прекрасный обычай, общій и всѣмъ славянскимъ землямъ.

— Боже мой! Какой счастливый случай привелъ васъ сюда, г. докторъ! Я непремѣнно напишу объ этомъ моему Валеріо: какъ онъ будетъ этому радъ!

— Скажи, милая донна Марія, что значатъ всѣ эти книги: этотъ требникъ, это священное писаніе, эти молитвенники, житія св. отцевъ даже до двадцати нумеровъ, изданныхъ іезуитомъ Ансельмомъ?

— А это васъ удивляетъ? Это библіотека моего мужа. Онъ готовился къ духовному званію, былъ даже послушникомъ въ Доминиканскомъ монастырѣ; точно такъ, какъ я была послушницею въ монастырѣ сестеръ Урсулинокъ. Эдиктъ Мендизабала далъ другой оборотъ

нашей судьбѣ. Нашъ городъ Алмонте взялъ, правда, подъ свое покровительство монахинь, но онѣ не имѣли уже права принимать къ себѣ послушницъ. Глухонѣмыя сестры дали мнѣ у себя прибѣжище; ихъ навѣщалъ иногда прежній доминиканскій послушникъ донъ Валеріо; мы встрѣчались вмѣстѣ на тертуліяхъ, полюбили другъ друга и наконецъ обвѣнчались.

— Вотъ это очень кстати!

— Мужу моему было тогда семнадцать лѣтъ, а мнѣ одиннадцать — отвѣчала краснѣя донья Марія; — въ этомъ возрастѣ нельзя даже требовать духовнаго обѣта. Мы были совершенно свободны и притомъ оба сиротки; у насъ обыкновенно говорятъ, что любовь развивается въ насъ прежде разсудка, и что когда разсудокъ разовьется, то онъ никогда не отвергаетъ брака, заключеннаго по любви.

— Ты совершенно права, mi joven Sennorita, но прости мое любопытство и позволь сдѣлать еще одинъ вопросъ: кто выучилъ тебя пѣть балладу о царѣ Боабдилѣ, которую ты давича съ такимъ чувствомъ проворковала въ своемъ садикѣ?

— Кто научилъ меня пѣть мои родныя пѣсни? Я, право, и сама этого не знаю быть можетъ, воздухъ моей родины, или соловьи, которые гнѣздятся въ саду Хенералифа, или, можетъ быть, филины Альгамбры. Я вѣдь урожденка Гренады, вѣдь въ жилахъ моихъ течетъ кровь ... и при этомъ словѣ она остановилась.

— Ты говоришь, что въ жилахъ твоихъ течетъ кровь ... о скажи, донья Марія — скажи, что кровь, которая течетъ въ твоихъ жилахъ, самая благородная, не отрекайся отъ нея,—говорилъ я,—читая въ чертахъ ея потвержденіе давнишней догадки моей. Ея широкое чело, длинныя черныя вѣки, небольшой носикъ, немного вздернутый, бѣленькіе зубки, немного отдаленные одинъ отъ другаго, цвѣтъ лица чистый, но смуглый, какъ полированная бронза, и вмѣстѣ съ тѣмъ до того прозрачный, что сквозь него можно было читать всѣ впечатлѣнія, ея гибкій станъ, всѣ движенія ея, отличающіяся благородствомъ и граціею, это преждевременное развитіе всѣхъ членовъ ея и этотъ грустно-милый взглядъ: все обличало въ ней чистый типъ мавританскій, безъ всякихъ пороковъ и безъ примѣси постороннихъ стихій

— Скажи откровенно, Sennorita, ты происходишь отъ давняго поколѣнія? спросилъ я ее, побуждая къ отвѣту.

— Вы отгадали: я принадлежу къ давнему поколѣнію королей Гренады — отвѣчала съ гордостью молодая женщина, — къ поколѣнію благородному, принявшему святое крещеніе еще въ XVI вѣкѣ. Толедскій архіепископъ обливалъ святою водою моего знаменитаго предка.

Не было причинъ сомнѣваться! И такъ моя хозяйка происходила изъ дома, нѣкогда царствовавшаго въ Испаніи, хотя ея нынѣшнее княжество состоитъ изъ небольшой хижины и садика, — княжна, подобная потомкамъ Палеолога, Зенона, Ласкариса и Комнена.

Но къ чему испытывать таинства прошедшаго? Къ чему ведутъ догадки о томъ, что̀ можетъ быть? Я, впрочемъ, не знаю, что больше

должно тревожить сердце: упадокъ-ли прежней славы или минутное вознесеніе слѣпаго счастія?

— Княжна изъ дому Зегридо, — а нынѣ жена бомбардира доньи Изабеллы Бурбонской! произнесъ я невольно.

— Жена дворянина! г. докторъ, — возразила съ гордостію донья Марія.

— Я, правда, не оченъ опытенъ въ геральдикѣ, mi Sennorita,— но признаюсь впервые слышу о дворянскомъ родѣ: de Dias Serenos.

Солнце клонилось уже къ закату и бросало длинныя, дрожащія тѣни.

— Ну, скажи-же, милая донья Марія, какь я попаду въ городъ?

Сейчасъ покажу вамъ дорогу, только поймаю своего осла и осѣдлаю его. Сегодня тертулія у глухонѣмыхъ сестеръ; молодой клеркъ обѣщалъ пропѣть сегодня новую tragala

Донья Марія сѣла на осла, держа при грудяхъ свое дитя, — я повелъ его за узду. Такъ мы достигли города.

III.

ДОНЬЯ ДЕЛЬФИНІЯ, ЖЕНА ТУНЕТАНСКАГО БЕЯ.

(Городъ Кадиксъ. — Прусскій консулъ Утгофъ. — Англійскій консулъ. — Его дочери. — Женская красота. — Испанскія красавицы. — Донья Дельфинія де-Редондо. — Степень образованія испанокъ. — Знакомство съ доньей Дельфиніей. — Novio. — Церковь Капуциновъ. — Госпиталь. — Сиди Ахметъ, Тунисскій бей.

—

Что это! Не Афродита-ли выказывается, какъ снѣжная пѣна изъ прозрачныхъ водъ бездоннаго моря? Или это группа серебряныхъ минаретовъ, выглядывающихъ изъ бушующихъ волнъ Океана: Или, быть можетъ, это обманъ моего зрѣнія, или капризъ воображенія, возбужденнаго видомъ полуденнаго неба? Нѣтъ! Это *Кадиксъ*, возносящійся надъ синими водами Атлантики. Кадиксъ бѣлоснѣжный, красивый, омывающій стопы свои въ чистыхъ водахъ Океана и упирающій вершины свои въ свѣтлую лазурь прозрачнаго неба. Красота его дѣлается явственнѣе съ каждымъ движеніемъ широкихъ колесъ, раздирающихъ волны и оставляющихъ за нами длинный, пѣнистый слѣдъ. Со стороны моря Кадиксъ кажется отдѣленнымъ отъ земли, какъ бы островъ: продолговатый песчаный языкъ, соединяющій его съ твердою землею, совершенно исчезаетъ, между воздымающихся около него волнъ. Огромный городъ этотъ съ своими бѣлыми домами, надъ которыми возносятся къ облакамъ красивыя башеньки, называемыя miradores — обнесенъ вокругъ гранитнымъ валомъ, о который съ шумомъ разбиваются морскія зыби и обращаются въ пѣну.

Величественъ видъ этого богатырскаго города! Болѣе тридцати

вѣковъ пронеслись надъ этими огромными скалами, гдѣ всегда раздавались сладкіе звуки цивилизаціи, разносившейся отселѣ по странамъ отдаленнымъ. Въ самыхъ отдаленныхъ, предъ-историческихъ временахъ здѣсь поселились финикіяне и назвали этотъ городъ именемъ Gades, отсюда они совершали плаваніе въ далекія моря: ѣздили въ Тиръ за пурпуромъ и приставали къ берегамъ нынѣшней Пруссіи и Курляндіи. Они не знали компаса, но имъ извѣстно было, что морскія волны Балтики выбрасываютъ на берегъ янтарь, и собирая его, они тогда уже умѣли придавать ему красивыя формы. Въ послѣдствіи, карѳагеняне отняли у финикіянъ этотъ городъ и поставили здѣсь алтари своимъ богамъ. Здѣсь, въ храмѣ Геркулеса, Аннибалъ, по взятіи Сагунта, поклялся отцу своему Амилькару въ вѣчной ненависти къ римлянамъ.

Римляне овлядѣли Кадиксомъ во вторую Пуническую войну; Юлій Цезарь назвалъ его: Julia Augusta Gaditana и возвелъ его въ званіе римской областной столицы. Подъ владычествомъ римлянъ, городъ этотъ былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ и просвѣщеннѣйшихъ городовъ Римской Имперіи: онъ произвелъ нѣсколько знаменитыхъ гражданъ, каковы: историкъ *Корнелій Бальба,* поэтъ *Канiусъ* и отецъ агрономіи *Колумелла.*

Въ послѣдствіи орды вандаловъ и полчища готовъ наводнили собою Испанію и затерли слѣды цивилизаціи. Кадиксъ началъ упадать. Мавры вторгаются въ Европу и берутъ этотъ городъ, но не понявъ важности этого пункта, нимало не заботятся о поддержаніи его, а стараются между-тѣмъ украшать другіе города Испаніи: Севилью, Кордову, Толедо и Гренаду. Несмотря на это, добросовѣстный арабскій лѣтописецъ и лекарь *Абенъ-Зоаръ,* жившій въ XIII вѣкѣ, утверждаетъ, что мавры употребили большія усилія для распространенія и очищенія отъ скалъ Кадикской пристани, и что въ самомъ центрѣ города они неслыханными трудами просверлили въ каменной скалѣ единственный колодезь, который и доселѣ существуетъ. Мы потомъ подробнѣе о немъ раскажемъ.

Извѣстно, какъ долго и съ какимъ терпѣніемъ христіане ожидали случая отнять у магометанъ ихъ добычу. Наконецъ настала благопріятная минута. Золотой Левъ Кастиліи снова развѣвается на высокихъ башняхъ Кадикса. Открытіе Америки придаетъ ему значеніе, какого онъ никогда не имѣлъ; мостовая Кадикса потрясается подъ тяжестію подводъ, нагруженныхъ золотомъ Мехики и сокровищами перуанскими. Все обѣщало ему самую блистательную будущность! Но нынѣ очень мало осталось слѣдовъ прежняго богатства и великолѣпія. Три раза потрясалась, какъ левъ, пробужденный отъ сна, эта мощная скала, на которой сооружено столько дворцовъ и храмовъ; съ хребта ея ринулись въ морскую пучину всѣ памятники древности. Чего не истребило землетрясеніе, то доконали англійскія бомбы въ 1596 году. Кадиксъ снова обратился въ пустыню, какъ за тридцать вѣковъ, — осталась въ немъ только малая частичка трудолюбивыхъ и предпріимчивыхъ жителей. Они-то обстроили городъ совершенно

по новому плану. Поэтому Кадиксъ, одинъ изъ самыхъ древнихъ городовъ Пиренейскаго полуострова, теперь самый великолѣпный городъ въ цѣлой Испаніи и можно сказать самый красивый въ Европѣ.

Величавыя стѣны его, богатыя, вымощенныя мраморомъ улицы, великолѣпныя площади и *Аламеды*, высокіе мраморные дворцы, огромные магазины припоминаютъ еще нынѣ блестящее царствованіе Фердинанда Аррагонскаго и Изабеллы Кастильской, Карла V и двухъ Филипповъ, когда Кадиксъ былъ однимъ изъ самыхъ значительныхъ торговыхъ портовъ въ свѣтѣ.

Но нынѣ Кадиксъ уже не имѣетъ того значенія, — теперь онъ только самый укрѣпленный городъ въ свѣтѣ.

Онъ окруженъ толстыми гранитными стѣнами, вышиною въ 45 футовъ; въ нихъ устроены казематы, издѣвающіеся надъ непріятельскими ядрами; множество бастіоновъ устроено въ самомъ морѣ. Двѣ грозныя цитадели охраняютъ входъ въ заливъ, сильная тройная линія фортификацій защищаетъ ворота *Трокадеро* — единственный входъ со стороны материка, — и множество отдѣльныхъ батарей и шанцевъ воздымаются около залива, простирающагося на пять географическихъ миль и могущаго помѣстить въ себѣ флоты цѣлаго свѣта.

Я не знаю ни одного морскаго города, не выключая даже Копенгагена и Палермо, который бы со стороны пристани имѣлъ такой величественный и вмѣстѣ грозный видъ, какъ Кадиксъ. Очаровательный видъ! особенно когда при свѣтѣ газоваго освѣщенія онъ отражается въ зеркалѣ окружающихъ его водъ. Великолѣпные домы его, почти всѣ выставленные на пробу бомбъ, возвышаются въ три или четыре этажа, украшены балконами; мраморъ вездѣ въ изобиліи. Плоскія крыши уставлены цѣлымъ лѣсомъ самыхъ роскошныхъ цвѣтовъ, а надъ крышами возносятся — высокія башни, съ вершины которыхъ видъ на море восхитительный! Эти башни придаютъ городу особенный характеръ и особую прелесть. Всѣ стѣны, какъ внутри, такъ и снаружи домовъ, всѣ лѣстницы и даже сѣни выложены бѣлымъ мраморомъ; все здѣсь такъ мило и чисто, все такъ бѣлѣетъ и блеститъ, что кажется будто весь городъ вылитъ изъ чистаго сахара. Однѣ только улицы, окружающія соборную церковь, не отличаются чистотою. Богатая архитектура домовъ, благородный видъ города, большое движеніе въ портѣ, народная публика, кружащаяся на гуляньяхъ, торжественное богослуженіе въ церквахъ, наконецъ, это полуденное небо, освѣжаемое постояннымъ дуновеніемъ Океана, необыкновенная чистота воздуха, видъ всеобщаго довольства, начертанный на всѣхъ лицахъ, молодыхъ и старыхъ, прекрасныхъ и некрасивыхъ, — этотъ отголосокъ жизни, которымъ проникнуты души богатырскаго населенія, бывшаго всегда щитомъ добродѣтели, и преддверіемъ цивилизаціи: вотъ причины моего счастія, моего сочувствія и восторга, когда я очутился въ стѣнахъ Кадикса.

Кому не извѣстна исторія этого города? Кто не знаетъ, сколько онъ вытерпѣлъ въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ?

Если же вамъ неизвѣстна эта исторія — то вамъ раскажетъ ее

этотъ сѣдовласый старичекъ, съ румянымъ лицомъ, котораго вы увидите окруженнаго множествомъ мужчинъ и дамъ на Аламедѣ. Это прусскій консулъ, г. *Утгоффъ*, родомъ нѣмецъ, но поселившійся здѣсь съ конца прошлаго столѣтія. Онъ такъ расказываетъ эту исторію: «Въ 1801 году англичане бомбардировали Кадиксъ. Всякій, кто могъ или хотѣлъ нести оружіе, былъ потребованъ къ защитѣ города. Ни одинъ иностранецъ не былъ глухъ на этотъ вызовъ; вступилъ и я съ моими тремя братьями въ народную гвардію. Французско-испанскій флотъ пришелъ къ намъ на помощь: англичане его разбили, но самою побѣдою, одержанною ими 22 іюля, они такъ себя ослабили, что должны были прекратить осаду города. Одинъ изъ братьевъ моихъ погибъ при этомъ дѣлѣ. Черезъ три года послѣ того завезена была къ намъ изъ Америки желчная лихорадка, отъ которой половина жителей погибла, а вмѣстѣ съ нею и второй братъ мой. Когда вспыхнула въ 1808 году война, мы бомбардировали съ батарей Трокадеро, Пунталесъ и Санкти-Петри французскій флотъ, бывшій подъ начальствомъ адмирала Роселли, и принудили его сняться. Въ 1810 году, испанская регенція, преслѣдуемая маршаломъ Сультомъ, укрылась въ Кадиксъ. Французы осаждали и бомбардировали нашъ городъ два года. Трудно описать, въ какомъ ужасномъ положеніи мы находились тогда: у насъ недоставало ни аммуниціи, ни съѣстныхъ припасовъ; но никто и не помышлялъ о сдачѣ. Напрасно Сультъ, Викторъ и Себастіяни уничтожали своими ядрами богатырскій Кадиксъ; напрасно сыпали въ него изъ взятаго у насъ порта Матагорда огромнаго калибра бомбы, изъ нарочно отлитой пушки, — мы не сдавались и непріятель принужденъ былъ удалиться. Миръ продолжался до 1820 года; въ это время мы опять укрѣпились и набрали силы, и я, хотя консулъ отдаленнаго государства, дѣлившій всѣ превратности судьбы новаго моего отечества, признанъ былъ гражданиномъ этого отважнаго города, который никогда не сдавался непріятелю. Въ 1820 году король Фердинандъ VII, опять объявилъ конституцію 1812 года. Кадиксъ игралъ въ этомъ дѣлѣ главную роль: ибо король и кортесы скрылись сюда отъ французской арміи, подъ начальствомъ герцога Ангулемскаго. И опять всѣ бѣдствія войны и мороваго повѣтрія полились на нашъ городъ. Насъ до невѣроятности мучили съ одной стороны французскіе выстрѣлы, а съ другой зараза желчной лихорадки. Третій братъ мой палъ ея жертвою. Тѣ самые французы, которые двадцать лѣтъ тому назадъ вступились за насъ тогда подъ начальствомъ маршала Бурмона, сожгли нашъ городъ и возобновили всѣ ужасы инквизиціи. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ войнъ и разныхъ несчастныхъ событій, а также отчужденія американскихъ колоній — торговля Кадикса совершенно пришла въ упадокъ. Фердинандъ VII, желая поднять этотъ городъ — сдѣлалъ его порто-франко. Еще разъ заблистала для него надежда лучшей участи и произвела благое дѣйствіе; число жителей возросло до 70,000. Но это положеніе было непродолжительно: реакція взяла верхъ — и доселѣ тяготѣетъ надъ нашимъ городомъ. Впрочемъ, Кадиксъ до сихъ поръ остается вѣрнымъ своимъ правиламъ

и еще въ 1843 году онъ предлагалъ убѣжище Эспартеро, преслѣдуемому войсками реакціонистовъ. Но бывшій регентъ не принялъ этого предложенія и удалился въ Англію. Таковы событія, которыхъ я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, — говоритъ далѣе *донъ Людольфо Утгофъ*, ономъ нѣмецъ и прусскій консулъ, — я неоднократно кровью своею пріобрѣталъ народность и право гражданства въ новомъ отечествѣ моемъ; и нынѣ, окруженный дѣтьми и внуками, рожденными на этой землѣ, я считаю себя такимъ же хорошимъ испанцемъ, какъ каждый природный, истинный испанецъ рожденный въ Испаніи».

Совсѣмъ другаго образа мыслей былъ англійскій консулъ въ Кадиксѣ. Этотъ, хотя издавна живетъ въ Испаніи, не отступилъ ни на пядь отъ своей народности, не оставилъ даже своихъ предразсудковъ, не измѣнилъ своихъ привычекъ, наклонностей и оригинальности. Онъ въ молодости своей, лѣтъ тридцать тому, былъ морскимъ офицеромъ и потому въ своемъ мраморномъ и неколеблющемся домѣ ввелъ всѣ обычаи мореплавателей. Въ англійскомъ консульствѣ никто не спитъ на кровати, а только въ койкахъ, привѣшанныхъ къ потолку. Съ самымъ разсвѣтомъ, по знаку, данному выстрѣломъ, собираютъ всѣ койки и развѣшиваютъ въ галлереѣ, какъ на кораблѣ. Каждые четыре часа, звонокъ призываетъ къ смѣнѣ новыхъ служителей. Лишь только вы вступите въ консульскія сѣни, привратникъ свисткомъ даетъ тотчасъ знать о томъ хозяину дома: тройнымъ свистомъ, если приходитъ gentleman, двойнымъ — если входящій только *особа* (person) и однимъ свистомъ, если входящій просто *человѣкъ* (man). Консулъ никогда не покидаетъ своей морской трубы, которая постоянно у него въ рукахъ и по временамъ только замѣняется огромнаго размѣра чаркою, когда консулъ намѣренъ выпить съ приходящимъ: the good morning toast,—что впрочемъ случается разъ двадцать въ день. Когда аудіенція кончится, консулъ свиститъ въ дудочку: лакей, одѣтый матросомъ, входитъ въ комнату, открываетъ настежъ двери и также свиститъ; другой лакей встрѣчаетъ выходящаго въ передней также свисткомъ; привратникъ также, въ свою очередь, свиститъ, и такимъ образомъ несчастнаго посѣтителя освистываютъ самымъ немилосердымъ образомъ, пока онъ не очутится на улицѣ. На самомъ зданіи консульскаго дома возносится вмѣсто башни высокая корабельная мачта, съ полною принадлежностью всѣхъ снастей, лѣстницъ и корзинъ; въ одной корзинѣ сидитъ постоянно матросъ, вооруженный зрительною трубою, въ которую онъ смотритъ во всѣ стороны и кричитъ, какъ исступленный, когда издали замѣтитъ какое-нибудь судно. На вершинѣ мачты горделиво развѣвается флагъ Великобританіи.

Несмотря на всѣ эти странности, англійскій консулъ въ Кадиксѣ лицо примѣчательное и заслуживаетъ уваженія: онъ съ достоинствомъ представляетъ могущество своего государства, рѣшаетъ споры между капитанами купеческихъ судовъ и ихъ матросами, какъ Титъ, и что особенно примѣчательно, онъ отецъ двухъ прехорошенькихъ дѣвицъ, высокихъ, стройныхъ, бѣлыхъ какъ лиліи.

Съ ними-то я гуляю на площади, называемой Plaza de San Antonio,

которая нынѣ переименована на Plaza de la Constitucion, на этой обширной четырехъ-угольной площади, обсаженной кругомъ роскошными экзотическими деревьями и выложенной большими плитами бѣлаго мрамора. Это любимое гулянье здѣшняго общества: здѣсь собирается каждый вечеръ весь beau-monde гадетанскій (кадикскій) и особенно: las Sennoras y Sennoritas, Donnas y Duennas, Manolas y Muchachas, — todas las hermosuras de la muy heroicu ciudud Cudis, — весь цвѣтникъ богатырскаго города Кадикса.

Часто мнѣ дѣлаютъ вопросъ: красивы-ли испанки? на это трудно отвѣчать однимъ словомъ.

Что̀ мы понимаемъ подъ именемъ женской красоты?

Если-бы доказано было, что существуетъ гдѣ-нибудь типъ идеала женской красоты, принявшій формы тѣлесныя, или изсѣченный изъ мрамора, или, по крайней мѣрѣ, схваченный кистью живописца; — если-бы можно было вѣрить, что природа даетъ искусству или наукѣ право представлять или исчислять ея безусловную красоту въ общепринятыхъ формахъ, я не осмѣлился-бы отвѣчать на предложенный вопросъ: ибо не имѣлъ никогда случая повѣрять аршиномъ или циркулемъ эти интересныя наблюденія ... Подчинять математическимъ измѣреніямъ столь щекотливые вопросы — невозможно, пока въ наблюдателѣ не совсѣмъ еще угасла жизнь.

Впрочемъ, какимъ масштабомъ мы должны измѣрять и оцѣнивать женскую красоту? Неужели по скульптурнымъ произведеніямъ Фидія и Праксителя? Неужели эти великіе художники древности дѣйствительно отгадали самую высшую степень красоты, до какой могутъ достигнуть женщины?

Нѣтъ! Извѣстно, что родъ человѣческій совершенствуется физически по мѣрѣ того, какъ совершенствуется его душа; что каждое благородное чувство должно отражаться и найти постоянное выраженіе въ обликѣ человѣка; что христіанская религія имѣла сильное вліяніе на усовершенствованіе нашей души. Припомнимъ только, какое грубое, какое матерьяльное понятіе имѣли древніе греки о Высочайшемъ существѣ и его качествахъ, какъ они объясняли *любовь*, эту прекраснѣйшую и святѣйшую принадлежность человѣческаго сердца, впервые достойно понятую и объясненную намъ Спасителемъ, составляющую основаніе нашего счастія, временнаго и вѣчнаго.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что родъ человѣческій постоянно образовывается и совершенствуется, но только не одинаково и не въ одно время на одномъ и томъ-же пунктѣ земли.

А посему мы образовываемся также и въ красотѣ; и то, что нѣкогда признавалось душою артиста самою высшею красотою, — нынѣ уже превзойдено въ дѣйствительности на томъ или другомъ пунктѣ земнаго шара, тамъ, гдѣ ни климатъ, ни предразсудки, ни глупость не стѣсняютъ развитія человѣка. Канова и Торвальдсенъ должны-бы превзойти Фидія и Праксителя, если бы имъ данъ былъ одинаковый съ

ними талантъ, или еслибы они имѣли счастіе найти себѣ столь-же любезные подлинники, каковыми были: Хрина, Галатея и Лаиса. Александръ Македонскій, этотъ великій завоеватель, подъ юношескими стопами котораго дрожалъ нѣкогда въ своемъ основаніи цѣлый міръ, Александръ, стоя у могилы Ахиллеса, прославившагося только въ ограниченныхъ предѣлахъ, — вскричалъ. «О счастливый юноша! ты нашелъ въ лютнѣ Гомера истолкователя твоей славы!» Александръ завидовалъ Ахиллесу, такъ какъ мы должны завидовать древнимъ грекамъ за ихъ великихъ ваятелей; но грекамъ завидуютъ только за ихъ классическія изваянія, а отнюдь не за типы живой картины.

Гдѣ же можно чаще встрѣтить типы истинной красоты человѣческой?

Разрѣшая теоретически этотъ вопросъ, должно полагать, что въ области, если не понятій, то по крайней мѣрѣ чувствованій религіозныхъ, тамъ, гдѣ умѣренный климатъ не принуждаетъ постоянно находиться внутри стѣнъ и пріобрѣтать наклонности, происходящія отъ однообразной жизни, или отъ скуки; тамъ, гдѣ модное и затѣйливое, то есть одностороннее и худопонятое воспитаніе не развиваетъ съ излишкомъ одного качества тѣла и души съ ущербомъ для другаго; наконецъ тамъ, гдѣ есть твердая вѣра въ волю Божію и въ силу природы; гдѣ не прибѣгаютъ слишкомъ поспѣшно къ медицинскому пособію и лекарствамъ для возвращенія поколебавшагося равновѣсія въ здоровьѣ, гдѣ каждый умѣетъ самъ себѣ помочь водою, плодами, гимнастикою и отдохновеніемъ.

Одна изъ странъ, гдѣ можно найти исполненіе всѣхъ этихъ условій — есть, безъ сомнѣнія, Испанія: а потому ни въ какомъ другомъ краѣ нельзя видѣть столько красоты, разлитой во всѣхъ классахъ жителей, — столько стройности, соединенной съ силою, столько благородства, граціи и ловкости въ движеніяхъ, столько жизни въ каждомъ атомѣ тѣла, какъ въ испанцахъ и особенно въ испанкахъ.

И такъ, пусть англичанки на меня сердятся, сколько душѣ ихъ угодно, пусть бѣснуются на меня француженки, пусть плачутъ чувствительныя нѣмки, пусть скрежущутъ зубами живыя итальянки, и пусть гнѣваются на меня даже мои милыя соотечественницы, — я рѣшительно утверждаю, что нѣтъ въ Европѣ другой страны, въ которой область красоты была-бы такъ обширна, какъ въ Испаніи; въ которой-бы общій діапазонъ красоты стоялъ выше, чѣмъ въ счастливыхъ садахъ Гесперійскихъ.

Само собою разумѣется, что я отнюдь не хочу этимъ сказать, чтобы самыя красивыя въ свѣтѣ женщины непремѣнно были испанки, и что такія красавицы не могутъ родиться въ другой какой-нибудь странѣ. Оттого-то именно феноменальныя явленія бываютъ рѣдки, что онѣ составляютъ исключеніе изъ общаго правила и не подчиняются никакимъ правиламъ. Не всегда самые умные философы и самые искусные художники выходятъ изъ самыхъ лучшихъ школъ, — очень часто случается противное; для чего-жъ-бы и женская красота имѣла исключительную привиллегію выходить только изъ одной колыбели?

Но довольно уже говорить о красотѣ испанокъ вообще. Далѣе мы

подробнѣе разскажемъ о нѣкоторыхъ типахъ испанской красоты и о характерѣ красоты, привязанномъ къ мѣстности. Несомнѣнно то, что андалузка разнится отъ аррагонки, что даже гадетанка (рожденная въ Кадиксѣ) не совершенно сходна съ севильянкой.

И такъ, возвратимся на площадь Св. Антонія, въ общество нашихъ прекрасныхъ англичанокъ, бѣлыхъ и стройныхъ, какъ лиліи. Нарядъ ихъ свѣтлый и блестящій, шляпки, украшенныя цвѣтами и заслоненныя легкимъ газовымъ воалемъ, составляютъ поразительный контрастъ съ черными мантильями, такими-же платьями и кружевами, въ которыя одѣты всѣ гадетанки, мелькающія около насъ, какъ китайскія тѣни.

Путешествовавшій по Испаніи для распространенія англиканскаго ученія, мистеръ *Борроу* (Borraw), говоритъ въ своемъ сочиненіи: «Gatherings from Spain»: — «Я люблю Кадиксъ за то, что его *дамы* (Ladies) ничѣмъ не отличаются модами отъ его *женщинъ* (women), развѣ только тѣмъ, что у первыхъ платья, мантильи и кружева нѣсколько тоньше, нежели у послѣднихъ».

Удивительны, право, эти англичане! для нихъ дамы не женщины, джентльмены не люди и офицеры не солдаты.

Но знаете-ли вы, что такое испанская мантилья?

Совсѣмъ не то, что у насъ подъ этимъ именемъ понимаютъ. Это нарядъ, состоящій изъ двухъ, соединенныхъ между собою частей, то есть изъ воротничка шелковой матеріи, прикрѣпленнаго къ высокому гребню и ниспадающаго на спину, и изъ кружевнаго покрывала, пришитаго къ воротничку. Покрывало это обыкновенно спускается также на плеча, но его можно поднять и закрыть имъ лицо. Этотъ нарядъ гораздо красивѣе на головѣ, украшенной роскошными черными волосами, яркими глазами и бѣлымъ горделивымъ челомъ, чѣмъ всѣ тѣ пестрыя картонные кузовы и кибитки, называемые дамскими шляпками, которымъ такъ строго придерживаются всѣ послѣдовательницы парижскихъ модистокъ.

Французы утверждаютъ, что le piquant составляетъ всю прелесть испанской красоты, такъ какъ-бы они говорили о турецкомъ перцѣ или о горчицѣ. Правда, что въ этихъ чудныхъ глазахъ, такихъ бархатныхъ, такихъ продолговатыхъ, въ этихъ улыбающихся губкахъ, въ самомъ движеніи руки, играющей вѣеромъ, есть что-то дивно-очаровательное, увлекательное; но это не составляетъ единственной прелести испанки. Посмотрите на этотъ станъ, тонкій до того, что кажется можно одной рукой обхватить его, и гибкій, какъ боа. Можно отгадать, что стройность эта не искусственная, что шнуровка не стѣсняетъ біенія сердца. Посмотрите на эту ножку, маленькую, узенькую: о! какъ много физіономія этой ножки обѣщаетъ!

Но серебристый голосокъ миссъ Селины обращается ко мнѣ и пробуждаетъ меня отъ восторга, вопросомъ: Well, Sir — какъ вамъ нравится нашъ модный свѣтъ?»

— Какъ мнѣ нравится этотъ Олимпъ? Ахъ, Miss! еслибъ я имѣлъ сто глазъ, то сказалъ-бы, что онъ очаровалъ меня — а теперь долженъ

сказать вамъ, что самъ не знаю. Неужели двухъ глазъ достаточно для того, чтобы обозрѣть все это царство красоты и прелести? отвѣчалъ я съ жаромъ.

— Для сына холоднаго Сѣвера у васъ есть много огня — отвѣчала миссъ Селина съ кисло-сладкою улыбкою.

— Нашъ климатъ не такъ холоденъ, чтобы лишалъ насъ всякаго огня; онъ только скопляетъ его внутри насъ, въ сердцѣ: и это-то именно составляетъ наше несчастіе! отвѣчалъ я улыбаясь также не совсѣмъ сладко.

— Которая-же изъ испанскихъ дамъ вамъ болѣе понравилась? спросила миссъ Флавія, меньшая сестра миссъ Селины.

— Эта высокая, съ грустнымъ, блѣднымъ лицомъ, которая бѣлѣе другихъ и у которой такіе прекрасные глаза. Вонъ она гуляетъ съ старымъ caballero, за ними двѣ негритянки. Вотъ, они проходятъ мимо насъ! какая благородная, величественная походка! Она, кажется, еще очень молода, а между тѣмъ такъ грустна. Ахъ! какъ-бы я желалъ съ нею познакомиться!

— Такъ эта вамъ больше всѣхъ понравилась? — спросила старшая сестра, миссъ Селина, — покраснѣвъ немного.

— Именно эта!

— Ха, ха, ха! — какой-же у васъ дурной вкусъ, докторъ. Но знаете-ли вы, кто это такая? — Oh fy! shoking! (о фи — это ужасно!)

— Не знаю, я такъ недавно пріѣхалъ въ Кадиксъ; но очень-бы желалъ знать; вѣрно, это жена этого caballero?

— Я удовлетворю вашему любопытству: нѣтъ, это совсѣмъ не жена этого caballero, — это его дочь, Donna Delfinia de Redondo — та самая донья Дельфинія, которая въ Тунисѣ...

— А! теперь я догадываюсь: это жена тунетанскаго бея; я слышалъ, что она теперь гоститъ въ Кадиксѣ.

— Нѣтъ она не жена бея: вѣдь вамъ извѣстно, что алкоранъ запрещаетъ магометанамъ жениться на христіанкахъ.

— Но чѣмъ-же можетъ быть это прелестное созданіе для мусульманина, котораго такъ превозносятъ за его мудрость и человѣколюбіе? Неужели она...

При этомъ словѣ она закашляла и стыдливо закрыла лицо свое вѣеромъ.

— Ахъ, избавьте меня, докторъ, отъ продолженія. Вы говорили, что долго жили въ Англіи и потому должны хорошо знать нашу деликатность, наши *предразсудки*, какъ говорятъ иностранцы; вы знаете, что о многихъ вещахъ англійская леди никогда не говоритъ.

На этомъ окончился нашъ разговоръ. Я слѣдилъ глазами за прекрасной доньей Дельфиніей и замѣтилъ, что отецъ ея дружески раскланивался съ прусскимъ консуломъ, который прогуливался по Аламедѣ съ кучею дѣтей и внуковъ своихъ. Обѣ группы соединились: донья Дельфинія живо разговаривала съ одной изъ дочерей дона Лудольфо и, проходя мимо насъ, бросала искоса огненные взоры на моихъ англичанокъ.

Я сдѣлался разсѣянъ; разговоръ нашъ становился вялымъ, несвязнымъ: горделивыя дочери Альбіона это замѣтили и простившись со мною довольно сухо — оставили гулянье и возвратились въ англійское консульство, не пригласивъ меня даже на чай.

Черезъ полминуты послѣ того, я былъ уже въ непріятельскомъ лагерѣ, — признаюсь въ этомъ откровенно.

— Я завербовалъ для васъ еще одного кавалера, mi Sennoritas — сказалъ, обращаясь къ своимъ дамамъ, прусскій консулъ, — сегодня у насъ тертулія, г. докторъ, сдѣлайте намъ удовольствіе, посвятите намъ сегодняшній вечеръ: у насъ будутъ пѣть, играть на гитарѣ и танцовать. Вамъ, вѣрно, нравятся наши испанскія забавы? не правда ли?

— Мнѣ онѣ очень нравятся и я охотно въ нихъ участвую. Скажите мнѣ, пожалуйста, господинъ консулъ, кто эта прекрасная дама, высокая и блѣдная, которая разговариваетъ съ вашею дочерью?

— Это донья Дельфинія, дочь вотъ этого caballero, дона Феликса де-Редондо, который былъ испанскимъ консуломъ въ Тунисѣ. Это очень интересная особа: она отлично воспитана и притомъ — мильонерка. Вы познакомитесь съ нею у насъ; она прекрасно говоритъ по-французски.

Рѣдкая испанка говоритъ по-французски; испанка гнушается всего иностраннаго и не перенимаетъ ни модъ, ни обычаевъ, ни языка чужеземнаго.

Испанки не получаютъ высокаго образованія; скорѣе у нихъ можно встрѣтить совершенное незнаніе тѣхъ предметовъ, которые не касаются до нихъ непосредственно. Умъ ихъ почти съ дѣтскою ограниченностью обращается въ тѣсномъ объемѣ окружающихъ ихъ отношеній, но въ этой тѣсной рамкѣ онѣ проявляютъ много остроты и граціи. Онѣ знаютъ хорошо природный языкъ, исторію своего края, своихъ поэтовъ и своихъ живописцевъ: но этимъ и ограничиваются ихъ познанія. Въ гостиныхъ Лондона, Парижа, или всякой другой столицы, эти интересныя существа, не напитанныя чужеземною философіею, не проникнутыя модными системами — играли-бы весьма не блестящую роль. Но здѣсь, въ Испаніи, гдѣ каждый мужчина любитъ женщину, не столько для *ея* ума, сколько для *ея* самой, эти доморощеныя (какъ у насъ ихъ называютъ) существа, гораздо сильнѣе очаровываютъ молодыхъ людей, нежели въ другихъ странахъ высоко-образованныя дамы, знающія французскій языкъ лучше своего природнаго и говорящія на немъ предпочтительно своему родному, понимающія философію на столько, чтобы отыскать въ ней какія-то основы для женской эмансипаціи — столько исторіи, чтобы понять господство Діаны, Габріэли, г-жи Лавальеръ и маркизы Помпадуръ, — столько географіи, сколько достаточно для того, чтобы понимать описанія путешествій Александра Дюма, или романовъ Евгенія Сю, — и владѣющія въ высшей степени талантомъ выдѣлывать самыя трудные повороты въ полькѣ-tremblante.

Правда, что разговоръ испанокъ довольно свободный. Здѣсь часто можно услышать молоденькихъ дѣвушекъ, говорящихъ съ непонятною смѣлостью о такихъ предметахъ, которыхъ-бы онѣ вовсе не должны

были еще понимать, — а замужнія женщины въ этомъ отношеніи еще болѣе откровенны. Не смотря на то, здѣсь гораздо рѣже можно услышать разговоры, въ которыхъ, подъ покровомъ иносказаній и двусмыслія, нѣкоторые мужчины съ испорченнымъ вкусомъ истощаются въ краснорѣчіи о самыхъ неприличныхъ вещахъ, и поставляютъ себѣ въ заслугу, когда возбуждаютъ румянецъ стыдливости на лицахъ невинныхъ дѣвицъ, — или вынуждаютъ разыгрывать роли наивности.

Мужчины здѣсь гораздо образованнѣе женщинъ и имѣютъ болѣе познаній. Испанія, наслаждаясь нынѣ спокойствіемъ, открыла своей молодежи свободное поле для образованія.

Общество мужчинъ на тертуліи прусскаго консула состояло изъ банкирскихъ коммисіонеровъ, изъ адвокатовъ и флотскихъ, артиллерійскихъ и инженерныхъ офицеровъ. Каждый изъ нихъ, особенно-же купцы и моряки, знали по нѣсколько языковъ, но никто не выставлялъ на видъ своихъ познаній; напротивъ того, всѣ, понимая, что собрались здѣсь собственно для удовольствія, умѣли забыть разницу ихъ состояній и охотно предавались общей веселости: одинъ танцовалъ, другой пѣлъ, тотъ импровизировалъ стихи; былъ здѣсь и острякъ, забавлявшій общество разными шутками: не было только шута, такъ часто встрѣчаемаго въ гостиныхъ другихъ странъ, которому-бы воскуривали фиміамъ за его пошлыя остроты. Роль шута не согласна съ благороднымъ характеромъ испанца.

Alegrya! — веселость! какъ очаровательна, какъ сообщительна твоя прелесть! Изчезло облачко, омрачавшее свѣтлое чело прелестной доньи Дельфиніи и на ея блѣдномъ лицѣ заблисталъ дѣвичій румянецъ, на коралловыхъ губкахъ появилась улыбка удовольствія, и открыла намъ два ряда жемчужинъ, до того бѣлыхъ и чистыхъ, что каждая стояла мильоны. Она согласилась на общія просьбы и пошла танцовать; ловкая рука ея схватила кастаньеты, и величественная, благородная фигура ея во всѣхъ классическихъ положеніяхъ выражала окончательный образецъ красоты.

Дивная Дельфинія! — раздавалось со всѣхъ сторонъ; какое-то облако закрыло отъ меня все общество, — я видѣлъ только ее одну, освѣщенную голубымъ бенгальскимъ огнемъ, зажженнымъ искрою моего воображенія.

— Самое земное существо! — говорили мнѣ англичанки. О! нѣтъ! — одна зависть могла это сказать! Это чудное созданіе! это нимфа, это сладкій звукъ Орфеевой лютни... Она въ состояніи сдѣлать самыми послушными овечками всѣхъ львовъ и тигровъ Атласа.

Она окончила танецъ и возвращается на свое мѣсто, утомленная, съ дрожащими устами, съ глазами, исполненными слезъ удовольствія. Такова была, вѣроятно, Даная, когда она была орошена дождемъ метаморфозы.

Вотъ истинная Испанія! воздухъ ея дышетъ роскошью, на землѣ ея миѳологія, — въ сердцѣ религія, а въ головѣ — гордость!

Я познакомился съ доньей Дельфиніей. Видя меня прежде въ обществѣ англичанокъ, она сначала не довѣряла мнѣ; быстрые глаза ея,

осѣненные длинными сницрѣами, какъ будто спрашивали: «не предатель-ли ты?» — Но скоро вѣрный инстинктъ женщины отгадалъ, что какая-то невидимая сила влекла туда мой умъ, гдѣ находилось уже сердце. Мы не сказали ни одного слова по-французски, не упомянули ни о Тунисѣ, ни объ англичанкахъ. Мы разговаривали о танцахъ, о пѣсняхъ, объ Испаніи и о далекой родинѣ странника, выброшеннаго бурею на берега Океана. Глаза ея открывали прежнія раны, слова ея были для нихъ бальзамомъ.

Случай — а быть можетъ, и не случай — сдѣлалъ, что, выходя изъ прусскаго консульства, встрѣтились мы у воротъ съ доньей Дельфиніей. Отецъ ея прежде уже отправился домой, — остались съ нею только двѣ нѣмыя негритянки. Нѣсколько кавалеровъ предложили доньѣ Дельфиніи руку. Она не приняла ихъ предложенія; она хотѣла имѣть un momento de recogimiento, минуту для собранія мыслей. Я не струсилъ, — дѣлаю видъ, что дорога моя лежитъ въ ту же сторону, и мы пошли вмѣстѣ.

Мы проходили по широкимъ, пустымъ улицамъ. Передъ однимъ большимъ домомъ стоялъ какой-то мужчина, завернутый въ длинный плащъ, съ гитарою въ рукѣ. Но онъ не игралъ на ней, а только разговаривалъ съ дамой, стоявшей на балконѣ и наклонившейся къ нему. Увидя, что мы приближаемся, дама скрылась внутрь дома, а мужчина провелъ по гитарѣ нѣсколько заунывныхъ аккордовъ. Мы прошли и гитара опять утихла. Опять начался таинственный разговоръ.

— Что значатъ эти ночныя бесѣды? — спросилъ я.

— Ничего не значатъ; это обыкновенная серенада. Эта дама, — дочь хозяина дома: очень хорошенькая и молоденькая дѣвушка, — а этотъ господинъ хорошій молодой человѣкъ, оказывающій ей знаки своего уваженія и своихъ чувствованій.

— Они, вѣроятно, обручены? — спросилъ я.

— Не знаю, я не слыхала объ этомъ.

— И неужели подобныя вещи не вредятъ репутаціи молодой дѣвушки?

— Нисколько! Все это дѣлается съ вѣдома родителей. А впрочемъ — скажите сами — что̀ можетъ произойти отъ сношеній между балкономъ и мостовой? Если бы окна нижняго этажа огорожены были рѣшеткой, они свободнѣе-бы могли разговаривать, подъ защитою желѣза, охраняющаго добродѣтель. Не хотите-ли видѣть нашу знаменитую красавицу, донью Инесъ, разговаривающую съ своимъ Novio?— спросила меня донья Дельфинія.

— Очень охотно. Но что значитъ Novio? — не женихъ-ли? или можетъ быть это то самое, что Cavaliere Servante или Sigisbeo?

— О, фи! вы очень ошибаетесь. Novio не имѣетъ такихъ привилегій, какъ Cavaliero Servante, и не пользуется такими правами, какъ Sigisbeo. Быть Novio, значитъ имѣть желаніе сдѣлаться женихомъ — вотъ и все! — Мы, испанки, любимъ, чтобы за нами ухаживали, а молодые кавалеры чувствуютъ потребность ухаживать, и отъ этой взаимной потребности родилось званіе новіевъ, званіе совершенно невинное

и очень удобное для нашего климата. Видите-ли вы прекрасную Инесъ? Ахъ! какъ она быстро выдернула свою хорошенькую ручку изъ его руки, — а видите-ли, какъ онъ красивъ? слышите, какъ мило онъ поетъ; un glorioso Novio! — по истинѣ. Но отдалимся немного, чтобы меня не узнала молодая Инесъ — иначе она-бы завтра на меня дулась.

— Донья Дельфинія! — а у васъ есть Novio?

— Что васъ такъ много занимаетъ званіе Novio? — Ха, ха, ха! Быть можетъ, вы сами хотѣли-бы занять эту должность, пока будете находиться въ Кадиксѣ? Посмотримъ! — но вотъ, и мой домъ. Желаю вамъ спокойной ночи! Muy buenas noches, don Teodoro! Но умоляю васъ, идите посреди улицы и не выпускайте изъ рукъ кинжала. Очень быть можетъ, что въ дверяхъ одного изъ тѣхъ низенькихъ домиковъ, въ которыхъ живутъ, Богъ знаетъ какіе люди — ожидаетъ васъ убійца, который легко можетъ васъ заколоть, втащить въ домъ и потомъ выбросить въ пучину моря. Это очень часто случается съ неосторожными иностранцами.

— Благодарю васъ очень, Sennore, за вашу обо мнѣ заботливость,— и желаю вамъ покойной ночи.

— Послушайте еще одно слово: когда вы увидитесь съ прекрасными англичанками?

— Я у нихъ никогда больше не буду.

— Нѣтъ, еще разъ вы должны ихъ видѣть.

— Отчего васъ такъ интересуютъ эти англичанки?

— Ахъ, какой коварный вопросъ! Повѣрьте, что отъ моихъ глазъ ничего не укроется. До завтра, Adio!

Теперь я понимаю, что̀ мнѣ угрожаетъ: я вижу, что долженъ буду служить орудіемъ женской мести, — подумалъ я. Я совсѣмъ не люблю играть такія роли, но предчувствую, что только подъ этимъ условіемъ буду удостоенъ званія *новія* прекрасной испанки, — получу позволеніе давать ей серенады, вздыхать при лунномъ свѣтѣ и разговаривать съ ней сквозь желѣзную рѣшетку.

На другой день я отправился осматривать знаменитую церковь капуциновъ.

Церковь капуциновъ въ Кадиксѣ, флорентинскаго стиля, славится своимъ великолѣпнымъ фасадомъ и превосходными образами, писанными знаменитымъ Мурильо.

Обѣдня еще не началась, когда я пришелъ въ цéрковь, а потому я могъ насмотрѣться на превосходныя произведенія испанскаго Рафаэля.

Одна картина изображаетъ Св. Франциска Ассизскаго (Francesco d'Assisi). Въ дивной красотѣ лица его видна борьба страстей, обуревавшихъ жизнь этого праведника. Трудно вообразить себѣ что-нибудь прелестнѣе этого облика.

Другая картина представляетъ зачатіе Пресвятой Богоматери; третья обрученіе Св. Екатерины. Послѣдняя, кромѣ высокаго артистическаго достоинства, имѣетъ еще особую историческую цѣну. Она была послѣднимъ произведеніемъ знаменитаго художника и сдѣлалась причиною его смерти. Окончивъ картину, Мурильо захотѣлъ взглянуть на

нее въ нѣкоторомъ разстояніи, и забывъ, что находится на высокихъ подмосткахъ, не имѣвшихъ перилъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ, и слетѣлъ оттуда головою внизъ на мраморный церковный полъ. Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ того Испанія лишилась своего великаго живописца: онъ умеръ въ Севильѣ.

Въ монастырскомъ саду капуциновъ находится группа пальмовыхъ деревъ, самыхъ красивыхъ въ цѣлой Андалузіи. Я сдѣлалъ еще другое открытіе въ этомъ саду, очень любопытное для ботаниковъ, а именно: фиговое дерево такъ крѣпко срослось съ своимъ сосѣдомъ, деревомъ совершенно другаго семейства, называемымъ: Sanguis Draconis (Драконова кровь), что кровянистый сокъ этого дерева проникъ въ вѣтви, въ листья и даже въ фрукты фиговаго дерева. Все это дерево имѣетъ видъ коралловаго куста.

Но вотъ уже начинаютъ сходиться къ обѣднѣ. Въ церкви нѣтъ ни одной скамейки, полъ въ ней всегда такъ чистъ и бѣлъ какъ будто покрытъ свѣжей простынею. И на этомъ бѣлоснѣжномъ полу кадикскія дамы стоятъ на колѣняхъ и проговоривъ молитву: Отче нашъ, садятся на этотъ-же полъ страннымъ образомъ, на восточный манеръ, но очень граціозно, и въ такомъ полу–лежачемъ и полу-сидячемъ положеніи испанки остаются въ продолженіе всей службы.

Служба продолжалась около получаса. Во время обѣдни раздавался звукъ органовъ и гобоевъ и разливалось по всей церкви благовоніе самыхъ тонкихъ смолъ; вездѣ горѣло множество восковыхъ свѣчей, священникъ былъ облаченъ въ великолѣпную ризу.

По окончаніи обѣдни, я выхожу. Останавливаюсь на минуту, чтобы взглянуть на внѣшнюю архитектуру храма, и вдругъ слышу знакомый музыкальный голосъ:

— Я не знала, что вы такъ набожны, донъ Теодоръ; я очень рѣдко вижу докторовъ въ церкви, — сказала донья Дельфинія.

— Вы правы, сеньора: доктора гораздо рѣже бываютъ въ церквахъ, нежели при ложѣ умирающаго, но и это мѣсто священно для каждаго христіанина.

— Мы идемъ посмотрѣть на новое зданіе каѳедральнаго собора; не хотите-ли, докторъ, быть нашимъ спутникомъ? спросила донья Дельфинія, зная очень хорошо напередъ, что я не откажусь.

Зданіе собора величественно; постройка его начата въ 1722 году и кажется до-сихъ-поръ несовершенно кончена. Архитектура ея представляетъ смѣсь разныхъ стилей и съ наружной стороны не представляетъ гармоніи, отличающей чисто-готическіе или византійскіе храмы; при постройкѣ его болѣе придерживались помысловъ Микель-Анджело, или такъ названнаго стиля возрожденія.

Но за то внутренность болѣе правильна и имѣетъ видъ продолговатой ротунды. Взоръ пораженъ вездѣ великолѣпіемъ мраморовъ. Величественный куполъ возносится высоко надъ главнымъ алтаремъ. Стѣны, какъ главнаго корпуса церкви, такъ и боковыхъ капеллъ украшены превосходными картинами старой и новой испанской школы; между первыми находится одинъ образъ Маріи Магдалины, приписы-

ваемый Мурильо; я говорю приписываемый, потому–что недостатокъ благородства въ положеніи и непрозрачность въ колоритѣ дозволяютъ сомнѣваться въ достовѣрности кисти живописца.

Въ подвалахъ церкви находятся обширныя катакомбы, вполнѣ соотвѣтствующія своими огромными размѣрами мѣстамъ, надъ ними лежащимъ, а своды ихъ съ такимъ искусствомъ выложены огромными плитами, что кажется, будто они высѣчены изъ одного камня.

Эта подземельная церковь служила убѣжищемъ старцамъ и дѣтямъ, во время бомбардированія въ 1823 году французами Кадикса. Въ ней вовсе нѣтъ сырости. Подъ сводами, находящимися подъ главнымъ алтаремъ вырытъ единственный въ Кадиксѣ колодезь. Вода въ немъ прѣсная, хотя поверхность ея ниже поверхности моря. Церковное управленіе получаетъ огромные доходы отъ этого колодца, который за восемь вѣковъ передъ тѣмъ, какъ повѣствуетъ преданіе, мавры многолѣтними усиліями, нещадя трудовъ и денегъ, вырыли въ твердой скалѣ. Жители города Кадикса, окруженные со всѣхъ сторонъ морскими волнами, получаютъ воду для питья или изъ этого колодца, или собираемую во время дождя въ цитернахъ, или наконецъ привозимую изъ Пуэрто-де–Санта–Марія.

Мы отправляемся al hospicio, въ госпиталь. Это есть домъ призрѣнія для 700 больныхъ, 500 сиротъ, 400 дряхлыхъ и для умалишенныхъ цѣлой провинціи. Онъ находится въ западной части города и поражаетъ не только своимъ колоссальнымъ видомъ, но и необыкновеннымъ порядкомъ и чистотою. Онъ такъ устроенъ, что вездѣ въ него проникаетъ свѣтъ и воздухъ — а сырости вовсе нѣтъ. Вездѣ полъ выложенъ мраморомъ, фонтаны бьютъ не только во дворахъ, но и въ залахъ, и освѣжаютъ атмосферу.

Чисто и порядочно одѣтые сироты призрѣны въ этомъ заведеніи и выходятъ оттуда здоровые, красивые и счастливые. Las amarias (отдѣленіе кормилецъ) и las ninnarias (отдѣленіе нянекъ) и другія заведенія, какъ–то: школы, рабочія залы, лечебницы для каждаго рода болѣзней, даже ортопедическая зала, составляютъ часть госпиталя, назначеннаго для дѣтей.

Другаго рода пріютъ, можетъ быть единственный въ своемъ родѣ, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о необыкновенной добротѣ сердца испанцевъ, народа, такъ ложно описываемаго намъ иностранцами. Этотъ пріютъ, составляющій одно отдѣленіе госпиталя, вполнѣ заслуживаетъ сочувствіе каждаго иностранца, имѣвшаго случай осмотрѣть его. Я съ жаромъ говорилъ о немъ на тертуліи въ домѣ дона Лудольфа Утгофа — и возбудилъ въ доньѣ Дельфиніи желаніе видѣть его.

Невдалекѣ отъ госпиталя, находится, на небольшомъ острову, едва могущемъ вмѣщать въ себѣ семь тысячъ жителей, небольшая усадьба, или скорѣе деревушка, именно деревушка, населенная четами, которыхъ *мужъ* прожилъ *семьдесятъ*, а жена *шестьдесятъ* лѣтъ. Каждая пара имѣетъ особый домикъ, большой общій дворъ и въ услугахъ

сироту, выбранную изъ самыхъ усерднѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ дѣтей *Дома найденышей*.

Въ деревнѣ этой царствуетъ самое милое, самое трогательное спокойствіе. Нѣжный цвѣтъ молодости и слабая скорлупа сѣдовласой дряхлости живутъ здѣсь вмѣстѣ, взаимно мирясь съ горькими необходимостями жизни и взаимно образовываясь при видѣ счастливой христіанской смерти. Молодость служитъ здѣсь подпорой дряхлости: одна научается терпѣнію, другая, хотя въ престарѣлыхъ лѣтахъ, еще учится — снисхожденію.

Мы переходили отъ одного домика къ другому: ихъ было пятнадцать, и вездѣ мы освѣдомлялись о здоровьѣ Филемона и о счастіи Бавкиды. Иной Филемонъ, старый брюзга, жаловался, что ему мало даютъ табаку, а его Бавкида, старая болтунья, жаловалась на слишкомъ большую веселость и разсѣянность находившейся у нея въ услугахъ молодой сироты.

— Если вы не довольны вашей прислугой, то я могу сдѣлать, что вамъ дадутъ другую, — я хорошо знакомъ съ вашимъ директоромъ, и онъ мнѣ вѣрно не откажетъ въ этомъ.

— Ахъ, сохрани Богъ, Sennor Caballero! — сохрани Богъ! Я никогда не разстанусь съ моей милой Инесою; вотъ уже годъ, какъ она у насъ и мы ее любимъ, какъ наше дитя, даже больше — какъ нашу внучку!

И она начала горько плакать и разхваливать свою внучку.

Странная вещь, здѣсь никто не знаетъ, кто первый возымѣлъ мысль устроить это благодѣтельное заведеніе, которое существуетъ не болѣе года; кто пожертвовалъ огромнымъ капиталомъ для покупки земли и на все устройство. О, какъ завидна участь этого благороднаго сердца! какъ бы я желалъ знать, счастливцу или несчастному пришла въ голову мысль образовывать сердца дѣтей при видѣ терпѣнья дряхлости!

Никто не отвѣчалъ мнѣ на этотъ вопросъ, — только замѣтно было легкое движеніе устъ доньи Дельфиніи; лицо ея поблѣднѣло и я почувствовалъ, что рука ея немного задрожала.

— Проводите насъ домой, докторъ,—сказала она глухимъ голосомъ.

Возвратившись, мы отдыхали на patio, то есть, на дворѣ дома доньи Дельфиніи, окруженномъ галлерею на марморныхъ столбахъ. Въ срединѣ двора, былъ алебастровый фонтанъ, извергавшій воду, собираемую въ цитернахъ, умѣщенныхъ на крышѣ. Густые ряды цвѣтовъ и кустовъ, установленные на возвышеніи кругомъ всего двора, разливали благовоніе, удерживаемое въ атмосферѣ голубымъ навѣсомъ, защищавшимъ отъ лучей палящаго солнца. Вокругъ фонтана стояли мягкіе диваны, обитые штофомъ.

Мы сѣли на диванахъ: принесли мороженое, сигаретты и гитару,— но на ней никто не игралъ. Хозяйка дома была задумчива, мало говорила и, казалось, засыпала на диванѣ: ея пріятельница тоже. Я хотѣлъ удалиться, — но меня не пустили.

— Я ожидаю моего брата, единственнаго роднаго, котораго имѣю

на землѣ, кромѣ отца: я бы желала познакомить васъ съ нимъ, — останьтесь еще минутку, докторъ.

Вскорѣ послѣ того вошелъ священникъ, высокій, блѣдный, съ черными волосами, въ широкомъ плащѣ, съ добрымъ и привѣтливымъ видомъ.

— Вотъ мой братъ!—а это иностранецъ, докторъ, съ которымъ я познакомилась вчера у прусскаго консула, — сказала донья Дельфинія, вставъ съ дивана и цѣлуя руку духовнаго.

Духовный наклонился немного, зажегъ сигаретту и сѣлъ, долго всматривался въ меня и потомъ взглянулъ на дамъ.

— Что это? вы какъ будто поражены чѣмъ-то?—сказалъ онъ.

— Это вина доктора, отвѣчала съ живостью пріятельница доньи Дельфиніи. Вообразите, донъ Герундіо, какъ-бы вы думали, куда насъ докторъ водилъ? — въ госпиталь; и тамъ видъ сиротъ и старцевъ до того насъ растрогали, что мы потеряли веселость и лежимъ здѣсь на диванахъ, какъ мраморныя статуи.

— Не вините за это доктора, милая Инезилла: его, напротивъ, должно поблагодарить. Я сама напросилась; притомъ же онъ, хотя иностранецъ, такъ превозносилъ человѣколюбіе нашего народа: такъ можемъ-ли мы сѣтовать на него за это; трогательныя минуты рѣдки въ жизни! — возразила живо донья Дельфинія.

— Разумѣется — сказалъ донъ Герундіо, — вы должны, напротивъ, быть ему благодарны. Очень полезно, когда веселый отъ природы нравъ испытываетъ трогательное впечатлѣніе. Минуты такія производятъ обыкновенно благія послѣдствія и добрыя дѣла.

Эти слова, произнесенныя скромно и безъ натяжки, произвели явное впечатлѣніе на донью Дельфинію. Она разсказала брату живо и не забывъ самой ничтожной, повидимому, подробности, впечатлѣнія сегодняшняго утра, не забыла ниодного изъ моихъ словъ, даже ни одного ударенія, — разсказала также отвѣты, какіе мы получили отъ призрѣваемыхъ въ заведеніи. Какой-то необыкновеный жаръ оживлялъ ея разсказъ.

Священникъ также съ большимъ вниманіемъ слушалъ этотъ расказъ; видно было, что его искренно занимали чувства и мнѣнія его сестры. Я не ожидалъ найти столько участія въ этой холодной физіономіи.

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ, г. докторъ, нигдѣ не видали подобнаго дома призрѣнія убогихъ и старцевъ? спросилъ меня донъ Герундіо.

— Увѣряю васъ, что нигдѣ, даже въ самой Англіи, въ которой выдумали даже устроить дома, или лучше сказать конюшни, для призрѣнія четвероногихъ инвалидовъ, которые потеряли свои силы въ скачкахъ;'— отвѣчалъ я.

— Англичане хорошо знаютъ, что о ихъ лошадиномъ домѣ призрѣнія газеты гораздо болѣе будутъ толковать, нежели о нашей гадетанской деревенькѣ, гдѣ призрѣвается нѣсколько десятковъ сѣдовласыхъ супруговъ, которые не имѣютъ дѣтей или хъ пережили. Во всѣхъ

своихъ установленіяхъ, англичане болѣе заботятся о славѣ, нежели объ истинномъ человѣколюбіи.

Разговоръ нашъ продолжался еще нѣсколько времени о разныхъ важныхъ предметахъ; наконецъ, полуденная кровь взяла верхъ и вырвала насъ изъ этого серьознаго направленія идей. Засѣданіе наше кончилось веселою *боллерою* и *сегедилле*, то есть танцами и пѣніемъ на дворѣ палаццо Редондо.

Потомъ я часто имѣлъ случай видѣть донью Дельфинію, и старался собрать о ней свѣдѣнія. Кто же была эта донья Дельфинія?

Она была жена Тунетанскаго бея, *Сиди Ахмеда*, исповѣдывающаго тайно христіанскую вѣру, обращеннаго въ христіанство ученіемъ дона Герундія.

Дѣйствительно, прелестная испанка была и есть единственная жена этого мусульманскаго вождя, который уничтожилъ въ своихъ подвластныхъ обычай варварства.

Донья Дельфинія была уже четыре года обвѣнчана тайно съ беемъ, когда политическія дѣла заставили его посѣтить, въ 1846 году, Францію. Пользуясь отсутствіемъ мужа, она прибыла съ отцомъ и съ братомъ въ свой родимый городъ, и желая оставить здѣсь незгладимый слѣдъ своего пребыванія, напала на счастливую мысль—устроить тайнымъ образомъ домъ призрѣнія старцевъ женатыхъ, но бездѣтныхъ.

Она также не имѣла дѣтей, что ее не мало печалило. Она любила своего мужа со всею пылкостію испанки и полагала, что дѣти еще болѣе укрѣпятъ ихъ взаимность. Но какъ во многихъ другихъ, такъ и въ этомъ отношеніи, Ахметъ Бей, отличается отъ другихъ мусульманскихъ властителей. Онъ никогда не имѣлъ дѣтей, даже и прежде, когда, не зная еще прелестной испанки, пользовался законами корана.

Мы очень часто разговаривали съ прекрасной гадетанкой и ея братомъ о Тунетанскомъ беѣ. Онъ вступилъ въ управленіе Тунисомъ по смерти отца своего въ 1837 году. Мать его, родомъ изъ Генуи, была христіанка; она была захвачена въ Табарна вмѣстѣ со всѣмъ гарнизономъ, стоявшемъ на этомъ островѣ. Перемѣнивъ религію, только по наружности, она сдѣлалась женою бея Мустафы, и умѣла внушить сыну своему, Ахмету, тѣ благородныя чувства, когорыя прославили его человѣколюбіе.

— Уже и Мустафа имѣлъ такое уваженіе къ достоинству женщины— говорила мнѣ однажды донья Дельфинія, — что приказалъ вырѣзать на воротахъ, ведущихъ въ гаремъ, слѣдующій стихъ алкорана: «Никогда не наказывай женщину постыднымъ наказаніемъ, даже и тогда, когда она надоѣстъ тебѣ сто кратъ».

Другой разъ мы разговаривали о городѣ Тунисѣ, о его забавахъ и общественной жизни.

— Вы очень ошибатесь, думая, что мы живемъ, какъ въ пустынѣ, отдаленные отъ свѣта и отъ цивилизаціи. Прошу васъ не думать такъ дурно. Мы получаемъ всѣ журналы и газеты французскіе, англійскіе, итальянскіе и испанскіе. Къ намъ пріѣзжаютъ каждый годъ драматическая труппа изъ Марселя, и оперная изъ Неаполя. Я занимаю осо-

бый дворецъ, съ великолѣпнымъ садомъ, въ связи съ княжескимъ замкомъ, называемымъ *Бардо*. Я часто выѣзжаю на прогулку или въ носилкахъ на верблюдѣ, или верхомъ, переодѣтая туркомъ. Однимъ словомъ: мы танцуемъ и обѣдаемъ, играемъ въ карты и охотимся, такъ, какъ нѣкогда дѣлали средневѣковыя принцессы въ Европѣ. Въ обществѣ у насъ нѣтъ недостатка. Мать моего мужа женщина съ сильнымъ характеромъ, очень умная и съ высокимъ образованіемъ. У начальника нашихъ войскъ, Сиди Мустафы, родомъ грека, есть три молоденькія и хорошенькія сестры. Старшая уже умерла: она была передо мною женою бея. У кавалера Руффо, христіанина, рожденнаго въ Италіи, инженернаго полковника и дефтердара моего мужа, есть также сестра и дочь; обѣ очень хорошенькія дѣвушки, воспитанныя въ Sacré Coeur, въ Парижѣ. У насъ есть также много французскихъ офицеровъ, состоящихъ въ службѣ бея, — много европейскихъ консуловъ и негоціянтовъ постоянно-живутъ въ Тунисѣ съ своими семействами. Мы проводимъ время какъ нельзя лучше: часто, дѣлаемъ прогулки по очаровательнымъ окрестностямъ города, ѣздимъ къ католической церкви, построенной въ честь Лудовика Святаго, на мѣстѣ, гдѣ онъ умеръ; — иногда ходимъ плакать на развалины Карѳагена, — иногда спѣшимъ на фейерверкъ въ лагерь бея, дяди моего мужа, старца полнаго доброты; охотимся по полямъ на *фламинговъ*, (*фламинго*, красный гусь Phoen ruber, Linn; Flamingo), по горамъ на львовъ и на тигровъ. Въ нашемъ дворцѣ въ *Бардо* есть католическая капелла; мы даже осмѣлились уже вознести надъ нею башню. Болѣе сорока магометанскихъ имамовъ обратились уже тайно въ христіянство; остается только убѣдить народъ: Богъ намъ поможетъ въ этомъ, лишь бы мужъ мой подольше прожилъ и миръ съ Франціею продолжался.

ОЧЕРКИ АНГЛІЙСКИХЪ НРАВОВЪ.

ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

ДЛЯ ЧЕГО ЛЮДИ ОТДАЮТЪ ВЪ НАЕМЪ КВАРТИРЫ.

Усилія и страсть нѣкоторыхъ людей, выдавать свой годовой доходъ въ двѣсти фунтовъ за ежемѣсячный доходъ въ пятьсотъ, могутъ стать наряду съ трагедіями большихъ городовъ. Голодъ цѣлый мѣсяцъ, и великолѣпные обѣды четыре раза въ годъ; бѣлое атласное платье у матери оборванныхъ дѣтей; кость телятины для семейства, и фазанъ и трюфли для гостей; серебро на-прокатъ для торжественныхъ случаевъ, и поддѣльный металлъ для ежедневнаго употребленія: вотъ уловки «бѣдныхъ», но «тщеславныхъ» семействъ. Холодную телятину ѣдятъ съ довольнымъ видомъ, при убѣжденіи, что Томкинсы, живущіе черезъ улицу, увѣрены, что безъ трехъ блюдъ и десерта они не садятся за столъ «Такіе» люди дѣлаютъ все для другихъ. Они ничего не видятъ своими глазами, но все глазами своихъ сосѣдей. Когда мистрисъ Джонсъ любуется на свой коверъ, то она любуется не сама, а заставляетъ любоваться Прескотовъ и другихъ посѣтителей. Неудовлетворимое тщеславіе и смѣшная боязнь свѣтскаго суда даетъ это ложное направленіе, одно изъ самыхъ худшихъ результатовъ любви къ золоту и того униженія, въ которомъ находится у насъ бѣдность. Это слѣдствіе всеобщей привычки смотрѣть болѣе на жилетъ человѣка, чѣмъ на его дѣйствія, на недвижимое имѣніе, а не на нравственныя достоинства. Имѣя пятдесятъ помѣстьевъ, человѣкъ пользуется большимъ уваженіемъ, чѣмъ имѣя пятдесятъ добродѣтелей. При такомъ порядкѣ вещей, всеобщая система лицемѣрства уже не кажется удивительною; а желаніе — показаться въ лучшемъ видѣ на глаза свѣту, каковы бы ни были его условія, всегда будутъ составлять рѣзкую черту въ національной характеристикѣ.

На добродѣтель, какъ и на платье, бываетъ своя мода; теперь, къ несчастію, модная добродѣтель есть богатство. Для нея каждый день дѣлается тысяча пожертвованій: все дѣлается на показъ, въ подражаніе богатству. Всѣ наперерывъ бѣгутъ отъ пятна бѣдности; въ толпѣ вы не отличите мильонера отъ бѣдняка. Столбцы англійскихъ газетъ ежедневно наполнены печальными случаями, слѣдствіями семейной нищеты; но нигдѣ столько не просвѣчиваетъ борьба съ бѣдностью, какъ въ объявленіяхъ объ отдачѣ квартиръ, въ которыхъ такъ выхваляются всѣ прелести домашняго комфорта.

Достойно замѣчанія, что изъ отдающихъ квартиры почти никто не ищетъ жильцовъ изъ денежныхъ разсчетовъ. Всѣ презираютъ подобныя мелочи. Ихъ домъ слишкомъ для нихъ просторенъ; имъ вздумалось «прибавить собесѣдниковъ къ ихъ семейному кругу», — или отдать въ наемъ комнаты, «не для приращенія дохода, но изъ удовольствія имѣть хорошаго жильца». Люди, отдающіе въ наемъ квартиры, обыкновенно привыкли къ высшему обществу, и могутъ представить самыя неоспоримыя доказательства. Предлагаемыя ими удобства невообразимы; Елисейскія поля ничто въ сравненіи съ комфортомъ квартиры около Эйлингтона, въ нижнемъ этажѣ, по пятнадцати шиллинговъ въ недѣлю. Самые прихотливые люди останутся всѣмъ довольны. Какъ пріятно будетъ благородному человѣку нанять нижній этажъ, тамъ, гдѣ хозяева «высокой нравственности», не входятъ ни въ какіе денежные разсчеты.

Что за счастливую жизнь будутъ вести люди, нанявшіе эти квартиры! Ихъ «окружатъ всѣ прелести домашняго комфорта безъ всякихъ заботъ» «за извѣстную плату; они могутъ войти въ «пріятное музыкальное общество», гдѣ «плата составляетъ послѣднее условіе»; они могутъ поселиться въ домѣ, «гдѣ нѣтъ дѣтей и другихъ неудобствъ», обязуясь платить «скромной и почтенной хозяйкѣ» не болѣе двѣнадцати шиллинговъ въ недѣлю; они будутъ сами виноваты, если не воспользуются «случаемъ, который рѣдко можетъ представиться», поселиться въ семействѣ, «гдѣ нѣтъ другихъ жильцовъ и гдѣ держатъ человѣка для прислуги».

Отдающіе въ наемъ квартиры, кромѣ своей высокой нравственности и беззаботности относительно платы, бываютъ часто дивами учености. Можно найти столь образованный кругъ, что изъ него изгнанъ нашъ національный языкъ и гдѣ «за столомъ говорятъ по французски». Часто отдаются квартиры въ домѣ, гдѣ можно найти лучшихъ профессоровъ по всѣмъ отраслямъ наукъ, гдѣ уроки греческаго и латинскаго языковъ — преподаютъ за необыкновенно умѣренную цѣну: по гинеѣ въ недѣлю. Такія блистательныя предложенія обыкновенно дѣлаются для пріисканія «соученика для сына», а гинея въ недѣлю берется только для виду.

Многіе отдаютъ квартиры только изъ желанія услужить счастливымъ холостякамъ и дѣвицамъ, «лишеннымъ семейства.» За тридцать шиллинговъ, въ недѣлю можно нанять нижній этажъ въ домѣ весьма почтеннаго семейства, «котораго религіозныя правила вполнѣ сообразны съ догматами господствующей церкви». Есть также отдающія квартиры вдовы, которыхъ единственное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы снять хозяйственное бремя съ плечъ почтеннаго холостяка или вдовца и съ трогательнымъ самоотверженіемъ возложить его на свою собственную спину; опытныя хозяйки, совершенно посвящающія себя жильцамъ, и матери, за самую дешевую цѣну, для молодыхъ дамъ «ограниченнаго состоянія».

Словами невозможно передать великолѣпіе и красоту нѣкоторыхъ квартиръ. Онѣ отдаются въ наемъ, «потому-что будучи отдѣланы наи-

лучшимъ образомъ, съ особеннымъ вниманіемъ относительно комфорта», онѣ слишкомъ хороши для владѣльца, который хочетъ раздѣлить свое домашнее благополучіе съ менѣе счастливымъ человѣкомъ. Изъ оконъ этихъ квартиръ обыкновенно представляются превосходнѣйшіе виды; комнаты высоки и только недавно отдѣланы; омнибусы каждыя пять минутъ ходятъ мимо; чистота необыкновенная. Тутъ верхъ щегольства, комфорта, учености, нравственности и достоинства. Не удивительно, что число женатыхъ постоянно уменьшается въ такой странѣ, гдѣ холостякъ, за бездѣлицу, нанимаетъ земной рай, да еще и съ хозяйствомъ.

Какое рѣдкое самоотверженіе находите вы въ лондонскихъ домовладѣльцахъ! Ихъ добродѣтель выше всякой похвалы. Они предлагаютъ роскошь, высокую нравственность, музыку, французскій языкъ, и самую нѣжную заботливость, за самую дешевую цѣну; потому-что дѣйствуютъ «не изъ однѣхъ денегъ». Они слишкомъ обезпечены для того, чтобы обращать вниманіе на такія бездѣлицы; они публикуютъ о своемъ богатствѣ и добродѣтели единственно изъ удовольствія, и, подобно доброму самаританину, приглашаютъ каждаго раздѣлить ихъ богатство.

Мы собрали эту краткую исторію людей, отдающихъ въ наемъ квартиры, изъ ихъ скромныхъ автобіографій, разсѣянныхъ по столбцамъ ежедневныхъ газетъ. Можетъ быть, она отстранитъ отъ этихъ худо понимаемыхъ лицъ предразсудки, которые многіе противъ нихъ имѣютъ: чего лучше, какъ жить съ людьми, которымъ деньги не дороги? почтенное семейство не станетъ присвоивать себѣ помаду жильца; пріятное музыкальное общество не будетъ считать у него куски сахару, а люди смиренные заглядывать въ чайницу. Поэтому клеветы, распускаемыя противъ нихъ злоумышленными людьми, должны быть обнаружены, и сочинители преданы посмѣянію. Особы, которыя могутъ представить отличнѣйшія рекомендаціи и которыя отдаютъ свои лучшія комнаты изъ удовольствія жить въ кухнѣ и не имѣть никакихъ корыстолюбивыхъ видовъ, не унизятся до такихъ безчестныхъ поступковъ. Они отдаютъ въ наемъ квартиры, но не унижаютъ своего достоинства.

ПИЛЮЛИ.

Мистеръ Претльсъ былъ человѣкъ бѣдный. У него на рукахъ была жена и большое семейство, а типографское ремесло приносило ему мало дохода. Сосѣди часто удивлялись, какимъ образомъ онъ умѣлъ сводить концы. Имъ неизвѣстно было, какая крайность господствовала въ домѣ мистера Претльса. Сосѣди-купцы поддерживали его, давая ему работу. Впрочемъ, онъ былъ мастеръ своего дѣла. Когда купецъ, жившій черезъ дорогу, поручалъ ему напечатать пятьдесятъ объявленій о «лучшемъ чаѣ по три шиллинга шести пенсовъ за фунтъ», онъ зналъ уже, что купецъ, занимавшій лавку на концѣ улицы, скоро закажетъ ему объявленіе «о лучшемъ чаѣ по три шиллинга пяти съ половиною пенсовъ за фунтъ», къ чему будетъ прибавлено еще, что «совѣтуютъ раскупать скорѣе». Чѣмъ болѣе являлось соперничества, тѣмъ выгоднѣе было для мистера Претльса. Въ одинъ день, между прочимъ, мистеръ

Претльсъ получилъ заказъ напечатать тысячу объявленій о «всеисцѣляющихъ пилюляхъ мистера Смита». Едва онъ успѣлъ отослать первую тысячу, какъ явился новый заказъ на пять тысячъ; за нимъ тотчасъ послѣдовалъ третій, и наконецъ четвертый.

Такой расходъ объявленій удивилъ мистера Претльса, и онъ началъ завидовать счастію мистера Смита. Вдругъ его поразила мысль, что совсѣмъ не трудно приготовить пилюлю. Но какимъ образомъ придумать такую же затѣйливую исторію, какъ та, которая разсылалась вмѣстѣ съ коробочками мистера Смита. Тутъ предстояло затрудненіе. Мистеръ Смитъ обезпечилъ себя со всѣхъ сторонъ Онъ избралъ самую отдаленную деревушку и написалъ нѣсколько одобрительныхъ свидѣтельствъ отъ небывалыхъ пацiентовъ, жившихъ въ ея окрестностяхъ. Его пилюли — по увѣренію этихъ свидѣтельствъ — непремѣнно исцѣляли всѣ болѣзни. Онѣ заключали въ себѣ свойства цѣлой аптеки, онѣ удовлетворяли всему, что можетъ придумать медицина. Исторія этихъ пилюль была исторіею благодѣяній, ниспосланныхъ страждущимъ людямъ. Дѣйствіемъ пилюль мистера Смита, Джонъ Доббинсъ, изъ Квиривеля, излечился отъ вывиха ноги, которую не могли поправить лучшіе медики. Пилюли мистера Смита вылечили миссъ Броунъ, изъ Шотлькока, когда у нея была въ горлѣ жаба. Онѣ исцѣляли отъ одышки, воспаленія, водяной и гриппа; желтая горячка, холера, ревматизмы и подагра исчезали послѣ третьей коробочки.

Этимъ не ограничилась изобрѣтательность мистера Смита. Онъ понималъ, что для лучшаго расхода пилюль, необходимо покровительство какого-нибудь извѣстнаго лица. Отыскавъ за границею небогатаго лорда, онъ убѣдилъ его, за шестьсотъ фунтовъ въ годъ, позволить исцѣлять себя въ газетахъ, посредствомъ пилюль мистера Смита, отъ какихъ вздумается означенному мистеру Смиту болѣзней. При такомъ свидѣтельствѣ, пилюли мистера Смита стали расходиться въ огромномъ количествѣ; когда же онъ выхлопоталъ себѣ дипломъ на званіе доктора, «всеисцѣляющія пилюли» появились во всѣхъ домахъ трехъ соединенныхъ королевствъ за подписью профессора Смита, безъ которой всѣ прочія средства должно считать недѣйствительными.

Бѣдный Претльсъ! Гдѣ ему, съ двадцатью фунтами въ карманѣ, тянуться за богатымъ профессоромъ Смитомъ! Исчисляя всѣ выгоды своего счастливаго соперника и думая о своемъ безденежьѣ, онъ начиналъ приходить въ отчаяніе. Видя его въ такомъ печальномъ расположеніи духа, жена, въ шутку, сказала ему однажды, что заботы сдѣлаютъ его похожимъ на Маѳусала. Это простое замѣчаніе рѣшило его судьбу: онъ вздумалъ изобрѣсти дивныя пилюли! жена старалась уговорить его отъ такой раззорительной спекуляціи, но онъ былъ глухъ къ ея увѣщаніямъ. Онъ поручилъ своему двоюродному брату, аптекарю, составить для него безвредныя пилюли. Третья доля барышей убѣдила аптекаря приняться за дѣло. Оставалось составить ученую исторію пилюль и начертать весь переходъ ея отъ древности къ Претльсу. Для этого, Претльсъ посовѣтовался со старымъ школьнымъ учителемъ, знатокомъ

своего дѣла, и въ самомъ скоромъ времени была готова и поступила въ печать слѣдующая интересная исторія о происхожденіи пилюль:

«Извѣстно многимъ, что въ древнія времена жизнь людей была очень продолжительна. Тайна столь долгой жизни въ продолженіи многихъ вѣковъ оставалась непроницаемою загадкою. Въ наше печальное время, людямъ рѣдко приходится любоваться на своихъ внуковъ; но прежде было иное дѣло. Люди жили цѣлыя столѣтія. Какая же сила могла такъ долго поддерживать тѣло? Вотъ вопросъ. Два года назадъ, два джентльмена путешествовали по дикимъ пустынямъ Малой Азіи. Въ одинъ вечеръ, они подошли къ кочевью арабовъ, и были гостепріимно приняты мусульманами. Съ перваго взгляда ихъ поразили нѣсколько стариковъ, совершенно бодрыхъ и живыхъ въ разговорѣ. Наши путешественники вступили въ разговоръ съ однимъ изъ дѣтей пустыни: старикъ былъ съ ними откровененъ».

«Я былъ въ вашей землѣ много лѣтъ назадъ, когда Карлъ Второй былъ королемъ, я забавлялъ его;—онъ былъ веселый государь. О, тогда я былъ молодъ. И старикъ глубоко вздохнулъ. Путешественники, какъ можно себѣ представить, были удивлены и сначала смотрѣли на него съ недовѣрчивостью».

«Вотъ человѣкъ, теперь уже старый, который сражался въ Палестинѣ, когда одинъ изъ вашихъ королей затѣялъ войну, названную вами священною». И старикъ показалъ фигуру, сгорбленную до земли, у которой волосы были бѣлыя какъ серебро: «этому человѣку, прибавилъ арабъ, обращаясь къ путешественникамъ, — шестьсотъ лѣтъ.

— Не можетъ быть! вскричали наши путешественники.

— Молчите! продолжалъ старый Арабъ; вы, жалкіе дѣти Запада, не можете этого понять. Наша тайна всегда будетъ для васъ непроницаема.

— Знаете-ли вы, какимъ средствомъ въ древности люди достигали глубокой старости?

«Путешественники сознались въ своемъ глубокомъ невѣдѣніи. Тогда старый арабъ своими смуглыми руками досталъ изъ складокъ чалмы пергаментный свертокъ, столь старый и истертый отъ времени, что написанныя на немъ арабскія слова могли быть разобраны только опытнымъ профессоромъ арабскаго языка. Къ счастію, одинъ изъ путешественниковъ зналъ арабскій языкъ. Онъ упросилъ старика позволить ему разсмотрѣть драгоцѣнную рукопись. Дикій арабъ согласился съ условіемъ, чтобы рукопись читали при немъ, и сверхъ того заплатили-бы ему большую сумму за позволеніе списать содержаніе пергаментнаго свертка. Заключивъ такія условія, путешественники вошли въ ближайшую палатку и тамъ вступили во владѣніе тайною продлить жизнь. Возвратясь въ Англію, путешественники уступили свой секретъ настоящему владѣльцу рецепта, который и предлагаетъ англійской публикѣ «арабскія пилюли», по тринадцати съ половиною пенсовъ за коробку. На каждой коробкѣ, во избѣжаніе поддѣлокъ, находится подпись владѣльца, Джона Претльса. Требуются агенты во всѣхъ частяхъ свѣта. N.B. Пилюли тщательно изготовляются изъ особенныхъ травъ, извѣстныхъ только одному владѣльцу этого драгоцѣннаго ле-

карства. Въ доказательство дѣйствительности и чудесныхъ качествъ пилюль, съ дозволенія правительства, къ каждой коробкѣ прилагается великолѣпный штемпель. Всѣ пилюли, продающіяся безъ этого штемпеля, суть подражаніе и обманъ.»

Такое пышное объявленіе было составлено въ кабинетѣ мистера Претльса. Мистеръ Претльсъ не даромъ всю свою жизнь печаталъ объявленія. Онъ понялъ искусство пускать пыль въ глаза публикѣ, и грубому произведенію школьнаго учителя далъ новый видъ и форму. Одинъ разъ онъ издалъ его подъ заглавіемъ: «какъ надуть гробовщиковъ и жить шесть сотъ лѣтъ!» въ другой разъ объявленіе начиналось словами: «продолженіе жизни посредствомъ арабскихъ пилюль.»

Черезъ нѣсколько лѣтъ, мистеръ Претльсъ сдѣлался богатымъ человѣкомъ, и даже изподтишка подсмѣивался надъ профессоромъ Смитомъ. Когда въ какомъ-нибудь отдаленномъ городѣ умиралъ человѣкъ въ преклонныхъ лѣтахъ, вниманіе публики тотчасъ старались обратить на Претьсово средство, приписывая только ему примѣръ такой долговѣчности. Претльсъ пряталъ шиллинги въ карманы и посмѣивался надъ свѣтомъ: онъ смѣялся и богатѣлъ. На всякій случай, онъ давалъ нѣсколько обѣдовъ въ годъ и изрѣдка подписывался на благотворительныя предпріятія.

Претльсовы пилюли расходились необыкновенно хорошо; но какъ всѣмъ людямъ, имѣющимъ многое, ему захотѣлось еще больше. Разославъ мильоны пилюль по всѣмъ угламъ англійскихъ владѣній, онъ вздумалъ отправить ихъ и за границу. Тутъ, къ своему величайшему удивленію, онъ узналъ, *что только въ одной Англіи* позволено продавать подобныя медицинскія средства, но что во всѣхъ другихъ странахъ строго наказываютъ людей, продающихъ ихъ, и взыскиваютъ съ газетъ, печатающихъ подобныя объявленія. При такой неудачѣ, мистеръ Претльсъ утѣшился только довѣріемъ, которымъ почтили его соотечественники, и составя огромное состояніе, не роптalъ на судьбу.

ПРИВИДѢНІЕ, ИСПУГАВШЕЕ МИСТРИССЪ ВАРТОНЪ.

Въ городѣ, гдѣ жила моя матушка до своего замужества, вдругъ разнеслись слухи, что съ старою мистриссъ Вартонъ случилось что-то недоброе. Хотя въ городѣ и не всѣ знали мистриссъ Вартонъ, но знали и уважали ее столь многіе, что не бездѣлицею считалось встрѣтить ее съ озабоченнымъ лицомъ или печальнымъ взглядомъ. Никто не могъ понять, что̀ случилось. На вопросы, она отвѣчала, что здорова. Сыновья ея вели свои дѣла честно и выгодно; а на счетъ здоровья, почтительности и веселаго характера ея незамужней дочери никто не имѣлъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Старушка жила въ своемъ собственномъ домѣ; и доходы ея, хотя небольшіе, были достаточны для ея комфорта. Отчего-же она вдругъ сдѣлалась такъ печальна и молчалива? Дочь ея была весела по-прежнему и также не понимала перемѣны, происшедшей въ ея матери. Нѣкоторые замѣчали, что самъ пасторъ приходилъ въ недоумѣніе, когда при немъ заводили рѣчь о такомъ проис-

шествіи. Мистеръ Робинзонъ, ея домашній врачъ, говорилъ, что хотя по временамъ она и страдаетъ желудкомъ, но что въ настоящее время друзья ея не должны безпокоиться о ея здоровьѣ. Оставалось только спрашивать другъ у друга, что̀ съ нею сдѣлалось.

Черезъ нѣсколько времени, такая-же таинственная перемѣна произошла и въ дочери; но никакого несчастія не случилось въ ихъ домашнемъ быту. Не слышно было ни о болѣзни, ни о денежныхъ потеряхъ, ни о семейныхъ непріятностяхъ. Дѣло объяснилось только черезъ нѣсколько лѣтъ.

Вотъ, какъ это было.

Въ одно лѣтнее утро, мистриссъ Вартонъ была такъ разсѣяна за чаемъ, что ея дочь напрасно старалась завести съ нею разговоръ. Видя неудачу, она спокойно разлила кофе и около полудня заказала обѣдъ, о которомъ совершенно позабыла старушка. Такая разсѣянность являлась у нея нѣсколько дней сряду. Однажды миссъ Вартонъ, выйдя изъ своей комнаты, въ половинѣ девятаго часа утра, встрѣтила старушку, собиравшуюся куда-то идти. Всего забавнѣе было то, что мистриссъ Вартонъ смѣшалась. Она хотѣла сейчасъ-же возвратиться назадъ. Ей нужно было только сдѣлать одинъ визитъ. Визитъ этотъ былъ къ мистеру Горни, пастору. Онъ только-что успѣлъ позавтракать, когда ему доложили, что мистрисъ Вартонъ желаетъ переговорить съ нимъ наединѣ.

Когда онъ вышелъ въ пріемную, мистриссъ Вартонъ не нашлась сказать ему ни слова; а когда онъ подалъ ей руку, то замѣтилъ, что рука ея была холодна. Однако она сказала, что чувствуетъ себя хорошо. Послѣ этого наступила пауза, за которой добрый пасторъ началъ переминаться съ ноги на ногу, заложивъ руки за спину. Мистриссъ Вартонъ, между тѣмъ, опускала и поднимала вуаль, и то снимала, то снова надѣвала перчатки. Наконецъ, съ принужденною улыбкою она сказала, что ей стыдно объяснить, зачѣмъ она пришла, но что она должна все высказать, надѣясь, что мистеръ Горни не подумаетъ, что она находится подъ нелѣпымъ вліяніемъ воображенія или страха.

— Я очень далекъ отъ такихъ мыслей, отвѣчалъ онъ, смотря на нее съ участіемъ. Старушка потупила глаза и продолжала:

— Недавно, ночью, я была испугана страшнымъ явленіемъ...

— Явленіемъ! какимъ явленіемъ?

Она поблѣднѣла. «Двѣ недѣли тому назадъ, въ среду, я проснулась въ половинѣ ночи, — то есть, между вторымъ и третьимъ часомъ утра, когда было уже почти свѣтло, — и увидѣла...»

Старушка остановилась.

— Что-же вы увидѣли? спросилъ мистеръ Горни.

— Я увидѣла у своей постели самое гадкое, отвратительное лицо, дѣлавшее мнѣ гримасы.

— Лицо!

— «Да; я могла видѣть только одно лицо; все остальное было закрыто занавѣсками.

Она украдкою взглянула на мистера Горни. Онъ покачивалъ головою и шевелилъ губами, прежде чѣмъ спросилъ:

— Въ которомъ часу вы ужинали въ тотъ вечеръ?

— Послушайте, сказала мистриссъ Вартонъ; вы думаете, что я бредила во снѣ; но мнѣ кажется, вы знаете меня довольно хорошо и полагаете, что я могу отличать бредъ отъ дѣйствительности.

— Но, любезная мистриссъ Вартонъ, что-же могу я вамъ болѣе сказать?

— Мнѣ кажется, вамъ лучше прежде меня выслушать, и потомъ говорить.

Онъ засмѣялся и кивнулъ головою въ знакъ согласія.

— Я съ-тѣхъ-поръ три раза видѣла тоже лицо.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

— Да, три ночи, почти въ одни и тѣже часы. И съ перваго явленія, я почти ничего не ужинаю.

— Что это за лицо?

— Короткое и широкое; глупое и вмѣстѣ съ тѣмъ лукавое; всѣ черты въ безпрерывномъ движеніи. Ужасно!

— Не пропало-ли у васъ что-нибудь?

— Нѣтъ, ничего, ниодна дверь, ниодно окно не тронуты. Не видно ниодного отверстія, въ которое можно было-бы влѣзть.

— Что-же думаетъ объ этомъ ваша дочь?

— О! со страхомъ вскричала мистриссъ Вартонъ, она не знаетъ, и не должна это знать. То, что я говорю вамъ, есть глубочайшая тайна. Если я и открою ее дочери, то далѣе она не должна распространяться. У насъ люди не проживутъ недѣли. Никто не наймет у насъ квартиры. Домъ потеряетъ цѣну, а этого я не могу допустить для моей дочери, которой онъ послѣ меня достанется. Ниодинъ человѣкъ не придетъ къ намъ въ гости; никто не переночуетъ ночи. Право, вы не должны...

— Хорошо, хорошо, я не скажу ни слова; но я не вижу...

Онъ остановился; мистриссъ Вартонъ поспѣшила ему отвѣтить.

— Трудно дѣлать какія-нибудь предположенія; въ настоящемъ случаѣ, все покажется смѣшнымъ. Но нельзя ничего не предполагать; и можетъ быть, что явленіе этого призрака касается меня одной; и потому, если я могу скрыть отъ дочери... пока не буду убѣждена, что это до меня касается...

— Это нужно изслѣдовать, замѣтилъ мистеръ Горни. Встрѣтя вопросительный взглядъ мистриссъ Вартонъ, онъ продолжалъ:

— Я совѣтую вамъ разсказать все дочери и спать вмѣстѣ съ нею. Посмотрите, увидитъ-ли она тоже лицо.

— Вы думаете, что она не увидитъ?

— Я думаю, нѣтъ. Будь я докторомъ, я-бы доказалъ вамъ, какъ странно иногда дѣйствуютъ на насъ нервы, какъ бредъ бываетъ близокъ къ дѣйствительности...

— Неужели вы думаете, что я этого не понимаю? вскричала старушка. Неужели вы хотите увѣрить меня, что я бредила, когда при

дневномъ свѣтѣ и въ полномъ разумѣ, я четыре раза видѣла это лицо собственными глазами?

Мистеръ Горни сдѣлалъ все, что̀ могъ. Онъ убѣждалъ ее разсказать все дочери; выбралъ время, когда послѣдней не было дома, и осмотрѣлъ весь домъ. Ниодна дверь, ниодно окно не было отворено поутру; трубы были слишкомъ высоки и узки, чтобы по нимъ можно было подняться. Онъ никакъ не могъ убѣдить мистриссъ Вартонъ встать съ постели и заглянуть за занавѣски; она не могла согласиться не опускать ихъ.

Безъ всякихъ обѣщаній, она вскочила съ постели, увидя еще разъ лицо. Оно страшно замигало глазами, закивало головою и изчезло. Сердце такъ сильно билось у бѣдной старушки, что она ничего не могла слышать; но послѣ ей показалось, что легкіе шаги слышны въ корридорѣ. Она всегда оставляла дверь изъ спальни отпертою, изъ того-же чувства самохраненія, изъ котораго другіе запираются на ночь. Если это привидѣніе, то его не удержатъ замки, а ей легче будетъ убѣжать въ открытую дверь, въ случаѣ испуга. Въ первый разъ, она зажгла лампу на ночь, сказавъ дочери, что не любитъ оставаться въ темнотѣ.

Съ наступленіемъ зимы, посѣщенія вдругъ прекратились и мистриссъ Вартонъ стала уже бояться, не подшутило ли надъ нею воображеніе; но въ январѣ, ея недоумѣніе изчезло: лицо снова появилось, на томъ-же самомъ мѣстѣ. Это совершенно разстроило старушку и она рѣшилась не оставаться долѣе одна въ спальнѣ. Сначала присутствіе дочери не повело ни къ чему; миссъ Вартонъ ничего не видѣла; но въ одну свѣтлую майскую ночь, старушка разбудила ее и показала ей призракъ. Крикъ замеръ въ ея груди; она хотѣла поутру-же бѣжать изъ дома; но мысль о страданіяхъ бѣдной матери, о дурныхъ послѣдствіяхъ такихъ слуховъ для ихъ состоянія, и самая безвредность призрака, заставила ее остаться и молчать.

Это продолжалось нѣсколько лѣтъ. Страннѣе всего была одновременность посѣщеній. Зимою они были рѣже, иногда прекращались совершенно. Слуги никогда не подозрѣвали этой тайны. Мистриссъ Вартонъ и ея дочь такъ привыкли къ этому порядку вещей, что не обращали на него вниманія. Одинъ разъ призракъ заговорилъ. «Я прихожу сюда, когда хочу», сказалъ онъ. Когда это передали мистеру Горни, онъ спросилъ, на англійскомъ-ли языкѣ были сказаны эти слова, и на какомъ англійскомъ нарѣчіи. Языкъ былъ обыкновенный англійскій, на которомъ говорили всѣ въ ихъ городѣ. Тѣмъ дѣло и кончилось. Между старушкою и пасторомъ не было болѣе разговора о призракѣ.

Однажды мистеръ Горни предложилъ мистриссъ Вартонъ и ея дочери присоединиться къ обществу, собиравшемуся осмотрѣть стеклянный заводъ. Жители мануфактурныхъ городовъ не всегда имѣютъ свободный входъ на фабрики, но обыкновенно пользуются пріѣздомъ иностранцевъ, которымъ отворяются всѣ двери. Мистеръ Горни обыкновенно бралъ на себя трудъ показывать достопримѣчательности города; и пользуясь слу-

чаемъ, приглашалъ иногда своихъ друзей. Мистриссъ Вартонъ не замедлила явиться на приглашеніе.

Въ то время, какъ цѣлое общество, стоя у печи, слѣдило за выдѣлкою стекла, старушка вдругъ схватила за руку мистера Горни, и показала ему на человѣка, стоявшаго по другую сторону печи.

— Вотъ лицо! вскричала она съ безпокойствомъ. «Молчите и спустите вуаль», шепнулъ мистеръ Горни. Старушка повиновалась и отошла вспорону.

Человѣкъ, на котораго она показала, казался жалкимъ несчастнымъ существомъ. Сгорбленный, съ широкимъ безобразнымъ лицомъ, онъ былъ еще отвратительнѣе, дѣлая усиліе, чтобы дуть въ длинную трубу, которую держалъ въ рукахъ.

— Это несчастный идіотъ, сэръ, сказалъ смотритель, къ которому обратился съ вопросомъ пасторъ. «Мы изъ состраданія держимъ его на заводѣ; онъ раздуваетъ стекло».

Мистеръ Горни изъявилъ желаніе поговорить съ нимъ; идіотъ подошелъ, смѣясь и подпрыгивая. Увидя мистрисъ Вартонъ, онъ сталъ еще болѣе смѣяться, и сказалъ, что узнаетъ старушку, которую видѣлъ сонною. Въ отвѣтъ на вопросы, онъ показалъ имъ въ сосѣдней комнатѣ небольшое окно въ стѣнѣ, близко отъ пола, въ которое онъ пролѣзалъ. По другую сторону, былъ погребъ мистрисъ Вартонъ. Дѣло объяснилось очень просто. Лѣтомъ, когда въ погребѣ было менѣе дровъ, такъ-что они не закрывали отверстія, идіотъ пролѣзалъ въ него и являлся въ спальнѣ мистрисъ Вартонъ. Зимою дровъ было болѣе, и потому ему пролѣзать удавалось рѣже.

Нужно-ли описывать, съ какимъ восхищеніемъ старушка смотрѣла, какъ задѣлывали окно, и съ какимъ спокойствіемъ она ложилась спать? Нужно-ли говорить, какъ пріятно было доброму пастору видѣть такую простую разгадку тайны? Кто не подивится необыкновенному присутствію духа двухъ дамъ, и не порадуется, что дурная слава не пала на ихъ домъ? Кто наконецъ не согласится, что большая часть страшныхъ исторій всегда кончаются тѣмъ-же, чѣмъ кончилась исторія мистрисъ Вартонъ, которая, впрочемъ, имѣетъ то преимущество передъ другими чудесами, — что она совершенно справедлива и не вымышлена.

ПОНЯТІЯ ИНОСТРАНЦЕВЪ ОБЪ АНГЛИЧАНАХЪ.

Эксцентрическое лицо, существующее во мнѣніи многихъ иностранцевъ подъ именемъ англичанина, есть такое диво, котораго ни Гулливеръ не встрѣчалъ въ своихъ путешествіяхъ, ни Джонъ Бульверъ не описывалъ въ своихъ «*искусственныхъ уродахъ*». Какъ испанская olla podrida или девоншейрскій пирогъ составляются изъ самыхъ разнородныхъ съѣстныхъ припасовъ, такъ и портреты англичанъ, писанные французскими и нѣмецкими романистами и драматическими писателями, есть смѣсь самыхъ разительныхъ неправдоподобностей, какія только можно соединить въ одномъ характерѣ.

Понятія объ насъ иностранцевъ не такъ рѣзко выказываются въ романахъ, какъ въ театральныхъ пьесахъ. Романистъ бываетъ еще стѣсненъ условными границами вѣроятности; но драматическій писатель создаетъ самые нелѣпые характеры, которымъ придаетъ еще болѣе смѣшнаго актеръ, выборомъ костюма, манерами и всякаго рода дурачествами. Изученіе нравовъ, обычаевъ, чувствъ, жестовъ, одежды и общаго характера нашихъ соотечественниковъ на иностранныхъ театрахъ, по-истинѣ удивительно. Ниодинъ сумасшедшій, послѣ самаго тяжелаго ужина, не въ состояніи придумать такого вздора.

Недавно зеркало, въ которомъ отражается натура — то есть, англійская натура, отражаемая французами, показало намъ въ Ambigu-Comique и на Théatre des Variétés, въ Парижѣ, въ нашемъ собственномъ лицѣ, такія странныя вещи, которыхъ мы никогда не видѣли даже во снѣ. Какой-то господинъ, представлявшій, кажется, префекта, увѣрялъ насъ, что въ Англіи народъ, кучами умираетъ съ голода; что имѣющіе огромное богатство покупаютъ себѣ титулъ лорда; что вельможи ѣздятъ у насъ по улицамъ съ воруженною свитою, которая разгоняетъ толпу. Дома англичанинъ сидитъ въ золотомъ креслѣ, въ обществѣ «молодой миссъ», своей жены и «бульдога», и пьетъ чай съ лимономъ, приговаривая: Го! Га! Іесъ! Годдемъ! и вери гудъ.

Дамы наши слишкомъ буйнаго характера и слишкомъ сговорчивы. Женъ нашихъ мы продаемъ. Это считается у насъ самымъ обыкновеннымъ торговымъ оборотомъ. Для такого интереснаго аукціона, устроено даже огромное «стойло», на смитфильдскомъ рынкѣ. Мы, большею частію, безобидное и смѣшное племя, вѣрная пожива для плутовъ трактирщиковъ. Мы ѣдимъ страшно. Мы до такой степени любимъ хорошій столъ, что даемъ нашимъ дѣтямъ имена любимыхъ блюдъ. Если въ высшемъ кругу молодаго человѣка не зовутъ сиромъ Ростбифомъ, то онъ уже навѣрное носитъ имя лорда Бифстекса, въ честь нашихъ національныхъ блюдъ.

Въ забавной пьесѣ, даваемой на одномъ изъ парижскихъ театровъ, гдѣ первый англійскій министръ раззоряется отъ спекуляцій на желѣзныя дороги, англійскій слуга является подъ англійскимъ именемъ Тома Боба; онъ законный сынъ мистера и мистриссъ Бобъ и окрещенъ Томомъ. Въ итальянской передѣлкѣ нелѣпой пьесы Дюма: «Кинъ», которую мы однажды видѣли на большомъ театрѣ, въ Генуѣ, при поднятіи занавѣса, знаменитый трагикъ спитъ пьяный на стулѣ, въ темной блузѣ, стянутой широкимъ поясомъ съ огромною пряжкою, и съ краснымъ колпакомъ на головѣ, вышиною фута въ три. Въ рукѣ онъ держитъ бутылку, съ ярлыкомъ: «ромъ», обращеннымъ къ публикѣ, а двѣ или три дюжины того-же національнаго напитка, который мы тамъ привыкли пить, украшаютъ полъ комнаты. Всѣ дѣйствующія лица, въ тавернѣ, съ саблями и бородами.

Всякая англичанка, которую вы видите на сценѣ въ Италіи, является подъ зеленымъ вуалемъ; въ рукахъ у нея зеленый ридикюль, въ видѣ огромнаго сердца. Англичанина намъ не случалось видѣть иначе какъ съ огромнымъ брюхомъ чудовищными жабо и связкою печатей, пре-

восходящихъ величиною его часы, хотя часы сами по себѣ представляютъ невиданную машину.

Эти назидательные портреты англичанъ не были-бы полны безъ содѣйствія актеровъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Кобленцѣ, огромная афиша, прибитая къ дверямъ маленькаго театра, извѣщала публику, что онъ «хорошо отопленъ» и что представлена будетъ опера Обера, Фра-Діаволо, въ которой роль лорда Олкеша (Allcash) будетъ исполнена извѣстнымъ комическимъ актеромъ. Этотъ лордъ до-сихъ поръ сохранился въ нашей памяти, въ своемъ зеленомъ камзолѣ, синихъ inexpressibles, ботфортахъ, съ желтыми платками, висящими изъ обоихъ кармановъ, парою часовъ и въ шляпѣ съ перомъ! Гдѣ-же могутъ лучше знать англичанъ, какъ не въ Кобленцѣ? Ихъ тамъ почти столько-же, какъ въ Девоншейрѣ или на островѣ Вайтѣ.

Въ Брюсселѣ, гдѣ число англичанъ почти превосходитъ число природныхъ жителей, объ англійскихъ нравахъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Въ маѣ прошедшаго года, на театрѣ S-t Hubert, давали пьесу мосье Базара: La lectrice, ou une folie de jeune homme. Народа собралось множество, потому-что актеръ Фервиль произвелъ большой эффектъ въ Парижѣ, въ роли сира Кобриджа. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ сиръ Артуръ, молодой офицеръ, котораго не звали иначе, какъ «милордъ», по обыкновенію, какъ намъ объяснили, принятому въ Англіи. Сиръ Артуръ счелъ первою обязанностію англійскаго офицера обидѣть слѣпаго старика, своего гостя, потому-что тотъ осмѣлился дурно отозваться объ одномъ изъ офицеровъ его полка. Не требуя никакихъ объясненій, онъ дѣлается рыцаремъ и защитникомъ цѣлой британской арміи. Слѣдующее лицо есть — молодой человѣкъ богатой фамиліи, съ самымъ національнымъ англійскимъ именемъ «Клекъ-Оунъ». Актеръ, игравшій эту роль, надѣлъ огромный рыжій парикъ и костюмъ англійскаго жокея. Разсчитывая на огромное наслѣдство дяди, сира Кобриджа, Клекъ-Оунъ проводитъ время, по обыкновенію англійскихъ племянниковъ, въ томъ, что бранитъ дядю, и доказываетъ ему, что Шекспиръ его любимый авторъ, бездарный и пустой писатель. Старый джентльменъ, хладнокровно сносившій всѣ другія оскорбленія, до того выходитъ изъ себя при такомъ неуваженіи къ Шекспиру, что начинаетъ пѣть; онъ доказываетъ своимъ пѣніемъ, что Клекъ-Оунъ ошибается. Пьеса оканчивается тѣмъ, что сиръ Кобриджъ, густымъ басомъ, гонитъ своего племянника «въ Линкольнъ», странное мѣсто изгнанія, должно-быть очень обыкновенное въ Англіи. Въ сценѣ, гдѣ собираются на охоту, бельгійская публика могла замѣтить, что нашъ охотничій костюмъ состоитъ изъ бѣлаго камзола, свѣтло-голубыхъ панталонъ, большихъ сапоговъ со шпорами, краснаго галстуха, ружья, кинжала и огромнаго ягташа. Въ такомъ нарядѣ, на бѣшеныхъ коняхъ, мы преслѣдуемъ лисицъ и зайцовъ. Если прибавить еще, что мосье Базаръ, авторъ такого оригинальнаго произведенія, замѣчаетъ, что англичане имѣютъ особенную способность падать съ лошадей, разъѣзжая въ такомъ костюмѣ, нашъ очеркъ его комедіи будетъ совершенно полонъ.

Всѣ эти понятія объ англичанахъ родятся во Франціи, съ которою мы имѣемъ частыя сношенія, и гдѣ насъ должны знать лучше; но нѣмецкіе писатели еще менѣе къ намъ снисходительны. Недавно, въ Вѣнѣ, у Carl-Theater, насъ остановила одна строка въ афишѣ, объявленной о новой пьесѣ «Бенефисъ». Вотъ эта строка:

Лордъ Пуддингъ, — странствующій англичанинъ.

Должно отдать справедливость, пьеса довольно остроумна. Сюжетъ состоитъ въ томъ, что одному бѣдному актеру нужно для бенефиса содѣйствіе театральныхъ знаменитостей. Онъ является сначала къ первому пѣвцу, который, какъ водится, страдалъ на это время простудою, но изъявилъ желаніе участвовать въ бенефисѣ, узнавъ, что соперникъ соглашается пѣть его партію. Великаго трагика бенефиціантъ склонилъ на свою сторону лестью, а танцовщицу увѣрилъ, что богатый англичанинъ, «лордъ Пуддингъ», именно для нея будетъ въ театрѣ. Сверхъ того, онъ обѣщаетъ нанять труппу хлопальщиковъ, которые будутъ апплодировать ея «па».

Мы увидѣли лорда Пуддинга въ сценѣ, гдѣ онъ беретъ уроки краснорѣчія у нѣмецкаго актера. Одна его наружность стоитъ подробнаго описанія. Его кругомъ обложили ватой, и надѣли на него платье, на которое портные не только Сентъ-Джемской улицы, но никакой части свѣта не могли-бы взглянуть безъ ужаса. Синій сюртукъ съ блестящими пуговицами, красный жилетъ, нанковые штаны, башмаки съ большими шпорами, и бѣлая пуховая шляпа — составляли его костюмъ. Видно было, что авторъ прилежно изучилъ бытъ нашей аристократіи, потому-что онъ не упустилъ изъ виду ниодной оригинальной черты. Лордъ Пуддингъ, какъ водится, былъ влюбленъ, и разумѣется, влюбленъ неудачно; его дурачилъ французскій танцовщикъ. Танцуя, англичанинъ спотыкался; кланяясь, щелкалъ языкомъ, и безпрестанно повторялъ наше дружественное привѣтствіе «годдемъ», къ великому удовольствію зрителей, которые думали, что это значитъ тоже, что̀ «здравствуйте». Денегъ онъ не жалѣетъ Не смотря на свою неудачу у танцовщицы, онъ щедро надѣлилъ бенефиціанта. Онъ былъ такъ легковѣренъ и такъ любилъ лесть, что его не трудно было убѣдить взять три ложи: одну для себя, другую для полисмена, который находился при немъ съ самого пріѣзда, для удержанія его отъ страсти къ «боксамъ»; и третью для своего бульдога. Двѣ или три выходки актера показали, что онъ былъ большой наблюдатель. Такъ, напримѣръ, онъ носилъ шляпу на затылкѣ, ходилъ переваливаясь, и имѣлъ отвращеніе отъ поцѣлуевъ: все это такъ напоминаетъ англійскіе нравы!

Мнѣ кажется, что какъ ни забавны эти карикатуры, въ глазахъ людей безъ воспитанія, онѣ много способствуютъ предубѣжденію одного народа противъ другаго. Къ несчастію, какъ видно изъ послѣднихъ изданій, ошибочное мнѣніе объ англичанахъ нимало не измѣнилось, даже въ сочиненіяхъ людей истинно достойныхъ и благонамѣренныхъ. При всемъ высокомъ уваженіи къ г. Гизо и другимъ талантливымъ

французскимъ авторамъ, писавшимъ объ Англіи, мы никогда не развертывали ихъ сочиненій безъ грустнаго разочарованія, находя въ нихъ тѣже ложныя понятія, какія видимъ въ послѣдней книгѣ Ледрю-Роллена.

Къ чести англійскихъ авторовъ, нужно сказать, что они избѣгаютъ столь смѣшныхъ ошибокъ. Правда, что въ старыхъ безвредныхъ басняхъ объ иностранцахъ, девять десятыхъ изъ дѣйствующихъ лицъ — французы; что всѣ они щедушны, ѣдятъ лягушекъ и болѣе любятъ танцовать, чѣмъ сражаться. Эти понятія остались еще вмѣстѣ съ другими народными заблужденіями у простаго народа и уличныхъ мальчишекъ, но большая часть англійской публики имѣетъ лучшее понятіе о нравахъ и обычаяхъ нашихъ сосѣдей, чѣмъ наши сосѣди о насъ. Самая страсть англичанъ къ путешествіямъ избавляетъ ихъ отъ такихъ ошибокъ и счищаетъ ржавчину національныхъ предразсудковъ, остающуюся еще у другихъ націй. Будемъ-же надѣяться, что милліоны иностранцевъ, посѣтившихъ Англію для всемірной выставки, получатъ о насъ лучшее понятіе, и не будутъ считать насъ такими чудовищами, какъ насъ иногда представляютъ. Они видѣли насъ дома, въ массѣ и могутъ составить собственное понятіе о націи, а не судить о ней по нелѣпымъ сказкамъ праздныхъ туристовъ.

УЛИЗНУЛЪ ВЪ ТЕХАСЪ.

Такъ отвѣчаютъ въ Америкѣ, когда дѣло идетъ о какомъ-нибудь джентльменѣ, вдругъ скрывшемся отъ своей жены, кредитора и вообще отъ людей, которыхъ ему непріятно видѣть. Разскажу, при какомъ случаѣ я въ первый разъ услышалъ эту фразу.

У жителей Арканзаса есть пословица, что у нихъ кожа аллигаторовъ и сила медвѣдей. Они работаютъ славно, а *играютъ* еще лучше. Карточная игра составляетъ для нихъ самое пріятное препровожденіе времени, и игорные домы въ западной части Арканзаса никогда не имѣютъ недостатка въ посѣтителяхъ.

Въ одну темную лѣтнюю ночь, я праднымъ зрителемъ бродилъ по комнатамъ, смотря на разные роды азартной игры. Нѣкоторые изъ игроковъ какъ-будто ставили свою душу на карту: ихъ глаза были налиты кровью, и изъ подъ сморщеннаго лба устремлялись на столъ, гдѣ, казалось, на картѣ, стояло ихъ счастіе или погибель; между тѣмъ какъ другіе смотрѣли беззаботно и равнодушно, и только сардоническая улыбка на губахъ измѣняла ихъ отчаянію. Три игрока, совершенно схожіе между собою, какъ физически такъ и морально, показались мнѣ достойными вниманія. Четвертый игрокъ былъ молодой человѣкъ, иностранецъ, еще «зеленый», какъ называютъ новичковъ и во многихъ другихъ странахъ. Глаза его, носъ и вся физіономія вытянулись, и казалось, дѣлались все длиннѣе и длиннѣе.

— Еще пятьдесятъ долларовъ, вскричалъ онъ, съ тяжелымъ вздохомъ, бросая деньги *на* столъ.

Каждый изъ его противниковъ открылъ свои карты; къ общему удивленію, длиннолицый молодой человѣкъ выигралъ.

— Ура! счастіе на моей сторонѣ! вскричалъ онъ, получая деньги.

Достойное тріо усмѣхнулось и продолжало игру. Молодой человѣкъ самодовольно посматривалъ на свой выигрышъ и поставилъ еще сто долларовъ. Счастіе снова ему благопріятствовало; и онъ, по прежнему, не скрывалъ своей радости. Игра шла своимъ порядкомъ и выигрышъ уменьшился до трехъ или четырехъ долларовъ. Видно было, что три господина заманивали неопытнаго игрока, давъ ему сначала выиграть.

— Дайте мнѣ взглянуть, сколько у меня осталось, сказалъ онъ. Вотъ еще два доллара! Онъ говорилъ это дрожащимъ голосомъ и съ безпокойствомъ смотрѣлъ на карты.

Карты были стасованы, срѣзаны, и «ощипанный голубь», ставилъ свой послѣдній долларъ.

Онъ проигралъ его, и съ проклятіемъ отошелъ отъ зеленаго стола.

Комната, гдѣ играли, была очень велика и находилась въ нижнемъ этажѣ. Въ ней былъ только одинъ игорный столъ и оставалось немного зрителей. Думая, что игра кончилась, я хотѣлъ уйти, но подойдя къ двери, нашелъ ее запертою на ключъ. Это мнѣ показалось страннымъ; но, что бы ни случилось, я разсчиталъ, что окна довольно низки, и потому всегда можно въ нихъ выскочить. Я воротился къ столу и увидѣлъ, что три игрока дѣлили выигрышъ, а обыгранный юноша стоялъ, облокотясь на ихъ стулья, и пристально смотрѣлъ на деньги.

Ассигнаціи пересчитывали одну за другою. Проигранныя молодымъ человѣкомъ были совершенно новы и составляли особенную кипу. Тутъ были ассигнаціи въ два, три и пять долларовъ изъ банка Индіаны и Огіо.

— Мнѣ кажется, Недъ, что это фальшивыя ассигнаціи, замѣтилъ однъ изъ игроковъ, разсматривая ихъ.

— Я бы желалъ, чтобы онѣ были не фальшивыя, и чтобы я ихъ выигралъ, сказалъ проигравшій.

Эти слова возбудили подозрѣніе считавшаго. Дойдя до послѣдней ассигнаціи, онъ вскочилъ съ мѣста и вскричалъ: Пусть меня повѣсятъ, если эти ассигнаціи не фальшивыя!

— Не правда! съ запальчивостью вскричалъ молодой человѣкъ.

Самая обидная брань была ему отвѣтомъ. Не говоря ни слова, онъ ударилъ говорившаго, толкнулъ столъ, который полетѣлъ вмѣстѣ со свѣчами, и выскочилъ въ окно, между тѣмъ какъ пуля, посланная ему въ догоню, пронизала стекло надъ его головою. Игроки бросились къ дверямъ, но бѣглецъ заранѣе обезопасилъ себя съ этой стороны: двери были заперты.

Когда три достойные товарища убѣдились, что дверь не уступитъ ихъ усиліямъ, и когда лошадиный топотъ возвѣстилъ имъ, что ихъ «жертва» уже далеко, они расхохотались, и опять воротились къ столу.

— Зажги свѣчу, Билль; подберемъ, что упало. Почти всѣ деньги у меня въ карманѣ.

Свѣчи зажгли.

Какъ! На полу ни одной ассигнаціи? Прекрасно; значитъ, всѣ онѣ у меня въ карманѣ. Сказавъ это, онъ вынулъ ихъ изъ кармана, и положилъ на столъ.

— Проклятіе! Это все фальшивыя! Бездѣльникъ успѣлъ унести съ собою другую кипу».

Между тѣмъ какъ все это происходило, я подошелъ къ окну, и вмѣстѣ съ топотомъ отъѣзжавшей лошади, услышалъ какъ бѣглецъ кричалъ намъ: «улизнулъ въ Техасъ»!

Остается досказать самую худшую часть исторіи: лошадь, на которой ускакалъ мошенникъ, принадлежала мнѣ.

ЧЕРНЫЕ ДНИ.

Есть много предразсудковъ, имѣющихъ большое вліяніе на общество, которые странно видѣть въ просвѣщенномъ девятнадцатомъ вѣкѣ. Слѣдя за дивными изобрѣтеніями настоящаго поколѣнія, видя благородныя усилія къ образованію народа и результаты изысканій геніальныхъ людей, теперь доступные всякому, мы печально оглядываемся назадъ, на тѣ старые предразсудки, которые дожили до нашего времени.

Предразсудки древнихъ составляли часть ихъ религіи. Тогда совѣтовались съ оракулами, и по звѣздамъ узнавали свою судьбу. Разныя явленія въ природѣ, какъ молнія и бури, считались выраженіемъ гнѣва языческихъ боговъ. У нихъ были дурные и добрые дни. Жрецы внушали имъ, что въ году есть шесть дней, гибельныхъ для человѣка; что всякій странникъ, явившійся въ одинъ изъ этихъ дней, непремѣнно умретъ насильственною смертію. Седьмаго и четырнадцатаго марта полагалось пускать кровь изъ правой руки, одинадцатаго апрѣля изъ лѣвой, а изъ обѣихъ рукъ третьяго или шестаго мая, для отвращенія разныхъ болѣзней. На эти варварскія обыкновенія указываютъ теперь, какъ на доказательства той низкой степени просвѣщенія, на которой находились древніе. Поэтому мы радуемся, что живемъ въ девятнадцатомъ столѣтіи, когда смѣются надъ нелѣпыми предрузсудками, и нельзя не сознаться, что нашему самолюбію много льститъ контрастъ между нашею высокою образованностію и жалкимъ состояніемъ нашихъ предковъ.

При всемъ томъ, мистрисъ Флимминсъ ни за что не предприметъ морскаго путешествія въ пятницу, и не позволитъ своей дочери Мери праздновать въ этотъ день ея свадьбу. Она съ состраданіемъ говоритъ о бѣдныхъ индѣйцахъ, которые не предпринимаютъ многаго, пока луна не войдетъ въ извѣстную имъ форму и которые приписываютъ разнаго рода качества безсловеснымъ тварямъ; а сама непремѣнно отложитъ задуманную поѣздку, если ея кошка мурлычетъ болѣе обыкновеннаго.

Миссъ Нипперсъ щедро подписывается въ пользу общества, обра-

зовавшагося для искорененія предразсудковъ у дикихъ; и между тѣмъ, какъ она изчисляетъ всю пользу, которую можетъ принести миссія къ островамъ Южнаго Океана, отучивъ бѣдныхъ островитянъ отъ суевѣрнаго поклоненія туземнымъ блохамъ, — уголь выскакиваетъ изъ камина, и по его формѣ она судитъ о величинѣ суммы, достаточной для исполненія ея благочестиваго плана; ни за что не подпишется она первая для общества, составленнаго для уничтоженія торга невольниками, потому-что, по ея примѣтамъ, понедѣльникъ всегда былъ для нея несчастнымъ днемъ. Въ понедѣльникъ, околѣлъ ея пудель, и въ понедѣльникъ же она такъ простудилась въ Брайтонѣ, что до сихъ поръ не можетъ поправиться.

Мистриссъ Керминъ весьма умная женщина. Ея черный день среда. Въ среду, у нея сдѣлалась на лицѣ та опухоль, отъ которой она никакъ не можетъ избавиться, и въ тотъ же несчастный день, ея дочь умерла въ скарлатинѣ. Она не поѣдетъ на пикникъ въ среду, потому-что погода непремѣнно испортится или колесо отлетитъ коляски. Но поутру, когда цыганка гадала ея старшей дочери, мистриссъ Керминъ удивлялась, какъ можно обращать вниманіе на скучное болтанье старухи. Она не приписываетъ никакой силы звѣздѣ, подъ которою родится ребенокъ, не видитъ разницы между Юпитеромъ и Нептуномъ и смѣется надъ привидѣніями; но не довѣряетъ ничему, что̀ начнется, продолжается или кончается въ среду.

Миссъ Кромпль, напротивъ, видѣла множество привидѣній; но въ то же время не можетъ понять, какимъ образомъ женщина въ здравомъ разсудкѣ предпочитаетъ четвергъ средѣ или считаетъ чернымъ днемъ понедѣльникъ. Она станетъ клятвенно утверждать, что тѣнь ея подруги, Элизы, явилась ночью у ея постели, и что она ясно видѣла пятно на ея лѣвой щекѣ, которая бѣдная Элиза, въ продолженіи своей кратковременной жизни, старалась свести всякими ядовитыми средствами. Кромѣ того, привидѣніе шепеляло, — совершенно какъ Элиза. Все это казалось такъ яснымъ миссъ Кромпль, что она готова была принять за личное оскорбленіе, когда кто-нибудь рѣшился бы сказать ей, что эти живые призраки существовали только въ ея пылкомъ воображеніи

Непостижимое предостереженіе, полученное мистриссъ Пиптосъ испортило ей всю посуду. Когда у ней умираетъ кто-нибудь изъ родныхъ, то такой случай не сообщается ей, по обыкновенію, письмомъ; но невидимый молотокъ перебиваетъ у ней фарфоръ, невидимая сила опрокидываетъ карточный столъ, всѣ двери въ домѣ отворяются настежъ, или гробъ вылетаетъ изъ камина къ ней на колѣни.

Мистриссъ Громпль, прекрасная хозяйка, всегда ждетъ полнолунія, чтобы пересчитать свои деньги, и старается при этомъ случаѣ не смотрѣть на луну, думая, что это принесетъ ей счастіе. Миссъ Каролина, увидя узелокъ на своихъ кружевахъ, ожидаетъ подарка, а миссъ Эмилія, потушивъ нечаянно свѣчу, увѣрена, что чрезъ это ея замужество отложится еще на годъ. Всякая женщина, видящая тотъ же сонъ двѣ пятницы сряду, скажетъ вамъ, что этотъ сонъ непремѣнно сбудется.

Странно встрѣчать предразсудки у людей образованныхъ. Нигдѣ математическія науки не изучаются такъ тщательно, какъ во флотѣ и между-тѣмъ, гдѣ встрѣтите вы болѣе предразсудковъ, какъ у моряковъ? пятница до сихъ поръ считается у нихъ несчастнымъ днемъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, думая искоренить этотъ предразсудокъ, положили начать постойку корабля въ пятницу, спустили его въ пятницу, назвали «Пятница», и рѣшили, чтобы онъ въ первый разъ вышелъ въ море въ пятницу. Съ большимъ трудомъ набрали команду и назначили капитана. Къ несчастію, этотъ опытъ только болѣе вкоренилъ предразсудокъ, который долженъ быть уничтожить. «Пятница» пропала безъ вѣсти и болѣе не возвращалась.

съ англ. А. Г-о.

БЫТЪ СОВРЕМЕННАГО ВОСТОКА.

Е. С. Македонскаго.

КИТАЙ.

Статья вторая.

Китайскій городъ. — Внѣшнее и внутреннее устройство домовъ. — Земледѣліе. — Обрядъ земледѣлія. — Рисъ. — Чай. — Сахарный тростникъ. —Винодѣліе и разныя замѣчательныя деревья. — Пища. — Табакъ и опіумъ. — Ароматы. — Семейный бытъ. — Обрядъ бракосочетанія. —Права супруговъ. — Воспитаніе дѣтей. — Вѣжливость. — Письмо. — Званый обѣдъ. — Театръ. — Развлеченія. — Рыбная ловля. — Разведеніе утокъ. — Свиньи. —Шелковые черви. —Наружность китайца и замѣчанія о разныхъ отрасляхъ мануфактурной промышленности.

—

Въ предыдущей статьѣ, мы представили очеркъ матеріяльнаго и семейнаго быта кавказскаго Востока; теперь разсмотримъ тѣ же стороны «Небесной или Срединной имперіи», или лучше сказать основы ея — Китая въ собственномъ смыслѣ.

Ниодинъ народъ, кажется, не возбуждалъ между европейскими учеными такихъ противоположныхъ толковъ, какъ китайцы: одни называли ихъ образцомъ гражданскихъ и семейныхъ добродѣтелей; между тѣмъ какъ другіе указывали на нихъ какъ на образецъ нелѣпости, умственной неподвижности, бездарности въ высшихъ сторонахъ жизни, безчестности, малодушія и тому подобныхъ пороковъ и недостатковъ. Которое изъ этихъ мнѣній справедливѣе, мы увидимъ по разсмотрѣніи всѣхъ сторонъ китайской цивилизаціи и *ея исторіи*. — Начнемъ съ городовъ и жилищъ этой цивилизаціи.

Приближаясь къ какому-либо китайскому городу, мы увидимъ передъ собой, вдали, огромную стѣну, изъ-за которой выдаются желтыя, красныя и зеленыя кровли домовъ. Самый городъ расположенъ обыкновенно правильнымъ четвероугольникомъ, пересѣкаемымъ главною широкою улицею, между-тѣмъ какъ второстепенныя довольно узки.

Наибольшая часть и притомъ лучшихъ улицъ занята разными торговыми и ремесленными заведеніями. Зданія вообще одноэтажныя, и по улицѣ не имѣютъ промежутковъ. Лицевая половина каждаго зданія составляетъ или лавку или ремесленное заведеніе. Главная улица, равно какъ и площади предъ публичными зданіями, вымощены кам-

немъ. Въ Пекинѣ проведены подземные каналы для стока воды и нечистоты; ихъ чистятъ обыкновенно въ мартѣ мѣсяцѣ. Улицы, во время пыли, поливаются водой. Главныя улицы Пекина вымощены только по бокамъ, для пѣшеходовъ. Улицы Кантона, бо́льшею частію, такъ узки, что по нимъ можно ходить только пѣшкомъ; лошади появляются на нихъ только подъ мандаринами высшаго класса, которые, по словамъ Добеля, ведутъ себя въ этомъ случаѣ очень надменно *. Впрочемъ, полиція, именно въ Пекинѣ, очень строго смотритъ за чистотою улицъ: для этого назначена особенная военная команда, подъ начальствомъ особаго смотрителя* Вода съ крышъ домовъ стекаетъ, посредствомъ трубъ, въ каналы.

Расположеніе зданій внутри двора, ихъ огромность и формы частей, раскрашиваніе столбовъ и балокъ, опредѣлены законами, соотвѣтственно достоинству, чину и званію хозяевъ. Однакожъ архитектура китайскихъ городскихъ домовъ очень однообразна, такъ что домъ знатнаго отличается отъ дома бѣдняка иногда только обширностію. Въ большихъ домахъ, фасадъ главнаго зданія всегда обращенъ на югъ, а боковые флигеля — восточный лицомъ на западъ, а западный на востокъ. Главный корпусъ окруженъ крытымъ ходомъ. Центральное звѣно его (то есть разстояніе отъ столба до столба по лицевой сторонѣ зданія) составляетъ входъ въ пріемную залу, съ тремя дверями. Посѣтителю подобнаго дома предстоитъ пройти, — сначала, лицевыя или большія, стоящія лицомъ на улицу, ворота, внутри которыхъ находятся и службы для привратниковъ. Далѣе слѣдуетъ передній дворъ, оканчивающійся церемоніальными воротами, закрытыми со стороны залы щитомъ; отсюда идетъ мостовая черезъ весь дворъ до крыльца пріемной залы. Изъ этой залы, за огромнымъ щитомъ на сѣверной ея сторонѣ, передъ которымъ ставится диванъ или кресла, есть выходъ на задній дворъ, гдѣ находятся и жилыя комнаты и службы для людей. За исключеніемъ складочныхъ купеческихъ зданій, высокихъ домовъ нѣтъ въ Китаѣ; тамъ нѣтъ ни подваловъ, ни лѣстницъ, ни погребовъ. Полъ въ домахъ вымащивается камнемъ или глиной. Стѣны по бо́льшей части кирпичныя и снаружи выштукатуренныя. Крыши черепичныя, высокія, на концахъ загнутыя вверхъ, такъ что на срединѣ онѣ вогнуты; но такъ плотны и толсты, что для дождя непроницаемы. Фасадъ дома почти всегда обращенъ къ южной сторонѣ и снабженъ большими окнами, въ которыхъ, вмѣсто стеколъ, вдѣланы масляная бумага, шелковый газъ, или даже перламутръ и другія прозрачныя вещества.

Въ порядочномъ домѣ въ Кантонѣ, войдя въ уличныя ворота вы входите прежде всего также въ комнату привратника— иногда довольно большую залу, въ концѣ которой повѣшенъ истуканъ; подъ истукаиомъ стоятъ сосуды для жертвоприношеній и сандальныя свѣ-

---

* «Voyages nouveaux par mer et par terre» etc. analysés ou traduits par M. Albert-Montémont. 1847. Paris. III, p. 260.

* Anderson, Braam, Тимковскій и Mayen.

чи, которыя тутъ горятъ день и ночь. Тутъ вы видите, кромѣ швейцара, паланкины и носильщиковъ. Изъ этой передней, вы войдете въ небольшую открытую залу (или дворъ), окруженную галлереями; тутъ висятъ огромныя клѣтки съ птицами, а въ небольшихъ бассейнахъ, наполненныхъ едва на нѣсколько дюймовъ водою, плаваютъ разноцвѣтныя золотыя рыбки—черныя, пестрыя, серебристыя и совершенно желтыя, смотря по возрасту. Передъ бассейнами, красуются великолѣпные цвѣты на широкихъ каменныхъ подставкахъ, а у стѣнъ—поставлены софы изъ тростника и бамбука. Здѣсь знатные китайцы, во время жаркихъ лѣтнихъ ночей, наслаждаются отдыхомъ, при плескѣ рыбъ и пѣніи птицъ. Потолки въ жилыхъ покояхъ, увѣшиваются 50, 60 и даже 100 лампъ, фонарей и люстръ, такъ что иногда ими увѣшанъ весь потолокъ. Люстра, висящая въ центрѣ потолка, бываетъ обыкновенно большаго размѣра и походитъ на наши стеклянныя люстры, съ тою разницею, что висящія на ней стеклышки чрезвычайно разноцвѣтны, такъ что освѣщеніе отъ нихъ пестро и великолѣпно; надъ каждой свѣчой въ ней виситъ стеклянный колоколъ, дабы свѣчи могли горѣть даже при сквозномъ вѣтрѣ. Прочія лампы и пестрые фонари всегда развѣшиваются симметрически, такъ что въ одной комнатѣ всегда висятъ по двѣ или по четыре однородныхъ лампъ и фонарей. Ихъ обтягиваютъ обыкновенно шелковыми чехлами, украшенными роскошными узорами, бахрамой и кистями. На колоннахъ, поддерживающихъ эти обширныя залы, повѣшены большія картины или изреченія, изображенныя большими вызолоченными буквами и оправленныя въ рамы, на подобіе нашихъ картинъ. Большія и маленькія зеркала, на крѣпкихъ подставкахъ изъ темнокоричневаго дерева, равно какъ и множество рѣдкихъ вещицъ, разставлены по столамъ и другимъ мебелямъ. Вдоль стѣнъ, расположены деревянныя софы, покрытыя шолковыми, на ватѣ, одѣялами, съ небольшими изголовными подушками. Въ каждой большой залѣ, гдѣ принимаютъ гостей, непремѣнно есть особенная ниша, снабженная окномъ: тутъ обыкновенно занимается хозяинъ дома. Въ этой нишѣ, дѣлается обыкновенно возвышеніе фута въ два съ половиной, на которомъ ставится столъ въ одинъ футъ вышиною. На столѣ, вы видите какую-нибудь рѣдкость, или прекрасную вазу, или другіе какіе-либо сосуды съ цвѣтами; по обѣимъ сторонамъ стола, разостланы вышитыя небольшія подстилки, иногда подбитыя ватой, а позади, двѣ большія круглыя и мягкія подушки, въ наволокахъ или изъ краснаго сукна или изъ кожи; у самыхъ стѣнъ поставлены фарфоровыя или бамбуковыя подставки, на которыя повѣшаны шапки или бархатныя небольшія шляпы; въ углубленіяхъ ниши, вы видите также разнаго рода украшенія и рѣдкости; на столѣ, всегда стоитъ китайскій металлическій кальянъ, а возлѣ него мелко изрѣзанный табакъ; прочія трубки, съ длинными чубуками и маленькими трубочками, стоятъ гдѣ-нибудь въ углу комнаты. Стулья, столы, и софы сдѣланы изъ какого-нибудь твердаго свѣтлокоричневаго дерева и по бокамъ украшены рѣзьбой. Эта мебель очень дорога; стулья имѣютъ форму нашихъ креселъ — съ спинками и ручками, и всегда размѣщаются рядами посереди комнаты, и при-

томъ такъ, что между каждою парою стульевъ ставится небольшой четвероугольный столикъ. Шагахъ въ осьми отъ одного ряда, располагается второй такой же рядъ столовъ и стульевъ. Въ числѣ разныхъ комнатныхъ украшеній въ китайскихъ домахъ, особенно замѣчательны утесы, искусно обдѣланные въ причудливыя и дикія формы, иногда какъ-будто источенные какими-нибудь насѣкомыми или рѣчными раковинами, и которыми они украшаютъ не только сады, но иногда и комнаты. Гораздо чаще встрѣчаются въ комнатахъ китайцевъ подобнаго рода причудливыя украшенія, сдѣланныя изъ бамбуковыхъ корней. Ихъ ставятъ у стѣнъ, на столахъ и подставкахъ. Иногда они обдѣланы въ формы звѣрей, иногда птицъ, драконовъ или сидящихъ на-корточкахъ людей; иногда имъ даютъ видъ облака или пѣнящейся морской волны, изъ которой выдается человѣческая фигура до половины корпуса; иногда — это скорчившаяся фигура человѣка, на грудь котораго падаетъ длинная борода; иногда они обработаны въ видѣ утесовъ и перевившихся между собою вѣтвей, изъ за которыхъ, тамъ и сямъ, выглядываютъ человѣческія лица.

Постели у китайцевъ различны. Крестьяне спятъ на рогожахъ и матрацахъ. Въ южныхъ провинціяхъ, замѣчательны страннаго рода бамбуковыя подушки: бока этихъ подушекъ состоятъ изъ двухъ толстыхъ палокъ, изогнутыхъ въ полукругъ и связанныхъ между собою внизу посредствомъ крѣпкихъ палокъ; разстояніе между полукругами, отъ одного до другаго, покрыто тонкими эластическими прутьями тогоже дерева. Китайцы спятъ по большой части въ своихъ одеждахъ и на ночь болѣе или менѣе покрываются ими, смотря по времени года.

Входы въ комнаты, внутри домовъ, закрыты занавѣсами, шолковыми или бумажными, а у простыхъ рогожками.

Въ южныхъ провинціяхъ Китая, въ домахъ нѣтъ печей: тамъ только въ суровое время нуждаются въ легкомъ отопленіи, которое и дѣлается посредствомъ металлическихъ жаровенъ. Напротивъ того, на сѣверѣ, напримѣръ въ Пекинѣ, въ домахъ устраиваются печи, только не на поверхности пола, а подъ поломъ. Онѣ состоятъ изъ ямы, покрываемой камнями, на которыхъ ставится диванъ; труба для дыма проводится черезъ всю комнату.

Такимъ образомъ, домоустройство китайцевъ, во всѣхъ отношеніяхъ, гораздо роскошнѣе, изящнѣе и удобнѣе, чѣмъ во всѣхъ прочихъ частяхъ Азіи. Тоже мы должны будемъ сказать и о китайскомъ садоводствѣ. Заботливость китайцевъ о садахъ, по выраженію д. Майена, превосходитъ всякое воображеніе наше. Каждой вѣтви, каждому листу дерева или кустарника они сообщаютъ оригинальное направленіе; садовники безпрестанно сидятъ возлѣ растеній и каждому деревцу даютъ особенную форму. Въ цвѣтникахъ, они заботятся болѣе всего о самыхъ рѣзкихъ контрастахъ цвѣтовъ. Китайскіе сады пересѣкаются длинными и прямыми аллеями, окаймленными небольшими однородными деревцами. Самымъ фруктамъ, напримѣръ, апельсинамъ, на деревьяхъ китайскіе садовники сообщаютъ самыя разнообразныя формы. Въ садахъ, нерѣдко вы видите обширные пруды, наполненные рыбами, которыя

впрочемъ кормятся самыми отвратительными веществами, но бываютъ очень жирны. Въ бесѣдкахъ и павильонахъ садовъ, скамьи и стулья по большей части дѣлаются изъ фарфора и камня. Вообще въ расположеніи садовъ, китайцы стараются подражать природѣ, которая не производитъ ни прямыхъ аллей, ни грядокъ цвѣтовъ, ни прямолинейныхъ каналовъ. По этому, горы, холмы и скаты въ китайскихъ паркахъ почти всегда покрыты различными или, какъ въ лѣсу, густо насаженными или, какъ въ полѣ, разбросанными деревьями. Тонъ зелени, свѣжесть листьевъ, фигуру верхушки деревъ, толщину стволовъ, высоту и направленіе вѣтвей — все это китайскіе садовники соображаютъ съ различными свойствами мѣстности, принимая при томъ въ разсчетъ и перспективу и эффектъ, какой каждое дерево можетъ производить въ извѣстное время года. Персики и вишни образуютъ въ нихъ красивый амфитеатръ весной; акаціи и платаны доставляютъ тѣнь во время лѣта; плакучія ивы и сребристые тополи сообщаютъ изящный видъ осени; кипарисы, кедры и сосны — предназначаются для эффекта зимняго. На крутыхъ холмахъ и утесахъ, разводятся кустарники, которые бы еще болѣе увеличивали дикость подобной мѣстности Особенно искусно пользуются китайскіе садовники долинами, которыя они украшаютъ самою разнообразною и причудливою растительностью. Чѣмъ обширнѣе садъ, тѣмъ больше они устраиваютъ разнообразныхъ долинъ, окаймляя ихъ живописно разбросанными холмами. Одна долина идетъ широкою улицею и вдругъ, круто повернувъ въ сторону, скрывается отъ взора за чащею живописныхъ деревъ; другая, разширяясь съ средины, открывается вдали во всѣ стороны и т. д. Дорожки отъ одной къ другой устроены такъ искусно, что прогуливающійся нерѣдко встрѣчается вдругъ съ какимъ-нибудь интереснымъ видомъ совершенно неожиданно. Не менѣе искусно украшаютъ китайцы эти ландшафты ручьями. Если источникъ ручья случится на возвышенности, господствующей надъ долинами, то его стараются провести по саду такъ, чтобы въ своемъ теченіи онъ падалъ съ холма на холмъ, или скрывшись на извѣстное пространство, снова появлялся самымъ прихотливымъ и неправильнымъ потокомъ. Если же такого источника нѣтъ, то устроивъ шлюзы, проводятъ изъ него воду, такъ что въ различныхъ мѣстахъ онъ образуетъ водопады; причемъ также избѣгаютъ вида правильности, также стараются приблизиться къ природѣ, какъ и въ расположеніи деревъ.— Иногда водные бассейны наполняютъ цѣлую долину, такъ что между крутою стѣною долины и водою остается только узкая тропинка. Иногда эти бассейны протягиваются широкими каналами, изогнутыми дугою, иногда пробирающимися сквозь утесы; иногда вода вторгается въ средину долины, какъ-будто съ трудомъ и силою врываясь въ нее.

Сами китайцы о садахъ выражаются слѣдующимъ образомъ. «Чего ищетъ человѣкъ въ увеселительномъ саду? Утѣшенія въ лишеніи вѣчно юной и прекрасной природы полей, которыя составляютъ естественное, сообразное съ природою жилище человѣка. Садъ долженъ быть живымъ, одушевленнымъ образомъ всего, что находится въ природѣ: онъ долженъ пробуждать въ душѣ человѣка тѣ же чувства и доставлять ему тѣ

же удовольствія, какія доставляетъ ему природа. Слѣдовательно, искусство садоводства состоитъ въ неизысканномъ воспроизведеніи веселости, зелени, тѣней, отдаленныхъ видовъ, разнообразія и вмѣстѣ единства полей, дабы глаза могли быть очаровываемы простыми и ландшафтными видами, — слухъ — глубокой тишиной или шумомъ, — духъ — впечатлѣніемъ свѣтлой веселости и мира. И такъ, при устройствѣ сада, прежде всего должно заботиться о разнообразіи, которое составляетъ главную и вѣчную красоту ландшафта, и сообразно съ тѣмъ, раздѣлить и самый грунтъ. Но если пространство не довольно обширно, чтобъ можно было на немъ произвести всѣ тѣ образы, какіе представляетъ намъ природа въ расположеніи холмовъ и горъ, долинъ и равнинъ, въ группахъ и россыпяхъ деревъ, въ разлитіи потоковъ чрезъ утесы и тысячи извилинъ,— то нужно стараться дать своему плану по крайней мѣрѣ столько разнообразія, чтобы послѣ перваго впечатлѣнія не впасть въ однообразную и утомительную симметрію. Но если данное пространство будетъ такъ незначительно, что невозможно будетъ войти въ подобныя подробности, то должно по крайней мѣрѣ сдѣлать такой выборъ и распредѣленіе, чтобы садъ производилъ впечатлѣніе простоты, небрежности и особенности, которыя сообщаютъ полямъ столько прелести и веселости. Можно соперничать съ природой, и даже превзойти ее, если ея холмы, деревья, воды расположить такъ, чтобы красота ихъ возвысилась, впечатлѣніе усилилось и виды получили болѣе разнообразія. На небольшомъ пространствѣ, ничто не можетъ быть велико, но здѣсь ничто не должно быть сжато, принужденно и преувеличено...» и т. д.*

Знаменитѣйшіе сады въ Китаѣ принадлежатъ императору и находятся въ большомъ количествѣ во всемъ государствѣ. Извѣстнѣйшіе изъ нихъ находятся не далеко отъ Пекина и около Кантона: первые (а именно Юенъ-минъ-юенъ) заключаютъ до 60,000 десятинъ земли. Тутъ находятся не только холмы и долины, рощи и луга, каналы и ручьи, но и цѣлыя рѣки и другія обширныя массы водъ, съ самыми живописными берегами. «Китайскій садовникъ, замѣчаетъ лордъ Мекертней (Macartney), это живописецъ природы; хотя онъ и не знаетъ перспективы какъ науки, однако живописными отдаленными видами умѣетъ производить самый счастливый эффектъ...» и т. д. Послѣ нѣсколькихъ часовъ прогулки въ названномъ нами саду, лордъ съ своею свитой очутился на берегу обширнаго озера, берега котораго терялись въ дали. Тутъ нашли они одну большую великолѣпную яхту и нѣсколько меньшихъ. Берега озера были такъ разнообразны, что, при каждомъ взмахѣ веселъ, пловцамъ представлялся неожиданно какой-нибудь интересный видъ или предметъ; каждый островокъ на немъ также отличался какою-нибудь особенностью. Во время плаванья, путешественники приставали къ 40 или 50 дворцамъ и павильонамъ, которые украшены были картинами, изображавшими прогулки или охоту императора, съ множествомъ вазъ изъ агата и другихъ дорогихъ камней, съ самыми тонкими японскаго

---

* См. Mémoires des Chinois VIII. 318.

мрамора издѣліями, съ различными европейскими галантерейными вещами, съ музыкальными автоматами, съ астрономическими орудіями, часами и такъ далѣе. Множество искусственныхъ прудовъ наполнены золотыми и серебряными рыбками; передъ пагодами, стоятъ огромныя фарфоровыя фигуры львовъ и тигровъ.—На другой день, общество посѣтило западную часть сада, которая представила совершенный контрастъ первой части: здѣсь, оно нашло красоты возвышеннаго рода, между-тѣмъ какъ первая представляла болѣе свѣтлыя, тихія и очаровательныя картины. Тутъ сохранены дикія, гористыя, утесистыя и лѣсистыя пространства, наполненныя оленями, дичью и другими охотничьими звѣрями, неопасными для человѣка. Иногда, почти на отвѣсныхъ высотахъ, возвышались огромныя деревья—дубы, сосны, каштаны и т. п.; иногда корни ихъ спускались въ глубокія долины. Кое-гдѣ, вдругъ представлялись дворцы, домики для посѣтителей и даже монастыри... Иногда попадалась небольшая рѣчка, тихо пробиравшаяся въ лѣсной чащѣ; иногда она упадала шумнымъ водопадомъ, то исчезавшимъ въ темномъ ручьѣ или въ широкой разсѣлинѣ, то поднимавшимся вновь съ тысячекратнымъ эхомъ. Дороги къ этимъ романтическимъ мѣстамъ иногда прорублены были по утесамъ, по которымъ онѣ спускались наподобіе лѣстницъ. Иногда, съ какого-нибудь павильона, открывался видъ миль на 20 по прямой линіи отъ стоявшихъ ... Лордъ прибавляетъ, что подобнаго ландшафта онъ невидывалъ во всю свою жизнь. «Я видѣлъ передъ собой, говоритъ онъ, все какъ на иллюминованной картѣ — дворцы, пагоды, города, деревни, мызы, равнины и долины, съ безчисленными потоками, возвышенностями, покрытыми лѣсами, лугами и стадами самыхъ красивыхъ цвѣтовъ».

Вообще земледѣліе составляетъ основу благосостоянія китайскаго государства и главнѣйшее занятіе наибольшей части его жителей. Понимая вполнѣ важность этого предмета, правительство съ древнѣйшихъ временъ поощряло и поддерживало его разнаго рода учрежденіями и узаконеніями; и едва ли есть страна, которая была бы такъ тщательно воздѣлана, какъ Китай. Путешественники замѣчали обработанныя пространства нерѣдко на очень высокихъ горахъ, иногда даже на такихъ мѣстахъ, которыя казались бы недоступными. Андерсонъ видѣлъ, какъ одинъ земледѣлецъ обработывалъ подобныя полосы: прикрѣпивъ себя къ вершинѣ горы веревкой, онъ вскапывалъ на этой горѣ, надъ пропастями, небольшія, способныя къ воздѣлыванію, полоски. Онъ украсилъ такимъ образомъ цѣлую гору висячими садиками. Наибольшая часть горъ въ Китаѣ воздѣланы посредствомъ террасъ, которыя тянутся отъ вершины до подошвы. Гдѣ недостаетъ земли, туда наносятъ ее изъ низменныхъ пространствъ. Необходимая вода проводится съ вершины горы, съ одной терассы на другую. Для удобренія земли, китайцы употребляютъ изверженія людей и животныхъ, которыя нарочно собираются близъ каждаго селенія, а по большимъ дорогамъ для этого устроены даже открытыя для всѣхъ проходящихъ мѣста. На городскихъ улицахъ, земледѣлецъ подбираетъ все, что только можетъ послужить къ удобренію земли. Цѣлыя ты-

сячи людей занимаются сборомъ и перевозкою этого рода матеріяловъ. Каждое семейство въ городахъ собираетъ всякаго рода навозъ и продаетъ его на чистыя деньги или промѣниваетъ на фрукты. Цырюльники собираютъ для этого даже волосы, остриженные или сбритые съ ихъ паціентовъ; иногда они брѣютъ даже только за право удержать у себя сбритые волосы. Для отправленія навоза въ отдаленныя мѣста, его высушиваютъ въ видѣ широкихъ и тонкихъ слоевъ. Часто встрѣчаются цѣлыя барки, наполненныя обрѣзанными волосами, костями, щетиною и тому подобными удобреніями. Поля для рису иногда удобряются особенною смѣсью навоза, глины и чернозема. Самыя растенія насаживаются прямыми линіями; и вообще нивы отличаются порядкомъ, правильностью и представляютъ чрезвычайно пріятную, веселую картину.

Подобно древнему Египту, весь Китай изрѣзанъ каналами. Тамъ, гдѣ каналы ниже полей, для орошенія послѣднихъ, устраиваются очень простые, но остроумно придуманные водопроводы. Для орошенія террасъ, воду или тщательно собираютъ на вершинахъ горъ, или проводятъ изъ нарочно устроенныхъ резервуаровъ, въ которыхъ собираютъ ключевую или дождевую воду. Иногда ее поднимаютъ на значительную высоту посредствомъ насосовъ, изъ которыхъ иные приводятся въ движеніе однимъ человѣкомъ, а другіе двумя и тремя. Для проведенія воды еще на большую высоту, устраиваются еще особеннаго рода водяныя колеса, изъ бамбуковаго тростника, приводимыя въ движеніе самою рѣкою, изъ которой они выбрасываютъ воду. Иногда воду поднимаютъ посредствомъ ведеръ и другихъ сосудовъ, прикрѣпляемыхъ къ веревкамъ. Иногда ее проводятъ изъ рѣкъ посредствомъ шлюзовъ и прорытыхъ отъ нихъ каналовъ.

Правительство ежегодно собираетъ свѣдѣнія объ отличнѣйшихъ земледѣльцахъ каждаго округа. Лучшій хозяинъ — земледѣлецъ, отличающійся примѣрнымъ поведеніемъ и тщательною обработкою полей, по представленію губернатора, получаетъ достоинство мандарина осьмой степени, —законъ, много говорящій въ пользу Китая.

Въ началѣ весны (въ апрѣльской лунѣ), въ честь изобрѣтателя земледѣлія, самъ императоръ, равно какъ и каждый губернаторъ и намѣстники нѣкоторыхъ, отдаленныхъ городовъ, совершаютъ торжественный обрядъ воздѣлыванія земли. Мандарина, вѣнчаннаго цвѣтами, выносятъ на носилкахъизъ дворца; впереди его несутъ знамена, зажженные факелы и разнаго рода земледѣльческія орудія. На носилкахъ изображены портреты великихъ мужей, споспѣшествовавшихъ земледѣлію. Процессія направляется къ восточнымъ воротамъ, какъ бы на встрѣчу веснѣ. Улицы украшены коврами, фонарями и тріумфальными арками; между разными фигурами, красуется глиняная фигура коровы такой величины, что ее съ трудомъ несутъ 40 человѣкъ. Рога коровы вызолочены, а за ней идетъ ребенокъ, съ одной босой, а другой обутой ногой: это геній трудолюбія. Идя за коровой, онъ безпрестанно бьетъ ее палкой, какъ будто погоняя. За нимъ идутъ земледѣльцы съ своими орудіями, маски и актеры, исполняющіе разныя представленія. Все это приближается ко дворцу намѣстника; здѣсь, снимаютъ съ коровы всѣ ея украшенія

и вытаскиваютъ изъ нея безчисленное множество маленькихъ глиняныхъ коровъ, которыя раздаются толпѣ. Тогда намѣстникъ обращается къ народу съ краткою рѣчью, въ которой показываетъ, до какой степени земледѣліе составляетъ одно изъ важнѣйшихъ и необходимѣйшихъ занятій въ государствѣ.

Но самый обрядъ землепашества состоитъ въ томъ, что государь съ избранными подданными — въ столицѣ, а губернаторъ и начальники областныхъ городовъ — близъ своихъ резиденцій, вспахиваютъ извѣстное пространство земли.

Въ столицѣ, подобный обрядъ совершаетъ самъ императоръ. Для этого, пекинское областное правленіе изготовляетъ для государя шолковую плеть и плугъ желтаго цвѣта, вола подъ плугъ рыжаго, сѣятельное вѣно темное; для трехъ князей и президентовъ девяти правительственныхъ мѣстъ, шолковыя плети и плуги краснаго цвѣта, воловъ подъ плуги черныхъ, сѣятельныя вѣна темныя. Вѣно для государя наполняется сѣменами риса, вѣно для князей просомъ, вѣно для членовъ — пшеницею и чорными бобами. Сверхъ того, для участія въ церемоніи, избираютъ нѣсколько шестидесятилѣтнихъ стариковъ, почетныхъ земледѣльцевъ, пѣвцовъ для полевой пѣсни, музыкантовъ и двадцать работниковъ съ волами, граблями и лопатами. Палата обрядовъ составляетъ для этого торжества особенную программу. Предъ обрядомъ, императоръ, равно какъ и избираемые имъ на этотъ случай двѣнадцать вельможъ, должны поститься. Въ день, опредѣленный астрономическимъ институтомъ, императоръ, со всѣми придворными въ церемоніяльной одеждѣ, идетъ къ тому мѣсту, гдѣ должна быть принесена весенняя жертва Шень-нунъ-шы, то есть «божественному земледѣльцу», какъ назвали китайцы государя Янь-ди, который будтобы первый научилъ людей воздѣлывать землю. Это мѣсто или жертвенникъ находится на южной сторонѣ столицы и образуетъ холмъ футовъ въ пятдесятъ (47) высоты, съ полемъ (въ 210 ф. въ длину, и 40 въ поперечникѣ), которое императоръдолженъ вспахать собственноручно. Принесши жертву, съ князьми и президентами, императоръ нисходитъ съ холма, между тѣмъ какъ впереди его нѣсколько весьможъ несутъ, въ дорогихъ сосудахъ, сѣмена, назначенныя для посѣва. Государь проводитъ плугомъ три борозды впередъ и три обратно, а за нимъ слѣдуютъ принцы и чиновники. Послѣ этого, императоръ начинаетъ сѣять. На другой день, начатую императоромъ работу доканчиваютъ избранные земледѣльцы; губернаторъ Пекина посѣщаетъ потомъ поле, наблюдаетъ за всходомъ, за хорошими на немъ предзнаменованіями, нѣтъ ли напримѣръ стеблей съ тринадцатью колосьями, и тому подобное. Осенью, на губернаторѣ лежитъ обязанность позаботиться о жатвѣ, которая собирается въ желтые мѣшки, сохраняемые въ нарочно для того устроенномъ магазинѣ, и употребляется только для особенныхъ жертвоприношеній. *

---

* Подробнѣе объ этомъ см. «Китай», монаха Іакинѳа. 1848. Т. 4 стр. 32 и сл.

По большой части, землю китайцы обработываютъ заступами и другими ручными орудіями. Устройство китайскаго плуга такъ просто и такъ искусно, что китаецъ, въ одно и то же время, этимъ плугомъ и пашетъ и сѣетъ; впрочемъ, такой плугъ употребляется не вездѣ. Зерно вымолачиваютъ обыкновенно въ полѣ, иногда молотилами, подобными нашимъ, иногда выбивая его изъ колосьевъ объ уголъ доски, иногда наконецъ вытаптывая его быками и буйволами.

Изъ множества воздѣлываемыхъ въ Китаѣ растеній особенно замѣчателенъ, по важности и обширности въ сельскомъ хозяйствѣ и въ другихъ отношеніяхъ, во-первыхъ, рисъ: это главная пища китайскаго народонаселенія. Онъ обработывается вездѣ, гдѣ только есть достаточное количество воды. Рисъ родится по большой части самъ-тридцать. Въ окрестностяхъ Кантона, его собираютъ ежегодно два раза; послѣ чего, на томъ же полѣ, слѣдуетъ третья жатва — маиса. Для посѣва риса, нивы сначала тщательно выравниваютъ, потомъ напитываютъ ихъ водой, вспахиваютъ грунтъ раза четыре или пять и снова выравниваютъ. Потомъ сѣютъ зерно безъ всякаго порядка; а когда стебли поднимутся на одинъ футъ высоты, то ихъ вырываютъ съ корнемъ и разсаживаютъ рядами, по нѣскольку стеблей вмѣстѣ, дабы колосья могли опираться одинъ о другой и тѣмъ легче противодѣйствовать вѣтру.

Не менѣе обширна въ Китаѣ и обработка чайнаго кустарника, который наибольшей части націи доставляетъ любимый и полезный напитокъ. Чайные кустарники бываютъ разнаго рода: нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ видъ деревьевъ и доставляютъ множество разнообразныхъ листьевъ. Чайныя плантаціи близъ Кантона имѣютъ такой же правильный видъ, какъ и нивы съ хлѣбомъ. На нихъ, чайные кустарники разсаживаются рядами, въ два или пять футовъ высоты. Въ первыхъ числахъ декабря, они покрываются цвѣтами. Лучшій чай доставляютъ молоденькіе свѣтлозеленые листики, и качество чая опредѣляется возрастомъ растенія и листьевъ. Чайный кустарникъ выростаетъ изъ сѣмянъ и уже на третьемъ году производитъ годные листья. Листья только поджаренные дѣлаются годными къ употребленію. Самые нѣжные листья никогда не вывозятся изъ Китая. Наилучшіе сорты чая производятся между 30°—31° сѣверной широты. Кустарники, доставляющіе черный чай, воздѣлываются на отлогостяхъ длинныхъ горныхъ цѣпей въ провинціи Фукіенъ. Самый грубый сортъ называется кирпичнымъ чаемъ, который производится въ сѣверныхъ провинціяхъ и вывозится и въ Россію. Въ 1828 — 1829 году, на англійскихъ корабляхъ вывезено было болѣе тридцати мильоновъ фунтовъ чаю; полагаютъ, что изъ Кантона его вывозятъ ежегодно болѣе сорока-пяти мильоновъ фунтовъ.

Сахарный тростникъ воздѣлывается вездѣ, гдѣ только тому благопріятствуетъ грунтъ земли, особенно на Югъ отъ Конъ-чу-фу. Для выжиманія соку, на сахарныхъ плантаціяхъ устроены мельницы, состоящія изъ двухъ каменныхъ или деревянныхъ цилиндровъ, приводимыхъ въ движеніе буйволами или быками. Выжимаемый изъ трост-

ника сокъ, сбѣгаетъ, посредствомъ особеннаго деревяннаго жолоба, въ котелъ, вдѣланный въ концѣ зданія въ землю, и въ которомъ сокъ варится до извѣстной густоты. Выжатый тростникъ употребляется какъ топливо. Китайцы не знаютъ раффинировки сахару; но оставляютъ сахаръ кристаллизироваться при охлажденіи и такимъ образомъ получаютъ очень тонкій и чистый сахаръ, который въ порошкѣ, бѣломъ какъ лучшій раффинированный сахаръ, продается на рынкахъ Кантона.

Вино приготовляется только въ умѣренной полосѣ; большая же часть виноградныхъ гроздій употребляется въ состояніи фруктовъ. Фруктовыми деревьями, извѣстными по большой части и въ Европѣ, Китай изобилуетъ; но, повидимому, воздѣлываніе фруктовыхъ деревъ стоитъ не на такой высокой ступени, какъ земледѣліе и обработка увеселительныхъ садовъ.

Изъ деревъ, чуждыхъ Европѣ, замѣчательны въ Китаѣ, между прочимъ, лаковыя деревья. Первое изъ нихъ называется Дзи–чу, низенькое деревцо, изъ бѣловатой коры котораго истекаетъ красная смола. Оно разводится посредствомъ отводковъ и приноситъ смолу только на седьмомъ или осьмомъ году. Чтобы получить изъ него лакъ, вокругъ его ствола дѣлаютъ насѣчки, начиная дюймовъ на семь отъ низу и до самыхъ сучьевъ, на равномъ разстояніи одну отъ другой. Въ насѣчку вправляется черепокъ раковины, въ которую за ночь и набѣгаетъ лакъ, собираемый по утрамъ. Такимъ образомъ, деревья облѣпливаются на ночь каждый вечеръ черепками раковинъ. Одинъ работникъ можетъ наблюдать за пятьюдесятью деревьями. Сокъ имѣетъ ядовитыя свойства и потому его переливаютъ съ большою осторожностью. Работникъ, дѣлающій насѣчки, обмазываетъ себѣ лицо и руки масломъ, а послѣ работы моется водой, или лучше сказать отваромъ изъ селитры и различныхъ растеній. Голову закрываютъ полотномъ, оставляя только два отверстія для глазъ. Сверхъ того, надѣваютъ передникъ, сапоги и перчатки изъ козловой кожи. Собранный лакъ сливается въ большой глиняный сосудъ, покрываемый сукномъ, сквозь который сокъ потомъ процѣживается. Тысяча деревъ, въ одну ночь, даютъ до двадцати фунтовъ лаку, который, по очищеніи, продается въ деревянныхъ сосудахъ. Неосторожные работники получаютъ опухоль и нерѣдко умираютъ.

Этому лаку можно сообщить какой–угодно цвѣтъ, и покрытое имъ дерево получаетъ прочность и блескъ. Колонны императорскаго дворца покрыты этимъ лакомъ.

Второе лаковое дерево, Тонъ–шу, даетъ подобный же лакъ, только гораздо маслянистѣе. Оно походитъ на орѣховое дерево. Его орѣхи содержатъ въ себѣ густое масло, съ маслянистою мякотью, изъ которой и выжимается сокъ, свариваемый и окрашиваемый потомъ съ разными примѣсями. Полученное отсюда масло предохраняетъ дерево отъ сырости и употребляется преимущественно для окрашиванія половъ въ комнатахъ знатныхъ и богатыхъ людей. Имъ покрываютъ даже позолоту и нѣкоторыя матеріи, употребляемыя на платье.

Тальковое дерево (У–кыевъ–му) походитъ на наше грушевое; его плодъ состоитъ изъ растущихъ кистями наподобіе винограда орѣховъ, облѣпленныхъ талькомъ (каменнымъ саломъ), легко расходящимся въ рукѣ и имѣющимъ свой особенный запахъ. Изъ этого сала китайцы изготовляютъ конусообразныя свѣчи, которыя зажигаются широкимъ концемъ. Свѣтильня дѣлается изъ полаго прутика или тростника, вокругъ котораго обматываются бумажныя нити или сердцевина ситника. Нижнимъ концомъ свѣтильня втыкается въ какую–либо подставку. Эти свѣчи даютъ свѣтъ ясный, но нѣсколько желтоватый. Съ толстой, оставляющей уголь свѣтильни, нагаръ снимается щипцами. Для отдѣленія масла отъ орѣха, послѣдній толкутъ и потомъ варятъ въ водѣ. Всплывающее на ней въ видѣ пѣны масло снимается и сливается въ какой–нибудь сосудъ, гдѣ и превращается въ сало. Чтобы свѣту сообщить болѣе прозрачности, къ десяти фунтамъ этого сала китайцы прибавляютъ иногда три фунта льнянаго масла и нѣсколько воска; иногда они дѣлаютъ свѣчи красными, прибавляя для этого киноварь.

Столь же замѣчательно и восковое дерево (Пенъ–ла–шу); оно впрочемъ не такъ велико, какъ тальковое. На его листьяхъ, разводится множество маленькихъ червячковъ, образующихъ въ короткое время восковыя ячейки, гораздо меньше пчелиныхъ. Этотъ воскъ очень твердъ и блестящъ и дороже пчелинаго. Привыкнувъ однажды къ деревьямъ какого–нибудь округа, насѣкомыя уже не оставляютъ ихъ; но если оставятъ однажды, то уже неворотятся къ нимъ. Эти насѣкомыя величиною какъ блохи и разводятся въ корѣ деревъ, то есть, тутъ онѣ кладутъ свои яички; яички эти вынимаются и сберегаются до весны, когда насѣкомыя выползаютъ изъ своихъ гнѣздъ. Тогда насѣкомыхъ продаютъ, и ихъ выпускаютъ у самихъ корней деревъ; отсюда онѣ вползаютъ до вѣтвей, впиваются въ дерево до самой сердцевины, которая, превращаясь въ воскъ, вытекаетъ наружу и виситъ наподобіе сосулекъ. Владѣльцы собираютъ ихъ, сдавливаютъ въ комки и въ такомъ видѣ выносятъ на рынокъ.

Замѣчательно также дерево Кушу, которое походитъ на фиговое; изъ насѣчекъ его коры выступаетъ молочный клей, который употребляется для прикрѣпленія къ дереву листоваго золота.

Но особенно важно для китайцевъ тутовое дерево — единственная пища для шелковичныхъ червей. Наилучшій родъ этихъ деревъ не приноситъ плода: такой сортъ получается посредствомъ размачиванія сѣмени въ водѣ, въ которой распущенъ куриный пометъ. Грунтъ для тутовыхъ деревъ удобряется посредствомъ ила, золы или навоза. Старыя вѣтви отрѣзываются и замѣняются новыми, посредствомъ прививки; на каждой вѣткѣ, оставляютъ только по четыре почки. Отъ старыхъ деревъ берутъ отводки, или нагибаютъ ихъ длинныя вѣтви до самого грунта, въ который онѣ врастаютъ и потомъ уже отрубаются отъ роднаго ствола. Тутовыя сѣмена сѣютъ, также смѣшавъ съ золой сожженныхъ растеній.

Вообще воздѣлываніе подобныхъ деревъ въ Китаѣ доведено до высокаго совершенства.

Въ суровомъ климатѣ сѣверныхъ провинцій, напримѣръ въ Пекинѣ, гдѣ зима наступаетъ очень рано и сопровождается стужею въ тринадцать или четырнадцать градусовъ, съ сухимъ сѣвернымъ вѣтромъ, для сбереженія нѣжныхъ деревъ устраиваютъ теплицы, которыя также, какъ и самыя жилища всегда обращены на югъ; а съ сѣвера защищены земляной стѣной, иногда даже холмомъ. Онѣ выкапываются въ землѣ на семь или на восемь футовъ глубины, а большія даже на двѣнадцать. Наибольшія теплицы имѣютъ до шестидесяти или семидесяти футовъ длины и десяти или двѣнадцати футовъ ширины. Бока этихъ погребовъ, за исключеніемъ южной стороны, ограждены каменной стѣной; а южная сторона состоитъ просто изъ оконъ, которыя прерываются только столбами, поддерживающими кровлю. Окна снабжены плотными рогожками, а во всю длину зданія построены печки.

Вообще растительное царство составляетъ главнѣйшую пищу китайскаго народонаселенія. Правда, рабочій классъ въ Китаѣ все ѣстъ — даже всякую падаль и насѣкомыхъ, водящихся въ человѣческой одеждѣ; горные обитатели провинціи Линъ–нганъ–фу ѣдятъ каждый день жирную и мягкую глину; бѣдняки примѣшиваютъ къ своей пищѣ даже гипсъ. Но главнѣйшую пищу низшаго и средняго классовъ, особенно въ южномъ Китаѣ, составляетъ рисъ, къ которому прибавляютъ соленую рыбу или какую–нибудь овощь. Вареный рисъ составляетъ первую жизненную потребность китайскаго народонаселенія, и слово фанъ, то есть вареный рисъ, входитъ въ составъ каждаго составнаго слова, выражающаго завтракъ, обѣдъ и ужинъ. Второе послѣ риса мѣсто, у простаго недостаточнаго народа, принадлежитъ картофелю, къ которому впрочемъ всегда прибавляютъ немножко и рису. Мяса ѣдятъ очень мало, да и то какой–нибудь разъ въ мѣсяцъ; дичь является только по большимъ праздникамъ. Противъ употребленія говядины у нихъ существуетъ упорный предразсудокъ, который впрочемъ, по замѣчанію Медгурста *, не имѣетъ никакого религіознаго основанія; китайцы, по его словамъ, считаютъ чѣмъ-то слишкомъ постыднымъ убивать и пожирать животное, цѣлую жизнь приносящее человѣку пользу ... Чувство благодарности въ китайской цивилизаціи, какъ это видно изъ всѣхъ законовъ и религіи Китая, составляетъ основу этой цивилизаціи, и потому замѣчаніе Медгурста, можетъ быть, и справедливо. Но въ настоящее время, по замѣчанію монаха Іакинѳа, говядиной, бараниной, коровьимъ масломъ и молокомъ южные китайцы брезгаютъ, какъ европейцы падалью и всякою нечистою пищею. Подобный предразсудокъ, только основанный на религіи, мы находимъ между племенами индусовъ. Овцы и козы разводятся мало, потому-что онѣ могутъ вредить полямъ и садамъ. Наиупотребительнѣйшую мясную пищу составляютъ свиньи, собаки и кошки. За недостаткомъ этихъ мясъ, употребляются крысы, мыши и змѣи; равно какъ и всѣ роды рыбъ,

* China, pag. 32.

раковинъ и раковъ. Впрочемъ, Китай такъ богатъ самою нѣжною и питательною растительностью, что въ мясной пищѣ онъ мало нуждается.

Поваренное искусство въ высшемъ классѣ стоитъ на высокой степени; а низшій довольствуется очень простымъ приготовленіемъ. Простой классъ ѣстъ обыкновенно раза три въ день, черезъ каждые четыре часа; или два раза въ день: въ десять часовъ утра и въ пятомъ часу по полудни. Какъ сказано выше, главнѣйшую пищу простаго класса составляетъ рисъ; но столъ у богатыхъ отличается разнообразіемъ и роскошью. Особенное лакомство въ китайскомъ столѣ составляютъ знаменитыя гнѣзда ласточекъ, собираемыя въ дикомъ состояніи по берегамъ Кохинхины, Камбоджи и другихъ частей Южной Азіи и потомъ очищаемыхъ въ особо для того построенныхъ заведеніяхъ. Тутъ ихъ разваривaютъ въ студень, приправляя разнаго рода пряностями и другими спеціями и голотуріями (морскими животными); послѣднія, а именно трепаны, въ Китаѣ также цѣнятся, какъ у насъ икра.

Обыкновенный напитокъ у всѣхъ классовъ въ Китаѣ составляетъ чай. Низшій классъ пользуется худшимъ сортомъ этого растенія; чайныя листья онъ не настаиваетъ, а вываривaетъ и притомъ въ мѣдныхъ нелуженыхъ (?) чайникахъ, въ которыхъ и вообще согрѣвается вода на чай; отваръ этотъ употребляетъ безъ молока и сахара; иногда, во время холода, съ имбиремъ. Напротивъ того, высшія и богатыя сословія не варятъ, а кладутъ листья прямо въ чашку и, обдавъ кипяткомъ, накрываютъ крышкой, дабы сохранить въ настоѣ весь ароматъ. Впрочемъ, молоко и сахаръ не употребляются и богатыми; равнымъ образомъ въ Китаѣ не употребляются и чайники.

Винодѣліе въ Китаѣ, въ обширныхъ размѣрахъ, не существуетъ, хотя съ приготовленіемъ вина китайцы знакомы. Причиною тому отвращеніе китайцевъ отъ всякихъ холодныхъ напитковъ, которые они считаютъ противными природѣ и нездоровыми для человѣка, потому, какъ говорятъ они, что кровь и всѣ жидкія части человѣческаго тѣла теплы. Впрочемъ, другаго рода опьяняющіе напитки, изъ разнаго хлѣбнаго зерна, напримѣръ риса, китайцы приготовляютъ и пьютъ.

Изъ другихъ опьяняющихъ предметовъ, употребляемыхъ китайцами, первое мѣсто принадлежитъ, безъ сомнѣнія, табаку и опіуму. Китайскій табакъ знатоки считаютъ превосходнымъ. Въ Китаѣ курятъ всѣ сословія и возрасты: ребенку, который едва только въ состояніи держать трубку, уже даютъ курить, считая это за предохранительное средство противъ всякихъ болѣзней. Женщины также страстно курятъ, какъ и на западномъ востокѣ: на картинахъ онѣ изображаются, по большой части, съ трубкою въ рукѣ. Табакъ крошатъ обыкновенно очень мелко, иногда такъ мелко, какъ нашъ нюхательный табакъ. Китайскія трубки очень разнообразны. Самыя трубки дѣлаются изъ металла, — по большой части изъ мѣди, въ видѣ полукруга въ одинъ дюймъ въ поперечникѣ; чубуки дѣлаются изъ чорнаго дерева или изъ бамбуковаго тростника и бываютъ

разной длины, часто фута въ три и четыре. Кромѣ обыкновенныхъ трубокъ, въ Китаѣ употребляются кальяны.

Употребленіе нюхательнаго табаку также извѣстно въ Китаѣ.

Нѣкоторые думаютъ, что употребленіе табака въ Китаѣ введено европейцами; но это мнѣніе основано пока только на томъ, что на китайскихъ вазахъ королевскаго музея въ Дрезденѣ, относящихся къ періоду за 1700 лѣтъ, нѣтъ изображенія курящаго человѣка, хотя и встрѣчается изображеніе орудія, имѣющаго нѣкоторое сходство съ китайской трубкой.

Опіумъ въ Китай привозился съ давнихъ временъ, но употребляли его сначала просто какъ лекарство; повидимому, только въ концѣ прошедшаго столѣтія, употребленіе его начало распространяться съ быстротою, хотя императоры и преслѣдовали это зло строгими наказаніями, въ томъ числѣ и смертною казнію, неговоря уже о бамбуковыхъ палкахъ, тюремныхъ заключеніяхъ и ссылкахъ. Опіумъ курятъ изъ особеннаго устройства трубокъ, имѣющихъ видъ флейты, которая съ одного конца закрыта, а съ другаго обдѣлана въ форму мундштука. Къ концу трубки сдѣлано отверстіе, въ которое вставляется табачная трубка сдѣланная на подобіе луковицы, на вершинѣ которой сдѣлано углубленіе; въ это углубленіе опіумъ кладется, посредствомъ особенной желѣзной лопаточки, зажигается на пламени особенной лампы и выкуривается въ нѣсколько затяжекъ. Опіума входитъ въ это углубленіе каждый разъ около двухъ грановъ; въ шесть или восемь затяжекъ, порція выкуривается, и чрезъ нѣсколько минутъ наступаетъ упоительное дѣйствіе этого вещества на организмъ курильщика. Самый опіумъ носятъ любители его въ маленькихъ коробочкахъ, а перевозятъ въ желтосѣрыхъ пластахъ.

Китайцы вообще охотники до ароматическихъ, сильно пахучихъ веществъ, особенно до мускуса. Ароматами они напитываютъ не только одежду, но и сосуды. Изъ ароматическихъ издѣлій Китая извѣстны особенно курительныя свѣчи изъ сандальнаго дерева и другихъ веществъ, — даже изъ faeces hominum они извлекаютъ для этого какой–то матеріялъ.

Основныя черты семейнаго быта въ Китаѣ состоятъ въ слѣдующемъ. Здѣсь, какъ и вообще на Востокѣ, законъ допускаетъ многоженство. Вторая жена считается ниже первой, не называется даже матерью своихъ дѣтей; но послѣднія считаются законными и какъ-бы рожденными отъ первой. Впрочемъ, рѣдкіе мужья женятся на второй женѣ безъ согласія первой, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда первая женщина не будетъ матерью сына: тогда китаецъ даже обязанъ вступить во-второй бракъ. Часто случается, что второй женѣ, какъ скоро она сдѣлается матерью сына, предлагаютъ оставить семейство и выйдти замужъ, за кого угодно. Вообще, законъ допускаетъ разводъ, когда жена остается бездѣтною, оказывается сварливою, ревнивою, непослушною, грубою, или изобличена въ воровствѣ, или страдаетъ опасною для другихъ болѣзнію.

Женщины высшихъ классовъ почти никогда не бываютъ въ обществѣ

мужчинъ; если-же посѣщаютъ своихъ знакомыхъ, то всегда отправляются въ экипажахъ или закрытыхъ носилкахъ. Обыкновенныя занятія ихъ состоятъ въ чтеніи, занятіяхъ поэзіею, въ музыкою, вышиваньемъ, разведеніемъ цвѣтовъ и тому подобномъ. Иногда играютъ въ карты, шахматы и другія игры. Женщины низшаго класса занимаются, какъ и у насъ, разными работами съ своими мужьями — въ полѣ, на рыбной ловлѣ и такъ далѣе.

Вотъ какимъ образомъ выражается о положеніи женщины въ обществѣ одна китайская писательница (Панъ–гоей–панъ) въ сочиненіи своемъ о женщинахъ:

«Мы занимаемъ, говоритъ она, послѣднее мѣсто въ человѣческомъ обществѣ; мы составляемъ слабѣйшую часть его; самыя низшія назначенія должны составлять и составляютъ въ-самомъ-дѣлѣ нашъ удѣлъ. Этой истиной мы должны быть проникнуты, потому-что она должна имѣть вліяніе на весь образъ нашихъ дѣйствій, должна быть источникомъ нашего счастія, если мы будемъ поступать какъ должно. Мы недолжны ожидать, пока горькій опытъ научитъ насъ, что мы такое по своей натурѣ. Въ древнія времена, когда рождалась дѣвочка, о ней никто не заботился въ теченіи трехъ дней. Ее клали на землю, на какихъ-нибудь тряпкахъ, возлѣ постели матери — и семейная жизнь шла своимъ чередомъ, какъ–будто ничего и не случилось; и только на третій день доносили родителямъ, что у нихъ однимъ дитятей больше. Тогда приходили къ матери, оказывали малюткѣ нѣкоторое попеченіе и входили въ залу предковъ. Отецъ принималъ дочь на руки, а присутствующіе приносили нѣсколько кирпичей, и такъ проходило нѣсколько времени въ тихомъ поклоненіи предкамъ.

«Тишина, съ какой принимали новорожденныхъ дѣвочекъ, шумная радость при рожденіи мальчиковъ, презрѣніе, какое оказывали къ первымъ, достаточно свидѣтельствуютъ о томъ, во сколько меньше цѣнили дѣвочекъ. Ея постель на тряпкахъ, на полу, показываетъ, что въ-отцовскомъ домѣ она должна занимать самое низкое мѣсто, и что въ свѣтѣ должна ожидать только неуваженія, если прекрасными свойствами и постоянными, свойственными ея полу добродѣтелями не съумѣетъ пріобрѣсть себѣ уваженія.

«Дѣвочка, продолжаетъ Панъ–гоей–панъ, рождена на свѣтъ не для того, чтобы постоянно оставаться дѣвочкой. Ея назначеніе сдѣлаться супругой въ чужомъ семействѣ, и въ этомъ новомъ состояніи ей предстоятъ новыя обязанности, заключающіяся не только въ исполненіи, но въ предупрежденіи каждаго желанія. Умные мужья остаются довольны, если ихъ жены послушны и покорны, если онѣ не вмѣшиваются въ неотносящіяся къ ихъ хозяйству дѣла, оказываютъ мужьямъ почтеніе, не предаются ревности, и своихъ собственныхъ дѣтей не предпочитаютъ прочимъ дѣтямъ семейства. Я очень хорошо понимаю, какъ мужъ, ищущій въ нѣдрахъ своего семейства отдыха отъ трудовъ и заботъ, можетъ быть доволенъ своими женами, если находитъ въ нихъ приличныя имъ свойства; но не понимаю, какимъ образомъ женщины безъ этихъ свойствъ могутъ быть довольны сами собой.»

Жена, по мнѣнію Панъ-гоей-панъ, должна оказывать глубочайшее почтеніе къ своему мужу, не быть вздорною, сварливою, мелочною; не предаваться ребяческимъ прихотямъ; ея слова должны быть всегда приличны, кротки, умѣрены; она не должна быть слишкомъ молчалива, а еще менѣе болтлива; она не должна позволять себѣ простонародныхъ и низкихъ выраженій, но должна избѣгать также и изысканности и педантизма. Тщеславіе, по ея понятію, есть порокъ наиболѣе общій обоимъ поламъ. Красота, которая дѣлаетъ женщинъ столь любезными, конечно не зависитъ отъ нихъ; но женщина всегда остается прекрасною въ глазахъ мужа, если ея взоръ и голосъ выражаютъ кротость, если она внимательна къ чистотѣ лица и одежды, со вкусомъ одѣвается и украшается, и скромна въ словахъ и своемъ поведеніи.»

Можно-бы подумать послѣ этого, что женщины въ Китаѣ считаются въ-самомъ-дѣлѣ существами, достойными одного презрѣнья. Но китайскіе законы обнаруживаютъ къ нимъ и снисхожденіе и уваженіе. Обвиняемая въ преступленіи женщина, по законамъ Китая, не можетъ быть взята подъ стражу, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда она обвиняется въ уголовномъ преступленіи или нарушеніи супружеской вѣрности; во всѣхъ-же прочихъ случаяхъ, остается на порукахъ у мужа, или, если не замужняя или вдова, то у родственниковъ. Нарушителю этого закона грозитъ сорокъ бамбуковыхъ палокъ. Женщины, отличающіяся своими добродѣтелями, познаніями, какимъ-нибудь талантомъ и другими высокими свойствами, нерѣдко удостоиваются особенной публичной награды — табели съ похвальною надписью, для вывѣски надъ воротами дома, или почетной арки, воздвигаемой въ городѣ. Въ китайскихъ городахъ, такихъ арокъ довольно.

Безъ согласія отца или замѣняющихъ его родственниковъ, женщина не можетъ выдти замужъ; равнымъ образомъ и сынъ не можетъ жениться противъ воли своего отца.

Всѣ относящіеся къ этому предмету случаи опредѣлены законами, нарушеніе которыхъ преслѣдуется строгими наказаніями. Между прочимъ, замѣчательно, что чиновники не имѣютъ права жениться на дѣвушкѣ изъ какого-нибудь семейства, состоящаго подъ ихъ вѣдомствомъ. Чиновникъ, принудившій женщину свободнаго сословія, силою своего поста, вступить съ нимъ въ бракъ, удавливается, а женщина возвращается по принадлежности, роднымъ. Состоящій въ государственной службѣ, за женитьбу на актрисѣ или пѣвицѣ, наказывается бамбуковыми палками. Жрецы религіи Фо или Таосе должны вести жизнь безбрачную.

Какъ сказано, бракосочетаніе жениха и невѣсты зависитъ отъ согласія главъ ихъ семействъ. Иногда это согласіе дается тогда, когда будущая брачная чета лежитъ еще въ колыбели; въ противномъ случаѣ, дѣло начинается съ помощію посредницъ — свахъ. Эти посредницы играютъ важную роль во всѣхъ китайскихъ любовныхъ исторіяхъ. Онѣ подсылаются обыкновенно со стороны семейства жениха къ родителямъ или родственникамъ невѣсты. Само собою разумѣется, что обязанность ихъ — представить достоинства своего кліента въ блистатель-

нѣйшемъ видѣ; и что китайскія свахи пользуются въ этомъ случаѣ такою-же степенью довѣрія, какъ и русскія. Плата за невѣсту существуетъ только въ низшемъ классѣ. Впрочемъ, чувство любви въ Китаѣ гораздо болѣе развито, чѣмъ въ другихъ восточныхъ государствахъ. Китайскіе романисты и лирики обнаруживаютъ въ этомъ отношеніи столь-же вѣрныя и тонкія черты, какъ и поэты другихъ народовъ. Влюбленные и тамъ нерѣдко бесѣдуютъ съ луной.

Въ день бракосочетанія собираются гости въ домѣ жениха. Тутъ расплетаютъ ему волосы, а послѣ назидательной рѣчи о бракѣ, снова заплетаютъ ихъ въ косы; надѣвъ потомъ ему на голову шапку особенной формы, обращаются къ нему съ поздравленіями и желаніемъ счастья. Между-тѣмъ, невѣста, въ блестящемъ нарядѣ, переносится на носилкахъ къ дому жениха. Впереди этого поѣзда, идутъ наемные люди со свѣчами и факелами; за ними слѣдуютъ музыканты; возлѣ носилокъ несутъ свадебные наряды, разнаго рода домашнюю утварь и тому подобные предметы приданаго. За носилками, идутъ родственники и друзья семейства Одинъ изъ ближайшихъ слугъ несетъ ключъ отъ носилокъ, который онъ долженъ вручить только будущему супругу невѣсты, у дверей его дома. Какъ скоро поѣздъ подойдетъ къ дверямъ, женихъ получаетъ ключъ и отворяетъ носилки — и нерѣдко теперь только видитъ въ первый разъ свою невѣсту. Если она ему и его семейству не понравится, то онъ имѣетъ право замкнуть носилки и объявить, что отказывается и отъ нея и отъ заплаченныхъ за нее денегъ. (Предоставлено-ли подобное право невѣстѣ, мы незнаемъ.) Впрочемъ, это случается рѣдко, потому-что родители, какъ это видно изъ китайскихъ романовъ и повѣстей, при бракосочетаніи дѣтей, почти всегда уважаютъ ихъ чувства, хотя, по закону, имѣютъ право требовать отъ нихъ безусловнаго повиновенія.

Но если невѣста принята, то вмѣстѣ съ женихомъ она входитъ въ залу. Тутъ они совершаютъ четырекратное поклоненіе небу; потомъ невѣста обращается съ поклономъ къ своимъ новымъ роднымъ и удаляется къ собравшимся женщинамъ, а женихъ остается съ мужчинами.

Такъ разсказываютъ западные синологи; но отецъ Іакинѳъ, описывая брачные обряды китайцевъ, между прочимъ сообщаетъ объ этомъ слѣдующія подробности:

«Какъ скоро обѣ стороны, то есть, семейства жениха и невѣсты, согласятся на бракъ, то отецъ жениха объясняетъ въ письмѣ къ будущему тестю, за кого именно онъ сватаетъ дѣвушку, и проситъ увѣдомить его о годѣ, мѣсяцѣ, днѣ и часѣ ея рожденія, увѣдомляя при этомъ, въ отдѣльной при письмѣ записочкѣ, о годѣ, мѣсяцѣ, днѣ и часѣ рожденія жениха; а между-тѣмъ предварительно посылаетъ сваху въ невѣстинъ домъ отобрать рѣшительное мнѣніе. Получивъ рѣшительное согласіе, отецъ жениха назначаетъ одного изъ младшихъ родственниковъ повѣреннымъ для переговоровъ съ отцомъ невѣсты, отправляя вмѣстѣ съ нимъ и разнаго рода подарки. Отецъ невѣсты принимаетъ повѣреннаго въ залѣ, стоя на восточной сторонѣ лицомъ къ западу, а посланный подаетъ ему письмо, стоя на западной сторонѣ. Принявъ

письмо и написавъ на него отвѣтъ, съ записочкой о годѣ, мѣсяцѣ и днѣ и часѣ рожденія своей дочери, отецъ невѣсты вторично приглашаетъ повѣреннаго въ залу, отдаетъ ему письмо и дѣлаетъ двукратное поклоненіе. Посланный, передавъ письмо сопровождающему, остается нѣсколько времени у отца невѣсты, для принятія отъ него угощенія. Для этого, столъ ставится посреди залы. Повѣренный, какъ гость, садится на восточной, а отецъ невѣсты на западной сторонѣ. Послѣ троекратнаго питья, гость встаетъ и откланивается.

«Письмо со стороны жениха называется сговорнымъ, а со стороны невѣсты — отвѣтнымъ. Эти письма составляютъ и брачный договоръ.

«Вслѣдъ затѣмъ, изъ дома жениха отправляются въ домъ невѣсты свадебные дары при письмѣ. Для каждаго класса чиновниковъ количество этихъ даровъ, равно какъ и число свиней для пира, приготовляемаго по этому случаю въ домѣ жениха, опредѣлено закономъ. Свадебными дарами совершенно утверждается сговоръ; а время самой свадьбы назначается обыкновенно отцомъ жениха, хотя честь эта предлагается сначала отцу невѣсты.

«За день до бракосочетанія, изъ дома невѣсты отправляютъ въ домъ жениха ея приданое, состоящее въ одеждѣ, головныхъ уборахъ и мебели. Въ день бракосочетанія, въ домѣ невѣсты, совершаютъ поклоненіе въ храмѣ предкамъ, называемое *объявленіемъ;* а у чиновниковъ пятнадцатаго класса и ниже, это дѣлается въ моленной предкамъ. Послѣ этого, совершаютъ возліяніе за дочь во внутреннихъ комнатахъ. Отецъ становится на восточной, а мать на западной сторонѣ. Невѣста, уже наряженная, выходитъ съ нянею, становится передъ отцомъ и матерью, лицомъ къ сѣверу, и дѣлаетъ передъ ними двукратное поклоненіе. Прислужникъ наливаетъ вино, и мать дѣлаетъ возліяніе за дочь по церемоніалу. Отецъ даетъ наставленіе дочери, а мать, поправляя на ней наряды, повторяетъ его наставленія.

«Въ это время, пріѣзжаетъ женихъ. Встрѣтивъ его за воротами, тесть проситъ войти въ комнаты и женихъ, держа въ рукахъ дикихъ гусей, идетъ за нимъ. Остановившись на крыльцѣ, у самаго входа, зять подноситъ тестю гусей и дѣлаетъ двукратное поклоненіе. Тесть не кланяется. Няня выводитъ невѣсту подъ покрываломъ. Женихъ, сдѣлавъ ей учтивый поклонъ, сходитъ внизъ; невѣста слѣдуетъ за нимъ, а отецъ остается въ залѣ. Няня сажаетъ невѣсту въ носилки. Передъ носилками, несутъ два фонаря, а зять на верховой лошади ѣдетъ впереди. Невѣста, по вступленіи въ домъ жениха, выходитъ изъ носилокъ и женихъ ведетъ ее по западной сторонѣ крыльца. Какъ скоро невѣста войдетъ въ комнаты, то есть, въ спальню жениха, то ея служанка ставитъ для жениха столъ на восточной, а служанка жениха ставитъ столъ для невѣсты на западной сторонѣ. Какъ скоро женихъ съ невѣстою взаимно раскланяются, то няня снимаетъ съ невѣсты покрывало, а женихъ проситъ ее сѣсть за столъ. Подаютъ кушанье. По окончаніи стола, горничная невѣсты беретъ чару, наполняетъ виномъ и подноситъ жениху. Служанка изъ дома жениха беретъ другую чару, наполняетъ виномъ и подноситъ невѣстѣ. Это такъ называемая сочe-

тальная чаша, которую пьютъ троекратно. Вслѣдъ за тѣмъ, открывается пиръ, опредѣленный, какъ сказано выше, закономъ; а послѣ пира, горничная, приготовивъ постели, уноситъ свѣчи».

Мы пропустили церемонію, съ какою женихъ отправляется въ день бракосочетанія за своей невѣстой. Въ южныхъ странахъ эта церемонія гораздо многосложнѣе, торжественнѣе и, такъ сказать, символичнѣе. Самый поѣздъ невѣсты, то есть, число музыкантовъ, фонарей и распорядителей, опредѣленъ законами, сообразно съ званіемъ жениха*.

До-сихъ-поръ китайцы являются намъ болѣе или менѣе выше другихъ восточныхъ народовъ; но въ дальнѣйшихъ подробностяхъ семейныхъ и гражданскихъ отношеній, для человѣка, проникнутаго христіянскими чувствами и европейскими понятіями, законодательство китайское можетъ казаться возмутительнымъ не менѣе другихъ восточныхъ законодательствъ. Напримѣръ, младшіе родственники не имѣютъ права жаловаться судебнымъ порядкомъ на старшихъ, даже еслибы и дѣйствительно пострадали отъ нихъ; между-тѣмъ какъ отецъ, несправедливо обвинявшій своего сына, — дѣдъ или бабушка — своихъ внучатъ, — мужъ — свою второстепенную жену, — не подвергаются со стороны закона никакому взысканію. Жена, за нанесеніе удара мужу, наказывается сотнею палокъ; чѣмъ опаснѣе нанесенная рана, тѣмъ строже наказаніе. За побои, отъ которыхъ мужъ заболѣетъ, жену удавливаютъ; напротивъ того, мужъ, за нанесеніе побоевъ женѣ, наказывается только тогда, когда онъ нанесетъ ей рану какимъ-нибудь острымъ орудіемъ. Его удавливаютъ только за убійство главной жены; за убійство же второстепенной, опредѣлено только сто бамбуковыхъ палокъ, съ ссылкою на три года. Кто, убивъ своего сына, внука или раба, вздумаетъ обвинить въ этомъ кого-либо другаго, тотъ подвергается семидесяти ударамъ и ссылкѣ на полтора года. И такъ, дѣтоубійца наказывается въ этомъ случаѣ не за убійство, а за несправедливое обвиненіе. И такъ какъ въ китайскихъ законахъ это единственный случай, по поводу котораго упоминается о дѣтоубійствѣ, то европейскіе ученые дѣлаютъ отсюда выводъ, что отцу предоставлено повидимому полное право надъ жизнью и смертью дѣтей, внуковъ его и рабовъ**, хотя по словамъ отца Іакиноа, умерщвленіе новорожденнаго считается въ числѣ десяти тяжкихъ преступленій, за которыя назначена смертная казнь.

Правительство, повидимому, молча признаетъ право родителей подкидывать новорожденныхъ дѣвочекъ. Этихъ подкидышей иногда принимаютъ къ себѣ сострадательные люди; но обыкновенно ихъ собираетъ само правительство. Для этого, каждое утро, въ Пекинѣ, разъѣзжаютъ пять экипажей, съ извѣстными сигналами, по которымъ желающіе мо-

---

* Подробнѣе объ этомъ см. «Китаи въ гражданскомъ и нравственномъ состояніи. Соч. монаха Іакинеа. 1848. Часть IV, стр 73—85.

** Ta Tsing-Leu-Lée ou les lois fondamentales du Code pénal de la Chine, tr. du Chinois par G. Staunton, mis en français par Felix Renouard de Sainte-Croix. à Par. 1812 II. 85.

гутъ отдавать своихъ дѣтей, какъ живыхъ, такъ и мертвыхъ. Подкидыши помѣщаются въ особенно для этого построенныхъ домахъ.

Подобные законы заставляютъ предполагать въ китайскихъ семействахъ возмутительныя сцены; но изъ китайскихъ романовъ, изъ замѣтокъ путешественниковъ, и, наконецъ, изъ развитія другихъ сторонъ китайскаго духа и быта, мы въ правѣ заключить, что сила означенныхъ законовъ значительно смягчается нравственностію обоихъ половъ, и *что семейная жизнь въ Китаѣ свѣтлѣе, благороднѣе и вообще человѣчнѣе, чѣмъ въ прочихъ восточныхъ странахъ*, именно потому-что въ Китаѣ какъ мужчины, такъ и женщины, съ самаго дѣтства, пріобрѣтаютъ несравненно обширнѣе, многостороннѣе и строже умственное, нравственное и эстетическое образованіе. Только образованіе даетъ въ Китаѣ право на занятіе какой-бы то ни было государственной должности; и потому высшій классъ, классъ мандариновъ, съ самого дѣтства пріобрѣтаетъ наклонность къ ученію и литературнымъ удовольствіямъ вообще. Музыка также составляетъ непремѣнную часть всякаго порядочнаго образованія. Методическое образованіе дѣтей, въ Китаѣ, составляло съ древнихъ временъ предметъ особенной важности; въ одной изъ книгъ, приписываемыхъ Конфуцію, (а именно въ Ли-ки) ему посвященъ особенный отдѣлъ. По его ученію, не только каждое мѣстечко должно имѣть свое учебное заведеніе, но и въ каждомъ семействѣ должна быть особенная зала, посвященная наукамъ. Энциклопедія для китайскаго юношества говоритъ: «мальчикъ, неучащійся въ юности, поступаетъ безразсудно...» и такъ далѣе. Люди съ состояніемъ имѣютъ домашнихъ наставниковъ; другіе отдаютъ дѣтей въ публичныя школы, платя за это отъ четырнадцати нейгрошей до одного доллара. Въ большихъ городахъ, есть вечернія школы для дѣтей, занятыхъ втеченіе дня какимъ-нибудь ремесломъ. Кромѣ чтенія и чистописанія, въ первоначальномъ воспитаніи правительство особенно заботится о развитіи въ дѣтяхъ почтенія къ старшимъ, взаимной снисходительности, вѣжливости и уваженія къ наукѣ; и если обитатели Востока вообще отличаются вѣжливостію, то китайцы принадлежатъ къ самымъ вѣжливымъ и этикетнымъ народамъ земнаго шара. Неприличныя слова, ругательства и драки въ Китаѣ чрезвычайная рѣдкость. Манера китайца отличается кротостію, умѣренностію, а обращеніе предупредительностію. Строгіе европейскіе моралисты называютъ это лицемѣріемъ, которое впрочемъ свойственно огромнѣйшему большинству не только восточнаго, но и европейскаго народонаселенія; но въ Китаѣ, оно доведено до нелѣпыхъ крайностей, заставляющихъ предполагать въ человѣкѣ не уваженіе къ себѣ и другимъ, а что-то близкое къ самоуничиженію. Въ обращеніи съ старшимъ, китаецъ низкаго сословія дѣлаетъ видъ, какъ-будто готовъ упасть передъ нимъ на колѣни, но тотъ какъ-бы удерживаетъ его. Хозяинъ дома никогда не сядетъ прежде гостя. Въ разговорѣ всегда избѣгаютъ личныхъ мѣстоименій и именъ: вмѣсто *вы* или *ты*, говорятъ достопочтеннѣйшій братъ и тому подобное, по прозванію; вмѣсто *я*, —

простякъ, недостойный ученикъ, бѣдный человѣкъ и тому подобное *.

Вмѣсто *Я*, обыкновенно называютъ себя по имени, которое назначаетъ новорожденному отецъ или кто-либо изъ родныхъ.

— Какъ благороднѣйшая фамилія достоуважаемаго господина?

— Позвольте узнать ваше непроизносимое (т. е. имя).

— Жалкая фамилія вашего недостойнаго простяка NN.

— Какова достопочтенная профессія, возвышенный возрастъ, знаменитая провинція благороднѣйшаго господина?

— Ничтожная профессія вашего неблагороднаго и скоропреходящаго простяка NN, юнѣйшій возрастъ — такой-то, смиренная провинція скоропреходящаго и ничтожнаго бѣдняка — такая-то.

Такого рода объясненія, для насъ, европейцевъ, безъ сомнѣнія, странны; но они — въ духѣ всего Востока; да и у насъ, впрочемъ, сохранились нѣкоторые остатки подобнаго гиперболизма.

Главнѣйшія статьи этикета опредѣлены законами, за нарушеніе которыхъ грозитъ наказаніе, отъ десяти до осьмидесяти бамбуковыхъ палокъ.

Мужчины, при встрѣчахъ съ равными, привѣтствуютъ другъ друга, складывая на груди крестообразно руки и нѣсколько наклоняя голову, причемъ произносятъ цинъ-цинъ, слова, какъ извѣстно, ничего незначащія. При встрѣчѣ съ высшимъ, сложивъ руки, поднимаютъ ихъ вверхъ и потомъ опять опускаютъ, низко кланяясь При свиданьи послѣ продолжительной разлуки, друзья падаютъ на колѣни и низко кланяются; потомъ встаютъ и опять повторяютъ туже церемонію два или три раза. Точно также привѣтствуютъ женщины своихъ отцовъ и матерей.

Взаимныя посѣщенія въ день рожденія на новый годъ, на праздникахъ, по случаю рожденія сына, бракосочетанія и другихъ важныхъ случаевъ,—составляютъ важную статью китайскаго этикета. Подобные визиты обязаны дѣлать ученики своимъ учителямъ, чиновники своимъ начальникамъ, принося при этомъ разнаго рода не очень дорогіе подарки.

Дѣлающій визитъ отдаетъ привратнику визитную карточку, состоящую изъ листа красной бумаги, различной величины и формы, и украшенной золотыми цвѣтами. Величина и форма листа соотвѣтствуютъ достоинству посѣтителя и отношеніямъ его къ хозяину, и карточка доходитъ иногда до такихъ размѣровъ, что ею можно иногда покрыть цѣлую комнатную стѣну. На одной сторонѣ такой карточки надписывается имя посѣтителя, съ нѣсколькими вѣжливыми фразами. По поводу траурныхъ визитовъ, карточка должна быть бѣлая съ голубою надписью.

Посѣщая высшую особу, гость долженъ встать съ носилокъ у подъ-

---

* По имени могутъ называть — только государь своихъ подданныхъ, родители-дѣтей, дяди—племянниковъ, господинъ слугу, старшій — мальчика или разночинца; въ противномъ случаѣ, назвать другаго по имени—значитъ нанести личное оскорбленіе

ѣзда дома; а при посѣщеніи равнаго, его вносятъ до самой пріемной комнаты. Тутъ онъ встаетъ, подъ прикрытіемъ впрочемъ зонтика, который держитъ слуга, и потомъ уже начинаются взаимные поклоны въ поясъ, опредѣленные церемоніяломъ. Объясненіе сопровождается также предписанными поклонами. Сидѣть, предписывается, прямо, не опираясь объ спинку креселъ, опустивъ глаза, руки расположивъ на колѣни, не протягивая ногъ, а поставивъ ихъ одну возлѣ другой. Послѣ краткаго объясненія, слуга подаетъ каждому посѣтителю по чашкѣ чаю, который должно подносить ко рту также предписаннымъ образомъ. При уходѣ, также совершаются строго опредѣленные поклоны. Хозяинъ провожаетъ гостя до носилокъ и ждетъ, пока носильщики двинутся въ путь.

Чѣмъ знатнѣе посѣтитель, тѣмъ многочисленнѣе сопровождающая его свита, и предъ высшими сановниками идутъ люди, вооруженные плетьми, дабы пролагать ему дорогу сквозь толпу. Для князей 12-ти степеней опредѣлено, какъ они должны поступать при встрѣчахъ въ воротахъ или на дорогѣ; кто долженъ остановиться или сойти съ лошади.

Формы письменныхъ сношеній также опредѣлены закономъ. Письменное обращеніе къ высшему должно быть на бѣлой бумагѣ, сложенной двѣнадцатью складками и украшенной полосками бумаги. Письмо начинается на второй складкѣ, а имя ставится на послѣдней. Строка отъ строки должна быть на опредѣленномъ разстояніи. Чѣмъ мельче буквы, тѣмъ больше выражаютъ онѣ почтенія. Печать можетъ быть поставлена только въ двухъ мѣстахъ: или надъ первыми словами письма, или надъ именемъ лица, къ которому пишутъ. Если авторъ письма въ траурѣ, то на свое имя онъ наклеиваетъ ленточку голубой бумаги. На самой серединѣ письменнаго конверта наклеивается ленточка красной бумаги, дюйма въ два ширины, съ надписью: «письмо находится внутри. Послѣ этого, письмо вкладываютъ во второй пакетъ, также обвитый полоскою красной бумаги. На немъ пишется имя и званіе лица, къ которому адресуется письмо; а на внутренней сторонѣ обозначается мелкимъ шрифтомъ провинція, городъ и мѣсто жительства этого лица. На обоихъ концахъ прикладываются двѣ печати; причемъ дѣлается надпись: завернуто и запечатано. Между печатями отмѣчается годъ и число*.

---

* Разборъ дѣлъ по этикету и обрядамъ вообще подлежитъ Палатѣ обрядовъ. Нельзя не согласиться, что китайскій умъ въ этомъ случаѣ дошелъ до странныхъ и излишнихъ формальностей; но было бы несправедливо за одну юридическую крайность уничтожать въ народѣ всѣ другія достоинства; потому несправедливо было бы изъ однихъ этихъ крайностей дѣлать выводъ, что китайская цивилизація ниже цивилизаціи остальнаго Востока что китайскій духъ не можетъ пойти дальше въ своемъ развитіи, что китайскій умъ устроенъ такъ нелѣпо, что самъ собою не можетъ освободиться отъ нелѣпыхъ преданій, и т. п. Дѣлать подобные выводы, значитъ видѣть въ народѣ только одну маловажную сторону, забывая всѣ остальныя и существенно важныя отрасли его умственнаго, нравственнаго, гражданскаго, эстетическаго и матеріальнаго развитія. Защитники китайскаго этикета болѣе правы, чѣмъ безусловные его порицатели.

Званые обѣды и вечера знатныхъ лицъ также сопровождаются церемоніями. Дня за два предъ празднествомъ, гости извѣщаются объ этомъ письменнымъ приглашеніемъ; потомъ они извѣщаются вторично въ самый день пиршества, а въ третій разъ,—предъ самымъ началомъ его, получаютъ извѣстіе о нетерпѣливомъ желаніи видѣть ихъ у себя поскорѣе.

Въ подобныхъ случаяхъ, столовую залу украшаютъ великолѣпно — цвѣтами и разнаго рода другими украшеніями. Для каждаго гостя накрывается особенный столъ; столы, съ принадлежащими къ нимъ креслами, ставятся по обѣимъ сторонамъ залы; хозяинъ встрѣчаетъ гостей у дверей и проводитъ ихъ въ залу. Сначала подаютъ теплое (рисовое) вино, въ красивыхъ чарочкахъ или чашечкахъ. Хозяинъ беретъ чарку, кланяется гостямъ, обращается лицомъ къ большому двору дома и идетъ къ передней части залы: тутъ онъ поднимаетъ глаза и руки съ чашкой къ небу, и выливаетъ вино на землю. Послѣ этого, хозяинъ и гости начинаютъ пить, съ обычными взаимными поздравленіями и желаніями. Какъ скоро будутъ поданы палочки и кушанье, хозяинъ подходитъ къ почетнѣйшему изъ гостей, подводитъ его къ назначенному столу и упрашиваетъ занять мѣсто, но гость обыкновенно отказывается, наконецъ однакожъ уступаетъ. Тогда хозяинъ подходитъ къ другому и усаживаетъ его такимъ же порядкомъ; тоже повторяется и съ остальными.

Какъ только всѣ усядутся, въ залу входятъ актеры и дѣлаютъ четыре земныхъ поклона. Они становятся между обоими рядами столовъ, лицомъ на сѣверъ, — къ длинному столу, уставленному свѣчами и курильницами. Послѣ поклоновъ, одинъ изъ актеровъ подноситъ старшему гостю длинную книгу, въ которой золотыми буквами обозначены заглавія 50 — 60 выученныхъ ими комическихъ піесъ, предоставляя выбрать изъ нихъ какую-угодно. Но тотъ предоставляетъ этотъ выборъ второму по немъ гостю, а этотъ третьему и такъ доходитъ до послѣдняго, отъ котораго выборъ предоставляется опять первому: на этотъ разъ, онъ ужъ не отказывается; назначенная имъ пьеса показывается всѣмъ гостямъ, которые выражаютъ свое одобреніе наклоненіемъ головы. Но если въ піесѣ встрѣтится что-либо неловкое; если, напримѣръ, дѣйствующее въ ней лицо будетъ одноименно съ кѣмъ-либо изъ гостей, то актеръ обязанъ представить это выбравшему, предлагая ему назначить другую. Піеса открывается отчасти дикимъ и шумнымъ оркестромъ, состоящимъ изъ металлическихъ скрипокъ, барабановъ, флейтъ, свистковъ и трубъ. Актеры исполняютъ свои роли на коврахъ, безъ кулисъ и декорацій, выходя изъ боковой комнаты и уходя въ нее. Съ двора, смотритъ толпа постороннихъ зрителей, а изъ за бамбуковой рѣшетки, покрытой шолковою сѣтью, изъ передней залы, смотрятъ домашнія женщины. Игра актеровъ продолжается до конца обѣда, который оканчивается чаемъ и виномъ. Послѣ обѣда, поблагодаривъ хозяина, гости, по его приглашенію, идутъ или въ садъ или въ другую залу; здѣсь проводятъ нѣсколько времени въ разговорѣ. Между тѣмъ, подаютъ обѣдъ и актерамъ. Чрезъ нѣсколько минутъ, слуги подаютъ гостямъ теплую воду, для мытья рукъ, и вслѣдъ за-

тѣмъ приносятъ десертъ, состоящій иногда изъ 20 — 24 блюдъ — сахарныхъ бисквитовъ, фруктовъ, варенья, соленыхъ утокъ, окороковъ, и тому подобныхъ лакомствъ. Послѣ того, опять возвращаются въ первую залу и занимаютъ прежнія мѣста; тутъ подается теплая вода въ большихъ чашкахъ. Актеры начинаютъ новую піесу, а гости приказываютъ своей прислугѣ подать маленькіе пакеты изъ красной бумаги, въ которыхъ они приготовили деньги для повара, домашней прислуги, актеровъ и привратниковъ. Иногда подобное пиршество продолжается за полночь. Гости расходятся наконецъ, разумѣется, съ безконечными извиненіями, прощаніями, уступками, настоятельными услугами и такъ далѣе *.

Во многихъ домахъ, напримѣръ при императорскомъ дворѣ, есть настоящіе театры; въ другихъ, они построены возлѣ главнаго жилища. Часто послѣ обѣда гости отправляются въ эти театры. Андерсонъ видалъ чаще всего воинственныя піесы, въ которыхъ актеры сражаются съ большимъ искуствомъ, хотя китайцы на дѣлѣ далеко не доказали своей храбрости въ наше время.

Странно, конечно, представить себѣ китайца танцующимъ; и дѣйствительно, въ Китаѣ нѣтъ танцовъ; хотя путешественники видѣли обширные танцы, совершаемые особенными мандаринами при императорскомъ дворѣ. По разсказамъ одного изъ нихъ, мандарины выступали по два въ рядъ, и подъ звуки шумнаго оркестра выдѣлывали разныя движенія руками и ногами, и вертясь кругомъ на одномъ мѣстѣ. Протанцовавъ такимъ образомъ минуты три, каждая пара откланивалась и уходила. Всѣ танцоры были одѣты въ одинаковое платье. Они составляютъ особенную придворную труппу, исполняющую этотъ почетный танецъ и только одинъ разъ въ годъ; въ остальное время, они занимаютъ должность привратниковъ.

Піесы, въ которыхъ дѣйствующія лица были-бы императоры, императрицы, принцы, министры и знаменитые полководцы древнихъ временъ, воспрещены подъ опасеніемъ подвергнуться сотнѣ палокъ, какъ актерамъ, такъ и зрителямъ. Вообще, дѣйствующія лица на сценѣ должны отличаться благонравіемъ: напримѣръ, справедливые и добрые мужья, покорныя жены, кроткіе и послушныя дѣти.

Женскія роли на сценѣ всегда исполняются мужчинами.

Кромѣ сценическихъ представленій, актеры исполняютъ иногда и акробатическія, которыми они удивляли и европейскихъ путешественниковъ.

Кукольныя комедіи въ Китаѣ также очень искусны. Замѣчательно также, что въ Китаѣ есть цѣлыя труппы актеровъ — дѣтей.

Званіе актера въ Китаѣ не пользуется уваженіемъ. Мандарину за женитьбу на актрисѣ законъ грозитъ бамбуковыми палками.

---

* Это обѣдъ, такъ сказать, оффиціальный, отъ котораго впрочемъ отступаютъ, каждый по своему вкусу; во всякомъ случаѣ, всѣ описанные европейскими путешественниками обѣды и пиры знатныхъ китайцевъ обнаруживаютъ въ послѣднихъ большую наклонность къ роскоши и гастрономическомъ удовольствіямъ.

Игра въ карты, кости (зернь) и банкъ также извѣстна китайцамъ, но считается неприличною; а въ шахматы, шашки и домино играютъ не только знатные мужскаго пола, но и дамы. Солдатамъ и должностнымъ чиновникамъ азардныя игры воспрещены. Изобличенный въ подобной игрѣ получаетъ восемдесятъ ударовъ, а поставленная имъ сумма конфискуется. Подобнымъ образомъ наказывается и хозяинъ, позволившій въ своемъ домѣ такую игру; случалось даже, что и дома такого хозяина конфисковались. Изобличенные въ игрѣ чиновники наказываются еще строже. Но простой народъ играетъ въ карты даже на улицахъ, а въ кости проигрываютъ иногда даже женъ и дѣтей, если вѣрить путешественникамъ (хотя по словамъ отца Іакинѳа не только игра въ карты, но и самое дѣланіе картъ вообще запрещены.) Пари за пѣтуховъ и перепелокъ въ Китаѣ очень обыкновенны; но эти развлеченія обыкновенны только между простымъ народомъ. Карточныя игры, говорятъ, разнообразнѣе европейскихъ; но шулерство и вообще игра par profession или по страсти считается преступленіемъ.

Охотой занимаются въ Китаѣ не только какъ предметомъ развлеченія, но отчасти даже по долгу, предписываемому ученіемъ Конфуція. Ею занимаются особенно на сѣверныхъ и западныхъ границахъ, гдѣ отъ руки земледѣльца еще уцѣлѣли обширные лѣса, наполненные медвѣдями, волками, тиграми, оленями и другими пушными звѣрями. Впрочемъ, правительство считаетъ охоту какъ-бы особенно свойственною военному классу; и потому въ охотахъ этого класса иногда участвуютъ нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Гораздо важнѣе для Китая рыбная ловля, которою живутъ цѣлые милліоны его народонаселенія. На берегахъ Южнаго моря, она составляетъ обыкновенное занятіе прибрежныхъ жителей; многіе изъ нихъ, на очень неискусныхъ судахъ, удаляются отъ береговъ иногда на цѣлый день пути, но часто во время сильной волны, гибнутъ тысячами. Въ подобныхъ предпріятіяхъ участвуютъ даже женщины и дѣти.

Обыкновенныя орудія для рыбной ловли состоятъ изъ различныхъ сѣтей и удокъ; но особенно замѣчательна рыбная ловля или охота съ бакланами, которые, по данному знаку, бросаются въ воду и, схвативъ рыбу, приносятъ ее на судно къ своему господину; бакланъ всегда отличаетъ лодку своего хозяина отъ чужой, даже между сотнею похожихъ на нее. Говорятъ, что если одна птица схватитъ слишкомъ большую рыбу, то другая помогаетъ ей. Во время охоты, хозяинъ надѣваетъ на шею птицы кольцо, такъ что она ничего не можетъ проглотить. Не менѣе любопытна и другая хитрость: на двѣ длинныя и узкія лодки приколачиваютъ доску, фута въ два ширины, покрытую бѣлымъ блестящимъ лакомъ, и косвенно направленную къ зеркалу воды. Это дѣлается ночью при лунѣ, лучи которой сообщаютъ доскѣ еще болѣе блеска; такъ что рыбы, обманываясь этимъ блескомъ, выпрыгиваютъ изъ воды и попадаютъ въ лодки. Солдаты во многихъ мѣстахъ убиваютъ плавающихъ рыбъ своими стрѣлами, которыя прикрѣпляются въ такомъ случаѣ къ луку и снабжены крючкомъ, такъ что вмѣстѣ съ добычей ихъ легко можно вытащить изъ воды.

Искусственное разведеніе рыбы въ прудахъ также очень развито въ Китаѣ. Золотыя рыбы составляютъ предметъ особенной заботливости, особенно въ прудахъ, находящихся въ увеселительныхъ садахъ князей и вельможъ. Чѣмъ меньше рыбка, тѣмъ считается она красивѣе. Золотыя рыбки отличаются необыкновенною живостію и такъ чувствительны, что умираютъ отъ одного сильнаго толчка въ сосудъ, въ которомъ онѣ находятся. Разводимыя въ прудахъ бываютъ больше, и иногда, по извѣстному звуку, являются на поверхности воды. Зимой ихъ вовсе не кормятъ; въ противномъ случаѣ онѣ могутъ заболѣть.

Изъ птицъ, кромѣ баклановъ, замѣчательны разводимыя въ Китаѣ утки: ихъ выводятъ изъ яицъ въ печкахъ или въ навозѣ, подобно тому, какъ древніе египтяне выводили куръ. Выведенныхъ такимъ образомъ утятъ перевозятъ къ отлогому морскому берегу. Тутъ они ловятъ устрицъ, раковинъ и морскихъ насѣкомыхъ. Хотя тутъ смѣшиваются стада не одного хозяина: но какъ скоро хозяинъ извѣстной лодки ударитъ въ тазъ, то его стадо опрометью бросается къ своей лодкѣ. Подобныя суда съ стадами утокъ плаваютъ и по рѣкѣ въ Кантонѣ. Хозяинъ выпускаетъ ихъ на воду съ самого утра; а вечеромъ сзываетъ посредствомъ колокольчика. Тогда утки спѣшатъ наперерывъ одна передъ другой, потому-что послѣднимъ всегда достанется нѣсколько бамбуковыхъ палокъ. На этихъ судахъ онѣ и выводятся; а такъ какъ утки сами не насиживаютъ, то онѣ даютъ яйца почти каждый мѣсяцъ.

Изъ четвероногихъ животныхъ въ Китаѣ особенно разводятся свиньи; — въ противоположность всему мусульманскому Востоку, свиное мясо китайцы очень любятъ; говорятъ, что китайское свиное мясо вкуснѣе мяса европейскихъ свиней; особенно славятся ихъ окорока. Китайскія свиньи нѣсколько меньше нашихъ; ноги у нихъ коротки, но мясо бѣлое и нѣжное.

Рогатый скотъ; буйволы, козы и овцы разводятся только незначительными стадами, потому-что всѣ эти животныя отнимаютъ много земли отъ земледѣлія.

Изъ насѣкомыхъ, которыми китайцы пользуются, частію для пищи, частію для украшеній, особенно замѣчательны шелковыя черви.

Въ провинціи Шанъ-Тонъ, на всѣхъ деревьяхъ и кустарникахъ разводятъ гусеницу, которая доставляетъ шолкъ, превосходящій своею прочностью даже обыкновенный шолкъ, хотя и не такъ красивый; цвѣта черноватаго и темносѣраго. Гусеница питается букомъ и дубомъ.

Собственно шолковыя черви двоякаго рода: одни живутъ на открытомъ воздухѣ, на особенныхъ кустарникахъ (не-санъ), на которые кладутся только-что выползшіе черви: ихъ шолкъ нѣсколько лучше перваго. Въ этихъ рощахъ, проложены дорожки для очищенія деревъ и для удаленія птицъ. Доставляющіе-же настоящій шолкъ разводятся на тутовыхъ деревьяхъ. Впрочемъ, китайцы воспитываютъ ихъ въ особенныхъ зданіяхъ. Для этого, снимаютъ съ деревьевъ листья; зданіе выстраиваютъ на сухомъ грунтѣ, возлѣ ручья, удаляя отъ него нечистоту, шумъ и крикъ, потому-что лай собакъ или крикъ пѣтуховъ

пугаетъ червей. Комната должна быть тепла и свѣтла. Мухи и тому подобныя насѣкомыя также вредны для шолковыхъ червей. Въ комнатѣ, черви расположены этажерками. Впрочемъ, входить въ подробности этого предмета здѣсь было-бы неумѣста. Замѣтимъ только, что какъ разведеніе и воспитаніе шелковичныхъ червей и деревъ, такъ и обработка самого шолка въ Китаѣ стоятъ на такой ступени развитія, какъ ни въ одномъ государствѣ*. Нигдѣ не употребляется шолка столько, сколько въ Китаѣ. Солдатское форменное платье дѣлается изъ шолка; платье мандариновъ и женщинъ также по большой части шолковое. Но обратимся къ подробнѣйшему разсмотрѣнію одежды и внѣшности китайцевъ.

Наружность китайца не обѣщаетъ тѣхъ кроткихъ и лживыхъ свойствъ, какія обыкновенно приписываются имъ многими путешественниками. Китайцы вообще народъ крупный, крѣпкаго сложенія, съ сильнымъ развитіемъ мускуловъ, широкою грудью и такими же плечами. Многіе изъ нихъ могли-бы въ этомъ отношеніи служить моделями для статуи Геркулеса. Прибавьте къ тому почти четвероугольную форму лица, хорошо развитыя переднія, среднія и заднія части головы, по большой части очень живые темнокаріе глаза, съ высокими бровями; волосы черные и иногда замѣчательной длины; цвѣтъ лица— въ высшемъ сословіи, нѣжной бѣлизны съ румянцемъ, а въ низшемъ, именно въ южныхъ провинціяхъ, смуглый, какъ у неаполитанскихъ моряковъ, и мы имѣемъ передъ собой физіономическія черты, обнаруживающія энергическую натуру. Только косвенный разрѣзъ глазъ доказываетъ монгольское происхожденіе этого народа; всѣ прочія черты напоминаютъ намъ если не кавказскую, то близкую къ ней, дѣятельную расу. Четвероугольная форма лица считается у Китайцевъ красивою только для мужчинъ, а женщины, по крайней мѣрѣ какъ видно изъ произведеній живописи и пластики, всегда отличаются прекраснымъ овалomъ и маленькимъ ртомъ. Тѣ изъ нихъ, которыя подвергаются обычаю искусственно давать ногамъ уродливыя и миньятюрныя формы—эти «золотыя лиліи», по выраженію поэтовъ, отличаются тонкими формами и нѣжными чертами лица. Героини романовъ и у китайцевъ обладаютъ нѣжною бѣлизною кожи, глазами какъ листья молодой ивы; онѣ легки какъ ласточки; ихъ походка и позы всегда невыразимо граціозны; глаза влажные, какъ осеннія воды: онѣ полны чувства и жизни; ихъ талія нѣжна какъ тростникъ, но гибка и стройна какъ колонна изъ яшмы; въ блескѣ ихъ волосъ можно смотрѣться, какъ въ зеркалѣ.

Длинные, черные и густые волосы и у китайцевъ считаются украшеніемъ женщинъ; но мужчины носятъ только длинную косу, оста-

---

* Какъ государь совершаетъ ежегодно обрядъ въ честь *изобрѣтателя землепашества*, такъ государыня, въ честь *изобрѣтательницы шелководѣлія*, также ежегодно, въ апрѣльской лунѣ, исполняетъ *церемоніалъ шелководѣлія*, состоящій въ жертвоприношеніи и потомъ, на другой день, въ срываніи вѣтокъ съ тутовыхъ деревъ. Незнакомые съ подробностями этого церемоніала могутъ прочесть ихъ въ сочиненіи монаха Іакинѳа «Китай въ гражданскомъ и нравственномъ состояніи.»

вляя волосы на маковкѣ, а остальные сбривая каждую недѣлю. Женщины низшаго класса свиваютъ ихъ въ одинъ узелъ, прикрѣпляя его сзади головы лентами и иглами. У дамъ высшаго класса, прическа разнообразнѣе: какъ извѣстно, онѣ зачесываютъ волосы отъ лба къ маковкѣ, свивая ихъ здѣсь или въ нѣсколько буклей, или въ продолговатые и круглые узлы сзади головы, между тѣмъ какъ по плечамъ они падаютъ роскошными кудрями или локонами. Иногда, на верху лба, онѣ носятъ особенныя украшенія изъ золота, въ видѣ коралловъ или огненныхъ волнъ, а по бокамъ головы — какіе-нибудь цвѣты, нити жемчуга и пестрыя ленты; иногда эти ленты, съ разными металлическими украшеніями, вплетаются въ верхнюю толстую буклю. Иныя носятъ шолковыя шапочки, съ металлическою діадемою, съ металлическими, шелковыми или естественными цвѣтами. Нѣкоторыя носили когда-то изображеніе миѳической птицы. Изъ Монголіи ежегодно вывозится множество красивыхъ бабочекъ, которыми дамы также украшаютъ свои волосы. Особенныя иглы, называемыя Ки, женщины носятъ только съ извѣстнаго возраста. Окладистая борода и усы составляютъ украшеніе мужчинъ — первая съ 40, а вторые съ 30-го года.

Уродливое сжатіе женскихъ ногъ составляетъ особенность многихъ китайскихъ женщинъ только высшаго класса. Вскорѣ послѣ рожденія дѣвушки, мать подгибаетъ пальцы на ея ногахъ подъ подошвы, перевязывая ихъ лентами; и не смотря на воспаленіе, ни на ужасную боль, лентъ не снимаютъ даже на ночь. Мало-по-малу пальцы совершенно приростаютъ къ подошвѣ, такъ что на ногахъ взрослой женщины они какъ-будто совсѣмъ отрѣзаны, а вся нога ея развивается вдвое менѣе естественнаго развитія ногъ у европейскихъ женщинъ (принимая среднюю величину ногъ европейской женщины въ девять дюймовъ). Начиная отъ пятки, нога болѣе и болѣе съуживается. Изуродованная такимъ образомъ нога сначала обвивается льняным холстомъ, потомъ обувается въ пестрый шолковый, остроконечный башмакъ, шитый золотомъ, съ бѣлой подошвой; отъ косточекъ до икры, она также обвивается широкими, пестрыми, шолковыми, шитыми серебромъ лентами.

Румяна и бѣлила въ большомъ употребленіи болѣе у женщинъ низшаго класса. Натерши бѣлилами лицо и шею, онѣ намазываютъ себѣ, кромѣ того, на срединѣ нижней губы темнокрасное пятно, дабы ротъ казался меньше. Въ числѣ подарковъ, получаемыхъ дѣвушкой въ день свадьбы, непремѣнно даются и особеннаго рода румяна.

Нижніе ряды волосъ своихъ черныхъ бровей китаянки подстригаютъ такъ, что оставшаяся дуга бровей образуетъ какъ-будто проведенную кистью линію.

Золотыя съ разноцвѣтными камнями китайскія серьги, по величинѣ своей, ничѣмъ не отличаются отъ европейскихъ. Браслеты во всеобщемъ употребленіи у всѣхъ дамъ высшаго класса; напротивъ того, кольца встрѣчаются рѣдко.

Дамскія опахала очень разнообразны. Самыя простыя дѣлаются изъ большихъ листьевъ различныхъ растеній. Зонтики отъ дождя и

солнца дѣлаются изъ масленистой бумаги и, по своему устройству, очень походятъ на наши.

Въ низшемъ классѣ, одежда мужчинъ и женщинъ одинакова. Это, во-первыхъ, лѣтомъ широкіе штаны изъ бумажной матеріи и рубашка, а зимой, сверхъ того, достающій за колѣна широкій кафтанъ съ длинными рукавами, или такъ называемая курма — полукафтанъ, однобортный и похожій на греческую рясу. На шеѣ, онъ застегивается; на груди, подпоясывается. Это костюмъ земледѣльцевъ, моряковъ и носильщиковъ. Шляпы, у мужчинъ этого класса, или круглыя какъ полушарія, безъ полей (лѣтомъ), или остроконечныя, или воронкообразныя, съ поднятыми въ видѣ околыша полями (зимой и осенью) — приготовляются изъ бамбуковаго тростника или изъ соломы. Для защиты отъ дождя, употребляются особенные плащи, изготовленные изъ травы и рогожъ. Зимой, ходятъ въ бумажныхъ чулкахъ и башмакахъ, у которыхъ подошвы дѣлаются изъ соломы; но съ наружной стороны, эти подошвы настилаются кожей, а съ внутренней бумажною матеріей или кожей, такъ что бываютъ толщиною въ дюймъ; верхняя часть дѣлается изъ бумажной матеріи, иногда сложенной въ нѣсколько слоевъ и всегда покрываемой сплетенными древесными волокнами. Носки въ нихъ заворачиваются вверхъ. Словомъ, китайскіе башмаки легки и теплы.

Люди съ состояніемъ, даже простолюдины, не смотря на законъ — носить все одѣяніе китайчатое,—носятъ шолковую одежду; кромѣ сейчасъ обозначенныхъ частей, составляющихъ исподнее платье, каждый разрядъ высшаго класса носитъ, смотря по чину, длинные, великолѣпные, съ длинными рукавами, шолковые кафтаны или курмы, зимой подбиваемые мѣхами и ватой. Иногда ихъ шьютъ изъ бархата, съ роскошно вышитыми абшлагами. На шолковомъ поясѣ, цвѣтомъ котораго также различаются классы, носятъ кисеты, часы, а въ новѣйшее время длинные, пестрые, шелковые платки. Шелковая, полукруглая, шитая золотомъ шапка украшается сверхъ того длинною, красною шолковою кистью, а для отличія чина, какимъ-нибудь цвѣтнымъ камнемъ или шарикомъ, который въ мундирной формѣ носится на конической шляпѣ. Впрочемъ, костюмъ высшаго класса бываетъ трехъ родовъ: форменный, парадный и церемоніальный; каждый изъ нихъ, разумѣется, имѣетъ свое отличіе.

Сапоги у людей высшаго класа шьются изъ китайки, покрытой шолкомъ; подошвы у этихъ сапоговъ — также изъ китайки, и такъ тонки, что складываются свободно.

Перчатокъ китайцы не носятъ, замѣняя ихъ длинными рукавами, закрывающими оконечности пальцовъ. Но наушники зимой въ большомъ употребленіи, даже между простымъ народомъ.

Вообще, кожъ китайцы употребляютъ мало; а мѣха получаютъ преимущественно изъ сѣверныхъ провинцій. Мѣшки, чемоданы, подушки, башмаки и другія вещи, на которыя у насъ идетъ кожа, въ Китаѣ изготовляются изъ тканей, деревъ и т. п. Шерстяныя ткани также не очень распространены; но войлоки приготавливаются и потребляются въ большомъ количествѣ.

Гораздо болѣе распространены обработка и потребленіе шолковыхъ

издѣлій. Правительство обращало на этотъ предметъ особенное вниманіе съ древнѣйшихъ временъ. Наилучшій шолкъ производится въ провинціи Шекіанъ, а лучшія шолковыя матеріи изготовляются въ Кіанънау. — Многія изъ китайскихъ шелковыхъ издѣлій отличаются удивительною тонкостью. — Замѣчательно, что въ китайской парчѣ нѣтъ золотыхъ нитей; вмѣсто ихъ, китайцы накладываютъ позолоченную бумагу; такія издѣлія на видъ хороши, но непрочны. — Изъ шолка, китайцы приготовляютъ разнаго рода газы, тафту, атласъ, превосходный бархатъ, съ узорами и безъ узоровъ; красный бархатъ дороже всѣхъ другихъ сортовъ. — Шолковыя издѣлія дамскаго вышиванья отличаются искусствомъ и вкусомъ.

Приготовленіе красокъ также составляло искони предметъ особенной внимательности для китайской промышленности. Китайская черная тушь пользуется всемірною извѣстностью. Вообще, красильное искусство въ Китаѣ нерѣдко возбуждаетъ удивленіе европейцевъ.

Обработка растительныхъ и минеральныхъ веществъ въ Китаѣ развита не менѣе другихъ отраслей промышленности. Китайская мебель, несмотря на недостатокъ лѣса, отличается легкостью, прочностью и изяществомъ рисунковъ и узоровъ. Дерево, пенька, ленъ, тростникъ, металлы, хлопчатая бумага и т. д. — все это въ Китаѣ обработывается тщательно и съ замѣчательнымъ искусствомъ. Бумага употребляется не только для письма, но и для салфетокъ, мѣшковъ, обоевъ, оконъ, зонтиковъ и м. д. предметовъ, и притомъ разнообразныхъ цвѣтовъ, и размѣровъ.

Китай очень богатъ металлами, камнями, каменнымъ углемъ и другими минералами, и китайское горнодѣліе очень значительно. Золото и серебро добываются, впрочемъ, въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ представляетъ ихъ природа, потому-что правительство считаетъ опаснымъ для народной нравственности пускать въ ходъ значительныя массы этихъ металловъ. Желѣзо и олово потребляются въ огромномъ количествѣ и очень дешевы. Обработка мѣди, особенно въ видѣ бронзы, также отличается искусствомъ. Особенность китайскаго горнодѣлія составляетъ бѣлая мѣдь; при хорошей обработкѣ, она имѣетъ видъ серебра. Каменный уголь, по недостатку лѣса, составляетъ главный горючій матеріялъ въ Пекинѣ и другихъ сѣверныхъ мѣстностяхъ. Соль добывается вездѣ, гдѣ только представляетъ ее природа — изъ морской воды, равно какъ и на сушѣ. Не входя въ подробности обработки металловъ, замѣтимъ только, что по мнѣнію европейскихъ знатоковъ этого дѣла, наблюдательность, изобрѣтательность и вкусъ китайцевъ являются здѣсь особенно въ благопріятномъ свѣтѣ. Тоже замѣчаютъ и о глиняныхъ издѣліяхъ. Китайское стекло ниже нашего, но къ чести Китая, должно замѣтить, что и оно изобрѣтено самимъ Китаемъ, и что многія китайскія издѣлія въ этомъ родѣ, по своему искусству, заслуживаютъ одобреніе европейцевъ. Стекло извѣстно въ Китаѣ по крайней мѣрѣ уже около двухъ тысячъ лѣтъ, хотя болѣе распространилось только въ недавнее время. Китайскій фарфоръ, приготовляемый теперь во всѣхъ частяхъ Европы, за исключеніемъ

Турціи, до 1704 года составлялъ предметъ удивленія всѣхъ европейцевъ и пользовался почетнымъ мѣстомъ въ кунсткабинетахъ европейскихъ государей и вельможъ; а въ Китаѣ онъ былъ извѣстенъ уже съ древнѣйшихъ временъ. Французскіе миссіонеры замѣчаютъ, что въ Китаѣ онъ былъ изобрѣтаемъ нѣсколько разъ и что изобрѣтеніе это погибало неоднократно во время государственныхъ переворотовъ. Въ настоящее время, онъ все еще пользуется первенствомъ, сравнительно съ европейскимъ; что же касается до обработки изъ него различныхъ сосудовъ, то и въ этомъ отношеніи, изобрѣтательность и вкусъ китайцевъ достойны уваженія. Формы китайскихъ фарфоровыхъ вазъ отличаются благородною естественностію и простотою. Грубый фарфоръ употребляется на кровли и на обдѣлку внѣшнихъ сторонъ стѣнъ пагодъ и загородныхъ домовъ.

Такимъ образомъ, почти во всѣхъ отрасляхъ матеріяльнаго быта, китайцы обнаруживаютъ энергическую наклонность и замѣчательную способность къ цивилизаціи; въ этомъ отношеніи, имъ принадлежитъ первенство предъ всѣми прочими народами Востока. Съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что въ стремленіи своемъ къ юридической опредѣленности взаимныхъ человѣческихъ отношеній, они впали въ нелѣпую щепетильную форменность и другіе недостатки; но эта нелѣпость и другіе недостатки значительно вознаграждаются и смягчаются высшимъ развитіемъ умственныхъ, нравственныхъ и эстетическихъ наклонностей и способностей, особенно въ высшемъ классѣ, не только между мужчинами, но и женщинами. Словомъ, при всѣхъ странностяхъ и грубостяхъ китайской цивилизаціи, мы все-таки отдаемъ ей, во всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами отрасляхъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, преимущество предъ всѣми прочими восточными народами. Ближайшее сравненіе высшихъ сторонъ китайской и восточно-кавказской цивилизаціи составитъ предметъ слѣдующей статьи. Мы увидимъ, что въ самой основѣ китайской цивилизаціи — въ ученіи Конфуція лежитъ фондъ для всесторонней цивилизаціи. Мы увидимъ, что самое шаманство далеко не такъ страшно и не такъ нелѣпо, какъ какой-нибудь буддизмъ.

АМЕРИКАНСКІЕ ПУФФЫ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОБЪ АМЕРИКѢ

П. И. Каменскаго.

Врядъ-ли есть въ общественной жизни, въ области наукъ и искусствъ, въ какомъ-бы-то ни было родѣ дѣятельности человѣческой, хоть одинъ предметъ, надъ которымъ американская наклонность къ надуванью не позабавилась-бы уже, или не пожелала-бы позабавиться, при первомъ удобномъ случаѣ. У американцевъ, есть даже свое слово для выраженія этой невинной наклонности, это слово: «humbug». Я не говорю, чтобъ оно не существовало прежде въ англійскомъ языкѣ, но оно не такъ усвоено и не такъ часто употребляется англичанами, какъ американцами. Оно не значитъ только фарсъ, обманъ, пуффъ, утка, (canard), шарлатанство, но иногда все это вмѣстѣ, а иногда что-то легче каждаго изъ этихъ словъ, взятаго порознь. Микроскопическимъ оттѣнкамъ употребленія слова «humbug», я не научился и въ полтора года, да едва-ли, не родясь американцемъ, и можно когда-либо выучиться. Примѣры, слѣдующіе далѣе, объяснятъ это лучше.

Есть у американцевъ и представитель этой пуффической дѣятельности, есть расточитель «хёмбёговъ», это мистеръ Барнумъ.

Мистеръ Барнумъ первѣйшій шарлатанъ въ мірѣ, шарлатанъ изъ шарлатановъ, изъ американскихъ первый американскій шарлатанъ, какихъ еще не было и врядъ-ли когда-нибудь и гдѣ-нибудь будутъ. Передъ нимъ, всѣ эти ловкіе негодяи стараго и новаго свѣта, настоящаго и прошедшаго времени, недоучки, просто новички въ дѣлѣ.

Зная очень хорошо натуру американскую, жадную до всего новаго и необыкновеннаго, жадную, какъ ни одна изъ націй, мистеръ Барнумъ ежедневно этой американской прожорливости подставляетъ такія кушанья, какія она одна только и можетъ глотать, не поморщившись. Этотъ человѣкъ не щадитъ ни труда, ни денегъ, ни совѣсти для того, чтобъ отыскать и показать что-нибудь новенькое. Онъ готовъ на самыя низкія, плутовскія, даже злыя мѣры, чтобъ открыть, или выдумать и пустить въ ходъ какое-нибудь чудо. Часто это чудо, превесело раскланивающееся передъ изумленной публикой, выходитъ изъ самой страшной пытки его корыстолюбиваго тиранства. Но войдемте въ музеумъ мистера Барнума: право, это стоитъ ...

Прежде, его наружность, этого Barnum's American Museum. На углу «Park place» и Бродве, стоитъ шести-этажный домъ. Снизу до верху, такъ-что нѣтъ живаго мѣста, всѣ простѣнки, ниши, пилястры, двери, балконы, входы и выходы, даже окна залѣплены и завѣшаны колоссальными и миніатюрными, постоянными и ежедневно перемѣняющимися вывѣсками и объявленіями. На одномъ изъ угловыхъ балконовъ, отъ двѣнадцати часовъ до пяти послѣ-обѣда, каждый день, кромѣ воскресенья, для приманки публики — музыка. Это вновь прибылые артисты съ континента, о которыхъ я уже говорилъ и которые за шиллингъ доживаютъ свое музыкальное призваніе, смотря по тому, на сколько времени станетъ ихъ инструмента. Изъ музеума Барнума, для нихъ одинъ выходъ—на мостовую, тутъ-же передъ музеумомъ. Изъ музыкантовъ въ мостовщики — плитнякомъ, по новой системѣ—улицы Бродве. Мы вошли въ музеумъ.

Прямо, лѣстница, вечеромъ освѣщенная á la кіа-кинъ, — это входъ въ лабиринтъ диковинокъ Барнума. Но есть такія, которыхъ нельзя помѣстить въ верхнихъ этажахъ, или по величинѣ, или по особенному ихъ свойству, и потому онѣ тутъ-же, у самого входа. *№ 1, допотопный драконъ*, въ шестдесятъ футовъ длины, котораго сколотилъ мистеръ Барнумъ изъ разныхъ костей, по системѣ тоже доморощеная, американскаго Кювье, мистера Ильса, и чуть-было не обморочилъ самой науки. Въ этомъ оставѣ, смѣло можно сказать, половина костей изъ реберъ и лопатокъ ростбифовъ, которые съѣлъ мистеръ Барнумъ въ компаніи съ своимъ достойнымъ сотрудникомъ-зоологомъ, мистеромъ Ильсомъ.

Налѣво, дверь. Вывѣска: «*Сирена*». Боже мой! Неужели я увижу сирену? Неужели это одна изъ тѣхъ, которыя провожали Улиса на обратномъ его странствованіи въ Итаку ... хоть какая-нибудь дальняя родственница ... Потомокъ хоть по мужской линіи ... Въ породѣ сиренъ, она младшая ... Вхожу, смотрю ... дѣйствительно плаваетъ какая-то женщина-рыба, въ огромномъ чану, футовъ въ пятнадцать въ діаметрѣ, и поетъ, но не человѣческимъ голосомъ, безъ словъ, разумѣется, и что поетъ, Богъ ее вѣдаетъ. Только-что и понимать Улису мудрому съ греками храбрыми ... Признаюсь, сирена меня и удивила, и заинтриговала, такъ-что черезъ три-же дня я отправился снова посмотрѣть на нее. Не тутъ-то было, вывѣска снята, дверь заперта, сирена изчезла, или, вѣрнѣе, какъ пришла, такъ и ушла. Прежде ея квартира была въ «Walcker Street» *№ 45*, а теперь «Cezar Street» *№ 48*; но тоже ремесло, таже женщина, безъ рыбьяго только хвоста, который придѣлалъ ей волшебникъ Барнумъ и морочилъ ею Нью-Іоркъ болѣе трехъ мѣсяцевъ.

Я поднялся съ горя вверхъ по лѣстницѣ. Залы одна другой великолѣпнѣе и обширнѣе. Въ шкафахъ, и просто такъ, бездна чудесъ природы. Невѣроятно даже, чтобъ частный человѣкъ могъ скупить и составить такой музеумъ рѣдкостей. Но всѣ его крокодилы, змѣи, колибри, больше или меньше выродки натуры, по-крайней-мѣрѣ такъ кажется. За исключеніемъ однакожъ настоящаго, *живаго оранъ-утанга*. Этотъ просто молодецъ. Въ очкахъ, читаетъ газеты и держитъ коррек-

туру журнала, точь въ точь, какъ мистеръ Бенетъ, издатель The New Iork Herald, съ которымъ поссорился мистеръ Барнумъ, а орангъ-утангъ мститъ за своего хозяина и передразниваетъ мастерски Бенета. Но вотъ восковой кабинетъ. Чего и кого тутъ нѣтъ! Всѣ знаменитые завоеватели, всѣ знаменитые разбойники, всѣ знаменитые воры. Аттила чуть не даетъ руки Наполеону. Ринальдо Ринальдини улыбается привѣтно Ропу. Картушъ зоветъ просто въ *баръ* Вильса, только-что и при мнѣ повѣшаннаго вора и убійцу въ Мариландѣ. Эти отдѣльныя фигуры заканчиваются группою двухъ знаменитыхъ бойцовъ, Хаэра и Солимана: у одного оторвана щека, у другого выбитъ глазъ ... удивительно вѣрно ... За этой группою, слѣдуетъ уже цѣлая живая картина, въ которой болѣе тридцати восковыхъ фигуръ — это *Судъ Саломона*. Все удивительно, но удивительнѣе всего ребенокъ. Онъ сдѣланъ съ натуры, говоритъ вамъ янки-чичероне. Что? — Съ того самаго ... Не успѣешь еще хорошенько усомниться въ достовѣрности свидѣтельства янки-чичероне, какъ вамъ показываютъ уже диво еще дивнѣе — портретъ съ *будущаго* сына королевы Помаре ... Да чего не показываютъ въ музеумѣ Барнума!

Рядомъ съ восковымъ кабинетомъ, — камера фантасмагорическая. Я не буду вамъ разсказывать о знаменитостяхъ Рима и Греціи, Франціи и Италіи, земли славянской и Вандименовой. Я ихъ всѣ видѣлъ, кромѣ Святослава. Въ этой фантасмагорической камерѣ — я видѣлъ вещь самую новую, свѣжую, животрепещущую, я видѣлъ несчастнаго капитана Франклина, со всѣмъ его экипажемъ и товарищами. Является все, какъ извѣстно, чего ни попросишь, по желанью ученика и мановенію учителя. Но что всего страннѣе, что и у Франклина есть свой Каліостро, и вы видите, какъ Франклинъ, сидя въ тюленьей шкурѣ, желаетъ, а кудесникъ вызываетъ то жену его и дѣтей, то будущихъ его спасителей, между которыми впрочемъ являются тѣни Лаперуза, Кука, и Росса, и собакъ, и оленей; словомъ видно, что и Каліостро Франклина, и мой чичероне, и самъ Барнумъ сбиваются въ показаніяхъ, дѣлаютъ анахронизмы, но все-таки очень интересно.

Изъ міра фантасмагоріи я перешелъ въ міръ дѣйствительный, но сберегая здоровье моего мозга, а главное желчи, и чтобъ не сдѣлать слишкомъ рѣзкаго перехода, я, по назначенію впрочемъ афиши, вошелъ въ микроскопическо-реальный міръ, тутъ-же въ третьемъ этажѣ, въ театръ *Томъ-семба* (Tom Thumb), Томъ-Пуса, какъ хотите его называйте, этого милаго карлика, граціознаго Пуса, дивнаго созданья, но все-таки созданья мистера Барнума.

Представьте себѣ четырехъ-лѣтняго ребенка свѣжаго, здороваго, веселаго, съ формами совершенно развитыми, притомъ ловкаго, развязнаго и умнаго, и вы будете имѣть понятіе объ этомъ карликѣ, которому уже семнадцать лѣтъ. Томъ-сёмбъ уменъ, какъ большой, остеръ, какъ большой и даже какъ немногіе большіе. Томъ-сёмбъ играетъ въ шахъ и матъ, танцуетъ жигу, польку. Томъ-сёмбъ поетъ, хотя дѣтскимъ голосомъ, но очень вѣрно. Томъ-сёмбъ, одѣтый въ трико, пред-

ставляетъ разныя академическія позы, начиная отъ амура до геркулеса и вѣренъ, точенъ, граціозенъ до совершенства. Томъ-сёмбъ то шотландецъ голоногій, то самый чопорный денди, то Валасъ, то Наполеонъ, то самый зрѣлый и опытный человѣкъ, то самый пріятный и естественный ребенокъ. Прекрасные голубые глаза дѣлаютъ его еще милѣе, и одна только слегка обозначающаяся поднова на бородѣ служитъ признакомъ его истиннаго возраста. Онъ объѣхалъ всю Европу (вмѣстѣ съ мистеромъ Барнумомъ). Въ Парижѣ, на вопросъ короля: «говоритъ-ли онъ по-французски?» Томъ-сёмбъ отвѣчалъ: «a little» и вскрикнулъ: «vive le roi des Français!» Вотъ что̀ такое Томъ-сёмбъ ... На маленькомъ театрѣ, въ музеумѣ Барнума, Томъ-сёмбъ, вмѣстѣ съ другими артистами, даетъ цѣлыя представленія и корчитъ то англійскихъ докторовъ и адвокатовъ, то деревенскихъ янки, съ очтетливостію и комизмомъ, такъ что отъ хлопанья театръ трещитъ. Вотъ что̀ такое Томъ-сёмбъ. На улицѣ, вы встрѣчаете его не иначе, какъ въ каретѣ. Карета аршинъ отъ земли; *пони*, что̀ мчатъ ее, такъ малы, что подумаешь, котята. Кучеръ и лакей малютки. Четыреста восемдесятъ омнибусовъ, что снуютъ ежесекундно по Бродве, съ почетомъ даютъ дорогу Томъ-сёмбу. Цѣлый полкъ мальчишекъ, будущихъ ситизенсовъ, сопровождаетъ его. Вездѣ радость, веселье, хлопанье, ура ... Вотъ что такое Томъ-сёмбъ. А все-таки этотъ Томъ-сёмбъ, при всей его знаменитости, созданье шарлатанства американскаго и неболѣе, какъ дитя тиранизма и корыстной изобрѣтательности мистера Барнума. Какъ это? Что это? Печальная страница исторіи настоящей жизни человѣчества, прочитавъ которую совершенно равнодушно проходишь мимо *великана въ восемь футовъ* вышины и *великанши* съ Лыткина, а также и *двухъ братьевъ толстяковъ*, десяти и двѣнадцати лѣтъ, изъ которыхъ каждый вѣсомъ 280 фунтовъ, оба родомъ изъ Хайгланда, что въ Шотландіи, которыхъ добылъ и откормилъ тотъ-же самый мистеръ Барнумъ. Непонятно одно, какимъ образомъ при разницѣ роста и лѣтъ, эти два мамонта сохраняютъ одинаковый вѣсъ; вѣроятно, что и вѣсы изобрѣтенья того-же мистера Барнума. Тутъ-же показываются «*Маіоръ мальчикъ съ пальчикъ, Титанія, царица фей*», которые оба меньше Томъ-сёмба, но отвратительны и нисколько неинтересны. Тутъ-же можно опять слышать какую-нибудь *компанію черномазыхъ менестрелей* и видѣть нашего стараго знакомаго *Ризлея*, который никогда-бы не побывалъ ни у насъ, ни въ Европѣ, можетъ-быть вовсе не былъ-бы и извѣстенъ въ кругу ему подобныхъ артистовъ, если-бъ не тотъ-же самый Колумбъ міра шарлатанства, не тотъ-же самый Барнумъ.

Лучше всего вѣнчаетъ этотъ вертепъ грязныхъ искусствъ, уродовъ и пуффовъ американскихъ, словомъ этотъ музеумъ — «Miss Rockwell» ворожея, колдунья, сивилла нью-іорская. Она тутъ-же и за одно съ мистеромъ Баруномъ надуваетъ публику. Это его кумушка. Сколько семейныхъ тайнъ, высказанныхъ по глупости, сколько браковъ разстроенныхъ, сколько честныхъ женщинъ, сбитыхъ съ пути истинны, и все это мастеритъ Miss Rockwell, по инструкціямъ мистера Бар-

нума и подъ вліяніемъ американскаго суевѣрія, которое у нихъ всегда почти бываетъ спутникомъ безвѣрія.

Никакое презрѣніе, никакія насмѣшки, никакія законныя преслѣдованія не останавливаютъ мистера Барнума. Цѣлыя комедіи, ядовитыя сатиры и краснорѣчивыя кулачныя доказательства разражаются надъ его головой: ему все неймется, онъ только что богатѣетъ, а американскій народъ, насмѣявшись досыта въ Чамбертристскомъ театрѣ надъ его шарлатанствомъ, вывороченнымъ на изнанку, въ какой-нибудь піесѣ: «Where's Barnum, на другой же день идетъ снова глазѣть на диковинки того-же самаго битаго, но не разбитаго еще своего идола. А отчего? очень понятно: оттого-что каждый изъ американцевъ, съ немногими исключеніями, тотъ же самый Барнумъ, немного меньше или въ уровень своему идеалу, по крайней мѣрѣ, всегда съ большей или меншей наклонностью и средствами — достигнуть до него. Вся Америка — не Америка, а какая-то Барнумія, и во многихъ отношеніяхъ, Колумбъ еще и не открывалъ ея.

Ничто не дѣлается тамъ просто, и это отсутствіе простоты въ страшномъ сосѣдствѣ съ неблагонамѣренностію. Журналъ печатаетъ, что какой-то портретистъ доканчивалъ портретъ какого-то янки-джентельмена. Вбѣгаетъ собака этого господина, взглядываетъ на неоконченный портретъ, и принявъ эту голову за настоящую и отрубленную своего хозяина, бросается на мнимаго убійцу ... Этотъ убійца, палачъ, hangman, мистеръ Фирбсъ—величайшій художникъ въ свѣтѣ. И вотъ какіе онъ дѣлаетъ портреты, что собака узнаетъ васъ, если только есть у васъ собака ... Портретъ стоитъ пятьдесятъ доллеровъ. Canal street № 55. И неугодно-ли отправиться по указанію: тамъ сдѣлаютъ точно портретъ, но такой, что не только собака, да и самъ себя не узнаешь, а чего казалось-бы ближе. Но это хѣмбѣгъ только что надувательный,—бѣда, когда наука заражается тою же маніею пуффовъ и употребляетъ ихъ, какъ средство. Вотъ, напримѣръ, проклятая политипажная бутылка, которая просто бѣсила меня. Не было газеты, журнала, книги, въ которыхъ бы я не встрѣчалъ ея. А что это такое? Универсальное средство для всѣхъ половъ и возрастовъ, всѣхъ націй и климатовъ, во всѣ времена года, отъ всѣхъ возможныхъ болѣзней, это экстрактъ сарсапарилья, и рядомъ съ бутылкою изображаютъ вамъ умирающихъ, которыхъ возстановилъ сарсапариль. Всѣ доктора отказались, всѣ средства истощены, купили по фляжкѣ сарсапариллья и дѣло въ шляпѣ. Изъ приговоренныхъ къ смерти, они сдѣлались здравыми и невредимыми. *Параличный* таскаетъ тюки хлопчатой бумаги въ Саусъ-стритѣ. Тотъ, что былъ *въ водяной*, пьетъ мертвую, но его «brandy and water» не съ простой водой, а съ сарсапарильной, которая приготовляется, какъ limonade gazeuse, съ шипѣньемъ и хлопаньемъ. *Аневрическая* уѣхала въ Огаіо хозяйничать на ферму и не боится шума молотильни. А *Чахоточная* пляшетъ въ кордебалетѣ въ театрѣ Astor house, вмѣстѣ съ М-г и М-me Монплезирами. Всего милѣе изображаемыя дѣти: они тоже умирали отъ золотухи, но дивнымъ средствомъ волшебной бутылки возвращены теперь къ жизни, пользуются полнымъ здоровьемъ, играютъ безпечно на кладбищѣ черепами,

барабанятъ по нимъ костями и, что всего замѣчательнѣе, это черепы и кости именно тѣхъ несчасныхъ, которые умерли, не повѣривъ въ магическую силу сарсапариля. Здѣсь шарлатанизмъ доходитъ до гофмановской фантазіи, до гольбейновскаго, мрачнаго сатанизма ... Да, смѣйтесь и шутите, сколько угодно, а посмотрите, что дѣлаетъ эта стклянка сарсапарели: дома каменные въ пять этажей, какіе выстроилъ себѣ, напримѣръ, какой-нибудь мистеръ Maffit, или фермы, платанціи, съ колоніями негровъ, какія пріобрѣлъ мистеръ Bergerzum пріобрѣтены, чѣмъ подумаешь? пилюлями ... Впрочемъ, тамъ есть и нашъ соотечественникъ, который промышляетъ деньгу и довольно значительную, не хуже всякаго американскаго доктора шарлатана, за мозоли ... Хотите знать его адресъ? прочтите:

Cors, Oignons, Ongles gatés, arrachés.

Le Docteur S. SHIRIAKOFF, de St. Petersbourg, a l'honneur d'informer le public de New-York qu'il peut être consulté, chaque jour à son office, 63 Chamber street, pour la guérison radicale et sans douleur, des incommodités ci-dessus mentionnés. Il se sert, pour obtenir ce résultat, d'un élixir très–propre á faciliter l'extraction des cors et oignons. Le docteur tient á la disposition de ses visiteurs, une grande quantité de lettres de remerciment qui lui ont été adressées par des personnes qu'il a guéries.

Нашъ бьетъ на самую чувствительную струну американца, на самый необходимый членъ его восемнадцати-часовой дѣятельности въ продолженіи сутокъ, на его ноги, и дѣлаетъ чудеса своимъ педикурствомъ. На здоровье, г. Ширяковъ! на здоровье, M-r Maffit! на здоровье, m-r Bergerzsum! Васъ не жаль и за васъ не покраснѣетъ наука, но жаль, когда и хорошій человѣкъ, истинный ученый, умница, геніальный талантъ въ своемъ родѣ, словомъ европейская слава — пускается въ тѣ же штуки — вотъ это грустно ... Я разскажу вамъ объ одной хирургической операціи г-на Бодинье, во время сна магнитнаго, которымъ онъ усыпилъ свою паціентку. Но дѣло идетъ о хирургіи, не всѣ же Тифенбахи и Пироговы, не всѣ же знаютъ Бодинье: позвольте вамъ сказать прежде, кто такой г. Бодинье.

Бодинье французъ. Родился въ западной Франціи, гдѣ давно учатся лучше и больше, чѣмъ въ сѣверной, южной и внутренней. Отецъ его былъ *скальпель*, мать *пила*. О другихъ онъ не зналъ, по крайней мѣрѣ, никогда не разсказывалъ. Онъ создалъ для себя въ послѣдствіи— сестру. Сестра эта была игла для снятія катарактовъ, и за иглу и за диссертацію, написанную объ этомъ глазномъ недугѣ, получилъ онъ степень доктора хирургіи. Бодинье студентъ и докторъ всѣхъ замѣчательныхъ университетовъ Европы. Бодинье экстернъ и интернъ всѣхъ госпиталей, которые подвертывались во время его ученаго странствованія, а онъ же къ тому и охотникъ путешествовать. Бодинье — помощникъ Берекра, товарищъ Эмери, другъ Орфила, Бодинье, который до 1850 года сдѣлалъ уже болѣе трехъ тысячъ хирургическихъ операціи, который дѣлаетъ ихъ въ мѣсяцъ по шестидесяти, въ одинъ день по пяти

и значительныхъ, «Bodinier enfin, какъ говорилъ мнѣ докторъ Легранъ въ Нью-Іоркѣ: «qui a fait la desarticulation d'une branche du maxilaire inférieur dans 25 minutes, tandis que D-r Mott, le grand Mott a employé plus d'une heure et demie et encore ça a été vanté.»—Вотъ что такое Бодинье. Согласитесь, что послѣ этого вьюка славы, знанья и искусства, стыдно, казалось-бы, и во снѣ увидѣть шарлатанскую штуку; не тутъ-то было, и Бодинье поднимался на нее. Въ Америкѣ, и въ воздухѣ вѣетъ шарлатанизмомъ, и кто бы ни былъ, невольно заражается его злокачественными міазмами.

Чтобы вырѣзать какую-то шишку на шеѣ молоденькой дѣвушки, Бодинье, въ угоду американцамъ, усыпилъ свою паціентку сномъ магнитическимъ и потребовалъ отъ нея индикацій. Продѣлка была въ присутствіи всего медицинскаго и хирургическаго факультета. Какъ ни падки эти почтенные американскіе медики и хирурги на фокусы, но все-таки, изъ любви къ наукѣ, они немогли удержаться отъ хохота, когда индикаціи послѣдовали вовсе не туда, куда слѣдовало и не такъ, какъ ожидалъ Бодинье, а всего было смѣшнѣе то, что мнимая дѣвушка забормотала въ магнитическомъ просоньи совсѣмъ о другихъ страданьяхъ. Бодинье танцовалъ на каленой проволокѣ, между наукой и обманомъ, славой и срамомъ, не устоялъ, уѣхалъ на нѣсколько времени изъ Нью-Іорка, осмотрѣлся, провѣтрился и вернулся снова въ Нью-Іоркъ на своемъ любимомъ конькѣ — болѣзни уха и болѣзни глаза: — тутъ онъ кажется безъ соперниковъ *.

Америка поглощена пуффами. Неистощимый конекъ Соединенныхъ Штатовъ — хёмбёгъ, и эта повадка шарлатанская ростетъ и высится снизу до верху.

Споры въ конгрессѣ о независимости негровъ — развѣ это тоже не пуффъ, не хёмбёгъ? Южные Штаты увѣряютъ, что у негра черепъ толще, что онъ только и можетъ выдержать тропическое солнце. Они такъ говорятъ, потому-что у нихъ есть плантаціи, хлопчатая бумага, торгъ, корысть; надобно-же, чтобъ кто-нибудь работалъ на нихъ. Сѣверные Штаты толкуютъ иначе: для нихъ нѣтъ различія цвѣтовъ и породъ человѣческихъ, потому-что ихъ табакъ, уголь и хлѣбъ, могутъ обработывать и ирландецъ, и нѣмецъ — бѣлые негры, какъ называютъ ихъ американцы. А между-тѣмъ настоящихъ черныхъ ни сѣвернякъ ни южнякъ американскій не пускаетъ сидѣть рядомъ съ собою нигдѣ, ни въ театрѣ, ни въ церкви, потому-что они имѣютъ какой-то особый запахъ и насчетъ этого запаха въ 1849 году, сенаторъ изъ Флориды, мистеръ Вескотъ, сказалъ цѣлый спичъ... Что это такое, какъ не хёмбёги, какъ не пуффы? . Но всего замѣчательнѣе, что въ Вашингтонѣ, этомъ фокусѣ, центрѣ *американской сущности*, гдѣ совершаются пренія о неза-

---

* Le docteur Sichel, célèbre oculiste disait à une personne qui allait à Paris le consulter de New-Iork pour ses yeux Comment, madame, venez-vous me consulter de New-Iork? N'y avez-vous pas un de mes anciens éleves, le docteur Bodinier, qui peut aussi bien, méme mieux vous guérir que moi!...

висимости негровъ — есть садъ, въ этомъ саду домъ, въ этомъ домѣ клѣтки, въ клѣткахъ негры — цѣлыми семействами, всѣхъ половъ и возрастовъ, и неугодно ли купить на выборъ любого, гуртомъ, или порознь... Ну, чтожъ, эти пренія, филантропическіе возгласы — развѣ не тѣже хёмбёги, только что большаго размѣра?

Есть однакожъ между этими пуффами Америки даже очень размашистые. Я назову, напримѣръ, *Калифорнію, пріиски Калифорніи, золото Калифорніи.* Я былъ очевидцемъ, какъ создавался этотъ пуффъ.

Какой вздоръ! неужели это пуффъ?

Со временемъ подробнѣе; пока, чтобъ только доказать, что я не дѣлаю-же изъ пуффовъ — пуффы.

Давно всѣ знали, что въ Калифорніи есть золото. Знали еще объ этомъ іезуиты — миссіонеры, но нашли, что мехиканскіе рудники обильнѣе и забыли думать о калифорніійскихъ.

Калифорнія страна, которая могла-бы принадлежать кому угодно. Американцы, вслѣдствіе сосѣдства Калифорніи съ Техасомъ, а главное, чтобъ чѣмъ-нибудь доказать важность ихъ *пуффическихъ мехиканскихъ войнъ*, взяли за себя и Калифорнію. Но, право, представителями этого владычества — было людей очень немного. Въ С. Франциско до 1848 года, не было ни одного американца. Былъ швейцарецъ, изъ колоніи — по близости нѣкогда существовавшей, Россъ; нѣсколько индѣйцевъ, мехиканцевъ, испанцевъ, но вѣдь это не си тизинсы Америки—(громкое слово!), которые завладѣли этимъ краемъ. Надобно было населить Калифорнію, облегчить Сѣверные Штаты, дать толчокъ муравейной эмиграціи съ континента въ послѣдніе годы—что дѣлать?.. Въ этихъ случаяхъ — надобно всегда крикнуть —это лучшее средство, и мистеръ Бенетъ, издатель самаго популярнаго журнала, самъ-ли отъ себя, или подъ чью-нибудь подсказску, крикнулъ: «Золото, золото, золото! Я нашелъ его ... такой-то горный капитанъ нашелъ ... слитокъ въ полпуда привезенъ... Бѣгите ... ищите...» Гдѣ? Въ *Калифорніи*... И масса хлынула, и въ три года изъ ничтожнаго городишка создался городъ съ сорока тысячами жителей. Два раза уже онъ горѣлъ, но снова выстроился.

Собственно золота калифорнскаго очень немного, но штатъ Калифорнія, который такъ бойко смотритъ въ три Океана, заселится муравейникомъ, прежде, чѣмъ Техасъ и Западные Штаты—тамъ своя рука, свое хозяйство, для нихъ достаточны свои домашніе пуффы. Этакого рода пуффы — я называю размашестыми.

ВОЛОСЫ, ПО ДАННЫМЪ ДОКТОРА ПАРИЗЕ.

Если перелистать огромный перечень того, что̀ пчелиное трудолюбіе ученыхъ въ теченіи вѣковъ написало о великой книгѣ природы,— то при каждомъ существительномъ, мы найдемъ предметъ для размышленія и изслѣдованія почти безъ конца. Куда ни взгляните, на каждомъ шагу, встрѣчаются размышленія, доставляющія несказанное удовольствіе, если не проходите легкомысленнымъ невниманіемъ и безучастіемъ поводовъ къ такимъ размышленіямъ. Возьмемъ волосы, которые вѣрно всѣ наши читатели разсматриваютъ ежедневно, только не съ ученой точки зрѣнія. Много толстыхъ томовъ посвящены исключительно волосамъ разными учеными, которыхъ терпѣнье не «виситъ на волоскѣ», какъ терпѣнье литературныхъ читателей, въ особенности когда дѣло идетъ о предметѣ серьозномъ. Изъ уваженія къ этому обстоятельству, прерываемъ и мы наше введеніе, и приступаемъ прямо къ дѣлу.

Что̀ собственно такое волосы? первый вопросъ, который ведетъ къ описанію и къ изслѣдованію организаціи волосъ. Казалось бы, они всѣ наружѣ, на-глазахъ; но на дѣлѣ выходитъ, что мы очень мало знаемъ о волосахъ, относительно ихъ связи съ другими составными частями человѣческаго тѣла и относительно ихъ отправленій. Наблюденіе, которое отчасти возможно только внѣ тѣла и посредствомъ микроскопа, весьма затруднительно, подобно всѣмъ микроскопическимъ изслѣдованіямъ, и такъ легко подвергаетъ изслѣдователя разнымъ ошибкамъ.

Составныя части волосъ, во–первыхъ: пузырекъ, во–вторыхъ: собственно волосъ. Далѣе, въ этомъ послѣднемъ, есть корень или луковка и стебель волоса; въ томъ и въ другомъ, различаютъ еще наружное или корочное вещество и внутреннее или мозговое вещество.

Пузырекъ есть круглый продолговатый мѣшечекъ, находящійся подъ кожею тамъ, гдѣ волосъ растетъ изъ тѣла: онъ состоитъ изъ чрезвычайно гладкой, тонкой, прозрачной кожицы (клѣтчатой ткани), которая переходитъ въ верхнюю кожу тѣла на томъ мѣстѣ, гдѣ образуетъ маленькое отверстіе для выхода наружу ростущаго стебля волоса. Въ этомъ мѣшечкѣ, плотно имъ окруженная, находится *луковка* или *корень* волоса. Корень этотъ состоитъ изъ шишковатой выпуклости, которая внизу соединяется съ мѣшечкомъ нервами или мелкими сосудами, а сверху кажется только соприкасательно окружена имъ. Тамъ, гдѣ луковка переходитъ въ стебель, волосъ часто немножко стянутъ и образуетъ какъ бы шейку. *Корочное вещество* волоса—свѣтлая, прозрачная, роговидная масса, представляющая какъ бы трубочку, съуживающуюся къ концу, которая внутри наполнена не жидкостью, а клѣткообразной, густой массою; эту массу называютъ *мозговымъ веществомъ*. Мозговое вещество начинается въ половинѣ луковки и наполняетъ внутреннее пространство волоса до самого конца, съуживаясь вмѣстѣ съ нимъ. Цвѣтъ волосъ зависитъ отъ особеннаго красильнаго вещества, отдѣляющагося въ волосѣ. Физіологи до сихъ поръ несогласны во мнѣні-

яхъ, откуда это красильное вещество берется въ волосахъ: несомнѣнно кажется только то, что сѣдина волосъ происходитъ не отъ бѣлаго красильнаго вещества, а отъ совершеннаго отсутствія красильнаго вещества, въ слѣдствіе котораго роговидная часть волоса является безцвѣтною, значитъ, бѣлою. Волосъ нечувствителенъ, то есть не имѣетъ нервовъ, но торчащій стебель короткаго волоса можетъ передавать потрясенія до луковки и производить въ ней то легкое ощущеніе, которое мы замѣчаемъ при малѣйшемъ прикосновеніи.

Послѣ такого суховатаго изложенія организма волосъ, о которомъ можно узнать только изъ ученыхъ изысканій, обращаемся къ другимъ разсужденіямъ, не менѣе интереснымъ, которыя можемъ составлять по явленіямъ, испытаннымъ на себѣ или на ближнихъ, или которыя мы знаемъ изъ лѣтописей прошедшаго.

Что̀ касается до длины волосъ, то всѣмъ извѣстно, что первенство тутъ принадлежитъ женщинамъ, у которыхъ густые, длинные волосы составляютъ, безспорно, одно изъ лучшихъ украшеній. За то мужчины вознаграждены преимуществомъ бороды, хотя и то не исключительнымъ; потому-что лѣтописи повѣствуютъ о дѣйствительно брадатыхъ женщинахъ, какъ о игрѣ природы надъ женской кокетливостью. *Эбле* (Eble), который большую половину жизни потратилъ на изученіе волосъ и собралъ все, что̀ древніе думали и писали объ этомъ предметѣ, разсказываетъ нѣсколько замѣчательныхъ примѣровъ особенно могучей растительности волосъ. Въ Неаполѣ, когда-то, жилъ варварійскій урожденецъ, молодой человѣкъ 28 лѣтъ, у котораго щетинистые волосы висѣли на четыре фута длины. У танцовщицы Негрини, послѣ горячки, волосы выросли длинною въ четыре локтя. Обильнѣе всего растутъ волосы на затылкѣ, и даже у мужчинъ достигаютъ довольно значительной длины. Многіе изъ нашихъ прадѣдовъ гордились тѣмъ, что могли упрятать конецъ косы въ карманъ кафтана. Есть также любопытные примѣры чрезвычайно длинныхъ бородъ. Канцлеръ Тюбингенскаго университета, Ульрихъ Прагиццеръ, надѣленъ былъ такой завидной бородою, что Тюренъ, зимовавшій въ Тюбингенѣ съ французскими войсками, говорилъ: «у этого человѣка одного больше бороды, чѣмъ у всѣхъ мужчинъ во Франціи.» Въ Эйдамѣ, въ Принценгофѣ, списанъ въ человѣческій ростъ портретъ одного плотника, который, принимаясь за работу, пряталъ бороду въ мѣшокъ, потому-что она не только доставала до земли, но еще могла отъ земли хватать по поясъ. Въ ней было девять нѣмецкихъ футовъ длины.— Бывшій въ 1572 году бургомистръ города Браунау, Гансъ Штейнингеръ, имѣлъ бороду, которая была длиннѣе его роста; разъ, сходя съ лѣстницы ратуши, онъ забылъ подвязать бороду, запутался въ ней ногами, упалъ и ушибся до смерти.—Французскій археологъ, Дидронъ, путешествуя по Греціи и Турціи, въ 1839 году, видѣлъ въ одномъ изъ монастырей Аѳонской горы молодаго монаха съ бородою до полу.— Старики разсказываютъ анекдотъ князя Г. А. Потемкина, по поводу длинной бороды. Свѣтлѣйшій князь заспорилъ съ кѣмъ-то о возможной длинѣ бороды, ссылаясь на лично имъ видѣнный образчикъ, украшав-

шій особу одного купца въ Москвѣ. Чтобъ доказать свои слова на дѣлѣ, онъ немедленно распорядился, чтобы купецъ былъ приглашенъ къ нему. Но свѣтлѣйшій не зналъ купца ни по имени, ни по другимъ примѣтамъ, кромѣ его чудесной бороды. Разумѣется, волю фельдмаршала поспѣшили исполнить со всѣмъ рвеніемъ и усердіемъ. На бѣду, бѣлокаменная, при розыскахъ, представила не одинъ, а нѣсколько образчиковъ желанной рѣдкости. Приказаніе было довольно неопредѣленно: которую жъ именно бороду угодно свѣтлѣйшему? На всякій случай, услужливый посланный привезъ ихъ въ Петербургъ до дюжины. Князя онъ засталъ не въ духѣ, въ хандрѣ, которая у него, какъ извѣстно, длилась иногда по недѣлямъ. Купцы волею-неволею гостятъ въ сѣверной столицѣ: и они, и адъютантъ погружены въ совершенную неизвѣстность, зачѣмъ ихъ нужно свѣтлѣйшему. Родные въ Москвѣ, встревожась такимъ экстреннымъ случаемъ, понаѣхали въ Петербургъ провѣдать, что̀ сдѣлалось съ увезенными. Наконецъ, дѣло объяснилось: для забытаго княземъ спора̀, требовалось очевидное доказательство. Такимъ образомъ, всѣ эти бороды, во снѣ невидавшія быть въ Петербургѣ, побывали въ немъ на-яву, благодаря преимуществу, дарованному имъ природою.

Послѣ маленькаго̀ отступленія въ иноземную и отечественную старину, возвращаемся къ текущему положенію предмета.

Тщательныя измѣренія толщины волоса даютъ среднимъ числомъ $^1/_{600}$ дюйма, такъ-что 600 волосъ, положенныхъ рядомъ, займутъ ширину толстаго большаго пальца. Но волосы очень крѣпки, сравнительно съ ихъ тонкостью. Волосокъ отъ 8 до 12 дюймовъ длины можетъ выдержать, не порвавшись, $4^1/_2$ лота вѣса. Оттого весь чубъ или коса въ силахъ сдержать значительную тяжесть. Припомнимъ штуки женщинъ-силачекъ, которыя на своихъ косахъ поднимаютъ наковальни и даже телятъ. У древнихъ писателей, часто находимъ извѣстія, что при осадахъ городовъ, мужья сплетали изъ волосъ женъ веревки для пращей и луковъ, пополняя недостатокъ обыкновенныхъ матеріаловъ Такъ было, напримѣръ, однажды при осадѣ Рима Галлами, за что̀ сенатъ римскій, въ честь остриженныхъ матронъ, велѣлъ воздвигнуть храмъ Veneris Calvae (Плѣшивой Венеры). Во время осады Карѳагена Сципіономъ, отчаянные жители плели изъ женскихъ косъ канаты для судовъ вновь сооруженнаго флота.

Возрастъ, полъ, образъ жизни, темпераментъ, заботы и огорченія имѣютъ большое вліяніе на свойство волосъ. Подвержены также волосы разнымъ внѣшнимъ вліяніямъ. Отъ сыраго состоянія воздуха они теряютъ кудреватость или упругость, потому-что они очень гигроскопичны, то есть, вбираютъ въ себя атмосферную влагу̀ и черезъ то значительно вытягиваются. Фактъ этотъ подтверждается на каждомъ бальномъ вечерѣ. Къ счастію, событіе это наступаетъ только тогда, когда локоны исполнили уже свое назначеніе, болѣе или менѣе плѣнили кого слѣдуетъ и доставили всѣ данныя, напримѣръ, для стихотворенія г-на Бенедиктова или другаго изъ пишущихъ и не-пишущихъ поэтовъ, его послѣдователей.

Касательно количества волосъ, природа бываетъ чрезвычайно прихотлива. Впрочемъ, трудолюбивые люди задавали себѣ задачу считать волосы и нашли, что на самыхъ густоволосыхъ головахъ на ¼ квадратнаго дюйма растутъ среднимъ числомъ 250 волосковъ.

Вѣсъ всѣхъ волосъ на головѣ обыкновенно не превышаетъ 24 — 30 лотовъ.

Величайшее вліяніе на ростъ волосъ имѣютъ поколѣніе, климатъ, темпераментъ, образъ жизни. У негровъ, напримѣръ, волосы, черные, короткіе, волнисто-курчавые; древніе германцы славились русыми волосами, а восточные жители отличаются темнымъ цвѣтомъ волосъ. Здоровый поселянинъ, матросъ беззащитный отъ всякой погоды, имѣютъ густые и обильные волосы; грязь и неопрятность, по видимому, не всегда вредны для роста волосъ. Извѣстная болѣзнь литовскихъ крестьянъ, *колтунъ*, имѣетъ другія причины, кромѣ неопрятности. Горожанинъ, образованный человѣкъ, часто очень легко теряетъ волосы, особенно если, по званію, обязанъ много сидѣть за письменнымъ столомъ.

Могли-бы мы совершить съ читателемъ комнатное путешестіе отъ Китая до Швеціи, и отъ Скандинавіи къ Малабарамъ и Готтентотамъ; но интереса будетъ мало. Тамъ волосы длинные, здѣсь короткіе, въ этомъ уголкѣ свѣта черные и матовые, въ томъ русые и блестящіе. Упомянемъ одинъ только фактъ, хотя бы на-зависть читательницамъ. Брови черкешенокъ, безъ малѣйшихъ пособій искусства, такъ тонки и нѣжны, что ихъ можно принять за шолковыя нити, проходящія дугою, и черные волосы составляютъ поразительный контрастъ съ прозрачной бѣлизною ихъ кожи.

Почти нѣтъ народа, который бы не занимался болѣе или менѣе волосами, и прическа ихъ, заплетанье, разныя формы, имъ придаваемыя, столькожъ разнообразны, какъ самыя формы тѣла и одежды различныхъ народовъ и племенъ. Греки носили волосы просто связанными въ узелъ; римляне иначе. Сатирикъ Ювеналъ разсказываетъ про одну римскую даму, что она строила изъ кудрей такую высокую башню на головѣ, что спереди казалась высока, какъ Андромаха, а сзади гораздо ниже, какъ-будто совсѣмъ другая особа. Когда она убирала голову, всѣ служанки, молодыя и старыя, должны были находиться налицо, для совѣщанія о каждомъ локонѣ. Овидій также упоминаетъ, что уборка головы его современницъ сопровождалась зачастую пощечинами и булавочными уколами для рабынь. — У древнихъ германцовъ, дѣвушки ходили съ непокрытыми волосами, а женщины собирали волосы въ большой пукъ и прикрывали шапочкой. Старинная русская уборка головы всѣмъ извѣстна. Извѣстны также занесенныя къ намъ съ цивилазаціей парики и косы восьмнадцатаго вѣка; они были также безобразны и ненатуральны, какъ китайскіе чубы.

У мужчинъ, сверхъ волосъ на головѣ, борода также мѣняетъ виды и моды. Нечего толковать о бородахъ á la Ришльё, о бакенбартахъ, жидовскихъ бородкахъ, эспаньолкахъ, усахъ разныхъ покроевъ: больше или меньше, это предметъ всѣмъ извѣстный, даже для иныхъ предметъ какого-то моднаго изученія. Замѣтимъ лучше мнѣніе умнаго

человѣка, Гёте, который находилъ, что обритый человѣкъ всего лучше и всего совершеннѣе въ своемъ родѣ; бородатые герои казались великому нѣмцу исчадіями дикой поэтической фантазіи. Чего стояла борьба съ бородою великому преобразователю Россіи, можно весьма интереснымъ образомъ удостовѣриться хоть изъ книги Голикова.

Всѣ знаютъ, что цвѣтъ и свойство волосъ служатъ данными для физіономическихъ заключеній. Это старыя народныя повѣрья, и подтверждаются физіономистами. Рыжіе волосы считаются признакомъ лукавства и другихъ качествъ, имѣющихъ съ нимъ связь. Можно, въ самомъ дѣлѣ, сказать, что мелодраматическимъ злодѣямъ приличнѣе быть рыжими, нежели черноволосыми. Мягкіе волосы на головѣ слывутъ признакомъ нѣжности характера; жесткая борода признакомъ твердости. Кудреватые волосы принимаются за признакъ вѣтрености, и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Слѣдовало бы поговорить ради порядка о болѣзняхъ, постигающихъ волосы; но это дало-бы нашей статейкѣ черезъ-чуръ медицинскій характеръ. Самая распространенная изъ этихъ болѣзней есть выпаданіе, вылѣзаніе волосъ. Болѣзнь очень непріятная, за то есть и вѣрнѣйшее средство помогать ей, внѣ сравненія со всѣми другими безчисленными болѣзнями человѣческаго тѣла. Изобрѣтеніемъ этого средства человѣчество обязано искусству не Асклепидовъ, а парикмахеровъ.

СТЕПЬ И ЕЯ ЭПИЗОДЫ.

Древнее и классическое сравненіе степи съ океаномъ и оазисовъ съ зелеными островами, разсѣянными по ея поверхности, столь-же вѣрно природѣ, сколько прекрасно въ поэзіи, и представляетъ воображенію живописную и вѣрную картину огромной африканской пустыни. *Сагара* или *Фалатъ*, какъ нынѣ начали называть ее, долго была страною таинственной, населенной парадоксами и *обильной только естественными невозможностями*. Обыкновенно представляютъ ее однообразной равниной, покрытой одними безплодными песками, безъ воды, безъ растеній; словомъ, безъ всякихъ средствъ къ жизни растительной или животной. Однѣ пальмы созданы для населенія этого царства, полнаго безплодія, и дикіе звѣри проходятъ по этимъ пустынямъ, недоставляющимъ имъ ни малѣйшей добычи.

Попытаемся извлечь изъ усилій французовъ, посѣщавшихъ Африку, нѣсколько мыслей, болѣе согласныхъ съ самой природой и вѣроятіемъ, но все-таки еще запечатлѣнныхъ тѣми романическими оттѣнками, которые неразлучны съ этою невоздѣланною частію земнаго шара.

Плодоносная страна, занимающая сѣверъ Африки, по берегамъ

Средиземнаго моря, называется *Телль* и служитъ мѣстомъ жительства бѣлому народонаселенію. Шириной, съ сѣвера на югъ, она въ восемьдесять миль, и граничитъ на сѣверъ съ холодными валами Средиземнаго моря, а на югъ съ знойными волнами степи, которую французскіе писатели недавно назвали *Алжирской Сагарою*. Эта степь, содержащая пустыни *Шотъ, Ангадъ* и другія, раздѣлена высокими горами Атласъ, испещрена множествомъ оазисовъ и похожа на море, гдѣ разбросаны островки, которые образуютъ архипелаги. Подвигаясь къ югу, доходишь до Большаго Океана или центральной степи; а далѣе, идя по тому-же направленію, попадаешь въ *Суданъ* или *Нигрицію*, огромную страну, но мало извѣстную европейцамъ. Тутъ живетъ черное народонаселеніе и граничитъ съ песчанымъ океаномъ, съ южной его стороны. Флоты, разъѣзжающіе по этимъ опаснымъ морямъ, называются караванами; они снаряжаются на берегахъ *Телля* и на островахъ *Египетской Сагары* добываютъ себѣ жизненные припасы; тамъже ведутъ они торговлю съ туземцами Перебравшись черезъ архипелаги, караваны тянутся къ югу, къ мѣсту жительства негровъ, гдѣ главнѣйшее пристанище называется *Томбукту*. Караваны, переходящіе отъ одного оазиса къ другому, можно назвать крейсерами; совершаютъ путешествіе только тѣ, которые тянутся къ *Томбукту* или въ *Гаузу*. Они устроены на большую ногу и снабжены оружіемъ, потому-что должны встрѣтить непріятеля.

На бо́льшей части центральной степи *Фалата*, встрѣчаешь самую бѣдную растительность; прочія части состоятъ изъ каменистыхъ равнинъ, нѣсколько возвышенныхъ; песчаныя горы, вдругъ упадающія, образуютъ резервуары, куда стекаютъ воды, которыми наводняется страна въ дождливое время года. Знаменитый *Джебель-Гогаръ* составляетъ самое замѣчательное исключеніе изъ этой общей физіономіи: онъ поднимается изъ песчаной пустыни, какъ обширный и прелестный островъ Вся эта плоскость, какъ и горы на *Джебель-Гогаръ*, очень высоки; хотя они лежатъ почти подъ экваторомъ, однакожъ жители подбиваютъ платье мѣхами и спятъ всѣ вмѣстѣ, подъ палатками, покрытыми кожею, чтобы сколько-нибудь защитить себя отъ холода.

Каменистыя, неровныя и утесистыя части *Фалата* — самыя безплодныя. Часто песокъ, нагнанный вѣтромъ, образуетъ на нихъ пригорки, которые потомъ распадаются отъ новаго порыва вѣтра. Этимъ объясняется, почему тутъ не встрѣтишь оазисовъ, какъ въ *Алжирской Сагарѣ*: съ одной стороны, вода содѣйствуетъ растительности, но съ другой, груды песка, наносимыя и сметаемыя вѣтромъ съ почвы, много мѣшаютъ ея плодородію. Такимъ образомъ, эти углубленія представляютъ одновременно принципъ жизни и смерти.

Даже въ *Алжирской Сагарѣ*, легко наблюдать вліяніе борьбы воды съ пескомъ на растительность. Оазисамъ безпрестанно угрожаютъ песчаныя горы, которыя къ нимъ приближаются, врываясь постепенно въ ихъ благоуханные сады и грозя ихъ существованію.

Однакожъ *Фалатъ* существенно отличается отъ африканской степи обиліемъ песковъ и меньшею растительностію. Онъ также подверженъ

вліянію болѣе высокой температуры и частымъ непогодамъ, при которыхъ гибнутъ цѣлые караваны. Часто песокъ, поднимаемый ураганомъ, засыпаетъ колодцы и источники, — ихъ тщетно съ жадностію ищетъ истомленный караванъ. Въ такомъ случаѣ, гибнутъ люди и животныя, если не расчистятъ песковъ, или если вода, принявъ новое направленіе, не покажется въ другомъ мѣстѣ. На переѣздъ изъ *Агабли* въ *Томбукту* нужно двадцать три дня, и въ числѣ ихъ восемь или десять дней нужно вытерпѣть совершенное лишеніе воды, и это самая тяжелая часть этого путешествія. Если *сирокко* захватитъ караванъ во время переѣзда и подуетъ на него постоянно, воды высыхаютъ и по слѣдамъ его остается одно разрушеніе. Однакожъ почва не вездѣ песчаная; встрѣчается и крѣпкая, красная земля, называемся *танегруфъ* (tanegroufe).

Пальма не растетъ въ Фалатѣ, и хотя случается не видать никакихъ признаковъ растительности на огромныхъ пространствахъ, однакожъ кое-гдѣ встрѣчаются растенія, особенно на низменныхъ мѣстахъ, незанесенныхъ песками. На безплодныхъ частяхъ степи, встрѣчается мало животныхъ; но на границахъ ея и въ горахъ, много жирафъ, страусовъ, зебровъ, антилопъ, львовъ, барсовъ и змѣй; изъ домашнихъ животныхъ, тамъ водятся козы и овцы, потому-что только онѣ могутъ существовать при такихъ жалкихъ условіяхъ.

На пространствахъ совершенно обнаженныхъ и безплодныхъ, нѣтъ жителей; по этимъ мѣстамъ, переходятъ только караваны или бродятъ грабители. Однакожъ, въ иныхъ частяхъ, совершенно лишенныхъ воды и произрастеній, встрѣчаются палатки, показывающія, что и тутъ живутъ люди, но присутствіе ихъ здѣсь, при такихъ несчастныхъ условіяхъ, — неразрѣшимая загадка.

Жители центральной степи называются *туарегами*. Это бѣлое племя долго считали родственнымъ съ жителями *Сагары* изъ породы *берберъ*. Между ними, безъ сомнѣнія, есть нѣсколько сходства; однакожъ у *туареговъ* особыя одежды, нравы и обычаи. Языкъ ихъ происходитъ отъ арабскаго, но отличенъ отъ того, на которомъ говорятъ въ *оазисахъ*. Онъ такъ грубъ, что его прозвали *нѣмецкимъ языкомъ пустыни*. Онъ, повидимому, всего болѣе подходитъ къ языку *гуанчей* (Guanches), первобытныхъ жителей Канарскихъ острововъ. Исламисмъ — религія туареговъ, но — замѣчательная странность — они съ предписаніями корана смѣшиваютъ языческіе обряды фетишизма.

Туареги — цѣлый народъ разбойниковъ, страшная пѣна этого песчанаго океана, а не простое смиренное племя. Вѣроятно, они выгнаны изъ *Телля* во время первыхъ нашествій побѣдителей, которые постепенно являлись въ Алжиріи; потомъ выгнаны изъ Алжирской Сагары, гдѣ они когда-то жили; и теперь одушевлены только желаніемъ отомстить потомкамъ тѣхъ людей, которые загнали ихъ въ пустыню. Семейства ихъ живутъ въ юго-восточныхъ горахъ близъ границъ Нигриціи или занимаютъ хижины въ Джебель-Гоггарѣ, о которомъ говорено выше. Тутъ-же, мужчины проживаютъ зимніе мѣсяцы; весной, они опять принимаются за разгульную жизнь и перевозятъ товары изъ

Рдамеса въ Дамергу (Damergou) или грабятъ караваны, идущіе изъ Томбукту въ *Инсалаѣ* (Insalog).

Во всѣхъ походахъ, какова-бы ни была цѣль ихъ, *мегари* неразлучный товарищъ *туарега*. Понятливость, кротость и дѣятельность этого животнаго почти невѣроятны. Генералъ Маре, видѣвшій трехъ *мегари*, думаетъ, что мегари относится къ обыкновенному верблюду, какъ скаковая лошадь къ простой. Они не только родятся, но и живутъ въ центральной степи. Дѣйствительно, ихъ встрѣчаешь въ *Теллѣ* очень рѣдко, еще менѣе въ сѣверныхъ частяхъ Африки. Мегари не можетъ привыкнуть къ тамошнему климату или околѣваетъ, попробовавъ ядовитаго растенія *дріасъ*. Оно такъ похоже на другое растеніе, которымъ это животное питается въ *Фалатѣ*, что наружность обманываетъ бѣднаго *мегари* и онъ гибнетъ жертвою ошибки.

Онъ сухъ, крѣпокъ, строенъ, гибокъ, нежаденъ и кротокъ; управляютъ имъ веревкой, привязанной къ кольцу или металической палочкѣ, которая продѣта ему въ ноздри. Его удивительная быстрота совершенно согласуется съ безпредѣльностію пробѣгаемыхъ имъ равнинъ. Туземцы раздѣляютъ своихъ *мегари* на десять классовъ. Мегари нисшаго класса пробѣгаютъ не болѣе двѣнадцати французскихъ миль въ день; лучшіе пробѣгаютъ гораздо большее пространство въ такое-же время. Увѣряютъ, что хорошій мегари можетъ, не останавливаясь, всякой день пробѣжать отъ 18 до 22 миль.

Туареги воспитываютъ свое любимое животное страннымъ образомъ. Едва является *мегари* на свѣтъ, его зарываютъ до шеи въ сыпучій песокъ, чтобы слабыя кости въ ногахъ не повредились отъ тяжести тѣла. Въ теченіе двухъ недѣль, поятъ его сгущеннымъ молокомъ, котораго составъ и количество измѣняются ежедневно, по принятымъ правиламъ. *Туарегъ* чрезвычайно заботится, чтобы мать принадлежащаго ему *мегари* отличалась быстротою; есть одинъ извѣстный пунктъ степи, гдѣ молодые *мегари* получаютъ отъ матерей эту драгоцѣнную способность. Рѣдко заставляютъ его бѣгать, пока не пройдетъ мѣсяцъ со дня рожденія; въ это время, продѣваютъ ему желѣзное кольцо въ ноздри, и начинается его воспитаніе.

Понятливость хорошо-воспитаннаго *мегари* также удивительна, какъ и его быстрота. Если на быстромъ скаку *туарегъ* вздумаетъ воткнуть копье въ песокъ, внимательное животное, угадывая волю хозяина, вертится около оружія, пока всадникъ не схватитъ его, и потомъ опять пускается прежнимъ бѣгомъ въ путь. Если хозяинъ упалъ, сражаясь, вѣрный товарищъ не сойдетъ съ поля битвы; онъ ложится на песокъ, протягивается, какъ собака, у ногъ своего господина и, замѣчая малѣйшіе признаки жизни, кажется приглашаетъ его къ себѣ на спину, чтобы скорѣй убѣжать отъ мѣста кровопролитія.

Если тѣло не движется, *мегари* возвращается въ городъ или въ *дуаръ*, мѣсто жительства семейства своего хозяина. Едва жена *туарега* завидитъ умное животное безъ всадника, какъ начитаетъ кричать, и съ крикомъ ея тотчасъ соединяются отчаянные вопли дѣтей. Все селеніе взволновано; жители безпокойно глядятъ въ даль: черныя точ-

ки показываются на горизонтѣ, ростутъ, приближаются, принимаютъ форму: это другіе *мегари* безъ хозяевъ, нѣмые, но несомнѣнные свидѣтели гибели всадниковъ.

Сложеніе *туареговъ* похоже на сложеніе *мегари*, они также сухи, у нихъ такія-же изящныя формы. Ихъ раздѣляютъ на черныхъ и бѣлыхъ, не по цвѣту кожи, а по одеждѣ ихъ, которая шьется изъ матерій этихъ двухъ цвѣтовъ. Бѣлые *туареги* одѣваются почти также, какъ арабы; черные отличаются отъ сосѣдей одеждой, оружіемъ, жилищами и обычаями. Они, подобно европейцамъ, носятъ панталоны, которые надъ бедрами подвязаны шерстянымъ поясомъ. Ноги ихъ не обуты, но они не чувствуютъ неудобства въ этомъ, потому-что никогда не ходятъ пѣшкомъ; для самаго незначительнаго пространства, садятся они на своихъ *мегари*. Однакожъ, небогатые люди, не могущіе купить животное, носятъ сандаліи, которыя прикрѣпляются къ ногамъ кольцами. Костюмъ ихъ очень разнообразенъ; они надѣваютъ родъ блузы или широкаго платья, изъ бумажной матеріи съ мелкими разноцвѣтными полосками. Матерія эта называется шелкомъ и выдѣлывается въ Нигриціи. И въ городѣ и въ лагерѣ, они обыкновенно надѣваютъ три блузы; верхняя испещрена золотыми вышивками, изъ которыхъ на лѣвой сторонѣ груди и на правомъ плечѣ образуются самые странные узоры. Когда *туареги* отправляются въ обнаженную степь, то надѣваютъ еще двѣ блузы темныхъ цвѣтовъ, а голову и шею обвязываютъ длиннымъ *гаикомъ* или шерстянымъ шарфомъ, такъ что у нихъ видны только глаза.

Матерія покрывается лакомъ изъ разной камеди, чтобы къ ней не приставалъ песокъ Они брѣютъ голову, оставляя только длинную косу на затылкѣ и носятъ *шешїю* (chechïa), которая совершенно прикрыта *гаикомъ*; и если смотрѣть на нихъ издали, то они кажутся черными точками, движущимися на пескѣ, блестящемъ отъ солнечныхъ лучей.

Едва наступитъ весна, *туарегъ* оставляетъ семейство и пускается въ бродячую жизнь. Множество каравановъ плывутъ по *Фалату* и непремѣнно должны заплатить ему дань за его покровительство или пробивать себѣ дорогу съ оружіемъ въ рукахъ. Онъ везетъ съ собой небольшой запасъ провизіи и кожаную бутыль съ водою; оружіе его— длинное копье, широкая шпага, отпущенная на обѣ стороны, кинжалъ въ ножнахъ, заткнутыхъ за поясъ, лукъ, стрѣлы и щитъ изъ слоновой кожи. Снарядившись такъ на войну, онъ вскакиваетъ на своего *мегари* и садится на что-то похожее на сѣдло; коротенько прощается съ семействомъ, понукаетъ коня и тотъ уноситъ его такъ скоро и быстро, что всадникъ не успѣваетъ даже разслушать желаній и благословеній жены и дѣтей. Онъ присоединяется къ шайкѣ пиратовъ; шайки бываютъ отъ двухъ сотъ до двухъ тысячъ человѣкъ. Они ѣдутъ только ночью при свѣтѣ звѣздъ, избѣгая дневнаго зноя и имѣя такимъ образомъ болѣе возможности незамѣтно подходить къ караванамъ. Каждое утро они начинаютъ свои наблюденія, и зрѣніе ихъ такъ сильно, что они видятъ караванъ за двадцать пять миль. Когда проводники верблюдовъ снимаются и идутъ въ путь, обычное безмолвіе пустыни на-

рушается не криками, даже не шумомъ, но потрясеніями воздуха; слухъ *туарега* — слухъ удивительный — непремѣнно ихъ замѣтитъ. Тутъ наши грабители подвигаются впередъ осторожно, и скоро облако пыли показываетъ имъ, что они не ошиблись. Нападеніе назначено въ слѣдующее утро. Но у каравана тоже есть сторожа; какъ змѣи, подъ прикрытіемъ песчаныхъ волнъ, они выползли посмотрѣть, нѣтъ-ли непріятеля. Главный корпусъ, стоящій лагеремъ у какого-нибудь источника, нетерпѣливо ждетъ возвращенія сторожей, посланныхъ на рекогносцировку. Если они скажутъ, что враговъ слишкомъ много и безумно пускаться въ степь, караванъ остается у источника на нѣсколько дней, на нѣсколько недѣль, иногда на нѣсколько мѣсяцевъ, пока не придетъ другой караванъ, слѣдующій по тому-же направленію. Тогда, оба соединяются и, представляя вмѣстѣ довольно значительную массу, продолжаютъ путь; но если при первой рекогносцировкѣ, пираты не показались опасными, караванъ рѣшается идти впередъ, зная, что долженъ пожертвовать нѣсколькими людьми и частію багажа.

На слѣдующее утро, слабый свѣтъ показывается на горизонтѣ; вскорѣ выходитъ солнце: въ этихъ странахъ сумерки сливаются съ утренней зарей. Верблюды, которыхъ разбудили проводники, страшно кричатъ; но охотно подставляютъ спины для принятія тяжестей; иные привстаютъ, но тотчасъ-же опять подгибаютъ ноги, при малѣйшемъ приказѣ проводниковъ. Начальникъ флотиліи, *шейкъ-эль-бакаль*, одинъ распоряжается самовластно ея движеніями и приказываетъ, когда признаетъ нужнымъ, выступать какъ можно скорѣе. *Менаиры* (Менаіг), опытные путешественники, исправляютъ должность лоцмановъ, становятся въ авангардѣ, и вся масса подвигается впередъ. Сторожа убѣдились въ отступленіи пиратовъ, ищущихъ добычи на другомъ, отдаленномъ пунктѣ и исчезающихъ въ горячихъ облакахъ на горизонтѣ. Но купцы приняли хитрость непріятеля за рѣшительное отступленіе. Шпіоны доносятъ *туарегамъ*, что караванъ опять пустился въ путь; едва наступаютъ сумерки и прикрываютъ дневной свѣтъ, грабители приближаются къ каравану, проскакавъ сто миль въ одну ночь. На разсвѣтѣ, пронзительный, дикій, страшный крикъ нарушаетъ безмолвіе пустыни: это сигналъ нападенія. Завязывается отчаянная борьба: песчаная равнина становится полемъ битвы, и часто, побѣжденному остается одинъ саванъ — песокъ. Еще счастливъ тотъ, кто пораженъ смертельно! Гораздо жалче несчастные, которые лежатъ на пескѣ и переживаютъ свои жестокія раны! Побѣдитель не добиваетъ жертвъ своего кинжала; степь лучше его довершитъ дѣло смерти: какія-бы мученія ни изобрѣтала его месть, они все-таки не сравняются съ медленною агоніей жажды и отчаянія. Послѣ рѣзни, начинается грабежъ, и шайка побѣдителей, уводя верблюдовъ съ добычей, скоро исчезаетъ за песчаными горами.

Вечеромъ, при лучахъ заходящаго солнца, земля и небо принимаютъ одинаковый оттѣнокъ; мало-по-малу все исчезаетъ во тьмѣ и только на горизонтѣ тянется огненная линія. Въ ночномъ безмолвіи, нѣсколько времени слышатся крики, моленія, проклятія, поднимающія-

ся съ поля кровавой битвы. Только одинъ мусульманинъ предается вполнѣ страдательной покорности судьбѣ, и эта покорность составляетъ отличительную черту его характера; онъ хочетъ умереть безъ ропота на жребій, который назначенъ ему со дня рожденія. Иныя тѣни движутся, ползаютъ, потомъ падаютъ безъ движенія: это послѣднія предсмертныя судороги.

Вдругъ, поднимается глухой шумъ, увеличивается, приближается; атмосфера становится сухою и тяжелою; дыханіе вѣтра удушливо, какъ пламя въ печи, и песокъ, попадающій въ лицо, жжетъ, какъ горячія искры. Это *сирокко*! Неосязаемыя песчинки летятъ одна за другой. Поверхность равнины волнуется, подобно тихому озеру, въ которое упало насѣкомое; но круги безпрестанно выростаютъ; вотъ она поднимается, какъ разъяренное море; столбы несутся кверху спиралью, и развернувшись на высотѣ, далеко разбрасываютъ нескончаемыя песчаныя волны.

Скоро смятеніе прекращается; шумъ уменшился и мало-по-малу все прошло. Воздухъ чистъ по-прежнему, и ночной вѣтеръ наслѣдуетъ знойному дыханію *сирокко*. Но песокъ поглотилъ остатки каравана: луна блѣдно освѣщаетъ успокоившуюся равнину, и въ степи ничего нѣтъ, кромѣ безмолвія и уединенія

ТИФЛИСЪ.

Въ прошедшей книжкѣ, мы сообщили читателямъ о сценическихъ новостяхъ Закавказья. Тифлисъ, при князѣ М. С. Воронцовѣ, не только веселится по-европейски, но и строится подъ звуки оперы, какъ Ѳивы у Лина и Орфея. Скажемъ напередъ нѣсколько словъ о старомъ Тифлисѣ.

При царяхъ, Тифлисъ былъ, конечно, нѣсколько многолюднѣе и даже обширнѣе; но совершенно въ азіатскомъ вкусѣ и безпрестанно терпѣлъ погромы и разоренія отъ азіатскихъ сосѣдей. Во время послѣдняго разоренія Тифлиса горцами, однихъ въ плѣнъ взятыхъ считалось до 25,000 человѣкъ. Дворецъ былъ весь разрушенъ; по мѣстамъ только, видны фундаменты стѣнъ; изъ семи придворныхъ церквей уцѣлѣла только одна, во-имя Св. Георгія; изъ 29 караванъ-сераевъ разрушены были 16. Палаты старинныхъ вельможъ подверглись той же участи: отъ зданій Амиласваровыхъ, Циціановыхъ, не осталось слѣдовъ; отъ палатъ Мухранскихъ видны большія развалины. Площадь, бывшая народнымъ гульбищемъ, нынѣ уничтожена: на ней, между прочимъ построенъ театръ. Словомъ, рука времени измѣнила столицу одной изъ древнѣйшихъ христіанскихъ странъ. Съ теченіемъ времени, мы познакомимъ читателей съ подробностями тифлиской и вообще грузинской старины, по со-

чиненію славнаго путешественника Шардена, Voyage en Perse et autres lieux de l'Orient и подругимъ источникамъ; а покуда, заимствуемъ изъ газеты «Кавказъ» извѣстія о томъ, какъ азіатскій городъ быстро превращается въ европейскій, въ настоящее время. Припомнимъ, что въ нынѣшнемъ Тифлисѣ считаютъ до 3,700 домовъ, и до 30,000 жителей, весьма разнородныхъ: Русскіе, Грузины, Армяне, Татары, Осеты, Персіяне, Лезгины, Нѣмцы-колонисты, уже не говоря о разныхъ заѣзжихъ болѣе или менѣе на долгое время. Городъ лежитъ между высокими, голыми, довольно крутыми горами, въ котловинѣ, которая на востокъ образуетъ узкое отверстіе для истоковъ Куры, а на сѣверѣ расширяется въ пространную равнину, открывающую великолѣпный видъ на высокую, альпическую цѣпь Кавказа. Одинъ изъ новѣйшихъ иностранныхъ путешественниковъ, Морицъ Вагнеръ, замѣчаетъ, что Тифлисъ, по красотѣ окрестностей, превосходитъ величественную Прагу, съ которою имѣетъ значительное сходство. Послушаемъ же, что̀ говоритъ оффиціальная газета Закавказскаго края:

Всѣ помнятъ, какъ на мѣстѣ прекраснаго театральнаго зданія, за пять лѣтъ предъ симъ, былъ пустырь, носившій имя Эриванской площади, оживлявшійся по воскреснымъ днямъ толкучимъ рынкомъ; помнятъ, какъ на этомъ пустырѣ, въ зимніе мѣсяцы, бывала почти непроходимая грязь, а въ сухое время, гарцовали наѣздники. Съ назначеніемъ этого мѣста подъ зданіе для театра и вмѣстѣ гостинаго двора, толкучій рынокъ переведенъ на болѣе приличное мѣсто, площадь почтовую, которая съ тѣхъ поръ стала называться «Воскреснымъ Базаромъ». Въ настоящее время, видъ площади совершенно измѣнился: посреди, высится и красуется театръ; кругомъ выстроились и строятся красивые дома; на южной части площади, передъ новымъ зданіемъ Полиціи, и на мѣстѣ главнаго сборища тифлисской рамбавіи, построенъ красивый каменный фонтанъ; онъ состоитъ изъ большаго, круглой формы, окруженнаго тумбами и тротуаромъ, бассейна и красиваго на срединѣ его водомета; все это сдѣлано изъ тесанаго камня самой чистой отдѣлки. На противоположной сторонѣ площади, возведенъ красивой архитектуры двухъ-этажный домъ, назначаемый для лавокъ и магазиновъ; а еще въ прошломъ 1850 году, на этомъ самомъ мѣстѣ, находились безобразныя, почти полуразрушенныя кузницы и бондарни.

Еще болѣе безобразною была канава, шедшая отъ Сололакъ до Эриванской площади, которая на всемъ этомъ пространствѣ была открыта и представляла довольно непріятный видъ. Далѣе она шла, подъ этой площадью, закрытою трубою, до Мухранской улицы, и наконецъ, вдоль этой улицы, снова была открыта до самой Куры. По этой канавѣ протекаютъ дождевые потоки, собравшіеся на высотахъ за Сололаками, по дорогѣ въ Коджоры; масса этой воды часто бывала такъ велика, что, не находя себѣ во многихъ мѣстахъ свободнаго прохода, она производила значительныя поврежденія, иногда разрушенія домовъ, и даже были случаи, что она стояла жизни неосторожнымъ. Вслѣдъ за постройкою театра, приняты и мѣры противъ подобныхъ наводненій. Съ этой цѣлію, въ вершинѣ сололакскаго ущелья, устроена поперечная

капитальная, съ контрфорсами стѣна, на длинѣ 150 саженъ, для отвода стекающей съ нагорныхъ вершинъ части дождевой воды въ оврагъ, у ботаническаго сада, и чтобы за тѣмъ къ Эриванской площади стекала вода только изъ одного сололакскаго ущелья, которая, впрочемъ, и сама по себѣ бываетъ иногда довольно велика и грозитъ опасностью домамъ, тянущимся вдоль этого оврага. Князь Намѣстникъ, входя въ положеніе домовладѣльцевъ, приказалъ устроить, по предварительно составленному проекту, надежный водопроводъ для обезпеченія единожды навсегда этой части города отъ дальнѣйшихъ разрушеній и неудобствъ. Постройка эта нынѣ окончена: водопроводъ состоитъ изъ сводчатой трубы, длиною 149 сажень, начиная отъ Лабораторной улицы до существующей подъ Эриванскою площадью подземной трубы (у аптеки Шмидта). На этихъ ста саженяхъ, вдоль свода или, вѣрнѣе, по своду хорошо усыпанному землею, открыта широкая улица, одна изъ лучшихъ въ городѣ. Далѣе, вверхъ отъ Лабораторной улицы, канава поворачиваетъ по оврагу влѣво до сада гражданина Гуламова, на протяженіи 39 саженъ: эта послѣдняя часть трубы состоитъ изъ обращеннаго кирпичнаго свода, покрытаго сводомъ же на 20 саженяхъ. Этими хорошо исполненными работами достигается двоякая цѣль: обезпечивается эта часть Тифлиса отъ гибельнаго дѣйствія дождевыхъ потоковъ и вмѣсто грязной, зловонной и безобразной канавы — вы видите прекрасную широкую улицу, названную Сололакскою. Вся работа обошлась въ 20,860 руб. сереб. и произведена инженеръ–поручикомъ делакруа.

На углу Сололакской и Лабораторной улицъ, воздвинутъ новый, прекрасной архитектуры, двухъ–этажный домъ, окруженный богатою зеленью садовъ, который съ честію могъ бы знать мѣсто и на Невскомъ проспектѣ. Мимо этого дома, можно пройти къ Сололакскому ущелью.

По этому ущелью, подымается ближайшая дорога въ Коджоры, эти красивыя дачи, существованіемъ своимъ обязанныя Князю Намѣстнику. У начала подъема на Коджорскую дорогу, П. И. Іосселіанъ строитъ, на свой счетъ, новую небольшую церковь, по плану и фасаду Эолова храма въ Греціи; въ настоящемъ году, она будетъ окончена. Сололакскій подъемъ на Коджорскую дорогу такъ хорошъ, что даже самые тяжелые экипажи могутъ по немъ спускаться и подыматься безъ малѣйшаго опасенія; въ прошедшемъ году, далѣе до самыхъ Коджоръ, проведена новая, безукоризненно–прекрасная дорога. Нельзя неотдать полной справедливости этой дорогѣ и не сказать, что путь до Коджоръ теперь вовсе не тягостенъ; это, конечно, еще болѣе привлечетъ желающихъ проводить лѣто въ этомъ живописномъ и прохладномъ урочищѣ.

Заговоривъ о путяхъ сообщенія, скажемъ и о новооткрытомъ сообщеніи Навтлуга съ Тифлисомъ. Въ одномъ изъ *№ №* Кавказа прошлаго 1850 года, было помѣщено нами извѣщеніе о закладкѣ деревяннаго чрезъ Куру объ одной аркѣ моста. Тамъ же, было сказано, что мостъ этотъ строился, съ разрѣшенія начальства, частными лицами, на томъ условіи, чтобы въ пользу свою взымать съ проѣзжающихъ и съ прогоняющихъ стада

нѣкоторую плату, по таксѣ, предварительно утвержденной начальствомъ. Между тѣмъ, прежде чѣмъ мостъ былъ оконченъ, нашелся благодѣтельный человѣкъ, гражданинъ Мнацакановъ, который, желая часть своего пріобрѣтеннаго добра употребить на доброе дѣло, купилъ этотъ мостъ у строителей съ тѣмъ, чтобы пользованіе имъ предоставить всѣмъ и каждому безплатно, или вѣрнѣе, чтобы подарить его городу. Онъ заплатилъ за него 25,000 рубл., съ условіемъ, чтобы мостъ былъ совершенно оконченъ. Въ концѣ прошлаго года, мостъ этотъ былъ оконченъ, и за недѣлю передъ праздникомъ Рождества Христова, было его открытіе и освященіе. Городъ, и въ особенности Навтлугъ, и хозяева безчисленныхъ стадъ, прогоняемыхъ чрезъ Тифлисъ, останутся навсегда благодарны г. Мнацаканову за этотъ добрый подарокъ.

Кромѣ этихъ построекъ, въ Тифлисѣ производится еще много другихъ, о которыхъ «Кавказъ» обѣщаетъ говорить въ свое время. Не преминемъ познакомить читателей съ интересными фактами этой цивилизаціи русской передней Азіи.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

—

Останокъ большой арміи и носъ. Недавно, въ мастерскую одного изъ лучшихъ миніатюрныхъ живописцовъ въ Парижѣ входитъ господинъ въ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, съ явными признаками воинскаго прошедшаго, во всемъ своемъ наружномъ проявленіи.

— Государь мой, — говоритъ онъ живописцу, — «я одинъ изъ остатковъ большой арміи. Эта рана у меня отъ пули тирольскаго егеря, этотъ рубецъ отъ сабли венгерскаго гусара, этотъ шрамъ отъ пики башкирца, а вотъ это» — прибавилъ онъ, снимая поддѣльный носъ, — «воспоминаніе объ Испаніи.»

Живописецъ поглядѣлъ на несчастнаго героя съ удивленіемъ и состраданіемъ.

— Сейчасъ я пріѣхалъ изъ Морбигана, — продолжалъ посѣтитель, — единственно для того, чтобъ быть на балѣ у Сенскаго префекта, который сдѣлалъ мнѣ честь и прислалъ приглашеніе. Видите-ли, я не могу явиться съ такимъ носомъ; мнѣ дѣлали его въ Морбиганѣ, но онъ слишкомъ толстъ и вовсе мнѣ не къ лицу. Сдѣлайте одолженіе, распишите мнѣ вотъ этотъ, понатуральнѣе!

Господинъ вынулъ коробочку; въ ней, на хлопчатой бумагѣ, тщательно уложенъ былъ золотой носъ, съ очками на верху и красивыми усами подъ нимъ.

Изумляясь такому изобилію носовъ у человѣка безъ носа, художникъ вѣжливо извинился, что не можетъ ему услужить, потому–что не умѣетъ дѣлать подобныхъ вещей.

— Да вѣдь вы портретистъ?

— Конечно, но вашъ носъ...

— Сущая бездѣлица! Я знаю, господа художники такъ заняты; оттого я и обратился къ вамъ, хотя собственно могъ-бы попросить Ораса Верне объ этомъ одолженіи.

— Ораса Верне?

— Да, Ораса Верне. Онъ вѣрно не отказалъ-бы моей просьбѣ. Вѣдь онъ батальный живописецъ.

Художникъ сжалился надъ останкомъ большой арміи и расписалъ ему носъ — безъ натурщика.

—

Дебютъ одного актера. 15 іюля 1741 года, множество зрителей стеклось въ залу Гудменсъ-Фильдса (Goodmans-Fields), второстепеннаго лондонскаго театра. Давали «Ричарда III-го», для дебюта молодаго артиста, еще неизвѣстнаго, но по слухамъ обѣщавшаго хорошій талантъ. Долго ждала публика, наконецъ занавѣсъ взвился, и на сценѣ является Ричардъ Глосстеръ. Благородная осанка, развязныя движенія, умныя черты лица скоро внушаютъ зрителямъ доброе мнѣніе о дебютантѣ. Но тщетно ожидаютъ начала его монолога... Нѣсколько секундъ прошло, пьеса не начинается. Въ залѣ глубокое молчаніе, никто не шелохнется, всѣ притаили дыханіе. Проходитъ минута, двѣ: актеръ все стоитъ за рампою, робко глядитъ на публику, открываетъ ротъ, шевелитъ губами, но ни слова; ступаетъ нѣсколько шаговъ, опять шевелитъ губами, напрасно: первыя слова его роли никакъ нейдутъ съ языка. Зрители теряютъ терпѣніе, слышенъ смѣхъ, слышны вопросы: «Что-же, Ричардъ нѣмъ?» — Наконецъ, пронзительный свистъ совершенно поражаетъ бѣднаго дебютанта, такъ что онъ въ отчаяніи уходитъ со сцены.

— Все пропало, любезный директоръ, — восклицаетъ онъ, входя за кулисы, — я ни къ чему не гожусь, навсегда опозоренъ, остается только кинуться въ Темзу.

Насилу уговорили несчастнаго выбросить эту мысль изъ головы; насилу убѣдили его, что еще не все потеряно безъ возврата.

Между-тѣмъ, неудовольствіе публики достигаетъ высшей степени. Крики и возгласы сливаются въ страшный концертъ. Наконецъ, директоръ выходитъ на аванъ-сцену, и шумъ умолкаетъ. «Господа, говоритъ онъ, актеръ, которому отдана роль Ричарда, такъ смутился отъ перваго появленія передъ вами, что на минуту лишился голоса. Сейчасъ онъ опять выйдетъ, но покорнѣйше проситъ васъ о безусловномъ снисхожденіи.»

Извиненіе смягчило гнѣвъ публики: согласились сначала выслушать артиста до конца, потомъ судить. Даже нѣкоторые изъ самыхъ взыскательныхъ замѣтили: «*Можетъ-быть*, у него и есть талантъ.»

Скоро ихъ *можетъ-быть* превратилось въ несомнѣнность. Молодой человѣкъ, взявшійся снова за роль, съ самого начала возбудилъ одобрительный шопотъ своей безъискусственной, натуральной игрою, сво-

имъ плавнымъ, звучнымъ голосомъ; когда-же, съ теченіемъ пьесы, послѣдовали минуты страсти, патетическаго одушевленія, — восторгъ зрителей не находилъ предѣловъ. Зала тряслась, партеръ трещалъ отъ хлопанья, *браво* гремѣло изъ всѣхъ устъ. Стыдясь, что не признала такого могучаго дарованія, публика старалась всячески вознаградить оскорбленнаго дебютанта. Поэтъ Попе, бывшій въ числѣ зрителей, пошелъ къ дебютанту въ его уборную, горячо пожалъ ему руку и сказалъ:

— Поздравляю васъ, вы первый трагикъ въ Англіи.

Попе сказалъ правду. Дебютантъ этотъ былъ — Гаррикъ.

—

Коллекція нюхательныхъ табаковъ графа Гаррингтона. Въ прошломъ 1851 году, умеръ въ Англіи весьма богатый графъ Гаррингтонъ. Онъ въ молодости, подъ именемъ лорда Петерсэма, слылъ первымъ денди въ Лондонѣ и во всю жизнь отличался эксцентричностями, подобно многимъ изъ фамиліи Стенгопъ, къ которой и онъ принадлежалъ. Впрочемъ, онъ былъ человѣкъ скромный, ученый и умный, тонкій свѣтскій человѣкъ и пріятный собесѣдникъ. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ, онъ, къ великому соблазну большаго свѣта, женился на извѣстной актрисѣ миссъ Футъ (Foote). Не смотря на толки и пересуды, графъ Гаррингтонъ не только жилъ счастливо съ женою и имѣлъ отъ нея сына, но и съ Бирклеемъ, ея прежнимъ обожателемъ, велъ постоянную дружескую связь.

Графъ былъ опытный знатокъ искусства и библіографъ: онъ завелъ значительныя коллекціи книгъ, картинъ, изваяній и прочихъ художественныхъ предметовъ, очень извѣстныя въ Англіи. Но всего этого было мало для такого чудака, какъ онъ; нѣкоторые другіе богатые соотечественники также имѣли прекрасныя библіотеки и картинныя галлереи; ему надо было отличаться какой-нибудь совершенно особенной страстью. И вотъ онъ вздумалъ завести коллекцію нюхательныхъ табаковъ; коллекцію, какой конечно не было ни у одного англичанина да и, вѣроятно, ни у кого на свѣтѣ. Вскорѣ, у него явились нюхальные табаки изъ всѣхъ странъ міра, преимущественно самыхъ рѣдкихъ и самыхъ дорогихъ сортовъ, по большой части въ значительныхъ количествахъ. Въ коллекціи, не былъ забытъ ниодинъ табакъ, пользовавшійся какой-нибудь извѣстностью у нюхальщиковъ всѣхъ пяти частей свѣта. Изъ любителя, графъ превратился въ отличнаго знатока этого товара; даже изобрѣталъ смѣшенія разныхъ табаковъ, которыя съ одобреніемъ принимались британскими нюхальщиками лучшаго общества и величались именемъ изобрѣтателя. Въ извѣстнѣйшемъ лондонскомъ магазинѣ иностранныхъ нюхальныхъ табаковъ, Фрибурга и Трира, постоянно продается по дорогимъ цѣнамъ знаменитая нюхальная табачная композиція, называемая The Earl of Harrington's Evening Mixture, «*Вечерняя смѣсь графа Гаррингтона*». Въ домѣ своемъ, графъ велѣлъ устроить, по собственному плану, щегольской и комфортебльный подвалъ, гдѣ въ изящныхъ фарфоровыхъ вазахъ хранилась коллекція нюхальнаго табаку, состоящая изъ двухъ-

сотъ сортовъ, знаменитѣйшая во всей Великобританіи и Ирландіи, коллекція, которую онъ съ гордостью показывалъ знакомымъ, какъ единственную въ своемъ родѣ.

По кончинѣ собирателя, оказалось, что его нюхальное наслѣдство заключало около 2000 фунтовъ. Лѣтомъ, оно было распродано за 1000 фунтовъ стерлинговъ любителямъ и знатокамъ, желавшимъ пріобрѣсти изъ знаменитой коллекціи графа такіе сорты табаку, какихъ не было у прочихъ нюхальщиковъ. Самый дорогой табакъ коллекціи продавался на аукціонѣ по огромной цѣнѣ, 2 фунта стерлинга 10 шиллинговъ (15 р. сер.) фунтъ; а фунтъ «Вечерней смѣси», приготовленной собственноручно покойникомъ, покупали по 18 шиллинговъ (около 4 р. 50 к. сер.).

—

Авторъ «Манoны Леско». Всякой, кто читаетъ по-французски, знаетъ Манону Лескò, знаменитый романъ аббата Превò, тысячу разъ изданный во всѣхъ возможныхъ форматахъ, съ иллюстраціями и безъ иллюстраціи, въ Парижѣ и въ Брюсселѣ, давно переведенный на всѣ образованные языки. Знакомые съ французскою литературою знаютъ, что Превò писалъ много и другихъ романовъ. Этотъ романистъ составляетъ своими сочиненіями переходъ отъ восьмнадцатаго вѣка къ девятнадцатому. Онъ самый *пожившій* человѣкъ своего вѣка и лучше всѣхъ умѣлъ изображать жизнь во всѣхъ ея видахъ. Какъ Бальзакъ, онъ могъ-бы на виньетѣ своихъ сочиненій поставить страшный девизъ: *Человѣческая комедія*. Въ основаніи всѣхъ романовъ Прево примѣтна грусть и горечь; тайна этого объясняется только слѣдующимъ фактомъ, который мы находимъ въ одной старой и забытой книгѣ.

Однажды Превò ужиналъ съ нѣсколькими добрыми пріятелями, также литераторами. Переговоривъ все о политикѣ, о литературѣ, о текучихъ новостяхъ, нечувствительно напали на сужденія о морали. Одинъ изъ собесѣдниковъ высказалъ мысль, что самый честный человѣкъ не можетъ ручаться, чтобы когда-нибудь въ жизни не подпалъ подъ наказаніе свойственное преступнику. «Прибавьте, чтобъ и не заслужилъ», сказалъ Прево. Всѣ возстали противъ его мнѣнія. «Да, господа, утверждаю, что съ добрымъ сердцемъ и съ прямой душою можно имѣть несчастіе сдѣлать преступленіе, которое ведетъ на висѣлицу. Вѣдь всѣ вы мои друзья, такъ-ли?.. Я могу положиться на вашу скромность и безъ боязни открыть вамъ тайну, которой я еще никому не повѣрялъ ... Всѣ вы считаете меня честнымъ человѣкомъ? Знайте-же, что я былъ причиною смерти роднаго отца.

Пріятели переглянулись съ изумленіемъ.

«Выслушайте, продолжалъ Превò ..- Я только-что вышелъ изъ коллегіи; влюбился въ хорошенькую сосѣдку однихъ со мною лѣтъ. Меня полюбили. Я былъ въ упоеніи отъ любви. Желалъ безпрестанно быть съ нею. Все свое время проводилъ у нея. Родители понуждали меня выбрать какое-нибудь званіе и занятіе. Мнѣ хотѣлось только удовольствія втайнѣ обожать мою возлюбленную. Всякое другое заня-

тіе казалось скучнымъ. Отецъ мой сталъ подозрѣвать причину такого равнодушія, слѣдилъ за мною и успѣлъ открыть мою тайну. Разъ, онъ при мнѣ приходитъ къ моей возлюбленной. Въ присутствіи моемъ, осыпаетъ ее жестокими упреками. Я молчалъ. Онъ укорялъ ее также, что она помѣха моему счастію.

«Она хотѣла оправдаться, онъ началъ ругать ее. Она заплакала: я вступился, сталъ ее оправдывать. Отецъ вышелъ изъ себя до такой степени, что началъ бить несчастную. Она упала безъ чувствъ. Тутъ я забылся до того, что осмѣлился противорѣчить отцу въ непочтительныхъ выраженіяхъ. Онъ хотѣлъ кликнуть людей, чтобы связать меня, но въ ослѣпленіи гнѣва, оступился и упалъ съ лѣстницы. Ушибъ его былъ такъ силенъ, что онъ умеръ въ тотъ-же вечеръ. Онъ имѣлъ великодушіе не объявить о причинѣ своей смерти. Его схоронили, и молчаніемъ его я былъ спасенъ отъ позора и заслуженнаго наказанія. Но тѣмъ не менѣе, я чувствовалъ всю безмѣрность своей вины. Долго сохранялъ я угрюмую и безмолвную печаль, которую ничто не могло разсѣять. Я рѣшился скрыть свои угрызенія въ уединеніи монастыря и вступить въ орденъ Клюньи. Можетъ-быть, глубокая грусть, которую этотъ первый проступокъ молодости разлилъ на остальную мою жизнь, была причиною, что я выбиралъ трагическія событія, страшныя положенія, угрюмыя и мрачныя краски во всѣхъ романахъ, которые издавалъ».

Такъ говорилъ Прево. Пріятели слушали, полные сомнѣнія и ужаса. Онъ нѣсколько разъ подтвердилъ имъ истину своего разсказа и каждый разъ скорбь лица, уныніе всей наружности, измѣненіе голоса подтверждали слова одного изъ честнѣйшихъ людей своего времени.

Теперь, хотите-ли знать, какъ умеръ этотъ человѣкъ, начавшій свою славную жизнь проступкомъ, который свелъ въ могилу отца. Послушайте и признайте перстъ Божій.

Антоанъ де-Бурбонъ, принцъ Конде, возвращался съ охоты. Ему сказываютъ, что въ аллеѣ Шантильи, у подошвы дуба, который досихъ-поръ цѣлъ, какой-то человѣкъ умеръ отъ страшнаго удара апоплексіи. Принцъ спѣшитъ туда, узнаетъ аббата Прево, осыпаетъ его ласканіями и слезами. Прево былъ его собесѣдникъ, самый дорогой изъ друзей. По приказанію Конде, перевозятъ въ замокъ тѣло знаменитаго писателя. Кладутъ его въ подвалѣ, на мраморный столъ, чтобы попробовать, не оживитъ-ли его свѣжій воздухъ. Подаютъ всѣ возможныя пособія. Напрасный трудъ: проходятъ двое сутокъ; принцъ велитъ похоронить Прево, изслѣдовавъ прежде ученымъ образомъ причину скоропостижной его смерти. Извѣстнѣйшій врачъ того времени призванъ изъ Парижа. Онъ приходитъ, вскрываетъ тѣло; начинаетъ вскрытіе съ того, что вонзаетъ скалпель въ горло покойника. Кровь брызнула ... глухой страшный крикъ вылетаетъ изъ блѣдныхъ устъ мнимаго мертвеца. Онъ привстаетъ, проситъ пощады: скоро кровь заливаетъ ему ротъ. Онъ опять падаетъ, и смыкаетъ глаза въ послѣдній разъ.

Еще разъ: не перстъ-ли-то Божій?!

Неосторожная шутка. — Извѣстно, что иные люди имѣютъ неодолимое отвращеніе отъ разныхъ вещей. Самъ Наполеонъ не могъ равнодушно видѣть лежащихъ накрестъ ножей Молодой замѣчательный ландшафтный живописецъ, Карѐ (Carаits), питалъ необычайное отвращеніе отъ всего, что̀ напоминаетъ о смерти. Онъ дрожалъ при видѣ черныхъ драпировокъ; завидѣвъ издали похороны, онъ бѣжалъ стремглавъ, и ни раза не могъ рѣшиться побывать на кладбищѣ. Боязнь тѣмъ болѣе странная, что самой смерти онъ не боялся, какъ то и доказывалъ не одинъ разъ. Въ 1848 году, онъ съ своей ротой національной гвардіи храбро ходилъ штурмовать завалы мятежниковъ, и такъ далѣе. Пріятели часто смѣялись надъ его слабостью и наконецъ вздумали излечить его радикально. Недавно, пригласили они его съѣздить съ ними погулять въ Венсеннъ. Тамъ, компанія вкусно поѣла, вдоволь попила. На возвратномъ пути, предложили Карѐ зайдти будто бы въ мастерскую одного ваятеля. На самомъ дѣлѣ, это была просто фабрика надгробныхъ камней. Первый предметъ, кинувшійся въ глаза молодому живописцу, былъ памятникъ, на которомъ стояла золотыми буквами надпись:

КАРѠ,
ландшафтный живописецъ, даровитый
художникъ, вѣрный другъ
и добрый человѣкъ,
скончался на 37 году жизни.

Живописецъ остановился въ оцѣпенѣніи. Черты его исказились и, прежде чѣмъ успѣли поддержать его, онъ упалъ съ ногъ. Подняли его мертваго. Можно представить себѣ ужасъ пріятелей, виновниковъ пагубной шутки. Они тотчасъ отправились къ полицейскому коммисару и обвинили сами себя въ убійствѣ друга. Наряжено слѣдствіе надъ неумышленными убійцами.

—

Музыкальное извѣстіе. — Вотъ образчикъ нелѣпаго и безсмысленнаго языка, которымъ иногда выражаются музыкальные критики. Одинъ французъ хвалитъ дѣвицу Клаусъ, дававшую недавно одинъ изъ лучшихъ концертовъ нынѣшняго сезона въ Парижѣ. Перевести галиматью парижскаго критика по-русски нѣтъ никакой возможности; а вотъ, она, во всей оригинальности безцѣннаго подлинника: Elle a rendues possibles les impossibilités digitigrades de Liszt dans la fantaisie sur Don Juan; et pourtant son style est plutôt lié, onctueux, intime que spectaculeux. Не правда ли, хорошо?

Въ Германіи, недавно вышла книга. «Музыкальныя письма», Musikalische Briefe. Одно изъ этихъ, истинно классическихъ писемъ, разсуждающее о музыкальной критикѣ, говоритъ между прочимъ: «Почти исключительно занимаются музыкальной критикою во-первыхъ, *энтузіасты искусства*, которые въ чаду восторга фантазируютъ и несутъ дичь; не подлежатъ они осужденію, но припадки ихъ заразительны, какъ Витова пляска. Во-вторыхъ, *болтуны объ искусствѣ*, люди добросовѣстные, но безъ малѣйшаго собственнаго

сужденія и безъ всякаго знакомства съ искусствомъ, которые безсознательно повторяютъ модныя фразы, распространяютъ ихъ и обманываютъ ими сами себя и другихъ. Въ-третьихъ, *лицемѣры искусства*, которые чувствуютъ иначе, нежели; судятъ изъ боязни прослыть за не-знатоковъ, тянутся за энтузіастами и считаютъ ихъ горячечный бредъ за оракульскія изреченія. Наконецъ, *лжецы искусства*, самые опасные, самые вредоносные, которые стадятся въ котеріи и заслуживаютъ особеннаго письма (точно, одно изъ писемъ авторъ посвящаетъ разбору этого рода критиковъ). Сужденія дѣйствительныхъ *знатоковъ искусства* чрезвычайно рѣдки и, кромѣ того, заглушаются воплями другихъ, какъ истинный голосъ вопіющаго въ пустынѣ». Книгу нѣмецкаго автора можно рекоммендовать филармонической публикѣ Петербурга.

Гора Загара. — На одномъ изъ острововъ Чермнаго моря, въ горѣ Загарѣ или Захарѣ, есть смарагдовый рудникъ, котораго ученая разработка долго составляла предметъ желаній покойнаго паши египетскаго, но подъ конецъ правленія Мехмета-али была совершенно покинута. Недавно, англійская компанія выпросила позволеніе продолжать работы. При исполненіи нѣкоторыхъ операцій, инженеръ компаніи, Олленъ (Allan), открылъ на значительной глубинѣ галерею глубокой древности. Ему удалось даже отыскать древнія орудія и утвари, а также камень съ нарѣзанными на немъ гіероглифическими и отчасти изглаженными буквенными письменами. Качество и форма орудій, утварей и галереи доказываютъ, что древніе египтяне уже сдѣлали важные успѣхи въ минерномъ дѣлѣ. Изъ изслѣдованія камня видно, кажется, что найденная теперь шахта проведена была въ 1650 году до Р. Х.

Чудесное открытіе. Ньепсъ де Сенъ-Викторъ, племянникъ того Ньепса, который вмѣстѣ съ Дагерромъ изобрѣлъ дагерротипъ, сдѣлалъ открытіе, которое дополняетъ дядино изобрѣтеніе и еще чудеснѣе его. Ему удалось дойти до того, что всѣ предметы природы *изображаютея сами съ своими красками.* Еще не вполнѣ овладѣлъ онъ своимъ открытіемъ; но оно несомнѣнно. Обыкновенная серебряная пластинка, намоченная въ хлоровой водѣ, пріобрѣтаетъ удивительное свойство отъ дѣйствія свѣта воспроизводить краски. Если хлора въ растворѣ весьма мало, то преобладающій цвѣтъ выходитъ желтый; по мѣрѣ насыщенія воды хлоромъ, слѣдуютъ преобладающіе цвѣта, зеленый, синій, фіолетовый, красный, оранжевый; послѣдніе два, только при совершенномъ насыщеніи. Растворъ съ примѣсью мѣдныхъ и желѣзныхъ солей дѣлаетъ краски живѣе; а для сохраненія равной свѣжести всѣхъ красокъ, составляютъ въ извѣстной пропорціи смѣсь хлора, мѣдныхъ и желѣзныхъ солей. Если подлить этой смѣси въ винный спиртъ, онъ будетъ горѣть *тѣми-же* цвѣтами, которые свѣтъ передаетъ на фотографическихъ пластинкахъ, и въ такомъ же именно порядкѣ, начиная съ желтаго цвѣта до краснаго и оранжеваго. Новое открытіе столь-же важно, какъ изобрѣтеніе самого Дагерра. Оно представляетъ обширное поле искусству и проч.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Письмо къ редактору.

I. Литература: Статьи «Москвитянина», о которыхъ не было сказано въ прошлый разъ: «Бѣдная Невѣста» г. Островскаго. «Ипохондрикъ», г. Писемскаго. «Русская литература въ 1851 году», г. Григорьева; его замѣчаніе на переводъ изъ Шекспира. Мартовскія книжки «Москвитянина»: «О состояніи и значеніи эстетической критики», г. Е. Curiosa. — «Пропилеи», сборникъ профессора Леонтьева, выпускъ II. «Раутъ», сборникъ г. Смирнова. — «Изба», изданіе г. Горчакова. — II. Театръ и концерты; о г. Контскомъ: музыкальныя мизеріи. — Бѣдность городскихъ новостей. — Впечатлѣніе дебаркадера желѣзной дороги. Метеорологическія наблюденія.

Сегоднишній «Вѣстникъ» начинается съ «Москвитянина» — ради комедіи г. Островскаго.

Съ перваго шага своего на литературное поприще, господинъ Островскій возбудилъ къ себѣ особенное вниманіе. Это и самъ онъ, безъ сомнѣнія, знаетъ. Тѣмъ непонятнѣе, какъ не разсчелъ г. Островскій, до какой степени непріятно должно было поразить каждаго появленіе его *Неожиданнаго случая:* — малозначущаго драматическаго этюда, послѣ комедіи, возбудившей вниманіе. Кто не скажетъ себѣ, что *Неожиданному случаю*, для пользы его автора, всего бы лучше оставаться въ его портфелѣ? ... Но въ этомъ заключеніи не была ли лучшая оцѣнка перваго произведенія г. Островскаго; не сказалась ли тутъ вся мѣра ожиданій, которыя молодой писатель далъ право возлагать на него? Разборы этюда, болѣе или менѣе дѣльные, всѣ, безъ исключенія, относились къ впечатлѣнію массы читателей, какъ частныя къ общему. Это почему-то не понравилось «Москвитянину», и, принявъ на себя обязанность вступиться за своего вкладчика (этюдъ былъ напечатанъ въ альманахѣ г. Щепкина — *Комета*), московскій журналъ, думая повыразительнѣе опровергнуть истины, высказанныя по поводу этюда, позволилъ себѣ укорять литературную братію въ *непрія-*

зненномъ расположеніи къ г. Островскому, а ея отзывы въ явной *неблагонамѣренности*. Надо согласиться, что это или самая неловкая защита, — или самая тонкая, всякое вѣроятіе превосходящая иронія надъ авторомъ извѣстной комедіи. При этомъ случаѣ, г. Островскому вѣрно вспомнилась поговорка: «Избавьте меня отъ друзей, а съ врагами я ужъ самъ слажу»! ..

Теперь передъ нами новое произведеніе г. Островскаго. Оно названо комедіей: одно слово это — и всѣ наши сочувствія къ прекрасному дарованію оживаютъ съ удвоенною силой.

Идею комедіи *Бѣдная невѣста* составляетъ бракъ по неволѣ. Идея стара, какъ міръ, но, какъ онъ же, истинна, — какъ онъ, или какъ всякая истина, эта идея не состарѣлась.

Она облекается авторомъ въ содержаніе такого рода:

Вдова небогатаго чиновника, Анна Петровна Незабудкина, женщина совершенно необразованная, имѣетъ дочь, Марью Андреевну, по лѣтамъ невѣсту. Въ силу маменькиной логики, дочь надо выдать замужъ. Открытый искатель представляется собственно одинъ, бывшій студентъ Михаилъ Ивановичь Хорькòвъ, который и засылаетъ къ Аннѣ Петровнѣ свою мать, необразованную мѣщанку. Но какъ въ сущности нѣтъ особенно-побудительныхъ причинъ къ безотлагательному исполненію общепринятаго акта материнской нѣжности, этого вѣнца родительской прозорливости, то Анна Петровна подаетъ надежды Хорькòвой, не отвѣчая ей, однако же, рѣшительно. Между-тѣмъ, сама-собою является необходимость выдать дочь замужъ: оказывается, что Незабудкины должны лишиться всего состоянія. Бѣда неминуема. Знакомый Незабудкиной, облагодѣтельствованный ея покойнымъ мужемъ, старый стряпчій Платонъ Марковичь Добротворскій, приводитъ для совѣщанія о процессѣ одного чиновника, Максима Дорофеевича Беневоленскаго. Этотъ господинъ посвоему плѣняется Марьей Андреевной, и вскорѣ изъявляетъ, что берется за дѣло Незабудкиной подъ условіемъ, чтобъ она выдала за него дочь. Незабудкиной изъ чего колебаться? Но въ дѣвушкѣ завязывается борьба: и поняла она человѣка, котораго хотятъ навязать ей — стало, онъ не можетъ ей нравиться, — и любитъ она другаго, — стало, Беневоленскій ей прямо противенъ. Другой, тотъ, въ которомъ она, безъ сомнѣнія, чаетъ найти осуществленіе своего идеала — молодой человѣкъ крайне-пустой и пошлый — Меричь. Очень скоро обнаруживаетъ онъ себя: онъ ни минуты не любилъ бѣдной. Она, разувѣрившись въ немъ очевидно и горько, не довѣряя въ то же время чувству Хорькòва, едва ли даже будучи въ состояніи понять его весьма неясныя намеки на любовь къ ней, — преслѣдуемая другимъ обожателемъ,

Милашинымъ, весьма несноснымъ и ей положительно ненавистнымъ, — тревожимая, въ довершеніе всего, назойливою требовательностью и крайне странными доводами матери, — дѣвушка, очертя голову, соглашается идти за Беневоленскаго. Еще и не дано слово ему, какъ къ Незабудкиной является Хорькова, съ претензіями за предпочтеніе, оказанное передъ ея сыномъ, готовая мстить всѣми средствами: наиболѣе выставляетъ она въ самомъ непріязненномъ видѣ отношенія Марьи Андреевны къ Меричу. Старуха Незабудкина въ ужасѣ; настоятельно требуетъ она, чтобы дочь шла замужъ: та посылаетъ за Мерпчемъ, онъ обличается тутъ же и тѣмъ рѣшается судьба несчастной. Она согласна идти за Беневоленскаго. Мать въ полномъ удовольствіи. Хорьковъ, убитый роковою вѣстію, приходитъ пьяный съ отчаянія: въ его безсвязныхъ словахъ высказывается оправданіе невольницы. Слѣдуетъ предсвадебный вечеръ: комментаріи равнодушныхъ зрителей, допускаемыхъ на извѣстнаго рода свадьбы, — являются опять Милашинъ и Меричь, каждый съ тѣмъ, чтобы окончательно произнести приговоръ надъ своею пустотою и мелкимъ эгоизмомъ, нѣсколько дополнительныхъ чертъ Беневоленскаго, — что-то въ родѣ надежды найти въ перевоспитаніи мужа утѣшеніе въ приносимой жертвѣ вырывается у осужденной, которой нужно же какъ-нибудь помириться съ ужасомъ своего положенія, отнынѣ безвыходнаго — вотъ драма *Бѣдной Невѣсты.*

Содержаніе столько же простое, сколько истинна идея ... Нужно ли было много заботиться объ интересѣ? Разумѣется, нѣтъ: онъ доказывается самъ собою, содержаніе само говоритъ за себя — оно такъ близко сердцу каждаго, оно одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые безпрестанно и наиболѣе «вызываютъ всѣхъ насъ на размышленіе». Тутъ — драма каждаго дня, — слезы, которыхъ родникъ не изсякаетъ. Сознавая это, авторъ не пошелъ искать ни хитрой обстановки своему сюжету, ни такъ-называемыхъ заманчивыхъ подробностей; ни въ нашихъ искусственныхъ ухищреніяхъ не имѣлъ онъ надобности; объ эффектахъ, натяжкахъ и тому подобныхъ и не мыслилъ: все просто и истинно.

И должно сказать однажды навсегда, — и здѣсь всего умѣстнѣе, — что всякія мелкія пружины, всѣ эти отрицательныя средства производить впечатлѣніе — совершенно не въ духѣ г. Островскаго. Сознавая, что первое условіе служенія изящному есть правда, онъ старается ставить правду выше всего, быть вѣрнымъ и абсолютной ея идеѣ и ея приложенію къ искусству, или другими словами, онъ относится къ дѣйствительности непосредственно. Какъ художникъ совѣстливый, г. Островскій имѣетъ дѣло только съ жизнію: фантомы, фантасмагоріи, вывѣсочныя чувства, сухія отвлеченія, хотя бы съ нрав-

ственною цѣлью — всѣ эти изобрѣтенія поставщиковъ ощущеній, непонятныхъ нормальному человѣку, быть-можетъ и производящія какія-нибудь ощущенія въ тѣхъ несчастныхъ субъектахъ, для которыхъ предназначаются, и относящіяся къ искусству, какъ относятся косметическіе составы къ медицинѣ или калиграфическія прописи къ нравственности — всѣ эти риторическія фигуры пренебрегаются имъ. Такимъ образомъ, у него ничего нѣтъ общаго съ областію неправды, ни непосредственно, ни посредственно: зная жизнь и глядя на нее трезво, онъ потрясаетъ всѣ здоровыя струны человѣческой природы.

Всѣ общія черты композиціи г. Островскаго, черты ея замысла и распредѣленія, находимъ въ полной мѣрѣ и въ *Бѣдной Невѣстѣ*. Надо теперь взглянуть на художественное выполненіе новой комедіи, ея частей и цѣлаго.

Нѣкоторыя лица-прекрасны: таковы Беневоленскій, Хорькóва, Добротворскій, Незабудкина-мать (за исключеніемъ двухъ-трехъ недосмотровъ). Хорькóвъ, Милашинъ, Меричъ блѣднѣютъ по-неволѣ передъ бóльшею оконченностію первыхъ. Двѣ свахи, дворянская и купеческая, и служанка схвачены вѣрно, но мѣстами черезъ-чуръ дагеротипно. Сама же героиня, бѣдная невѣста — вся какъ-будто въ туманѣ. Автору непремѣнно нужно было вознести ее надъ старухой Незабудкиной, показать, что она сознаетъ и ничтожество Милашина, и всю безнравственную пустоту Мерича, и грязную натуру Беневоленскаго: это было необходимо, потому-что безъ того не было бы процесса ея борьбы, — безъ этого процесса не было бы и всей драмы! .. А на дѣлѣ выходитъ не такъ: отношенія бѣдной невѣсты къ кругу, въ которомъ она вращается, опредѣлены весьма неясно, — читатель не видитъ ни начала ея сознанія, ни достаточной его причины: не изъ одного же инстинкта вытекаютъ всѣ ея самостоятельныя проявленія. Другой вопросъ-любовь ея къ Меричу-также не довольно развитъ. Драматическое движеніе, естественнымъ образомъ сосредоточивающееся около бѣдной невѣсты, по недоконченности ея лица, не могло уже выдти живо и полно, — хотя и было понято и соображено очень удачно. Въ началѣ, бóльшая часть дѣйствія происходитъ какъ бы единственно за тѣмъ, чтобы познакомить читателя съ дѣйствующими лицами, — а между тѣмъ, онъ знакомится съ ними несовсѣмъ; съ половины втораго акта, все становится живѣе: отсюда мало-по-малу приливъ и отливъ явленій совершается уже по законамъ логической необходимости, за каждымъ словомъ все болѣе очевидной. Самый патетическій моментъ драмы — минута рѣшимости дѣвушки пожертвовать собою — созданъ очень удачно; чрезвычайно хорошо также явленіе Хорькóва, убитаго, пьянаго, растеряннаго — и

его обращеніе къ приговоренной жертвѣ; но нельзя сказать то же обо всемъ патетическомъ элементѣ цѣлой драмы: слабость этой стороны произведенія г. Островскаго опять тоже натуральное слѣдствіе неопредѣленности главнаго лица — бѣдной невѣсты. Пятый актъ *Бѣдной Невѣсты* представляетъ что-то въ родѣ древнихъ хоровъ — впечатлѣніе для насъ новое, неиспытанное нами при чтеніи современныхъ произведеній; за это никто бы не смѣлъ пенять автору, но на дѣлѣ оказывается, что избранное имъ средство окончить драму не совсѣмъ удалось: вопервыхъ, этимъ безъ пользы растянулась пьеса; во-вторыхъ — всѣ черты, разбросанныя въ послѣднихъ картинахъ, вытекаютъ изъ микроскопической, вовсе не художественной наблюдательности, а выраженія, по большей части натурально-эпическія, какъ бы записаны съ чьей-нибудь рѣчи; что уже отнюдь не принадлежитъ искусству. При всемъ томъ, *Бѣдную Невѣсту* все таки должно отнести къ довольно замѣчательнымъ явленіямъ нашей драматической литературы; при множествѣ недостатковъ и немножко грязноватомъ колоритѣ, въ ней все таки видны достоинства неоспоримыя. Идею г. Островскаго нельзя не любить, къ содержанію нельзя остаться безучастнымъ — это неоспоримо; наконецъ, жизнію вѣетъ отъ лицъ; но не всегда жизнь развита одинаково, — не по всѣмъ частямъ комедіи струится начало свободнаго художественнаго творчества: мѣстами его не видать вовсе. Потому-то впечатлѣніе, производимое *Бѣдною Невѣстою*, какъ художественнымъ произведеніемъ, есть впечатлѣніе картины недоконченной, если и прекрасной по композиціи, то въ цѣломъ выполненіи не удовлетворяющей. Отъ дарованія г. Островскаго, судя по первому его произведенію, можно было ожидать болѣе зрѣлаго плода: не условныя достоинства хотѣлось бы встрѣчать въ произведеніяхъ автора «Свои люди — сочтемся», — намъ бы хотѣлось полнаго, во всѣхъ отношеніяхъ оконченнаго *художественнаго созданія*, полнаго *согласія между выполненіемъ и содержаніемъ*, соотвѣтственности между частями и строгаго отношенія ихъ къ общему.

Что *Бѣдная Невѣста* не охладитъ сочувствія къ таланту г. Островскаго, это такъ, — но она не заставитъ никого закрыть глаза на недостатки его новаго произведенія, какъ не помѣшало оно г. Тургеневу строго оцѣнить это произведеніе и выразить автору нѣсколько совершенно основательныхъ замѣчаній.

И должно отъ души желать, чтобы г. Островскій повѣрилъ искренности всѣхъ замѣчаній, которыя будутъ исходить отъ рецензентовъ, подобныхъ г. Тургеневу, принялъ ихъ къ надлежащему свѣдѣнію и поскорѣе выполнилъ *всю* мѣру ожиданій, возложенныхъ на него тою

ступенью, на которую его подняли за первую его комедію: иначе — тяжело выговорить, а чего добраго — какъ бы не исполнилась надъ нимъ та грустная исторія не одного дарованія, которое останавливается послѣ перваго успѣха, не вслѣдствіе справедливаго и разумнаго сознанія своего успѣха, а вслѣдствіе совершенно несправедливаго, совершенно неразумнаго и совершенно несчастнаго поклоненія этому успѣху отъ какого-нибудь литературнаго кружка, готоваго, неизвѣстно ради чего, увѣрять васъ, что вы — само совершенство, — готоваго даже это доказывать, какихъ бы ни стоило натяжекъ. Вся эта жалкая процедура и ея печальные результаты въ отношеніи къ г. Островскому — покуда одно предположеніе, но не купили ли мы горькимъ опытомъ права на подобныя предположенія, — виноваты ли мы, когда невольно наводятъ насъ на нѣкоторое раздумье факты литературнаго развитія г. Островскаго и соотношенія этихъ фактовъ?

Вотъ еще крайняя странность въ *Бѣдной Невѣстѣ*, о которой и упоминается только потому, что ее никакъ нельзя приписать случайности. Вообразите: г. Островскій пишетъ вездѣ батюшко вмѣсто батюшка; батюшко-совершенно также неправильно, какъ было бы матушко; кромѣ того, частичка *ка*, напримѣръ подай-ка, взгляни-ка, у г. Островскаго тоже пишется черезъ *о* — пода-ко, взгляни-ко: на это нельзя найти оправданіе ни въ новомъ языкѣ, ни въ старомъ. Это *о* есть чистый провинціализмъ — и признакъ костромскаго нарѣчія. Замѣчательно, что въ «Москвитянинѣ» это правописаніе стало проскакивать со времени первой повѣсти г. Писемскаго *Тюфякъ*. На какомъ основаніи Москвитянинъ допускать такую произвольность и чѣмъ же это можетъ кончиться? Во всякомъ случаѣ, подобный порядокъ или безпорядокъ никакъ ужъ не подвинетъ насъ къ общему для всѣхъ славянскихъ племенъ языку — этому любимому мареву «Москвитянина».

Комедія г. Писемскаго — *Ипохондрикъ* — никоимъ образомъ не комедія. Это не иное что, какъ довольно произвольное сцѣпленіе разныхъ сценъ, иногда, безспорно, живыхъ и бойкихъ. Живость и бойкость кисти пусть и остаются за авторомъ *Комика*, но названіе комедіи не останется за его комедіей. Какъ ни думайте, какъ ни вертите, вы никакъ не придумаете, въ чемъ идея *Ипохондрика*. Еще мудренѣе, почему въ *Ипохондрикѣ*, четыре дѣйствія, а не два или не десять. Дѣйствующія лица, положимъ, почти живые люди, но каждое изъ нихъ само по себѣ или чудакъ непомѣрный или ужъ до невѣроятности подслуживается автору, такъ-что трудно вдругъ рѣшить, чего именно больше держался г. Писемскій, каррикатуры, или отвлеченія.

Очевидно одно: каждая черта, каждый шагъ, каждое слово каждаго дѣйствующаго лица нужны ему единственно на то, чтобъ наполнить наперед заданную раму характера: такимъ образомъ, каждый характеръ развивается не вслѣдствіе своей внутренней основы, а только для того, чтобы выразить собою желаніе автора. Да и эта метода — случайно-ли усвоенная г. Писемскимъ, неизвѣстно—удается ему не вполнѣ: любя черты крупныя, только ими и рисуя, онъ безпрестанно подвергается опасности перейти за предположенную раму, и тогда утрировка его ни на что уже не похожа. Кто такое, напримѣръ, этотъ господинъ Конорычъ? Самъ герой комедіи, господинъ Дурнопечинъ потому только и *Ипохондрикъ*, что г. Писемскій прописалъ ему эту аттестацію на первой страницѣ, при исчисленіи дѣйствующихъ лицъ. Тетка Дурнопечина, Соломонида Платоновна, видимо ужъ должна быть баба-яга, а жаль ея: ей и самой не легко нести эту роль.

Недостатки *Ипохондрика*, вскользь здѣсь обозначенные, не выкупаются неопровержимою бойкостію и живостію нѣкоторыхъ сценъ. Интереса произведеніе г. Писемскаго, поэтому, не возбуждаетъ; врядъ ли даже кому посчастливилось прочесть его сразу, въ одинъ присѣсть. Лучшее что можно пожелать *Ипохондрику*, это, чтобъ онъ поскорѣе попалъ на сцену: правда, для автора яснѣе обличатся недостатки его пьесы, въ смыслѣ нынѣшней русской комедіи, но, съ другой стороны, она все-таки возметъ верхъ надъ французскими пьесами, которыхъ постройку сильно напоминаетъ мѣстами, хотя она, однако, посерьознѣе и поглубже въ частностяхъ.

Ужъ кстати: г. Писемскій пишетъ не только встань-*ко* вмѣсто встань-*ка*, батюшк*о* вмѣсто батюшк*а*, но и *вс*тань вмѣсто *с*тань, что, какъ извѣстно, большая разница, — *какъ-бы* вмѣсто *кабы*, и такъ далѣе. Впрочемъ, быть можетъ, намъ и докажутъ, что это имѣетъ свою хорошую сторону. Очень бы интересно.

Г. Григорьевъ помѣстилъ въ «Москвитянинѣ» статью *Русская литература въ 1851 году*. Эта статья имѣетъ достоинства безусловныя и достоинства условныя.

Первыя заключаются въ чрезвычайно-вѣрномъ опредѣленіи значенія исторической критики и въ опроверженіи нѣкоторыхъ лжетолкованій и лжеупотребленій этого важнаго вопроса. Жаль только, что въ кругъ основательнаго отраженія чужихъ ошибокъ, авторъ допустилъ кое-гдѣ ложную претензію противъ замѣчаній, сдѣланныхъ именно ему: это вредитъ общему впечатлѣнію довѣрія къ статьѣ. Остальное содержаніе статьи г. Григорьева имѣетъ только условное значеніе, потому-что все остальное въ сущности не ново ни для кого, читавшаго хоть бы одни

петербургскія газеты. Но въ отношеніи къ «Москвитянину» и его читателямъ, если можно только предположить, что есть люди, читающіе *единственно* «Москвитянинъ», заслуга г. Григорьева неопровержима. Послѣ статьи г. Кирѣевскаго — *Обозрѣніе современной европейской литературы*, помѣщенной лѣтъ тому семь или восемь, статья г. Григорьева есть рѣшительно первая серьозная критическая статья »Москвитянина».

Въ двухъ мартовскихъ книжкахъ «Москвитянина», самая-серьозная статья — *Нѣсколько словъ о современномъ состояніи и значеніи у насъ эстетической критики*. Не заключайте, однакожъ, изъ предъидующихъ словъ, чтобъ она была слишкомъ-серьозна. Авторъ въ началѣ возстаетъ на то, что въ русской литературѣ эстетическая критика не оправдываетъ своего назначенія, потому–что находится въ рукахъ недостойныхъ, частію же не совсѣмъ достойныхъ: это доказывается имъ, къ сожалѣнію, такимъ образомъ, что многіе читатели, непричастные литературному дѣлу, должны будутъ только вѣрить автору, а несоглашаться съ нимъ. Вторая половина статьи излагаетъ требованіе отъ эстетическаго критика съ точки зрѣнія автора: взглядъ вѣренъ, но то-того взыскателенъ и строгъ, что, по-всему видимому, г. Григорьевъ долженъ поставить въ самое затруднительное положеніе журналъ, въ которомъ онъ участвуетъ. Гдѣ наберетъ «Москвитянинъ» тѣхъ фениксовъ, которые бы подошли подъ мѣру, предлагаемую г. авторомъ.! Будемъ, впрочемъ, надѣяться: on n'en maigrit pas, и, вы знаете, фениксъ родится изъ пепла.

«Критика и Библіографія» въ одномъ мѣстѣ укоряетъ «Отечественныя Записки» въ сжатости и краткости ихъ обозрѣнія литературы за прошлый годъ, и сама трактуетъ о литературѣ прошлаго года на одной страничкѣ одиннадцать строчекъ съ заглавіемъ включительно, и о теоріи и исторіи словесности въ 1851 году — на пяти съ половиной страничкахъ. Въ послѣднемъ трактатѣ, весьма-тонко замѣчено, что г. Буслаевъ достойный ученикъ г. Шевырева.

Въ разборѣ «Библіотеки для Чтенія», противъ котораго собственно сказать нечего, досадно видѣть горячность рецензента въ отношеніи къ г. иногородному подписчику, — досадно потому, что съ тѣхъ поръ, какъ эта безцѣнная фирма перешла въ «Библіотеку»,— стоитъ ли обращать вниманіе на ея несообразности? въ «Современникѣ», журналѣ, имѣющемъ опредѣленный голосъ, влеченіе иногороднаго подписчика основательно было считать вреднымъ, а «Библіотеку», никто и никогда не считалъ органомъ опредѣленнаго литературнаго воззрѣнія? Она всегда была сборникомъ болѣе или менѣе интересныхъ статей — и влеченій, кто брался за ея критику или библіографическую хронику,

дѣлалъ это съ тѣмъ, чтобы «животики надорвать», — и только. Для этой, надо сознаться, ультра-оригинальной цѣли, не щадила ни времени, никого и ничего — рука остроумнаго ученаго; эта рука очевидно утомилась писать шутки, и вотъ за-урядъ «Библіотека» приняла къ себѣ иногороднаго dandy: ему-то что-жъ дѣлать, если не писать свои родомонтады, а «Библіотека» по-своему совершенно послѣдовательна въ этомъ отношеніи. Но литературѣ и критикѣ въ разбирательство ихъ дѣлъ вступаться не для чего, и ограждать писателей и публику отъ г. иногороднаго подписчика отнынѣ нѣтъ надобности: я увѣренъ, что съ этимъ согласится и рецензентъ «Москвитянина».

Съ *нѣмцами* вообще и съ англичанами въ особенности «Москвитянинъ» продолжаетъ обращаться совершенно по-барски. Напримѣръ, «Томасъ Муръ — изволите видѣть — написалъ записки Фитцгеральда, лорда Байрона и Шеридана»*. Слѣдовало сказать: Томасъ Муръ написалъ записки о жизни Фитцгеральда, записки о жизни Байрона (тѣ самыя, что̀ со всѣми признаками положительнаго незнанія англійскаго языка были переведены г. Пл. Рѣдкинымъ въ «Современникѣ») и записки о жизни Шеридана. Конечно, при нѣкоторомъ знакомствѣ съ англійской литературой, можно понять, *что, вѣроятно, хотѣлъ сказать* «Москвитянинъ»,— но — весьма-наивно замѣтилъ намедни одинъ почтенный человѣкъ — позволено ли предполагать, чтобъ человѣкъ, почерпывающій свѣдѣніе объ иностранной литературѣ не изъ подлинниковъ, а изъ «Москвитянина», былъ знакомъ даже съ какимъ-нибудь иностраннымъ языкомъ? — Любопытно бы было также для профана, неимѣющаго ключа къ журнальнымъ іероглифамъ, узнать почему «les bonapartistes de la veille» значитъ «*новые бонапартисты*», почему не переведено слово «ghoule», весьма извѣстное и удобо-переводимое, и нарочно ли всѣ иностранныя слова печатаются въ «Москвитянинѣ», такъ, какъ не выговариваются они ни на одномъ европейскомъ языкѣ,—или это дѣлается невзначай?

Но подобныхъ странностей немало. Вы позволите мнѣ указать на нѣкоторыя, чтобы разъ навсегда купить себѣ привиллегію на будущее время — не распространяться объ отрицательныхъ явленіяхъ московскаго учено-литературнаго журнала.

Хотите ли вы обращиковъ краснорѣчія г. Погодина, прочтите его статьи: *Кончина Гоголя* (Мартъ, кн. 1) и *Письмо къ французскому живописцу Ивону* (Мартъ, кн. 2), послѣ пяти лѣтъ отысканное въ бумагахъ извѣстнымъ историкомъ и, къ истинному благополучію всѣхъ

---

* Москвитян. № 5, Отд. VII, с. 17.

друзей науки и искусства, спасенное имъ отъ забвенія черезъ помѣщеніе онаго въ «сокровищницу всего русскаго, рѣдкаго, замѣчательнаго (кн. 2, отд. VII, с. 85)», т. е. въ «Москвитянинъ». Я не смѣю ничего рѣшительно сказать объ этихъ статьяхъ, да и не съумѣлъ бы, признаюсь: до-того я глубоко тронутъ. Въ послѣдней же книжкѣ «Москвитянина», г. Погодинъ (но почему же въ числѣ мелочей?) объявляетъ: «рецензіи г. Калачова пересыпаны розами (роза — слабый цвѣтъ!), а мои — полынью. Какъ нашлась у меня полынь для этого употребленія», и т. д.— Вѣроятно, точно такъ же, какъ письмо къ Ивону по поводу картины г. Мясоѣдова? Прочтите дальше статью, на одной страничкѣ, по поводу драмы «Деньщикъ». Выписавъ мѣсто, гдѣ деньщикъ разсказываетъ, какъ Петръ Великій преобразовалъ Россію, г. Погодинъ, по всѣмъ правиламъ краснорѣчія упрекаетъ Кукольника въ рѣшительномъ незнаніи исторіи. Г. Кукольникъ забылъ, говоритъ онъ, что до Петра царствовалъ братъ его Ѳедоръ Алексѣевичъ, который основалъ *Академіи»;* (Ѳ. А. основалъ одну духовную Академію въ Москвѣ; Академія Наукъ основана Петромъ, Академія Художествъ, Русскаго слова, Медицинская, Военная — всѣ основаны его преемниками). Г. Кукольникъ забылъ, что до Ѳ. А. царствовалъ Алексѣй Михайловичъ, до А. М. Михаилъ Ѳедоровичъ, до М. Ѳ. Іоаннъ IV и Іоаннъ III!» Мы не знаемъ, изъ чего въ драмѣ Кукольника видно, что онъ все это позабылъ, и еще менѣе постигаемъ, какое отношеніе все это имѣетъ къ преобразованію Россіи собственно Петромъ, но думаемъ, что на основаніи риторической фигуры можно бы этотъ упрекъ продлить еще дальше, хоть до Рюрика, а пожалуй, и до Карла Великаго. Но г. Погодинъ скупъ на свое краснорѣчіе, и какъ и все рѣдкое, скрываемое въ его *древле-хранилищѣ*, отпускаетъ его въ самыхъ малыхъ дозахъ въ журналъ. — Но все таки умилительнѣе всего витіеватое изліяніе чувствъ по случаю смерти Гоголя! По моему, это перлъ первой величины! Не знаю, какая черствая душа не растаетъ отъ этаго плача оратора.

Что касается до меня, я рыдаю до-того, что боюсь не быть въ силахъ докончить мое письмо — и потому на нынѣшній разъ долженъ отвратить взоры отъ «Москвитянина».

«Пропилеи» г. Леонтьева — вотъ мы на чемъ успокоимся. Превосходное изданіе, до сихъ поръ первое въ своемъ родѣ въ Россіи, продолжается съ тѣмъ же успѣхомъ, съ какимъ началось. Нынѣшній, второй, выпускъ не такъ разнообразенъ по содержанію, какъ первый. Не прочитать, однакожъ, книгу всю — было бы по крайней мѣрѣ странно, но есть въ ней вещи, которыя необходимо прочесть каждому, хоть бы и не интересующемуся вопросами науки. Таковъ *Анализъ Эдипа*,

г. Кудрявцева. Затѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что кто читалъ *Агриппину-старшую и Мессалину*, тотъ по неволѣ прочтетъ и вторую статью о римскихъ женщинахъ, того же автора.

Прозелитамъ процесса чтенія и вообще всѣмъ любителямъ достопримѣчательностей можете предложить пробѣжать отъ бездѣлья объявленіе о книгахъ, продающихся по дешевой цѣнѣ у здѣшняго книгопродавца Степана Васильева, разосланное при 60 № Моск. Гор. Пол. Сообщаю здѣсь нѣкоторыя заглавія, наиболѣе мнѣ понравившіяся:

Ванда, княжна краковская, или героиня древняго времени, 2 части 50. к. сер.

Веселая книга или шалости человѣческія 50 к. сер.

ГУАКЪ ИЛИ НЕПРЕОБОРИМАЯ ВѢРНОСТЬ, РЫЦАРСКАЯ ПОВѢСТЬ, 2 ч. 50 к. сер.

Котильонъ или жизнь поэта 50 к. сер.

Кабинетъ любомудрія 50 к. сер.

Листки граціи или собраніе стихотвореній для альбомовъ 20 к. сер.

Опыты аллегоріи 1 р. сер.

Путешествіе разума въ европейскія области 40 к. сер.

Путешествіе моего двоюроднаго братца въ карманы 40 к. сер.

Прекрасная астраханка или хижина на берегу рѣки Оки, романъ россійскаго сочиненія 30 к. сер.

Свѣтъ въ маломъ видѣ, или жизнь человѣческая въ противоположныхъ отношеніяхъ 1 р. сер.

Торжествующій хамелеонъ или изображеніе анекдотовъ и свойствъ графа Мирабо 2 ч. 75 к. сер.*

Останавливаюсь... Скажите, подозрѣвали-ли вы подобные chef-d'oeuvres'ы въ *россійской* словесности? снились-ли вамъ такія прелести? Что̀ касается до меня, я рѣшаюсь на слѣдующее: вмѣсто того, чтобъ покупать къ святой недѣлѣ новую шляпу — вещь, какъ извѣстно, совершенно необходимую — я пріобрѣту всѣ тѣ книги, заглавія которыхъ здѣсь выписаны, и когда, прочитавъ ихъ, вдосталь упьюсь обаятельными воспоминаніями о минувшихъ дняхъ подобной литературы, — безцѣнномъ прошломъ, которое ея настоящее такъ завистливо старается свалить въ миѳологическую рѣку, — то сообщу мои впечатлѣнія читателямъ;

---

* Что все сіе списано буквально, безъ малѣйшей съ моей стороны хитрости, въ томъ свидѣтельствую моимъ подписомъ. *Кор.* «Пантеона».

предупреждаю на всякой случай, что это, однакожъ, исполнится, вѣроятно, не такъ скоро: заботы дня, эти глупыя заботы, имѣютъ обыкновеніе красть время у самыхъ милыхъ сердцу занятій! Таковъ ужъ грустный удѣлъ дѣтей земли!

... Что вамъ сказать о театрѣ? Наши театральныя музы дремлютъ постомъ — вы знаете. Были живыя картины. Ихъ ставили поочередно всѣ здѣшніе декораторы и главные машинисты, но ... пеняйте на мою память, что не подсказываетъ она мнѣ ничего о живыхъ картинахъ, кромѣ довольно общаго заключенія, что берутъ верхъ надъ всѣми другими тѣ картины, которыя ставилъ г. Сѣрковъ. Интересный замыселъ, искусное освѣщеніе, свѣжесть сюжетовъ, безъ претензіи на оригинальность, безъ желанія поразить особеннымъ эффектомъ — вотъ постоянныя черты его распоряженія. Г. Сѣрковъ — въ душѣ художникъ.

... Музыкальные вечера Благороднаго Собранія въ нынѣшнемъ году были живы, занимательны, людны, какъ никогда. Случались съѣзды болѣе, нежели въ тысячу человѣкъ. По здѣшнему, это огромно. Но все это произошло не даромъ: въ музыкальныхъ вечерахъ истекающаго поста принимали участіе замѣчательные артисты, о которыхъ я и считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ.

Равнодушіе Москвы къ музыкѣ въ нынѣшнемъ году должно было по неволѣ измѣнить себѣ, благодаря въ особенности Вьетану, сестрамъ Неруда и, наконецъ, Контскому. Всѣ эти имена въ такой мѣрѣ уже извѣстны Петербургу и большей половинѣ читателей «Пантеона», что я ограничусь только главнѣйшими событіями пребыванія названныхъ артистовъ въ Москвѣ и замѣтками о впечатлѣніяхъ, оставленныхъ ими въ жителяхъ наинемузыкальнѣйшаго изъ всѣхъ городовъ образованнаго свѣта.

Вотъ, во-первыхъ, исчисленіе главныхъ концертовъ: Вьетанъ далъ три концерта, г-жи Неруда — три, г-да Вѣнявскіе — четыре, Контскій — два. Вьетана Москва знаетъ давно: въ нынѣшнемъ году, онъ былъ принятъ, правда, съ тѣмъ уваженіемъ, на которое пріобрѣлъ право своимъ извѣстнымъ талантомъ, для всѣхъ несомнѣннымъ, но впечатлѣнія въ большинствѣ не произвелъ. Музыканты, знатоки, толковые дилетанты, слушали его съ наслажденіемъ: *Венеціанскій Карнавалъ* Эрнста, *Соната* Баха, *Варіаціи* (собственныя) на «Соловья» — все это подъ рукою Вьетана могло-ли не родить высокаго эстетическаго ощущенія въ людяхъ, понимающихъ дѣло?.. Но публика была занята новостями — и Вьетанъ уѣхалъ изъ Москвы, безъ лестнаго для нея воспоминанія. Въ прощальный его концертъ, ему хлопали, очень хлопа-

ли, а спросите, кто и сколько человѣкъ: едвали нельзя назвать всѣхъ по имени. Сестры Неруда достойно оцѣнены нашими меломанами. Въ особенности восхитила всѣхъ игра Вильяны. Отчетливость, спокойствіе, легкость, съ которою она побѣждаетъ трудности своего инструмента, отсутствіе претензій и искусственныхъ эффектовъ — всѣ эти качества сопровождаютъ ея исполненіе почти постоянно: выпуклости ея таланта обнаружились наиболѣе въ *фантазіи на мотивъ изъ «Фрейшюца»*, она была выполнена въ совершенствѣ. Бельгійская школа, Вьетанъ, Беріо — ей также ни почемъ. Адажіо ея вездѣ трогаетъ ... Амалія — хорошая піанистка, одна изъ тѣхъ, которыхъ игра всегда пріятна. О третьей сестрѣ, Маріи, покуда довольно сказать, что въ ней есть неоспоримыя начала музыкальнаго дарованія. Старшій изъ Вѣнявскихъ, Генрихъ, уже теперь артистъ довольно замѣчательный: онъ играетъ *Элегію* Эрнста съ пониманіемъ настоящаго смысла музыки, настоящаго ея назначенія — прежде всего трогать... Изъ другихъ пьесъ, имъ исполненныхъ, надо указать на Souvenir de Bellini, Артò. Младшій братъ, Іосифъ, твердъ въ своемъ искусствѣ: Chanson négre, Готшалька, и Stück-conzert, Вебера, произвели довольно выгодное впечатлѣніе. Наконецъ, мы слышали и Контскаго. Послѣ всего, что писали о немъ во Франціи, Англіи, Германіи, Бельгіи, Гуръ, Эттингеръ, Берліозъ, другіе, не къ чему и поминать восторги русскихъ дилетантовъ — голоса изъ разныхъ отдаленныхъ концевъ нашего отечества въ Петербургъ и Москву, отзывы нѣкоторыхъ петербургскихъ листковъ — въ заключеніе, но тѣмъ страшнѣе, признаюсь, говорить о такомъ артистѣ. А не говорить — на какомъ основаніи? Прошу только читателя не забыть, что все, что̀ ни скажется о Контскомъ, будетъ, какъ и все выше замѣченное о концертахъ, не выраженіемъ личнаго мнѣнія дилетанта, а посильнымъ среднимъ выводомъ изъ отзывовъ понимающаго музыку большинства. Контскій — талантъ необыкновенный, талантъ большой, все, что̀ человѣкъ можетъ сдѣлать на скрипкѣ, все это онъ дѣлаетъ, сдѣлалъ и дѣлалъ въ Москвѣ; что ни возьмется онъ сыграть — *Карнавалъ-ли* Паганини, *Концертъ-ли* Роде, свою-ли *Мазурку*, *Варіаціи-ли* на «Соловья» все онъ исполнитъ блистательно: самыя разнообразныя, самыя противоположныя, по своему духу и требованіямъ, школы ему одинаково доступны; трудностей для него нѣтъ; но до-сихъ-поръ, мы, москвичи, не слыхали его адажіо, мы не знаемъ, есть-ли у Контскаго адажіо. Иному приходило на мысль, что Контскій самъ это сознаетъ; нѣкоторые увѣряютъ, что у Контскаго не можетъ быть и не будетъ настоящаго пѣнія. Чтобъ согласиться съ послѣднимъ, подождемъ третьяго концерта его,

въ которомъ онъ обѣщаетъ мотивы изъ «Лучіи» мотивы изъ «Нѣмой», своихъ *Маккавеевъ*: тогда дѣло рѣшится очевидно. Покуда должно сказать, что, къ сожалѣнію, Контскій слишкомъ много приноситъ въ жертву непремѣнной задачѣ поразить, удивить, изумить: этихъ цѣлей, правда, онъ достигъ здѣсь безусловно, но тронуть — это, какъ-будто, не его дѣло. Театръ онъ освѣщаетъ какъ только можно, заботиться объ особенномъ убранствѣ сцены, беретъ огромный оркестръ — все это очень хорошо, но подъ всѣмъ этимъ уже не кроется-ли сознаніе артиста въ неспособности вызвать эстетическое ощущеніе настоящее, произвести впечатлѣніе прямое непосредственое. Игрѣ Контскаго должно дивиться — нѣтъ человѣческой возможности не дивиться — но можно смѣло ручаться до-сихъ-поръ, что всякій слышавшій первокласныхъ скрипачей, однажды изучивши всѣ музыкальныя возможности Контскаго, если и пойдетъ послѣ слушать его, такъ безъ особенной поспѣшности. Его игра напоминаетъ игру Сивори; кто изъ нихъ ученикъ Паганини, оба-ли — оба это утверждаютъ сами, объ обоихъ это писали, частію, и достовѣрныя лица — это прежде всего, не слыхавъ Паганини рѣшить невозможно, а во-вторыхъ, и большой важности въ разрѣшеніи этого вопроса нѣтъ, но очевидно, что между Сивори и Контскимъ чрезвычайно много общаго; очевидно, что оба они принадлежатъ къ такъ-называемой паганиніевской школѣ, если только дозволено почитать славнаго маэстро дѣйствительнымъ родоначальникомъ какой-нибудь музыкальной школы, то есть, предполагать, чтобъ онъ внесъ въ муэыку новую идею, или подвинулъ музыку со стороны идеи. Контскій въ своей области пошелъ дальше Сивори: онъ объективнѣе — это разъ; кромѣ того, онъ еще болѣе хочетъ, непремѣнно хочетъ блистать. Въ первомъ концертѣ его здѣсь, театръ былъ биткомъ набитъ, во-второмъ, человѣкъ, я думаю, полтораста должны были помѣститься на сценѣ. Оба раза рукоплесканій было много, очень много, слишкомъ много даже, но въ первый разъ покушались и на противоположныя манифестаціи... Ждемъ съ нетерпѣніемъ третьяго концерта... «Московскія Вѣдомости» ставятъ Контскаго высоко, такъ что даже нѣсколько не въ мѣру увлекаются имъ... Москвитянинъ покуда молчитъ, можетъ быть будетъ молчать и впослѣдствіи; но подождемъ: авось промолвится.

Вы думаете — и конецъ концертамъ. Разочаруйтесь. Мы слышали еще Гайдново *Сотвореніе міра*, исполненное въ театрѣ подъ управленіемъ г. Томброни. Хоры были недурны; г. Куровъ оказываетъ видимый успѣхъ, — оркестръ мѣстами дѣлалъ свое дѣло весьма удовлетворительно. Благодарность г. Томброни уже за одну мысль за-

ставить насъ послушать классической музыки. Давалъ еще концертъ (да чуть ли не больше одного) г. Монтиньи, віолончелистъ бельгійской школы, хорошій музыкантъ, добросовѣстный исполнитель; слышали мы г. Феррари; мелькнули сестры Дулькенъ въ одномъ изъ концертовъ Вьетана, — объявляли о своихъ концертахъ какіе-то гг. Ермаковъ и малютка-Коневъ, — даже что-то такое объявляла г-жа Малеспа ... *Даже* — вотъ почему. Берліозъ, не помню рѣшительно гдѣ, разсказываетъ объ этой г-жѣ слѣдующее: она гдѣ-то играла при немъ, и до того била по клавишамъ — я забылъ предупредить, что она піанистка — что когда кончила, звуки не прекращались; мало того, они росли-росли до того, что нужно было заткнуть уши; оказалось и это недостаточнымъ, тогда рѣшено было — или бѣжать всѣмъ изъ залы или разбить интрументъ.

Пѣснь объ этой знаменитости съ акомпаниманомъ совершеннолѣтнаго г. Ермакова и малолѣтнаго г. Конева, пусть поютъ ужъ тѣ фельетонисты, которые какъ извѣстный «пѣвецъ» вѣруютъ, что

Das Lied, das aus der Kehle dringt,
Ist Lohn, der reichlich lohnet.

Что вамъ сообщить о другихъ городскихъ новостяхъ? Бѣдная, какъ я уже сказалъ, новостями Москва постомъ не представляетъ уже рѣшительно ничего новаго. Подмалевываются балаганы, изготовляются куличи и яица, выставляются головные уборы, женскіе и мужскіе, трости, хлыстики, распространяются съ сугубымъ рвеніемъ афиши о предстоящихъ эквилибристическихъ, акробатическихъ, механическихъ и оптическихъ обманахъ, которыми предстоитъ зѣвакамъ наслаждаться подъ Новинскимъ — это самыя свѣжія новости, неизмѣнныя какъ истина ... Поступило въ продажу нѣсколько портретовъ Гоголя: одинъ другого непохожѣе, одинъ другаго неудачнѣе. Въ видѣ утѣшенія можно сообщить, что г. Рамазановъ дѣлаетъ бюстъ покойнаго писателя: ненужно говорить, что бюстъ будетъ хорошъ.

15-го Марта умеръ къ общему сожалѣнію Николай Семеновичъ Селивановскій, которому принадлежала одна изъ старѣйшихъ и едвали не лучшихъ московскихъ типографій: миръ праху его! Это былъ знатокъ своего дѣла, честнѣйшій человѣкъ и примѣрный хлѣбосолъ и для своихъ и знакомыхъ онъ былъ товарищъ по университету и другъ почти всѣхъ современныхъ литераторовъ московскихъ и Петербургскихъ: писывалъ и самъ хотя немного и безъ подписи фамиліи но всегда хорошо и вѣрно. Его очерки московскихъ окрестностей, разбросанные по разнымъ современнымъ журналамъ отъ 1820 до 30-го года не лишены какъ историческаго такъ и чисто литературнаго достоинства. Кромѣ того

нмъ изданъ извѣстный всей Россіи, и лучшій донынѣ, французско-русскій словарь Татищева. При его же содѣйствіи, изданы альманахи въ пользу бѣдныхъ: «Эхо» — и «Сиротка» — которые въ свое время имѣли большой успѣхъ. Типографія его остается и теперь въ томъ же видѣ, какъ была при немъ, и будетъ продолжать безостановочно свое дѣло.

Кстати, вотъ анекдотъ, который сочиненъ въ Москвѣ. Распространился какъ-то слухъ о безпрестанныхъ воровствахъ — было ли дѣйствительно много воровъ въ это время, нѣтъ ли — объ этомъ исторія молчитъ. Главное, что всѣ говорили о ворахъ, боялись воровъ, видѣли во-снѣ воровъ, откапывали прошлыя исторіи о ворахъ, и такъ далѣе. Подъ этимъ общимъ впечатлѣніемъ страха, одинъ господинъ, отъ природы до невѣроятности мнительный, возвращается откуда-то пѣшкомъ, поздно вечеромъ. Улицы мертвы. Только идетъ за нимъ другой господинъ. Первый господинъ поворачиваетъ куда нужно, второй—за нимъ; первый господинъ ускоряетъ шаги, второй ускоряетъ. Первый тише, второй тише. Первый опять поворачиваетъ, другой тоже поворачиваетъ. Первый господинъ едва переводитъ духъ. «Воръ, говоритъ онъ себѣ, воръ, разбойникъ!» Съ этою мыслію машинально хвать за часовой карманъ: часовъ нѣтъ. Что тутъ думать? Быстро оборачивается онъ ко второму господину, и самымъ страшнымъ голосомъ произноситъ: «подай часы!» Второй господинъ, оторопѣвъ, вынимаетъ часы, и отдаетъ. Первый господинъ, подхвативъ полы, бѣжитъ опрометью домой. «Ужъ дешево отдѣлался, слава Богу!» Глядь, его часы на столѣ, а онъ пришелъ съ чужими.

Желѣзная дорога, — я на эту минуту разумѣю дебаркадеръ — что за обаятельное производитъ впечатлѣніе! Зачѣмъ бы ни случилось быть тамъ, хоть бы провожать самаго лучшаго пріятеля — и это всегда очень тяжело — посмотришь на это громадное зданіе дебаркадера, на вагоны, на эту нитку, брошенную въ даль — и Богъ знаетъ куда летитъ мысль! Если же случится присутствовать при пріѣздѣ петербургскаго поѣзда, нельзя сказать, какими сладкими, какими отрадными надеждами окрыляется сердце!.. Двадцать два часа, и мы у той точки, гдѣ зародилось все великое Россіи, гдѣ стоялъ и виновникъ всего,

и все великое, все свѣтлое ума и мысли, будетъ шутя слетаться въ сердце отечества и проливаться по безбрежному пространству.

> Отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды,
> *До* стѣнъ китайскихъ *отъ* Кремля ...

какъ разливается отъ сердца кровь по всему тѣлу ...

Какихъ же вамъ, наконецъ, метеорологическихъ извѣстій? Мои личныя наблюденія по этой части весьма немногосложны: офицеры гуляютъ по Тверскому бульвару въ сертукахъ, муфты у дамъ исчезаютъ, энѣгъ еще есть, но не вездѣ ... Мы ѣздимъ на колесахъ, но. —

> Еще лежитъ, бѣлѣясь средь полей,
> Послѣдній снѣгъ и постепенно таетъ,
> И въ полдень яркій солнце вызываетъ
> Понѣжиться въ теплѣ своихъ лучей.
> Весною пахнетъ. Тѣло лѣнь объемлетъ. —
> А голова и кружится и дремлетъ ...

Помните ли вы это стихотвореніе Огарева? Другой поэтъ, г. Тургеневъ, говоритъ, что «весною такъ и тянетъ въ даль.» Дѣйствительно, такъ и тянетъ. Инстинктъ или позывъ общій человѣку съ перелетною птицей, но не возьметесь ли вы объяснить мнѣ, почему птицу весною тянетъ на сѣверъ, а человѣка, котораго *безперымъ пернатымъ* не опредѣлялъ никто, кажется, кромѣ древняго энсцентрика, предпочтительно тянетъ туда, (какъ говоритъ тоже стихотвореніе) въ одинъ изъ тѣхъ краевъ,

> Гдѣ небо ясно, вѣчная весна,
> Гдѣ море плещетъ, искрясь и синѣя,
> И лавровъ гордыхъ тянется аллея —
> Далекая, волшебная страна!..

ПОПРАВКИ:

Въ № 3-мъ Пантеона, въ «Московскомъ Вѣстникѣ» вкрались нѣкоторыя опечатки, которыя мы спѣшимъ исправить.

	Напечатано	*надо читать.*
Страница 12.	Лемнова	*Лешкова.*
18.	Chake–hands	Shake–hands.
25.	все-таки не проченъ	*все-таки проченъ.*
28.	Веневитиновъ	*Венелинъ.*
34.	Жоль	*Жоссъ.*
35.	Гаунта	*Гаупта.*

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I.

ЛИТЕРАТУРА И ЖУРНАЛИСТИКА.

Распространеніе журналовъ и причина ихъ успѣха. — Современникъ и толки о немъ. — Статьи и авторы въ первыхъ трехъ книгахъ. — Смедовская долина. — Дарованіе и вычурность. — Картинность описаній г. Григоровича. — Капитанъ Тольди. — Великосвѣтскія повѣсти съ страдальцами полными самоотверженія. — Г. Ростиславъ и его предисловіе. — Промахи и неправильности музыканта-сочинителя. — Превращеніе мелодіи въ риторику. — Отчего хорошіе музыканты (а тѣмъ болѣе плохіе) не бываютъ хорошими писателями? — Что̀ собственно выражаетъ музыка. — Три встрѣчи г. Тургенева. — Картина южной и сѣверной ночи. — Пропажа «Иностранной Литературы» въ Современникѣ и Отечественныхъ Запискахъ. — Г. Писемскій и писатели идущіе вспять. — Пародія и стихи Современника. — Энеида г. Шершеневича. — Науки и Смѣсь. — Критика и разборъ «Племянницы». — Замѣтки Новаго Поэта и его совѣтъ журналу. — Сынъ Отечества — Наружность журнала и его издатель. — Какъ г. Фурманъ пишетъ повѣсти. — Стихотворцы Сына Отечества. — Русскій Ньютонъ и его открытія. — Разборъ «Деньщика» г. Кукольника, въ отношеніи къ языку. — Концерты.

Московскій корреспондентъ нашъ сообщилъ въ прошломъ нумерѣ Пантеона извѣстія обо всѣхъ новостяхъ московской литературы. На долю нашего *Вѣстника*, по самому названію его, остается литература петербургская. Мы уже говорили, что будемъ бесѣдовать съ читателями преимущественно о журналахъ, потому-что въ настоящее время въ нихъ сосредоточивается почти вся наша литература. Были люди, которые видѣли въ распространеніи журналовъ и всеобщемъ стремленіи къ чтенію ихъ — упадокъ литературы. Мы, напротивъ, видимъ въ этомъ фактъ ея развитія. Что̀ удивительнаго въ томъ, что съ появленіемъ хорошихъ журналовъ перестали читать плохіе романы? Не доказываетъ ли успѣхъ журналовъ желаніе публики ознакомиться съ ходомъ

просвѣщенія и наукъ во всемъ образованномъ мірѣ? Не пріятно ли видѣть въ читателяхъ стремленіе къ энциклопедичности, которому вполнѣ удовлетворяетъ журналъ, заключающій въ себѣ, кромѣ литературныхъ разсказовъ, статьи ученаго содержанія, разработку серьозныхъ вопросовъ, извѣстія по всемъ отраслямъ человѣческихъ знаній? Хорошая книга разойдется независимо отъ журнала, а дурную не станутъ читать, если не будетъ и ниодного журнала.

Кромѣ разнообразія, занимательности и удовлетворенія всѣмъ вкусамъ и требованіямъ, на сторонѣ журналовъ также преимущество ихъ дешевизны, сравнительно съ книгами. За 12, 15 рублей въ годъ, можно имѣть цѣлую библіотеку статей во всѣхъ родахъ, познакомиться съ замѣчательнѣйшими писателями русскими и иностранными (въ переводѣ или обзорахъ ихъ сочиненій). Попробуйте купить на эту сумму въ любомъ магазинѣ русскихъ книгъ,—разумѣется не азбукъ и не сонниковъ,— но хоть однихъ французскихъ романовъ въ московскомъ переводѣ, и вы увидите всю разницу въ цѣнѣ книгъ и журналовъ. Это, впрочемъ, иначе и быть не можетъ: книги у насъ не расходятся въ такомъ количествѣ, какъ журналы.

Стало-быть, предметомъ нашего литературнаго обзора будутъ по-преимуществу петербургскіе журналы. О другихъ литературныхъ новостяхъ мы будемъ говорить только, когда они возбудятъ почему-либо общее вниманіе. Впрочемъ, библіографія самихъ журналовъ даетъ намъ поводъ высказывать наше мнѣніе о значительнѣйшихъ произведеніяхъ русскихъ писателей. Чтоже касается до провинціальной литературы, то она еще такъ мало развита, что *Современникъ*, къ которому мы сейчасъ обратимся, сдѣлавши сначала для нея особую рубрику въ своей библіографіи, вскорѣ оставилъ это раздѣленіе и началъ по прежнему разбирать книги, выходящія въ провинціи, наравнѣ съ тѣми, которыя выходятъ въ Петербургѣ. Это гораздо основательнѣе, и мы будемъ держаться того же.

Первый взглядъ на *названія* статей, въ вышедшихъ донынѣ книжкахъ Современника, — (читатели прежде всего обращаютъ вниманіе на это) — сильно говоритъ въ пользу журнала. Продолженій въ немъ всего два: Энеиды и романа господина Писемскаго; между писателями встрѣчаются имена, которыя знаетъ и любитъ русская публика: Тургенева, Григоровича, Майкова, Туръ, Грановскаго, Перевощикова, Фета; изъ иностранныхъ авторовъ: Гумбольдта, Диккенса, Жоржъ-Занда; статьи всѣ разнообразныя и интересныя (мы все говоримъ еще о *названіяхъ*); однимъ словомъ, лучшаго кажется нельзя и желать. Самая наружность журнала, неисключая его постоянной

сѣро–лиловой обертки — весьма комфортебельная и джентельменская (два любимыя слова Современника). Не смотря на это, по прочтеніи всѣхъ статей въ любой книгѣ журнала, оставаясь вполнѣ довольнымъ многими изъ этихъ статей, все таки чувствуешь въ журналѣ недостатокъ общей мысли, связывающей статьи, отсутствіе не то направленія, не то редакціи, твердости литературныхъ убѣжденій и началъ. Въ особенности, замѣтно это въ критическихъ статьяхъ и сужденіяхъ объ иностранныхъ писателяхъ (шаткостью и странностью мнѣній о послѣднихъ отличался въ особенности *иногородный подписчикъ*, переѣхавшій теперь, какъ извѣстно, въ Библіотеку для Чтенія, послѣ леченія на теплыхъ водахъ и выхода въ отставку изъ Современника, по болѣзни). Со времени своего преобразованія, Современникъ имѣлъ много случаевъ, особенно въ первые годы, высказаться передъ читателями. Онъ не сдѣлалъ этого однакоже, но смотрѣлъ и смотритъ до сихъ поръ на литературу какъ–то легко, съ юмористической, иногда даже съ саркастической точки зрѣнія. Можетъ быть, частью по этой причинѣ, многіе изъ читателей въ свою очередь какъ–то странно смотрятъ на Современникъ, почитая его скорѣе за альманахъ, появляющійся періодически, нежели за журналъ. Есть даже и такіе упрямые читатели, которые до сихъ поръ не убѣждены въ томъ, что существованіе этого журнала совершенно твердо и самостоятельно, которые увѣрены, что отдѣленіе его редакторовъ и многихъ сотрудниковъ отъ Оечественыхъ Записокъ произошло dans un moment d'humeur et de bouderie, что все это маленькая, домашняя ссора, которая кончится тѣмъ, что заблудшееся дитя возвратится въ домъ отеческій.

Мы не раздѣляемъ, конечно, этихъ надеждъ или опасеній ad libitum, и привели эти слухи только какъ любопытный фактъ, имѣющій свое значеніе и, частію, свое основаніе. Читатели однакоже любятъ Современникъ, а литература должна быть благодарна ему за то, что онъ первый познакомилъ публику съ нѣкоторыми весьма замѣчательными писателями, каковы гг. Авдѣевъ, Гончаровъ, Евгенія Туръ, и др.

Разберемъ теперь каждую изъ вышедшихъ книгъ Современника, просмотрѣвъ всѣ статьи по отдѣламъ.

Первая книга начинается романомъ «Львы въ Провинціи». До сихъ поръ (въ трехъ книгахъ), напечатаны первая часть и начало второй. Покамѣстъ мы можемъ только замѣтить, что языкъ романа прекрасный, читается онъ легко, но лица довольно блѣдны и между ними чрезвычайно много хвастуновъ. Кромѣ романа, въ январской книгѣ помѣщенъ разсказъ г. Григоровича «Смедовская долина» и повѣсть г. Ростислава — «Капитанъ Тольди».

Смедовская долина принадлежитъ къ числу лучшихъ разсказовъ у г. Григоровича и вообще въ нашей литературѣ. Это небольше какъ мелкій очеркъ одной стороны нашего простонароднаго быта, но очеркъ, который гораздо вѣрнѣе и ярче, нежели иныя картины со множествомъ героическихъ лицъ, отдѣланныхъ самыми густыми красками. Пастухъ разсказываетъ исторію своего сына, который «загулялъ» и былъ несчастливъ въ своей семейной жизни. Что̀ можетъ быть проще этого содержанія, — и между тѣмъ каждая страница этого превосходнаго разсказа заставляетъ васъ поневолѣ задуматься — вѣрностью описаній, неподдѣльнымъ чувствомъ, глубиною мысли, лежащей въ основаніи разсказа. Г. Григоровичь рѣшительно не имѣетъ соперниковъ въ изображеніи крестьянскаго быта — и маленькіе разсказы его, написанные на этотъ сюжетъ — настоящіе перлы русской литературы. Автора упрекали въ послѣднее время за то, что тонъ его разсказовъ по преимуществу элегическій и даже идилическій. Послѣднее обвиненіе кажется намъ несправедливымъ; съ первымъ — мы согласны, но въ этомъ не вина автора. Что бы сказали о музыкантѣ, который вздумалъ бы заунывную русскую пѣсню положить на плясовой ладъ, или написать мотивъ аллегро на слова: «не шуми ты, мать, зеленая дубравушка»? Для насъ, — да вѣроятно и для всѣхъ читателей — разсказы въ родѣ «Смедовской долины» несравненно выше и интереснѣе романа того же автора, который, — то есть романъ, а не авторъ—такъ же однообразенъ, негладокъ, скученъ, какъ сами «Проселочныя Дороги», которыми г. Григоровичь назвалъ свое безконечное произведеніе.

Не смотря на удовольствіе, доставляемое «Смедовскою долиною», мы должны однакоже замѣтить автору, что слогъ его мѣстами невыдержанъ, а иногда черезъ-чуръ вычуренъ, что̀ составляетъ непріятную противоположность съ простымъ и безъискуственнымъ содержаніемъ разсказа. Желая выражаться картиннѣе — авторъ употребляетъ иногда странные, изысканные обороты. Такъ у него, рѣка любуется холмами, мимо которыхъ протекаетъ (выраженіе напоминающее мадригалы XVIII столѣтія); открывается лугъ, *исполосованный* серебрянной лентой, и овраги, *исполосованные* длинными тѣнями осинъ; въ послѣднемъ случаѣ, еще можно допустить это вычурное выраженіе, но въ первомъ — никакъ, потому что исполосовать значитъ нарѣзать или начертить множество полосъ по одному какому-нибудь полю, чего, ужъ конечно, не можетъ сдѣлать одна рѣка, протекающая по лугу. И такихъ неточныхъ или изысканныхъ словъ и выраженій у г. Григоровича множество. Такъ у него, скаты долины выступаютъ длинными глинистыми *языками* (вмѣсто простаго и совершенно однозначащаго слова: *мысъ*), вездѣ *листва*,

а не листья деревьевъ, не стоги, а *наметы* сѣна; употребленіе иностранныхъ словъ также или неумѣстно или невѣрно. Зачѣмъ, напримѣръ, писать — *детали* вмѣсто *подробности*? говорить, что *хребетъ* долины (также несовсѣмъ правильное выраженіе) *планируетъ* надъ его лѣвою стороною. Въ этомъ случаѣ, чтобы не употребить русскаго выраженія: господствуетъ, возвышается, авторъ вздумалъ перенести прямо въ нашъ языкъ французскій глаголъ planer, вѣроятно не подумавъ, что въ этомъ случаѣ его никакъ нельзя перевести словомъ *планировать*, имѣющимъ совершенно другое значеніе. И всѣ эти неточности на первыхъ двухъ страницахъ, и рядомъ съ ними, въ нѣсколькихъ строкахъ, слѣдующая мастерская картина.

«Нерѣдко увидите вы бѣлую, костлявую клячу, которая спитъ, положивъ кудластую голову на красноватыя жерди, окружающія сѣно, между-тѣмъ какъ жеребенокъ, повернувшись къ ней спиною и вытянувъ узенькую шейку, заливается звонкимъ ржаньемъ, въ полномъ убѣжденьи, что потерялъ мать.»

Подобныхъ вѣрныхъ и живописныхъ описаній у г. Григоровича множество; тѣмъ непріятнѣе встрѣчать выраженія неточныя и неестественныя. А ихъ у него не мало: онъ пишетъ — *прикутываться* въ шинель, *молчокъ*, вмѣсто молчанія, ладонь руки (какъ будто у ноги есть тоже ладонь); ветлы у него *возносятся*, плотина со своими тварями и мельница — *перекидываются* въ сверкающемъ пруду; пастухъ у него жуетъ хлѣбъ «перенося поминутно откушенный кусокъ *изъ* одной щеки въ другую»; онъ не услышалъ мычанія, а оно «коснулось слуха его» и проч. Подобныя фразы пересыпаются нерѣдко провинціальными и областными словами, не всѣмъ понятными, какъ напримѣръ: шавель, сукроя, кочадыкъ, тварни, или неправильными, хотя можетъ-быть гдѣ-нибудь и употребляемыми, какъ полудникъ вмѣсто полдникъ, рукомесло и тому подобныя. Всѣ эти обмолвки, неправильности и изысканности нисколько не придаютъ красоты разсказу и избѣгнуть ихъ очень легко, если быть немного построже къ самому себѣ и повнимательнѣе прочесть написанное. Что легко и безъ нихъ обойтись, это всего лучше доказываетъ самъ же г. Григоровичъ, приводя напримѣръ такія описанія:

«Солнце замѣтно уже склонилось къ западу, такъ что тропинка, ручьи и весь лѣвый скатъ долины *окутывались* тѣнью; со всѣмъ тѣмъ, было однакожъ очень жарко; правая сторона долины, облитая косыми лучами солнца, сообщала, казалось, теплоту самымъ тѣнистымъ частямъ противоположнаго берега; тонкій запахъ шиповника, кашки, медуницы и другихъ полевыхъ цвѣтовъ, смѣшиваясь съ запахомъ сырой почвы и топкихъ лужаекъ, окаймляющихъ ручьи, разливался въ

воздухѣ съ приближеніемъ вечера. Круглыя, величественныя облака, сверкающія какъ перломутръ или кованое серебро, медленно бродили по небу, открывая безконечныя перспективы съ синимъ, прозрачнымъ дномъ; съ каждой секундой долина принимала новые оттѣнки: густой, мѣстами темно-зеленый, мѣстами темно-синій колоритъ тѣнистой стороны отдѣлялъ ее рѣзче и рѣзче отъ пылающаго неба и бѣлыхъ облаковъ; лѣвая сторона окрашивалась между-тѣмъ пурпуромъ и не было казалось точки, которая не находилась-бы въ движеніи, желтая тѣнь враговъ быстро бѣжала по откосу, превращаясь въ розовую и фіолетовую; смолистые стволы деревъ превращались въ золото и ярко сверкали между листами, бросавшими коричневыя сквозныя тѣни. Вѣтеръ не *трогалъ* ни однимъ листкомъ, или лучше сказать его вовсе не было. Картина оживлялась безчисленнымъ множествомъ стрижей — маленькихъ птичекъ въ родѣ ласточекъ: вырываясь изъ своихъ кругленькихъ норокъ, которыми пробуравлены крутые берега Аледвы, они зигзагами рѣзали воздухъ: изрѣдка, въ вышинѣ показывался коршунъ; вытянувъ неподвижно зубчатыя крылья свои и управляясь однимъ хвостомъ, онъ водилъ плавные круги надъ долиной.»

Въ этой почти рельефной картинѣ, всего только одно изъисканное слово, подчеркнутое нами, во второй строкѣ. Значитъ, можно безъ хитросплетенныхъ словъ передавать описанія вѣрно и картинно. Искренно уважая талантъ г. Григоровича, мы въ тоже время искренно совѣтуемъ ему избѣгать вычурности и неправильностей. Чѣмъ строже будетъ онъ къ самому себѣ, тѣмъ снисходительнѣе будетъ къ нему критика.

«Капитанъ Тольди, Очерки свѣтской жизни» г. *Ростислава* напомнили намъ время, когда въ нашей литературѣ была мода на повѣсти съ великосвѣтскими сюжетами, львами и львицами, — непремѣнное условіе, — героями въ желтыхъ перчаткахъ, съ байронизмомъ или покрайней мѣрѣ печоринствомъ въ сердцѣ, съ холоднымъ взглядомъ, презрительной улыбкой, — и женщинами пресыщенными, скучающими, и въ тоже время страстными, жоржъ-зандовскими, которыя постоянно полу-лежатъ на роскошной кушеткѣ, — второе условіе еще *непремѣннѣе* перваго. Въ «Капитанѣ Тольди» есть всѣ условія подобныхъ повѣстей: богатый, равнодушный супругъ, супруга всѣми довольная, счастливая повидимому, весьма привязанная къ супругу и въ тоже время посматривающая на капитана Тольди, сумрачнаго итальянца, котораго зовутъ Піетро, но который не любитъ этого имени и проситъ, чтобы его называли Педро (по какой причинѣ, авторъ объ этомъ умалчиваетъ, вѣроятно потому-что не легко найти причину такой дѣтской фантазіи). Капитанъ, разумѣется, любитъ жену своего друга всѣмъ пыломъ своей волканической души, но благородство въ немъ выше страсти и онъ жертвуетъ собою для счастія любимой имъ женщины,

страдая молча, любя безнадежно, какъ любили и страдали Ральфъ въ Индіанѣ, Гонріе въ Леонъ-Леони и множество другихъ непризнанныхъ и непонятыхъ страдальцевъ, включая въ это число Ильменева, надъ которымъ еще такъ недавно плакали всѣ чувствительныя сердца, читая описаніе неудачной любви его къ героинѣ «Племянницы». Стратагема, которую капитанъ употребляетъ, чтобы отклонить отъ себя вниманіе графини — (онъ увѣрилъ ее, что любитъ какую то канатную плясунью) также не новость. Мы читали что-то очень похожее на эту исторію въ одномъ изъ французскихъ романовъ, которые также легко читаются, какъ и забываются. Впрочемъ, авторъ и самъ не скрываетъ этого, говоря въ предисловіи, что содержаніе его разсказа *можетъ-быть* отчасти заимствовано. Это *можетъ-быть* очень наивно. Комужъ и знать объ этомъ навѣрное, какъ не самому передѣлывателю французскаго разсказа на русскій ладъ? Впрочемъ, долгомъ считаемъ сказать, что русскаго въ этомъ разсказѣ только мѣсто дѣйствія, названія Невскаго Проспекта, Большой Морской, Елагина Острова; но дѣйствіе можетъ происходить также удобно въ Вѣнѣ, Мадридѣ, Нью-Іоркѣ, Калькутѣ, Ріо-Жанейро, тѣмъ болѣе, что всѣ дѣйствующія лица повѣсти совершенно не русскія и могутъ быть легко пожалованы въ любую націю, — потому-что идеальныя лица могутъ быть во всякой націи.

Очень интересно въ особенности предисловіе къ повѣсти, въ формѣ письма къ редактору. Мы узнаемъ прежде всего, что если авторъ и новый человѣкъ на беллетристическомъ поприщѣ, то онъ уже довольно *пошатался* по другой *сосѣдней стезѣ*». Стезя эта — музыка. Въ молодости, авторъ испытывалъ «тревожное волненіе юныхъ помышленій», что онъ «не одну тысячу *окунулъ* безвозвратно въ бурныя волны промышленности, написалъ болѣе полутораста романсовъ, изъ которыхъ не болѣе дюжины приняты подъ покровительство публики, потомъ поставилъ на сцену двѣ оперы, принятыя благосклонно, по увѣренію автора, и за которыя его по нѣскольку разъ вызывали, хотя онъ и не просилъ никого объ этомъ. Охотно вѣримъ всему этому, но удивляемся, что г-нъ Ростиславъ, человѣкъ уже не молодой, а въ «осеннемъ цвѣтѣ лѣтъ», какъ это видно изъ предисловія, — вѣритъ пріятельскимъ вызовамъ, когда самъ же говоритъ, что оперы его играли не больше трехъ разъ.

Дальнѣйшія признанія этого предисловія еще интереснѣе. Авторъ говоритъ, что писать романсовъ теперь невозможно, что мода *на него* прошла, что въ старину у него выпрашивали романсовъ и щедро платили за нихъ, а нынче съ него же просятъ *придачи* къ его рукописи; потомъ, автору показалось, что мелодіи «можно высказать иначе», и онъ началъ писать повѣсти, сначала по-французски — вѣроятно, потому-

что музыкальныя мысли удобнѣе всего перелагаются во французскую прозу; — собравъ пріятелей, авторъ-композиторъ прочелъ имъ переводъ мелодіи на слова; сначала, всѣ молчали, такъ что автору сдѣлалось «неловко и холодно»; наконецъ ужъ, одна дама — благодѣтельница, какъ ее называетъ авторъ — сказала нѣсколько одобрительныхъ словъ. Но и тутъ, восторгу писателя помѣшалъ какой-то правдолюбивый пріятель. Онъ сказалъ автору, что тотъ напрасно писалъ по-французски, потому-что въ самыхъ страшныхъ выходкахъ Сулье и Сю просвѣчиваетъ живость и безпечность и что французы «не парятъ, а порхаютъ». (Замѣтимъ мимоходомъ что это мнѣніе о вѣтрености французовъ отжило свой вѣкъ, вмѣстѣ со старинными риториками, и увѣрять теперь, что Сулье и Сю живые и безпечные писатели, что Жоржъ Зандъ, Бальзакъ, Гюго, и другіе корифеи французской литературы только *порхаютъ* — болѣе, чѣмъ странно). Вслѣдствіе совѣта этого пріятеля, музыкантъ-сочинитель взялъ листъ бѣлой бумаги, завернулъ въ него, какъ въ саванъ, свои «минутно-жившія мелодіи», и похоронилъ ихъ въ письменномъ столѣ.

Послѣ этого, г. Ростиславъ все таки не успокоился и написалъ повѣсть по-русски, которую и напечаталъ редакторъ Современника».

«Что, если вы скажете, что я писалъ по русски, а думалъ по французски? — право, страшно!» говоритъ авторъ въ концѣ предисловія. И жаль пугать его, если это ему дѣйствительно страшно; а надо признаться, что нельзя не сказать этого, надо сказать даже болѣе.

Вотъ какъ, напримѣръ, у него изъясняется капитанъ въ письмѣ къ графинѣ:

«Прощайте на вѣкъ, будьте счастливы и не вспоминайте о невольной вашей жертвѣ, если это можетъ помрачить ваше благополучіе».

Кромѣ того, что фраза эта написана очень тяжелымъ языкомъ — трудно догадаться, что Тольди называетъ здѣсь себя жертвою графини; по обороту фразъ, подумаешь, напротивъ, что графиня принесла ему жертву. Попробуйте для примѣра еще прочесть слѣдующую фразу:

«Вотъ этотъ домъ онъ купилъ за безцѣнокъ, съ публичнаго торга, и въ два или три мѣсяца превратилъ его (публичный торгъ?) въ достойный тебя храмъ, мой милый кумиръ!»

Надѣемся, что этихъ доказательствъ довольно для убѣжденія автора въ томъ, какъ важны ошибки его противъ русскаго языка. Замѣтимъ также, что г-ну Ростиславу не слѣдовало бы, оканчивая свою повѣсть, прибѣгать къ уловкамъ нѣкоторыхъ писателей, — также давно уже устарѣвшимъ и забытымъ, и останавливаться на какой-нибудь катастрофѣ, обѣщая въ послѣдствіи — разсказать о дальнѣйшей участи сво-

ихъ героевъ. Повѣсть его, конечно, не окончена, но мы думаемъ, что ее мудрено и кончить, не уморивъ кого-нибудь изъ трехъ главныхъ лицъ.

Впрочемъ, капитанъ Тольди не первый опытъ г. Ростислава на этой стезѣ. Онъ сотрудникъ «Сѣверной Пчелы» и писалъ въ фельетонѣ ея недавно еще длинный разборъ Мейерберова Роберта съ разными украшеніями и таинственною обстановкою. Этотъ разборъ напомнилъ намъ превосходную музыкальную повѣсть Бальзака: *Gambara*, гдѣ знаменитый французскій романистъ говоритъ о Робертѣ, какъ музыкантъ и поэтъ.

Оканчивая нашъ разборъ, намъ пришло на мысль: отчего это ниодинъ хорошій музыкантъ,—не былъ въ то же время хорошимъ писателемъ? Мы знаемъ только два исключенія: Гофманъ и Жанъ-Жакъ Руссо, но и тѣ гораздо болѣе замѣчательны какъ писатели, нежели какъ композиторы. Недавно Листъ издалъ біографію своего покойнаго пріятеля Шопена; надо прочесть эту брошюру, чтобы убѣдиться, до какой степени знаменитому сокрушителю фортепіанъ чужды самые первоначальные законы составленія фразъ и логическаго сочетанія мыслей. Если такова, участь хорошихъ музыкантовъ, чтоже могутъ написать плохіе? Идея г. Ростислава, что музыкальныя мысли можно высказать «иначе нежели звуками» до того странна, что мы считаемъ даже излишнимъ опровергать ее. Да врядъ ли и самъ онъ можетъ найти какую-нибудь аналогію между его операми, романсами и капитаномъ Тольди, — развѣ ту только, что и музыка и повѣсть равно не удались ему. Даже мнѣніе его, что военную мелодію нельзя смѣшать съ пасторальной, и пѣснь любви съ вакхическимъ напѣвомъ,—можетъ-быть оспариваемо. Часто одна перемѣна темпа, измѣняетъ совершенно значеніе мелодіи. У Леона Гозлана есть маленькій разсказъ, въ которомъ одинъ неизвѣстный композиторъ сочиняетъ пастораль, а подъ звуки этой пасторали Боливаръ разбиваетъ войска испанцевъ. Музыканты утверждаютъ уже давно, что музыка можетъ изображать все, не исключая даже пейзажей, по мнѣнію господина Берліоза, но убѣжденія ихъ не раздѣляютъ не-музыканты, которые говорятъ, напротивъ, что музыка именно потому нравится всѣмъ, что не выражаетъ ровно ничего рѣзко и опредѣленно и всякій находитъ въ звукахъ выраженіе именно того чувства, которое больше трогаетъ его, ближе и понятнѣе ему. Объ этомъ было много писано и велись когда-то жаркіе споры, и музыканты, если ничего не доказали, то покрайней мѣрѣ не щадили для своихъ противниковъ классическаго названія— Vulgus profanum.

Во второй книгѣ, первое мѣсто въ отдѣлѣ Словесности принадлежитъ разсказу г. Тургенева: «Три встрѣчи». Содержаніе разсказа очень бѣдное: авторъ встрѣчается три раза въ — Италіи, въ деревнѣ и въ Санкт-

петербургѣ — съ одною женщиною, которая сильно интересуетъ его, — и все тутъ. Совершенно напрасно авторъ вздумалъ придать разсказу таинственность, заставилъ стараго слугу, Лукьяныча, неизвѣстно для чего, удавиться въ чуланѣ, гдѣ висѣли какіе-то странные портреты. Этихъ аксессуаровъ вовсе было ненужно для приданія интереса разсказу. Это простой случай, анекдотъ, написанный хорошимъ языкомъ, въ которомъ изрѣдка только попадаются неловкія выраженія въ родѣ: *медлительная* важность (почему не медленная?); — все вокругъ меня наполнилось голосомъ этой женщины, все звенѣло ею въ отвѣтъ, *звенѣло ею;* — съ трудомъ расклеивая губы, смазанныя медомъ перваго сладкаго сна (не совсѣмъ граціозная картина); — чернышъ *затрепыхался* изъ травы; — *протянувъ* голову, сидѣла она небрежно; — какъ сновидѣніе— *прошла она мимо* и исчезла навсегда (мимо чего? и какъ же это сны проходятъ *мимо?*). Есть въ этомъ разсказѣ даже вовсе не интересныя и лишнія подробности, какъ напримѣръ описаніе сна, дѣйствительно весьма безтолковаго; но за то есть въ этихъ «Трехъ Встрѣчахъ» такія двѣ страницы, за которыя можно отдать цѣлые томы романовъ въ родѣ того, который въ прошломъ году печатался въ «Современникѣ». На этихъ страницахъ — картина южной и сѣверной ночи. Какъ ни искусно описываетъ природу г. Григоровичъ, но преимущество въ этомъ отношеніи остается за г. Тургеневымъ. При всей нашей нелюбви къ длиннымъ выпискамъ, мы приведемъ эти описанія — для сравненія, и еще болѣе потому-что на русскомъ языкѣ немного подобныхъ картинъ. Въ покойныхъ риторикахъ, эти картины заняли бы первое мѣсто подъ рубрикою «Описаній», и закоренѣлые классики отдали бы преимущество картинамъ г. Тургенева передъ всѣми знаменитыми описательными отрывками изъ русской словесности, не исключая «Финляндіи»—Батюшкова. Вотъ эти картины, изъ которыхъ одна даже очень коротка.

«Я быстро шелъ по улицѣ. Уже давно настала ночь, — великолѣпная ночь, южная, не тихая и грустно задумчивая, какъ у насъ, нѣтъ! вся свѣтлая, роскошная и прекрасная, какъ счастливая женщина въ цвѣтѣ лѣтъ: луна свѣтила невѣроятно ярко; большія, лучистыя звѣзды такъ и шевелились на темно-синемъ небѣ; рѣзко отдѣлялись черныя тѣни отъ освѣщенной до желтизны земли. Съ обѣихъ сторонъ улицы, тянулись каменныя ограды садовъ; апельсинныя деревья поднимали надъ ними свои кривыя вѣтки; золотые шары тяжелыхъ плодовъ то чуть виднѣлись, спрятанные между перепутанными листьями, то ярко рдѣли, пышно выставившись на луну. На многихъ деревьяхъ нѣжно бѣлѣли цвѣты; воздухъ весь былъ напоенъ благовоніемъ, томительно сильнымъ, острымъ и почти тяжелымъ, хотя невыразимо — сладкимъ.»

Теперь вотъ картина сѣверной, русской лѣтней ночи въ деревнѣ.

«День былъ съ самого утра тихій, сѣрый, словно весь проникнутый вечеромъ. Я забрелъ далеко, а уже не только совершенно стемнѣло, но луна взошла, и ночь, какъ говорится, давно стала на небѣ, когда я достигъ знакомой усадьбы. Мнѣ пришлось идти вдоль сада... Кругомъ была такая тишина..

«Я перешелъ черезъ широкую дорогу, осторожно сквозь запыленную крапиву и прислонился къ низкому плетню. Неподвижно лежалъ передо мною небольшой садъ, весь озаренный и какъ-бы успокоенный серебреными лучами луны, — весь благовонный и влажный. Разбитый по старинному, — онъ состоялъ изъ одной продолговатой поляны. Прямыя дорожки сходились на самой ея серединѣ въ круглую клумбу, густо заросшую астрами; высокія липы окружали ее ровной каймой. Въ одномъ только мѣстѣ прерывалась эта кайма сажени на двѣ, и сквозь отверстіе виднѣлась часть низенькаго дома съ двумя, къ удивленію моему, освѣщенными окнами. Молодыя яблони кое-гдѣ возвышались надъ поляной; сквозь ихъ жидкія вѣтви синѣло ночное небо, лился дремотный свѣтъ луны; передъ каждой яблоней лежала на бѣлѣющей травѣ ея слабая, пестрая тѣнь. Съ одной стороны сада, липы смутно зеленѣли, облитыя неподвижнымъ, блѣдно-яркимъ свѣтомъ; съ другой, онѣ стояли всѣ черныя и непрозрачныя; странный, сдержанный шорохъ возникалъ повременамъ въ ихъ сплошной листвѣ; онѣ какъ-будто звали на пропадавшія подъ ними дорожки, какъ-будто манили подъ свою глухую сѣнь. Все небо было испещрено звѣздами; таинственно струилось съ вышины ихъ голубое, мягкое мерцанье; онѣ казалось съ тихимъ вниманьемъ глядѣли на далекую землю. Малыя, тонкія облака, изрѣдка налетая на луну, превращали на мгновеніе ея спокойное сіяніе въ неясный, но свѣтлый туманъ... Все дремало. Воздухъ, весь теплый, пахучій, даже не колыхался; онъ только изрѣдка дрожалъ, какъ дрожитъ вода, возмущенная паденіемъ вѣтки... Какая-то жажда чувствовалась въ немъ, какое-то млѣніе... Я нагнулся черезъ плетень: передо мной, красный полевой макъ поднималъ изъ заглохшей травы свой прямой стебелекъ; большая, круглая капля ночной росы блестѣла темнымъ блескомъ на днѣ раскрытаго цвѣтка. Все дремало, все нѣжилось вокругъ; все какъ-будто глядѣло вверхъ, вытянувшись, не шевелясь и выжидая... Чего ждала эта теплая, эта незаснувшая ночь? Звука ждала она; живаго голоса ждала эта чуткая тишина — но все молчало. Соловьи давно перестали пѣть ... а внезапное гудѣніе мимолетнаго жука, легкое чмоканье мелкой рыбы въ саженкѣ за липами на концѣ сада, сонливый свистъ встрепенувшейся птички, далекій крикъ въ полѣ, до того далекій, что ухо не могло различить, человѣкъ-ли то прокричалъ, или звѣрь, или птица, короткій быстрый топотъ по дорогѣ: всѣ эти слабые звуки, эти шелесты только усугубляли тишину... Сердце во мнѣ томилось неизъяснимымъ чувствомъ, похожимъ не то на ожиданье, не то на воспоминаніе счастія, я не смѣлъ шевельнуться, я стоялъ неподвижно передъ этимъ неподвижнымъ садомъ, облитымъ и лунымъ свѣтомъ и росой, и, не знаю самъ почему, неотступно глядѣлъ на тѣ два окна, тускло краснѣвшія въ мягкой полутѣни, какъ

вдругъ раздался въ домѣ аккордъ, раздался и прокатился волною... Раздражительно — звонкій воздухъ отгрянулъ эхомъ... Я невольно вздрогнулъ.

Еще недавно господствовало въ русской словесности убѣжденіе, что картины природы, описаніе пейзажей неумѣстны, если не совершенно безполезны, въ повѣстяхъ и разсказахъ. Это было время глубокихъ изслѣдованій, психическихъ анализовъ, развитія самыхъ тайныхъ и запутанныхъ наклонностей сердца; прежде всего, въ повѣсти отыскивали внутренній смыслъ, человѣчную идею, затаенную мысль; человѣкъ и его характеръ были единственнымъ сюжетомъ повѣстей. Теперь снова вошли въ моду разсказы, въ которыхъ весь интересъ сосредоточивается на разнообразіи и богатствѣ происшествій, на замысловатой завязкѣ и неожиданной развязкѣ. Теперь отъ повѣсти, какъ отъ піесы, болѣе всего требуютъ дѣйствія. Разсказъ г. Тургенева, не принадлежа ни къ первому, ни ко второму роду произведеній, составляетъ особенное, весьма рѣдкое явленіе, въ которомъ преобладаетъ сторона живописная, картинное описаніе природы. Подобные разсказы у насъ не такъ часто встрѣчаются, чтобы можно было оставаться къ нимъ равнодушнымъ.

Кромѣ «Трехъ Встрѣчъ» во второмъ нумерѣ Современника помѣщены въ отдѣлѣ Словесности «Очерки лондонскихъ нравовъ» Чарльза Диккенса, переведенные изъ малоизвѣстнаго здѣсь, но чрезвычайно замѣчательнаго журнала этого писателя: Household Words (Семейныя рѣчи). Въ первой книгѣ Современника, одинъ изъ подобныхъ очерковъ, впрочемъ напечатанный еще прежде въ Сѣверной Пчелѣ, «Лондонскіе воры и лондонская полиція» былъ помѣщенъ въ Смѣси. Въ отдѣлѣ же Иностранная Литература помѣщенъ біографическій очеркъ Диккенса и прекрасный разборъ третьей части Космоса, написанный г. Перевощиковымъ. Всѣ эти статьи, не исключая біографіи, (которая только коротка), очень интересны. Замѣтимъ здѣсь кстати, что лучшіе журналы наши, Отечественныя Записки и Современникъ, перестали въ послѣднее время наполнять свои страницы переводами иностранныхъ романовъ и повѣстей. Въ прошлыхъ годахъ, Отечественныя Записки переводили только Диккенса и Теккерея, теперь помѣщаютъ они романъ послѣдняго и то въ самомъ концѣ журнала, какъ-будто особое приложеніе; а въ Современникѣ вовсе исчезла изъ двухъ книгъ рубрика Иностранной Литературы; въ третьей же книгѣ, подъ этимъ заглавіемъ помѣщена, какъ мы уже сказали, біографія Диккенса. Очевидно, что уничтоженіе или по крайней мѣрѣ возможное сокращеніе такого отдѣла даетъ болѣе простора для другихъ оригинальныхъ статей, и мы не можемъ, вмѣстѣ со всѣми читателями, не радоваться тому, что изъ журналовъ нашихъ

исчезли безконечные и вовсе неинтересные переводы французскихъ романовъ, занимавшіе такое огромное количество печатной бумаги.

Въ февральской книгѣ, въ Смѣси, помѣщена еще повѣсть Эмиля Сувестра: Марзу. Авторъ этотъ прекрасно описываетъ нравы низшихъ классовъ французскаго общества. Статья переведена изъ Revue des deux mondes, хорошимъ языкомъ.

Въ мартовской книгѣ, въ отдѣлѣ Словесности, помѣщено описаніе Милана изъ замѣтокъ туриста. Г. Яковлевъ помѣщалъ постоянно въ Библіотекѣ для Чтенія отрывки изъ своего путешествія по Италіи. Въ замѣткахъ этихъ, нѣтъ ни глубокихъ мыслей, ни новыхъ взглядовъ, но они написаны живымъ, увлекательнымъ языкомъ и читаются легко и съ удовольствіемъ.

Въ Смѣси этого же номера есть также повѣсть, «Женитьба моего дяди» переведенная изъ Revue Britannique. Это довольно забавная исторія о томъ, какъ одного англійскаго офицера, стоявшаго въ гарнизонѣ въ Гибральтарѣ, женятъ поневолѣ на испанкѣ. Если мы прибавимъ къ этимъ статьямъ продолженіе «Богатаго жениха» г. Писемскаго, то получимъ все богатство Современника по отдѣлу Словесности, въ трехъ первыхъ книгахъ этого журнала.

О «Богатомъ женихѣ» мы ничего не скажемъ. Онъ предлагается читателямъ въ такихъ гомеопатическихъ пріемахъ, — страничекъ по тридцати съ небольшимъ, то-есть, по два печатныхъ листа, — какъ-будто это какое нибудь рѣдкое и дорогое лекарство. Признаемся, что оно показалось намъ сильно гидропатическимъ. Незнаемъ, сколько времени протянется этотъ романъ, но намъ кажется, что онъ давно бы могъ кончиться. Жалѣемъ о замѣчательномъ и неподдѣльномъ дарованіи г. Писемскаго, и должны причислить его поневолѣ къ тѣмъ писателямъ, которые идутъ не впередъ, а назадъ, съ каждымъ новымъ произведеніемъ. Такихъ писателей у насъ не мало, хотя это литературное пониженіе и не отнимаетъ у нихъ таланта. Въ Москвѣ у г. Писемскаго есть такой же собратъ, г. Островскій, начавшій комедіей «Свои люди», а кончившій «Бѣдной Невѣстою». Если бы эту Бѣдную Невѣсту г. Островскаго выдать за Богатаго Жениха г Писемскаго, вышла бы прекрасная пара, то, что французы называютъ: un mariage bien assorti. Въ Петербургѣ, есть въ такомъ же родѣ писатель, г. Дружининъ, у котораго гораздо менѣе дарованія, чѣмъ у этихъ москвичей, но едвали не больше авторскаго самолюбія, и который начавши съ недурной, хотя и выкроенной изъ французскихъ романовъ, повѣсти «Полинька Саксъ», слѣдовалъ той же уменьшающейся прогрессіи въ литературныхъ успѣхахъ. Принявшись въ послѣдствіи творить разсказы въ родѣ Жюли и Виль-

гельмины, онъ спустился наконецъ до фельетонныхъ произведеній, составленія разныхъ журнальныхъ компиляцій.

Посмотримъ теперь на поэтическій отдѣлъ «Современника». Въ прежнее время, этотъ журналъ помѣщалъ часто на своихъ страницахъ прекрасныя произведенія, въ то время какъ въ Смѣси писались пародіи на подобныя же произведенія. Мы не были впрочемъ никогда противниками этихъ пародій, не видѣли въ нихъ какого-то униженія искусства, профанаціи прекраснаго и высокаго. Пародія больше ничего, какъ литературная шутка; можно ли обижаться тѣмъ, что высказано умно, остро и смѣшно. Пародіи пишутся на произведенія извѣстныя всей публикѣ и подтверждаютъ даже славу этихъ произведеній, и вотъ почему мы всегда читали и читаемъ съ удовольствіемъ пародіи «Новаго Поэта». Поэтому насъ очень удивило, что стихотвореніе «Въ долгія ночи, какъ вѣжды на сонъ не сомкнуты», помѣщено въ отдѣлѣ Словесности, когда настоящее мѣсто ему въ стихотвореніяхъ «Новаго Поэта». Конечно, подъ этимъ стихотвореніемъ подписано имя г. Фета, но отчегоже и г. Фету не написать пародіи на короткія и пустыя стихотворенія? Во всякомъ случаѣ, мы не думаемъ, чтобы Современникъ находилъ серьозно — хорошими эти стихи г. Фета, поэта съ большимъ дарованіемъ, который можетъ писать и не однѣ пародіи.

За то, въ этомъ же нумерѣ есть стихотвореніе г. Некрасова, которое лучше его пародій и на которое въ свою очередь можно писать пародіи. Стихотвореніе это начинается стихомъ.

«Блаженъ незлобивый поэтъ».

Не смотря на неловкое употребленіе въ первомъ стихѣ эпитета *незлобивый*, вмѣсто *незлобный*, и на то, что въ первой строфѣ есть *лира* и даже ... о ужасъ!.. мѣстоименіе *сей*, стихи эти до того замѣчательны, что мы не можемъ не выписать изъ нихъ нѣсколькихъ строкъ. Выхваляя участь миролюбиваго поэта, г. Некрасовъ говоритъ:

Но нѣтъ пощады у судьбы
Тому, чей горделивый геній
Сталъ обличателемъ толпы,
Ея страстей и заблужденій.
Его преслѣдуютъ хулы:
Онъ ловитъ звуки одобренья
Не въ сладкомъ ропотѣ хвалы,
А въ дикихъ крикахъ озлобленья.
И вѣря и не вѣря вновь
Мечтѣ высокаго призванья,—
Онъ проповѣдуетъ любовь
Враждебнымъ словомъ отрицанья.

Со всѣхъ сторонъ его клянутъ,
И только трупъ его увидя,
Какъ много сдѣлалъ онъ, поймутъ,
И какъ любилъ онъ, ненавидя.

Эти стихи напоминаютъ прежнія произведенія г. Некрасова, полныя грустнаго юмора и ядовитаго сарказма, къ которымъ можно примѣнить слова Лермонтова:

. . . желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью.

Въ этомъ-же нумерѣ, есть хорошіе стихи г. Майкова, также одного изъ лучшихъ современныхъ поэтовъ: «Анакреонъ». Въ нихъ нехорошъ только первый стихъ. Поэтъ говоритъ:

Въ день собранья винограда,

Какъ-будто *сбранье* и *собиранье* имѣютъ одно и тоже значенье?

Въ первой книгѣ, помѣщено также стихотвореніе г. Полонскаго «Рыбакъ», изъ Гёте; стихъ хорошъ, но это чуть ли не тысяча первый переводъ на русскомъ языкѣ. Не думаемъ, чтобы чувствовалась настоятельная потребность въ новомъ переводѣ стараго стихотворенія, особенно когда переводъ сдѣланъ не размѣромъ подлинника.

Наконецъ, въ трехъ книгахъ «Современника», помѣщенъ переводъ трехъ пѣсней «Энеиды» г. Шершеневича, третьей, четвертой и пятой. Переводъ печатается съ особымъ заглавнымъ листомъ и особою нумераціею страницъ, для того, чтобы въ послѣдствіи явиться отдѣльною книгою безъ переверстки страницъ. Не думаемъ, чтобы нашлось много читателей этого устарѣлаго произведенія, въ которомъ есть первоклассныя красоты, но въ тоже время есть множество утомительныхъ, неинтересныхъ подробностей, чуждыхъ и мѣстами вовсе непонятныхъ для русскаго читателя, не близко знакомаго съ классическою древностью. Въ такой поэмѣ, необходимы комментаріи и объясненія географическія, археологическія, этнографическія и другія, а переводъ г. Шершеневича отличается отсутствіемъ всякихъ комментарій. Вообще, появленіе подобнаго труда, впрочемъ весьма уважительнаго съ точки зрѣнія исторической литературы, странно въ литературномъ журналѣ, который болѣе всего долженъ заботиться о современныхъ литературныхъ интересахъ. Мы прочли три первыя страницы перевода въ первой книгѣ, три среднія во второй, а три послѣднія въ третьей, и нашли, что даже самый языкъ перевода вовсе не такъ гладокъ, какъ этого можно было бы ожидать отъ современнаго перевода Энеиды. Въ особенности, съ гекзаметромъ г. Шершеневичь обходится безъ всякой церемоніи, урѣзываетъ и вытягиваетъ въ немъ слоги до того, что этотъ, и безъ того довольно тихо звучащій на рус-

скомъ языкѣ, стихъ, у переводчика выходитъ мѣстами хуже всякой прозы и вмѣсто шестистопнаго дактило-хорея дѣлается неизвѣстно какой стихъ, не подходящій ни подъ какіе извѣстные размѣры. Пусть попробуетъ самъ переводчикъ прочесть слѣдующіе стихи такъ, чтобы въ нихъ была какая-нибудь просодія.

Волосы стали дыбомъ, и въ груди замерли звуки. —
Вдругъ заключаетъ союзъ съ побѣднымъ Агамемнономъ. —
Всѣ запѣли въ ладъ покойнику *вѣчную память*. —

(Спросимъ кстати: развѣ покойникъ былъ христіанинъ?)

Слухи носились, что Идоменей, гонимый врагами...
И оставляя въ недоумѣніи *смертныя* очи...
Объ оснащеньи флота и приготовленьи къ отплытью...
И на встрѣчу идти *лихимъ* аквилонамъ, жестокій!..
Такъ милы карѳагенскія стѣны и городъ ливійскій...
Сколько разъ золотыя звѣзды на небѣ заблещутъ...
Я не держу тебя: плыви къ берегамъ италійскимъ.

Довольно и этихъ примѣровъ, выписанныхъ нами только изъ трехъ страницъ январской и трехъ же февральской книги. Не надо быть большимъ знатокомъ версификаціи, чтобы видѣть какъ неправильны эти псевдогекзаметры, которые не возможно ни какимъ, образомъ скандировать. Не приводимъ изъ этихъ же самыхъ страницъ другихъ стиховъ, въ которыхъ надо дѣлать неправильныя ударенія, чтобы сохранить просодію стиха: такихъ неправильностей множество. Переводчикъ поминутно употребляетъ неправильныя ударенія: прервала, приняла, между тѣмъ, мужей, подняли, обдало, и проч.; неудачныхъ сокращеній и странныхъ словъ также не мало: Ильонъ, вмѣсто Иліонъ, *корновыя* лозы, Пріамъ, *лишившись надежды на мечъ свой; оттащивши* корабли; пергамейскихъ, вмѣсто пергамскихъ, авернскій *портъ, роги* реевъ, золотой *рыдванъ* Нептуна, скалы, *избѣленныя* костями и прочіе. Наконецъ есть цѣлые стихи, составленные совершенно не по-русски. Что значитъ, напримѣръ, слѣдующій стихъ:

Ты сохранила остатки Данайцевъ и длани Ахилла?

Развѣ правильно выраженіе слѣдующее:

Приняла въ царство свое и властію съ нимъ раздѣлилась?

Развѣ этотъ оборотъ вѣренъ:

Сколько разъ на землю сойдутъ ночные туманы,
Блѣдная тѣнь Анхиза встаетъ предо мною изъ гроба,
И упрекаетъ меня, и *страшитъ* родительскимъ гнѣвомъ?

Можно ли сказать, что слѣдующія слова Дидоны написаны русскимъ языкомъ:

Ахъ, не бѣги! умолю тебя священнымъ союзомъ,
Начатымъ бракомъ нашимъ, если я *заслужила*
Сколько-нибудь *любви твоей*, и если *въ чемъ-либо*
Счастливъ ты былъ со мною, сжалься надъ бѣдной Дидоной.

И все это только на нѣсколькихъ страницахъ! Читатели, вѣрно, не потребуютъ, чтобы мы разбирали остальныя; намъ кажется, этихъ примѣровъ довольно, чтобы видѣть, какъ г. Шершеневичь переводитъ Виргилія. Оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, вѣренъ ли переводъ. Для этого намъ было бы необходимо приводить латинскій подлинникъ и многихъ иностранныхъ переводчиковъ и коментаторовъ Виргилія, и изъ нашего литературнаго «Вѣстника» вышла бы ученая диссертація, вовсе не интересная для читателей. Наша цѣль была только доказать, что напрасно было поднимать изъ гроба тѣнь бѣдной Дидоны, чтобы заставлять ее выражаться такимъ тяжелымъ языкомъ, въ наше время, когда легкость стиха пріобрѣтается еще на школьной скамейкѣ.

По отдѣлу наукъ, первое мѣсто въ «Современникѣ» принадлежитъ историческому «Обзору царствованія Михаила Ѳедоровича Романова». Статья г. Соловьева весьма интересна, написана съ глубокимъ знаніемъ дѣла, хотя читается не такъ легко, по причинѣ встрѣчающихся на каждомъ шагу выписокъ изъ грамотъ и актовъ того времени. Мы думаемъ, что эти выписки были бы гораздо умѣстнѣе въ примѣчаніяхъ, нежели въ текстѣ обзора, и что разсказъ о событіяхъ какого-нибудь времени, переданный языкомъ современниковъ этихъ событій, не можетъ привлечь большинства читателей. Исторія должна пользоваться археографическими актами, но не приводить ихъ цѣликомъ на своихъ страницахъ. Къ тому же, г. Соловьевъ, дѣлая большія и частыя выписки изъ разныхъ грамотъ, въ тоже время разсказываетъ чрезвычайно кратко о многихъ любопытныхъ событіяхъ. Такъ, напримѣръ, высокій подвигъ Сусанина разсказанъ въ четырехъ строкахъ:

«Они (отряды поляковъ) захватили крестьянина Ивана Сусанина изъ села Домнина, принадлежащаго Михаилу Ѳедоровичу; поляки страшными муками вывѣдывали у Сусанина, гдѣ скрывается Михаилъ; Сусанинъ зналъ объ этомъ, но вытерпѣлъ всѣ муки и не сказалъ.»

Какъ все это холодно, отрывисто, неполно. Представимъ себѣ, что разсказъ г. Соловьева читаетъ человѣкъ незнакомый съ подробностями этаго событія: онъ не узнаетъ даже изъ этихъ строкъ — остался ли въ живыхъ или умеръ Сусанинъ.

Двѣ главы изъ «Картинъ Природы» Гумбольдта также интересны, но переведены черезъ чуръ тяжелымъ языкомъ. Вотъ, напримѣръ, начало второй главы:

«У подошвы высокихъ гранитныхъ горъ, легшихъ неодолимою пре-

градою для водъ, образовавшихъ въ эпоху юности земли антильское море, начинается обширная, далеко стелющаяся равнина.»

Электричество переводчикъ называетъ *существомъ*, пасть боа *растяжимою* и проч. Въ нѣкоторыхъ фразахъ, вовсе недобьешься смысла, напримѣръ въ слѣдующей:

«Монгольская степь отдѣляетъ варварскую Сибирь отъ древней культуры, постоянно разлитой по индустанскому полуострову.»

Намъ кажется, что Гумбольдта слѣдовало бы переводить немножко получше.

Въ мартовской книгѣ, объ статьи по отдѣлу наукъ чрезвычайно занимательны, въ особенности первая: «Хроника общественной жизни въ Москвѣ съ половины XVIII столѣтія:» г. Забѣлина. Въ статьѣ г. Перевощикова: «Историческое обозрѣніе наблюденій надъ физическимъ составомъ солнца и различныхъ звѣздъ,» есть много любопытныхъ фактовъ.

«Смѣсь» во всѣхъ трехъ книгахъ «Современника» составлена очень разнообразно, и занимательна. Укажемъ на статьи: «Ночныя видѣнія въ деревняхъ» — Ж. Занда, (переведена изъ Иллюстраціи), «Исторія Могамеда Безобразнаго» «Голубиная Почта,» «Дагомея» «Домъ умалишенныхъ въ Палермо,» «Разсказъ Жерара о львиной охотѣ,» «Электрическій телеграфъ» (весьма интересная статья, съ политипажами) «Очерки мыса Доброй Надежды» Диккенса, «Магическій кристаллъ» «Народонаселеніе древняго Египта» «Гунтеровъ Музеумъ» «Заклинатели змѣй» (изъ Revue Britannique), «Путешествіе къ Мертвому Морю.» — Мы перечислили всѣ большія статьи этого отдѣла, дѣйствительно очень замѣчательныя; но не можемъ сказать того же о мелкихъ статьяхъ; онѣ составлены довольно небрежно, на скорую руку и неимѣютъ особаго интереса. Такъ, въ первой книгѣ, «Вѣсти изъ Парижа» ограничиваются двумя анекдотами о Боско и смерти стараго музыканта, какъ будто въ Парижѣ только и было замѣчательнаго въ это время. «Музыкальныя извѣстія» также очень коротки, но всего страннѣе «Новости Парижскихъ театровъ» разсказанныя въ двадцати строкахъ. «Иностранная Журналистика» оканчивается слѣдующими строками:

«Болѣе замѣчательны бельгійскіе, швейцарскіе и шведскіе журналы. Но о нихъ мы не имѣемъ подробныхъ свѣденій.»

Если не имѣете — то почему же вы знаете, что они замѣчательны. Въ слѣдующихъ книгахъ, всѣ эти извѣстія полнѣе и немного интереснѣе. Во второй книгѣ, вмѣсто Новостей Наукъ помѣщены «Новости изъ Наукъ», не весьма интересныя. Тоже самое скажемъ и о мелкихъ статьяхъ въ третьей книгѣ, гдѣ помѣщена длинная статья о пріемѣ

Монталамбера въ Парижскую Академію и біографія Дроза (котораго переводчикъ называетъ *Дроцомъ*), лицъ вовсе не интересныхъ для русскихъ читателей.

Отдѣлъ «Критики и Библіографіи» очень слабъ въ этихъ книгахъ «Современника», что̀, какъ мы сказали, составляетъ отличительную сторону этого журнала. Первая критическая статья въ первой книгѣ — разборъ «Племянницы», подписанный И. Т. Авторъ начинаетъ свой разборъ довольно страннымъ утвержденіемъ, что въ критикѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, существовало «подраздѣленіе *пишущихъ людей* (развѣ кромѣ людей, есть еще пишущія существа?) на беллетристовъ, дагерротипическихъ изображателей нравовъ, простыхъ талантовъ, художественныхъ талантовъ, геніальныхъ талантовъ и геніевъ». Признаемся, что мы никогда не слыхали о такомъ странномъ подраздѣленіи и не помнимъ, чтобы *кто*-нибудь называлъ подобными именами нашихъ писателей. Раздѣленіе на беллетристовъ, талантовъ и геніевъ существовало не нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а всегда, но что̀ значитъ дагерротипическій изображатель нравовъ и какая разница между нимъ, простымъ талантомъ и художественнымъ талантомъ — этого г. И. Т. не объясняетъ. Вообще весь разборъ написанъ тяжело-туманнымъ языкомъ; мѣстами кажется, какъ будто критикъ самъ не вполнѣ отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что̀ хотѣлъ сказать. «Мы не вѣримъ въ эти, такъ называемые объективные таланты (говоритъ онъ на слѣдующей страницѣ), которые будто *сваливаются* Богъ вѣсть откуда въ чью-нибудь голову и сидятъ *себѣ* тамъ, изрѣдка *чирикая*, какъ птица въ клѣткѣ». Лица Гоголя, по словамъ автора, стоятъ на своихъ ногахъ, а лица талантовъ втораго разряда «пожалуй тоже могутъ стоять на своихъ ножкахъ, но рука, ихъ поставившая, отъ нихъ не отнимается, пульсъ ихъ бьется не своею кровью, довѣріе къ ихъ существованію *сопрягается съ нѣкоторымъ усиліемъ*». Не правда ли, довольно странный тонъ у этой критики? Далѣе, критикъ вспоминаетъ о г-жѣ Ганъ и говоритъ, что она одна «могла бы оспоривать у г-жи Туръ преимущество впервые сказаннаго слова». Сравненіе г-жи Ганъ съ г-жею Туръ не очень лестно для послѣдней, хотя авторъ и отыскалъ у покойной писательницы плохихъ повѣстей и «опытъ жизни женской и страстность убѣжденій». Впрочемъ, и у г-жи Туръ критикъ видитъ если не страстность, то «стремительность убѣжденій». Потомъ критикъ утверждаетъ, что романъ въ четырехъ частяхъ въ наше время можетъ написать только женщина. «Ей одной не страшно наполнять цѣлые десятки страницъ либо ненужными разсужденіями, либо разсказами, не ведущими къ дѣлу, либо даже просто болтовней». Видитъ ли критикъ въ этомъ достоинство или недо-

статокъ, — неизвѣстно. Онъ утверждаетъ далѣе, что «въ женскихъ талантахъ, не исключая Жоржъ-Заида, есть что-то неправильное, нелитературное, бѣгущее прямо изъ сердца, необдуманное наконецъ». Что это: похвала или охужденіе? И потомъ: у Жоржъ-Занда — нелитературное и необдуманное!!

Начиная разбирать самый романъ, критикъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: романъ начинается не совсѣмъ удачно; вступленіе очень длинно; описанія г-жи Туръ слабы и вялы, въ рисункѣ ея нѣтъ спокойствія и ясности; семейный кругъ, въ которомъ живетъ героиня романа, очерченъ довольно вѣрно, но нѣсколько блѣдно; Ильменевъ одно изъ тѣхъ лицъ, которое съ легкой руки Ральфа въ «Индіанѣ», — непремѣнно встрѣчаешь въ каждомъ женскомъ романѣ; отношенія между Ильменевымъ и Машей, чрезвычайно нѣжныя, но не лишенныя нѣкоторой тихой скуки для читателей; Плетневъ — господинъ съ такой блѣдной физіономіей, что память читателей изо всѣхъ призрачно-мелькающихъ чертъ съ трудомъ удерживаетъ одну какую-то полустарческую восторженность и мечтательность. (Какъ все это тяжело и туманно!) Во всей первой части, критикъ хвалитъ только описаніе отношеній между Машей и Чельскимъ и скорби послѣдняго дня разлуки, *этого млѣнія ноющей души*. Характеровъ у г-жи Туръ нѣтъ, и всѣ лица ея лишены «той *цѣлкости типической*, той *жизненной выпуклости*, которыя однѣ не даютъ себя забыть».

Въ такомъ же родѣ и такимъ же языкомъ написанъ весь разборъ «Племянницы». Не будемъ утомлять читателей дальнѣйшими выписками. Критикъ, конечно, больше хвалитъ, чѣмъ охуждаетъ, но охужденія его рѣзки и мѣтки, тогда какъ похвалы отзываются общими мѣстами и высказываются очень темно. Вотъ что говорится въ концѣ разбора: «Прежде упомянемъ о чувствѣ, съ которымъ мы положили *изъ рукъ* ея книгу. Это чувство было теплое, симпатическое: эта книга написана сердцемъ и говоритъ сердцу.» Черезъ нѣсколько строкъ, критикъ прибавляетъ: «Таланта, который поэтъ *какъ-бы сознательно беретъ въ руки* — въ г-жѣ Туръ или нѣтъ, или очень мало. Ея талантъ — талантъ лирическій, *отъ нея нераздѣльный*, столько-же способный передавать малѣйшія движенія души автора, его собственный жизненный опытъ, сколько неспособный создать самостоятельные характеры и типы.» Спрашиваемъ всѣхъ, что нужнѣе для повѣсти: умѣнье-ли изображать характеры, или лиризмъ? и какое дѣло читателю, что авторъ умѣетъ передавать малѣйшія движенія своей души, если въ тоже время онъ не умѣетъ заинтересовать насъ созданными имъ типами? Разборъ оканчивается замѣчаніемъ, что слогъ г-жи Туръ небреженъ, рѣчь болт-

лива и водяниста, и на *иныхъ* страницахъ видны слѣды риторики почти школьной, претензіи на сочинительство, на литературныя украшенія. Прибавляя далѣе, что такихъ пятенъ много въ романѣ г-жи Туръ, критикъ сожалѣетъ, что «опытная и дружеская рука не прошлась по его страницамъ, прежде, чѣмъ онъ явился въ печати.»

Мы, съ своей стороны, заключимъ разборъ этого разбора стихомъ Грибоѣдова:

Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ!

Въ такомъ-же родѣ, хотя и менѣе туманнымъ языкомъ, написанъ тѣмъ-же критикомъ разборъ «Бѣдной невѣсты.» Попадаются и тутъ довольно странныя выраженія, какъ напримѣръ *куріозумъ:* «невѣста проходитъ черезъ нашу душу, какъ гость, котораго мы не поняли» и проч., но ихъ гораздо меньше. Критика оканчивается словами, что надежды на г. Островскаго не слишкомъ радостны и не слишкомъ сильны.

Въ этой-же (мартовской) книгѣ, помѣщено начало разбора публичныхъ лекцій профессоровъ Геймана, Соловьёва, Грановскаго и Шевырева. Изъ семи страничекъ, на четырехъ разсуждается о значеніи историческихъ фактовъ, потомъ слѣдуетъ страница, выписанная изъ г. Грановскаго: о великихъ людяхъ — и за этимъ еще двѣ страницы, выписанныя изъ біографіи Александра Македонскаго, — вотъ и вся критика.

«Русская историческая литература въ 1851 году» — краткій перечень всѣхъ замѣчательныхъ книгъ и статей по части русской исторіи, съ замѣчаніями на нихъ еще кратчайшими.

Библіографія Современника состоитъ большею частью изъ очень коротенькихъ статей. Замѣчательнѣе и полнѣе другихъ разборы «Физической географіи» *Ленца*, Альбома «Балагура» (откуда выписано множество анекдотовъ); въ разборѣ Кавказскаго Календаря, ужъ черезъ чуръ много выписокъ, также какъ и въ разборѣ «Рѣчи и отчета, произнесенныхъ въ собраніи Московскаго Университета» хороши разборы «Временника; Московскаго Общества Исторіи» (критикъ справедливо замѣчаетъ всѣ ложныя и странныя сужденія о «Словѣ о полку Игоревѣ»), — «Искусства продлить человѣческую жизнь», и въ особенности книги «Есть – ли гдѣ конецъ свѣту». Доказательства непростительныхъ промаховъ, встрѣчающихся въ этой книгѣ и приведенныхъ критикомъ, всѣ очень вѣрны и убѣдительны. Намъ кажется, что критикъ уже слишкомъ распространился въ разборѣ «Стихотвореній» *Альфреда фонъ Юнка* и «Жезла правоты» — *Ананьевскаго:* подобные сочинители не подлежатъ критикѣ; любопытно, конечно, появленіе такихъ книгъ въ 1852 году, любопытно привести образцы произведеній этихъ господъ,

но наполнять цѣлыя страницы выписками изъ такихъ сочиненій, — значитъ, напрасно утомлять читателей. Мы увѣрены, что стиховъ по осьми изъ каждаго сочинителя достаточно для того, чтобы дать о немъ полное понятіе. Вотъ четыре стиха изъ стихотворенія господина Юнка— «Морякъ:»

Въ любовной нынѣшней тирадѣ
Я нахожу ничтожный прокъ...
Мнѣ все не въ ладъ — я къ *ретирадѣ*,
Курить сигару и пить грогъ.

и четыре изъ другаго:

Бильярдовъ множество случиться
Въ Бухарестѣ повстрѣчать,
Но превосходствомъ отличиться
Это Бреннера биліардъ!

А вотъ стихъ г. Ананьевскаго:

Въ вертепъ разбойничей
Забѣгъ изъ сплачей
Орангутангъ въ шерсти,
Началъ разбойника трести.

Для г. Ананьевскаго довольно и четырехъ стиховъ.

Кромѣ всѣхъ разобранныхъ нами отдѣловъ: въ Современникѣ помѣщается также нѣчто въ родѣ обзора русской журналистики, подъ названіемъ: «Замѣтки Новаго Поэта.» Въ первой книгѣ, помѣщенъ «Литературный маскарадъ наканунѣ новаго года» — одинъ изъ тѣхъ *сновъ*, на которые была когда-то большая мода въ нашей литературѣ, и который также пустъ, какъ бо́льшая часть людскихъ сновъ. Разбирать подобныя произведенія нѣтъ никакой возможности. Мы-бы могли замѣтить Новому Поэту множество странныхъ и несправедливыхъ сужденій его о русской литературѣ; но поэтъ можетъ отозваться, что сужденія эти одинъ *сонъ*, и мы не вправѣ судить его, какъ судимъ серьозныя произведенія. Не можемъ однако не замѣтить, что не слѣдовало-бы, даже и въ шутку, ставить на одну доску повѣсть графини Растопчиной и переводъ Фауста г. Овчинникова, — стихи пустые и бездарные съ повѣстью женщины, одаренной замѣчательнымъ талантомъ. Это несовсѣмъ справедливо со стороны Новаго Поэта, который могъ-бы легко найти другой предметъ для своихъ шутокъ.

Въ *мартовской* книгѣ, разговоръ Новаго Поэта съ литературнымъ диллетантомъ также довольно пустъ: дѣльнаго и замѣчательнаго о нашихъ журналахъ — въ этомъ разговорѣ высказано очень мало, хотя языкъ его вообще гладокъ, хорошъ и не блеститъ такимъ изобиліемъ

ненужныхъ и пустыхъ фразъ, какъ у Иногороднаго Подписчика. Новый Поэтъ гораздо даровитѣе бывшаго сотрудника Современника, и между прочимъ пишетъ очень хорошіе стихи въ родѣ «хора непризнанныхъ сочинителей». Онъ только слишкомъ много уже говоритъ о самомъ себѣ, о своемъ характерѣ, своихъ заслугахъ даже о своемъ образѣ жизни. Все это нисколько не интересно для читателей.

Въ февральской книгѣ, Новый Поэтъ, по поводу одного фельетона Теофила Готье, представляетъ отрадную картину будущей журналистики и говоритъ нѣсколько справедливыхъ словъ о нынѣшней, приводя предположенія весьма справедливыя, напримѣръ:

«Еслибы я вздумалъ сказать какому-нибудь трудолюбивому и хорошему переводчику, который, увлеченный несбыточными надеждами и мечтами, безъ всякаго предварительнаго приготовленія, вознамѣрился-бы сдѣлаться издателемъ журнала, не имѣя на то никакихъ способностей, съ помощію трехъ или четырехъ, а можетъ быть и болѣе, непризнанныхъ сочинителей, — еслибы я сказалъ этому господину (къ счастію, что у насъ нѣтъ такихъ примѣровъ):

— Милостивый государь, оставьте ваши безполезныя усилія: такіе журналы, какъ вашъ, не могутъ имѣть успѣха. Ваши романы, стишки и повѣсти забракованы были нѣсколько лѣтъ тому назадъ другими журналами; ваши критическія статьи не имѣютъ никакого взгляда; онѣ безцвѣтны, длинны и скучны; ваше остроуміе въ Смѣси неудачно и плоско и прочее.

И еслибы такой господинъ существовалъ въ дѣйствительности, знаете-ли, какъ онъ отвѣтилъ-бы мнѣ на мой искренній и добрый совѣтъ? Онъ сталъ-бы на мой счетъ отпускать посильныя остроты въ своемъ журналѣ и смотрѣлъ-бы на меня, какъ на злѣйшаго своего врага.»

Переходимъ теперь къ «Сыну Отечества».

По наружности, журналъ этотъ измѣнился въ нынѣшнемъ году. Прошлогодній зеленый цвѣтъ своей обертки, цвѣтъ надежды, онъ перемѣнилъ на желтый. Издали онъ похожъ на теперь «Отечественныя Записки», также, какъ Пчела похожа на Петербургскія Вѣдомости. На оберткѣ, послѣ названія журнала, выставлено: изданіе П. Р. Фурмана; о редакторѣ, какъ о лицѣ второстепенномъ въ журналѣ — не упоминается. За оберткой первой книжки, вклеено маленькое объявленіе о томъ, что январская книга выйдетъ 1-го февраля, февральская — 1-го марта и такъ далѣе. Этотъ способъ издавать журналы въ срокъ — вѣроятно, совершенно новое изобрѣтеніе.

Первая книга начинается отдѣломъ Современной Лѣтописи и Политики. Сначала идутъ Внутреннія Извѣстія, Извѣстія съ Кавказа, Новости Ученаго Міра, Разныя Извѣстія, и Некрологъ; Русскія, потомъ Иностранныя Извѣстія, Новости ученаго міра, желѣзныя дороги и па-

роходство, Разныя Извѣстія и Некрологъ иностранный; такое распредѣленіе статей очень хорошо, хотя и не всѣ изъ нихъ соотвѣтствуютъ рубрикѣ, выставленной въ заглавіи этого отдѣла. Нельзя, ни въ какомъ случаѣ, отнести анекдотовъ о женщинѣ-морякѣ и о томъ, какъ въ замкѣ Ифъ показываютъ темницу Монте-Кристо — къ Современной Лѣтописи и Политикѣ. Всѣмъ этимъ Разнымъ Извѣстіямъ приличное мѣсто было бы въ отдѣлѣ Смѣси. Также мы думаемъ, что длинные списки о перемѣщеніяхъ и повышеніяхъ по гражданской службѣ и пожалованіи орденами, скорѣе должны имѣть мѣсто въ оффиціальныхъ газетахъ, нежели въ журналѣ по преимуществу литературномъ.

Литературнаго однако немного въ трехъ книгахъ Сына Отечества. По отдѣлу Русской Словесности, напечатано: драма Денщикъ, — Эпилогъ къ роману Лѣсной Бродяга, нѣсколько стихотвореній и начало повѣсти г-жи Тальцовой «Сельцо Михайловское-Прыскухино». О послѣдней мы поговоримъ, когда она кончится, но объ «Эпилогѣ» должны поговорить прежде всего. Это ничего болѣе, какъ анекдотъ о гибели парохода «Америка» и смерти автора романа «Лѣсной Бродяга». Какимъ образомъ изъ простаго извѣстія составилась статья въ четырнадцать страницъ, вошедшая въ отдѣлъ Русской Словесности, это мы должны объяснить читателямъ.

Исторія начинается тѣмъ, что авторъ приступаетъ *къ дѣлу* съ грустнымъ чувствомъ; за этимъ слѣдуетъ описаніе Соутгемптона, куда «*прибываютъ* самыя драгоцѣнныя и рѣдкія произведенія отдаленнѣйшихъ странъ»; слѣдуетъ исчисленіе этихъ произведеній. Складочные магазины города, по словамъ г. Фурмана, представляютъ изумительное зрѣлище: полы ихъ завалены огромными кучами золота, серебра, платины, жемчуга и драгоцѣнныхъ камней ... Изумительный въ самомъ дѣлѣ городъ: все это валяется по полу магазиновъ!

Далѣе, слѣдуетъ описаніе парохода, выходившаго 2-го января изъ Соутгемптонской гавани и сценъ прощанія. Г. Фурманъ не пропускаетъ ни малѣйшей подробности. Капитанъ «съ спокойною важностію прохаживался по палубѣ», Габріель Ферри «смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ находилась Франція, но взглядъ его обращался въ другую сторону, куда лежалъ путь его, (какъ онъ могъ смотрѣть разомъ въ двѣ стороны, не будучи косоглазымъ — неизвѣстно) и улыбка надежды радостнаго свиданія, разгоняла облачко грусти». Этой метафорѣ предшествуетъ разсужденіе о непрочности корабля, написанное такимъ-же великолѣпнымъ языкомъ: «одно движеніе *величественнаго гнѣва могущественной стихіи*, и отъ судна не останется и слѣдовъ»!

Потомъ слѣдуетъ разговоръ стараго матроса съ молодымъ. Моло-

дой, разумѣется, доволенъ путешествіемъ; старый, разумѣется, предчувствуетъ гибель парохода: безъ предчувствій не обходится ни одна плачевная исторія. Матросы разговариваютъ между собою отрывистыми фразами:

— Что же ты такой угрюмый?
— Кто я? ничего ...
— Можетъ быть.
— Скажи, что такое?
— Струсишь, молокососъ.
— Погода безпокоитъ...
— Ну, тамъ, какъ знаешь.

Подобныя фразы очень удобно растягиваютъ разговоръ на цѣлую страницу. Слѣдующія четыре страницы посвящены описанію самого путешествія парохода. Г. Фурманъ описываетъ, какъ колеса вертѣлись съ *яростною* быстротою, какъ пароходъ дрожалъ отъ страшныхъ усилій *волканическаго механизма*, какъ онъ разсѣкалъ волны своею *дѣвственною* грудью. Г. Фурманъ описываетъ всѣ подробности, даже не совсѣмъ понятныя для читателей, напр: «на бакѣ раздался свистокъ боцмана, *квартирмейстера*: нѣсколько неспавшихъ матросовъ *вскочили отъ ведра*, въ которое они вставили трубки, *во избѣжаніе пожара*.» Г. Фурманъ описываетъ даже, какъ вахтенный лейтенантъ поглядывалъ на *бушевавшееся* море; даже, что Габріелю Ферри было невыразимо скучно и тяжело, хотя тотъ сидѣлъ одинъ на палубѣ и ни съ кѣмъ не разговаривалъ; что авторъ Лѣснаго Бродяги тщетно вызывалъ рядъ самыхъ близкихъ для него картинъ. Слѣдуетъ, разумѣется, длинное описаніе этихъ картинъ, и чего нѣтъ въ этомъ описаніи! Какое богатство троповъ и фигуръ! Тутъ встрѣтите вы «ржаніе буйволовъ, привѣтствующихъ восходящее солнце, врывавшееся золотыми струями въ густую чащу», и пидѣйца «въ *чашкѣ* изъ древесной коры» и «дерево, *изгложенное* зубами бобровъ» и много другихъ рѣдкостей, выписываніе которыхъ заняло бы слишкомъ много мѣста. Наконецъ, начинается картина самого пожара парохода: «Пламя распространялось съ *устрашительною* быстротою; машина дѣйствовала съ *яростною* скоростью; — женщину *спустили* во вновь *спущенную* лодку; пассажиры не имѣли ничего, что бы хоть *малѣйше* защититься отъ холода» и проч. и проч. Исторія оканчивается слѣдующими строками, напечатанными самымъ разгонистымъ образомъ:

Въ недальнемъ разстояніи показалось судно.

(*строка точекъ*)

Часть экипажа и часть пассажировъ Америки спасены.

Между первыми нѣтъ капитана Сеймура.
Между послѣдними нѣтъ г. де-Бельмара.

(*большое тире и промежутокъ строкъ въ десять*).

Г. де-Бельмаръ авторъ «Лѣснаго Бродяги».
Габріель Ферри псевдонимъ г. де Бельмара.

Не понимаемъ причины такого мелкаго крошенія фразъ на коротенькія строчки. Не ужели это афоризмы, или неужели это придаетъ особенную красоту и живость разсказу? Во Франціи, гдѣ фельетоннымъ романистамъ платятъ за строку, подобныя процедуры понятны, но къ чему онѣ въ журналѣ, который издаетъ самъ г. Фурманъ? И зачѣмъ онъ вытягивалъ въ повѣсть событіе, которое было бы гораздо трогательнѣе въ простомъ и короткомъ разсказѣ, къ чему вся эта риторика? Не странно ли заставлять дѣйствительно существовавшее лицо говорить и думать то, чего онъ никогда можетъ-быть не думалъ и не говорилъ?

Стихотворенія «Сына Отечества» немножко сродни приведеннымъ нами выше стихамъ гг. Юнка и Ананьевскаго. Три поэта помѣстили пять стихотвореній въ третьей книгѣ этого журнала. Объ одномъ изъ нихъ: В. Ц. не скажемъ покамѣстъ ничего. Стихи его довольно незначительны, но по крайней мѣрѣ гладки. Не таковы стихи гг. Н. *Арбузова* и А. *Грена*. Первый написалъ два произведенія. одно: «Передъ картиною Брюлова — послѣдній день Помпеи» коротко: въ этомъ все его достоинство. Поэтъ говоритъ между прочимъ, что мысль Брюлова, «*Многомогучая*, какъ вьюга, *встрепенула* его могучій духъ». Второе стихотвореніе того же поэта: «Двѣнадцатилѣтней дѣвушкѣ,» начинается такъ:

Когда бы рѣзвый мотылекъ
Во мглѣ любуясь на *свѣтилы*,
Зналъ, что въ огнѣ сожжетъ онъ *крылы*,
И въ полѣ съ вѣтки на цвѣтокъ
Порхать съ зефиромъ *перестанетъ*;
О если зналъ бы только онъ,
Что пламя жжетъ и *истребляетъ*,
То не леталъ бы на огонь...

Довольно, неправда ли? Два стихотворенія г. А. Грена короче, но не лучше. Г. Гренъ употребляетъ еще усѣченныя окончанія и болѣе чѣмъ бѣдныя рифмы, напримѣръ:

Вотъ соловей, пѣвецъ *любви*,
Защебеталъ въ глуши *дубравной*
И пѣснью нѣжной и *отрадной*
Излилъ весь ядъ своей *тоски*.

Содержаніе его стихотвореній такое же богатое, какъ и рифмы...

Въ «Сынѣ Отечества» помѣщается еще по преимуществу «Иностранная»

Словесность», занимая по шести листовъ въ каждой книгѣ. Въ первыхъ двухъ книгахъ, напечатанъ переводъ послѣдняго романа Сю: «Миссъ Мери», появившійся еще прежде въ «Библіотекѣ для Чтенія» подъ названіемъ: «Гувернантка». Переводъ въ «Библіотекѣ» лучше, вѣрнѣе и полнѣе... Въ третьей книгѣ, переведена хорошенькая повѣсть Альфонса Карра. «Кловисъ Госсленъ.»

Въ «Сынѣ Отечества» есть также отдѣлъ «Наукъ и Художествъ». Въ немъ помѣщаются или переводы изъ Revue des deux mondes «Путешествія Евгенія Фландена по Персіи», или крошечная статейка «О морскихъ силахъ въ Швеціи» г. *Грена*, напечатанная самымъ разгонистымъ образомъ, съ отдѣльными главами и списками морскихъ чиновъ, которой настоящее мѣсто въ Смѣси; — или перепечатывается изъ Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества наставленіе, какъ топить печи сырымъ торфомъ, — или біографія Кольцова, которой настоящее мѣсто въ отдѣлѣ Критики; — или наконецъ диковинная статья, называющаяся: «Разборъ нѣкоторыхъ явленій природы, на основаніи законовъ физики и химіи», г. Петра Тибо. Эта статья до того любопытна, что мы считаемъ нужнымъ сказать объ ней нѣсколько словъ. Авторъ начинаетъ говорить о сельскомъ хозяйствѣ и лица, не занимающіяся спеціально агрономіею, легко могутъ оставить безъ вниманія эту статью на первыхъ строкахъ. Мы совѣтуемъ однакоже пробѣжать ее всякому, кто сколько-нибудь знакомъ съ естественными науками. Въ обращеніи автора къ сельскимъ хозяевамъ, мы видимъ даже своего рода расчетъ; можетъ-быть, г. Тибо думаетъ, что агрономы не такъ хорошо знакомы съ физикою и химіею, какъ лица, получившія энциклопедическое образованіе. Подъ скромнымъ названіемъ статьи г. Тибо скрывается .. какъ бы вы думали, что? Не больше, какъ открытіе новыхъ законовъ, явленій природы. Г. Тибо мѣтитъ не меньше, какъ въ Ньютоны, Кеплеры, Коперники, excusez du peu! Сказавъ, что «производительность на всей земной поверхности совершается въ двухъ разнородныхъ силахъ» (?), г. Тибо видитъ во всей природѣ два противодѣйствующія начала — Ормузда и Аримана, Тифона и Озириса. Если къ нѣкоторымъ тѣламъ въ природѣ и можно примѣнить этотъ дуализмъ, то къ другимъ онъ вовсе не-йдетъ. Ктому-же, замѣтимъ автору, что индѣйская тріада или тримурти (Брама, Вишну и Сива) современна дуализму маговъ, если еще не старше его. Принимая въ органическихъ тѣлахъ дѣленіе Тенара и Реньо на металлы и металлоиды, мы никакъ не можемъ примѣнить тогда дѣленія къ органической химіи, въ которой авторъ видитъ только кислоты и щелочи. А дѣленіе силъ только на *сродственныя* и *непріязненныя* даже болѣе чѣмъ странно. Авторъ забылъ, вѣроятно, законъ однородности

и разнородности магнитныхъ полюсовъ, которые поперемѣнно притягиваютъ и отталкиваютъ другъ друга. Къ какому же разряду отнесетъ онъ это явленіе? Что скажетъ онъ объ операціи тѣлъ?

Но мы напрасно стали бы дѣлать эти и тому подобные вопросы. Г. Тибо нужно, во что бы то ни стало, натянуть всѣ явленія природы къ подтвержденію открытія, и онъ натягиваетъ ихъ, какъ можетъ и сколько можетъ. Въ чемъ же состоитъ это новое открытіе? Въ томъ, что въ природѣ существуетъ постоянный потокъ изъ вселенной къ солнцу — кислотный, и обратно отъ солнца къ вселенной — щелочный.

Изъ этого удивительнаго открытія г. Тибо выводитъ еще удивительнѣйшіе результаты: внутренній составъ земнаго шара щелочной, поверхность его — кислотная, и въ тоже время полюсы земли щелочные, экваторъ кислотный — и разнороденъ съ солнцемъ, а полюсы земли однородны съ нимъ; этими силами авторъ объясняетъ всѣ явленія въ природѣ и причины кругообращенія земли на оси и около солнца, причины свѣта, теплоты, *цвѣткости*, прилива и отлива, грозы, дождя, снѣга, тяготѣнія, — всего на свѣтѣ. Не можемъ выписывать этихъ доказательствъ, чрезвычайно любопытныхъ и оригинальныхъ, но увѣряемъ, что чтеніе статьи г. Тибо доставитъ истинное удовольствіе всякому, кто сколько-нибудь знакомъ съ законами природы. Онъ найдетъ здѣсь столько предметовъ для размышленія и еще больше для смѣха, сколько навѣрно не доставитъ ему ниодна дѣльная статья. Стѣсняетъ ли напримѣръ автора извѣстный фактъ, что земля зимою ближе къ солнцу, нежели лѣтомъ — онъ нисколько незатрудняется этимъ, и прямо говоритъ, что наука ошибается, и что зимой, въ слѣдствіе его открытія, земля дальше отъ солнца; по его мнѣнію — физика утверждаетъ, что всякое треніе производитъ свѣтъ, что растительное царство не имѣетъ въ своемъ составѣ азота, что вселенная состоитъ изъ двухъ началъ: щелочности и кислотности. «Углеродъ и водородъ, азотъ и кислородъ, проявляющіеся при химическихъ анализахъ, суть *тѣльности* тѣхъ же элементовъ, но безъ силъ; одни изъ нихъ суть тѣльности кислотной, другія — щелочной силы; тѣльность щелочности есть производитель тепла,— тѣльность кислотности — производитель свѣта, — окружность земнаго шара принимаетъ форму выпуклости, большей днемъ, меньшей ночью»...

Но довольно. Голова закружится отъ подобныхъ умствованій. Мы помнимъ, что въ старые годы только одинъ журналъ на Руси — «Маякъ» рѣшился напечатать на своихъ страницахъ разсужденіе г. Раутенберга, открывшаго въ природѣ новое вещество — холодородъ въ дружку къ теплороду. Журналъ «Сынъ Отечества» въ этомъ отношеніи, подражаетъ «Маяку».

Собственно говоря, въ трехъ книгахъ «Сына Отечества», только одна статья можетъ дѣйствительно принадлежать отдѣлу «Наукъ и Художествъ». Это новый отрывокъ изъ гумбольдтовыхъ «Картинъ природы». Изъ этого отрывка мы узнали, что и прежнія двѣ статьи, извлеченныя изъ того же изданія и помѣщенныя въ «Современникѣ», переведены г. Хотинскимъ. Признаемся, что мы не узнали въ этихъ переводахъ г. Хотинскаго, который прекрасно владѣетъ русскимъ языкомъ. Переводъ въ «Сынѣ Отечества» сдѣланъ немного тщательнѣе, но все таки тяжелъ и мѣстами неправиленъ. Вотъ, напримѣръ, первая фраза этой статьи:

«Если мы внимательно разсмотримъ вліяніе, *оказываемое на* изученіе природы *расширенными* познаніями о земной поверхности и далекими странствованіями въ малоизвѣстныя страны, то вскорѣ замѣтимъ *разнородность* этого вліянія, смотря потому, обращались ли преимущественно наблюденія на формы органическаго міра или на *неорудный* оставъ нашей планеты, относительную *древность* и происхожденіе горнокаменныхъ породъ».

Думаемъ, что никто не скажетъ, чтобы эта фраза была написана легкимъ и понятнымъ языкомъ; а такихъ фразъ много въ этой статьѣ.

Статья о *Кольцовѣ*, еще не оконченная, не высказываетъ ничего новаго и замѣчательнаго. Это выписки изъ его стихотвореній, — мѣстами даже довольно слабыя; языкъ статьи не вездѣ правиленъ, попадаются неточныя выраженія въ родѣ. *коренастый* русскій человѣкъ, вмѣсто коренной; *проблескивало* и т. п. Мѣстами замѣтны также слѣды риторики. Примѣръ: «Но не долго было его счастье (т. е. не продолжительно), скоро оно закатилось, оставя по себѣ (т. е. послѣ себя) *широкій, мрачнобагряный* слѣдъ»... Отчего счастье Кольцова должно было оставить слѣдъ такого размѣра и свойства — извѣстно одному автору статьи...

Критика въ Сынѣ Отечества соединена вмѣстѣ съ Библіографіей, которая въ свою очередь состоитъ изъ незначительныхъ статеекъ. Нечего и говорить о неполнотѣ этого отдѣла.

«Смѣсь» состоитъ вся изъ большихъ статей, потому–что мелкія извѣстія, какъ мы уже видѣли, вошли въ отдѣлъ Политики. Въ первой книгѣ, помѣщенъ одинъ разсказъ Бальзака: «Привязанность въ пустынѣ», только очень нерадиво переведенный; «Оска» Диккенса также хорошая вещь, но переведенная уже во многихъ журналахъ. Остальныя статьи очень слабы, въ особенности «Поѣздка по землѣ Войска Донскаго«, написанная тяжелымъ языкомъ. Во второй книгѣ, статья «Поѣздка въ Псковъ» также крайне скучна, безцвѣтна и утомительна. «Невольни-

чій корабль» читается легко и не безъ удовольствія, хотя также написанъ не безъ риторики. «Привѣтствія у разныхъ народовъ» переведены изъ Revue britannique—и интересны. Въ третьей книгѣ, разсказъ Бальзака: «Непонятая картина», хотя весьма не новъ, но очень хорошъ. «Прогулка по окрестностямъ Архангельска» очень коротка и поверхностна; «Кладбище Св. Митрофанія» анекдотъ.

Въ Смѣси же, въ концѣ каждаго номера, помѣщаются подъ названіемъ «Мысль и Улыбка», статейки самого издателя, раздѣленныя на строфы. Тутъ есть намеки на все—и на юморъ Стерна, и на оригинальность Жанъ-Поля Рихтера, универсальность Гумбольдта, слогъ Жюль-Жанена, и на остроуміе всѣхъ остроумнѣйшихъ писателей нашего времени. Что значитъ самое названіе отдѣла этого, мы объяснять не беремся.

Этотъ своего рода фельетонъ начинается, какъ водится, въ первой книгѣ, разсужденіемъ о томъ, что̀ такое годъ. Авторъ говоритъ: «Есть съ чѣмъ поздравлять въ Новый Годъ! Развѣ утѣшительно, что у васъ, madame, выпадетъ одинъ, а можетъ быть нѣсколько зубъ?» — «Нѣсколько зубъ» конечно не по-руски, «Да и что такое годъ? прибавляетъ авторъ. Срокъ времени, въ которое земля совершаетъ *единожды* свою прогулку вокругъ солнца». — Въ такомъ же тонѣ продолжаетъ авторъ разсужденіе о годѣ, говоритъ, что жизнь книга, въ которой люди — буквы, что время склеиваетъ листы этой книги несчастіемъ, а смерть подвергаетъ ее критикѣ, корректурѣ и тому подобныя Мысли. Потомъ, авторъ желаетъ читателямъ почестей, веселья и любви. «Мыслите любя, улыбайтесь веселясь» — говоритъ онъ, и послѣ этого начинается цѣлый рядъ мыслей и Улыбокъ, по поводу перевода Фауста г. Овчинниковымъ. За этимъ слѣдуетъ крошечный анекдотъ о двухъ малороссійскихъ мужикахъ, которые встрѣтясь, на большой дорогѣ около Полтавы, вели между собою лаконическій разговоръ.

За анекдотомъ, помѣщается слѣдующая назидательная Мысль:

Какой блескъ украшаетъ въ особенности красоту и молодость женщины?—Блескъ непритворной добродѣтели.

За этой Мыслью другая—о томъ, какъ пагубно очернять близкихъ людей изъ пустой ссоры.

За этимъ, конецъ «Мысли и Улыбки». Переходимъ ко второй книжкѣ. Фельетонъ ея начинается увѣдомленіемъ, что: «Сыну Отечества предлагали помѣщать Письма въ родѣ »Писемъ иногороднаго подписчика», но что этотъ журналъ остается при «Мысли и Улыбкѣ». Очень пріятно.

За этимъ, слѣдуетъ анекдотъ о томъ, какъ одинъ писатель подвергался въ провинціи разнымъ сплетнямъ и пересудамъ и какъ онъ изба-

вился отъ нихъ рѣчью, впрочемъ, не весьма остроумной. Далѣе, авторъ говоритъ, «Мысль и Улыбка отличается отъ разныхъ «Писемъ» тѣмъ, что вовсе не говоритъ о Сынѣ Отечества, предполагая въ читателяхъ столько вкуса и ума, что они съумѣютъ оцѣнить произведенія, напечатанныя въ «Сынѣ Отечества».—Черезъ двѣ страницы, авторъ говоритъ: «Въ массѣ разнородныхъ пьесъ меня поразила маленькая пьеска: *И дружба и любовь*. Это граціозное произведеніе молодой писательницы, г–жи Тальцевой ... Въ будущемъ мѣсяцѣ, Сынъ Отечества познакомитъ читателей поближе со *свѣжимъ* и граціознымъ талантомъ г–жи Тальцевой.» — Спрашиваемъ, что же это такое? сначала въ читателяхъ предполагается и вкусъ и умъ, а потомъ расхваливается заранѣе повѣсть, помѣщенная въ третьей книгѣ, хоть прежде и говорилось, что Мысль и Улыбка вовсе не упоминаетъ о Сынѣ Отечества.

Остальныя страницы этого фельетона заняты нѣсколькими словами о Проселочныхъ дорогахъ и Львахъ въ Провинціи, описаніемъ одного швейцарскаго пейзажа разсужденіемъ о драматическихъ пословицахъ, и еще однимъ анекдотомъ про малороссійскаго мужика.

Въ третьей книгѣ, фельетонъ начинается разсказами о фокусахъ и фокусникахъ, потомъ о веснѣ и при этомъ случаѣ помѣщены двѣнадцать стишковъ. Вотъ изъ нихъ образчикъ:

Глядитъ изъ за тучи лучъ солнца.
Дождливой росою поля,
Блеснули игрой изумрудной,
И свѣжестью дышетъ земля.

Просимъ объяснить всѣхъ, что значатъ два средніе стиха?

Лучшая статья въ разобранныхъ нами трехъ книгахъ Сына Отечества, безъ сомнѣнія, драма г. Кукольника «Денщикъ». Она оцѣнена по достоинству нашей публикой, разобрана во всѣхъ журналахъ, и мы приводили изъ нея лучшія тирады. Въ дарованіи г. Кукольника, конечно, никто не будетъ сомнѣваться; въ томъ, что онъ владѣетъ прекрасно стихомъ, также; но мы должны принять теперь на себя, по обязанности критика, не весьма пріятную обязанность и указать на нѣкоторыя слабыя стороны пьесы г. Кукольника, которой хорошія стороны такъ ярки и такъ хорошо извѣстны всѣмъ. Мы посмотримъ на эту пьесу только въ отношеніи къ ея языку и замѣтимъ нѣсколько неудачныхъ стиховъ и выраженій, которыя тѣмъ досаднѣе встрѣтить въ «Денщикѣ», что здѣсь они стоятъ часто рядомъ съ прекрасными поэтическими картинами, и что, при внимательномъ пересмотрѣ своего труда, авторъ легко–бы могъ уничтожить эти недостатки. Мы дѣлаемъ наши замѣчанія не изъ придирчивости, не изъ педантическаго пуризма, но

изъ уваженія къ нашему языку, съ которымъ въ послѣднее время литераторы стали поступать весьма нецеремонно, изъ уваженія наконецъ къ самому г–му Кукольнику, который очень хорошо знаетъ, что пятно на бархатѣ непріятнѣе, чѣмъ на сермягѣ, что одинъ темный отливъ на брилліантѣ уменьшаетъ его цѣну.

Г. Кукольникъ поэтъ по преимуществу лирическій. Это его заслуга и въ тоже время недостатокъ. Недостатокъ, потому–что въ его драмахъ лица говорятъ часто языкомъ черезъ–чуръ восторженнымъ, картиннымъ, употребляютъ иногда довольно странные обороты и выраженія, умѣстныя въ лирическомъ стихотвореніи, но въ драмѣ отзывающіяся изысканностію и вычурностію. Гоняясь за поэтической картиной, поэтъ затемняетъ по временамъ смыслъ своей фразы. Все это мы увидимъ при ближайшемъ разборѣ его пьесы.

Драма напечатана безъ раздѣленія на явленія или выходы, нововведеніе, впрочемъ, встрѣчавшееся еще прежде въ Пантеонѣ (читатели наши припомнятъ, что произведенія драматической литературы мы не испещряемъ безполезными повтореніями словъ: явленія такое–то, господа такія–то; все это видно по самому ходу пьесы). Въ первомъ разговорѣ двухъ сестеръ, Агаты и Доротеи, мы уже видимъ нѣсколько вычурныхъ фразъ. Доротея говоритъ, что при свиданіи съ Саксе, «*Въ устахъ ихъ застыли рѣчи*, вмѣсто того чтобы сказать просто: мы замолчали; Агата думаетъ, что ея сестра:

... Играетъ сердцемъ капитана Саксе,
Какъ мячикомъ.

Сердце даже и формою не похоже на мячикъ, и играть имъ довольно неудобно. Эта же Агата объясняется вообще довольно странно. Она сама, танцуя съ хирургомъ Карре, сказала ему:

Вотъ случай объясниться. Онъ растаялъ,
Развѣсилъ уши. Любишь ты не въ шутку?
Разсыпался Карлуша въ комплиментахъ,
А я давай смѣяться ... Комплименты!
Спрячь ихъ, Карре, а говори мнѣ дѣло.

Намъ кажутся немножко странными подобныя выраженія въ устахъ молодой дѣвушки. Приходитъ Плакида Львовна и спрашиваетъ, кому ея дочь дѣлала *буськи*. Рѣшительно непонимаемъ этого слова. Выраженіе: «*Въ сосѣдяхъ* нѣтъ такой, какъ ты, сороки» неправильно. Является аптекарь, говорящій все время неправильнымъ языкомъ, и на сценѣ даже ломанымъ, что́ по нашему мнѣнію большая ошибка, потому–что, если смѣшно слышать иногда, какъ въ водевилѣ коверкаютъ русскія слова на нѣмецкій ладъ, то въ пятиактной драмѣ такое

коверканье невыносимо. Замѣтимъ также, что этотъ аптекарь, даже говоря съ женой и дочерьми, ломаетъ языкъ, а это даже неестественно, потому-что въ своемъ семействѣ онъ вѣрно неиначе говорилъ, какъ по-нѣмецки, и условный русскій языкъ его въ этомъ случаѣ долженъ быть правиленъ. Къ тому же, онъ самъ при первомъ словѣ пускаетъ въ ходъ не только коренной русской, но устарѣлый славянскій оборотъ, употребляя мѣстоименіе *что* вмѣсто *который*.

Я тотъ несчастный Ермолай Антонычь,
Что, какъ фортеція, снизу въ осадѣ.

Черезъ пять страницъ, капитанъ Саксе, другой нѣмецъ, говоритъ не совсѣмъ по-русски:

... Любовь такое чувство,
Что и безъ словъ живой языкъ *имѣетъ*.

Аптекарь выражается также риторическими метафорами:

Я выстрѣлилъ изъ аркебуза пулю
И съ ней воспоминанье объ Іоганнѣ. (Тоже выстрѣлилъ?)

Полковникъ Бодевинъ тоже иностранецъ, и потому понятно, что и онъ иногда дѣлаетъ промахи противъ правилъ русскаго языка, говоря напримѣръ:

Шатаясь по нѣмецкимъ государствамъ,
Пять разъ *у нихъ* перемѣнялъ я службу, —

вмѣсто: *въ нихъ;* или:

Ну это мнѣ *подъ руку*, Ермолашка.

Съ появленіемъ самого «Денщика», выходитъ на сцену чисто лирическій элементъ пьесы. Трофимъ разсуждаетъ съ самимъ собою, нисколько не заботясь о томъ, что его спрашиваютъ, зачѣмъ онъ явился, и даже говоря съ самимъ собою, онъ, по временамъ, употребляетъ самыя отборныя фразы, называетъ богатство красивой *златницей*,—говоритъ аптекарю.

Въ душѣ моей: Москва и Петербургъ,
И бороды старинныя, и платье,

и другіе *интересы*,

Какъ облака надъ озеромъ недвижнымъ,
Неслышно, легкой тѣнью пролетали.

Молодой Тузловъ съ своимъ французскимъ языкомъ, какъ справедливо замѣчали г. Кукольнику, лицо неестественное, потому-что въ петровское время не было такихъ господъ. Хирурги Карре и Го-

ве — лица очень блѣдныя — а въ особенности послѣдній напрасно выведенъ шутомъ. По крайней мѣрѣ, изо всѣхъ нѣмцевъ, они одни не говорятъ ниодного неправильнаго стиха. Только Карре выражается нѣсколько отрывисто, (что замѣтно, впрочемъ, и у другихъ лицъ пьесы).

Вотъ царь пріѣхалъ, архіатеръ съ нимъ.
Чтожъ Гове? *Самъ не смѣлъ.* Я къ Блументросту
Ходилъ ...

Чего не смѣлъ Гове? Просить мѣста, конечно; но все таки сокращеніе такого рода слишкомъ странно.

Второй актъ на сценѣ значительно сокращается. Мы нашли въ немъ слѣдующіе изысканные или неясные стихи:

..... Умираю
Отъ страха. (*Конца стиха нѣтъ*)
..... Вели обѣдъ готовить
A la Fouqué, блюдъ въ десять иль двѣнадцать.

Кто этотъ Фуке? Не знаменитчій ли министръ Людовика XIV? и почему обѣдъ называется его именемъ?

Актрисъ, танцоровъ, *баядеръ*, модистокъ.

Какъ попали въ Парижъ баядерки? И во всякомъ случаѣ: *баядерокъ*, а не *баядеръ*. Денщикъ, разговаривая съ Тузловымъ, находится въ большомъ волненіи. Онъ подозрѣваетъ, что Тузловъ имѣетъ виды на ту, которую любитъ Трофимъ, убѣждается въ этомъ и выражаетъ свое отчаяніе слѣдующе поговоркою:

Стукъ по столу — и ножницы звенятъ!

Эта неумѣстная поговорка - въ патетическомъ мѣстѣ производитъ смѣхъ. Далѣе, няня называетъ своего поджараго барина *копеечнымъ* сухаремъ. Это сравненіе нашего времени, а не петровскаго. При Петрѣ, копейка была не то, что теперь, и на нее можно было купить не одинъ сухарь. На мясную порцію деньщику отпускались въ недѣлю четыре копейки.

Да что вы, батюшка! (*опять неполный стихъ*)
Велите *искупить* костюмъ венгерскій (вѣроятно: *купить*).
Отвѣтитъ онъ (*стихъ безъ конца*)

Вся сцена сына съ отцемъ, матерью и Трофимомъ составлена въ высшей степени неудачно. Денщикъ и тутъ говоритъ высокимъ слогомъ:

... Съ цвѣту европейской *политуры*
Ядъ высосать и разливать въ отчизнѣ ...
Я глубину души твоей *разслушалъ* ... (хоть бы разсмотрѣлъ).

Въ третьемъ актѣ, характеръ героини драмы, Доротеи, обрисовывается ярче, но къ сожалѣнію она начинаетъ говорить самыми отборными, напыщенными фразами:

Прочь, маска ненавистная! *Слезами*
Умоюсь я! Плясать я буду, буду ...
Неистово, подъ тактъ больнаго сердца ...
... Отъ ревности *твой скудной мозгъ вскипитъ*
За жизнь свою не скажешь мнѣ спасибо!
Охъ, научите: какъ мнѣ не любить!
Какъ душу выпрямить, больное сердце
Въ безстрастныя оковы заковать.
Я кукла, *банка* изъ его аптеки,
Куда поставитъ, тамъ мнѣ и стоять.
На ярлыкѣ напишетъ крѣпкій ядъ:

И я всю жизнь — носи его отраву!

Намъ кажется, что никакое горе, никакое отчаяніе не будутъ объясняться подобными метафорами. Чѣмъ сильнѣе грусть человѣка, тѣмъ проще и безхитростнѣе рѣчь его. Подобныя фразы надо сочинять и придумывать, а возможно ли это въ положеніи Доротеи? И не только наединѣ, сама съ собою, она и съ Саксе говоритъ такимъ же образомъ:

Мнѣ жаль васъ, но въ себѣ я не хозяйка
Не я себя на свѣтъ произвела (еще бы!).
Вотъ это сердце только и мое
А я сама, какъ мой парикъ, какъ платье,
Отцовскія!..

Саксе отвѣчаетъ ей въ такомъ же восторженномъ, неестественномъ тонѣ.

Пустой мертвецъ, одинъ, *какъ вѣтръ въ пустынѣ*,
Ступай на всѣ четыре *страны* свѣта!
Тебя кругомъ ограбили! Ты нищій.
Но для тебя и милостыни нѣтъ!

Какая сложная метафора! Онъ мертвецъ и вмѣстѣ съ тѣмъ его ограбили и ему еще надо прогуляться на всѣ четыре стороны. Онъ говоритъ еще нѣсколько подобныхъ стиховъ въ родѣ:

Уста мои горятъ не для упрека ...
... Чтобы душа моя *не пошатнулась*, —

и наконецъ уходитъ. Начинается ассамблея.

Деньщикъ продолжаетъ также разсуждать вслухъ самъ съ собою, не обращая вниманія на присутствующихъ:

Перо чиню — любовь за ножикъ держитъ,
Читаю книгу — буквы закрываетъ,
Я чищу пуговку — и въ мѣдной бляшкѣ,
Какъ въ зеркалѣ, сидитъ моя колдунья.

Эти картины возбуждаютъ невольную улыбку, а вѣроятно, авторъ думалъ возбудить ими вовсе не то. Не понимаешь также, почему въ этомъ разговорѣ съ самимъ собою, Трофимъ вспоминаетъ даже про азбуку:

Рцы слово твердо ... Азбука *честна;*

Но мертвецу легко давать совѣты ...

Далѣе, онъ употребляетъ также довольно странную метафору:

Лжетъ твой языкъ на раненое сердце, —

удивляется, какими *чудесами* Доротея узнала его имя, когда въ первомъ дѣйствіи самъ говорилъ Грегоріусу: скажите вашей дочери, что я буду вѣчно ея другомъ. Потомъ онъ употребляетъ еще нѣсколько неловкихъ выраженій: *лапы* честолюбца, *чистѣйшее* желаніе добра,— и сознается, что самъ не понимаетъ что говоритъ:

Скорѣе кончить, а не то *заврусь*.

Стихъ:

Его Петровскаго Величества

неловокъ и неправиленъ; прибавивъ къ нему слово *Деньщикъ* — вышелъ-бы правильный шестистопный стихъ, который г. Кукольникъ употребляетъ нѣсколько разъ между пятистопными стихами драмы.

Мать Тузлова на асамблеѣ ужъ очень наивна и комизмъ ея разговора немножко натянутъ. Она могла, положимъ, принять слово madame за ругательство; но слыша, что сынъ ея говоритъ по французски, никакъ не могла сказать ему:

Тимошенька, не стыдно-ли ругаться.

Почему также называетъ она купчиху — сосѣдкой *съ толкучаго*? Былъ ли въ Москвѣ и въ петровское время Толкучій рынокъ? Зачѣмъ употребляетъ она глаголъ *провралась* и съ неправильнымъ удареніемъ, вмѣсто: *завралась*?

Аптекарь говоритъ:

Какъ у меня идетъ все, *какъ* по маслу!
Какъ будто я на асамблеяхъ выросъ.

Не слишкомъ-ли много этихъ *какъ*? Является Саксе «*въ ужасъ благоговѣйномъ*» (странный эпитетъ), выпиваетъ кубокъ Великаго орла, говоритъ:

Я радостно-бы *выпилъ смерть* мою,
Я пламенемъ дышу, какъ саламандра.

Начинается катавасія. Карре проситъ у всѣхъ *несчастной* шпаги, Деньщикъ беретъ подъ арестъ виновныхъ и третье дѣйствіе, или третій *актъ*, какъ пишетъ г. Кукольникъ, — оканчивается. Въ концѣ этого дѣйствія, есть еще одинъ невѣрный стихъ, въ которомъ не достаетъ слога, вѣроятно отъ пропуска:

Капитанъ!... Мой другъ, Трофимъ Степанычъ.

Но слѣдующее выраженіе поражаетъ своей изысканностію:

Гляжу въ бумагу, и не понимаю,
Что тамъ написано. Какъ будто духи
Валандаются по моей передней...

Къ чему этотъ глаголъ? Зачѣмъ всѣ эти некрасивые стихи — и послѣ истинно — прекрасныхъ и звучныхъ!.. Г. Кукольнику стояло только пожертвовать двумя-тремя приведенными у насъ выраженіями, чтобъ вся эта сцена вышла безукоризненно-прекрасною.

Слѣдующая сцена между Деньщикомъ и Доротеею также очень хороша. Оба они говорятъ простымъ языкомъ, полнымъ чувства. Исключеній очень немного. Вотъ они:

Прямая страсть не пылъ дѣвчонки глупой,
Изъ слезъ и вздоховъ вышитый узоръ ...
...Ты скажешь слово моего спасенья:
«Люблю» *союза душъ глаголъ вѣнчальный*...
...Повѣрила я дружбѣ — и *попалась!* (немножко тривіально)
... Отецъ мой *обольстилъ*
Надежды благороднаго Трофима ...
... Во весь соблазнъ свой облачился дьяволъ
И *страждущимъ* очамъ моимъ предсталъ (до тѣхъ поръ не было видно, чтобъ у деньщика болѣли глаза)
... Словъ не сыщу молиться,
Но на сердцѣ кровавыми чертами
Написано спасенье Доротеи ...
... Великодушіе — вѣнецъ мужчины ...

Оставшись одинъ, Деньщикъ, вѣроятно въ припадкѣ страсти и борьбы между долгомъ и мщеніемъ, говоритъ много мудреныхъ вещей, впадая то въ напыщенный пафосъ, то въ обыденную тривіальность:

Любовь и месть, *какъ зайцы*, разбѣжались,
Нѣтъ никого, а я *какъ ракъ* краснѣю,
И волосъ по лбу ходитъ ходуномъ (изящная картина).

Четвертое дѣйствіе — лучшее въ пьесѣ. Въ немъ, есть много прекрасныхъ сценъ, звучныхъ стиховъ, интересныхъ положеній. Лиризмъ Деньщика, когда онъ говоритъ о Великомъ Петрѣ — понятенъ и умѣстенъ; всѣ сравненія здѣсь очень естественны. Неестественна и неумѣстна только смѣсь черезъ-чуръ фигуральныхъ выраженій съ тривіальными. И такимъ языкомъ выражается мѣстами не одинъ Трофимъ, но и другой деньщикъ, арабъ Абрамъ, который говоритъ:

Мы тихій Донъ на бурной Волгѣ *женимъ;*
Отъ брака этого *приплодъ* богатый
Пойдетъ. Царьградъ *почешется въ затылкѣ.*

Мѣстоименіе *никій* уже очень устарѣло, выраженіе: *заплутовался* неправильно.

Разговоръ съ Ягужинскимъ — лучшее мѣсто драмы, но и тутъ есть неясность напримѣръ:

Москва-ли, Петербургъ, всѣ города,
Село, деревня, одинокій хуторъ:
Вездѣ онъ былъ заботливый хозяинъ.

Это неясно. Авторъ хотѣлъ конечно сказать: Въ Москвѣ, Петербургѣ, въ селѣ — вездѣ онъ былъ хозяинъ. Въ извѣстномъ сравненіи Петра Великаго съ анатомомъ, перемѣнившимъ гнилую внутренность Россіи, стихъ, такъ непріятно поражавшій на сценѣ:

За уши поднялъ, на ноги поставилъ, —

въ печати замѣненъ болѣе приличнымъ выраженіемъ: «За плечи поднялъ». Очень жаль, что авторъ не измѣнилъ въ концѣ этого монолога два послѣдніе слишкомъ изысканные стиха:

Исторія правдивая, живая,
Какъ въ зеркало алмазной чистоты,
Впилась въ мою ликующую память.

Алмазная чистота, ликующая память, исторія впивается въ память, какъ въ зеркало! Что за восточныя метафоры!

И страхомъ озабоченной Европы
Ростъ русскаго величья измѣрять.
И слиткомъ олова упало сердце (куда?)
Желчь ищи въ устахъ. Уподленное сердце
Въ пустой груди шелохнуться не смѣетъ.
Гдѣ двадцать лѣтъ моей *отрадной* службы?
Въ одно мгновеніе какъ прахъ сгорѣли (лѣта то!)
Ихъ оставы *торчатъ* на пепелищѣ ...
... *Я собственнаго чувства* не увидѣлъ
Въ *скудельномъ* сердцѣ дѣвушки невинной.

На сценѣ, эти выраженія часто незамѣтны: въ чтеніи совсѣмъ другое дѣло.

Пятое дѣйствіе почти все безукоризненно. Доротея, въ минуты страшнаго отчаянія, говоритъ гораздо проще и безъискуственнѣе, чѣмъ прежде. Вотъ замѣченные нами неловкіе стихи:

... Стыдъ горькій, *словно ливень*
Бьетъ даже и виновнаго страдальца ...
... Друзья подальше, *сторонятъ* родные.
... А тебѣ *чего-же* плакать?

Не знаемъ также, для чего невѣсту Кашинскаго вора, Фильки, называютъ всѣ *Агриппина*, вмѣсто простаго и общеупотребительнаго: *Аграфена*.

Вотъ все, что̀ мы нашли достойнаго охужденія въ драмѣ г. Кукольника. Въ нѣсколькихъ тысячахъ стиховъ — нѣсколько десятковъ — не гладкихъ стиховъ — не преступленіе. Для полнаго и безукоризненнаго торжества г. Кукольника, мы желали-бы, чтобы онъ исправилъ замѣченные нами недостатки во второмъ изданіи своего Деньщика, который очень скоро войдетъ въ полное собраніе его сочиненій, издаваемое теперь имъ самимъ.

—

Музыкальныя наслажденія Петербурга за прошедшій мѣсяцъ ограничились пятью — шестью концертами; замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: концерты г. Артемовскаго, г. Михайлова и гг. любителей, съ благотворительной цѣлью. Въ концертѣ г. Артемовскаго мы слышали жену его — замѣчательную арфистку, которая обладаетъ большимъ механизмомъ и — что еще важнѣе для арфы, — большимъ вкусомъ. Двѣ пьесы, сыгранныя ею, доставили большое удовольствіе публикѣ. Талантъ самаго Артемовскаго — извѣстенъ публикѣ, но мы считаемъ долгомъ обратить особенное вниманіе на новый возникающій вокальный талантъ нашей даровитой Е. Н. Жулевой, которая, въ этомъ концертѣ исполнила съ Артемовскимъ какой-то русскій дуэтъ. Голосъ симпатическій, звонкій, обширный, прекрасный, большое увлеченіе и чувство въ пѣніи, природная гибкость и настроеніе къ вокализаціи, — вотъ отличительныя достоинства г-жи Жулевой, какъ пѣвицы. Въ скоромъ времени, конечно, явится и хорошая метода: вѣдь пѣвицы образуются не такъ скоро, какъ пекутся пираги!

Концертъ г. *Михайлова* есть, такъ сказать, ежегодная выставка успѣховъ, сдѣланныхъ его учениками въ пѣніи. Метода преподаванія г. Михайлова самая правильная и раціональная, поэтому немудрено, что ученики его дѣлаютъ быстрые успѣхи. Между его учениками особенно замѣчателенъ г. *Антоновъ*, обладающій прекраснымъ, мягкимъ, много-напоминающимъ Маріо теноровымъ голосомъ.

Концертъ любителей въ залѣ Безобразова былъ особенно удаченъ какъ-то занимательному выбору пьесъ, такъ и по исполненію ихъ. Вокальная часть концерта была блистательна. Б. П. Безобразова прекрасно спѣла своимъ чуднымъ и симпатическимъ голосомъ andante Меркаданте и испанскій романсъ; В. А. Безобразовъ исполнилъ замѣчательно хорошо баритонную арію изъ новой оперы Обера «L'enfant prodigue, очень оригинальную и патетическую Н. С. Мартыновъ, — одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ пьянистовъ, — привелъ всѣхъ въ восторгъ преимущественно исполненіемъ нактюрна Фильда: нѣжность туше и тонкость оттѣнковъ были поразительны. Н. С. Мартыновъ вполнѣ постигъ стиль Фильда и приноровился къ нему: какъ игра его была мягка, нѣжна въ пьесѣ Фильда, — такъ она была блестяща, бойка, бравурна въ исполненіи прекрасной фантазіи Тальберга на мотивы «Донъ-Жуана».

А за симъ... за симъ начались *Симфоническія утра* г. Маурера, о которыхъ будемъ говорить подробно въ слѣдующемъ мѣсяцѣ.

МОДА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ — въ нынѣшнемъ году совсѣмъ сбилась съ толку. Она незнаетъ, что придумывать — зимніе или лѣтніе наряды? Зима играетъ съ нею до сихъ поръ такія шутки, что бѣдняжка принуждена рѣшительно отказаться отъ всего, что было припасла къ веснѣ. Поэтому, всѣ наши дамскіе наряды служатъ все еще продолженіемъ тѣхъ миленькихъ выдумокъ, которыми мода надѣляла ихъ въ прошлую зиму. У насъ, длятся еще балы и маскарады, стало быть, нѣтъ ничего удивительнаго, что встрѣчаются въ апрѣлѣ мѣсяцѣ новые бальные костюмы. Тотъ, который мы видѣли, просто прелесть... но начнемъ по порядку. Въ послѣднихъ концертахъ, вотъ какіе костюмы особенно бросались въ глаза:

1. — Шляпка, синяя, таласная, обшитая, въ тульѣ, на поляхъ и сзади широкимъ чернымъ кружевомъ. Платье гласе; лифъ шалью, со вставною грудью; рукава немного длиннѣе локтя, внизу широкіе. Платье отдѣлано внизу четырьмя, а посерединѣ однимъ — воланами изъ лентъ той-же матеріи.

2. — Шляпка креповая, отдѣланная въ три ряда фестонами и рюло изъ бѣлаго атласа; подъ фестонами, легкая блонда; съ боковъ, надъ самымъ ухомъ, по бѣлому, пышному страусовому перу. Платье изъ тяжелой шелковой, гладкой матеріи, съ тремя широкими воланами, обшитыми узкой бархатной ленточкой. Кофточка-фракъ, черная бархатная, обшитая шелковымъ аграмантомъ, съ двумя разрѣзами сзади, образующими три фалды. Жилетъ голубой, атласный, доверху застегнутый. Шитый воротничекъ, подвязанный легкимъ синимъ галстухомъ.

3. — Блондовый чепчикъ — Mathilde, очень низко наколотый и стянутый атласной лентою; съ боковъ, по натуральной розѣ съ легкой зеленью. Курточка и юбка изъ легкаго бархата, или тяжелой шелковой матеріи. Курточка съ отрѣзнымъ воротникомъ и отворотами, подбитыми, также какъ и абшлага, à la mousquetaire — широкой шотландскою полосатою лентою. Изъ той-же ленты нашиваются на юбку три волана. Подрукавники — съ гладкими, накрахмаленными манжетами. Жилетъ желтый изъ моара, застегнутый доверху, и галстучекъ.

4. — Бальный костюмъ, о которомъ мы говорили выше. Это тюлевое платье, вышитое легкими серебряными мушками. Сверхъ юбки накинута греческая тюника, спереди короткая, сзади длинная, но широкая до того, что образуетъ огромное число пышныхъ складокъ. Въ плечахъ, она оканчивается маленькими, вырѣзными рукавчиками; въ таліи стянута золотымъ шнуркомъ. Грудь гладкая, отдѣланная вся мелкимъ золотымъ шнурочкомъ и такими-же кисточками. Тюника-же и юбка обшиты узенькой темной лентою, первая въ три рида, а вторая рядовъ въ пять.

Всѣ эти платья можно имѣть у Mme Агриппинъ, въ домѣ Энгельгардтъ, на Невскомъ проспектѣ; головные уборы у Mme Аттъ, на Невскомъ Проспектѣ, за Аничковымъ мостомъ, въ домѣ Кожевникова.

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 4.

СТАРУШКА.

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

СОЧИНЕНІЕ

М. Ѳ. КАМЕНСКОЙ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:	АКТЕРЫ:
ГРАФЪ НАРОВЪ.	*Г. Сосницкій.*
ГРАФИНЯ НАРОВА	*Г-жа Сосницкая.*
МАША, внучка ихъ	*Г-жа Жулева.*
КНЯЗЬ РАДОВЪ, молодой художникъ.	*Г. Смирновъ 2.*
ЕФРЕМОВНА, няня.	*Г-жа Гусева.*

Дѣйствіе въ С. Петербургѣ въ 1789 году въ домѣ графа Нарова.

Театръ представляетъ гостиную. На правой сторонѣ, диванъ: на немъ сидитъ графиня Нарова и вяжетъ снурокъ на рогулькѣ; графъ подлѣ нея, съ книгой въ рукѣ, дремлетъ. На другой сторонѣ, Маша вышиваетъ въ пяльцахъ.

I.

ГРАФЪ, ГРАФИНЯ и МАША.

ГРАФИНЯ *(поднимая петлю)* Ну! ну! читай же, графъ!

ГРАФЪ *(просыпается и старается принять добрый видъ)*. А? что, матушка графиня, что?

ГРАФИНЯ (*заглядывая въ глаза мужу.*) Какъ что, батюшка, читай же; да никакъ ты вздремнулъ?

ГРАФЪ. Нѣтъ, матушка графиня, это я такъ призадумался.

ГРАФИНЯ. Вотъ то–то и есть, графъ: цѣлый день все призадумываешься, а ночью, глядишь, безсонница: «неспится, матушка графиня, неспится;» возню подымешь и никому покоя недашь. (*вздыхая*) Ахъ, какъ ты перемѣнился, графъ! было время, ты не засыпалъ, сидя въ креслахъ подлѣ меня ... а теперь?... ты знаешь, какъ я люблю слушать Мармонтеля; а ты и двухъ словъ не можешь прочесть, чтобъ не заснуть ... да, да, это все потому–что сталъ ко мнѣ равнодушенъ; ты привыкъ ко мнѣ, какъ къ твоей китайской куклѣ, которая сидитъ передъ тобою сорокъ лѣтъ на мѣстѣ, и киваетъ тебѣ головой. Женщины! бѣдныя женщины! (*сердито поворачиваясь къ мужу.*) Скажите мнѣ, графъ, за что же я васъ люблю?

ГРАФЪ (*цѣлуя ея руку.*) Матушка графиня, вѣдь и я тебя люблю, ей Богу, люблю ...

ГРАФИНЯ. Я вамъ прежде вѣрила, графъ ...

ГРАФЪ. А теперь, матушка графиня, не тотъ ли же я? право, мнѣ, попрежнему, всѣ женщины на одно лицо.

ГРАФИНЯ. Еще бы, батюшка! пора уходиться ... не хотите ли вы, какъ вашъ любимецъ, князь Радовъ, заглядывать на всякое хорошенькое личико?

МАША (*вставая.*) Мнѣ странно, бабушка: про что бы вы ни начали говорить, у васъ всегда является на сцену князь. Я, право, не-

знаю, что онъ вамъ сдѣлалъ? Онъ очень милый, хорошо образованный молодой человѣкъ.

ГРАФИНЯ. Что, сударыня? охъ, вы образованныя! это, матушка, вещь условная ... по вашему такъ, а по нашему этакъ; хоть бы ты теперь: посмотри, что изъ тебя сдѣлала англійская мамзель? болтаешь безъ умолку, то-ли дѣло бывало наша добрая М-me Эмé, не какая нибудь была француженка, а изъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстія! только бывало и твердитъ, что дѣвушкѣ первое дѣло скромность; да и не бѣгали мы изъ комнаты въ комнату, да и не останавливались болтать со всякимъ молодымъ человѣкомъ, да еще на такомъ языкѣ, котораго никто не понимаетъ; ужъ добро бы французскій, это языкъ универсальный, на немъ мы всѣ говоримъ; нѣтъ, мало: ввели въ моду англійскій, Гау-ду-юду ... вери-уель, свяжется трещать съ какимъ-нибудь фертикомъ и все безъ-толку ... и куртизанятъ-то нынче не полюдски; въ наше время, не такъ бывало; вотъ, напримѣръ, за мной ухаживалъ португальскій посланникъ! такъ не простой человѣкъ, а португальскій посланникъ, говорю ... такъ есть чѣмъ и вспомнить ... можно сказать, что деликатно.

МАША (*съ насмѣшкой*). Какъ же онъ могъ ухаживать за вами, бабушка, когда вы не говорите ни по португальски ни по нѣмецки, а онъ, кажется, не говорилъ ни по русски ни по французски, какъ же вы понимали другъ друга?

ГРАФИНЯ. Очень просто, сударыня: онъ войдетъ съ поклонами и сдѣлаетъ вотъ этакъ *(дѣлаетъ поклоны и бросаетъ нѣжные взгляды)*, а я ему вотъ такъ (*жеманно приседаетъ.*)

МАША (*смѣется и подходитъ къ окну.*) И только-то, ха, ха, ха!

ГРАФИНЯ. И только, сударыня, нечего зубы-то скалить . . надъ старухой смѣяться грѣхъ ... посмотрите-ка на себя, какъ вы ходите... срамъ да и только! мы бывало хаживали (*ходитъ*): ступишь и какъ разъ пятка придется къ носку ... а ты еще фрейлина ... а шагнешь, такъ доброму преображенцу впору, ой вѣкъ! вѣкъ! на каждомъ шагу свое достоинство теряютъ! (*показывая на Машу*) а нарядъ-то, нарядъ, платье съ плечъ слѣзло, голова облизанная; за что только деньги платятъ, не понимаю! у насъ, бывало, парикмахеръ, за свой рублевикъ, ходитъ, ходитъ около головы, да какъ кончитъ, такъ и видно, что прическа то барская: насилу голову держишь!...

МАША. Что же вы говорите, бабушка, а вы-то, на портретѣ, какъ открыты ... мы этакъ никогда не ходимъ!

ГРАФИНЯ. Ужъ молчите, сударыня: въ старину, лучше васъ знали, какъ надо одѣваться.

ГРАФЪ. Что ты это, матушка, на нее напала, чѣмъ она виновата, что свѣтъ не по насъ съ тобой? да и князь Николай, право, малый добрый и умный.

ГРАФИНЯ. Да кто-же, графъ и говоритъ, что онъ недобръ и не уменъ; да за чѣмъ же онъ забываетъ, что онъ дворянинъ и князь русскій.

ГРАФЪ. Матушка графиня, помилуй, да что же онъ сдѣлалъ?

ГРАФИНЯ. Вотъ, батюшка, будто бы не знаешь? охъ, Господи! что бы было, еслибы княгиня была жива? не пережила бы она, моя родная, что ея любимецъ, ея надежда, Николай, что еще въ пеленкахъ сержантомъ гвардіи былъ; — въ художники пошелъ!

ГРАФЪ. Это и мнѣ не понутру.

ГРАФИНЯ (*перебивая*). Видишь, какіе обычаи изъ чужихъ краевъ вывезли; тамъ дескать, у кого есть талантъ, тотъ и художникъ, хоть бы князь былъ. Хорошо имъ быть художниками, когда ни у одного князя души за собой нѣтъ; а ему, слава Богу, мать двѣ тысячи оставила: любаго въ ученье отдай; такъ нѣтъ, охота; какая бы погода ни была, пѣшкомъ въ академію шатается, за одно съ своимъ крѣпостнымъ Ванькою, и тамъ съ нимъ на одной лавкѣ сидитъ.

МАША. Говорятъ, бабушка, у его Ивана большія способности.

ГРАФИНЯ. Вѣрю, матушка, вѣрю; ему это и прилично, да князь-то Николай Петровичъ за чѣмъ себя срамитъ? вѣдь на него пальцами показывать будутъ.

МАША (*у окна*). Тише, бабушка: князь пріѣхалъ.

ГРАФИНЯ. Легокъ соколъ на поминѣ!...

II.

ТѢЖЕ и КНЯЗЬ.

КНЯЗЬ. Мое почтеніе, графиня (*кланяется графинѣ и Машѣ*). Какъ поживаете, графъ?

ГРАФЪ. Что намъ, братъ Николай, молодымъ людямъ дѣлается!

КНЯЗЬ. Вы, вѣрно, куда нибудь собираетесь, графиня?

ГРАФИНЯ (*значительно*). Ѣду Машу представлять матушкѣ Императрицѣ, да рано, такъ я и сѣла поработать.

КНЯЗЬ (*подсаживается къ графинѣ*). А что вы работаете, графиня?

ГРАФИНЯ. А вотъ, батюшка, на окладъ работаю для Маши, чтобы помнила, какъ бабка трудилась, и сама сложа руки не сидѣла (*съ насмѣшкой*). А ты, батюшка, что подѣлываешь?

КНЯЗЬ. Все попрежнему, хожу въ академію, рисую.

ГРАФИНЯ (*мужу на ухо*). Слышишь, графъ, ходитъ, вѣдь я тебѣ говорила, что онъ ходитъ!

ГРАФЪ. Какъ же это ходишь? развѣ ты лошадей—то продалъ?

КНЯЗЬ. Нѣтъ, графъ, это привычка.

ГРАФЪ. Ну, признаюсь тебѣ, другъ мой, я пѣшкомъ никуда не пойду, вѣдь я не нѣмецъ какой. Вотъ, хоть бы сенаторъ Лежневъ: отъ меня за два дома живетъ, и тутъ подадутъ шестерню! и сына своего не пустилъ бы пѣшкомъ таскаться. Мнѣ это больно, очень больно, вѣдь ты мнѣ сынъ,—помню, никогда не забуду, какъ мы съ твоимъ покойнымъ отцомъ объ тебѣ гадали; помнишь, матушка графиня?

ГРАФИНЯ. Что это у васъ за идеи, графъ? (*Машѣ*). Маша, сударыня, что это пристала къ пяльцамъ? ты ужъ забыла, что намъ надо ѣхать во дворецъ! поди, оправься... (*Маша встаетъ, смотритъ на князя и выходитъ изъ комнаты. Минутное молчаніе*).

КНЯЗЬ. Графъ! вы кстати напомнили о покойномъ моемъ отцѣ. Графиня ... я пришелъ сегодня съ тѣмъ, чтобъ именемъ его просить васъ исполнить его послѣднее желаніе.

ГРАФИНЯ. Что, батюшка, что?

КНЯЗЬ. Умирая, онъ сказалъ, что вы мнѣ не откажете ... я давно люблю Марью Ивановну, и если не ошибаюсь, то...

ГРАФИНЯ. И она любитъ тебя, не такъ ли? пусть она любитъ тебя, если ей это угодно, и ты тоже; я сама прежде любила тебя, но теперь все кончено! ты не можешь быть мужемъ Машѣ, ты замаралъ свое имя, вездѣ только и рѣчей, что про твое художество ... а Маша моя внучка, дочь моего Ивана (*показывая на небо*). Я ему должна буду дать отвѣтъ за нее.

ГРАФЪ. Матушка Елизавета Андревна, не сама ли ты этого хотѣла?

ГРАФИНЯ. Графъ! съ тѣхъ поръ, какъ я этого хотѣла, много воды утекло.

КНЯЗЬ. Какъ прикажете мнѣ это принять, графиня?

ГРАФИНЯ. Какъ хочешь, батюшка, такъ и принимай; по моему, такъ за чистый отказъ. Самъ посуди, Маша насъ не объѣла, чтобъ намъ ее вытолкнуть изъ дому, слава Богу, и лѣта ея не такія, въ дѣвкахъ не засидѣлась, да и Петербургъ не такой городъ, были-бы невѣсты, а женихи будутъ, слава Богу есть кого въ секурсѣ держать.

ГРАФЪ. Что ты это, матушка, точно тебя муха какая укусила.

КНЯЗЬ. Графиня, прошу васъ выслушать.

ГРАФЪ. Выслушай его, матушка графиня, выслушай...

ГРАФИНЯ. (*зажимая уши, бѣжитъ, таща за собой рогульку*

съ шолкомъ). Не слушаю, не слушаю, не будетъ Маша художницей! Нехочу. Да и вамъ, графъ, это не пройдетъ даромъ. *(Графиня уходитъ и тащитъ за собой работу).*

ГРАФЪ *(всторону).* Ай бѣда! (*вслухъ*). Ну, нехочешь, матушка, такъ и я нехочу ... (*бѣжитъ за ней и старается поймать рогульку, говоря князю).* Съ чего ты это выдумалъ! нехотимъ, нехотимъ!...

III.

КНЯЗЬ стоитъ, какъ окаменѣлый. **МАША** показывается и подслушиваетъ. Князь ея не видитъ.

КНЯЗЬ. Любимое, прекрасное искуство! ты требуешь жертвъ ... гмъ! а не говорилъ ли я себѣ, что нѣтъ дружбы, родства, даже любви, которая могла-бы отвратить меня отъ моего призванія; еще ребенкомъ все влекло меня на это высокое поприще; но тогда я былъ счастливѣе ... а теперь я одинъ, совершенно одинъ!

МАША (*подходитъ къ князю, и передразниваетъ его).* Одинъ! совершенно одинъ! трагедія и ложь: даже и теперь насъ двое...

КНЯЗЬ. Вы здѣсь, графиня?..

МАША. Да! но здѣсь не графиня, а таже Мери, которой, восемь лѣтъ тому назадъ, вы высказали все, что у васъ было на душѣ; или вы думаете что я поглупѣла въ деревнѣ и непойму васъ теперь?..

КНЯЗЬ. Мнѣ думать это, графиня!. .

МАША. Опять?

КНЯЗЬ. Мери.

МАША. Вотъ такъ-то лучше ... давайте говорить откровенно: я слышала стороной ... (*шутя показываетъ на дверь*) вотъ изъ этой двери, будто вы влюбились, сватались, и вамъ отказали ...

КНЯЗЬ. Вы хотите шутить,—а мнѣ не до того!

МАША. Какія шутки! я говорю серьозно, по дружбѣ, изъ участія... вѣдь это до меня не касается: я тутъ посторонняя...

КНЯЗЬ (*взявъ ея руку*). Добрая Мери!

МАША. О, я предобрая! ну, такъ разскажите же мнѣ, какъ вы, не объяснясь хорошенько съ любимой дѣвушкой, начали неудачное сватовство? стало-быть, вы увѣрены въ ея любви?

КНЯЗЬ (*цѣлуя ея руку*). Увѣренъ: мы любили другъ друга съ дѣтства ... съ ней я дѣлилъ первые порывы моего творчества...

МАША. Это похвально въ дѣтяхъ ... но вѣдь теперь, я полагаю, она выросла, сдѣлалась поумнѣе, посолиднѣе ...

КНЯЗЬ. Это правда; изъ милаго ребенка, я увидѣлъ прекрасную дѣвушку.

МАША. И она сказала вамъ, что дѣтская дружба перемѣнилась на любовь?..

КНЯЗЬ. Нѣтъ, этого она еще не говорила.

МАША. Какъ же вы догадались?

КНЯЗЬ. Съ дѣтскою привязанностью, бросилась она ко мнѣ при первомъ свиданіи ... мы взглянули другъ на друга и одинъ этотъ взглядъ уничтожилъ непрочную дружбу нашего дѣтства ...

МАША. А! такъ вотъ что! какъ эти гг. художники дальновидны! Ну, положимъ, вы не ошиблись, а все таки, я бы совѣтовала, прежде сватовства, посовѣтоваться съ этой дѣвушкой ... вѣдь ужъ она не дитя!

КНЯЗЬ. А что-бы она присовѣтовала?

МАША. Мало ли что ... во-первыхъ, чтобы побѣдить упрямство родныхъ ея, она снова велѣла бы дожидаться вниманій Государыни ... Если она приметъ благосклонно работу художника — князя, то и старички забудутъ свои предразсудки.

КНЯЗЬ. Но это ужъ кончено!

МАША. Какъ?

КНЯЗЬ. Вчера представляли меня Наслѣднику, а сегодня, можетъ быть, я буду представленъ самой Императрицѣ ...

МАША. Возможно-ли! О, въ такомъ случаѣ, поздравляю съ успѣхомъ ... (*подаетъ ему руку*).

КНЯЗЬ (*цѣлуя съ восторгомъ*). Но любитъ-ли меня та, для которой я живу, тружусь и хочу прославиться?

МАША. О хитрецъ! спрашиваетъ, а самъ догадался при первомъ свиданіи.

КНЯЗЬ. Мери! другъ мой!

МАША. И этотъ другъ отъ души желаетъ вамъ счастія!

IV.

ТѢЖЕ и ЕФРЕМОВНА.

ЕФРЕМОВНА. Батюшка, ваше сіятельство! къ вамъ ѣздовой изъ-дворца.

КНЯЗЬ. (*взявъ отъ няньки бумагу, подаетъ Машѣ*). Вотъ, здѣсь рѣшеніе моей судьбѣ.

МАША (*читая*). Боже! какое счастіе! Императрица желаетъ видѣть васъ и ваши рисунки. О! теперь мы спасены! съ ней еще не бывало, чтобъ она достойнаго не оцѣнила.

КНЯЗЬ. Дайте мнѣ увѣриться въ счастіи (*беретъ бумагу и смотритъ въ нее*).

ЕФРЕМОВНА (*вырывая бумагу*). Что же ты мнѣ-то непокажешь? (*беретъ бумагу, смотритъ на нее и съ благоговѣніемъ цѣлуетъ*).

МАША (*князю*). Чтожъ вы, князь! скорѣй, скорѣй.

КНЯЗЬ (*цѣлуя руку Маши*). До свиданія, до свиданія!

V.

ТѢЖЕ, кромѣ **КНЯЗЯ**.

Маша отираетъ слезы.

ЕФРЕМОВНА (*Машѣ*). Да что ты, моя радость, не весела, и слезы навертываются?

МАША (*бросаясь къ нянѣ на шею*). Няня, няня!

ЕФРЕМОВНА (*приподнимая ее, заглядываетъ ей въ глаза*). Ну, что няня! няня! рано развертываешься: скороспѣлка ты этакая! да у тебя уже не зазнобушка ли; закраснѣлась: видно, нянька-то правду сказала, проказа ты этакая! въ кого изволила втюриться?

МАША. Ефремовна, голубушка, вѣдь ты знаешь, мы съ нимъ выросли вмѣстѣ! помнишь, какъ онъ мнѣ картинки рисовалъ, какъ онъ меня любилъ ...

ЕФРЕМОВНА (*перебивая*). Съ нимъ выросла, картинки рисовалъ! да это князь Николай ..

МАША (*душитъ няню въ объятіяхъ*). Онъ и есть! няня.

ЕФРЕМОВНА. Не души, не души! (*задумывается*) ну что-же, по моему, тутъ грѣха нѣтъ, родомъ равные, красотой и подавно, деньгой и говорить нечего, да и воля отцовская была такова.

МАША (*плачетъ*). Да коли бабушка съ дѣдушкой не захотятъ!

ЕФРЕМОВНА. И полно, не кручинься: поупрямятся да и обойдутся.

МАША. Ты думаешь, няня?

ЕФРЕМОВНА. Вотъ тебѣ моя рука, или я не Ефремовна. (*Слышенъ голосъ графини за кулисами: Маша, Маша, что же ты? я готова*).

ЕФРЕМОВНА. Ахъ, батюшки свѣты! я и забыла, что бабка-то тебя зоветъ, бѣги, бѣги, карета ужъ давно подана! (*Маша уходитъ. Ефремовна беретъ метелку и обмахиваетъ пыль*).

VI.

ЕФРЕМОВНА (*одна*). Вотъ чистота: куда ни взгляни, пыль на палецъ; распустила графиня этихъ верхоглядовъ, ни на что не похоже! всякая сидитъ, какъ фря какая-нибудь, слова не скажи, тотчасъ фыркнетъ! не такъ, бывало, мать ея насъ держала. Какъ теперь помню, мой отецъ, ужъ подъ-шестдесятъ былъ, а какъ что-нибудь не такъ

сдѣлаетъ, она его передъ собой съ чулкомъ на колѣни поставитъ, и урокъ задастъ; да вѣдь и меня не прямо, неучью, какъ этихъ дуръ, въ комнату взяли, — взяли меня изъ избы да въ кухню, въ кухнѣ били, били, да въ людскую, въ людской били, били, да къ дворецкому, дворецкой-то билъ, билъ да въ дѣтскую, въ дѣтской ѣла, ѣла отъ няньки-то плюхи, да тогда только къ матушкѣ барынѣ въ горничныя попала.

VII.

ЕФРЕМОВНА и ГРАФЪ.

ГРАФЪ. На кого ты ворчишь, старуха?

ЕФРЕМОВНА. На кого? на людей; они вамъ съ графиней, какъ мухи на носъ понасѣли а вы что; ребята малые, и обмахнуться не умѣете!

ГРАФЪ. А ты что же будешь дѣлать, — бабій языкъ, словно колоколъ добрый, звонитъ; не устаетъ; а мои уши, право, устали слушать твои всегдашнія жалобы.

ЕФРЕМОВНА. Нѣженъ сталъ больно, ваше сіятельство! небось, чтобъ меня обидѣть, и у тебя языкъ поворачивается; прежде я была у тебя человѣкъ нужный, безъ Ефремовны бывало ни на часъ, все Ефремовна, да Ефремовна *(передразнивая графа)*. Ефремовна, голубушка, приготовь маншеты, Ефремовна бантикъ завяжи, — а теперь на что старуха, что въ ней!

ГРАФЪ (*со смѣхомъ*). Ну, ну, полно, помиримся.

ЕФРЕМОВНА. Мягко ты стелешь ... ну, да Богъ съ тобой, помиримся; поговоримъ-ка лучше объ Машѣ ... али вы съ графиней ничего не видите?

ГРАФЪ. Что, матушка? она, кажется, здорова.

ЕФРЕМОВНА. Тѣломъ-то такъ; но душею то не очень.

ГРАФЪ. Что ты? я тебя непонимаю.

ЕФРЕМОВНА. Чего тутъ непонимать, батюшка графъ! дѣло ея молодое, теплое, самъ долженъ помнить, что и не замѣтишь, какъ та злодѣйка прокрадется.

ГРАФЪ. Бредишь ты, что-ли? какая злодѣйка?

ЕФРЕМОВНА. Старъ ты сталъ, графъ, старъ! злодѣйка любовь!.. вѣдь ты полюбилъ графиню, а Маша полюбила князя ... Ну, понимаешь теперь?

ГРАФЪ. Понимаю; только это, матушка, не мое и не твое дѣло, а графинино; противъ нея я ничего не могу.

ЕФРЕМОВНА. Все это такъ; люби графиню: это законъ велитъ, но не забывай и пословицы: жена что шуба хорошая...

ГРАФЪ (*съ испугомъ*). Что ты? что ты?

ЕФРЕМОВНА. Я не къ тому; но нельзя же графинѣ давать поблажку: сегодня хочу, завтра нѣтъ... Экое горе припало! человѣкъ знатный, богатый и красивый сватается за внучку; незахотѣла, да незахотѣла, поди, сама незнаетъ, почему?

ГРАФЪ. Какъ незнать — она сердита на князя за то, что онъ пошелъ по этой неприличной его званію дорогѣ.

ЕФРЕМОВНА. Что онъ рисуетъ-то? Ну чтожъ за бѣда! Въ его лѣта не такъ бываетъ; вотъ, я знавала одного соколика, съ утра до вечера, бывало, пороги считаетъ, а къ отцу то и дѣло заемныя письма несутъ.

ГРАФЪ. Полно, полно, старуха; ты какъ изъ мѣшка сыплешь, конца нѣтъ, — неужели ты думаешь, что мнѣ не жаль Машу и князя, но что же мнѣ дѣлать съ графиней! ты незнаешь... (*подходитъ къ окну*) но вотъ, и она ѣдетъ.

ЕФРЕМОВНА (*пристаетъ къ графу*). Послушай, батюшка графъ, возьми хоть разъ на себя, скажи себѣ: буду мужчиной, хочу и отдамъ Машу князю; вотъ и будешь молодецъ!

ГРАФЪ. Пріѣхала, пріѣхала! какъ-то ее приняла матушка-царица?

ЕФРЕМОВНА. Толкуй больной съ подлекаремъ! (*съ надсмѣшкою*) пріѣхала, пріѣхала! вотъ, Богъ послалъ голубковъ: тянутъ себѣ старую пѣсню, а молодымъ и поворковать не дадутъ. Изъ ума выжили, прости Господи! (*графъ становится противъ дверей и ожидаетъ графиню*).

VIII.

ТѢЖЕ и **ГРАФИНЯ** показывается въ дверяхъ

ГРАФЪ. Ну, что, матушка? что Императрица?

ГРАФИНЯ (*запыхавшись*). Ухъ! говорила!

ГРАФЪ (*падая въ ноги графинѣ*). Говорила?

ЕФРЕМОВНА. Говорила, говорила!...

ГРАФИНЯ. Говорила и узнала.

ЕФРЕМОВНА. Говорила и узнала!

ГРАФИНЯ. И о тебѣ спросила...

ГРАФЪ. И обо мнѣ спросила?

ЕФРЕМОВНА. И обо мнѣ ... тьфу! и объ графѣ спросила!

ГРАФИНЯ. Встань, батюшка графъ, дай пройти, смерть устала.

ГРАФЪ (*встаетъ и усаживаетъ жену на диванъ*). Сядь, матушка, и разсказывай.

ГРАФИНЯ. Немогу, графъ: устала!

ГРАФЪ. Что же это ты со мною дѣлаешь, матушка графиня! (*обмахиваетъ ее опахаломъ и подаетъ стаканъ воды*) на, матушка, прохладись, и говори, ради Бога, говори: неужели говорила и обо мнѣ спросила?

ГРАФИНЯ. Да, да, графъ.

ГРАФЪ (*съ нетерпѣніемъ*). И еще что же, милочка, Елизавета Андревна?

ГРАФИНЯ. И Машу приласкала; а она стоитъ, какъ ни въ чемъ не бывало, а я ужъ и сама незнаю, что со мной сдѣлалось съ радости: стою и земли подъ собой не слышу, а въ глазахъ, такъ разноцвѣтныя кольца и пошли, и пошли ... матушка императрица взяла Машу за подбородокъ да и говоритъ мнѣ: надѣюсь, графиня, что я теперь буду васъ видѣть чаще? а такую красавицу надо вывозить, замужъ отдать.

ГРАФЪ. А у Маши, поди, и ушки на макушкѣ?

ГРАФИНЯ. Я только–что хотѣла откланяться, какъ вошелъ Никита Ивановичъ Панинъ и доложилъ матушкѣ царицѣ: Ваше величество! молодой князь Радовъ принесъ рисунки, которые вы желали видѣть. «Это мало, что рисунки, я его и самого хочу видѣть, познакомиться съ нимъ: этотъ молодой человѣкъ въ наше время феноменъ», прибавила она такъ милостиво, что я чуть-чуть отъ удивленья къ землѣ не приросла; слушаю и ушамъ не вѣрю, гляжу и глазамъ не вѣрю; вошелъ, точно, нашъ князь Николай и тащитъ съ собой преогромную книжищу.

ГРАФЪ. Не ужъ-то таки онъ, самъ, сынъ нашего покойнаго Петра Ѳедоровича?

ГРАФИНЯ. Да какъ же милостиво императрица его приняла! смотритъ въ книгу, да то и дѣло хвалитъ! признаюсь, и меня любопытство взяло посмотрѣть, на что заглядѣлась матушка императрица, приговаривая: какая новая мысль! что за композиція! я и загляни... ну, ужъ точно новая, даже по моему неблагопристойная: все какія–то женщины, иныя валяются, другія пляшутъ, и представь себѣ, всѣ въ натурѣ, изрѣдка на которой кисейка наброшена, а подъ деревомъ какой–то уродъ съ козьими ногами, ротъ до ушей, уши выше маковки, такой страшной, что я забылась и перекрестилась; императрица улыбнулась; а Маша, бестыдница, такъ и впилась глазами.

ГРАФЪ. Чтожъ ты, матушка, ея не остановила?

ГРАФИНЯ. Я ее въ бокъ, а она и не смотритъ, забылась, гдѣ стоитъ,

даже императрицу перебивать начала, то и дѣло черезъ нея какой-нибудь вопросъ закинетъ князю, а ужъ глазами и говорить нечего, такъ другъ друга и съѣли! Сгорѣла я! смотрю на императрицу, а она, то на одного, то на другаго поглядываетъ, потомъ оборотилась къ Машѣ, да и говоритъ: вы вѣрно знакомы съ княземъ? я обмерла, мигаю, киваю, а Маша только того и ждала, негодная! Какъ-же, ваше величество, князь старинный другъ нашего дома, мы съ нимъ выросли вмѣстѣ. Вотъ-что! сказала царица съ улыбкой, и опять поглядѣла на Машу и на князя, потомъ наклонилась ко мнѣ и шепнула: не женихи ли они? я замялась. А государыня изволила примолвить: я бы ихъ женила: мнѣ кажется, они любятъ другъ друга? Я вижу, что дѣло-то плохо: начала присѣдать, присѣдать... да и убралась. Мы вышли, а князь бѣжитъ за нами, усадилъ меня въ карету препочтительно ... а Машѣ, Богъ его прости, кажется руку пожалъ!..

ГРАФЪ. Что же, матушка, тутъ худаго? Видишь ты, онъ вниманіе на себя обратилъ.

ГРАФИНЯ. Хорошо, если-бы онъ обратилъ это вниманіе чѣмъ-нибудь другимъ; но я все-таки его откушать просила, нельзя послѣ этакихъ словъ матушки царицы его неприласкать.

ГРАФЪ. Я вѣдь тебѣ, душечка, это давно говорилъ, а теперь, знаешь, какой онъ будетъ!

ГРАФИНЯ. И что же! я тебѣ всегда послушна, батюшка графъ.

ГРАФЪ. Ну, матушка графиня, не всегда.

ГРАФИНЯ. Что это значитъ, графъ?

ГРАФЪ. Да вотъ хоть бы давича, я просилъ тебя выслушать князя, а ты не послушалась меня и обидѣла такого человѣка, которымъ дорожитъ сама матушка императрица. Ну, какъ онъ обидится, да непріѣдетъ?

ГРАФИНЯ. Я звала его; если непріѣдетъ, пошлю, напишу къ нему.

ГРАФЪ А онъ все-таки непріѣдетъ, а Маша между тѣмъ будетъ страдать; долго-ли до бѣды, сдѣлается чахотка, умретъ, чего добраго.

ГРАФИНЯ. Графъ, что это вы говорите, умретъ, моя Маша умретъ? Маша, Маша, другъ мой, гдѣ ты, поди сюда!

IX.

ТѢЖЕ и МАШИ.

МАША. Что вамъ угодно, бабушка?

ГРАФИНЯ (*беретъ ее за руки и щупаетъ голову*). Маша, Маша, что съ тобой? ты скучна? ты нездорова? ты несчастлива?

МАША. Я, бабушка, ничего!

ГРАФЪ (*толкая Машу*). Тсъ! дурочка, говори бабкѣ, что ты умрешь, если она не отдастъ тебя за князя.

МАША. Вы сами виноваты, бабушка, что я скучна, больна: не вы ли отказали мнѣ въ счастіи?

ГРАФИНЯ. Я? Маша, Маша, грѣшно тебѣ!

ГРАФЪ (*Машѣ*). Ну, ну, скорѣй.

МАША. Бабушка!.. я хочу быть женою князя, и если вы мнѣ откажете, то я...

ГРАФИНЯ (*съ испугомъ*). Что ты?

ГРАФЪ (*Машѣ*). Умру ... говори, что умрешь.

МАША. Я этого не переживу, я умру ...

ГРАФИНЯ. Полно, полно, успокойся: я увижу, я посмотрю, князь пріѣдетъ ...

X.

ТѢЖЕ, КНЯЗЬ и ЕФРЕМОВНА.

ГРАФЪ. Онъ пріѣхалъ: посмотри на него, матушка графиня, какимъ онъ вопросительнымъ знакомъ стоитъ; послушайся, моя душечка, Елизавета Андревна, рѣши ихъ.

ГРАФИНЯ. Рѣшить?.. Маша, поцѣлуй жениха. (*Маша бросается къ бабушкѣ, князь къ графу*).

ЕФРЕМОВНА. Ну, слава тебѣ Господи! гора съ плечъ свалилась ... (*цѣлуетъ руки у графини*).

КНЯЗЬ. Могъ ли я ожидать такого счастія?

ГРАФИНЯ (*отводя его встрону*). Будь счастливъ, только потѣшь же меня старуху—не рисуй.

КНЯЗЬ. Этого не обѣщаю, графиня.

ГРАФИНЯ (*зрптелямъ*). Видно, сильна страстишка! нечего дѣлать! а ужъ за дѣтей ихъ я возьмусь: правнуки мои рисовать не будутъ.

РАЗЛУКА ТА-ЖЕ НАУКА.

ОРИГИНАЛЬНАЯ КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

ВЪ СТИХАХЪ.

П. Н. Григорьева 1.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:	АКТЕРЫ:
СЕРГѢЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ САРЖИНСКІЙ.	*Г. Максимовъ 1.*
ГЛАФИРА ЛЬВОВНА, его молодая жена	*Г-жа Самойлова 2.*
ОСИПЪ ѲЕДОРЫЧЪ СУРГУЧЕВЪ, родной дядя Саржинскаго. .	*Г. Григорьевъ 1.*
СЛУГИ, СЛУЖАНКИ, безъ рѣчей.	

Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Саржинскаго.

I.

Театръ представляетъ богато-убранную комнату, съ тремя дверьми и двумя окнами. Направо со сцены, у окна, рабочій столикъ со всѣми принадлежностями для шитья; подлѣ столика, кресло, скамейка и небольшой коврикъ. Налѣво со сцены, также у окна, столъ для письма, на немъ бумага, чернильница, ящикъ съ красками, и нѣсколько начатыхъ акварельныхъ рисунковъ. Недалеко отъ окна, дверь въ кабинетъ. Въ углубленіи комнаты, стоитъ пьянино, на которомъ разбросаны ноты. Утро.

СУРГУЧЕВЪ (*входитъ и смѣется, смотря на два письма, которыя перечитываетъ*).

Ха! ха! ха! ха! племянникъ пишетъ мнѣ:
«Что онъ въ ужаснѣйшемъ отчаяньи, въ заботѣ ...
«Что будто онъ нашелъ въ своей женѣ
«Не агнца, а демона въ капотѣ!» —
Поди вотъ, угоди на эту молодежь ...
Жена и хороша, и молода, богата,
Воспитана порядочно ... и чтожъ?
Все мало кажется для нашего-то брата!
Вотъ молодость! ея не разберешь!
(*Смотря на другое письмо*).
Мужъ о своей судьбѣ печалится, тоскуетъ;
А женушка на мужа претендуетъ.
Ха! ха! ха! ха! смѣшно ... и жаль!
(*Показывая на письма*).
Вотъ ... оба страхъ въ моемъ нуждаются совѣтѣ ...
(*Читаетъ вслухъ конецъ письма*).
«Теперь, извѣстна вамъ моя печаль,
«Несчастнѣе меня нѣтъ женщины на свѣтѣ!
«Придите же ко мнѣ сегодня поутру,
«Спасите бѣдную, иначе ... я умру!»
Ха! ха! ха! ха! какъ страшно дичь городитъ!

Посмотримъ, что у нихъ? кто болѣе смѣшонъ?
(*Смотритъ въ боковую дверь*).
Ага!.. Вотъ ... кажется, супругъ несчастный входитъ?..
(*Иронически*).
Ахъ, нѣтъ! несчастная изъ всѣхъ несчастныхъ женъ!..

II.

СУРГУЧЕВЪ И ГРАФИРА ЛЬВОВНА, одѣтая въ модномъ капотѣ.

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*встревоженная*).

Ахъ! Осипъ Ѳедорычъ! вы здѣсь! я очень рада!
Я съ нетерпѣньемъ васъ ждала ...
Въ бесѣдѣ съ вами, мнѣ одна теперь отрада.
(*Жметъ ему руку*).

СУРГУЧЕВЪ.

Какъ-такъ? а мужъ-то гдѣ?..

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*насмѣшливо*).

Мужъ?.. сѣлъ ужъ за дѣла!
Вы понимаете? мой мужъ *дѣлами* занятъ!
(*Выразительно*). А между тѣмъ жена ... нѣтъ силъ пересказать:
Его любовь моя и ласки ужъ не манятъ,
Напротивъ: онъ готовъ заставить всѣхъ страдать.

СУРГУЧЕВЪ (*притворно ужасаясь*)

Неужто? ахъ, мой Богъ!..

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Да! да! садитесь,
Я все открою вамъ!..

СУРГУЧЕВЪ (*усаживаясь*).

Ну, чтожъ? вотъ, я сижу ...
(*Про себя*). Она смѣшитъ меня!..

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*также садится*).

Вы очень удивитесь,

Когда я вамъ мое несчастье разскажу.
(*Съ таинственностію*). Представьте, Осипъ Ѳедорычъ, что въ мужѣ
Все нестерпимо мнѣ! да! онъ заѣлъ мой вѣкъ!
Нѣтъ человѣка злѣй, капризнѣе и хуже,
Какъ этотъ человѣкъ!
Помилуйте! вѣдь это наказанье!

СУРГУЧЕВЪ (*также*).

Возможно-ли!?

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Съ нимъ, дня нельзя въ ладу прожить!
Ни доброты моей, ни нѣжнаго вниманья,
Ну, словомъ, ничего не хочетъ онъ цѣнить!
Я, прежде, вамъ сказать не смѣла,
Но, наконецъ, нѣтъ силъ! вседневно шумъ и споръ,
Чтобъ я ни вздумала, чего-бъ ни захотѣла,
Онъ мнѣ во всемъ идетъ на перекоръ!
Вы понимаете, что это вѣдь ужасно,
Невыносимо жизнь подобную вести!
Мои страданія, угрозы, все напрасно!
(*Схвативъ его за руку, съ чувствомъ*).
Ахъ, вы должны меня спасти!

СУРГУЧЕВЪ (*подражая ей*).

Бѣдняжечка! ахъ, онъ разбойникъ!..

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Мало! что-вы!
Разбойникъ могъ меня убить, иль обобрать,
И кончено! А мужъ готовитъ мнѣ оковы!
Онъ хочетъ медленно тиранить, убивать,
Онъ деспотически со мною поступаетъ!
И я, какъ жертва, гибну съ каждымъ днемъ!..

СУРГУЧЕВЪ (*также*).

Ахъ, варваръ!

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*рѣшительно*).

Вотъ названіе — по немъ!
Оно вполнѣ его характеръ выражаетъ!

СУРГУЧЕВЪ.

Ахъ, онъ чудовище!..

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*перебивая*).

Да! да!
И этимъ я его названіемъ дарила!

СУРГУЧЕВЪ.

Да онъ не мужъ, а звѣрь! безъ сердца! безъ стыда!
Онъ просто — крокодилъ!..

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Нѣтъ! злѣе крокодила!

СУРГУЧЕВЪ.

Прошу покорнѣйше!.. а я—то хлопоталъ,
Я думалъ оказать племяннику услугу,
Сосваталъ васъ, и онъ—же увѣрялъ:
Что ангела ему нашелъ я, не супругу!
А вдругъ теперь я узнаю,
И что-же?.. Боже мой! какъ люди стали лживы!
(*Съ притворнымъ чувствомъ*).
Страдалица! за что убилъ я жизнь твою?
Смотря на васъ голубушку мою,
Дивлюсь, какъ вы еще до сей минуты живы?
Какъ можете вы всѣ страданія терпѣть?
Ну, право, ежели съ участьемъ
Со стороны на васъ, какъ надо, посмотрѣть,
Такъ вы надѣлены какъ будто-бъ полнымъ счастьемъ...
Огонь и жизнь въ глазахъ,
Румянецъ полный на щекахъ,
Ну, словомъ: вы, на взглядъ, какъ розанчикъ, цвѣтете!

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*качая грустно головою*).

А между тѣмъ!..

СУРГУЧЕВЪ (*также*).

Да! да! тяжелый крестъ несете!!..

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Ахъ! видно, такъ назначено судьбой!

СУРГУЧЕВЪ.

Я тоже думаю ... а странно! будь другой,
Не я, (который васъ какъ должно понимаетъ),
Тотъ скажетъ: «да она нисколько не страдаетъ!
«Ея несчастье вздоръ! капризъ пустой!
«Страданій истинныхъ она не понимаетъ!»
И прочее ... но дѣло не о томъ,
Вы основательно признайтесь мнѣ во всемъ:
Чтобъ понялъ я изъ вашего признанья,
Какъ именно и въ чемъ вы терпите страданья?

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Ахъ! Богъ мой! да всего нельзя пересказать!
Нѣтъ дня, чтобъ онъ меня не заставлялъ страдать!
Онъ, мнѣ на зло, о томъ хлопочетъ,
Чтобъ чѣмъ-нибудь меня обидѣть, оскорбить;
Я, напримѣръ, гулять хочу... такъ онъ не хочетъ!
Я въ гости соберусь, — онъ хочетъ дома быть!
Я вздумаю распорядиться,
Созвать гостей на балъ, назначу день...
Вдругъ мужъ не хочетъ согласиться,
Кричитъ: я не хочу! я нездоровъ! мнѣ лѣнь!
Или хуже: слова мнѣ не скажетъ,
Нарочно всѣмъ заранѣе откажетъ!
Я-жъ, разодѣнусь, жду гостей,
А онъ войдетъ ко мнѣ, злодѣй,
Покажетъ видъ, что страхъ ко мнѣ привязанъ,
И спроситъ: «для чего ты расфрантилась вдругъ?»
Для бала! — Онъ-же мнѣ: «напрасно, милый другъ,
Балъ, за твоей *болѣзнію* — отказанъ!»
Да развѣ я больна? съ чего ты это взялъ?
«Ну, все равно, такъ я немножко захворалъ!»

СУРГУЧЕВЪ.

Ахъ, варваръ!

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Нѣтъ, гораздо хуже!
Хоть вдвое будь добрѣй меня жена,

Хоть совершенный ангелъ будь она,
Но при такомъ несчастномъ мужѣ
И ангельскій характеръ въ годъ
Измѣнится, въ отчаянье придетъ!...
Я всячески хочу его заставить,
Чтобъ онъ согласенъ былъ со мной;
А онъ, злодѣй, чтобъ на своемъ поставить,
Подыметъ споръ и шумъ такой,
Что я уйду къ себѣ и цѣлый день проплачу!
Ахъ! Осипъ Ѳедорычъ! скажитежъ: для чего
Я вышла замужъ за него?
Неужто я ужъ ничего не значу?
Неужто мнѣніе жены или совѣтъ,
Хоть *разъ*, нельзя принять, уважить?... Нѣтъ!
Куда!... Хоть-бы вчера: сошлися мы къ обѣду,
Я говорю: мой другъ, я въ *оперу* поѣду...
А онъ: «нѣтъ, завтра мы отправимся въ *балетъ!*»
Я въ Нормѣ слышать *Гризи* страхъ желаю!
«А я *Карлоту Гризи* обожаю!»
И, слово-за-слово, такой затѣялъ споръ,
Что оба мы вскочили, разошлися,
И вѣчнымъ мщеніемъ другъ другу поклялися!

СУРГУЧЕВЪ (*скрывая насмѣшку*).

Ахъ, батюшки! да это срамъ! позоръ!

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Да, Осипъ Ѳедорычъ! какъ вы хотите,
Но такъ съ нимъ жить, я не могу, клянусь!
Или его характеръ усмирите,
Иначе я на *все* рѣшусь!

СУРГУЧЕВЪ.

На все?

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Ну, да! избавлюсь
Отъ нестерпимаго тиранства навсегда!
Опять въ Самару къ матушкѣ отправлюсь,
Чтобъ больше не видать злодѣя никогда!

СУРГУЧЕВЪ.

Такъ вы его, Глафира Львовна,
Ужъ разлюбили?

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*не зная, что сказать*).

Я?... да... очень можетъ быть...
Я чувствую, что я... могла бъ еще любить...
Но онъ меня не можетъ оцѣнить,
Такъ я къ нему теперь такъ стала хладнокровна,
Что мнѣ быть съ мужемъ, иль одной;
Нѣтъ, все равно, отрады никакой!

СУРГУЧЕВЪ.

Прошу покорно! какъ другъ другу надоѣли!
Давноль, я помню, онъ васъ нѣжилъ, цѣловалъ...

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*съ чувствомъ*).

Теперь все кончено!... Представьте: въ двѣ недѣли,
Ни разу онъ меня не приласкалъ!

СУРГУЧЕВЪ (*обнимая ее*).

Бѣдняжечка!... ну, ну, не унывайте...
Я побраню его!...

(*Изъ глубины слышенъ звонокъ*).

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*вздрогнувъ*).

Чу!... это онъ звонитъ...
Такъ до свиданія, прощайте...

СУРРУЧЕВЪ.

Куда-жъ?

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Нѣтъ, онъ меня разсердитъ, огорчитъ.
Извольте вы вдвоемъ съ нимъ объясняться,
А я уйду къ себѣ рѣшенья дожидаться. (*Уходитъ.*)

III.

СУРГУЧЕВЪ, потомъ **САРЖИНСКІЙ.**

СУРГУЧЕВЪ.

Постойте–же, друзья, вотъ я вамъ удружу!...
Чтобъ счастіемъ своимъ вы лучше дорожили,
И чтобъ какъ слѣдуетъ другъ друга оцѣнили,
Такъ я обоихъ васъ порядкомъ накажу!

САРЖИНСКІЙ (*позвонивъ еще, быстро входитъ*).

Ахъ, Богъ мой! никого я не могу дозваться!
(*Увидя дядю, спѣшитъ къ нему съ объятіями.*)
Любезный дядюшка!

СУРГУЧЕВЪ.

Здорово, братъ, Сергѣй!...

САРЖИНСКІЙ.

Благодарю!... а я въ тоскѣ моей,
Сію минуту началъ къ вамъ сбираться...

СУРГУЧЕВЪ.

Что у тебя съ женой?... Ну, говори скорѣй!

САРЖИНСКІЙ.

Нѣтъ! вы скажите: съ *кѣмъ* меня вы обвѣнчали?

СУРГУЧЕВЪ.

Какъ, съ кѣмъ? съ дѣвицею прекрасной, молодой,
Воспитанной....

САРЖИНСКІЙ.

Еще?

СУРГУЧЕВЪ.

За ней деревню дали...

САРЖИНСКІЙ.

Ну, далѣе?...

СУРГУЧЕВЪ.

И домъ на Моховой!
Чегожъ еще?

САРЖИНСКІЙ.

Такъ вы не все пересчитали!
Къ приданому за милою женой
Причтите главное, какъ дядя справедливый:
Я получилъ еще *капризовъ* милліонъ!
Характеръ — какъ у многихъ женъ —
Несносный, бѣшеный, строптивый!
Сто тысячъ *прихотей*, для счастья моего,
Мученій и *обидъ* по крайней мѣрѣ — двѣсти!
Сложите-же все это вмѣстѣ,
Такъ выйдетъ вѣрно: И того,
Жена моя совсѣмъ не стоитъ *ничего!*

СУРГУЧЕВЪ.

Помилуй, братецъ, что ты!

САРЖИНСКІЙ.

Да, дядюшка! отъ васъ грѣхъ правду утаить...
Не въ прокъ пошли мои и ваши всѣ расчеты:
Съ женой я не могу и дня въ ладу прожить!

СУРГУЧЕВЪ.

Неужто? что же вдругъ съ ней сдѣлалось такое?

САРЖИНСКІЙ.

Да то-же, что онѣ всѣ на одинъ покрой!
До свадьбы — существо прекрасное, простое,
Обворожитъ, не замутитъ водой;
А только сдѣлалась женой,
Глядишь: возлюбленному мужу
Весь женскій нравъ вотъ такъ и выставитъ наружу!
Да, дядюшка, жалка моя судьба!

СУРГУЧЕВЪ.

За чтожъ вы ссоритесь?

САРЖИНСКІЙ.

Да такъ... за вздоръ, бездѣлку:
Она подыметъ шумъ, затѣетъ перестрѣлку,
Я вспыхну, и пойдетъ такая ужъ пальба,
Что мы, въ пылу досады
Свободу рады дать и жестамъ и словамъ,
Потомъ, какъ ужъ истратимъ всѣ заряды,
И разойдемся по угламъ!

СУРГУЧЕВЪ.

И это каждый день?...

САРЖИНСКІЙ.

Какъ есть расположенье,
Такъ просто цѣлый день до вечера сраженье!

СУРГУЧЕВЪ.

И виновата все жена?

САРЖИНСКІЙ.

Конечно. Я смиренъ, уступчивъ, избѣгаю
Всѣхъ ссоръ; но какъ меня задѣнетъ ужъ она,
Я, разумѣется, какъ мужъ — не уступаю!
Вѣдь глупо-же, чтобъ я молчалъ?

СУРГУЧЕВЪ.

Конечно! (*Раздумывая.*) Да, мнѣ жаль, что я поторопился,
Повѣрилъ вашей я *любви*, и промахъ далъ!
Теперь досадно мнѣ, что ты на ней женился!
(*Обращаясь къ ея комнатѣ*).
Какая женщина!...

САРЖИНСКІЙ.

Не женщина — а звѣрь!

СУРГУЧЕВЪ (*также*).

Тиранить мужа такъ безбожно, сумасбродно!

(*Ему.*) Не знаю я... что дѣлать мнѣ теперь?..
Какъ наказать ее?

САРЖИНСКІЙ.

Да какъ ужъ вамъ угодно...
Я вамъ во всемъ охотно пособлю!

СУРГУЧЕВЪ.

Конечно. Ты вѣдь съ ней задаромъ жизнь погубишь...
Скажи-ка прямо мнѣ: ужъ ты жену не любишь?

САРЖИНСКІЙ (*нерѣшительно*).

Нѣтъ... грѣхъ сказать... къ несчастію — люблю!
Но только ужъ совсѣмъ не страстно!

СУРГУЧЕВЪ (*про себя*).

Онъ лжетъ! я очень радъ! Постой-же, мой дружокъ,
Я вамъ обоимъ дамъ такой урокъ,
Что нехотя заставлю жить согласно!
(*Ему.*) Такъ до свиданья, братъ! мнѣ надо хлопотать
И по своимъ дѣламъ; я черезъ часъ къ вамъ буду...

САРЖИНСКІЙ.

Но какъ-же быть съ женой?

СУРГУЧЕВЪ.

Я знаю, не забуду...
(*Про себя.*) Мнѣ надо ихъ въ расплохъ застать,
Чтобы отнять у нихъ всѣ средства къ оправданью.

(*Уходитъ.*)

IV.

САРЖИНСКІЙ, одинъ.

Почтенный дядюшка! вотъ ужъ родной вполнѣ!
Обязанный его уму, старанью,
Я вѣрно дамъ урокъ порядочный женѣ!
(*Оглядываясь во всѣ стороны, что-то напѣваетъ.*)
Чѣмъ я займусь теперь? я такъ привыкъ къ бездѣлью...

Не сѣсть–ли завтракать?.. да апетита нѣтъ ...
Постой! я какъ–то началъ акварелью
Писать съ жены моей портретъ.
Нельзя–ль его, отъ скуки, кончить?.. трудно будетъ!
Тутъ надобно терпѣніе имѣть ..
А ужъ ея никто на свѣтѣ не принудитъ,
Хоть полчаса спокойно посидѣть.
(*разбирая на столикѣ краски и рисунки*).
Но, все-таки ... попробую, нельзя-ли?..
(*Идетъ къ комнатѣ жены*).

V.

САРЖИНСКІЙ идетъ къ ней на встрѣчу. **ГЛАФИРА ЛЬВОВНА** также спѣшитъ, держа на рукахъ маленькую собачку, и почти сталкиваются другъ съ другомъ.

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*быстро отскочивъ отъ него*).

Ай!.. ай!.. а гдѣ–же онъ?..

САРЖИНСКІЙ.

Ушелъ. Давно-ль вы встали?

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

А вамъ на что?

САРЖИНСКІЙ.

Да такъ ... неужли грѣхъ узнать?

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Не грѣхъ ... да не къ чему вопросы задавать!
(*Помолчавъ*).
А вы, куда поспѣшно такъ бѣжали?

САРЖИНСКІЙ (*обидясь*).

А вамъ на что?

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Да такъ ... неужли грѣхъ спросить?

САРЖИНСКІЙ.

Не грѣхъ, да не къ чему!

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Но я бы знать желала!

САРЖИНСКІЙ.

Скажите *вы*, и я все стану говорить.

(*Помолчавъ*).

Вы дядю видѣли?..

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Я?.. вовсе не видала!

А развѣ онъ сегодня пріѣзжалъ?

(*Послѣ молчанія, она подходитъ къ нему, скрывая досаду*).

Ну! отвѣчайте-же!..

САРЖИНСКІЙ.

Не знаю! не видалъ!

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*отходя отъ него*).

Ужасный человѣкъ!

САРЖИНСКІЙ (*также*).

Капризное созданье!

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*также*).

Съ нимъ жить — мученье мнѣ!..

САРЖИНСКІЙ.

Съ ней жить мнѣ — наказанье!

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Онъ всѣ мечты мои, все счастье погубилъ!

САРЖИНСКІЙ.

Изъ-за нея, я свѣтъ и жизнь возненавидѣлъ!..

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*подходя къ нему и произнося съ досадою*).

Такъ знайте-жъ: дядя вашъ со мною говорилъ.

САРЖИНСКІЙ.

А!.. такъ и *я* сегодня дядю видѣлъ!

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Ну, чтожъ? и про меня напѣли, чай, всего?.

САРЖИНСКІЙ.

А вы-то, про меня?..

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Конечно, ничего!

САРЖИНСКІЙ.

Ну, ужъ я думаю, поотвели сердечко!..

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Такъ точно, какъ и вы?..

САРЖИНСКІЙ.

Я? право, ни словечка!

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*отходя отъ него*).

Злодѣй! въ немъ на волосъ нѣтъ правды никакой!

САРЖИНСКІЙ (*про себя*).

Не скажетъ ничего, хоть ты тутъ волкомъ вой!

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*также*).

Какой характеръ жалкій и несчастный!

САРЖИНСКІЙ (*также*).

Откуда привился ей нравъ такой ужасный!

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Въ немъ, нѣтъ ни совѣсти! ни чувства! ни стыда!

САРЖИНСКІЙ.

Она безчувственна была и есть всегда!

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Другой-бы мужъ пришелъ и приласкался,
Да былъ внимателенъ ко мнѣ ...

САРЖИНСКІЙ.

Съ другой-бы я женой, навѣрное, вполнѣ
Семейнымъ счастьемъ наслаждался!

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

А съ нимъ, нельзя!..

САРЖИНСКІЙ.

Съ ней — просто средства нѣтъ!

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Никакъ не сговоришь!

САРЖИНСКІЙ.

Ничѣмъ не урезонишь!

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Слезами, просьбами, ничѣмъ его не тронешь!

САРЖИНСКІЙ.

Вотъ, напримѣръ, теперь, чтобъ кончить мнѣ портретъ,
Какъ упросить ее присѣсть немножко?

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Не взглянетъ ласково! всегда почти сердитъ!..

САРЖИНСКІЙ.

Ужасный нравъ! знай, сердится, ворчитъ,
Или глядитъ себѣ въ окошко!..

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Другой-бы мужъ съ женой былъ радъ потолковать,
А этотъ грубъ и золъ и смотритъ забіякой!

САРЖИНСКІЙ.

Чѣмъ подойти-бы ей, меня поприласкать,

Такъ нѣтъ! изволитъ нѣжничать съ собакой!
(подходя къ ней съ неудовольствіемъ)
Глафира Львовна...

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Что-съ?..

САРЖИНСКІЙ.

Вотъ что-съ: я васъ прошу,
(*Показывая на собачку*).
Амишку уложить куда-нибудь, къ сторонкѣ ..
А то, не сдобровать ужъ этой собаченкѣ!
Когда-нибудь, ее я просто задушу!

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*вспыхнувъ*).

Что?! какъ?..

САРЖИНСКІЙ.

Да тамъ ужъ какъ случится ...
Но если подъ руку она мнѣ попадетъ,
Недолго наживетъ!

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Какъ! вы?.. вы можете рѣшиться?..

САРЖИНСКІЙ.

На все! и докажу вамъ, почему:
Я здѣсь глава! я мужъ! изъ тѣхъ мужей немногихъ,
Которые не любятъ страхъ въ дому
Компаній четвероногихъ!
Да! мнѣ досадно, больно, что жена
Съ звѣрками нянчится! и что вамъ за охота?
У васъ въ рукахъ должна
Быть книга дѣльная, иль женская работа,
А вы ... чѣмъ заняты теперь?
Что на рукахъ у васъ? смѣшной, противный звѣрь:
По цѣлымъ днямъ, онъ съ рукъ у васъ не сходитъ.
Я въ правѣ сдѣлать вамъ упрекъ ...

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

А мнѣ, мнѣ нравится противный мой звѣрокъ,
Зато-что онъ ... на васъ походитъ!

САРЖИНСКІЙ (*кланяясь*).

Благодарю за комплиментъ ...

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Да! да! и я
Вамъ также *докажу*, супругъ мой безподобный,
«Что нынче, *многіе* мужья
Такъ сдѣлались во всемъ звѣроподобны,
Такъ женъ своихъ кусаютъ, и ѣдятъ,
Что я теперь, уже невѣря
Ни счастью, ни любви, скорѣе нѣжный взглядъ
Съ любовью обращу на маленькаго звѣря,
Чѣмъ на такого страшнаго, какъ вы!

САРЖИНСКІЙ.

А! такъ я звѣрь? ...

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*перебивая*).

Да! звѣрь отъ ногъ до головы!
Я, вышедши за васъ, въ душѣ невольно каюсь!

САРЖИНСКІЙ.

И вы торжественно готовы увѣрять,
Что я, какъ звѣрь, кусаюсь?...

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Да только этого теперь и надо ждать!
Я вмѣстѣ съ вами быть, серьозно опасаюсь ...
(*хочетъ уйти*).

САРЖИНСКІЙ (*загораживая ей дорогу*).

Нѣтъ! Нѣтъ! останьтеся! прошу въ послѣдній разъ!

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*удивленная*).

Въ послѣдній разъ? ...

САРЖИНСКІЙ.

Да! очень можетъ статься ...
А потому могу увѣрить васъ,
Что нечего совсѣмъ меня бояться.

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА *(про себя)*.

Онъ проситъ! ... присмирѣлъ ... вотъ это чудеса!

САРЖИНСКІЙ.

Какъ строго вы меня и дурно ни судите,
Но я, какъ добрый мужъ, прошу васъ, посидите
Неболѣе, какъ только полчаса ..
Вы согласитесь? я увѣренъ ...

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Зачѣмъ? мнѣ время нѣтъ ...

САРЖИНСКІЙ.

Три мѣсяца назадъ, я началъ вашъ портретъ,
А нынче кончить я намѣренъ ...
(ставя кресло, какъ ему нужно)

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА *(про себя)*.

А! значитъ, дядюшка его ужъ побранилъ,
И онъ теперь хлопочетъ помириться ..
(Усаживаясь въ кресло).
(Ему.) На что-жъ вамъ мой портретъ? и стоитъ-ли трудиться?

САРЖИНСКІЙ *(садится противъ жены, готовясь съ нея рисовать)*.

Да дядюшка объ немъ меня просилъ ...
Онъ видѣлъ, и ... весьма доволенъ былъ началомъ.

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Такъ вы, не для себя, мой пишете портретъ?

САРЖИНСКІЙ.

О! вовсе нѣтъ!
(Указывая на нее, говоритъ съ ироніей).
Я ужъ доволенъ, страхъ, живымъ оригиналомъ!

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА *(съ досадою)*.

Благодарю за комплиментъ !..

САРЖИНСКІЙ.

Какой?
Пожалуйста, немножко отвернитесь,
И лѣвою рукой
На ручку креселъ, такъ ... облокотитесь ...
(*показываетъ ей позу*).

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*также*).

Извольте-съ !.. я отъ васъ
Душевно рада отвернуться!
(*Совсѣмъ поворачивается на кресль*).

САРЖИНСКІЙ

О! этакъ, я совсѣмъ не вижу вашихъ глазъ,
Притомъ-же, вы должны мнѣ нѣжно улыбнуться.

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*оборачиваясь прямо къ нему лицомъ*).

О, Боже мой! на васъ не угодишь никакъ!
Такъ что-ли?..

САРЖИСНКІЙ.

Нѣтъ! совсѣмъ не такъ!
Мнѣ надобно, чтобъ вы, вотъ этакъ сѣли ...
(*Снова показываетъ ей позу*).

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Послушайте! вы мнѣ ужасно надоѣли!
(*Садится нехотя такъ, какъ мужъ показываетъ*).

САРЖИНСКІЙ.

Я знаю, чувствую ... сидите-же, начнемъ ... (*Рисуетъ*)

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Да! да! вы, кажется, во всемъ
Готовы замѣчать *мои ошибки?*
А сами ...

САРЖИНСКІЙ (*перебивая*).

Прежде *васъ* распишемъ, разберемъ,

А тамъ ... (*смотря на нее*). Ну, чтожъ? я жду отъ васъ улыбки.
Ну, улыбнитесь же...

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Но какъ? ...

САРЖИНСКІЙ.

Ужъ я схвачу ...
(*Пристально въ нее всматривается*).
Хоть какъ-нибудь ...

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Нѣтъ! вы прождете больше часа ...
Я, съ принужденной быть улыбкой нехочу!
Тогда, что̀ выйдетъ?...

САРЖИНСКІЙ.

Да, ужасная гримаса!
Но, впрочемъ, мы художники, мужья,
Гримасы женскія, *какъ общую страстишку*,
Умѣемъ сглаживать ... (*видя, что она цѣлуетъ собачку*),
Послушайте! вѣдь я
Рисую *васъ*, а вовсе не Амишку!
Я васъ прошу, пустите съ рукъ ее!

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Нѣтъ! ни за что! она сокровище мое!

САРЖИНСКІЙ (*съ сердцемъ*).

Послушайте-жъ, однако ...
Мнѣ ваша прихоть страхъ смѣшна!
Для васъ сокровище она,
А для меня она нѐ больше, какъ собака!
И ежели я васъ прошу
На полчаса оставить прихоть эту,
Такъ слушайте-жъ, вѣдь я портретъ не допишу!

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*вскочивъ съ кресель*).

А! послѣ этого, не быть конца портрету!
(*Подходитъ къ піанино*).

САРЖИНСКІЙ (*вскочивъ*).

Глафира Львовна !..

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Нѣтъ! довольно рисовать!
Зачѣмъ мнѣ мучить васъ, художника, артиста?..

САРЖИНСКІЙ.

Жена!! ...

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*взявъ тетрадь нотъ*).

Вотъ, кстати, мнѣ прислали *Нувелиста!*
(*открывъ ноты*).
Шульгофа вальсъ! ... нельзя-ли разыграть?
(*Садится и играетъ громко*). (*Амишка у нея на кольняхъ*).
Амиша! слушай же ... (*мужу*) а вы тамъ, что́ угодно,
Рисуйте, хоть съ себя портретъ!

САРЖИНСКІЙ (*съ крикомъ*).

Ужъ это черезъ чуръ! съ ней ладить средства нѣтъ!
Ведетъ-ли кто себя такъ глупо, сумазбродно ?
Какъ мужъ ни дѣлай, ни проси,
Никакъ не слушаетъ!..

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*продолжая играть*).

Да, я и не желаю
Васъ слушать. васъ? нѣтъ! Боже упаси!
Меня послушайте ·.. что? чисто я играю?

САРЖИНСКІЙ (*разхаживая по комнатѣ*).

Нѣтъ! нѣтъ! не чисто, такъ что ... совѣстно сказать!
Въ акккордахъ-фальшъ! ни вкуса нѣтъ! ни чувства!

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Однакожъ, мой талантъ, все лучше показать ...
Чѣмъ краскотёрное искусство!

САРЖИНСКІЙ.

Ну, ужъ не думаю !.. у васъ таланты есть,
Но только-что не въ музыкальномъ родѣ ...

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Въ какомъ-же? ...

САРЖИНСКІЙ.

О! я радъ ихъ перечесть!
У женъ, особенно, свои таланты въ модѣ:
Тиранить мужа, умничать всегда,
Капризамъ, прихотямъ, незнать границъ и мѣры,
Неуважать мужей законныхъ никогда,
Дурные подавать примѣры,
Всегда почти изъ пустяковъ
Затѣять съ мужемъ споръ, бѣсить его стараться,
Неуважать прямыхъ, правдивыхъ словъ,
Надъ чистой, преданной любовію смѣяться,
И наконецъ, забывъ свой долгъ святой,
Вдругъ сдѣлаться обманщицей примѣрной!
Вотъ перечень, довольно вѣрный,
Талантовъ истинныхъ супруги молодой!

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*продолжая громче*)

Ха! ха! ха! ха! прекрасно ... продолжайте ...
У насъ теперь ... идетъ комическій дуэтъ.

САРЖИНСКІЙ.

Да, смѣйтесь надо-мной! играйте!
Укоры совѣсти насильно заглушайте . .
Я внѣ себя! терпѣнья больше нѣтъ!..
Во мнѣ всѣ признаки отчаянной болѣзни!..
(*Схвативъ у нея съ колѣнъ Амишку*).
Проклятый звѣрь! хоть ты отсюдова изчезни!!..
(*бросаетъ ее за дверь*).

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*вскочивъ въ испугѣ*).

Чудовище! что дѣлаете вы!!..

САРЖИНСКІЙ (*не пуская ея въ комнату*).

А то, чтобы въ бесѣдѣ нашей шумной
Здѣсь небыло хоть *третьей* головы,
Подобно намъ безумной!

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*вспыльчиво*).

О! послѣ этого, позвольте жъ описать,
Какіе и у васъ, мужей, таланты въ модѣ:
Вы созданы на то, чтобъ вѣчно насъ терзать,
Вы эгоисты по природѣ!
Безчувственность, презрѣніе къ женѣ
Вы показать умѣете свободно!
Вы ей читаете мораль наединѣ,
Межъ тѣмъ, проказите, когда и гдѣ угодно!
Не чувствуя любви, не зная угодить,
Вы властолюбію не знаете границы!
Считая глупыми, хотите насъ учить,
Тогда какъ вдвое васъ умнѣе ученицы!
Взыскательность и гордость, вотъ вашъ умъ!
Вы жаждете имѣть надъ нами превосходство:
Изъ этого всегда и споръ, и брань, и шумъ,
Нападки, варварство, и вѣчное деспотство!
Цѣль вашей жизни всей
Тиранить, мучить насъ подъ властію безмѣрной,
Вотъ, вотъ, вамъ перечень талантовъ у мужей,
И, кажется, довольно вѣрный!

(*Въ среднія двери, видѣнъ Осипъ Ѳедорычъ*).

САРЖИНСКІЙ.

Такъ значитъ, наша жизнь на вѣкъ отравлена?

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*въ отчаяніи*).

О! для чего я замужъ выходила?

САРЖИНСКІЙ (*также*).

Зачѣмъ женился я?...

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Всю жизнь я погубила!
(*Ему*). Нѣтъ, вы не мужъ ...

САРЖИНСКІЙ.

Вы мнѣ отнынѣ не жена!
(*Ей*). Я васъ ужъ не люблю!...

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

А я васъ не любила!

(*Дверь съ шумомъ растворяется*).

VI.

ТѢЖЕ и СУРГУЧЕВЪ, притворяясь очень строгимъ.

СУРГУЧЕВЪ.

А! наконецъ, я *все* прослушалъ! все узналъ!

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА. (*сконфуженная*).

Какъ! Осипъ Ѳедорычъ?...

САРЖИНСКІЙ.

Такъ вамъ ужъ все извѣстно?

СУРГУЧЕВЪ.

Да! слушая, *себя* во всемъ я обвинялъ!
Я съ вами поступилъ и глупо и нечестно!
Но дѣлать нечего ... по крайней мѣрѣ, я
Поправить зло обязанъ постараться ...

МУЖЪ И ЖЕНА (*вмѣстѣ*).

Но какъ–же? .

СУРГУЧЕВЪ

Средство есть, несчастные друзья!

ОБА.

Какое-жъ? ..

СУРГУЧЕВЪ.

Вы должны на цѣлый вѣкъ разстаться!

ОБА (*съ удивленіемъ*).

Разстаться?!...

СУРГУЧЕВЪ.

Да! сейчасъ!

Чѣмъ вѣчно мнѣ, сѣдому сумаброду,
Терзаться совѣстью, смотря на бѣдныхъ васъ,
Такъ лучше дать вамъ полную свободу!
Чтобъ вы *нашли* и счастье и покой,
Чтобъ недостатковъ и пороковъ
Вы не видали за собой,
Чтобъ не слыхали вѣкъ, ни совѣсти упрековъ,
Ни злыхъ обидъ ... да! да! чтобъ счастіе вкусить
(Хотя путемъ не очень благовиднымъ),
Но все-таки вамъ лучше *розно жить*,
И наслаждаяся свободою завидной.
Я средства вамъ даю другъ друга позабыть!
А чтобъ раздоръ у васъ не повторился,
Чтобъ этихъ сценъ я больше не видалъ,
Отъѣздомъ вашимъ я сейчасъ распорядился,
За подорожными, за лошадьми послалъ.
Домашнему раздору, какъ пожару,
Лишь волю дай, бѣда; мы зло предупредимъ!
Сбирайтесь въ путь ...

ОБА.

Куда-жъ?...

СУРГУЧЕВЪ (*ей*).

Вы къ матушкѣ въ Самару,
(*Ему*). А мы съ тобой въ Архангельскъ полетимъ!

САРЖИНСКІЙ (*въ испугѣ*).

Да какъ же вдругъ собраться?...

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*растерявшись*).

Мы не можемъ ...
Такъ неожиданно разстаться и притомъ ...

САРЖИНСКІЙ.

Да! да! мы скоро такъ, что̀ нужно, не уложимъ...

СУРГУЧЕВЪ.

Да я ужъ поднялъ на ноги весь домъ!

Сбирайте только то, что именно *вамъ* нужно,
А прочее все сдѣлано безъ васъ!
Ну! ну, скорѣй!...

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*растерявшись*).

Къ чемужъ такъ торопиться ?

САРЖИНСКІЙ.

Тѣмъ болѣе, что споръ ничтожный былъ у насъ ...

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Конечно! мы могли легко и помириться ..

СУРГУЧЕВЪ.

Нѣтъ! нѣтъ, мои друзья!
Я понялъ васъ, и вы меня не проведете!
Когдажъ разъѣдетесь навѣкъ, увѣренъ я,
Вы счастье полное найдете!

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*въ сильной тревогѣ*).

Ахъ, Осипъ Ѳедорычъ! да какъ же я *одна*,
Безъ провожатаго, отправиться должна?
Я сдѣлаюсь отъ страха нездорова...

СУРГУЧЕВЪ.

Пустое! страшно лишь сначала, сгоряча,
Но провожатый есть, нашелъ я отставнова,
Такого, знаешь, усача,
Что онъ тебя свезетъ пребезподобно!
(*идетъ смотрѣть въ окно*).
Сбирайся же, скорѣй!...

ГЛЯФИРА ЛЬВОВНА (*въ ужасѣ*).

Какъ? мнѣ? съ такимъ лицомъ?...

САРЖИНСКІЙ.

Какъ! дядюшка! женѣ съ какимъ–то усачемъ
Въ каретѣ вмѣстѣ быть? нѣтъ! это неудобно!...

СУРГУЧЕВЪ.

Да что тебѣ за дѣло до жены?
Вы разъѣзжаетесь, вы въ ссорѣ ...

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Безъ сомнѣнья ..
Но, все таки, въ отъѣздъ собраться мы должны,
Какъ слѣдуетъ ...

САРЖИНСКІЙ.

Да! да! и сдѣлать порученья
По дому, по дѣламъ ...

СУРГУЧЕВЪ.

Я, здѣшній старожилъ;
Друзьямъ моимъ, вашъ домъ, людей препоручилъ,
И многое въ дому назначилъ для продажи,
Предвидя вашъ раздоръ, все кончилъ, все рѣшилъ;
Сбирайтесь! (*опять идетъ къ окну*),
Видите? готовятъ экипажи ...

ОБА (*бѣгутъ къ окну*).

Гдѣ? гдѣ?... да! точно такъ ...
(*Смотрятъ съ сожалѣніемъ другъ на друга и жмутъ крѣпко руки*).

СУРГУЧЕВЪ.

Теперь, объ мелочахъ, друзья мои, потужимъ ...
Что̀ взять?... (*садится къ столу и пишетъ*).

САРЖИНСКІЙ (*про себя*).

Зачѣмъ съ женой я ссорился, дуракъ?

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*также*).

Какъ я глупа! за чѣмъ я ссорилася съ мужемъ!

САРЖИНСКІЙ (*съ участіемъ жены*).

Мой другъ! сберите *все*, что̀ нужно вамъ ..

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*также ему*).

И вы, мой другъ, себѣ, что нужно, все возьмите...

САРЖИНСКІЙ.

Позвольте, я объ васъ ужъ позабочусь самъ!

(*Бѣжитъ въ ея комнаты*).

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*ему*).

И я вамъ все сберу, ужъ вы не хлопочите!...

(*Убѣгаетъ въ его кабинетъ*).

VII.

СУРГУЧЕВЪ (*одинъ, смѣется изподтишка*).

Ха? ха! ха! ха!... вотъ я васъ проучу!..
Чтобъ вы впередъ такъ глупо не дурили,
И чтобъ всегда согласно жили,
Порядкомъ васъ помучить я хочу!

(*Кричитъ*).

Ну, что-жъ вы? гдѣ вы тамъ пропали?
Сбирайтесь-же!...

VIII.

САРЖИНСКІЙ, съ картонами и женскими нарядами.
ГЛАФИРА ЛЬВОВНА, съ мужнинымъ платьемъ.

САРЖИНСКІЙ (*внося*).

Сей-часъ! (*женѣ*) вотъ ваши *шляпки, шали,*
Въ дорогѣ нужно вамъ ..

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Ахъ, милый другъ, на что?

(*показывая ему и укладывая*)

Вотъ, ваши *сюртуки,* и *фраки,* и *пальто*...

САРЖИНСКІЙ (*цѣлуя нѣжно руку жены*).

Благодарю, моя безцѣннѣйшая Глаша!

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*нѣжно*).

За чтожъ? жена должна объ мужѣ хлопотать.
Ахъ! тамъ еще бѣлье и шляпа ваша...

САРЖИНСКІЙ

(забывшись, бѣжитъ въ переднюю).

И я бѣгу, твои наряды всѣ собрать ... *(убѣгаетъ).*

СУРГУЧЕВЪ.

Ха, ха! ха! ха! *(кричитъ).* Эй! люди! убирайте!
(Двое слугъ входятъ и, по приказу, уносятъ вещи въ среднія двери).
Укладывайте все скорѣе въ экипажъ!

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА *(встрѣчая мужа, несетъ черезъ силу изъ передней его шубу).*

Мой другъ! вотъ шуба вамъ . . скорѣе надѣвайте ...
(Старается ему надѣть сама).

САРЖИНСКІЙ *(въ одно время выходитъ съ огромною картоной).*

Душа моя! тутъ гардеробъ весь вашъ ...

СУРГУЧЕВЪ.

Пожалуйста, чтобъ не было излишку!
Что не уложится — намъ послѣ перешлютъ ...

САРЖИНСКІЙ *(женѣ).*

Ахъ, ангелъ мой! я вамъ забылъ принесть Амишку!
(Бѣжитъ опять).

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

А шляпа гдѣ? бѣлье?... пускай же все возьметъ *(также убѣгаетъ въ кабинетъ).*

СУРГУЧЕВЪ *(про себя).*

Ага! забѣгали!... постой! я васъ доѣду!
Я вамъ задамъ такой урокъ,
Что чудо!...

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА *(входя съ узломъ).*

Вотъ, мой другъ!... а чтожъ намъ взять къ обѣду?

САРЖИНСКІЙ *(неся собачку).*

Вотъ вамъ, любимый вашъ звѣрокъ!...

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Ненужно! за него вы такъ меня бранили...
Теперь, я вами занята;
Боюсь, чтобъ вы чего не позабыли ...

САРЖИНСКІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ ... мнѣ съ дѣтства все твердили:
«Блаженъ и тотъ, кто милуетъ скота.»

СУРГУЧЕВЪ.

Что вы хлопочете? вѣдь есть на это слуги!
Сберутъ, уложатъ все безъ васъ!

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Нѣтъ! тутъ нужнѣй мой глазъ, какъ преданной супруги,
(*мужу*)
Не правдаль?... (*убѣгаетъ снова*)

САРЖИНСКІЙ.

Да! слуга напутаетъ сей-часъ!
Что нужно для жены, мой лучше видитъ глазъ!
(*Дядь съ чувствомъ.*)
Любезный дядюшка! такъ намъ грозитъ разлука?

СУРГУЧЕВЪ (*строго*).

Да! *вѣчная*!!!

САРЖИНСКІЙ.

Мой Богъ, какой-же я глупецъ!
Съ красавицей женой!... увы!... всему конецъ!
Впередъ наука! (*убѣгаетъ*)

СУРГУЧЕВЪ.

Бѣдняга! у него ужъ мокрый лобъ ...
Измучились они отъ бѣготни и ноши ...

САРЖИНСКІЙ (*идя къ женѣ съ ботинками и салопомъ*).

Дружочикъ мой! вотъ теплый вашъ салопъ ...
(*Надѣвая на нее*).

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Мой другъ! вотъ, ваши теплыя калоши .. (*подаетъ ему*).

СУРГУЧЕВЪ (*строго*).

Ну, все ль у васъ? (*кричитъ въ окно*). Эй! гдѣ тотъ человѣкъ,
Что ѣдетъ съ барыней? (*зоветъ его рукой, потомъ обращается къ племяннику*).
Ну! скоро ль мы сберемся? (*уходитъ въ переднюю*).

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*сквозь слезы мужу*).

И такъ, мой другъ, мы съ вами разстаемся?

САРЖИНСКІЙ (*едва удерживая слезы*).

Да! дядюшка сказалъ: навѣкъ!!..

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*вскрикнувъ*).

На вѣкъ?! о, Боже мой! и въ этомъ я виновна!!..

САРЖИНСКІЙ (*съ чувствомъ*).

Нѣтъ: надобно признаться наконецъ.
Я виноватъ! не вы, Глафира Львовна!
Я велъ себя, какъ истинный глупецъ!

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*рыдая*).

Нѣтъ, виноватъ мой нравъ тяжелый ... непокорный ...

САРЖИНСКІЙ (*также*).

Нѣтъ, нравъ вашъ... ангельскій! . а мой характеръ вздорный...
(*Падая предъ нею на колѣна*).
Позвольте теплыя ботинки вамъ надѣть?..

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*садится и говоритъ съ чувствомъ*).

Благодарю, мой *Сержъ!*... ахъ! есть ли мужъ добрѣе?..
Безъ васъ ... мой другъ... мнѣ лучше умереть!...

САРЖИНСКІЙ (*произноситъ съ энергіей*).

Ахъ! въ мірѣ нѣтъ жены—и лучше и милѣе!
(*утирая себя платкомъ*)
Меня то въ жаръ бросаетъ, то въ ознобъ!...

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*закутывая мужу*).

Не простудитеся ...

САРЖИНСКІЙ (*отчаянно*).

Себя я не жалѣю!! (*ей нѣжно*).
Позвольте, душенька, вамъ застегнуть салопъ ...

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*также*).

Пожалуйста, закутай шею ... (*Лаская его*).
Ахъ, Богъ мой! у тебя вся голова мокра!...
Жалѣй себя ... авось, быть можетъ ...

САРЖИНСКІЙ.

О, ангелъ мой! какъ ты добра!...

IX.

ТѢЖЕ и **СУРГУЧЕВЪ** въ пальто и фуражкѣ.

СУРГУЧЕВЪ.

Ну, все готово! намъ пора!
(*Саржинскіе оба вздрагиваютъ невольно*)

САРЖИНСКІЙ и **ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.**

Пора?!.

СУРГУЧЕВЪ (*ей*).

Твой компаньонъ сейчасъ тебѣ доложитъ;
Съ нимъ можешь ѣхать ты, нисколько не боясь ...

САРЖИНСКІЙ и **ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.**

Ахъ! дядюшка!..

СУРГУЧЕВЪ.

Я, зналъ что разомъ все уладимъ!...
Теперь, по русскому обычаю, *присядемъ*.
А тамъ, и въ путь, благословясь!..
(*Всѣ трое безмолвно садятся почти рядомъ и долго остаются въ одномъ положеніи. Молчаніе. Потомъ Глафира Львовна и Саржинскій смотря другъ на друга, начинаютъ громко плакать*).

СУРГУЧЕВЪ (*увидя въ среднихъ дверяхъ одѣтаго по дорожному высокаго инвалида съ огромными усами*). А! ужъ готово все! извольте же прощаться!

САРЖИНСКІЙ (*въ отчаяніи бросаясь къ женѣ*).

Глафира!..

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*также обнимая мужа*).

Сержъ!...

САРЖИНСКІЙ.

Мой ангелъ!...

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Другъ ты мой!... (*оба рыдаютъ громко*).

САРЖИНСКІЙ (*торжественнымъ голосомъ*).

Нѣтъ, дядюшка! я не могу разстаться
Съ такой примѣрною женой!

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Я также мужа не оставлю!
И не поѣду съ этимъ страшнымъ усачемъ (*показывая на инвалида*).

СУРГУЧЕВЪ (*съ угрозою*).

Нѣтъ! вы разстанетесь! я силой васъ заставлю!

САРЖИНСКІЙ.

Нѣтъ, дядюшка! въ разлукѣ мы умремъ!
За чтожъ себя мы въ цвѣтѣ лѣтъ погубимъ?

СУРГУЧЕВЪ.

Но вы не любите другъ-друга!...

ОБА (*съ увлеченіемъ*).

Право, любимъ!

СУРГУЧЕВЪ.

У васъ всегда и брань и вздоръ ...
(*Ему*). Ты—дѣйствуешь на зло Глафирѣ,
(*Ей*). А ты ему на зло ...

САРЖИНСКІЙ.

Нѣтъ! нѣтъ! ужъ съ этихъ поръ ..

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*перебивая мужа*).

Мы будемъ жить спокойно, въ мирѣ ...

САРЖИНСКІЙ (*цѣлуя руки жены*).

Другъ-друга будемъ уважать ...

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА.

Мы будемъ всячески другъ-другу угождать ...

САРЖИНСКІЙ.

И это вѣрно такъ, какъ дважды два—четыре!

СУРГУЧЕВЪ (*притворно расчувствовавшись*).

Меня ... растрогали вы ... нѣжностью своей!...
А яжъ, вы знаете ... родился не медвѣдемъ ... (*утирая глаза платкомъ*).

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*бѣжитъ къ окну икричитъ.*

Онъ тронулся! скорѣй
Откладывайте лошадей!..

САРЖИНСКІЙ (*инвалиду*).

Любезный другъ! изчезни! мы не ѣдемъ!! (*усачъ молча запираетъ дверь*).

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*дядѣ съ чувствомъ*).

Вы истинный родной!

САРЖИНСКІЙ (*также*).

Я васъ не понималъ!
Теперь готовъ, при всѣхъ, я вамъ сказать, какъ другу:
Вы оказали намъ не малую услугу!

СУРГУЧЕВЪ.

Душевно радъ, что трудъ мой непропалъ! (*Всѣ обнимаются*).

ГЛАФИРА ЛЬВОВНА (*мужу*).

Теперь мы ссориться небудемъ межъ собою?..

САРЖИНСКІЙ.

Нѣтъ! драму я съ тобой въ послѣдній разъ съигралъ!

СУРГУЧЕВЪ.

Дай Богъ, чтобъ каждый мужъ съ женою,
Начавши драмою—комедіей кончалъ!

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ,

ВЪ МАГАЗИНѢ В. ДЕНОТКИНА,

КОММИССІОНЕРА ДВОРА Е. И. ВЕЛ. КН. МАРІИ НИКОЛАЕВНЫ.

на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Демидова.

ЦѢНЫ НА СЕРЕБРО.

ДЛЯ ФОРТЕПІАНО.

PUGNI, C. La Najade et le pecheur, Ballet arrangé pour le Piano complet 10 rbl.
—— La jolie fille de Gand Quadrille № 1, 75 cop.
—— — — — — № 2, 75 cop.
—— Talon-Mazurka, 75 cop.
—— Les Bohemiens d'Isler Quadrille, 75 cop.
—— La Tyrolienne di Brenta, 75 c.
TITOFF, N. Frühlings-Sträuschen. Valse, 85 cop.
—— Vaterlands-Klänge. Valse, 85 cop.
VITELARO, N. Tout à Vous. Polka, 40 cop.
GUNG'L, JOH. Sophie-Quadrille, 75 cop.
—— Najaden-Polka, 75 cop.
—— Najaden-Quadrille, 75 cop.
PHILIPFOFF. Еще шикъ-Полька, 40 cop.
UUTSCH, O. Tarantella neapolitana 85 cop.
—— Fuilles d'Album № 1, 60 cop.
(Chant de Nereides)
—— Lieder ohne Worte № 2, 40 cop.
—— — — — № 4, 60 cop.
—— — — — № 6, 40 cop.
—— Deux Romances pour Piano et Violon, 1 rbl.
—— Trois pièces melodiques, № 1, 50 cop.
—— Dascha-Polka, 50 cop.
—— Sophie-Polka, 58 cop.
—— La Dame de Pique-Quadrille, 75 cop.
—— Zigeunerliedes-Walzer, 1 rbl.
(Вальсъ изъ Цыганской пѣсни)
—— Zigeuner-Polka, 50 cop.
(Полька изъ Цыганской пѣсни)
—— Le Val d'Andorre Quadrille, 60 cop.
изъ оперы: Андорская долина (музыка Галеви)

—— Vèra-Polka, 50 cop.
—— Domino-Polka, 50 cop.
—— Galop fantastique, 75 cop.
—— Cato Polka-Mazurka, 50 cop.
—— Marie-Polka, 50 cop.
—— Alexandre Polka Schottisch, 40 cop.
—— Mazurka (Un diner entre vous), 40 cop.
—— Pepiku-Polka (executé par les Neruda), 40 cop.
—— Alexander-Marsch, 60 cop.
LIADOFF, C. Веръ-Веръ. Valse, 60 c.
—— — — Quadrille, 60 cop
—— — — Polka, 40 cop.
—— Ensemble, 1 rbl.
—— Le 17 Mars; Quadrille pour Piano à 4 mains, 1 rbl. 20 cop.
—— Souvenir d'Apollinaire de Kontsky. Mazurka, 50 cop.
LIADOFF, M. Palmyra-Annato-Quadrille 1 rbl
LIADOFF, A. Najaden-Polka-Mazurka, 40 cop.
KRAEMER. Антипка балалайка. Кадриль, 60 cop.
—— Ванька Танька, любимая полька, 50 cop.
JOSSE. Mila-Polka, 50 cop.
—— La dame aux trois couleurs. Polka, 50 cop.
—— Pompanette Polka 50 cop.
—— Frisette-Polka, 50 cop.
SOLTIKOFF, Prince. Trot, 50 cop.
BOUTOURLIN, F. Palmyre-Mazurka, 40 cop.
YOUSSOUPOFF, N. Prince. Polka: Adieux à Moscou, 40 cop.
IOLIVER, E. Césarine-Mazurka, 40 cop.
—— Angèle-Polka, 40 cop.
THOMSON. Sylvester-Polka, 40 cop.
RAMAZANOFF. Alexandrine-Polka, 40 cop.
—— Sophie-Polka, 40 cop.

ЦЫГАНСКІЯ ПѢСНИ АРРАНЖИРОВАННЫЯ О. ДЮТШЕМЪ.

Лѣтъ пятнадцати, 30 коп.
Крамбамбули, 30 коп.
Матушка голубушка, 30 коп.
Тебя-ль забыть, 30 коп.
По садичку, 40 коп.
Дружбы нѣжное волненье, 30 коп.
Пошелъ козелъ въ огородъ, 30 коп.
Ты поди моя коровушка, 40 коп.
Ѣхали ребята, 30 коп.
Уланы; мазурка, 30 коп.
Садомъ садомъ, 38 коп.
Отойди, 60 коп.
Слышишь ли сердечный другъ, 40 коп.
Ванька Танька, 80 коп.
Хорошо было смотрѣть, 40 коп.
И нѣтъ въ мірѣ очей, 40 коп.

10756
...Театральная ...НА ...НАЧАРСКОГО